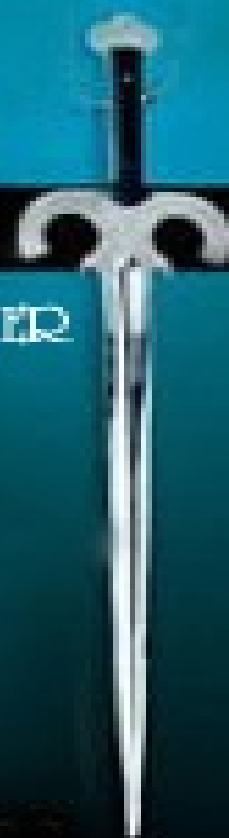

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ЛЮБОВНИК

Братство Черного Кинжала, книга V

[VKONTAKTE.RU/CLUB14757241](https://vk.com/club14757241) - OUTRACKER

Дж. Р.
УОРД

Дж. Р. Уорд (J R Ward), она же Джессика Бёрд (Jessica Rowley Pell Bird)
«Освобожденный любовник»
(*Братство Черного Кинжала*, книга 5)

Великолепный и безжалостный Вишес, сын Бладлеттера, обладает разрушительным проклятием и пугающей способностью видеть будущее. Выросший в военном лагере своего отца, он подвергался пыткам и жестокому обращению. Являясь членом Братства, он не заинтересован в любви или эмоциях, кроме битв с Обществом Лессеров. Но когда смертельная травма оставляет его на попечении человеческого хирурга, доктор Джейн Уайткомб заставляет его раскрыть свою внутреннюю боль и впервые испытать истинное удовольствие , пока судьба, которую он не выбирал не приведет его к будущему рядом с ней.

Перевод: РыжаяАня, Наома.
При участии: WANDERER, Долгая Катя, Kassy658
Редактура: Tor_watt, Milochka, Энтентеева Нина, Alina
FB2: alex_p

- [Дж. Р. Уорд](#)
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Эпилог](#)
- [Глоссарий терминов и имен собственных](#)
- [Отрывок из Insider's Guide](#)
- [Персональный опросник](#)
- [Дж. Р.Уорд об «Освобожденном любовнике»](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)

- [155](#)
 - [156](#)
 - [157](#)
 - [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
-

Дж. Р. Уорд

«Освобожденный любовник»

Посвящается тебе.

Я неправильно поняла тебя с самого начала и приношу свои извинения.

Это так на тебя похоже: ты вмешался и спас не только его, но и меня в этом стремлении.

Огромная благодарность всем читателям «Братства Черного Кинжала», а также поклонникам с форума.

Большое спасибо: Карен Солем, Кейре Сезаре, Клэр Зион, Кэйре Уэлш.

Спасибо вам, Дорин и Энжи, за то, что позаботились обо мне — и спасибо S-Byte и Venture за то, что сделали по доброте душевной.

Как всегда, спасибо моему исполнительному комитету: Сью Графтон, доктору Джессике Андерсон, Бэтси Воган и моему Партнеру. И спасибо несравненной Сюзанне Брокманн.

DLB — знаешь что? Твоя мамочка любит тебя.

NTM — как всегда, с любовью и уважением. Хотя ты и так знаешь.

И должна сказать, что ничего бы не получилось без: моего любимого мужа, который всегда был рядом, моей замечательной мамы, которая была со мной с... хм, да, с самого начала; моей семьи (по крови и по выбору); и дорогих друзей.

Пролог

*Гринвичская дневная школа
Гринвич, штат Коннектикут
Двадцать лет назад*

— Просто возьми его, Джейн.

Джейн Уиткоум схватила рюкзак.

— Но ведь ты придешь, да?

— Я же сказала тебе сегодня утром. Да.

— Хорошо. — Джейн смотрела, как ее подруга удаляется прочь по тротуару, пока не просигналил гудок. Поправив куртку, она расправила плечи и повернулась к Мерседесу. Ее мать смотрела из водительского окна, с нахмуренными бровями. Нахмутив брови, ее мать смотрела из водительского окна.

Джейн перебежала улицу, беспокоясь о том, что спортивный рюкзак с контрабандой создавал слишком много шума. Она запрыгнула на заднее сиденье, и спрятала его у ног. Автомобиль тронулся с места прежде, чем она закрыла дверь.

— Твой отец возвращается домой сегодня вечером.

— Что? — Джейн поправила очки выше на нос. — Когда?

— Сегодня вечером. Так что боюсь...

— Нет! Ты же обещала!

Ее мать оглянулась через плечо.

— Прошу прощения, юная леди?

Джейн взорвалась.

— Ты обещала мне на тринадцатилетие. Кэти и Люси собирались...

— Я уже позвонила их мамам.

Джейн откинулась на сиденье.

Ее мать посмотрела в зеркало заднего вида.

— Убери это выражение со своего лица, спасибо. Ты считаешь себя важнее своего отца? Разве нет?

— Конечно же, нет. Он — Бог.

Мерседес, накренившись, свернул на обочину, и завизжали тормоза. Ее мать резко обернулась, подняла руку и замерла в такой позе, ее рука дрожала.

Джейн отпрянула назад в ужасе.

Через мгновение мать обуздала свой гнев и отвернулась, поправляя идеально гладкие волосы уверенной, как бурлящая вода, рукой.

— Ты... ты не присоединишься к нам сегодня за ужином. А твой торт будет выброшен.

Машина снова возобновила движение.

Джейн вытерла щеки и посмотрела вниз, на рюкзак. У нее никогда не было пижамной вечеринки. Она вымаливала ее месяцами.

Провалилось. Теперь все провалилось.

Дорога домой прошла в молчании, а когда Мерседес заехал в гараж, мать Джейн вышла из машины и, не оглядываясь, вошла в дом.

— Ты знаешь куда идти, — все, что она сказала.

Джейн осталась в машине, пытаясь собраться с мыслями. Потом она подхватила рюкзак и книги, и поплелась через кухню. Их повар Ричард, склонившись над мусорной корзиной, выбрасывал с блюда торт, украшенный белой глазурью и красно-желтыми цветами.

Она ничего не произнесла из-за кома в горле. А Ричард ничего не сказал, потому что не любил ее. Он не любил никого, кроме Ханны.

Джейн направилась из кухни в гостиную. Она не хотела столкнуться со своей младшей сестрой, и молилась, чтобы Ханна оставалась в постели. Утром она плохо себя чувствовала — возможно, потому, что должна была сдавать сочинение.

На пути к лестнице Джейн обнаружила в гостиной мать.

Диванные подушки. Снова.

Ее мать все еще была в бледно-голубом шерстяном пальто, в руке держала шелковый шарф, и без сомнений, она останется в таком виде, пока не удовлетворится внешним видом подушек. Что может занять какое-то время. Стандарт, в соответствии с которым оценивались вещи, был тем же, что и для волос: идеальная гладкость.

Джейн побрела в свою комнату. Оставалось надеяться, что отец приедет после ужина. Он в любом случае узнает о ее наказании, но ему хотя бы не придется смотреть на пустующий стул. Как и ее мать, он ненавидел все, что выбивалось из установленного порядка, а отсутствие Джейн за столом было возмутительным нарушением правил.

Продолжительность его нотаций окажется длиннее, потому что будет включать и то, как она посмела оскорбить семью своим отсутствием за трапезой, и грубость по отношению к матери.

Светло-желтая комната Джейн была под стать всему дому: такая же прилизанная, как волосы, диванные подушки или манера речи. Ничего лишнего. Все в стиле застывшей безупречности, которую можно встретить в журналах по домашнему дизайну.

Не вписывалась только Ханна.

Рюкзак с контрабандой полетел в шкаф, прямо на ряды мокасин и туфель с ремешками; потом Джейн переделалась из школьной формы во фланелевую сорочку. Не было смысла одевать что-то красивое. Она никуда не собиралась.

Джейн положила стопку книг на стол. Ей нужно выполнить домашнее по английскому. Алгебре. Французскому.

Она бросила взгляд на прикроватную тумбочку. Ее ждала *«Тысяча и одна ночь»*.

Она не могла придумать лучшего способа, как провести время своего наказания, но первым делом домашнее задание. Придется. Иначе она будет чувствовать себя слишком виноватой.

Два часа спустя Джейн сидела на кровати с *«Ночью»* на коленях, когда открылась дверь, и показалась голова Ханны. Ее выющиеся рыжие волосы были семейной аномалией. Все остальные были светловолосыми.

— Я принесла тебе поесть.

Джейн привстала, беспокоясь за свою младшую сестру.

— У тебя будут неприятности.

— Нет, не будут. — Ханна быстро проскользнула в комнату, у нее в руке была корзинка с льняной салфеткой, бутербродом, яблоком и печеньями.

— Ричард дал мне это, чтобы я перекусила на ночь.

— А как же ты?

— Я не голодна. Держи.

— Спасибо, Ханн. — Джейн взяла корзинку, когда Ханна устроилась в изножье кровати.

— Так что ты натворила?

Джейн покачала головой и откусила бутерброд с ростбифом.

— Я поссорилась с мамой.

— Из-за того, что у тебя не будет вечеринки?

— Ага.

— Ну... у меня есть чем тебя развеселить. — Ханна положила на одеяло свернутый лист цветного картона. — С днем рождения!

Джейн посмотрела на открытку и пару раз быстро моргнула.

— Ханн... спасибо.

— Не грусти, я с тобой. Посмотри на открытку! Я сделала ее для тебя.

На лицевой стороне, неумелой рукой сестры были нарисованы две фигуры. Одна со светлыми прямыми волосами и словом «Джейн» под ней. Другая — с рыжими вьющимися волосами и именем «Ханна» внизу. Они держались за руки, на лицах сияли улыбки.

Джейн собиралась открыть ее, и в этот момент фары осветили дом и машина въехала на подъездную дорожку.

— Папа дома, — прошипела Джейн. — Тебе лучше уйти отсюда.

Ханна не казалась обеспокоенной, как обычно, возможно потому, что плохо себя чувствовала. А может, она отвлеклась на... что ее там обычно отвлекает. Она вечно витает в облаках, может, поэтому все время ходит счастливая.

— Ханн, правда, иди уже.

— Хорошо. Но мне действительно жаль, что твою вечеринку отменили. — Ханна поплелась к двери.

— Эй, Ханн. Мне нравится моя открытка.

— Ты не заглянула внутрь.

— Это и не нужно. Она мне нравится, потому что ее сделала ты.

На лице Ханны расплылась одна из ее изумительных улыбок, которая напоминала Джейн о солнечных деньках.

— Она о нас с тобой.

Когда дверь захлопнулась, Джейн услышала голоса родителей, доносящиеся из холла. В спешке дожевывая закуску Ханны, она спрятала корзину в складках штор рядом с кроватью, и подошла к стопке книг. Джейн взяла «Записки Пиквикского клуба» Диккенса с собой в кровать. Она подумала, что если будет заниматься учебой, когда войдет отец, то заработает несколько очков в свою пользу.

Ее родители поднялись наверх час спустя, и она напряглась в ожидании отцовского стука. Он не постучал.

И это было странно. В плане контроля он был точен как часы, и его предсказуемость странным образом успокаивала ее, пусть она и не любила иметь с ним дело.

Она отложила «Записки» в сторону, выключила свет и спрятала ноги под отделанное рюшами одеяло. Но она не могла уснуть в колыбели своей кровати, и в конце концов, услышала, как старинные напольные часы на лестничной площадке пробили двенадцать раз.

Полночь.

Выскользнув из кровати, она подошла к шкафу, достала контрабандный рюкзак и расстегнула его. Выпавшая из него спиритическая доска приземлилась на пол и раскрылась. Она подхватила ее, поморщившись, будто та могла сломаться или что-то в этом роде, затем взяла указатель-бегунок.

Они с подругами с нетерпением ждали, когда же смогут сыграть в нее, потому что все хотели узнать за кого выйдут замуж. Джейн нравился мальчик по имени Виктор Браун, с которым она занималась на математике. На днях они немного поболтали, и она правда верила, что они могли бы стать парой. Загвоздка в том, что она не знала, что он к ней чувствует. Может, она нравилась ему только потому, что давала списывать.

Джейн разложила доску на кровати, положила руки на бегунок и глубоко вдохнула.

— Как зовут мальчика, за которого я выйду замуж?

Она не ждала, что указатель начнет двигаться. Он и не двинулся.

Спустя несколько попыток, Джейн разочарованно откинулась назад. Через минуту она постучала по стене над изголовьем кровати. Ее сестра постучала в ответ, и чуть позже Ханна пробралась в комнату. Когда она заметила игру, то в восхищении запрыгнула на кровать, подбрасывая в воздух указатель.

— Как в нее играть?

— Шшш! — Боже, если их поймают за этим, то посадят под домашний арест. Навечно.

— Прости. — Ханна подогнула ноги и держала их так, чтобы не болтались. — Так, как в нее...

— Ты задаешь вопрос, а доска отвечает.

— Что мы можем спросить?

— За кого выйдем замуж. — Хорошо, сейчас Джейн занервничала. А что, если это не Виктор? — Начнем с тебя. Положи кончики пальцев на бегунок, но не толкай его. Просто... да, вот так. Хорошо... За кого выйдет замуж Ханна?

Бегунок не сдвинулся. Даже после того, как Джейн повторила вопрос.

— Она сломана, — отодвинувшись, сказала Ханна.

— Давай попробуем другой вопрос. Положи руки назад. — Джейн глубоко вздохнула. — За кого я выйду замуж?

Указатель со скрипом начал двигаться по доске. Когда бегунок остановился на букве «В», Джейн задрожала. С бьющимся в горле сердцем, Джейн наблюдала, как он двигается к букве «И».

— Это Виктор! — воскликнула Ханна. — Это Виктор. Ты выйдешь замуж за Виктора!

Джейн даже не потрудилась шикнуть на сестру. Слишком хорошо, чтобы быть ...

Указатель остановился на букве «Ш». «Ш»?

— Это ошибка, — сказала Джейн. — Должно быть какая-то ошибка...

— Не останавливайся. Давай посмотрим, кто это.

Но если это не Виктор, то она даже и не знала. И у какого мальчика могло быть имя Виш...

Джейн старалась перенаправить указатель, но он настойчиво двигался к «Е». И остановился на «С».

«ВИШЕС».

Страх сковал грудь девочки.

— Я же сказала, она сломана, — прошептала Ханна. — Кого назовут Вишесом?

Джейн, не глядя на доску, откинулась назад, на подушки. Это худший день рождения в ее жизни.

— Может, следует попробовать еще, — предложила Ханна. Когда Джейн замешкалась, она нахмурилась. — Давай, я тоже хочу ответы. Так будет справедливо.

Они снова положили руки на указатель.

— Что я получу на рождество? — Спросила Ханна.

Указатель не сдвинулся.

— Попробуй вопрос, ответом на который будет «да» или «нет», — сказала Джейн, под впечатлением от полученного имени. — Возможно, доска не может отвечать по буквам.

— Я получу что-нибудь на Рождество? — спросила Ханна.

Указатель заскрипел.

— Надеюсь, это лошадь, — прошептала Ханна, когда указатель сделал круг. — Нужно было так и спросить.

Бегунок показал «нет»

Они вдвоем уставились на него.

Ханна обхватила себя руками.

— Я хочу получить подарки.

— Это просто игра, — сказала Джейн, закрывая доску. — К тому же, она на самом деле сломана. Я уронила ее.

— Я хочу подарки.

Джейн потянулась и обняла сестру.

— Ханн, не волнуйся насчет этой глупой доски. Я всегда дарю тебе что-нибудь на Рождество.

Позже, когда сестра ушла, Джейн забралась обратно в постель.

Глупая доска. Глупый день рождения. Все глупое.

Закрыв глаза, она вспомнила, что так и не посмотрела открытку сестры. Она снова включила свет и взяла открытку с прикроватной тумбочки. Внутри было написано: *Мы всегда будем держаться за руки! Я люблю тебя! Ханна.*

Ответ насчет Рождества был дурацким. Все любили Ханну и дарили ей подарки. Блин, порой она даже имела власть над их отцом, чего не мог сделать никто. Конечно, она много чего получит.

Глупая доска...

Через какое-то время Джейн уснула. Должна была, потому что ее разбудила Ханна.

— Ты в порядке? — вскочив, спросила Джейн. Ее сестра стояла у кровати во фланелевой ночнушке, со странным выражением на лице.

— Мне нужно идти. — Грустно произнесла Ханна.

— В ванну? Тебя тошнит? — Джейн скинула покрывала. — Я пойду с тобой...

— Ты не можешь. — Ханна вздохнула. — Мне нужно идти.

— Ну, когда ты закончишь со своими делами, то сможешь вернуться и поспать, сколько захочешь.

Ханна посмотрела на дверь.

— Мне страшно.

— Болеть — очень страшно. Но я всегда буду рядом.

— Мне пора. — Когда Ханна обернулась, она выглядела... как-то взрослее. Ничего общего с десятилетней девочкой. — Я постараюсь вернуться. Из всех сил.

— Хм... хорошо. — Может, у ее сестры была простуда или что-то в этом роде? — Хочешь разбудить маму?

Ханна покачала головой.

— Я просто хотела тебя проведать. Возвращайся ко сну.

Когда Ханна ушла, Джейн рухнула на подушки. Она захотела встать и проверить свою сестру в ванной, но сон завладел ею прежде, чем она могла последовать импульсу.

Следующим утром Джейн проснулась от стука тяжелых шагов в коридоре. Сначала она решила, что кто-то что-то уронил и запачкал ковер, кресло или покрывало. Но потом с подъездной дорожки донеслась сирена скорой помощи.

Джейн вскочила с кровати, посмотрела в окно, затем высунула голову в коридор. Ее отец говорил с кем-то внизу, а дверь в комнату Ханны была открыта.

Джейн прошла на цыпочках по восточному ковру, думая о том, что обычно ее сестра не вставала в такую рань по субботам. Она, должно быть, действительно заболела.

Джейн замерла в дверном проеме. Ханна неподвижно лежала на кровати, глаза устремились в потолок, а кожа была белой как чистые белоснежные простыни, на которых она лежала.

Она не моргала.

В противоположном углу комнаты, как можно дальше от Ханны, сидела ее мать на стуле у

окна. Ее халат цвета слоновой кости собрался складками на полу.

— Возвращайся в кровать. Сейчас же.

Джейн бросилась в свою комнату. Прежде чем закрыть дверь, она увидела, как отец поднимается по лестнице с двумя мужчинами в темно-синей униформе. Он разговаривал с мужчинами, и она слышала «врожденный что-то там сердца».

Джейн запрыгнула в кровать и укрылась с головой. Дрожа в темноте, она чувствовала себя очень маленькой и напуганной.

Доска оказалась права. Ханна не получила подарки на Рождество и не вышла замуж.

Но младшая сестра Джейн сдержала обещание. Она вернулась.

— Мне эти штаны совсем не в кайф.

Вишес взглянул поверх груди своих компьютеров. Бутч О’Нил стоял в гостиной Ямы в кожаных штанах на бедрах и «ты-должно-быть-совсем-издеваешься» выражением на физиономии.

— Они тебе что, жмут? — спросил Ви соседа по комнате.

— Не в этом дело. Без обид, но эти сойдут лишь для Village People¹. — Бутч вытянул свои мускулистые руки в стороны и повернулся кругом, его обнаженная грудь поблескивала в свете ламп. — В смысле, да ладно тебе.

— Они для сражения, а не для красоты.

— Как и килты, но ты не встретишь меня разгуливающим в тартане².

— И спасибо Господу. Ты слишком кривоногий для такого.

Бутч надел сучающую маску.

— Укуси меня.

Хотелось бы, подумал Ви.

Поморщившись, он потянулся за своим кисетом с турецким табаком. Достал бумагу, выложил на ней табак в линию, и, заворачивая себе сигарету, он занимался тем, на что обычно убивал уйму времени: напоминал себе, что Бутч счастливо женат на любви всей своей жизни. Да и без этого, парень все равно не играл в такие игры.

Когда Ви прикурил и сделал затяжку, он старался не смотреть на копа, но безуспешно. Гребаное периферийное зрение. Постоянно подводит.

Мать твою, он поганый извращенец. Особенно, учитывая, насколько они близки.

За последние девять месяцев он сблизился с Бутчем так, как ни с кем не сближался за триста лет своего существования. Он с ним жил, с ним напивался, с ним же тренировался и работал. Прошел через жизнь и смерть, пророчества и судьбу. Помог нарушить законы природы, превратив парня из человека в вампира, потом излечивал его, когда коп проворачивал свои «штучки» против врагов расы. Также предложил его кандидатуру на вступление в Братство... и поддержал его, когда тот сочетался браком со своей шеллан.

Пока Бутч прохаживался по комнате, пытаясь устроиться поудобней в своих штанах, Ви смотрел на семь букв на Древнем языке, вырезанных на его спине: МАРИССА. Ви сделал обе «А» и они хорошо получились, несмотря на то, что его рука тряслась в процессе.

— Ага, — сказал Бутч. — Они точно не по мне.

После брачной церемонии, Ви освободил Яму, чтобы молодожены смогли там уединиться. А сам направился через внутренний двор территории Братства и заперся в особняке с тремя бутылками Грей Гуза. Он наглотался в хлам, залился как рисовое поле, но так и не достиг цели — забыться. Правда безжалостно держала его в сознании: Ви привязался к своему напарнику так, что это приводило к осложнениям, и ничего не меняло.

Бутч знал об этом. Черт, они были лучшими друзьями, и парень понимал Ви лучше остальных. Марисса тоже знала, потому что не была глупа. И Братство знало, ведь с этими древними олухами невозможно сохранить ни одной тайны.

Но они ничего не имели против.

Но не он. Он не мог выносить эти чувства. Или себя.

— Собираешься мерить остальные свои шмотки? — спросил он на выдохе. — Или хочешь еще немного понять о своих штанах?

— Не заставляй показывать тебе средний палец.

— Зачем лишать тебя любимого занятия?

— Потому что палец у меня уже отнимается. — Бутч подошел к дивану и подхватил нагрудные ножны. Он надел их на широкие плечи, и кожа идеально села на его торс. — Обалдеть, как тебе удалось их так хорошо подобрать?

— Я измерял тебя, помнишь?

Бутч застегнул их, потом наклонился и провел пальцами по крышке черной лакированной коробки. Он задержался на золотом гербе Братства Черного Кинжала, затем пробежал по символам Древнего Языка, звучащим как Дестроер³, потомок Рофа, сына Рофа.

Новое имя Бутча. Древняя, благородная родословная Бутча.

— Ну, ради Бога, открой уже коробку. — Ви затушил сигарету, скрутил еще одну и снова закурил. Черт, хорошо, что вампиры не болеют раком. В последнее время он курит одну за другой, как уголовник. — Давай же.

— Я все еще не верю в это.

— Просто открой чертову коробку.

— Я правда не...

— Открой. Ее. — Ви так нервничал, что мог взлететь с гребаного кресла.

Коп открыл замок из чистого золота и поднял крышку. В колыбели из красного атласа, лежали четыре одинаковых черных кинжала, каждый из которых был идеально сбалансирован под Бутча и смертоносно заточен.

— Дева Мария, Матерь Божья... Они великолепны.

— Спасибо, — выдохнул Ви. — Я еще и печь умею.

Карие глаза Бутча метнулись через всю комнату.

— Ты сделал их для меня?

— Ага, но это ерунда. Я делаю их для всех нас. — Ви поднял руку в перчатке. — Я с теплом на «ты», как видишь.

— Ви... спасибо.

— Проехали. Как уже говорил, я спец по клинкам. Постоянно этим занимаюсь.

Да... может, просто не с таким усердием. Он четыре дня трудился над кинжалами для Бутча. От шестнадцатичасового марафона работы его проклятой светящейся рукой над многослойной сталью у него горела спина, и болели глаза, но, черт возьми, он был настроен сделать каждый из них достойным мужчины, который будет ими орудовать.

И все же, они были недостаточно хороши.

Коп вытащил и взял в ладонь один из кинжалов, и его глаза вспыхнули.

— Господи... только погляди на эту вещь. — Он махнул оружием перед собой. — Никогда не держал ничего, столь хорошо сбалансированного. А рукоятка. Боже... идеально.

Ви обрадовался похвале больше, чем когда-либо.

Ровно, как и чертовски разозлился.

— Ага, ну они и должны быть такими, верно? — Он затушил самокрутку о пепельницу, сминая слабый огонек на конце. — Бессмысленно выходить на поле боя с набором от Ginsus⁴.

— Спасибо.

— Не за что.

— Ви, я серьезно...

— Да иди ты. — Когда не последовало ничего сопливого в ответ, Ви поднял голову.

Черт. Бутч стоял рядом с ним, в его карих глазах сквозило знание, которое Ви оставил бы при себе.

Он перевел взгляд на зажигалку.

— Забей, коп, это просто ножи.

Черный кончик ножа скользнул под подбородок Ви, вынуждая поднять голову. Когда его вынудили встретиться взглядом с Бутчем, тело Ви напряглось. Потом задрожало.

Оружие соединяло их тела. Бутч сказал:

— Они великолепны.

Ви закрыл глаза, презирая себя. Он намеренно прижался к кинжалу так, что тот уперся ему в горло. Проглотил вспышку боли, прямо до кишок, используя в качестве напоминания, что он хренов извращенец, а извращенцы заслуживают боли.

— Вишес, взгляни на меня.

— Отвяжись.

— А ты заставь меня.

На какое-то мгновение Ви почти бросился на парня, приготовился выбить из него всю дурь. Но потом Бутч произнес:

— Я просто благодарю тебя за что-то очень крутое. Ничего особенного.

Ничего особенного? Глаза Ви широко распахнулись, а взгляд засиял.

— Чушь. По хорошо известным тебе долбаным причинам.

Когда Бутч убрал лезвие и опустил руку, Ви почувствовал, как тонкая струйка крови побежала по шее. Теплая... и нежная, как поцелуй.

— Только не говори, что тебе жаль, — прошептал Ви в тишине. — Я склонен к насилию.

— Но мне действительно жаль.

— Не о чем сожалеть. — Черт, он не мог больше жить с Бутчем. С Бутчем и Мариссой. Постоянное напоминание о том, чего он не может иметь, и не должен был хотеть, убивало его. Бог знает, он и так был в не лучшей форме. Когда он последний раз спал целый день? Недели, недели назад.

Бутч вложил кинжал в нагрудную кобуру рукояткой вниз.

— Я не хочу причинять тебе боль...

— Мы больше не будем обсуждать это. — Приложив палец к горлу, он поймал кровь, пролитую кинжалом, сделанным им же. Когда он слизнул ее, открылась потайная дверь в подземный туннель, и запах океана заполнил Яму.

Марисса вышла из-за угла, всегда красивая, как Грейс Келли⁵. За длинные белокурые волосы и правильные черты лица, ее считали красивейшей женщиной всей расы, и даже Ви, предпочитающий другой тип, был вынужден признать это.

— Привет, мальчики... — Марисса замерла и уставилась на Бутча. — Боже... мой... ты посмотри на эти штаны.

Бутч поморщился.

— Ага, знаю. Они...

— Можешь подойти сюда? — Она начала отступать в сторону их спальни. — Ты нужен мне на минутку. Или десять.

Связующий запах Бутча вспыхнул как спичка, и Ви хорошо знал, что тело парня уже было готово к сексу.

— Детка, ты получишь меня настолько, насколько пожелаешь.

Прежде чем покинуть комнату, коп бросил взгляд через плечо.

— Обожаю эти штаны. Передай Фритцу, что я хочу пятьдесят пар таких же. Срочно.

Предоставленный сам себе, Ви потянулся к музыкальному центру и врубил альбом Мимса⁶ «Музыка — мой Спаситель». Когда загремел рэп, Ви вспомнил, как включал его, чтобы заглушить мысли посторонних. Сейчас, когда видения прекратились, как и его чтение мыслей, он запускал басовые хиты, чтобы не слышать, как его сосед по комнате занимается любовью.

Ви потер лицо. Ему серьезно нужно отсюда сваливать. Какое-то время он пытался уговорить

их переехать, но Марисса настаивала на том, что Яма такая «уютная» и что ей нравится жить здесь. Половину гостиной съедал стол для фусбола⁷, И-эс-пи-эн⁸ работал в беззвучном режиме круглые сутки, а жесткий рэп гремел без перерыва. Холодильник был демилитаризованной зоной с портящимися остатками от Тако Хэлл⁹ и Эрби¹⁰. Единственные напитки в доме — Грей Гуз и Лагавулин. Материалы для чтения ограничивались «*Спортс Иллюстрейтед*»¹¹ и... ну, и старыми выпусками «*Спортс Иллюстрейтед*».

Так что, да, здесь не очень-то «уютненько». Хата была похожа отчасти — на студенческое общежитие, отчасти — на раздевалку. С декором от Дерека Джетера¹².

Как насчет Бутча? Когда Ви предложил парню съехать, коп стрельнул в него взглядом из-за дивана, лишь раз покачал головой, и пошел на кухню за очередной порцией Лагавулина¹³.

Ви отказывался думать, что они остаются из-за беспокойства о нем. Его бесила сама мысль об этом.

Он поднялся на ноги. Если и возможно раздельное проживание, то инициатором придется выступить ему. Проблема в том, что находиться вдалеке от Бутча... это невыносимо. Но, лучше пытка сейчас, чем изгнание потом.

Он посмотрел на часы, и решил, что лучше двинуться через подземный туннель в особняк. Даже учитывая, что остальная часть Братства жила по соседству, в этой каменной громадине — особняке, там оставалось полно пустых комнат. Может, ему стоит рассмотреть такой вариант. На пару дней.

От этой мысли у него скрутило живот.

На пути к двери он уловил связующий запах, доносившийся из спальни Бутча и Мариссы. Когда он подумал о происходящем там, его кровь вскипела, в то время как кожа стала цветом с Popsicle¹⁴.

Выругавшись, он подошел к кожаной куртке и вытащил мобильный. Пока он набирал номер, грудь его была теплой как морозильная камера, но, по крайней мере, он что-то предпринимал насчет своей одержимости.

Когда раздался женский голос, Ви прервал ее хриплое «привет».

— На заходе солнца. Сегодня вечером. Ты знаешь, что одеть, а волосы убри навверх. Что ты должна ответить мне?

Она покорно промурлыкала:

— Да, мой лидж¹⁵.

Ви отключился и швырнул телефон на стол, наблюдая, как тот отскочил и приземлился у одной из его четырех клавиатур. Подчиняющаяся, которую он выбрал для этой ночи, любила вещи пожестче. И она их получит.

Черт, он и, правда, был извращенцем. До мозга костей. Закоренелый, нераскаявшийся сексуальный извращенец... каким-то образом прославившийся этим на всю расу.

Твою ж мать, это конечно, глупо, но все же, вкусы и мотивы женщин всегда были эксцентричны. А причудливая репутация была для него не важнее рабынь. Главное — наличие добровольцев для того, что ему нужно от секса. То, что говорили о нем, во что женщины хотели верить, — просто словесный понос тех, кому нечем было заняться.

В злобном настроении он спустился в туннель и направился в особняк. Благодаря глупому расписанию патрулирования, ему не позволялось выйти сегодня на поле боя, и это бесило. Он лучше бы охотился и убивал неживых гадюк, преследующих расу, чем просиживал штаны.

Но были и другие способы снять напряжение.

Вот для чего предназначались цепи и жаждущие тела.

Фьюри вошел в огромную кухню особняка и застыл так, будто столкнулся с кровоточащим ранением: подошвы его ног прилипли к полу, оборвалось дыхание, и бешено заколотилось сердце.

Его поймали прежде, чем удалось скрыться через дверь дворецкого.

Бэлла, шеллан его близнеца, подняла голову и улыбнулась.

— Привет.

— Привет. — Валить надо. Срочно.

Боже, она бесподобно пахла.

Она помахала ножом над запеченной индейкой, над которой трудилась. — Хочешь, чтобы я и тебе сделала сэндвич?

— Что? — как идиот спросил он.

— Сэндвич. — Она обвела ножом булку хлеба, полупустую банку с майонезом, салат и помидоры. — Наверное, ты голоден. Ты мало съел во время Последней трапезы.

— О, да... нет, я не... — Желудок положил конец его лжи, заурчав, как голодный монстр. Предатель.

Бэлла покачала головой и вернулась к запеченной индейке.

— Достань себе тарелку и присядь.

Хорошо, это последнее что ему нужно. Лучше быть закопанным заживо, чем сидеть с ней наедине на кухне, пока она готовила своими великолепными руками.

— Фьюри, — сказала она, не поднимая голову. — Тарелка. Стул. Сейчас же.

Он подчинился, потому что, невзирая на то, что он происходил из линии Воинов, был членом Братства, и весил на добрую сотню фунтов больше ее, он становился слабым и беспомощным, когда речь шла о Бэлле. Шеллан его близнеца... беременная шеллан его близнеца... Фьюри не мог ей отказать.

Поставив тарелку рядом с ней, он сел на другой стороне гранитного острова, и приказал себе не смотреть на ее руки. Все будет нормально, пока он не смотрит на ее длинные, изящные пальцы и короткие, отполированные ногти, и то, как...

Черт.

— Клянусь, — сказала она, нарезаая еще мяса. — Зейдист хочет, чтобы я стала огромной как дом. Он будет доставать меня с едой следующие тринадцать месяцев, и я не помещусь даже в бассейн. Я едва залезаю в свои штаны.

— Ты хорошо выглядишь. — Черт, она превосходно выглядела с ее длинными темными волосами, сапфировыми глазами, и гибким, стройным телом. Малыш внутри нее еще не выделялся под мешковатой одеждой, но беременность была заметна по сияющей коже и тому, как часто ее рука опускается на живот.

Ее состояние также было очевидно по тревоге в глазах Зи, всякий раз, когда он находился рядом. Беременности у вампиров часто сопровождалась смертью матери и зародыша, они были благословением и проклятием для хеллрена, связанного со своей супругой.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил Фьюри. В конце концов, о ней волновался не только Зи.

— Вполне. Я устаю, но не все так плохо. — Она облизала свои пальцы, потом взяла банку с майонезом. Она доставала майонез с царапающим звуком, будто в банке тряслась монета. — Зи сводит меня с ума. Он отказывается питаться.

Фьюри помнил какова на вкус ее кровь, и отвел взгляд, когда его клыки удлинились. В его

чувствах к ней не было ничего благородного, ни капельки; и как мужчина, всегда гордившийся своей благородной натурой, он не мог примирить свои чувства и принципы.

То, что исходило с его стороны, не было взаимным. Она покормила его в тот единственный раз, потому что он отчаянно в этом нуждался, и потому что она была благородной женщиной. Не потому, что она хотела поддержать его, и не потому, что желала его.

Нет, все это было для его близнеца. С первой ночи, когда она встретила Зейдиста, он пленил ее, и судьба подтвердила, что именно она вытянула Зи из ада, в котором он жил. Фьюри смог спасти тело Зи из векового рабства, но Бэлла воскресила его душу.

Еще одна причина любить ее.

Черт, жаль, что у него нет с собой красного дымка. Он оставил свою чертову заначку наверху.

— Так как у тебя дела? — спросила она, раскладывая тонкие ломтики индейки, а сверху листья салата. — Новый протез все еще доставляет неудобства?

— Сейчас лучше, спасибо.

Технологии в наши дни ушли на световые годы вперед, от тех, что были сто лет назад, но, принимая во внимание все его сражения, отсутствующая нога была постоянной проблемой.

Потерянная нога... да, он потерял ее, верно. Отстрелил, чтобы спасти Зи от больной суки — его Госпожи. Жертва того стоила. Как и жертвование своим счастьем, стоило того, чтобы Зи был с женщиной, которую они оба любили.

Бэлла накрыла сэндвичи хлебом и протянула ему тарелку через гранитный стол.

— Держи.

— То, что нужно. — Смакуя мгновенье, он запустил передние зубы в бутерброд, и мягкий хлеб поддался как плоть. Глотая, его охватила печальная радость, что она приготовила эту еду для его желудка, и сделала это с какой-то определенной толикой любви.

— Хорошо. Я рада. — Она откусила свой сэндвич.

— Так... хотела попросить тебя кое о чем.

— А? О чем?

— Как ты знаешь, я работаю в Безопасном месте с Мариссой. Это такая большая организация, полная замечательных людей... — Последовала длинная пауза, которая заставила его насторожиться. — В общем, к нам присоединилась новая социальная работница для консультирования матерей и их детей. — Она прокашлялась. Вытерла губы бумажной салфеткой. — Она замечательная. Теплая, забавная. Я просто подумала, что может...

О, Боже.

— Спасибо, но нет.

— Она, правда, милая.

— Нет, спасибо. — Его кожа съезжилась, и он начал доедать в дикой спешке.

— Фьюри... я знаю, что это меня не касается, но почему ты соблюдаешь целибат?

А вот это уже погано. Быстрее с сэндвичем.

— Может, сменим тему?

— Это из-за Зи, верно? Поэтому ты никогда не был с женщиной. Это твоя жертва ему и его прошлому.

— Бэлла... прошу...

— Тебе уже больше двух сотен лет, пора подумать и о себе. Зи никогда не станет полностью нормальным, никто не знает это лучше нас с тобой. Но сейчас он стабилен. И со временем, он станет более здоровым.

Правда, при условии, что Бэлла переживет свою беременность.

Пока Бэлла не родила, его близнец находился в опасности. А значит и Фьюри.

— Прощу, позволь познакомиться тебя с...

— Нет. — Фьюри поднялся, работая челюстями как корова. Столовый этикет превыше всего, но пора заканчивать этот разговор, пока его голова не взорвалась.

— Фьюри...

— Мне не нужна женщина в моей жизни.

— Ты станешь потрясающим хеллреном, Фьюри.

Он вытер губы салфеткой и произнес на Древнем языке:

— *Спасибо за эту трапезу, приготовленную руками твоими. Приятного вечера, Бэлла, возлюбленная супруга моего близнеца, Зейдиста.*

Чувствуя себя неуютно за то, что не помог с посудой, но, решив, что лучше так, чем схлопотать аневризму, он толкнул дверь, ведущую из кухни в гостиную. Он сломался, пройдя половину пути мимо тридцатифутового стола, выдвинул попавшийся стул и рухнул в него.

Черт, его сердце гулко билось.

Когда он поднял голову, Вишес стоял по другую сторону стола, смотря на него сверху вниз.

— Иисусе!

— Немного напряжен, мой Брат?

Вишес был огромным мужчиной, ростом в шесть футов шесть дюймов, и происходил от великого воина Бладлеттера. Он мог сойти за красавчика, с бриллиантовыми глазами, черными, как смоль, волосами, и угловатым, коварным лицом. Но из-за эспаньолки и предостерегающих тату вокруг виска, он выглядел зловеще.

— Не напряжен я. Нисколько. — Фьюри вытянул руки на блестящем столе, думая о косячке, который прикурит сразу же, как доберется до комнаты. — Вообще-то, я собирался тебя найти.

— Да ну?

— Рофу не понравился настрой на собрании этим утром. — Явное преуменьшение. Ви и Роф в итоге сошлись лицом к лицу на паре проблем, и это не единственная всплывшая тема. — Он снял всех с патруля сегодня. Сказал, что нам следует отдохнуть.

Ви выгнул бровь, казавшись при этом умнее, чем два Эйнштейна вместе взятых. Аура гениальности была не просто внешним признаком. Парень говорил на шестнадцати языках, разрабатывал компьютерные игры ради забавы, и мог рассказать двадцать томов Хроник по памяти. На его фоне Стивен Хокинг¹⁶ казался студентом ПТУ.

— Всех нас?

— Да, и я собираюсь в ЗироСам. Поедешь?

— Только что назначил личную встречу.

А, да. Нетрадиционная половая жизнь Ви. Черт, они с Вишесом были на противоположных сторонах сексуального диапазона: он не знал ничего, Ви испробовал все, в большинстве своем — крайности... они были как непротоптанная дорожка и автобан. И это не единственное различие между ними. Если задуматься, у них двоих не было абсолютно ничего общего.

— Фьюри?

Он встряхнулся, чтобы сосредоточиться.

— Прости, что?

— Я сказал, что ты приснился мне однажды. Много лет назад.

О, Боже. Почему он просто не пошел прямо в свою комнату? К этому моменту он мог бы уже покуривать.

— Так что?

Ви пригладил бородку.

— Я видел, как ты стоишь на распутье, на заснеженном поле. Был дождливый день... да, очень сильный дождь. Но потом ты взял тучу с неба, обернул ее вокруг колодца, и дождь

прекратился.

— Звучит поэтично. — И прямо обнадеживающе. Большая часть видений Ви чертовски пугала. — Но бессмысленно.

— Мне не снится ничего бессмысленного, и ты это знаешь.

— Значит, метафорично. Как можно что-то обернуть вокруг колодца? И почему ты говоришь об этом сейчас?

Темные брови Ви опустились на его зеркальные глаза.

— Я... Боже, понятия не имею. Просто должен был сказать. — Грязно выругавшись, он направился в кухню. — Бэлла все еще там?

— Откуда ты узнал, что она...

— Ты всегда выглядишь разбитым после встречи с ней.

Спустя полчаса, съев бутерброд с индейкой, Ви материализовался на балконе своего частного пентхауса, в центре города. Ночь была дрянной, по-мартовски холодной и по-апрельски слякотной, порывистый ветер кружил вокруг, как пьяница с отвратительной ориентацией. Он стоял перед панорамой двойных мостов Колдвелла, и это изображение с почтовой открытки, наводило на него тоску.

Как и перспективы сексуальных забав вечером.

Он подумал, что стал как давно сидящий на коксе наркоман. Когда-то кайф был очень сильным, но сейчас он сидел на «игле» без особого энтузиазма. Он нуждался, но не получал облегчения.

Положив руки на бортик балкона, он наклонился вперед, и порыв ледяного ветра ударил ему в лицо, раздувая назад волосы, как у модели. Или может... как у супергероя из комиксов. Да, эта метафора была лучше.

Хотя, он бы стал злодеем, не правда ли?

Он осознал, что его руки поглаживали, ласкали плоский камень, на котором они покоились. Бортик был высотой в четыре фута и огибал все здание как край подноса. На вершине находился выступ в три фута шириной, который молил, чтобы с него спрыгнули, и тридцать футов воздуха по другую сторону — как идеальная, продуваемая ветром, прелюдия к адской смерти.

Вот сейчас этот пейзаж заинтересовал его.

Он на себе испытал, как приятно свободное падение. Как сила ветра давит тебе в лицо, не давая дышать. Как глаза увлажняются, и слезы оставляют следы на висках. Как земля приподнимается, чтобы поприветствовать тебя, словно зазывающая на вечеринку хозяйка.

Он не был уверен, что принял верное решение, сохранив себе жизнь в тот раз, когда прыгнул. В последнее мгновение он дематериализовался назад на балкон. Назад... в объятья Бутча.

Чертов Бутч. Всегда возвращался к этому сукиному сыну.

Он отвернулся от еще одного прыжка и мысленно открыл одну из раздвижных дверей. Три стеклянных стены пентхауса были пуленепробиваемыми, но они не защищали от солнечного света. Не то, чтобы он оставался здесь на день, если бы защищали.

Пентхаус не был его домом.

Он зашел внутрь. Место, и то для чего он его использовал, давило на него, будто здесь царила иная сила тяжести. Стены, потолок, и мраморные полы огромной комнаты — были черными. Как и сотни свечей, которые он мог зажечь силой мысли. Единственное, что можно было определить в качестве мебели — королевских размеров кровать, которую он никогда не использовал. Все остальное было оборудованием: стол для связываний; вмонтированные в стену цепи; маски, кляпы, плетки, кнуты и оковы; шкафчик с зажимами на соски, стальными клипсами и инструментами из нержавеющей стали.

Все для женщин.

Он снял кожаную куртку и бросил ее на кровать, затем стянул футболку. Во время сессий он всегда оставлял кожаные штаны на себе. Подчиняющиеся¹⁷ никогда не видели его полностью обнаженным. Никто не видел, кроме его братьев во время церемоний в Гробнице, и только потому, что того требовали ритуалы.

Никого не касалось то, как он выглядел снизу.

Свечи вспыхнули по его приказу, жидкий свет отражался от блестящего пола, и затем поглощался черным сводом потолка. В происходящем не было никакой романтики. Место было

пещерой, где добровольно совершалось богохульство, и свет служил лишь для того, чтобы наверняка видеть положение кожи и металла, рук и клыков.

К тому же, свечи можно использовать не только для освещения.

Он подошел к бару, налил себе пару дюймов Грей Гуза и откинулся назад к низкой стойке. Среди расы находились те, кто считал, что прийти сюда и выдержать секс с ним, было неким посвящением. Также были и те, кто лишь с ним мог познать удовольствие. Но больше — желающих узнать, как могут сочетаться боль и секс.

Меньше всего его интересовали типы вроде Льюиса и Кларка¹⁸. Как правило, они не могли выдержать это, и были вынуждены использовать посреди сессии «стоп-слово»¹⁹ или сигнал рукой, которые он показывал им. Он всегда с готовностью отпускал, но успокаивать никого не собирался. Девять из десяти хотели попробовать вновь, но из этого не выходило ничего путного. Однажды сломавшись слишком быстро, они, скорее всего, сделают это снова, а он не собирался тренировать всякую мелочь.

Те, кто могли это вынести, называли его *лидж* и поклонялись Ви, хотя ему плевать было на все их реверансы. Лезвие в нем затупилось; их тела были камнем, о которые он привык себя натачивать. Конец истории.

Он подошел к стене, взял одну из стальных цепей, и позволил ей скользнуть по ладони, звено за звеном. Хотя по натуре он был садистом, он не балдел, причиняя боль подчиняющимся. Его садистская сторона насыщалась убийствами лессеров.

Контроль над их разумом и телом — вот чего он хотел²⁰. То, что он делал с ними сексуально, или же то, что говорил им, что заставлял их носить... все это было выстроено эффекта ради. Конечно, боль тоже была вовлечена, хотя, они могли плакать от уязвимости и страха. И они молили его о большем.

И он давал им больше, если был в настроении.

Он посмотрел на маски. Он всегда надевал на них маски, и они никогда не прикасались к нему, если только он сам не указывал где, как и чем. Если у него случались оргазмы во время сессий, то это было редко, и расценивалось подчиняющимися как великая гордость. Если он кормился, то только по необходимости.

Он никогда не унижал проходящих сюда, не заставлял их делать отвратительные вещи, которые, как он прекрасно знал, предпочитали некоторые доминанты²¹. Но он не утешал их в начале, середине или конце сессии, и сами сессии проходили только на его условиях. Он говорил партнерам, когда и где, а если они начинали ревниво качать права, то могли проваливать. Раз и навсегда.

Он глянул на часы и опустил *мис*²², который окутал пентхаус. Женщина, которая придет этой ночью, могла его выследить, потому что он брал ее вену пару месяцев назад. Когда он закончит с ней, то уладит дело так, чтобы она ушла без единого воспоминания об этом месте.

Но она будет знать о произошедшем. Метки секса будут по всему ее телу.

Он повернулся, когда женщина материализовалась на террасе. Сквозь двери она казалась анонимной тенью, с роскошными формами, одетая в черное кожаное бюстье и длинную просторную юбку. Ее черные волосы были собраны в узел высоко на макушке, как он и приказал.

Она знала, что нужно ждать. Что не нужно стучать.

Ви мысленно открыл дверь, но ей хватило чувства самосохранения, чтобы не войти без приглашения.

Он оглядел ее и уловил аромат. Женщина была полностью возбуждена.

Его клыки удлинились, но не потому, что его взволновала влага между ее ногами. Ему нужно покормиться, а она — женщина с полным набором вен, в которые можно проникнуть.

Простая биология, а не притяжение.

Ви протянул руку и поманил ее пальцем. Она пошла вперед, дрожа так, как ей и полагалось. Этой ночью он был в чрезвычайно плохом настроении.

— Сними эту юбку, — сказал он. — Она мне не по душе.

Она мгновенно расстегнула юбку и позволила ей упасть на пол горкой сатины. Под ней были черные подвязки и черные чулки в сетку. Никаких трусиков.

Ммм... да. Он собирался кинжалом срезать это белье с ее бедер. В конечном итоге.

Он подошел к стене и подхватил маску с одним отверстием. Ей придется дышать через рот, если захочет воздуха.

Кинув ей маску, он сказал:

— Надевай. Сейчас же.

Она без слов прикрыла лицо.

— Залезай на стол.

Он не помог ей, когда она неуклюже забиралась, просто наблюдал, зная, что она справится. Они всегда справлялись. Такие женщины всегда находили путь к его койке.

Чтобы скоротать время, он достал самокрутку из заднего кармана, вставил в рот и подхватил черную свечу из подсвечника. Он зажег сигарету и уставился на лужицу жидкого воска у фитиля.

Посмотрел, насколько продвинулась женщина. Отлично сделано. Она устроилась лицом вверх, с раскинутыми руками и раздвинутыми ногами.

Заковыкая ее, он уже точно знал, с чего начать эту ночь.

Держа в руке свечу, он шагнул вперед.

Стоя под лампами тренировочного центра Братства, Джон Мэтью принял боевую позицию и сосредоточился на оппоненте. Они подходили друг другу, как палочки для еды: оба тощие и хрупкие, легко ломающиеся. Как и все претрансы²³.

Зейдист²⁴, Брат, учивший их рукопашному этой ночью, просвистел сквозь зубы, и Джон и его одноклассник поклонились друг другу. Его оппонент произнес нужные слова благодарности на Древнем Языке, и Джон ответил тем же на языке глухонемых. И затем вступили в бой. Маленькие ладони и костлявые руки двигались без особого эффекта; удары выбрасывались как бумажные самолетики, отклонения от ударов делались с изяществом. Все их движения и позы были тенями того, чем должны были быть, эхо грома, а не сам низкий рокот.

Гул пронесся по всему тренажерному залу.

Из глубины комнаты раздался внушительный БААМС, когда тяжелое тело рухнуло на голубые маты, как мешок с песком. Джон и его оппонент оглянулись... а потом и вовсе забросили свои чахлая попытки к смешанным боевым искусствам²⁵.

Зейдист работал с Блэйлоком, одним из лучших друзей Джона. Рыжеволосый парень, единственный ученик, прошедший превращение, сейчас был вдвое больше всех остальных в классе. И Зейдист уложил его на лопатки.

Блэйлок вскочил на ноги и опять встал в позу солдата, только для того, чтобы снова быть усаженным на задницу. Зейдист был гигантом, к тому же членом Братства Черного Кинжала. Так что Блэйлок противостоял танку Шермана²⁶ с багажом опыта.

Черт, Куин должен быть здесь и видеть это. Где же он?

Все одиннадцать учеников выдали «Уау!», когда Зи хладнокровно сбил Блэя с ног, бросил

его на маты и загнул в подчинительной хватке. Зи отпустил Блэя, как только тот выдохся.

Зейдист навис над парнем, и его голос звучал теплее, чем когда бы то ни было:

— Пять дней после превращения, и ты уже делаешь успехи.

Блэй улыбнулся, хотя его щека была придавлена к мату, как приклеенная.

— Спасибо... — Пропыхтел он. — Спасибо, сэр.

Зи протянул руку и поднял Блэя с пола, когда по залу раздалось эхо открывшейся двери.

Глаза Джона на лоб полезли от того, что вошло. Вот блин... это объясняло, где Куин провел весь день.

Мужчина, медленно идущий по матам, ростом в шесть футов пять дюймов, весом в двести пятьдесят фунтов, был лишь подобием того, кто весил за день до этого примерно как и мешок с собачим кормом. Куин прошел через превращение. Боже, не удивительно, что парень не писал по мылу или смс в течение дня. Он был занят выращиванием нового тела.

Когда Джон поднял руку, Куин кивнул в ответ так, будто его шея не гнулась или трещала голова. Парень дерьмово выглядел и двигался так, будто болела каждая кость в его теле. Он также теребил воротник толстовки размера XXXL, будто она мешала ему, и все время, морщась, подтягивал джинсы. Синяк под глазом стал сюрпризом, но, может, он врезался во что-то посреди превращения? Говорят, что во время превращения сильно колбасит.

— Рад, что ты показался, — сказал Зейдист.

Голос Куина был низким, когда он ответил, модуляции тембра изменились полностью.

— Я хотел прийти, даже зная, что не смогу заниматься.

— Похвально. Ты можешь поостыть вон там.

Когда Куин пошел к боковым линиям, он встретил взгляд Блэя, и они очень медленно улыбнулись друг другу. Потом посмотрели на Джона.

Используя американский язык жестов, Куин показал руками: *«После занятия мы едем к Блэю. Нужно кучу всего тебе рассказать»*.

Когда Джон кивнул, голос Зи пронесся по залу.

— Незапланированная передышка окончена, девочки. Не заставляйте меня пинать вас под зад, потому что без сомнений я это сделаю.

Джон встал напротив своего маленького партнера и принял позицию готовности.

И хотя, один из учеников умер во время превращения, Джон не мог дождаться, когда настанет его очередь. Конечно, он был чертовски напуган, но лучше быть мертвым, чем застрять в мире в качестве бесполого куса плоти на съедение остальным.

Он был более чем готов стать мужчиной.

У него были семейные причины поквитаться с лессерами.

Спустя два часа, Ви был удовлетворен так, как давно не бывало. Не удивительно, что женщина была не в форме, чтобы дематериализоваться домой, поэтому он надел на нее халат, загипнотизировал до ступора, и спустил вниз на грузовом лифте. Фритц ждал в машине у тротуара, и, получив адрес, престарелый доджен не стал задавать вопросов.

Как всегда, дворецкий был подарком Божьим.

Снова оставшись в одиночестве в пентхаусе, Ви налил себе немного Гуза и сел на кровать. Постель была покрыта застывшим воском, кровью, ее возбуждением и результатами его оргазмов. Это была грязная сессия. Но все приятные были таковыми.

Он сделал большой глоток из стакана. В плотной тишине, вследствие всех извращений,

ледяным шлепком его ничтожной реальности к нему пришел каскад чувственных изображений. То, что он увидел недели назад и вспоминал сейчас, было застигнуто им по ошибке, но все же он присвоил эту сцену как вор-карманник, припрятал в памяти то, что ему не принадлежало.

Недели назад он видел Бутча и Мариссу... в объятиях друг друга. Это произошло, когда коп был на карантине, в клинике Хэйверса. Видеокамера была установлена в углу больничной палаты, и Ви увидел их на компьютерном мониторе: она была одета в бледно-персиковое платье, он — в больничную сорочку. Они долго и горячо целовались, а тела жаждали секса.

С бьющимся в горле сердцем, Ви смотрел, как Бутч подмял ее и накрыл сверху, его сорочка развязалась, открывая плечи, спину и бедра. В то время как он начал ритмично двигаться, его позвоночник выгибался и расслаблялся, когда ее руки скользнули по его ягодицам и вонзили в них ногти.

Они были прекрасны вместе. Ничего похожего на жесткий секс, который был у Ви всю жизнь. У них была любовь, близость и... нежность.

Вишес позволил своему телу упасть на матрас, стакан опрокинулся и вылился почти целиком, когда он его поднял. Боже, он задавался вопросом: на что будет похоже занятие таким видом секса? Ему он вообще понравится? Может, покажется клаустрофобным? Он не был уверен, что ему понравится, как кто-то будет касаться его тела, и не мог представить себя полностью обнаженным.

Но потом он подумал о Бутче, и решил, что это, возможно, зависит лишь от того, с кем ты.

Ви накрыл лицо своей нормальной рукой, чертовски желая, чтоб его чувства прошли. Он ненавидел себя за эти мысли, за эту привязанность, за бесполезную тоску, и знакомое чувство стыда вызвало очередной приступ апатии. Глубокое истощение накрыло его с головы до пят, он боролся с волнами, зная, насколько это было опасно.

В этот раз он проиграл. Даже не смог сопротивляться усталости. Его глаза плотно закрылись, когда страх прошелся по его позвоночнику, покрыв всю кожу мурашками.

О... черт. Он засыпает...

Запаниковав, он попытался открыть глаза, но было слишком поздно. Они превратились в кирпичные стены. Его захватил водоворот и все затягивал, как бы он не пытался высвободиться.

Хватка на стакане в его руке ослабла, и он смутно слышал, как стекло ударилось о пол и разбилось. Его последней мыслью стало сравнение себя со стопкой водки, разливающейся и трескающейся, неспособной более держать свою сущность внутри.

Пару кварталов к западу, в ЗироСам, Фьюри подхватил свой мартини, и откинулся на кожаном диване. Они с Бутчем молчали с тех пор как оказались в клубе полчаса назад, они просто разглядывали людей из-за стола Братства.

Бог знает, кого тут только не увидишь.

По другую сторону от стоячего фонтана, клубный танцпол сотрясался под музыку техно, и люди дергались на волнах экстази и кокаина, непристойно двигаясь в дизайнерских шмотках. Но Братство никогда не зависало на основной площадке. Их маленький кусочек недвижимости находился в VIP-секции — столик, занимающий всю заднюю часть рядом с пожарным выходом. ЗироСам был хорошим местом для отдыха и релаксации. Люди держались подальше, выпивка была высшего качества, и клуб располагался прямо в центре города, где в основном охотилось Братство.

К тому же, им владел родственник, ведь Бэлла и Зи поженились. Ривендж²⁷, владеющий клубом мужчина, был ее братом.

Также он являлся наркотороном Фьюри.

Он сделал длинный глоток из бокала своего «смешать, но не взбалтывать»²⁸. Он точно возьмет еще одну партию этой ночью. Его запас снова иссяк.

Блондинка проплыла мимо столика, ее груди качались как яблоки в серебряных блестках, под мини-юбкой мелькали ягодицы и тонкие трусики-танга. Одежда делала ее более чем просто полуголой.

Грязной — может, он искал это слово?

Она была обычной. Большинство женщин из VIP-секции были в дюйме от ареста за появление в непристойном виде, но они, как правило, были профессионалками — это цивилизный эквивалент шлюх. Когда проститутка нацелилась на следующий диван, он на мгновение задался вопросом, на что это же будет похоже — купить немного времени с кем-то подобной ей?

Он соблюдал целибат так долго, что было совсем невероятным размышлять об этом, не говоря уже о воплощении подобного в жизнь. Но возможно, это помогло бы выкинуть из головы Бэллу?

— Присмотрел себе что-нибудь? — нарочито медленно произнес Бутч.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Да? Хочешь сказать, что не заметил блондинку, промелькнувшую мимо? Или как она на тебя посмотрела?

— Она не в моем вкусе.

— Так поищи длинноволосую брюнетку.

— Забей. — Фьюри допил свой мартини, и ему захотелось швырнуть бокал о стену. Черт, он не мог поверить, что даже подумал о сексе за деньги.

Отчаявшийся. Неудачник.

Боже, ему нужен косячок.

— Да ладно тебе, Фьюри, ты же должен знать, что все цыпочки здесь плятятся, когда ты приходишь. Ты должен попробовать хоть одну.

Окей, чересчур много людей наезжают на него этой ночью.

— Нет уж, спасибо.

— Я просто говорю...

— Пошел на ... и заткнись уже.

Бутч выругался сквозь зубы и проглотил свой комментарий. Что заставило Фьюри почувствовать себя придурком. Как и следовало ожидать.

— Прости.

— Нет, все в норме.

Фьюри помахал официантке, которая сразу же подошла. Когда унесли его пустой стакан, он прошептал:

— Она пыталась меня свести с кем-то этим вечером.

— Что, прости?

— Бэлла, — Фьюри взял мокрую салфетку от коктейля и начал сворачивать ее в квадратики. — Сказала, что в Безопасном месте²⁹ есть какая-то социальная работница.

— Райм³⁰? О, она очень клевая...

— Но я...

— Не заинтересован? — Бутч покачал головой. — Фьюри, я знаю, что, возможно, ты снова на меня наорешь, но сейчас самое время заинтересоваться. Этот бред с тобой и женщинами, пора сворачивать.

Фьюри стало смешно.

— Что уж, говори без обиняков.

— Слушай, тебе нужно пожить хоть немного.

Фьюри кивнул на бионическую блондинку.

— И ты думаешь, что, покупая секс, я немножко поживу?

— Она на тебя так смотрит, что не придется платить, — сухо ответил Бутч.

Фьюри заставил себя обдумать эту сцену. Он представил, как встает и подходит к женщине. Берет ее за руку и ведет в одну из частных ванных. Может, она отсосет ему. Может, он прислонит ее к раковине, раздвинет ноги и станет погружаться, пока не кончит. Общее затраченное время? Пятнадцать минут, максимум. В конце концов, он мог быть девственником, но техника секса была предельно проста. Все, в чем будет нуждаться его тело, — это тесная хватка, немного трения, и остальное пойдет как по маслу.

Ну, теоретически. Сейчас он был мягким в своих штанах. Так что, даже если он захочет лишиться девственности этим вечером, этого не произойдет. Не с ней, по крайней мере.

— Я в норме, — сказал он, когда появился новый martini. Повертев в пальцах оливку, он отправил ее в рот. — В самом деле. Я в порядке.

Они снова замолчали, лишь по другую сторону водопада продолжала греметь музыка. Он уже собирался принести травку, потому что не мог больше выносить тишину, когда Бутч напрягся.

Через VIP-секцию на них смотрела женщина. Это была глава безопасности, с короткой стрижкой и упакованная мускулами как мужчина. К слову о крутых парнях. Фьюри видел, как она гоняла перебравших, будто собак газетой.

Но подождите, она смотрела не на Фьюри. Только на Бутча.

— Уау, ты спал с ней, — сказал Фьюри. — Ведь так?

Бутч пожал плечами и проглотил виски в стакане.

— Лишь однажды. И это было до Мариссы.

Фьюри снова посмотрел на женщину и задумался, на что был похож такой секс? От таких женщин, наверное, искры из глаз сыпятся. И не обязательно в позитивном смысле.

— Анонимный секс так хорош? — спросил он, чувствуя себя двенадцатилетним.

Бутч медленно улыбнулся. Загадочно.

— Раньше я так думал. Но когда это все, что ты знаешь, то конечно, и холодная пицца покажется потрясающей.

Фьюри сделал глоток мартини. Холодная пицца, ага. Так вот что его ждет. Как вдохновляет.

— Черт, не хочу портить настроение. Просто лучше, когда ты с нужным человеком. — Бутч допил свой Лаг. Когда официантка подошла, чтобы забрать стакан и наполнить его, он сказал: — Не надо. Остановлюсь на двух. Спасибо.

— Подождите! — Сказал Фьюри, пока женщина не ушла. — Мне еще один. Спасибо.

Вишес знал, что его настиг сон, потому что он был счастлив в нем. Ночные кошмары всегда начинались с состояния блаженства. В начале он был полностью счастлив, абсолютно целый, как собранный Кубик Рубика.

А потом раздался выстрел. Ярко-красное пятно расцвело на футболке, а его крик разрезал воздух, казавшийся плотным, почти твердым.

Его захлестнула такая боль, будто с него кусками содрали кожу, потом окунули в бензин и подожгли, а в довершение, взорвали бомбой шрапнель.³¹

О, Боже, он умирал. Никто не переживет такой агонии.

Он упал на колени и...

Ви подскочил на кровати, будто ему заехали по голове.

В клетке черных стен пентхауса и темнотой за стеклами, его дыхание звучало как ножовка, распиливающая древесину. Черт, его сердце билось так быстро, что ему пришлось приложить руки, дабы удержать его на месте.

Ему нужно выпить... сейчас же.

Он подошел к бару на вялых ногах, схватил чистый стакан и налил четыре дюйма Грей Гуза. Высокий стакан почти достиг его губ, когда Ви осознал, что был не один.

Он достал кинжал из ножен и резко обернулся.

— Это всего лишь Я, Воин.

Господи Иисусе. Дева-Летописица стояла перед ним, укутанная в черную мантию с головы до пят, ее лицо было закрыто, а крошечный силуэт заполнял весь пентхаус. Сияние, яркое, словно полуденное солнце, лилось из-под краев ее одеяния на мраморный пол.

О, именно в этой встрече он сейчас нуждался. Ага.

Он низко поклонился и замер на месте. Попытался представить, как бы он продолжил пить в таком положении.

— Я почтен.

— Лжешь, — сухо сказала она. — Поднимись, Воин. Я хочу видеть твое лицо.

Ви попытался изобразить на физиономии нечто вроде «привет-как-дела», надеясь закамуфлировать «твою-же-мать». Черт подери. Роф угрожал обратиться к Деве-Летописице, если Ви не сможет взять себя в руки. Похоже, его сдали.

Встав вертикально, он решил, что глоток Гуза расценится как оскорбление.

— Верно, — сказала она. — Но делай, что нужно.

Он проглотил водку как воду и поставил стакан на барную стойку. Захотелось еще, но, будем надеяться, она не задержится здесь.

— Цель моего визита не имеет ничего общего с твоим королем. — Дева-Летописица подошла ближе, остановившись в одном футе от него. Ви поборол желание отступить назад, особенно когда она протянула сияющую руку и погладила его по щеке. Ее сила была похожа на удар молнии — четкий и смертельный. Не хотел бы он стать ее мишенью. — Пришло время.

Время для чего? Но он сдержал себя. Ты не задаешь вопросы Деве-Летописице. Если,

конечно, не хочешь добавить в резюме пункт «использовали для натирки полов».

— Близится твой день рождения.

Верно, ему исполнится три сотни и три года, но он не мог понять, почему это послужило основанием для частного визита с ее стороны. Если она хотела отправить поздравление, подошло бы что-нибудь на скорую руку по е-мэйл. Черт с ним, могла заказать электронную открытку от Холлмарк³² и закончить на этом.

— У меня есть для тебя подарок.

— Я почтен. — И сбит с толку.

— Твоя женщина готова.

Ви вздрогнул всем телом, будто кто-то полоснул его ножом по заднице. — Простите, что...

Никаких вопросов, осел.

— А... со всем уважением, у меня нет женщины.

— Есть. — Она опустила сияющую руку. — Я выбрала ее среди Избранных в качестве твоей первой супруги. Она чистейших кровей и невероятной красоты.

Когда Ви открыл рот, она надела на него.

— Вы соединитесь, и ты зачнешь с ней ребенка, как и с другими женщинами. Твои дочери пополнят ряды Избранных. Сыновья вступят в Братство. Это твоя судьба — стать Праймэйлом³³ Избранных.

Слово Праймэйл взорвалось, как водородная бомба.

— Простите меня, Дева-Летописица... э... — Он прокашлялся и напомнил себе, что, разозлив Ее Святейшество, понадобятся щипцы для барбекю, чтобы собрать твои запеченные кусочки. — Не хочу вас оскорбить, но я не признаю ни одну женщину, как свою...

— Признаешь. Ты возляжешь с ней в должном ритуале, и она выносит твоего ребенка. Как и остальные.

Перспективы попасть в ловушку на Другой Стороне, окруженным женщинами, неспособным драться, лишенным возможности видеть своих братьев... или... Боже, Бутч... придали рту смелости.

— Моя судьба — быть Воином. Вместе с Братьями. Я там, где должен быть.

Кроме того, учитывая, что с ним сделали, он вообще мог произвести ребенка?

Он ожидал, что она закатит скандал за его неповиновение. Вместо этого она сказала:

— Как бесстрашно с твоей стороны отречься от своего статуса. Ты так похож на своего отца.

Неверно. Он и Бладлеттер не имели ничего общего.

— Ваше Святейшество...

— Ты должен это сделать. Ты должен подчиниться по доброй воле.

Выскочил жесткий и резкий ответ.

— Мне нужна чертовски серьезная причина.

— Ты мой сын.

Ви перестал дышать, грудь стала словно бетонной. Конечно, она говорила это в широком смысле слова.

— Триста лет и три года назад ты был рожден моим телом. — Капюшон Девы-Летописицы спал по собственному желанию, открывая призрачную, божественную красоту. — Подними свою руку, называемую проклятой, и узри правду.

С колотящимся в горле сердцем, он поднял руку в перчатке, беспорядочными рывками сорвал кожу. И в ужасе уставился на то, что было за покрытой татуировками кожей: его сияние было таким же как и ее.

Господи Иисусе... Какого черта он не установил связь раньше?

— Твоя слепота, — сказала она, — потакала твоему отречению. Ты просто не хотел этого видеть.

Ви отступил от нее подальше. Врезавшись в матрас, он позволил рухнуть своей заднице, и сказал себе, что сейчас не время терять рассудок...

О, минуточку... он уже его потерял. Отлично, или же у него сейчас поедет крыша.

— Как...это возможно? — Конечно, это был вопрос, но кого сейчас волнует?

— Да, думаю, мне следует простить тебе твой вопрос в этот раз. — Дева-Летописица проплыла по комнате, двигаясь, но, не ступая, мантия при движении не шевелилась, будто высеченная из камня. В этой тишине она заставила его подумать о шахматной фигуре: королеве, единственной из всех на доске, которая свободно движется во всех направлениях.

Когда она, наконец, заговорила, ее голос звучал низко.

— Я хотела физически познать зачатие и рождение, и потому приняла форму, способную к сексуальному акту и пришла в Старый Свет в способном к зачатию состоянии. — Она остановилась перед стеклянными дверями напротив балкона. — Я выбрала мужчину, основываясь на своих представлениях о наиболее желательных для выживания расы мужских качествах: сила, хитрость, мощь и агрессия.

Ви вспомнил своего отца и попытался представить Деву-Летописицу, занимающуюся с ним сексом. Черт, должно быть, это был горький опыт.

— Был, — сказала она. — Я в полной мере получила то, к чему стремилась. Но когда началась жажда, уже не было пути назад, и он полностью соответствовал своей натуре. Но в конце, он отказался от меня. Каким-то образом он знал, кто я, и зачем пришла.

Да, его отец отлично выяснял и использовал мотивации других.

— Было глупо с моей стороны надеяться, что я сойду за того, кем не являлась, с таким мужчиной. Настоящий хитрец. — Она посмотрела через комнату на Ви. — Он сказал мне, что даст свое семя, только если мальчик останется с ним. У него никогда не рождался живой сын, и его воинские чресла хотели познать эту радость.

— Я же хотела своего сына для Избранных. Возможно, твой отец понял тактику, но не он один. Я тоже знала его слабости и могла гарантировать пол ребенка. Мы договорились, что он получит тебя на триста лет и три года после рождения, и сможет использовать для сражений на своей стороне. После этого ты послужишь моим замыслам.

Ее замыслам? Замыслам его отца? Ад и преисподняя, у него что, совсем нет голоса?

Голос Девы стал еще ниже.

— Достигнув согласия, он насильно меня часами, пока форма, в которой я пребывала, чуть не погибла. Им овладело желание зачать, и я терпела его по той же причине.

Терпела — правильное слово. Ви, как и остальные мужчины в лагере, были вынуждены наблюдать, как его отец занимается сексом. Бладлеттер не проводил различий между сражением и сексом, не принимал во внимание размер женщин или их слабость.

Дева-Летописица снова начала перемещаться по комнате.

— Я доставила тебя в лагерь на твой третий день рождения.

Ви смутно слышал гул в своей голове, будто поезд ускорял ход. Благодаря маленькой сделке родителей, он прожил жизнь в руинах, до сих пор имея дело с последствиями жесткости своего отца и ужасными уроками военного лагеря.

Его голос перешел на рык.

— Ты знаешь, что он со мной сделал? Что они там со мной сделали?

— Да.

Выбросив все правила приличия в сортир, он сказал:

— Так какого же хрена ты позволила мне там остаться?

— Я дала слово.

Ви вскочил на ноги, рукой коснувшись половых органов.

— Рад, что твоя честь осталась нетронутой, в отличие от меня. Ага, справедливый, к дьяволу, обмен.

— Я могу понять твой гнев...

— Можешь, *Мама*? От этого я чувствую себя *настолько* лучше. Я провел двадцать лет своей жизни сражаясь, пытаясь выжить в этой выгребной яме. И что я получил? Больную голову и конченное тело. И сейчас ты хочешь, чтобы я размножался для тебя? — Он холодно улыбнулся. — Что если я не смогу их оплодотворить? Зная, что они со мной сделали, ты когда-нибудь об этом думала?

— Ты способен.

— Откуда ты знаешь?

— Думаешь, что я могу что-то не знать о своем сыне?

— Ты... сука, — выдохнул он.

Волна жара вырвалась из ее тела, достаточно горячая, чтобы подпалить его брови, и ее голос громко раздался в пентхаусе.

— Не забывай, кто я такая, Воин. Я выбрала твоего отца неблагоразумно, и мы оба страдали за эту ошибку. Думаешь, я оставалась равнодушной, наблюдая за течением твоей жизни? Думаешь, я беспристрастно наблюдала издали? Я умирала каждый день за тебя.

— Ну, ты прямо, блин, Мать Тереза, — прокричал он, понимая, что его тело начало гореть. — Предполагалось, что ты всемогуща. Если тебе было не плевать, ты могла прийти...

— Судьбы нельзя выбирать, их даруют...

— Кто? Ты? Значит, именно тебя я должен ненавидеть за все дерьмо, что со мной сотворили? — Сейчас он сиял целиком и полностью, ему не нужно было смотреть на предплечья, чтобы знать, что то, что было в его руке, разнеслось по всему телу. Прямо. Как. У нее.

— Будь ты... проклята.

— Сын мой...

Он обнажил клыки.

— Не зови меня так. Никогда. Мать и сын... это не мы. Моя мать сделала бы что-нибудь. Когда я не мог себе помочь, моя мать была бы там...

— Я хотела быть...

— Когда я истекал кровью, страдал и был в ужасе, моя мать была бы рядом. Так что не вываливай на меня мусор вроде «мой сыночек».

Последовала долгая тишина. Затем ее голос прозвучал отчетливо и твердо.

— Ты предоставишь мне себя после моего секвестра, который начинается этой ночью. Ты будешь формально представлен своей супруге. Ты вернешься, когда она будет надлежаще подготовлена для твоего использования, и сделаешь то, ради чего был рожден. И ты сделаешь это по своему собственному выбору.

— Черта с два. И пошла ты.

— Вишес, сын Бладлеттера, ты сделаешь это, потому что в ином случае раса не выживет. Если есть надежда выдержать натиск Общества Лессинг, нужно больше Братьев. Вас в Братстве всего пятеро. В былые годы вас было двадцать или тридцать. Откуда, как не от селекционного выведения, возникнут новые воины?

— Ты позволила Бутчу вступить в Братство, а он не был...

— Особое разрешение дабы пророчество осуществилось. Совсем не то же самое, и ты прекрасно это знаешь. Его тело никогда не будет столь сильным, как твое. Если бы не

врожденная сила, он никогда бы не стал Братом.

Ви отвел взгляд.

Выживание расы. Выживание Братства.

Дерьмо.

Он прошелся вокруг и остановился около кровати и стены с игрушками.

— Я — не парень для таких вещей. Я не герой. Я не интересуюсь спасением мира.

— Логика — в биологии, и ей невозможно возражать.

Вишес опустил свою сияющую руку, вспоминая сотни раз, когда испепелял ей вещи. Дома. Машины.

— Что насчет этого? Хочешь, чтобы целое поколение было проклято как я? Что, если я передам это своим потомкам?

— Это превосходное оружие.

— Как и кинжал, но он не поражает твоих друзей.

— Ты благословлен, а не проклят.

— Да ты что? Попытайся пожить с этим.

— Сила требует жертв.

Он резко рассмеялся.

— Хорошо, тогда я в момент откажусь от этой хрени, чтобы стать нормальным.

— Невзирая на это, у тебя есть обязательства перед расой.

— Да-да, точно. Ты тоже имела обязательства перед рожденным тобой сыном. Молись за мою сознательность к ответственности.

Он посмотрел на город, думая о гражданских, которых мучили, избивали, убивали лессеры Омеги. Целые века невинных жертв, а жизнь была так тяжела и без постоянной охоты на тебя. Он-то знает.

Черт, его бесил тот факт, что в ее рассуждениях было зерно логики. Сейчас в Братстве было всего пять членов, даже с учетом Бутча: Роф не мог сражаться по закону, потому что был королем. Тормент исчез. Дариус погиб прошлым летом. Так что всего пятеро против постоянно пополняющегося врага. Что еще хуже — у лессеров был бесконечный запас людей для вступления в ряды неживых. В то же время, Братьям нужно было родиться, вырасти и пережить превращение. Конечно, класс учеников, который тренируют на территории Братства, в конце концов, станет солдатами. Но этим парням никогда не достичь той силы, выносливости или способностей к исцелению, которые имеют мужчины из линии Братства.

Что касается зачатия новых Братьев... было не так много производителей. По закону Роф, как король, может возлечь с любой женщиной расы, но он конкретно связался с Бэт. Также как Рэйдж и Зи со своими женщинами. Тор, предполагая, что он жив и когда-нибудь вернется, психически будет не в том состоянии, чтобы заделать Избранным детей. Фьюри был единственным вариантом, но парень был с разбитым, блин, сердцем и соблюдал целибат. Не подходящий материал для шлюхи.

— Черт. — Пока он обдумывал ситуацию, Дева-Летописица молчала. Будто знала, что одно слово от нее — и он забудет на это, и к черту всю расу.

Он повернулся к ней лицом.

— Я сделаю это на одном условии.

— Каком?

— Я буду жить здесь, с братьями. Буду сражаться вместе с Братством. Я буду приходить на Другую Сторону и... Мать Божья... спать с кем надо. Но мой дом — здесь.

— Праймэйл живет...

— Этот не будет, так что соглашайся или проваливай. — Он взглянул на нее. — Ты же

знаешь. Я достаточно эгоистичный ублюдок, чтобы, если ты не согласишься, уйти прочь, и где тогда будешь ты? В конце концов, ты не можешь заставить меня трахать женщин до конца моей жизни, если конечно не хочешь работать моим членом сама. — Он холодно улыбнулся. — И как тебе такая биология?

Сейчас была ее очередь кружить по комнате. Пока он смотрел на нее и ждал, он злился на то, что они, казалось, думали одинаково... в движении.

Она остановилась у кровати и потянулась сияющей рукой, заколебавшись над деревянной панелью. Запах секса испарился в воздухе, беспорядок исчез, будто она не одобряла происходившее здесь ранее.

— Я думала, что может, тебе понравится спокойная жизнь. Жизнь, где ты защищен и не должен сражаться.

— И растерять все тщательные тренировки от кулака моего отца? Сейчас это будет такой потерей. Что насчет защиты? Она понадобилась бы триста лет назад. Не сейчас.

— Я думала, может... ты бы хотел иметь супругу для себя. Ту, которую я выбрала для тебя, она с лучшей родословной. Чистокровная, с красотой и грацией.

— Ты же выбрала моего отца, верно? Так прости, я не восхищен.

Ее взгляд остановился на его оборудовании.

— Ты предпочитаешь столь... жесткие сношения.

— Я сын своего отца. Ты сама так сказала.

— Ты не сможешь участвовать в этой... сексуальной пытке вместе с супругой. Это будет позорно и пугающе для нее. И ты не сможешь быть ни с кем, кроме Избранных. Это будет бесчестно.

Он попытался представить отказ от своих наклонностей.

— Нужно выгуливать моего монстра. Особенно сейчас.

— Сейчас?

— Да ладно тебе, *Мама*. Ты знаешь обо мне все, не так ли? Следовательно, знаешь, что мои видения иссякли, и я наполовину псих от недостатка сна. Черт, ты должна знать, что я прыгнул с этого здания на прошлой неделе. Чем дольше это продолжается, тем хуже я становлюсь, особенно когда не могу получить... разрядку.

Она махнула рукой, прерывая его.

— Ты ничего не видишь, потому что стоишь на перекрестке своего пути. Нельзя осуществить свободную волю, если знаешь конечный итог, по этой причине твоя пророческая часть подавляет себя. Все вернется.

По какой-то безумной причине, это успокоило его, хотя он и боролся с вторжением судеб других людей с тех пор, как они стали является ему века назад.

И потом его осенило.

— Ты не знаешь, что произойдет со мной, ведь так? Ты не знаешь, что я сделаю.

— Я получу твое слово, что ты исполнишь свои обязанности на Другой Стороне. Ты позаботишься о том, что должно быть сделано там. И я получу твое обещание сейчас.

— Скажи это. Скажи, что не знаешь будущего. Если хочешь моей клятвы, ты признаешься.

— Зачем?

— Я хочу знать, что в чем-то ты бессильна, — выплюнул он. — Значит, ты знаешь, что чувствую я.

Жар начал исходить от нее еще сильнее, пока пентхаус не превратился в сауну. Но потом, она сказала:

— Твоя судьба — моя. Я не знаю твоей дороги.

Он скрестил руки на груди, чувствуя, будто стоит на шатком стуле с петлей вокруг шеи.

Мать. Твою.

— Я даю тебе слово.

— Возьми это и прими свое назначение Праймэйлом. — Она протянула тяжелый золотой кулон на черном шелковом шнурке. Когда Вишес взял его, она кивнула один раз, скрепляя их договор. — Я отправлюсь в путь, дабы известить Избранных. Мой секвестр кончается через несколько дней от сего. Потом ты явишься ко мне и будешь назначен Праймэйлом.

Ее черный капюшон поднялся без помощи рук. И прямо перед тем, как опуститься на ее сияющее лицо, она сказала:

— До нашей встречи. Всего хорошего.

Она исчезла без звука и движения, растаяв в воздухе.

Ви подошел к кровати прежде, чем подогнулись колени. Когда его задница рухнула на матрас, он устоял на длинный, изящный кулон. Украшение было древним, с иероглифами на Древнем Языке.

Он не хотел детей. Никогда не хотел. Хотя при таком раскладе, он был не более чем донором спермы. Ему не придется быть отцом для них, к его облегчению. Он рожден не для такой фигни.

Запахнув кулон в задний карман кожаных штанов, он уронил голову на руки. К нему пришли видения о его юности в военном лагере, воспоминания были ясными и четкими, как стекло. Непристойно выругавшись на Древнем языке, он потянулся за курткой, вытащил телефон и набрал быстрый звонок. Голос Рофа раздался на линии, и на заднем фоне послышалось жужжание.

— Есть минутка? — спросил Ви.

— Да, в чем дело? — Ви ничего не ответил, и голос Рофа стал еще ниже. — Вишес? Ты в порядке?

— Нет.

Послышался шорох, и голос Рофа донесся на расстоянии:

— Фритц, ты можешь зайти и пропылесосить чуть позже? Спасибо. — Жужжание прекратилось, захлопнулась дверь. — Говори.

— Ты... э, ты помнишь, когда последний раз напивался? В смысле, напивался в стельку?

— Черт... эээ... — Во время паузы Ви представил, как черные брови короля скрываются за его очками. — Боже, по-моему, это было с тобой. Тогда, в начале девятнадцатого века, ведь так? Семь бутылок виски на двоих.

— Вообще-то, их было девять.

Роф рассмеялся.

— Мы начали в четыре дня, и пили... сколько, четырнадцать часов? После этого я провалялся весь день. Сотни лет спустя, я все еще, как с похмелья.

Ви закрыл глаза.

— Помнишь, когда наступил рассвет, я, эм... сказал тебе, что никогда не знал своей матери? Понятия не имел, кем она была, и что с ней стало?

— В основном туманно, но, да, припоминаю.

Боже, они оба так нажрались в ту ночь. Перепили сами себя. И только по этой причине он сболтнул, пусть даже самую малость, то, что роилось в его мозгу двадцать-четыре часа, семь дней в неделю.

— Ви? Что происходит? Это имеет что-то общее с твоей мамэн?

Ви откинулся на кровати. Когда он приземлился, кулон в заднем кармане впился в задницу.

— Ага... я только что встретил ее.

На Другой Стороне, в святилище Избранных, Кормия села на койку в своей белой комнате, белые свечи горели позади нее. Она была одета в традиционную белую мантию, ее босые ноги касались пола, а руки были сложены на коленях.

Ожидание.

Она привыкла ждать. Это была сущность жизни в качестве Избранной. Ты ждала, чтобы принять участие в назначенных ритуалах. Ты ждала, когда появится Дева-Летописица. Ждала, когда Директрикс даст задания, чтобы выполнить их. Ждала с грацией, терпением и пониманием, чтобы не опозорить традиции, которым служила. Здесь ни одна сестра не была важнее другой. Как Избранная, ты была частью целого, отдельная молекула среди прочих, составляющих действующий духовный организм... и необходимый, и полностью ненужный.

И проклята будет та, кто провалит свои обязанности, дабы не оказывать пагубного влияния на остальных.

Но сегодня ожидание стало неотвратимой ношей. Кормия согрешила и ожидала своего наказания.

Очень долго она хотела, чтобы к ней пришло ее превращение, в тайне нетерпеливо ждала его, но не во благо Избранных. Она хотела полностью познать себя. Хотела ощутить смысл, в своем дыхании и в биении сердца, смысл, имеющий отношение к ней как личности в этом мире, а не как к спице в колесе. Превращение стало бы ключом к ее личной свободе.

Превращение было дано лишь недавно, когда ее пригласили испить из чаши в храме. Поначалу она ликовала, что тайное желание исполнилось, но осталось нераскрытым. Но потом ее постигла кара.

Посмотрев на свое тело, она винила свои груди и бедра за то, что с ней скоро случится. Винила себя за желание быть кем-то особенным. Ей следовало оставаться там, где она была...

Тонкий шелковый занавес на дверном проходе сдвинули в сторону, и вошла Избранная Амалия, одна из личных помощниц Девы-Летописицы.

— И так, все решилось, — сказала Кормия, стиснув кулаки так, что заболели костяшки. Амалия доброжелательно улыбнулась.

— Да.

— Как скоро?

— Он прибудет по окончании секвестра Ее Высочества.

Отчаяние заставило Кормию спросить неслыханное.

— Не может ли кто-нибудь другой из нас быть выбранной? Есть те, кто жаждет этого.

— Ты была выбрана. — Когда слезы набежали на глаза Кормии, Амалия беззвучно подошла ближе. — Он будет нежен с твоим телом. Он...

— Он не сделает этого. Он — сын воина Бладлеттера.

Амалия вздрогнула всем телом.

— Что?

— Дева-Летописица не сказала тебе?

— Ее Святейшество лишь сказала, что договорилась с одним из членов Братства, с достойным воином.

Кормия покачала головой.

— Я узнала раньше, когда она впервые пришла ко мне. Я думала, все знали.

От беспокойства Амалия нахмурила брови. Без слов она села на койку и прижала Кормию к себе.

— Я не хочу этого, — прошептала Кормия. — Прости меня, сестра. Но я не хочу.

Голосу Амалии не хватало уверенности, когда она сказала:

— Все будет хорошо... обязательно.

— Что здесь происходит? — Резкий голос оторвал их друг от друга, словно пара рук.

Директрикс стояла в дверном проходе с подозрительным взглядом. С какой-то книгой в одной руке и черными жемчужными четками — в другой, она была идеальным воплощением стремлений и замыслов Избранных.

Амалия быстро встала, не отрицая произошедшее. Избранная всегда должна знать свое место; меньшее воспримут за вопиющее отклонение, за которое придется понести покаяние. А их застукали.

— Я должна поговорить с Избранной Кормией, — заявила Директрикс. — Наедине.

— Да, конечно. — Амалия прошла к двери с опущенной головой. — Прошу прощения, сестры.

— Тебе следует направиться в Храм Искупления, верно?

— Да, Директрикс.

— Оставайся там до конца цикла. Увижу тебя в садах, буду очень недовольна.

— Да, Директрикс.

Кормия зажмурила глаза, и молилась за подругу, когда та ушла. Полный цикл в этом храме? От сенсорной недостаточности³⁴ там можно сойти с ума.

Слова Директрикс были резкими.

— Я бы тебя тоже отправила туда, не будь у тебя других забот.

Кормия смахнула слезы.

— Да, Директрикс.

— Тебе следует начать свои приготовления с прочтения этой книги. — Книга в кожаном переплете приземлилась на кровать. — Здесь подробное описание прав Праймэйла и твоих обязанностей. Когда закончишь, начнутся консультации о сексе.

О, Дева Пресвятая, пожалуйста, только не Директрикс... пожалуйста, только не Директрикс...

— Тебя проинструктирует Лейла. — Когда плечи Кормии обмякли, Директрикс рывкнула:

— Я должна оскорбиться твоим облегчением от того, что не я буду учить тебя?

— Вовсе нет, сестра моя.

— Сейчас ты оскорбляешь меня неправдой. Взгляни на меня. *Взгляни на меня.*

Кормия подняла глаза и не смогла не отшатнуться от страха, когда Директрикс пригвоздила ее жестким взглядом.

— Ты выступишь свое обязательство и выступишь хорошо, иначе будешь изгнана. Ты меня поняла? Ты будешь изгнана.

Кормия была так поражена, что не смогла ответить. Изгнана? Изгнана... по ту сторону?

— Отвечай. Ясно?

— Д-да, Директрикс.

— Не ошибись. Выживание Избранных и отданный мною приказ — твоя основная цель. Любой, создающий препятствия, будет устранен. Напоминай себе это всякий раз, когда захочешь пожалеть себя. Это честь, и она может быть отозвана по моему желанию. Ясно? *Ясно?*

Кормия не могла совладать с голосом, и потому кивнула.

Директрикс покачала головой, странный огонек зажегся в ее взгляде.

— Если бы не твоя родословная, тебя бы не допустили. В действительности, все это — абсолютно недопустимо.

Директрикс вышла, шурша мантией, ее белое шелковое одеяние скользнуло по дверному

косяку позади нее.

Кормия опустила голову на руки и закусилла нижнюю губу, обдумывая свое положение: ее тело было обещано воину, которого она никогда не встречала... рожденному от зверского и жестокого отца... и на ее плечах лежала благородная традиция Избранных.

Честь? Нет, это было наказанием — за смелость пожелать что-то для самой себя.

Когда принесли еще один мартини, Фьюри попытался вспомнить, был ли он пятым по счету? Или шестым? Он не был уверен.

— Мужик, хорошо, что мы сегодня не сражаемся, — заметил Бутч: — Ты хлещешь выпивку как воду.

— У меня жажда.

— Я так и подумал. — Коп вытянулся в кресле. — Как долго планируешь восстанавливать водный баланс, Лоуренс Аравийский³⁵?

— Ты не обязан здесь зависа...

— Подвинься, коп.

Фьюри и Бутч взглянули вверх. Ви появился рядом со столом из ниоткуда, и с ним что-то случилось. С широко распахнутыми глазами и бледным лицом, он выглядел так, будто попал в автомобильную аварию, хотя ранений не было.

— Здорово, дружище. — Бутч передвинулся вправо, освобождая место. — Не думал, что увидим тебя сегодня.

Ви сел, его кожаная косуха собралась складками, делая его большие плечи совсем огромными. Нетипичным для него движением, он начал постукивать пальцами по столу.

Бутч нахмурился, посмотрел на напарника.

— Паршиво выглядишь. Что случилось?

Ви сцепил руки в замок.

— Сейчас не место.

— Так поехали домой.

— Черта с два. Я засяду здесь на целый день. — Ви поднял руку. Когда подошла официантка, он положил сотню на ее поднос. — Следи, чтобы Гуз не кончался, окей? И это на чай.

Она улыбнулась.

— С удовольствием.

Она направилась к бару, как на роликовых коньках, а глаза Ви тщательно просматривали VIP-зону, брови были низко опущены. Черт, он не знакомых выискивал. Он искал драки. И возможно ли, что Брат... немного светился?

Фьюри посмотрел налево и постучал дважды по уху, посылая сообщение одному из Мавров, охранявших служебную дверь. Телохранитель кивнул и заговорил в наручные часы.

Спустя пару минут вышел огромный мужчина с коротко стриженным ирокезом. Ривендж был одет в идеально сшитый черный костюм, а в правой руке держал трость. Он медленно подошел к столу Братства, его клиенты расступались перед ним, частично из-за уважения к его размерам, частично — опасаясь его репутации. Все знали, кем он был и на что был способен: Рив был наркодилером, принимающим непосредственное участие в своем заработке. Перейдешь ему дорогу, и тебя нашинкуют как что-нибудь с канала «Еда».

Полукровка и шурин Зейдиста оказался неожиданным союзником для Братства, хотя

истинная природа Ривенджа многое усложняла. Не умно спать с Симпатом. Буквально и фигурально. Поэтому он был нелегким другом и родственником.

Его натянутая улыбка почти не обнажила зубов.

— Добрый вечер, джентльмены.

— Не против, если мы воспользуемся твоим офисом в личных целях? — Спросил Фьюри.

— Не стану я разговаривать, — Выдавил Ви, когда принесли водку. Мановением руки он опрокинул стопку, будто в его кишках горел пожар, а эта дрянь была водой. — Никаких. Разговоров.

Фьюри и Бутч встретились взглядами, достигнув полного понимания: Вишес точно заговорит.

— Твой офис? — Спросил Фьюри у Ривенджа.

Рив изящно приподнял бровь, пронзая своим аметистовым взглядом.

— Не уверен, что вы захотите его использовать. Кабинет напичкан звукоаппаратурой, и все разговоры записываются. Если только... конечно... я не в комнате.

Не идеал, но все, что причинит ущерб Братству, заденет и его сестру, супругу Зи. Даже учитывая, что парень был наполовину Симпатом, у него были причины держать язык за зубами.

Фьюри скользнул с дивана и посмотрел на Ви.

— Захвати выпивку.

— Нет.

Бутч встал на ноги.

— Значит, оставь здесь. Потому что, если мы не едем домой, то поговорим здесь.

Глаза Ви вспыхнули. И не только глаза.

— Мать твою...

Бутч облокотился на столик.

— Прямо сейчас ты излучаешь ауру, будто твою задницу пришили к стене. Так что настоятельно советую перестать пороть чушь типа «я — одиночка», и объяснить свое мрачное поведение в офисе Рива, пока не начались проблемы. Сечешь?

Потом Ви и Бутч просто долго смотрели друг на друга. Затем Ви встал на ноги и направился в офис Рива. По пути его гнев приобрел ядовито-химический запах, вызывающий жжение в носу.

Черт, только у Бутча был шанс разобраться с Ви, когда мужчина в таком состоянии.

Господи, благослови ирландца.

Компания прошла через охраняемые маврами двери и заняла весь офис Ривенджа.

Когда дверь закрылась, Рив зашел за свой стол, нажал что-то, и пиканье прекратилось.

— Все чисто, — сказал он, опускаясь в черное кожаное кресло.

Они все уставились на Ви... который сразу превратился в животное из зоопарка, нарезая круги и смотря так, будто хотел кого-то слопать. Наконец, Брат остановился в противоположной, от Бутча, стороне комнаты. Встроенный светильник над ним светил не так ярко, как его кожа.

— Поговори со мной, — прошептал Бутч.

Не сказав ни слова, Ви достал что-то из заднего кармана. Когда он вытянул руку, тяжелый золотой кулон закачался на конце шелкового шнурка.

— Кажется, у меня новая работенка.

— Вот... дерьмо, — прошептал Фьюри.

Местоположение в комнате Блэя было стандартным для Джона и его приятелей: Джон

сидел на кровати. Блэй со скрещенными ногами — на полу. Куин развалился в кресле-мешке, его новое тело было лишь наполовину в нем. Короны³⁶ стояли открытыми, а пакеты с чипсами передавались по кругу.

— Давай, колись, — сказал Блэй. — Как прошло твоё превращение?

— Забей на превращение, я трахнулся. — Когда Блэй и Джон вытаращили глаза, Куин рассмеялся. — Да. Сорвал свою вишенку, так сказать.

— Да. Блин. Не. Выдумывай, — выдохнул Блэй.

— Я серьёзно. — Куин запрокинул голову и проглотил полпива. — Хотя, скажу, что превращение... черт... — Он посмотрел на Джона, его разноцветные глаза сузились. — Готовься, Джэй-мэн. Это жесть. Ты будешь желать смерти. Молить о ней. А потом станет ещё хуже.

Блэй кивнул.

— Это ужасно.

Куин закончил пиво и кинул бутылку в корзину для бумаг.

— За моим следили. За твоим тоже, да? — Когда Блэй кивнул, Куин открыл мини-холодильник и достал ещё одну Корону. — Ага, в смысле... как-то странно. Мой отец был в комнате. Её — тоже. Все время, пока меня выворачивало наизнанку. Меня бы это смутило, но я слишком был занят, хреново себя чувствуя.

— Кого ты использовал? — Спросил Блэй.

— Марну.

— Неплоооохо.

Веки Куина потяжелели.

— Ага, она была *очень* неплоха.

Челюсть Блэя отвисла.

— Её? Ты с ней...

— Ага. — Куин засмеялся, когда Блэй плюхнулся спиной на пол, будто в него выстрелили в упор. — Марна. Знаю. Сам едва себе верю.

Блэй поднял голову.

— Как это произошло? И да поможет мне Бог, я выпорю тебя, если что-нибудь упустишь.

— Ха! Будто ты о своём рассказывал.

— Не переводи стрелки. Давай рассказывай, дружище.

Куин наклонился вперед, Джон понял намек и подвинулся на самый край кровати.

— Окей, и вот все кончилось. В смысле... закончилось кормление, и превращение завершилось. Я лежал на кровати... будто меня переехал поезд. Она осталась на случай, если мне понадобится больше крови, ну типа сидя в углу в кресле и все такое. Так или иначе, её отец и мой разговаривали, а я, похоже, вырубился. Не успел опомниться, уже был один в комнате. Открылись двери и вошла Марна. Сказала, что забыла свитер или что-то ещё. Я только раз на неё взглянул и... ну, Блэй, ты же знаешь, как она выглядит, да? Мгновенно завелся. Разве можно меня винить?

— Совсем нет.

Джон моргнул и наклонился ещё ближе.

— В любом случае, на мне была простыня, но она как-то узнала. Блин, она смотрела на меня и улыбалась, а я типа «О, Боже...». А потом отец позвал её снизу. Им пришлось остаться, ведь я закончил уже засветло, но он естественно не хотел, чтобы Марна спала со мной. И когда она уходила, то сказала, что прокрадется сюда чуть позже. Я не поверил ей, но все же понадеялся. Прошел час, я все ждал... умирал от нетерпения. Затем ещё час. Потом решил, мол, отлично, она не появится. Я позвонил отцу по внутреннему телефону и сообщил, что ночью у

друзей. Потом встал, затащил себя в душ. Выхожу оттуда... и она была в комнате. *Обнаженная. На кровати.* Господи, я мог лишь пялиться. Но я быстро сообразил. — Куин уставился в пол, а потом покачал головой. — Я взял ее три раза. Один за другим.

— Вот это... да, — прошептал Блэй. — Тебе понравилось?

— А ты как думаешь? Еще как! — Когда Блэй кивнул и поднес Корону к губам, Куин добавил: — Когда я закончил, то пошел с ней в душ, вымыл ее, а затем полчаса с нее не слезил.

Блэй подавился пивом, облив себя.

— О, Боже...

— Она на вкус как спелая слива. Сладкая как сироп. — Джон выкатил глаза от удивления, на что Куин улыбнулся. — Она была по всему моему лицу. Фантастика.

Парень сделал большой глоток, показывая, какой он мужик, и даже не попытался скрыть реакцию тела на то, что без сомнения, прокрутил в своей памяти. Когда джинсы натянулись у ширинки, Блэй прикрыл свои бедра одеялом.

Джону скрывать было нечего, и он посмотрел на бутылку.

— Ты собираешься с ней обручиться? — спросил Блэй.

— Господи Боже, конечно нет! — Куин коснулся синяка под глазом. — Это... просто случилось. В смысле, нет. Я и она? Да никогда в жизни.

— Но разве она не была...

— Нет, она не была девственницей. Конечно же, не была. Так что, никакого брака. Она бы не получила меня в любом случае.

Блэй обратился к Джону.

— Женщины аристократии должны быть девственницами до свадьбы.

— Времена переменялись. — Куин нахмурился. — Но все же, ни слова об этом, хорошо? Мы классно провели время, в этом нет ничего страшного. Она хорошая девчонка.

— Рот на замке. — Блэй сделал глубокий вдох и прокашлялся. — Э... лучше, когда ты с кем-то, ведь так?

— Секс? В тысячу раз, приятель. Бильярд в два шара³⁷ снимает напряжение, но это не сравнить с оригиналом. Боже, она была такая нежная... особенно между ног. Мне понравилось быть сверху, глубоко погружаться, слышать ее стоны. Жаль, что вас парни там не было. Вы б забалдели.

Блэй закатил глаза.

— Ты, занимающийся сексом. Ага, сейчас, прям точно нужно мне видеть.

Куин улыбнулся медленно и с чертовщинкой.

— Тебе же нравится смотреть, как я сражаюсь?

— Хм, так ты хорош в бою.

— Почему секс должен быть иначе? Это просто что-то, что ты делаешь своим телом.

Блэй казался смущенным.

— Но... как же уединение?

— Уединение зависит от ситуации. — Куин достал третью бутылку. — И, Блэй?

— Что?

— Я очень хорош в сексе. — Он открыл бутылку и сделал глоток. — Итак, вот что мы сделаем. Я собираюсь набраться сил за пару дней, и потом мы отправимся по клубам города. Я хочу повторить, но не смогу быть с ней. — Куин посмотрел на Джона. — Джэй-мэн, ты поедешь с нами в ЗироСам. И плевать мне, что ты претранс. Мы поедем вместе.

Блэй кивнул.

— Из нас троих отличная компания. Кроме того, Джон ты скоро будешь там же, где и мы.

Пока они вдвоем начали загадывать планы, Джон заметно притих. Разговоры о том, чтобы

снять по цыпочке, были непонятны ему, и не только потому, что он не прошел превращение. У него был плохой опыт касательно сексуальных отношений. Самый худший.

На мгновение он отчетливо вспомнил грязную лестничную площадку, где все произошло. Он почувствовал дуло у виска. Почувствовал, как стянули джинсы. Ощутил немыслимое, что с ним сотворили. Он вспомнил, как дыхание поднималось вверх и вниз по его глотке, как увлажнились глаза, когда он обмочился и все потекло по носкам дешевых кроссовок парня.

— Блэй, на этих выходных, — объявил Куин, — мы о тебе позаботимся.

Джон поставил пиво и потер лицо, когда щеки Блэя покрылись краской.

— Ну да, Куин... даже не знаю...

— Доверься мне. Я все устрою. Потом, Джон? Ты следующий.

Первой реакцией Джона было покачать головой «нет», но он остановил себя, чтобы не выглядеть придурком. Он уже чувствовал себя дураком, маленьким и женоподобным. Отвергнуть предложение переспать отправит его навечно в Лузерлэнд³⁸.

— Итак, у нас есть план? — спросил Куин.

Когда Блэй затеребил край своей футболки, у Джона возникло ощущение, что парень откажется. Что заставило Джона чувствовать себя намного лучше...

— Ага. — Блэй прокашлялся. — Я... э, да. Умираю от нетерпения. Это почти все, о чем я могу думать. Ну, знаешь, даже как-то больно.

— Я точно знаю каково это. — Разноцветные глаза Куина сверкнули. — Мы достанем себе хороших девиц. Черт, Джон... может, скажешь своему телу, что уже пора?

Джон просто пожал плечами, желая уехать отсюда.

— Время для «Скиллеров»³⁹? — спросил Блэй, кивая на Икс-бокс ⁴⁰на полу. — Джон снова нас уделает, но мы можем побороться за второе место.

Было огромным облегчением сосредоточиться на чем-то другом, и они втроем засели за игру, крича на ТВ, кидаясь друг в друга бумажными обертками и пивными крышками. Боже, Джон обожал это. На видеоэкране они соревновались на равных. Он не был маленьким и всеми покинутым, он превосходил их. В «Скиллерах» он мог быть воином, каким всегда мечтал быть.

Намыливая им шеи, Джон посмотрел на Блэя и понял, что парень выбрал эту игру специально, чтобы Джон почувствовал себя лучше. Но с другой стороны, Блэй стремился понимать, что творилось в голове у других, и быть добрым, никого не смущая при этом. Он был прекрасным другом.

После четырех упаковок пива, трех походов на кухню, двух полных туров в «Скиллеров» и фильма «Годзилла», Джон взглянул на часы и встал с кровати. Фритц скоро за ним придет, потому что ему назначен прием на четыре утра каждый день, на котором он должен появиться, иначе его удалят из тренировочной программы.

«Увидимся завтра в классе?» показал он знаками.

— Заметано, — ответил Блэй.

Куин улыбнулся.

— Скинь смс после, ок?

«Скину». Он задержался у двери. «О, эй, хотел спросить.»

Он слегка постучал по своему глазу и кивнул Куину. «Откуда взялся фонарь?»

Взгляд Куина остался неизменным, а улыбка сияла как никогда.

— Ерунда. Поскользнулся и упал в душе. По-дурацки, ага.

Джон нахмурился и посмотрел на Блэя, взгляд которого уперся в пол. Так, что-то было...

— Джон, — твердо сказал Куин: — бывают несчастные случаи.

Джон не поверил парню, особенно учитывая, что Блэй все еще прятал глаза, но, имея свою тайну, он не любил лезть в чужие дела.

«Да, конечно», ответил Джон. Затем просвистел на прощание и вышел.

Он закрыл дверь, услышал их низкие голоса, и положил руку на дерево. Он хотел быть там же, где они, так сильно, но касательно секса... Нет, ему нужно превращение, чтобы стать мужчиной и отомстить за отца. Не для того, чтобы спать с женщинами. По факту, может ему стоит взять пример с Фьюри?

Безбрачие может многое предложить. Фьюри воздерживался, хм, всю жизнь, и посмотрите на него. Он был очень собранным парнем и хорошо контролировал себя.

Неплохая дорожка, чтобы по ней пойти.

— Кем ты станешь? — выпалил Бутч.

Вишес посмотрел на своего соседа по комнате, и гребаное слово встало поперек горла.

— Праймэйлом. Избранных.

— Это что, черт возьми, такое?

— По существу, донор спермы.

— Постой... так ты собираешься сделать ЭКО⁴¹?

Ви запустил руку в волосы, подумав при этом, как хорошо было бы пробить кулаком стену.

— Активной работы побольше.

Говоря об активности: он давно не занимался с женщиной нормальным сексом. Сможет ли он дойти до оргазма в течение официального ритуального секса с Избранной?

— Почему ты?

— Должен быть член Братства. — Ви расхаживал по темной комнате, решив пока оставить личность своей матери в тайне. — Маленький резерв для выбора. Который становится еще меньше.

— Ты будешь жить на Другой Стороне? — спросил Фьюри.

— На Другой Стороне? — встрял Бутч. — В смысле, ты не сможешь сражаться вместе с нами? Или, типа... зависать с нами?

— Нет, это одно из условий сделки.

Когда Бутч выдохнул от облегчения, Ви попытался вконец не расклеиться оттого, что сосед по комнате хотел видеть его так же сильно, как и сам Ви хотел быть увиденным.

— Когда это произойдет?

— Через несколько дней.

— Роф знает? — громко спросил Фьюри.

— Ага.

Ви подумал, на что подписался, и его сердце начало выпрыгивать из груди, как машущая крыльями птица, пытающаяся вырваться из его грудной клетки. И то, что двое его братьев и Ривендж смотрели на него с ужасом в глазах, делало панику еще сильнее.

— Слушайте, эээ, я отойду? Мне нужно... черт, мне нужно проветриться.

— Я с тобой, — сказал Бутч.

— Нет. — Ви был в отчаянии. Если и была ночь, в которую он мог сделать что-то ужасно неуместное, то она настала. И то плохо, что чувства к его напарнику оставались невысказанной тайной; но претворение их в реальность своими действиями привело бы к катастрофе, с которой не справится ни он, ни Бутч, ни Марисса. — Мне нужно побыть в одиночестве.

Ви запихнул проклятый кулон в задний карман и покинул давящую тишину офиса. Он быстро направился через боковую дверь в переулок с целью найти лессера. Должен был найти его. Молился Деве-Лето...

Ви застыл. Вот черт. Чертовски уверен, что не станет больше молиться своей матери. Или употреблять эту фразу.

Черт... возьми.

Ви прислонился к холодному кирпичу здания ЗироСама, и, как бы ни было больно, не смог остановить воспоминания своей жизни в военном лагере.

Лагерь располагался в глубокой пещере в центре Европы. Около тридцати воинов использовали ее в качестве дома, но были и другие обитатели. Дюжину претрансов послали сюда для тренировок, другая дюжина, или около того, шлюх, кормила и обслуживала мужчин.

Бладлеттер управлял лагерем годами и выпустил нескольких лучших бойцов расы за все времена. Четверо членов Братства начинало там при отце Ви. Но многие другие, всех мастей, не выживали.

Первые воспоминания Ви были о голоде и холоде, о том, как он наблюдал за трапезой других, пока бурчал его живот. В течение его первых лет, им руководил голод, как и у других претрансов, его единственным побуждением было, неважно как, но накормить себя.

Вишес ждал в тених пещеры, оставаясь вне подрагивающего света, отбрасываемого пламенем костра. Семь свежих оленей были поглощены в диком бешенстве, солдаты срезали мясо с костей и вгрызались как животные, кровь окропила их лица и руки. В стороне от ужинающих, претрансы дрожали от жадности.

Как и остальные, Вишес умирал от голода. Но он не стоял рядом с парнями. Он ждал во мраке, не отрывая глаз от своей жертвы.

Солдат, за которым он следил, был жирным как боров, с мясистыми складками, вываливающимися из кожаных штанов, и опухшими, нечеткими чертами лица. Обжора почти все время ходил без рубашки, его выдающаяся грудь и рыхлый живот тряслись, когда он расхаживал вокруг, пиная бродячих собак, живущих в лагере, или когда бегал за шлюхами. Однако, при всей своей лени, он был жестоким убийцей, и недостаток скорости компенсировал зверской силой. Из-за огромных рук, размером с голову взрослого мужчины, ходили слухи, что он отрывал конечности лессеров и съедал их.

Во время каждого приема пищи он в числе первых добирался до мяса, ел он быстро, хотя это сопровождалось недостатком аккуратности. Он не особо обращал внимание на то, что в действительности попадало в его рот: куски оленьей плоти, поток крови и кости покрывали его грудь и живот, словно окровавленная рубаха из его неряшливости.

Этой ночью мужчина закончил ранние и развалился на своих ляжках, держа в кулаке ногу оленя. И хотя он наелся, он задержался у туши, которую обгладывал, отгоняя остальных солдат забавы ради.

Когда пришло время для наказаний, солдаты переместились от костра к трибуне Бладлеттера. В свете фонарей солдаты, проигравшие во время тренировки, склонились у ног Бладлеттера, их насиловали победители. Тем временем, претрансы слетались на то, что осталось от оленя, а женщины лагеря наблюдали с напряженными взглядами, ожидая своей очереди.

Жертва Ви не сильно интересовалась унижениями. Жирный солдат наблюдал недолго, а потом вырубился с оленьей ногой в руке. Его грязная койка располагалась в самом конце места, где спали солдаты, потому что его вонь, была оскорбительна даже для их носов.

Вытянувшись, он выглядел словно холмистое поле, с телом, похожим на серию холмов и долин. Оленья нога лежала на животе, как приз на вершине горы.

Ви оставался позади, пока глаза-бусинки солдата не скрылись под мясистыми веками, а массивная грудь не начала подниматься и опускаться в замедляющемся ритме. Вскоре рыбы губы раскрылись, и храп начал раздаваться один за другим. Тогда Ви приблизился на босых ногах, не издавая ни звука.

Неприятный запах мужчины не отпугнул Ви, и его не волновала грязь на оленьей ноге. Он наклонился вперед и вытянул маленькую ручку, вытаскивая кость.

Как только он вытащил ее, черный кинжал пронесся мимо, рядом с ухом солдата и вонзился в пещерный настил, от чего глаза мужчины мгновенно распахнулись.

Отец Ви нависал, как готовый обрушиться кулак в кольчуге, с расставленными ногами, с серьезностью в темных глазах. Он был самым крупным во всем лагере, говорили, даже среди всей расы, и его присутствие внушало страх по двум причинам: из-за размера и

непредсказуемости. Его настроение менялось каждые пять минут, а прихоти были капризны и жестоки, но Ви знал, что стоит за этим изменчивым нравом: абсолютно все рассчитывалось ради эффекта. Злобная хитрость его отца была настолько глубока, насколько тверды были его мышцы.

— Поднимайся, — прорычал Бладлеттер. — Пока ты нежился, тебя обворовал мальчишка.

Ви отпрянул от своего отца, и начал есть, запустив зубы в мясо и пережевывая как можно быстрее. Его за это побьют, вероятно, они оба, так что нужно съесть как можно больше, пока не посыпались удары.

Жирдяй извинялся, пока Бладлеттер пинал его ботинком с шипами. Лицо мужчины побледнело, но он был достаточно умен, чтобы не кричать.

— Причины случившегося не волнуют меня. — Бладлеттер уставился на солдата. — Что ты будешь делать с этим — вот мой вопрос.

Не переведя дух, солдат стиснул кулак и ударил Ви в бок. Когда удар вышиб воздух из его легких и мясо изо рта, Ви выронил кусок. Задыхаясь, он поднял кусок из грязи и засунул назад в рот. От пещерного настила он стал соленым.

Когда началось избиение, Ви ел во время ударов, пока его малая берцовая кость не изогнулась так, что почти сломалась. Он закричал, упустив оленью ногу. Кто-то подобрал ее и убежал прочь.

Все это время Бладлеттер смеялся без улыбки, лающий звук, издаваемый ртом, был резким и тонким, словно нож. И потом он прекратил это. Без единого усилия он схватил толстого солдата за шею и швырнул о каменную стену.

Ботинки Бладлеттера оказались напротив лица Ви. — Поддай мне мой кинжал.

Ви заморгал и попытался сдвинуться.

Послышался скрип кожи, и лицо Бладлеттера возникло прямо перед Ви. — Поддай мне мой кинжал, мальчик. Или займешь место шлюх в яме.

Солдаты, собравшиеся позади его отца, загоготали, и кто-то кинул камень, попавший в покалеченную ногу Ви.

— Мой кинжал.

Вишес погрузил тонкие пальчики в грязь и подтащил себя к кинжалу. Находясь в двух футах от него, кинжал казался на другом конце света. Когда он, наконец, положил ладонь на него, он был настолько слаб, что ему понадобились обе руки, чтобы вытащить его из земли. Его живот крутило от боли, и когда он потянул кинжал, его вырвало украденным мясом.

Когда рвота прошла, он протянул кинжал своему отцу, который уже встал в полный рост.

— Вставай, — сказал Бладлеттер. — Или думаешь, что я должен наклониться к ничтожеству?

Ви с трудом сел и не мог вообразить, как ему удастся поднять все свое тело, если он едва поднимал плечи. Он переложил кинжал в левую руку, а правой уперся в грязь, и оттолкнулся. Боль была настолько сильной, что в глазах потемнело... но чудеса случаются. Им овладело какое-то внутреннее сияние, будто солнечный свет пролился в его венах и полностью избавил от боли. Зрение вернулось... и он увидел, что рука светилась.

Сейчас не было времени удивляться. Он оторвал себя от пола, поднимаясь, одновременно пытаясь не нагружать ногу. Трясущейся рукой он подал кинжал отцу.

Бладлеттер смотрел на него какое-то мгновение, будто не ожидал, что Ви вообще поднимется. Затем взял оружие и отвернулся.

— Кто-нибудь, сбейте его обратно. Его дерзость оскорбляет меня.

Ви грохнулся ничком, когда приказ был выполнен, сияние тот час же покинуло его, и вернулась агония. Он ждал других ударов, но когда услышал рев толпы, то понял, развлечением

дня станет наказание неудачников, а не его.

Когда он валялся в трясине своей боли, пытался дышать дрожащим, избитым телом, он представил, как женщина в белой мантии приходит к нему и обнимает руками. Нашептывая нежные слова, она убаюкивала его и гладила по волосам, успокаивала его.

Он впустил видение. Она была его воображаемой матерью. Которая любила его, хотела, чтобы он был в безопасности, согретый и сытый. Воистину, только ее образ оставлял его в живых, одна она приносила ему покой.

Толстяк наклонился вниз, обдавая Ви своим зловонным дыханием. — Украдешь у меня еще раз, и ты не залечишь то, что я с тобой сделаю.

Солдат плюнул Ви в лицо, затем поднял его и отшвырнул как ненужный мусор подальше от грязной койки.

Прежде чем вырубиться, Ви увидел остальных претрансов, с удовольствием доедавших оленью ногу.

Выругавшись, Ви заглушил воспоминания, его глаза заматались по переулку, в котором он находился, словно подхваченные ветром старые газеты. Черт, он чувствовал себя развалиной. Печать на его Тапперуэре⁴² сломалась, и отголоски прошлого просочились наружу.

Бардак. Полный бардак.

Хорошо хоть, что он не знал тогда, какое дерьмо «моя-мамочка-которая-меня-любит». Это ранило бы его сильнее, чем любое пережитое в прошлом насилие.

Он достал медальон Праймэйла из кармана и уставился на него. Ви смотрел на него несколько минут, пока тот не упал и отрекошетил от пола, как монетка. Он нахмурился... и тут же осознал, что его «нормальная» рука сияла и прожгла кожаный шнурок.

Черт возьми, его мать была такой эгоисткой. Она создала расу, но этого ей показалось мало. Ей, черт побери, захотелось потомков.

Мать твою. Он не предоставит ей удовольствия получить сотни внуков. Она облажалась как мать, так с какой стати он должен дарить ей будущее поколение для издевательств?

Кроме того, была другая причина, по которой он не должен становиться Праймэйлом. Он, в конце концов, был сыном своего отца, и жестокость заложена в его ДНК. Как он мог доверять себе в том, что не сорвется на Избранных? Эти женщины были не виновны, и не заслужили того, что будет происходить между их ног, если он станет Праймэйлом. Он не сделает этого.

Ви прикурил самокрутку, поднял медальон и покинул переулок, повернув на Торговую. Ему позарез нужно подраться, пока не взошло солнце.

Он рассчитывал найти парочку лессеров в лабиринте городских улиц.

Это был беспроегрешный вариант. Война между Обществом Лессинг и вампирами имела лишь одно оговоренное правило: никаких сражений на людях. Последнее, в чем нуждались обе стороны — это свидетели и человеческие жертвы, так что сражения, сокрытые от посторонних глаз, были самой сутью дела, а Колдвелл располагал отличной сценой для мелкомасштабных битв. Благодаря массовому переселению в пригороды в 1970-х, в городе хватало темных переулков и нежилых зданий. К тому же, то небольшое количество людей, бродивших по улицам, было обеспокоено удовлетворением своих преступных наклонностей. Это означало, что они были заняты, обеспечивая работой местную полицию.

Он шел, держась в стороне от очагов света, проливаемых уличными фонарями и автомобилями. Благодаря холодной ночи на пути встретилось лишь несколько пешеходов, и он в одиночестве миновал бар Макгридер, Скример и новый, только что открытый стрип-клуб. Потом он прошел мимо закусочной Текс-Мекс⁴³ и китайского ресторана, зажатого между двумя конкурирующими салонами тату. Через несколько кварталов он миновал многоквартирный дом, где проживала Бэт до встречи с Рофом.

Он уже собирался развернуться и направиться назад, в сердце города, когда резко остановился. Поднял нос. Вдохнул. В ветерке почувствовался запах детской присыпки, но, так как старые склочницы и дети давно сидели по домам, он понял, что враг рядом.

Но было в воздухе что-то еще, от чего кровь стыла в жилах.

Ви расстегнул куртку, чтобы можно было достать кинжалы, и побежал на запах, в сторону Двдцатой улицы. Двдцатая пересекалась только с Торговой, и была окружена офисными зданиями, которые спали в этот час. По мере его приближения к месту по неровному, покрытому грязью асфальту, запах усиливался.

Он почувствовал, что опоздал.

Через пять кварталов он убедился в этом.

Другим запахом была пролитая кровь гражданского вампира, и когда облака рассеялись, лунный свет озарил отвратительное зрелище: прошедший превращение мужчина, в разорванной клубной одежде, был мертв, его тело было искалечено, а лицо изуродовано до неузнаваемости. Убивший его лессер, обшаривал карманы вампира, без сомнений, надеясь найти какой-нибудь адрес, ведущий к еще большей резне.

Убийца учуял Ви и посмотрел через плечо. Лессер был блее известняка, его бледные волосы, кожа и глаза — цвета мела. Большой, сложенный как игрок в регби, этот парень давно вступил в Общество, и Ви понял это не только по давно выцветшей естественной пигментации. Лессер по-деловому поднялся на ноги, поднял руки на уровень груди и кинулся вперед.

Они врезались друг в друга, как машины на перекрестке: лицом к лицу, тело к телу, сила против силы. В начале обоюдного «душевного приветствия», Ви поймал солидный, высекающий из глаз искры, удар. Мгновенье он ничего не соображал, но потом ему удалось вернуть услугу достаточно сильно, чтобы лессер опрокинулся, как волчок. Затем он двинулся на противника, схватил его за шкуру и снова сбил с ног.

Ви любил драться. И он был хорош в «играх на плоскости».

Но лессер оказался маневренным: он вскочил с ледяного асфальта и послал удар, который перетасовал внутренности Ви, как колоду карт. Ви отшатнулся назад, и, поскользнувшись на бутылке колы, подвернул лодыжку и задницей приземлился на асфальт. Позволяя себе отойти от удара, он следил за лессером, который двигался слишком быстро. Ублюдок нацелился на лодыжку Ви, схватив его за ботинок, и дернул изо всех сил своей огромной груди и рук.

Ви завопил, когда его уложили лицом наземь, но сумел отгородиться от боли. Используя вывихнутую лодыжку и руки в качестве рычага, он оттолкнулся от асфальта, подтянул свободную ногу к груди, и со всей возможной силой ответил ударом, попав козлу в колено и выбив сустав. Лессер запрыгал как фламинго, его нога изогнулась под невообразимым углом, и он рухнул на спину Ви.

Они крепко вцепились друг в друга, их бицепсы и предплечья напрягались, пока они катались вокруг и остановились около убитого гражданского. Когда лессер укусил Ви за ухо, он окончательно взбесился. Оторвав себя от зубов лессера, он ударил того в лобную долю, оставив в кости трещину, которая ошеломила ублюдка, и позволила Ви освободиться.

Ну, почти.

Нож вспорол его бок в тот момент, когда Ви вытаскивал ноги из-под гада. Острая, пронзающая боль была словно укус стероидной пчелы, и Ви ощутил, как лезвие прорвало кожу и мускулы прямо под ребрами, справа.

Черт, зацепило кишки, и очень скоро начнутся неприятности. Так что самое время закругляться с дракой.

Ранение побудило к действиям, и Ви обхватил голову лессера, крутанув сукиного сына, словно крышку от бутылки пива. Прозвучавший хруст, когда череп отошел от спинного мозга, походил на звук сломанной надвое ветки, и тело мгновенно обмякло, руки шлепнулись наземь, а ноги замерли.

Когда бушующий всплеск адреналина прошел, Ви схватился за бок. Черт, он покрылся холодным потом, руки тряслись, но нужно было закончить работу. Он быстро обшарил лессера, выискивая удостоверение личности, прежде чем добить гада.

Убийца посмотрел на него, его губы медленно зашевелились:

— Меня... когда-то звали... Майклом. Восемьдесят... три... года назад. Майкл Клошник.

Раскрыв бумажник, Ви нашел действующие водительские права.

— Ну, Майкл, удачной поездки в ад.

— Рад... что все кончилось.

— Не все. Ты разве не слышал? — Черт, его бок чертовски болел. — Твое новое прибежище — в теле Омеги, приятель. Ты будешь жить там бесплатно, всю гребаную вечность.

Бледные глаза широко распахнулись.

— Ты лжешь.

— Да ладно. Оно мне надо? — Ви покачал головой. — Твой босс не упоминал об этом? Похоже, что нет.

Ви достал кинжал из ножен, поднял руку и вогнал лезвие в широкую грудь. Вспышка света была достаточно яркой, чтобы осветить весь переулок, затем раздался хлопок и... черт, взрыв зацепил гражданского, поджигая его как спичку. Когда оба тела были уничтожены, в холодном ветре остался лишь запах детской присыпки.

Шикарно. И как они теперь уведомят семью гражданского?

Ви обыскал местность, и когда не нашел другого бумажника, то просто прислонился к Дампстеру⁴⁴, сидел и дышал мелкими глотками. Каждый вдох ощущался как новый удар кинжалом, но кислородное голодание — тоже не вариант, поэтому он продолжал дышать.

Прежде чем достать телефон и вызвать помощь, он посмотрел на свой кинжал. Черное лезвие было покрыто чернильной кровью лессера. Он прокрутил в голове бой с лессером и представил на своем месте другого вампира, не столь сильного, как он. Не имевшего такой подготовки.

Он поднял руку в перчатке. Проклятье было дано ему свыше, но Братство и его благородная цель привели в порядок его жизнь. И что, если бы его убили этой ночью? Если бы это лезвие пронзило его сердце? Их осталось бы четверо.

Черт.

На шахматной доске, его Богом проклятой жизни, все фигуры были давно расставлены, а игра — предопределена. Святой ад, столько раз в жизни тебе не приходилось выбирать дорогу, потому что путь, по которому ты шел, был предрешен без учета твоего собачьего мнения.

Свободная воля — это бредовая чушь.

Забудем о матери и его драме... он должен стать Праймэйлом для Братства. Он задолжал насилию, которому служил.

Вытерев лезвие о штаны, он вложил его в ножны, с трудом встал на ноги и обшарил свою куртку. Черт... его телефон. Где же он? В пентхаусе. Должно быть, телефон выскользнул, когда он кинул куртку на кровать...

Раздался выстрел.

Пуля попала прямо между грудных мышц.

Удар сбил его с ног, отбросив, как в замедленной съемке. Он упал навзничь и просто лежал, когда колоссальное давление заставило сердце подпрыгнуть и затуманило мозг. Он мог лишь судорожно глотать воздух, мелкие вдохи быстро пробирались вверх-вниз по коридору его глотки.

С последней крупницей силы он поднял голову и осмотрел свое тело. Пулевое ранение. Кровь на рубашке. Пламенеющая боль в груди. Кошмар воплотился.

Прежде, чем он сообразил запаниковать, явилась темнота и поглотила его целиком... пища, перевариваемая в кислотной ванне агонии.

— Ты тут что вытворяешь, Уиткоум?

Доктор Джейн Уиткоум, поморщившись, отвлеклась от карты пациента, которую подписывала. Доктор Мануэль Манелло, заведующий хирургическим отделением, медицинского

центра Св. Франциска, надвигался на нее по коридору, как бык. И она знала почему.

Сейчас начнется неприятное.

Джейн нацарапала свою подпись внизу рецепта, протянула карточку медсестре, и наблюдала, как женщина в спешке удаляется. Хороший защитный маневр, нередко встречается здесь. Когда заведующий становится таким, народ в страхе ломится по кустам... логичное, кстати, поведение, если бомба готова взорваться, а у вас есть хотя бы немного мозгов.

Джейн посмотрела на него.

— Итак, ты слышал.

— Заходи. Сейчас, — он толкнул дверь в комнату отдыха для хирургов.

Когда она зашла, Прист и Дюбуа, два лучших хирурга желудочно-кишечного тракта в Св. Франциске, взглянули на заведующего, похватали еду из торгового автомата и спешно покинули комнату. Дверь за ними захлопнулась без единого звука. Будто и она не хотела привлекать внимание Манелло.

— Когда ты собиралась мне рассказать, Уиткоум? Или ты думала, что Колумбия на другой планете, и я бы не узнал?

Джейн скрестила на груди руки. Она была высокой женщиной, но Манелло превосходил ее на пару дюймов, и он был сложен как профессиональные атлеты, которых оперировал: широкие плечи, массивная грудь, большие руки. В свои сорок пять он был как огурчик, к тому же, одним из лучших ортопедических хирургов в стране.

Ну и первостатейным сукиным сыном, когда закипал.

Отлично, она всегда сохраняла спокойствие в напряженных ситуациях.

— Я знаю, что у тебя там связи, но думала, они будут достаточно тактичны, чтобы подождать, пока я решу, хочу ли я эту работу...

— Конечно, хочешь, иначе не стала бы тратить время и ездить туда. Это все деньги?

— Окей, во-первых, не прерывай меня. Во-вторых, сбавь тон. — Когда Манелло провел рукой сквозь свои густые темные волосы и сделал глубокий вдох, она почувствовала себя скверно. — Слушай, мне следовало сказать тебе. Предполагаю, было неприятно, когда тебя вот так вот огорошили.

Он покачал головой.

— Не из приятных моментов — получить звонок из Манхэттена о том, что один из моих лучших хирургов едет на собеседование в другую больницу к моему наставнику.

— Тебе сказал Фолчек?

— Нет, один из его мелких сошек.

— Прости, Мэнни. Я просто не знала, как все пойдет, и не хотела спускать курок раньше времени.

— Почему ты хочешь оставить отделение?

— Ты же знаешь, я хочу больше, чем могу здесь получить. Ты будешь заведующим до шестидесяти пяти, если не решишь уйти раньше. А в Колумбии, Фолчеку уже пятьдесят восемь. Там у меня больше шансов стать главой отделения.

— Я уже сделал тебя заведующей травматологическим отделением.

— Я это заслужила.

Его губы изогнулись в улыбке.

— Будь скромнее.

— С какой стати? Мы оба знаем, что это правда. И насчет Колумбии. Ты бы хотел быть под начальством в течение следующих двух десятков своей жизни?

Его веки опустились на глаза цвета красного дерева. На секунду ей показалось, что что-то вспыхнуло в его взгляде, но потом он положил руки на бедра, его белый халат натянулся на

широких плечах.

— Я не хочу терять тебя, Уиткоум. Ты лучший хирург, который у меня когда-либо был.

— А мне нужно смотреть в будущее, — она прошла к своему шкафчику. — Я хочу заведовать своей собственной лавкой, Манелло. Такой я создана.

— Когда это проклятое собеседование?

— Первое — завтра днем. Если я не появлюсь на неделе и не позвоню, значит, решила остаться в городе.

— Черт.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — ответили они в унисон.

Медсестра просунула в дверь голову.

— Пациент с ранением. Расчетное время прибытия — две минуты. Мужчина за тридцать. Пулевое ранение, возможно, пробита аорта. Отключался в машине дважды. Вы примете пациента, доктор Уиткоум, или хотите, чтобы я позвонила Голдбергу?

— Нет, я беру его. Подготовь четвертый бокс, и скажи Эллен и Джиму что я уже иду.

— Сделаю, Доктор Уиткоум.

— Спасибо, Нэн.

Когда дверь закрылась, она посмотрела на Манелло.

— Возвращаясь к Колумбии. На моем месте ты бы сделал то же самое. Так что ты не можешь сказать, что удивлен.

Последовала длинная пауза, потом он подошел ближе.

— Я не позволю тебе уйти без боя. Что не должно удивлять и тебя, ведь так?

Он вышел из комнаты, забрав большую часть кислорода с собой.

Джейн прислонилась к своему шкафчику, и посмотрела, через кухонное помещение в зеркало на стене. Ее отражение было четким, начиная от белого халата до зеленых брюк, и заканчивая прямыми светлыми волосами.

— Он хорошо все воспринял, — сказала она себе. — Принимая во внимание обстоятельства.

Дверь в помещение отрылась, и Дюбуа высунул голову.

— Бояться нечего?

— Ага. Я направляюсь в операционную.

Дюбуа распахнул дверь и вошел внутрь, беззвучно двигаясь в кроксах по линолеуму.

— Не знаю, как ты это делаешь. Ты единственная, кому не нужна нюхательная соль после разборок с ним.

— Не так уж он и плох, правда.

Дюбуа хмыкнул.

— Не пойми неправильно. Я чертовски его уважаю. На самом деле. Но злить его точно не хочу.

Она положила руку на плечо коллеги.

— Давление надоедает людям. Ты тоже не сдержался на прошлой неделе, помнишь?

— Да. Ты права, — Дюбуа улыбнулся. — По крайней мере, он больше не швыряется вещами.

Отделение неотложной помощи Т. Уиббла Джонса в Медицинском центре Св. Франциска было оборудовано по последним технологиям, благодаря щедрому пожертвованию самого Джонса. Открытый всего полтора года назад, комплекс площадью в пятьдесят квадратных футов, был разделен на две части, в каждой по шестнадцать боксов. Пациентов в критическом состоянии принимали поочередно на местах А или Б, и они оставались там с назначенной командой, ожидая выписки, перевода или отправления в морг.

В центре отделения находилось то, что медперсонал называл «спуском». «Спуск» годился только для пациентов с травмами, а их делили на две группы: на «роллеров», которых привозили на машине скорой помощи, и «кровельщиков», которых доставляли на посадочное место одиннадцатую этажами выше. «Кровельщики», как правило, были более тяжелыми случаями, их доставляли на вертолете, с окрестностей радиусом в сто пятьдесят миль. Для таких пациентов был предназначен лифт, спускающийся прямо в «спуск», достаточно большой для двух каталок и десятка медиков.

В травматологическом отделении было шесть мест, каждое с рентгеном и ультразвуком, кислородным оборудованием, медикаментами и пространством для перемещений вокруг. Оперативный центр, или контрольно-диспетчерский пункт, располагался точно посередине — группа компьютеров и персонал, который, к сожалению, работал без перерывов. В любое время здесь находился, минимум один принимающий терапевт, четыре стажера и шесть медсестер, обслуживающих помещение, а также, два-три пациента.

Колдвелл даже приблизительно не был столь крупным как Манхэттен, но здесь часто случались гангстерские разборки, перестрелки наркоторговцев и автомобильные аварии. К тому же, среди населения в три миллиона жителей, встречались бесчисленные вариации человеческой глупости: пневматический пистолет выстрелил в живот парню, который пытался починить замок на джинсах; пробитый стрелой череп, потому что, кто-то хотел доказать что обладает супер меткостью и ошибся; мужчина, решивший починить плиту и получивший разряд в 240, потому что не выключил ее.

Джейн жила в «спуске», считала его своей вотчиной. Как заведующая травматологическим отделением, она несла административную ответственность за происходящее здесь, но она, также выучилась на травматолога и врача экстренной помощи, так что она была в обойме. Каждый день Джейн решала, кого нужно перевести в операционные, и частенько зашивала кого-то.

В ожидании прибытия раненого, она просмотрела карточки двух пациентов, находящихся на лечении, и наблюдала через плечо за работой стажеров и медсестер. Каждый член команды травматологического отделения, был выбран Джейн собственноручно, и при наборе она не отдавала предпочтение «Лиге Плюща»⁴⁵, хотя сама окончила Гарвард. Она искала качества хорошего бойца, или, как она это называла «Без шуток, склад ума Шерлока»: ум, выносливость, хладнокровность. Особенно хладнокровность. Вы должны оставаться в здравом уме в критических ситуациях, если собираетесь работать в «спуске».

Но это не значило, что сострадание не требовалось в их работе.

Как правило, большинство пациентов отделения не нуждались в утешении и подбадривании. Им нужно вкалывать обезболивающее или выводить из шока, потому что они истекали кровью, как решето, отморозили полтела или обгорели на семьдесят пять процентов. Таким пациентам нужны каталки с хорошо-натренированными, хладнокровными людьми, которые разбирались в своем деле.

Однако, в доброте и симпатии, а временами — в подбадривании, нуждались их семьи и

возлюбленные. Каждый день в «спуске» кто-то умирал и воскресал, и это были не просто люди на каталках, которые перестали дышать или снова начали. Приемные были полны взволнованных людей: мужей, жен, родителей и детей.

Джейн знала, каково это — терять кого-то, кто был частью тебя, и, работая в клинике, она четко осознавала человеческий фактор в медицине и технологиях. И она удостоверилась, чтобы ее люди тоже это осознавали: чтобы работать в «спуске», нужно уметь работать с обеими сторонами дела, нужен боевой склад ума и умение обращаться с больными. Как она разъясняла своему персоналу: приходит время, когда нужно держать чью-то руку или выслушать тревоги, предложить плечо, чтобы в него поплакались, потому что в любую секунду можно оказаться на их месте. В конечном итоге, трагедия не проводила различий, так что каждый мог стать жертвой капризов судьбы. Не важно, какого цвета ваша кожа или сколько у вас денег, гей вы или натурал, атеист или верующий — все равны с точки зрения фатальной неотвратимости. И всех кто-то где-то любит.

К ней подошла медсестра.

— Доктор Голдберг только что позвонил и сказал, что болен.

— Грипп?

— Да, он попросил доктора Харриса заменить его.

Боже, благослови Голдберга.

— Наш парень нуждается в чем-нибудь?

Медсестра улыбнулась.

— Он сказал, что его жена была довольна, увидев его, когда проснулась. Сара готовит куриный суп и кудахчет вокруг него.

— Хорошо. Ему нужно взять перерыв. Жаль, что он им не насладится.

— Да. Он упомянул, что она собирается заставить его просмотреть все фильмы для свиданий на DVD, которые они пропустили за последние полгода.

Джейн рассмеялась.

— Ему станет только хуже. О, слушай, я бы хотела сделать клинический разбор случая Робинсона. Мы больше ничего не сможем для него сделать, но я думаю, нам в любом случае придется разбирать эту смерть.

— Я чувствовала, что вы захотите это сделать. И запланировала разбор на следующий день, после вашего возвращения.

Джейн пожала медсестре руку.

— Молодчина.

— Нет, я просто знаю своего босса. Ты никогда не отпускаешь их, не проверив и перепроверив, на случай, если можно было что-то сделать.

Верно. Джейн помнила каждого пациента, скончавшегося в «спуске», не важно, была она лечащим врачом или нет, она вела список умерших в своей голове. В бессонные ночи имена и лица прокручивались у нее в голове, как старомодные микрофиши⁴⁶, она думала, что однажды они сведут ее с ума.

Список мертвых был основным мотиватором, и будь она проклята, если этот мужчина с пулевым ранением попадет в него.

Джейн села за компьютер и запросила полную информацию на пациента. Будет та еще схватка. Они имели дело с колотой раной и пулей в груди, и, учитывая, где его нашли, она могла поспорить, что он был либо наркодилером, торговавшим на чужой территории, либо крупным покупателем, которого обманули. В любом случае, вряд ли он имел медстраховку, хотя это не имело значения. Св. Франциск принимал всех пациентов, невзирая на их платежеспособность.

Три минуты спустя, раскрылись двустворчатые двери, и наступил переломный момент: этот

Майкл Клошник был привязан к каталке, огромный, бледный, в комплекте кожи, с кучей татуировок и эспаньолкой. Медик у его головы делал инкапсуляцию, а другой, в это время, тащил оборудование.

— Четвертый бокс, — сказала она парамедикам. — Что у нас?

Парень, делающий инкапсуляцию, ответил:

— Две капельницы внутривенно с раствором Рингера. Кровяное давление — шестьдесят на сорок и падает. Сердечный ритм — сто сорок. Дыхание — сорок. Интубирован через рот. Фибрилляция желудочков⁴⁷ на пути сюда. Сделали дефибрилляцию разрядом в 200 джоулей. Синусовая тахикардия на сто-сорок.

В четвертом боксе медики остановили каталку, весь персонал «спуска» собрался вместе. Одна медсестра села за маленький столик, чтобы вести записи. Двое были наготове, чтобы подавать инструменты Джейн, и еще четверо приготовились разрезать кожаные штаны пациента. Два стажера столпились вокруг, чтобы наблюдать или помочь при необходимости.

— Есть бумажник, — сказал парамедик, протягивая его медсестре с ножницами.

— Майкл Клошник, тридцать семь лет, — прочла она. — Картинка на удостоверении смазанная, но... это может быть он, если после съемки он покрасил волосы и отрастил бородку.

Она протянула бумажник коллеге, которая делала записи, и принялась стаскивать штаны.

— Гляну, есть ли он в системе, — сообщила другая женщина, подключившись к компьютеру. — Нашла его... подождите, это... должно быть ошибка. Нет, адрес верный, неверный год.

Джейн тихо выругалась.

— Возможно проблемы с новой электронной системой регистрации. Не хочу полагаться на эту информацию. Узнайте группу крови и немедленно сделайте рентген грудной клетки.

Пока брали кровь, Джейн сделала быстрый предварительный осмотр. Пулевое ранение аккуратной дырочкой расположилось рядом с каким-то шрамированием на груди. Наружу выходил лишь ручеек крови, намекая на происходящее внутри. Ножевая рана была такой же. Внешне ничего серьезного. Она надеялась, что ему не вспороли кишечник.

Она окинула взглядом его тело, отметив множество татуировок... Вау. В паховой области были застаревшие увечья.

— Покажи рентген и сделай ультразвук его сердца...

В операционной раздался крик.

Голова Джейн метнулась влево. Медсестра, раздевающая пациента, лежала сейчас на полу в эпилептическом припадке, ее руки и ноги молотились о плитку. В руке она держала черную перчатку, которая была на пациенте.

На мгновение все застыли.

— Она просто прикоснулась к его руке и тут же свалилась, — произнес кто-то.

— Все за дело! — отрезала Джейн. — Эстевез, займись ей. Я немедленно хочу знать как она. Все остальные — соберитесь. Сейчас же!

Ее команды побудили персонал к действию. Все перефокусировались, когда медсестру перенесли на соседнее место, и Эстевез, один из стажеров, начал ее осматривать.

Снимок груди вышел относительно нормальным, но по какой-то причине, ультразвук получился плохого качества. Однако оба показали то, что ожидала Джейн: перикардальную тампонаду из пулевого ранения в правый желудочек, кровь просочилась в перикардальный мешочек и давила на сердце, подрывая его функции, вынуждая биться медленней.

— Нужен ультразвук брюшной полости, пока я выиграю нам немного времени с его сердцем. — Определив не требующую промедлений рану, Джейн хотела получить больше данных о ножевой ране. — И как только закончите, проверьте обе машины. На некоторых, из

этих снимков груди, есть эхо.

Когда стажер начал работать над брюшной полостью пациента ультразвуковым устройством, Джейн взяла иглу для биопсии на двадцать один миллиметр и воткнула в шприц на пятьдесят миллилитров. После того как медсестра смазала грудь пациента Бетадином, Джейн проколола его кожу и, двигаясь в теле пациента, сделала отверстие в перикардialном мешочке, вытянув оттуда сорок миллилитров крови, чтобы облегчить перикардialную тампонаду. В то же время, она отдала приказы подготовить операционную, двумя этажами выше, и держать под рукой дежурную команду кардиологов.

Она отдала шприц медсестре.

— Глянем на брюшной отдел.

Машина определенно вышла из строя, так как снимки вышли не такими ясными, как она предпочитала. Они, однако, показали хорошие новости, которые подтвердились, когда она пальпировала зону. Основные внутренние органы не повреждены.

— Окей, кажется, живот в порядке. Повезли его наверх, немедленно.

На выходе из «спуска» она заглянула в другой бокс, где Эстевез работал над медсестрой.

— Как она?

— Приходит в себя. — Эстевез покачал головой. — Сердце стабилизировалось после дефибрилляции.

— У нее была фибрилляция? Господи!

— Как у парня с телефонной станции вчера. Будто ее ударил сильнейший поток электричества.

— Ты позвонил Майку?

— Да, ее муж уже едет.

— Хорошо. Позаботься о нашей девочке.

Эстевез кивнул и посмотрел вниз на свою коллегу.

— Обязательно.

Джейн нагнала пациента, когда персонал катил его по «спуску» в лифт, ведущий в хирургический комплекс. Этажом выше, она начала готовиться к операции, пока медсестры перекладывали его на стол. По ее просьбе приготовили торакальный хирургический набор и аппарат искусственного кровообращения, а ультразвук и рентгеновские снимки, сделанные внизу, уже высвечивались на мониторах.

Надев хирургические перчатки и держа их подальше от себя, она снова просмотрела сканы груди. По правде говоря, оба снимка были низкого качества, зернистые с этим эхо, но этого было достаточно, чтобы сориентироваться. Пуля застряла в спинных мышцах, и она собиралась оставить ее там: риск, присущий ее удалению, выше чем, если оставить ее в покое, и по правде, большинство людей с пулевыми ранениями покидали «спуск» со свинцовыми трофеями, где бы они не были.

Джейн нахмурилась, наклоняясь ближе к экрану. Интересная пуля. Круглая, не стандартной продолговатой формы, какие она привыкла видеть внутри своих пациентов. Но, кажется, сделана из обычного свинца.

Джейн подошла к столу, где пациента подсоединили к наркозному оборудованию. Его грудь была подготовлена, область вокруг укрыта хирургической тканью. Оранжевый слой Бетадина напоминал некачественный автозагар.

— Никакого шунтирования. Не хочу терять время. Скажи, у нас есть кровь для него в наличии?

Одна из медсестер слева заговорила.

— Есть, но не определена группа его крови.

Джейн оглядела пациента.

— Нет?

— Показатели пришли неопознанными. Но у нас есть восемь литров нулевой.

Джейн нахмурилась.

— Окей, сделаем это.

Используя лазерный скальпель, она сделала надрез на груди пациента, затем распилила грудину и, используя реберный расширитель, чтобы получить доступ к сердцу, открыла...

Джейн перестала дышать.

— Черт...

— Возьми, — закончил кто-то.

— Отсос, — когда последовала пауза, Джейн посмотрела на ассистировавшего медбрата. — Отсос, Жак. Мне плевать, как оно выглядит, я могу исправить... при условии, что мне дадут это сделать.

Кровь удаляли с шипящим звуком, и потом она смогла хорошо рассмотреть физическую аномалию, которую никогда не встречала раньше: шестикамерное сердце в человеческой груди. Это «эхо», которое она видела на ультразвуке, в действительности оказалось дополнительной парой камер.

— Фотографии! — крикнула она. — Только быстро, пожалуйста.

Пока делали снимки, Джейн подумала: «Блин, Кардиологическое Отделение с катушек съедет». Она ничего подобного раньше не встречала... хотя дыра в правом желудочке была знакомой. Она повидала таких сотни.

— Накладываем шов, — сказала она.

Жак вложил в ее ладонь пару зажимов, инструмент из нержавеющей стали, с изогнутой иглой и черной ниткой на ее конце. Джейн потянулась левой рукой за сердцем, затыкая дальнюю часть раны пальцем, затем зашила переднюю часть раны. Затем, нужно поднять сердце от околосоердечной сумки и сделать то же самое снизу.

Общее затраченное время — шесть минут. Потом она убрала расширитель, возвращая ребрам исходное положение, и использовала проволоку из нержавеющей стали, чтобы сшить две половины грудины вместе. Она уже собиралась зашить его от диафрагмы до груди, когда оборудование начало пищать и анестезиолог сказал:

— Кровяное давление — шестьдесят на сорок, и падает.

Джейн обнаружила сердечную недостаточность, и наклонилась к пациенту.

— Даже не думай об этом, — выпалила она. — Умрешь тут у меня, и я просто рассвирепею.

Как гром среди ясного неба, вопреки медицинской логике, глаза мужчины распахнулись и уставились на нее.

Джейн отшатнулась назад. Господи Боже... Его радужки сверкали словно алмазы, так ярко, что напомнили ей о луне в безоблачную зимнюю ночь. Впервые в жизни она застыла как вкопанная. Когда их взгляды встретились, они, словно были связаны телами, переплелись, неотделимы...

— У него снова фибрилляция желудочков, — прокричал анестезиолог.

Джейн собралась.

— Ты останешься со мной, — приказала она пациенту. — Слышишь меня? *Ты останешься со мной.*

Она могла поклясться, что парень кивнул, прежде чем опустить веки. И она вернулась к спасению его жизни.

— Тебе нужно перестать злиться насчет инцидента с картофельной пушкой⁴⁸, — сказал Бутч.

Фьюри закатил глаза и откинулся в кресле.

— Вы разбили мое окно.

— Конечно, разбили. Ви и я в него целились.

— Дважды.

— Что доказывает, какие мы выдающиеся стрелки.

— В следующий раз, пожалуйста, выбирайте чье-нибудь... — Фьюри нахмурился и оторвался от своего мартини. Без явных на то причин, его инстинкты внезапно ожили, зажглись и засигналили, как игровой автомат. Он оглядел VIP-секцию, выискивая источник проблем. — Эй, коп, ты...

— Что-то не так, — выдохнул Бутч, потирая центр груди, а потом вытащил здоровый золотой крест из-под рубашки. — Что, черт возьми, происходит?

— Не знаю. — Фьюри снова пробежался взглядом по VIP-секции. Дьявол, будто отвратный запах просочился в помещение, окрашивая воздух чем-то, что заставляет ваш нос пожелать о смене профессии. И все же, не было видно ничего подозрительного.

Фьюри вытащил телефон и позвонил близнецу. Когда Зи взял трубку, то первым делом спросил, в порядке ли Фьюри.

— Я в порядке, но, Зи, ты тоже это чувствуешь, да?

Через стол Бутч приложил мобильный к уху.

— Детка? Ты в порядке? Все нормально? Да, я не знаю... Роф хочет поговорить со мной? Да, конечно, соедини... Здорово, приятель. Да. Фьюри и я. Да. Нет. Рейдж с тобой? Хорошо. Да, сейчас же наберу Ви.

Повесив трубку, коп нажал несколько цифр и снова приставил телефон к уху. Брови копа низко опустились.

— Ви? Перезвони мне. Сразу же, как только получишь сообщение.

Он закончил звонок, когда Фьюри договорил с Зи.

Они оба откинулись назад. Фьюри крутил бокал с мартини. Бутч теребил крест.

— Может, он поехал в пентхаус, к женщине, — предположил Бутч.

— Он сказал мне, что этой ночью поедет туда первым делом.

— Ладно. Значит, наверное, он посреди сражения.

— Ага. Он сразу же перезвонит нам.

И хотя на всех телефонах Братства стояли GPS, чип Ви не работал, когда телефон был при нем, так что звонок в особняк, с просьбой отследить его Рейзер, не сильно поможет. Ви обвинял свою руку в том, что эти функции отключаются, утверждая что, что бы там не заставляло его руку светиться, это вызывало электрические или магнитные помехи. Был уверен, что это влияло на качество связи. Даже если звонок производился по наземной линии связи, во время разговора с Ви всегда доносились помехи и посторонние шумы.

Помолчав полторы минуты, Фьюри и Бутч взглянули друг на друга и одновременно заговорили:

— Не хочешь навестить...

— Пошли...

Они оба встали и направились к запасному боковому выходу из клуба.

Снаружи, в переулке, Фьюри посмотрел в ночное небо.

— Хочешь, чтобы я быстро дематериализовался к нему?

— Ага. Сделай это.

— Мне нужен адрес. Никогда там раньше не бывал.

— Коммондор. Верхний этаж, юго-западная часть. Я здесь подожду.

Для Фьюри было секундным делом появиться на обдуваемом ветрами балконе огромного пентхауса, десятью кварталами от реки. Ему даже не нужно было подходить к стеклянной стене. Он чувствовал, что Брата там не было, и через мгновение вернулся к Бутчу.

— Пусто.

— Значит, он охотится... — коп застыл, странное, одержимое выражение появилось на его лице. Его голова резко повернулась вправо. — Лессеры.

— Как много? — спросил Фьюри, расстегивая куртку. После того, как Бутч повздорил с Омегой, он мог чувствовать убийц, как радар, а ублюдки, словно монеты, притягивались к его металлоискателю.

— Парочка. Разберемся по-быстрому.

— Чертовски верно.

Лессеры вышли из-за угла, взглянули на Фьюри и Бутча, и встали в боевую позицию. Переулок за ЗироСам, был не лучшим местом для боя, но, к счастью, ночь была холодной, и поблизости не было людей.

— Я на зачистке, — сказал Бутч.

— Так точно.

Они бросились на врага.

Два часа спустя, Джейн толкнула дверь в Отделение интенсивной терапии. Она собралась и была готова ехать домой, кожаная сумка висела на плече, в руках были ключи, а на плечи накинута ветровка. Но она не уедет, не проверив своего пациента с пулевым ранением.

Когда она подошла к посту медперсонала, женщина по другую сторону конторки подняла голову.

— Привет, доктор Уиткоум. Пришли проверить своего пациента?

— Да, Шалонда. Ты же знаешь, не могу оставить их без присмотра. В какую палату ты его определила?

— В шестую. Сейчас с ним Фэй, проверяет его состояние.

— Видишь, почему я вас, ребята, люблю. Вы лучшая команда ОИТ⁴⁹ в городе. Кстати, кто-нибудь приходил к нему? Вы нашли ближайшего родственника?

— Я звонила по номеру в медицинской карте. Ответивший парень сказал, что живет в этой квартире уже десять лет, и никогда не слышал о Майкле Клошнике. Так что адресок оказался неверным.

Когда Шалонда закатила глаза, они одновременно выпалили:

— Он связан с наркотой.

Джейн покачала головой.

— Не удивлена.

— Я тоже. С татушками на лице он не сойдет за страхового агента.

— Если он, конечно, не бумажная крыса у профессиональных рестлеров.

Шалонда смеялась, когда Джейн помахала ей рукой и пошла дальше по коридору. Шестая палата была в самом конце, справа, и по пути она заглянула к двум другим пациентам, которых оперировала: один с продырявленными кишками после неудачной липосакции, другой напоролся на заборный штырь, слетев с мотоцикла.

В палатах ОИТ, в общем и целом, было двадцать на двадцать футов. Каждая была со стеклянной стеной и шторой, которую можно опускать для уединения, в них не было окон, плакатов Моне или ТВ с шоу «Регис и Келли». Если вам было достаточно хорошо, чтобы интересоваться просмотром ТВ, то вам здесь не место. Единственные экраны и картинки были только на контрольной аппаратуре.

Когда Джейн дошла до шестой палаты, Фэй Монтгомери, бывшая медсестра, оторвалась от проверки кровяного давления пациента.

— Добрый вечер, доктор Уиткоум.

— Фэй, как дела? — Джейн положила сумку, и потянулась за медицинской картой в держателе у двери.

— Я в порядке, и пока ты не спросила, он стабилен. Это изумительно.

Джейн пробежалась по последним записям.

— Без шуток.

Она собиралась закрыть карту, но заметила номер на левой стороне и нахмурилась. Десятизначное удостоверение личности пациента на целые тысячи превышал те, что давались вновь прибывшим, и она проверила дату, когда завели файл: 1974. Бегло просмотрев карту, она нашла два случая попадания в неотложку: с ножевой раной в 71-м и с передозировкой в 73-м.

Хм, блин, она такое уже встречала: нули и семерки были похожи при быстром написании. Клиника перешла к компьютеризированной регистрации только в 2003, до того времени все писалось от руки. Эту карту точно считывало устройство для обработки данных, и оно

неправильно сняло информацию: вместо 01 и 03, машина отнесла даты к семидесятым.

Но... дата рождения была странной. В соответствии с ней, пациенту исполнилось бы тридцать семь тридцать лет назад.

Она закрыла папку и накрыла сверху рукой.

— Нам нужна большая точность со считывающего оборудования.

— Знаю. Я тоже это заметила. Слушай, хочешь остаться с ним наедине?

— Да, это было бы здорово.

Фэй застыла у двери.

— Слышала, ты была просто великолепна в операционной этой ночью.

Джейн слегка улыбнулась.

— Команда была шикарна. Я просто внесла свою лепту. Эй, забыла сказать Шалонде, что я за UK⁵⁰ на Мартовском безумии⁵¹. Ты...

— Ага. И прежде чем ты спросишь, она снова за Duke⁵² в этом году.

— Мы сможем оскорблять друг друга следующие шесть недель.

— Она потому их и выбрала. Одолжение обществу. И остальные посмотрят, как между вами летят искры. Вы обе такие щедрые.

После ухода Фэй, Джейн задернула шторы и подошла к кровати. Дыхание пациента поддерживалось машиной через интубацию, уровень кислорода был приемлем. Кровяное давление было устойчивым, но низким. Частота сердцебиений — медленной, и выглядела забавно на мониторе, но ведь у парня было шестикамерное сердце.

Господи, вот это сердце.

Она наклонилась к нему и присмотрелась к чертам лица. Европейец по происхождению, вероятнее всего из Центральной Европы. Красавец, это, конечно, не имело значения, но красоту портили татуировки на виске. Джейн придвинулась ближе, изучая чернила на его коже. Она должна была признать, что тату выполнена превосходно, замысловатый узор из комбинации китайских букв и иероглифов. Она решила, что символы связаны с гангстерами, хотя он не был похож на парня, играющего в войнушку; он был более свирепым, как солдат. Может татуировки относились к боевым искусствам?

Она бросила взгляд на вставленную в рот трубку и увидела кое-что странное. Пальцем отодвинула верхнюю губу. Его клыки были сильно выражены. Шокирующе острые.

Косметические, без сомнений. В наши дни люди делают много чего странного со своей внешностью, а он и так разметил лицо.

Она приподняла укрывавшую его простыню. Забинтованная рана на груди выглядела хорошо, и она посмотрела ниже, убирая простынь с пути. Осмотрела перевязку на ножевой ране, потом пальпировала брюшную полость. Аккуратно прощупывая его внутренние органы, она посмотрела на татуировки над лобковой областью, потом обратила внимание на шрамы вокруг паха.

Он был частично кастрирован.

Учитывая безобразные шрамы, это было не хирургическое удаление, больше похоже на результат аварии. По крайней мере, она надеялась на это, потому что другим объяснением были пытки.

Она перевела взгляд на его лицо и прикрыла тело. Неожиданно она положила руку на его предплечье и сжала.

— У тебя была трудная жизнь, да?

— Да, но это пошло мне на пользу.

Джейн резко обернулась.

— Господи, Манелло. Ты напугал меня.

— Прости. Просто хотел проверить, — заведующий подошел с другой стороны кровати, окинув пациента взглядом. — Знаешь, я не думаю, что он выжил бы под чьим-то другим ножом.

— Ты видел фотографии?

— Его сердца? Да. Я хочу послать их парням в Колумбию для беглого обзора. Можешь спросить их мнение, когда поедешь туда.

Она пропустила фразу мимо ушей.

— Группа его крови не определяется.

— Seriously?

— Если он даст согласие, я думаю, мы должны обследовать его прямо до хромосом.

— О, да, твоя вторая любовь. Гены.

Забавно, что он помнил. Она, наверное, всего раз упомянула о том, что чуть не занялась исследовательской работой по генам.

Как наркоман, Джейн представила внутренности пациента, увидела его сердце в своей руке, почувствовала орган в своей хватке, когда она спасала ему жизнь.

— Он может стать потрясающим клиническим случаем. Боже, я бы с удовольствием изучила его. Или, по крайней мере, приняла в этом участие.

Тихое пиканье аппаратуры непрерывного наблюдения, казалось, нарастало в их молчании, и только несколько минут спустя осознание чего-то защекотало затылок Джейн. Она подняла взгляд. Манелло смотрел на нее с каменным лицом, затвердевшим подбородком, и низко опущенными бровями.

— Манелло? — она нахмурилась. — Ты в порядке?

Избегая его взгляда, она посмотрела вниз на простыню, которую свернули и подоткнули под руку пациента. Она безучастно погладила белое полотно — пока это не напомнило ей кое-что, что часто делала ее мама.

Она остановила руку.

— Ты можешь найти другого хи...

— К черту отделение. Я не хочу, чтобы ты уезжала, потому что... — Манелло запустил руку в свои густые темные волосы. — Господи, Джейн. Я не хочу, чтобы ты уезжала, потому что я буду чертовски скучать по тебе, и потому что... черт, ты нужна мне, ясно? Ты нужна мне здесь. Со мной.

Джейн, по-дурацки моргнула. За последние четыре года не было ни намека на то, что его влекло к ней. Конечно, они были дружны и все такое. И только она могла его успокоить, когда он выходил из себя. Ну и, ладно, они все время обсуждали больничные проблемы, даже во внерабочее время. И ели вместе каждую ночь, когда дежурили... он — рассказывал ей о своей семье, а она — о своей.

Паршиво.

Этот парень был самым горячим на территории больницы. А она была женственна как... окей, как операционный стол.

Ну, фигуристая, точно как стол.

— Да ладно тебе, Джейн, как можно ничего не замечать? Только намекни, и я залезу под твой халат в следующее же мгновение.

— Ты ненормальный, — выдохнула Джейн.

— Нет. — У него потяжелели веки. — Я мыслю здраво.

На его лице застыло страстное выражение, и мозг Джейн взял отпуск. Просто исчез из ее черепа.

— Это будет выглядеть неправильно.

— Мы будем осторожны.

— Мы вечно спорим. — Что за чертовщину она несет.

— Я знаю, — он улыбнулся, его полные губы изогнулись. — Мне это нравится. Никто кроме тебя мне не перечит.

Она посмотрела на него поверх пациента, до сих пор ошарашенная, и не знала что сказать. Боже, у нее давно не было мужчины. В ее кровати. В ее голове. Чертовски давно. Она годами возвращалась в свою одинокую квартиру, принимала душ, все в том же одиночестве засыпала, и по-прежнему одна уходила на работу. Ее родители умерли, и у нее не осталось семьи; и часами находясь в больнице, у нее не было друзей «извне». Единственным человеком, с которым она постоянно общалась, был... ну, Манелло.

Когда она сейчас посмотрела на него, ей пришло в голову, что он был настоящей причиной ее отъезда, но не потому, что стоял на ее пути в отделении. На каком-то уровне она знала, что этот разговор по душам близился, и она хотела избежать его.

— Молчание, — прошептал Манелло, — не лучшая вещь в данный момент. Если, конечно, ты не пытаешься сформулировать что-то типа «Мэнни, я любила тебя все эти годы, поехали к тебе домой чтобы провести следующие четыре дня в горизонтальном положении».

— Ты завтра на дежурстве, — сказала она машинально.

— Я позвоню, скажу, что болен. Гриппом. И как твой начальник, прикажу тебе сделать то же самое. — Он наклонился вперед над пациентом. — Не уезжай завтра в Колумбию. Не уезжай. Давай посмотрим, как далеко мы сможем зайти.

Джейн посмотрела вниз и поняла, что уставилась на руки Мэнни... на его сильные, широкие руки, которые починили столько бедер, плеч и коленей, спасали карьеры и счастье такого числа спортсменов, профессионалов и любителей. И он не просто оперировал детей и спортсменов. Он сохранял подвижность больным раком, как пожилым, так и раненым, помогая многим сохранять функции рук и ног.

Она попыталась представить эти руки на своей коже.

— Мэнни... — прошептала она. — Это сумасшествие.

На другом конце города, в переулке за ЗироСам, Фьюри поднялся от неподвижного, призрачно-белого тела лессера. Черным кинжалом он сделал зияющую рану на шее нежити, и блестящая чернильная кровь вытекала на покрытый грязью асфальт. Он инстинктивно хотел проткнуть сердце лессера и послать его назад, к Омеге, но так было раньше. Новый вариант намного лучше.

Однако это дорого обходилось Бутчу. Очень дорого.

— Этот готов для тебя, — сказал Фьюри, отступая назад.

Бутч подошел ближе, замерзшие лужи хрустели под его ботинками. Его лицо было мрачным, клыки удлинились, а запах носил сладость детской присыпки их врагов. Он прикончил убийцу, с которым сражался, сделал свое дело, и сейчас сделает это снова.

Коп выглядел воодушевленным и больным одновременно, когда опустился на колени, положил руки по обе стороны от лессера и наклонился ниже. Открыв рот, он устроился напротив рта лессера и сделал глубокий, медленный вдох.

Глаза лессера широко распахнулись, когда черная дымка начала выходить из его тела и проникать в легкие Бутча. Не было никаких перерывов во вдохе, пауз в затяжке, просто непрерывный поток зла переливался из одного сосуда в другой. Под конец их враг превратился ни во что иное, как в серый пепел, его тело развалилось на частицы тонкодисперсной пыли,

которую унес холодный ветер.

Обмякнув, Бутч боком упал на грязную дорогу в переулке. Фьюри подошел и вытянул руку...

— Не трогай меня. — Голос Бутча был простым хрипом. — Я заражу тебя.

— Позволь мне...

— Нет! — Бутч оттолкнулся от земли, поднимаясь с асфальта. — Просто дай мне минутку.

Фьюри навис над копом, охраняя его и периферийным зрением следя за переулком, на случай если появятся еще лессеры.

— Хочешь домой? Я поищу Ви.

— Черт, нет. — Карие глаза копа метнулись вверх. — Он — мой. Я сам найду его.

— Уверен?

Бутч поднялся на ноги, его тело качалось как флаг, а лицо было бледно-зеленым.

Фьюри зашагал рядом с парнем по Торговой, и ему не нравилось выражение на лице Бутча. На лице копа застыло шальное выражение лица человека, чья жизнь — калейдоскоп бурных потрясений, но готового воевать до последнего вздоха.

Когда они вдвоем прочесали мрачные места Колдвелла и ничего не нашли, Бутчу стало еще хуже.

Когда они добрались до окраины центрального района, до самого Рэд Авеню, Фьюри остановился.

— Нам следует вернуться назад. Сомневаюсь, что он зашел так далеко.

Бутч остановился. Оглянулся вокруг. Сказал слабым голосом:

— Эй, глянь сюда. Это старый дом Бэт.

— Нам нужно вернуться назад.

Коп покачал головой и потер грудь.

— Мы должны продолжить путь.

— Я не говорю, что мы прекратим поиски. Но с чего ему заходить так далеко? Мы на окраине жилого района. Слишком много глаз, чтобы драться. Он бы не пошел сюда в поисках сражения.

— Мать их всех, Фьюри, что если его забрали? Мы не встречали других лессеров этой ночью. Что, если произошло что-то серьезное, например, они забрали его?

— Если он был в сознании — это маловероятно, учитывая его руку. Адское оружие, если даже он лишится своих кинжалов.

— Что, если его вырубili?

Прежде чем Фьюри смог ответить, фургон новостей Шестого канала пронесся мимо. Через две улицы зажглись задние стоп-сигналы, и машина свернула налево.

Фьюри пришло в голову лишь «Черт». Новостные фуруны не проносятся в такой спешке, если кот какой-нибудь старушки забрался на дерево. Но, может, это касалось людской херни, например, перестрелки гангстеров.

Проблема была в том, что некое ужасное, сокрушительное предвидение подсказывало Фьюри, что дело обстоит иначе, поэтому, когда Бутч двинулся в том направлении, Фьюри пошел следом. Их обоюдное молчание означало, что коп, возможно, думал о том же самом: *Господи, пожалуйста, пусть это будет чья-то чужая трагедия, не наша.*

Добравшись до места парковки телевизионного фургона, они обнаружили типичное собрание на месте преступления, с двумя машинами Колдвеллского департамента полиции у начала тупикового переулкa, на Двадцатой. Репортер стояла на первом плане перед камерой, мужчина в униформе прохаживался внутри ограждения, за желтой лентой, а зеваки образовали толкотню, болтая и нагнетая обстановку.

Порыв ветра, пронесшийся по переулку, принес запах крови Ви вместе со сладким

зловонием лессеров.

— О, Боже.... — Боль Бутча смешалась с холодным ночным воздухом, добавляя к смеси горький, напоминающий щелочной лак, запах.

Коп, шатаясь, двинулся к желтой ленте, но Фьюри схватил парня за руку, чтобы остановить его — и тут же побледнел. Зло внутри Бутча было осязаемо, оно взлетело вверх по руке Фьюри и засело во внутренностях, скрутив желудок.

Но он удержал друга.

— Оставайся, мать твою, в стороне. Ты, возможно, работал с теми полицейскими.

Когда коп открыл рот, Фьюри прервал его:

— Подними воротник, надень кепку и соберись.

Бутч натянул свою кепку Рэд Сокс и втянул подбородок.

— Если он мертв....

— Заткнись, и думай лучше о том, как устоять на ногах. — Что станет сложной задачей, учитывая, насколько сильно Бутч был истощен. Господи... Если Ви был мертв, это не только убьет всех и каждого из Братьев, но и у Бутча возникнут проблемы. Когда он засасывал лессеров, как пылесос Дайсон, только Ви мог вывести из него зло.

— Давай же, Бутч. Для тебя это слишком рискованно. Уходи, сейчас.

Коп отошел на несколько ярдов и прислонился к припаркованной в тени машине. Когда стало ясно, что парень останется там, Фьюри двинулся вперед и присоединился к зевакам у края желтой ленты. Обследовав место происшествия, первым делом он отметил остатки там, где уничтожили лессера. К счастью, полиция не обращала на них внимание. Возможно, они подумали, что блестящая лужа — это остатки вытекшего из машины масла, а выжженный след — остатки костра какого-нибудь бездомного. Нет, полицейские сосредоточились на центре происшествия, где, очевидно, Ви лежал в луже красной крови.

О... Боже.

Фьюри посмотрел на стоящего рядом человека.

— Что случилось?

Парень пожал плечами.

— Стреляли. Какая-то драка.

Заговорил молодой парень в тусовочных шмотках, с таким возбуждением, будто произошедшее было самым крутым событием в его жизни.

— В грудь. Я видел, как это произошло, именно я позвонил 911. — Он помахал мобильным телефоном как призом. — Полицейские хотят, чтобы я поболтался здесь, чтобы они могли допросить меня.

Фьюри внимательно посмотрел на него.

— Что случилось?

— Боже, ты мне не поверишь. Прямо как в шоу «Самые шокирующие моменты заснятые на пленку». Слышал об этом шоу?

— Ага, — Фьюри разглядывал здания на другой стороне улицы. Никаких окон. Наверное, это единственный свидетель. — Так что случилось?

— Ну, я шел по Торговой. Мои друзья кинули меня в Скримере, а я без колес, понимаешь? Так или иначе, я иду и вижу впереди вспышку яркого света. Будто стробоскоп высветил из переулка. Я ускорил шаг, потому что хотел увидеть что происходит, и тогда я услышал выстрел. Ну, хлопок. По правде, я даже не понял, что это был выстрел, пока не добрался сюда. Я думал, что должно быть громче...

— Когда ты позвонил 911?

— Ну, я немножко подождал, прикинул, что кто-то мог выбежать из переулка, а я не хотел

словить пулю. Но, значит, никто не вышел, я решил, что они смылись каким-то другим путем. Когда я подошел сюда, то заметил, что другого выхода нет. Так значит, он выстрелил сам в себя, да?

— Как парень выглядел?

— Жертва? — парень наклонился ближе. — Жертвой полиция называет потерпевшего. Я слышал их.

— Спасибо за разъяснение, — прошептал Фьюри. — Так как он выглядел?

— Темные волосы. Бородка. Весь в коже. Я стоял над ним, пока звонил 911. Он истекал кровью, но был жив.

— Ты видел еще кого-нибудь?

— Нет, только его. Меня, в натуре, будет опрашивать полиция. На полном серьезе. Я уже говорил об этом?

— Ага, мои поздравления. У тебя, наверное, счастья полные штаны, — черт, изо всех сил Фьюри старался не заехать парню в челюсть.

— Эй, не бесись. Это же круто.

— Нет, для парня поймавшего пулю, не круто, — Фьюри снова оглядел место. По крайней мере, Ви был не в лапах лессеров, и он не был мертв. Вероятно, убийца сперва выстрелил, но у Брата хватило сил, чтобы прикончить ублюдка, прежде чем отключиться.

Слева до Фьюри донесся хорошо поставленный голос.

— Это Бетани Чу, Новости Шестого канала, с прямым репортажем с места перестрелки в центре города. Со слов полиции, жертва, Майкл Клошник...

Майкл Клошник? Не важно, вероятно, Ви забрал удостоверение лессера, и его с ним обнаружили.

— ... был доставлен в Медицинский центр Святого Франциска в критическом состоянии, с огнестрельным ранением в грудь...

Окей, ожидается долгая ночь: Вишес ранен. В человеческих руках. А у них всего четыре часа до рассвета.

Время экстренной эвакуации.

Фьюри набрал особняк, пока возвращался к Бутчу. Пока шел звонок, он сказал копу:

— Он жив, в больнице Святого Франциска, с огнестрельным ранением.

Бутч обмяк, и выдохнул что-то напоминающее «Слава тебе Господи».

— Так, сейчас мы его вытащим?

— Точно, — почему Роф не берет трубку? *Давай, Роф... возьми же.* — Черт.... Эти проклятые хирурги, наверное, удивились как никогда, когда вскрыли его... — Роф? У нас проблема.

Вишес очнулся обессиленным, полностью пришел в сознание, но был заключен в тюрьму из неподвижной плоти и костей. Неспособный двигать руками и ногами, с веками закрытыми так плотно, будто он плакал резиновым клеем, оказалось, что функционировал лишь его слух: кто-то над ним разговаривал. Два голоса. Женский и мужской, оба — незнакомы.

Нет, минуточку. Он узнал один из них. Этот голос давал ему приказания. Женщина. Но почему?

И какого черта он ей это позволил?

Он прислушался к ней, на самом деле, не вникая в слова. Модуляция ее голоса была похожа

на мужскую. Отчетливая. Властная. Командная.

Кто она? Кто....

Ее сущность ударила по нему, словно пощечина, выколачивая последнюю дурь. Хирург. Человеческий хирург. Господи Иисусе, он был в человеческой больнице. Попал в людские руки после.... Черт, что случилось?

Паника побудила его к действию... и никуда не привела. Тело было пластом мяса, он почувствовал трубку в горле, которая подразумевала, что за легкие работала машина. Очевидно, они накачали его обезболивающими.

О, Боже. Сколько осталось до рассвета? Ему нужно сваливать отсюда к чертям собачьим. И как он должен....

Его план побега исчез в никуда, когда взревели инстинкты, встали во главе, захватили контроль.

Это не Воин в нем рвался наружу. Это были мужские собственнические импульсы, которые раньше дремали в нем, он слышал о таких, читал или встречал у других, но считал, что родился обделенным в этом отношении. Спусковым курком пробуждения Ви послужил запах в комнате. Запах постороннего мужчины, желающего секса... с женщиной, с хирургом Ви.

Моя.

Слово пришло из ниоткуда, вместе с потребностью убить в качестве приложения. Всплеск ярости распахнул его глаза.

Повернув голову, он увидел высокую женщину с короткой шапочкой светлых волос. Она была в очках без оправы, без макияжа и серег. На белом халате было написано: «ДЖЕЙН УИТКОУМ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ, ЗАВЕДУЮЩАЯ ТРАВМАТОЛОГИЧЕСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ», черными изящными буквами.

— Мэнни, — сказала она, — это сумасшествие.

Ви перевел взгляд на темноволосого мужчину. Парень тоже был в белом халате с табличкой «МАНУЭЛЬ МАНЕЛЛО, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ, ГЛАВВРАЧ, ОТДЕЛЕНИЕ ХИРУРГИИ» на лацкане.

— В этом нет ничего сумасшедшего, — голос парня был низким и властным, а глаза, дьявол его сожри, не отрывались от хирурга Ви. — Я знаю, чего хочу. И я хочу тебя.

Моя, подумал Ви, Не твоя, МОЯ.

— Я не могу не поехать завтра в Колумбию, — ответила она. — Даже если бы между нами что-нибудь было, я все равно вынуждена уехать, если хочу возглавить отделение.

— Что-то между нами, — убудок улыбнулся. — Значит, ты об этом думала?

— Этом?

— О нас.

Верхняя губа Ви обнажила клыки. Когда он начал рычать, лишь одно слово крутилось в его мозгу: *Моя.*

— Я не знаю, — ответила хирург Ви.

— Это не значит «нет», Джейн. Это не значит «нет».

— Нет... не значит.

— Хорошо, — мужчина посмотрел вниз на Ви и, казалось, удивился. — Кто-то проснулся.

Можешь быть уверен, мать твою, подумал Ви. И если прикоснешься к ней, я откушу твою поганую руку по самые внутренности.

Фэй Монтгомери была практичной женщиной, поэтому она стала прекрасной медсестрой. Фэй родилась со стальными нервами, ровно как с темной шевелюрой и карими глазами, и отлично переносила кризисные ситуации. С мужем в ВМС⁵³, двумя детьми и двенадцатилетним стажем в отделениях интенсивной терапии, ее было нелегко напугать.

Но сейчас, находясь за постом медперсонала, она была напугана.

Трое мужчин, размерами с внедорожники, стояли по другую сторону перегородки. У одного были длинные, разноцветные волосы и желтые глаза, казавшиеся нереальными, настолько они были яркими. Второй был ошеломляюще красив и так сексуально притягателен, что ей даже пришлось напомнить себе, что она счастлива в браке с мужчиной, который до сих пор ее хочет. Третий держался позад, на нем была кепка Рэд Сокс и солнечные очки, а окружавшая его зловещая аура, совершенно не соотносилась с его привлекательным лицом.

Кто-то из них задал вопрос? Похоже, что так.

Поскольку ни одна из медсестер, казалось, не была в состоянии говорить, Фэй, заикаясь, произнесла:

— Простите? Э... что вы сказали?

Тот, что с чудесными волосами, — *Боже, они и правда настоящие?* — слегка улыбнулся.

— Мы ищем Майкла Клошника, который поступил из неотложки. В приемном отделении сказали, что его перевели сюда после операции.

Боже... эти радужные оболочки цвета лютиков под солнцем, словно чистое, резонирующее золото.

— Вы родственники?

— Мы его братья.

— Хорошо, но мне жаль, он только что из операционной и вы не можете... — без всякой видимой причины, мысли Фэй сменили направление, как игрушечный поезд съезжает с одного пути на другой. Она неожиданно произнесла: — Он в конце коридора, в шестой палате. Но только один из вас может войти и ненадолго. О, и вам придется подождать, пока доктора...

В этот момент доктор Манелло быстро подошел к столу. Он оглядел мужчин и спросил:

— Здесь все в порядке?

Фэй кивнула, а ее рот ответил:

— Да, полный порядок.

Доктор Манелло нахмурился, когда пересекся с мужчинами взглядом. Потом он моргнул и потер виски, будто у него заболела голова.

— Фэй, я буду в офисе, если понадобится.

— Хорошо, доктор Манелло, — она снова взглянула на мужчин. Что она говорила? А, точно. — И все же вам придется подождать, пока уйдет хирург, хорошо?

— Он сейчас там?

— Она сейчас там, да.

— Хорошо, спасибо вам.

Эти желтые глаза пронзили Фэй... и внезапно, она не смогла вспомнить, был ли вообще в шестой пациент. Был? Минуточку...

— Скажи мне, — произнес мужчина, — свой логин и пароль.

— Простите... что?

— Для компьютера.

Зачем ему... конечно, ему нужна информация. Точно. И ей нужно предоставить ему

информацию. — ФМОНТ2 прописными — логин, и пароль — 111Эдди111. Э заглавная.

— Спасибо.

Она, было, собралась сказать «Пожалуйста», когда голову посетила мысль, что самое время для собрания персонала. Но зачем его проводить? Они уже провели одно в начале...

Нет, определенно время для собрания. Им срочно нужно провести собрание персонала. Прямо сейчас...

Фэй моргнула и поняла, что уставилась в пустоту над конторкой медпоста. Странно, она могла поклясться, что только что говорила с кем-то. С каким-то мужчиной и...

Собрание персонала. Сейчас.

Фэй помассировала виски, чувствуя, будто лоб сжало в тиски; обычно у нее не бывало головных болей, но выдался сумасшедший день, а она выпила кучу кофеина и почти ничего не ела.

Она посмотрела через плечо на трех других медсестер, и все они казались сбитыми с толку.

— Пошли в конференц-зал, ребятки. Нужно сделать обзор пациентов.

Она из коллег Фэй нахмурилась.

— Разве мы уже его не делали?

— Нужно сделать еще раз.

Все встали и пошли в конференц-зал. Фэй оставила двустворчатые двери открытыми и села во главе стола, чтобы наблюдать за коридором снаружи, а заодно, и за монитором, показывающим состояние каждого пациента на этаже...

Фэй застыла в кресле. Какого черта? За постом медперсонала находился мужчина с разноцветными волосами, склонившись над клавиатурой...

Фэй начала вставать, собираясь позвать охрану, но потом парень посмотрел через плечо. Когда его желтый взгляд встретил ее, она неожиданно забыла, почему ему не следовало находиться за их компьютерами. Она также поняла, что должна обсудить состояние пациента в пятой, сейчас же.

— Давайте обсудим состояние Мистера Хозера, — сказала она голосом, привлечшим всеобщее внимание.

После ухода Манелло, Джейн в неверии посмотрела на пациента. Вопреки всем болеутоляющим в крови, его глаза были открыты, а на жестком, татуированном лице, отражался мыслительный процесс.

Боже... эти глаза. Они не походили ни на что, виденное ею ранее, радужки были ненатурально белого цвета, с голубым ободком.

Это ненормально, подумала она. То, как они на нее смотрели, было ненормальным. Шестикамерное сердце, бьющееся в его груди, было ненормальным. Эти длинные резцы были ненормальными.

Он не был человеком.

Но это же глупо. Первое правило медицины? Когда слышишь топот копыт, не думай что это зебры. Какова была вероятность, что существовала необнаруженная гуманоидная раса? Как желтые лабрадоры рядом с людьми — золотистыми ретриверами?

Она подумала о зубах пациента. Да, скорее доберман с ретривером.

Пациент посмотрел на нее, умудряясь принять угрожающий вид, лежа на спине, с интубацией, и всего два часа после операции.

Так какого черта парень находился в сознании?

— Ты слышишь меня? — спросила Джейн. — Кивни головой, если слышишь.

Его рука, та, что с татуировками, вцепилась в горло, потом схватила трубку во рту.

— Нет, она останется на месте, — когда она наклонилась ближе, чтобы убрать его руку, он отдернул ее так быстро, как только мог. — Все верно. Пожалуйста, не заставляй меня тебя связывать.

Его глаза распахнулись от ужаса, а его большое тело начало трястись на кровати. Его губы заработали вокруг трубки, спускающейся в горло, как будто он кричал, и страх мужчины коснулся ее: было что-то животное в его отчаянии, как у волка, смотрящего на свою лапу в капкане: *Помоги мне и, может быть, я не убью тебя после того, как ты меня освободишь.*

Она положила руку на его плечо.

— Все нормально. Нам не обязательно через это проходить. Нужно оставить трубку...

Дверь широко распахнулась, и Джейн застыла.

Двое вошедших были одеты в черную кожу, и относились к тому типу людей, которые носили припрятанное оружие. Один, возможно, самый крупный и самый прекрасный блондин, на которого она когда-либо пялилась. Другой напугал ее. Он низко натянул кепку Рэд Сокс и жуткая атмосфера зла витала вокруг него. Она почти не видела его лица, но, судя по серой бледности, он был болен.

Изучая пару, первой мыслью Джейн было то, что они пришли к ее пациенту, и не просто принести цветов и справиться о здоровье.

Второй мыслью — что ей нужна охрана, немедленно.

— Вышли вон, — сказала она. — Прямо сейчас.

Парень с кепкой Сокс полностью проигнорировал ее и прошел к сиденью у кровати. Когда он и пациент установили зрительный контакт, Рэд Сокс потянулся и соединил их руки.

— Думал, что потерял тебя, сукин ты сын, — хриплым голосом сказал Рэд Сокс.

Взгляд пациента напрягся, будто они пытались поговорить. Потом он просто покачал головой, из стороны в сторону, на подушке.

— Мы заберем тебя домой, хорошо?

Когда пациент кивнул, Джейн надоела роль Болтушки Кэти,⁵⁴ с чушью типа: «вам нужно выйти». Она кинулась к кнопке вызова медперсонала, той, что сигнализировала об остановке сердца и собирала у нее пол-этажа.

Но она не добралась до нее. Приятель Рэд Сокса, красивый блондин, двигался так быстро, что она не могла уследить за ним. В одну секунду он стоял у двери, в другую он схватил ее со спины и оторвал от пола. Когда она начала кричать, он зажал ее рот рукой и подчинил так легко, будто она была взбесившимся трехлетним ребенком.

Тем временем, Рэд Сокс методично снимал все с пациента: интубацию, катетер, капельницу, сердечный катетер, датчик кислорода.

Джейн снесло крышу. Когда все приборы начали пищать, она дернулась назад и ударила захватчика в голень своим каблуком. Блондинистая громадина заворчала, потом сжала ее грудную клетку так, что Джейн пришлось беспокоиться о дыхании, и она больше не могла его пинать.

По крайней мере, сигналы тревоги...

Резкое пиканье умолкло, хотя машин никто не касался. У нее возникло ужасное предчувствие, что никто из медперсонала не придет.

Джейн начала бороться еще сильнее, пока ее не стиснули так, что на глаза набежали слезы.

— Полегче, — сказал блондин ей на ухо. — Мы оставим тебя в покое через минуту. Просто расслабься.

Черта с два. Они собираются убить ее пациента...

Пациент самостоятельно сделал глубокий вдох. Потом еще один. И еще. Потом эти жуткие бриллиантовые глаза посмотрели на нее, и она затихла, будто он приказал ей.

Наступило молчание. И потом мужчина, чью жизнь она спасла, грубым голосом произнес четыре слова, изменившие все... изменившие ее жизнь, ее судьбу:

— Она. Пойдет. Со. Мной.

Находясь внутри медпоста, Фьюри быстренько хакнул информационную систему больницы. Он был не таким ловким и подкованным с клавиатурой, как Ви, но разбирался достаточно хорошо. Он нашел записи на имя Майкла Клошника и заразил данные и записи относительно лечения Ви произвольным скриптом: все результаты анализов, снимки, рентгены, цифровые фотографии, графики, послеоперационные пометки, все это стало не читаемо. Потом ввел краткую запись, что Майкл Клошник был неплатежеспособен, и его исключили из АМА⁵⁵.

Боже, он обожал сводную компьютеризированную медицинскую документацию. Легче легкого.

Он также очистил память большинства, если не всех, работников операционной. По пути сюда он навел оперировавший персонал и поболтал тет-а-тет с дежурными медсестрами. Ему повезло. Смена не поменялась, так что весь народ, поработавший над Ви, остался на месте, и он стер им память. Никто из медсестер не будет иметь отчетливых воспоминаний о том, что они увидели, когда оперировали брата.

Работа по чистке прошла, конечно, не идеально. Были люди, до которых он не добрался, и, может, какие-то дополнительные документы успели распечатать. Но это не его проблема. Любое замешательство, которое вызовут следы исчезновения Ви, будет поглощено безумной работой чрезвычайно занятого персонала. Конечно, наверняка будет один или два обхода больных, но они уже не смогут найти Ви, и только это было важно.

Когда Фьюри закончил с компьютером, он пошел вниз по этажу ОИТ. По пути он выводил из строя камеры видеонаблюдения, установленные через равные интервалы на потолке, так что они показали лишь «шум».

Когда он добрался до шестой палаты, дверь распахнулась сама. Вишес лежал на руках Бутча, и на парне лица не было: брат был бледен, трясся и дрожал, уткнувшись головой в шею копа. Но он все еще дышал, и глаза были открыты.

— Давай я понесу его, — предложил Фьюри, подумав, что Бутч выглядит не лучшим образом.

— Я сам. Ты разберись с нашей управленческой проблемой и пройдишь по камерам наблюдения.

— Какой управленческой проблемой?

— Сейчас узнаешь, — прошептал Бутч, направившись к пожарной двери на другом конце коридора.

Через мгновение у Фьюри возникла целая куча проблем: Рейдж вышел в коридор с взбешенной человеческой женщиной в удушающем захвате. Она изо всех сил сопротивлялась ему, а согласно приглушенным воплям, у нее был словарный запас грузчика.

— Тебе придется вырубить ее, мой брат, — сказал Рейдж, а затем проворчал: — Я не хочу причинять ей боль, а Ви сказал, чтобы она поехала с нами.

— Предполагалось, что это не операция похищения.

— Поздно, мать твою. А сейчас выруби ее, окей? — Рейдж снова стиснул зубы и изменил хватку, его рука оставила ее рот, чтобы поймать дерущуюся руку.

Ее голос раздался громко и четко:

— Да поможет мне Бог, я сейчас...

Фьюри взял ее за подбородок и поднял голову.

— Расслабься, — сказал он мягко. — Просто успокойся.

Он приковал ее взглядом и начал вводить ее в состояние покоя... в состояние покоя... в...

— Да пошел ты! — выплюнула она. — Я не позволю вам убить моего пациента!

Ладно, это не сработало. За этими очками, без оправы, и темно-зелеными глазами, скрывались выдающиеся умственные способности, так что он, выругавшись, подключил серьезную артиллерию, мысленно вырубая ее. Она повисла, как тряпка на швабре.

Сняв ее очки, он сложил их и положил в нагрудный карман крутки.

— Давай убираться отсюда, прежде чем она снова придет в себя.

Рейдж перекинул женщину, набросив как шаль на свои плечи.

— Захвати ее сумку из комнаты.

Фьюри собрал вещи, подхватил кожаную сумку и папку с пометкой «Майкл Клошник», затем покинул комнату. Когда он снова вышел в коридор, Бутч спорил с медсестрой, вышедшей из палаты пациента.

— Что вы делаете! — возмущалась женщина.

Выскочив впереди, Фьюри навис над ней, как шатер, вводя в ступор, внушая в ее лобную долю насущную необходимость посетить собрание персонала. К тому времени, как он догнал спасательную команду, женщина в руках Рейджа уже сбрасывала ментальный контроль, качая головой из стороны в сторону, балансируя на терпении Голливуда.

Когда они добрались до пожарной двери, Фьюри прорычал:

— Постой, Рейдж.

Брат сразу остановился, Фьюри зажал рукой шею женщины сбоку, вырубая ее нажимом на сонную артерию.

— Она отключилась. Все в норме.

Они уносили ноги по запасной лестнице. Хриплое дыхание Ви являлось доказательством того, что быстрое движение причиняло ему боль, но как всегда он был крут, держался до конца, несмотря на то, что стал цветом с гороховый суп.

Каждый раз, как они добирались до лестничной площадки, Фьюри выводил из строя камеры наблюдения, пропуская через них ток, так что они лишь моргали. Он очень надеялся, что они доберутся до Эскалейда, не наткнувшись на охрану. Люди никогда не были мишенями Братства. Считалось, что если возникал риск разоблачения расы, разрешено абсолютно все. А загипнотизировать большую группу испуганных и агрессивных людей было маловероятно, так что оставался лишь бой. А им — смерть.

Спустя каких-то восемь этажей, лестница закончилась, и Бутч остановился перед металлической дверью. Пот стекал по его лицу, и сам он пошатывался, но лицо оставалось по-армейски стойким: он вытащит своего напарника, и ничто не встанет на его пути, даже его собственная физическая слабость.

— Я разберусь с дверью, — сказал Фьюри, встав во главе команды. Позаботившись о сигнализации, он подержал лист стали открытым для остальных. На другой стороне разветвлялся лабиринт подсобных помещений.

— Вот черт, — прошептал он. — Ну и где мы, блин?

— В подвале, — коп направился вперед. — Я хорошо знаю это место. На этом уровне морг. Провел здесь кучу времени на предыдущей работе.

Через несколько сотен ярдов Бутч завел их в узкий коридор, больше похожий на шахту, набитую системами отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха.

И там было спасение в виде аварийного выхода.

— Эскалейд снаружи, — сказал коп Ви. — Все в ажуре.

— Спасибо... Боже, — Ви снова сжал губы, будто сдерживал рвотные позывы.

Фьюри сделал еще один шаг вперед, потом выругался. Эта система сигнализации отличалась от предыдущих, работала на более сложных схемах. Чего и следовало ожидать. Наружные двери часто были защищены лучше, чем внутренние. Проблема в том, что ментальные трюки здесь не сработают, и не похоже, что он мог взять таймаут, чтобы обезвредить ее. Ви выглядел очень плохо.

— Приготовьтесь к визгу, — предупредил Фьюри, прежде чем толкнуть ручку.

Сигнализация взревела как баньши⁵⁶.

Когда они выскочили в ночь, Фьюри осмотрелся вокруг и взглянул на другой конец больницы. Он нашел камеру наблюдения над дверью, вывел ее из строя, и не отрывал взгляда от красного мигающего глаза, пока Ви и человеческую женщину не погрузили в Эскалейд, и Рейдж не сел за руль.

Бутч занял сиденье рядом с водителем, а Фьюри запрыгнул назад к грузу. Он посмотрел на часы. Общее затраченное время с того момента, как они припарковались здесь, и до того как Голливуд нажал педаль газа — двадцать девять минут. Операция прошла относительно чисто. Все что осталось — это доставить всех в особняк, в целости и сохранности, и избавиться от номеров на Эскалейде.

Было лишь одно затруднение.

Фьюри перевел взгляд на человеческую женщину.

Одно большое, огромное, затруднение.

Джон ждал, в красочном фойе особняка, и заметно нервничал. Они с Зейдистом всегда отправлялись за час до рассвета, и, насколько ему было известно, не было никаких изменений в планах. Но Брат опаздывал почти на полчаса.

Чтобы убить еще немного времени, Джон пустился в очередной путь по мозаичному полу. Он всегда чувствовал, что ему не место среди всей этой роскоши, но все же восхищался и ценил ее по достоинству. Фойе было настолько шикарным, что казалось, будто стоишь в шкатулке с драгоценностями. Стены, украшенные золотистым узором и хрустальными канделябрами, поддерживали колонны из красного мрамора и какого-то темно-зеленого камня. Лестница была покрыта величавой гладью красного ковра, на таком кинозвезды драматично замирают на верху лестницы, а потом устремляются вниз, на официальную вечеринку. А под вашими ногами, узором расцветала яблоня, яркая весенняя листва сияла и переливалась, благодаря блестящим кусочкам цветного стекла.

Но предпочтение он отдавал потолку. На нем, тремя этажами выше, растянулись изумительные картины: перед глазами представляли Воины на жеребцах, идущие в бой с черными кинжалами. Они были столь реалистичны, что казалось, можно протянуть руку и прикоснуться к ним.

Столь реалистичны, что можно было стать ими.

Он вспомнил, как впервые увидел полотна. Тор привел его на встречу с Рофом.

Джон сглотнул. Он пробыл с Тором очень мало. Какие-то месяцы. Всю жизнь, чувствуя себя бездомным, после двух десятков лет бесцельных скитаний без семьи, в качестве спасительного якоря, ему мельком показали то, о чем он всегда мечтал. Но потом одна пуля унесла и его приемную мать, и отца.

Он хотел бы стать достаточно взрослым и сказать, что рад знакомству с Тором и Велси, но это было бы ложью. Ему хотелось никогда их не встречать. Эту потерю было намного тяжелее пережить, чем аморфную боль, с которой он жил сам по себе.

Мужчина не очень-то заслуживающий уважения, да?

Зи бесшумно вышел из потайной двери под парадной лестницей, и Джон напрягся. Не мог сдержать себя. Не важно, как много раз он встречался с Братом, внешность Зейдиста заставляла его нервничать. И дело не просто в шраме на лице или в бритом черепе. Дело в смертоносной атмосфере, которая никуда не исчезла, даже после того, как он женился и готовился стать отцом.

К тому же, сегодня лицо Зи было непреклонным и жестким, а тело еще жестче.

— Готов идти?

Джон нахмурился и показал знаками: «*Что происходит?*»

— Ничего, о чем тебе нужно беспокоиться. Ты готов. — Не вопрос, приказ.

Когда Джон кивнул и застегнул свою парку, они вышли через парадный вход.

Ночь была красно-синего цвета, звезды скрылись под тонким сводом облаков, освещаемых с другой стороны полной луной. Согласно календарю наступала весна, но это в теории. Если же выйти на улицу: Фонтан перед главным входом в особняк оставался выключенным на зиму, пустым и ожидающим наполнения. Деревья, как черные скелеты, тянулись к небу, моля своими тощими ветками у солнца теплоты. Снег задержался на лужайках, упрямо оставаясь на промерзшей земле.

Ветер жег щеки, пока Джон и Зейдист шли направо, галька во дворе шуршала под их ногами. Охранная стена, этот двадцатифутовый оплот, окружающий собственность Братства,

виднелся вдалеке.

Стена была напичкана камерами слежения и детекторами движения, как хороший солдат, обвешанный кучей боеприпасов. Но это были цветочки. Бояться следовало колючей проволоки с подключенным электричеством в 120 вольт.

Безопасность, прежде всего. Всегда.

Джон следовал за Зи по заснеженной лужайке, оставляя позади укрытые клумбы и осушенный бассейн. После небольшого склона они достигли лесной опушки. На этом месте исполинская стена резко уходила влево, к горному скату. Они не последовали по ней, а пересекли лесную границу.

Под плотными соснами и густыми ветвистыми кленами лежала подушка из старых иголок и листвы, и небольшой подшерсток. Здесь воздух пах землей и веяло холодом — комбинация, покалывающая изнутри нос.

Вел Зейдист, впрочем, как всегда. Каждую ночь они шли разными путями, выбранными наугад, неизменно оказываясь у одного и того же места — низкого водопада. Ручей, сбегаящий по горному склону, падал со скалы, образуя лужицу в девять футов шириной.

Джон подошел ближе и запустил руку в журчащий поток. Его пальцы мгновенно онемели от холода.

Зейдист молчаливо пересек ручей, перепрыгивая с камня на камень. Грация Брата была такой же, как у воды — плавной и мощной, его поступь — уверенной, и было ясно, что он точно знал, как его тело отреагирует на каждое движение мускулов.

На противоположной стороне он подошел к водопаду и оказался напротив Джона.

Их глаза встретились. О, блин, Зи должен ему что-то сообщить этой ночью, ведь так?

Прогулки начались после того, как Джон напал на своего одноклассника, избив его до потери сознания в душевой. Роф поставил им условие относительно продолжения Джоном тренировочной программы, и он напугал их сначала, решив, что Зи придется проводить разъяснительные беседы. Однако до сих пор они молчали.

Но сегодняшней ночью все будет иначе.

Джон убрал руку, прошел немного вниз по течению и пересек ручей, без уверенности и ловкости, присущей Зейдисту.

Когда он подошел к Брату, Зейдист сказал:

— Лэш возвращается.

Джон скрестил руки на груди. Ага, шикарно, тот придурок, которого Джон уложил на каталку. Конечно, он сам напросился, преследуя Джона, издеваясь и выводя его из себя, подначивая Блэя. Но все же.

— И он прошел изменение.

Бесподобно. Прямо фонтан. Сейчас ублюдок будет бегать за ним с мускулами наперевес.

«Когда?» Спросил Джон.

— Завтра. Я ясно дал понять, что если он что-нибудь выкинет, то сюда его больше не пустят. Будут проблемы с ним, обратись ко мне, понятно?

Черт. Джон хотел сам о себе позаботиться. Не хотел, чтобы за ним приглядывали, как за ребенком.

— Джон? Ты придешь ко мне. Кивни своей проклятой головой.

Джон медленно кивнул.

— Ты не станешь искать с этим гадом ссоры. Мне плевать, что он скажет или сделает. Только то, что он станет выделяться, еще не значит, что нужно реагировать на его подначки.

Джон кивнул, потому что у него возникло чувство, что в ином случае Зи спросит его снова.

— Узнаю, что ты ведешь себя как Грязный Гарри⁵⁷, и тебе не понравятся последствия.

Джон уставился на течение воды. Боже... Блэй, Куин, сейчас Лэш. Все прошли превращение.

Паранойя взяла вверх, и Джон посмотрел на Зи. *«Что, если я не пройду превращение?»*

— Пройдешь.

«Как мы можем знать наверняка?»

— Биология, — Зи кивнул на огромный дуб. — Он пустит листья, когда солнце согреет его. Не сможет иначе, и та же хрень произойдет с тобой. Твои гормоны выйдут, и потом это случится. Ты уже их чувствуешь, верно?

Джон пожал плечами.

— Да, чувствуешь. Системы твоего питания и сна изменились. Как и твое поведение. Думаешь, год назад ты свалил бы Лэша на кафедру и колошматил бы до тех пор, пока тот не захаркает кровью?

«Определенно нет.»

— Ты голоден, но есть тебе не нравится, да? Чувствуешь тревогу и истощение. Стал вспыльчивым.

Господи, откуда это известно Брату?

— Сам прошел через это, помнишь?

«Как долго осталось?» Спросил Джон.

— До превращения? Как мужчина, ты должен пойти в своего отца. Дариус прошел свое чуть раньше. Но невозможно знать наверняка. Некоторые могут оставаться в таком состоянии годами.

«Годы? Вот блин. А что ты чувствовал после? Когда очнулся?»

В последовавшем молчании с Братом произошли жуткие изменения. Будто сгустился туман и поглотил его, несмотря на то, что Джон все еще мог видеть каждую черточку на лице со шрамом.

— Поговоришь об этом с Куином и Блэем.

«Прости. Джон покраснел. Не хотел совать нос в чужие дела.»

— Проехали. Слушай, я не хочу, чтобы ты беспокоился об этом. Мы приготовили для тебя Лейлу, чтобы пить из нее, и ты будешь находиться в безопасности. Я не позволю ничему плохому случиться с тобой.

Джон уставился в изуродованное лицо Воина и подумал об однокласснике, которого они потеряли. *«Харт же умер.»*

— Да, такое случается, но кровь Лейлы очень чистая. Она Избранная. Это поможет тебе.

Джон подумал о красивой блондинке. О том, как она скинула мантию прямо перед ним, показывая свое тело в поисках одобрения. Черт, он не мог поверить, что она это сделала.

«Как я узнаю, что нужно делать?»

Зи запрокинул голову и взглянул на небо.

— Тебе не нужно беспокоиться об этом. Тело само решит. Ты узнаешь, что оно хочет и что ему нужно. — Бритая наголо голова Зи вернулась на место, и он окинул взглядом Джона, его желтые глаза пронзили темноту, как солнечный свет пробивается сквозь облака. — Тело завладеет тобой на какое-то время.

К своему стыду он показал знаками: *«Думаю, что мне страшно.»*

— Значит, ты умен. Эта хрень — сверхмощная. Но как я сказал... Я не позволю ничему плохому случиться с тобой.

Зи отвернулся в сторону, будто почувствовал себя неловко, и Джон принялся разглядывать профиль мужчины на фоне деревьев.

Джона переполняла благодарность, а Зи прервал «спасибо», готовое сорваться с его рук.

— Нам лучше вернуться домой.

Пересекая реку и двигаясь в сторону особняка, Джон обнаружил, что думает о биологическом отце, которого никогда не знал. Он избегал вопросов о Дариусе, потому что тот был лучшим другом Тора, а Братству было трудно касаться всего, связанного с Тором.

Хотел бы он знать, куда податься со своими вопросами.

Когда Джейн проснулась, ее нервы были похожи на дешевые гирлянды рождественских огней — неравномерно мерцающие, а затем гаснущие; до нее доносились звуки, которые распадались и появлялись вновь. Сначала тело было вялым, затем напряженным, после чего началась нервная судорога. Во рту пересохло, и ее бросало то в жар, то в холод.

Глубоко вдохнув, она осознала, что сидит. А ее голова раскалывается от сильнейшей боли.

Она ощутила приятный запах. Боже, в воздухе витал потрясающий аромат... смесь табака, похожий курил ее отец, и темных специй, будто она находилась в лавке индийских масел.

Джейн с трудом разлепила веки. Зрение было ни к черту, вероятно, из-за отсутствия очков, но все же она смогла разглядеть достаточно, чтобы понять, что находится в темной пустой комнате, которая была... Господи, все было заставлено книгами. Также она обнаружила недалеко от кресла обогреватель, что объясняло вспышки тепла. В дополнение ко всему ее голова была изогнута под неудобным углом, что объясняло головную боль.

Первым побуждением Джейн было вскочить, но она была не одна, поэтому решила остаться на месте: в комнате находился парень с разноцветными волосами, он склонился над кроватью королевских размеров, на которой лежало чье-то тело. Парень старательно что-то делал... одевал перчатку на руку...

Ее пациента. Ее пациент лежал на этой кровати, простыни укрывали его бедра, а голую грудь опоясывала хирургическая повязка. Боже, что произошло? Она вспомнила, как оперировала его... и обнаружила невероятную аномалию сердца. Затем был разговор с Манелло в отделении интенсивной терапии, и потом... Черт, ее похитил человек, что стоял у кровати, этот сексуальный бог, и кто-то в кепке Рэд Сокс.

Паника вспыхнула в ней, смешавшись с хорошей порцией раздражения, но, казалось, ее эмоции не имели связи с телом, и волна чувств растворилась в летаргии, в которую она впала. Она моргнула и попыталась сфокусироваться, не привлекая к себе внимания...

Ее глаза широко распахнулись.

В комнату вошел парень в кепке Рэд Сокс с удивительно красивой блондинкой. Он шел рядом с ней, и они едва касались друг друга, но было и так ясно, что они — пара. Они просто созданы друг для друга.

Пациент прохрипел:

— Нет.

— Ты должен, — сказал Рэд Сокс.

— Ты сказал мне... что убьешь, если я когда-нибудь...

— Смягчающие обстоятельства.

— Лейла...

— Кормила Рейджа сегодня днем, и мы не сможем привести другую Избранную, не договорившись с Директрикс. А это займет время, которого у нас нет.

Белокурая женщина подошла к постели больного и медленно опустилась. Одета в черный пиджак и брюки, сшитые на заказ, она казалась юристом или бизнесвумэн, но в то же время выглядела невероятно женственно благодаря роскошным длинным волосам.

— Используй меня. — Она поднесла запястье ко рту пациента, удерживая напротив его губ. — Только потому, что ты нужен нам сильным, чтобы позаботиться о нем.

Не было никаких сомнений, кого она имела в виду. Рэд Сокс выглядел паршивей, чем когда Джейн впервые увидела его, и врач внутри нее спрашивал: что означает «позаботиться»?

Рэд Сокс тем временем пятился назад, пока не уперся спиной о противоположную стену. А

потом обхватил себя руками.

Блондинка тихо сказала:

— Мы уже обсудили это. Ты так много сделал для нас...

— Не... для вас.

— Он жив только благодаря тебе. И это главное. — Блондинка протянула руку, словно собираясь погладить волосы пациента, но затем отстранилась, когда он дернулся назад. — Позволь нам позаботиться о тебе. Хотя бы раз.

Пациент посмотрел через всю комнату на Рэд Сокса. Когда тот кивнул, пациент тихо выругался и закрыл глаза. Затем открыл рот...

Срань Господня. Его ярко выраженные резцы удлинились. Выделяющиеся и ранее, теперь они походили на клыки.

Ладно, это явно был сон. Да. Потому что такого не бывает с искусственными зубами. Никогда.

Когда пациент обнажил свои «клыки», мужчина с разноцветными волосами встал напротив Рэд Сокса, упершись руками в стену по обе стороны от его плеч так, что их грудные клетки едва соприкасались.

Но затем пациент покачал головой и отвернулся от запястья.

— Не могу.

— Ты мне нужен, — прошептал Рэд Сокс. — Мне плохо оттого, что я делаю. Ты нужен мне.

Пациент уставился на Рэд Сокса, жгучая тоска мелькнула в его бриллиантовом взгляде.

— Только ради... тебя... а не... себя.

— Ради нас обоих.

— Ради всех нас, — добавила белокурая женщина.

Пациент сделал глубокий вдох, затем... О, Боже!.. Укусил блондинку за запястье. Быстрым и решительным укусом кобры, он вцепился в ее руку, и женщина подскочила, но затем выдохнула с облегчением. В другом конце комнаты, Рэд Сокса трясло, он выглядел обездоленным и отчаявшимся, а парень с разноцветными волосами блокировал его движения, не касаясь его.

Голова пациента начала двигаться в ритме ребенка, припавшего к материнской груди. Но он не мог пить оттуда, не так ли?

Провалиться им всем, он просто не мог этого делать.

Сон. Это был лишь сон. Сумасшедший сон. Ведь правда? О Боже, она надеялась, что так и было. Или же она застряла в каком-то готическом кошмаре.

Когда все закончилось, ее пациент откинулся на подушках, а женщина зализала то место, где только что побывал его рот.

— Теперь отдыхай, — сказала она, потом повернулась к Рэд Соксу. — Ты в порядке?

Он покачал головой туда-сюда.

— Я хочу коснуться тебя, но я не могу. Я хочу войти в тебя, но... не могу.

Пациент заговорил.

— Ляг рядом. Сейчас.

— Ты не справишься с этим, — ответил Рэд Сокс слабым, хриплым голосом.

— Тебе нужно это сейчас. Я готов.

— Да хрен ты готов. И я должен прилечь. Я приду позже, когда отдохну...

Снова распахнулась дверь, из коридора пролился свет, и в комнату вошел огромный мужчина с черными волосами до талии и в солнцезащитных очках. Вот это уже проблема. По жесткому лицу казалось, что он был способен к пыткам, а свирепый взгляд заставил ее задуматься не хотел ли он приступить к ним прямо сейчас? Стараясь не привлечь его внимание, она сомкнула веки и постаралась не дышать.

Его голос был таким же жестким, как и он сам.

— Если бы вы уже не были в полном и глубоком шоколаде, я бы собственноручно вас закопал. Каким, черт побери, местом вы думали, когда притащили ее сюда?

— Прости нас, — сказал Рэд Сокс. Послышалось шарканье ног, и закрылась дверь.

— Я задал вопрос.

— Она должна быть здесь, — ответил пациент.

— Должна? Должна?! Ты что выжил из своего дьявольского ума?

— Да... но не насчет нее.

Джейн приоткрыла глаз и смотрела сквозь ресницы, как парень размером с мамонта взглянул на того, что с изумительными волосами.

— Я хочу видеть всех в моем кабинете через полчаса. Нужно решить, что, вашу мать, с ней делать.

— Только не... без меня... — сказал пациент, его голос становился сильнее.

— Тебе право голоса не давали.

Пациент оттолкнулся от матраса и, опершись на дрожащие руки, сел.

— У меня все права, когда речь заходит о ней.

Здоровяк ткнул пальцем в пациента.

— Да пошел ты.

Неожиданно в Джейн взыграл адреналин.

Сон оно или явь, с ее мнением обязаны считаться в этой светской беседе. Выпрямившись в кресле, она прокашлялась.

Все глаза устремились на нее.

— Я хочу выбраться отсюда, — сказала она, ей хотелось, чтобы голос звучал менее хрипло и более угрожающе. — Сейчас же.

Здоровяк положил руку на переносицу, сдвинул очки и потер глаза.

— Благодаря ему, сейчас это невозможно. Фьюри, позаботься о ней снова, хорошо?

— Вы убьете меня? — выпалила она.

— Нет, — сказал пациент. — С тобой все будет хорошо. Даю слово.

На долю секунды она ему поверила. Как глупо. Она не знала, где и по какой причине она находилась в обществе этих матерых уголовников...

Парень с роскошными волосами шагнул к ней.

— Ты просто отдохнешь еще немного.

Желтый взгляд встретился с ее глазами, и она внезапно вырубилась, как телевизор, у которого выдернули шнур, и ее экран погас.

Вишес посмотрел, как его хирург соскользнула в кресло напротив кровати.

— Она в порядке? — спросил он Фьюри. — Ты ведь не спалил ей мозг, верно?

— Нет, но у нее очень сильный разум. Необходимо как можно скорее убрать ее отсюда.

Голос Рофа сотряс воздух.

— Ее вообще не следовало сюда приводить.

Вишес осторожно опустился обратно на кровать, чувствуя, себя будто после удара шлакоблока⁵⁸ в грудь. Его не особо беспокоило бешенство Рофа. Его хирург должен быть здесь, и точка. Но, по крайней мере, он мог привести разумное объяснение.

— Она поможет мне вылечиться. Хэйверс сейчас недоступен из-за ситуации с Бутчем.

Взгляд Рофа за очками был непреклонен.

— Ты думаешь, она захочет тебе помогать, после того как ты ее похитил? Клятва Гиппократы вряд ли заходит так далеко.

— Я принадлежу ей, — Ви нахмурился. — В смысле, она будет заботиться обо мне, потому

что она меня оперировала.

— Ты хватаешься за соломинку, чтобы оправдаться...

— Правда? Мне только что сделали операцию на сердце, после того как подстрелили в грудь. Не похоже на соломинку. Ты хочешь рискнуть осложнениями?

Роф взглянул на хирурга, а затем опять потер глаза.

— Черт. Как долго?

— Пока мне не станет лучше.

Солнечные очки короля упали обратно на нос.

— Выздоровливай быстрее, брат. Я хочу, чтобы ей стерли память и вывезли отсюда.

Роф вышел из комнаты, с шумом закрыв за собой дверь.

— Все прошло хорошо, — сказал Ви Фьюри.

Фьюри в своей миролюбивой манере, пробормотал что-то по поводу свалившегося на них стресса, бла-бла-бла, а затем подошел к бюро и сменил тему. Он вернулся к постели с парой самокруток, зажигалкой Ви и пепельницей.

— Знаю, ты этого хочешь. Что ей понадобится для твоего лечения?

Ви сразу же мысленно составил список. С кровью Мариссы он быстро встанет на ноги, ведь ее родословная была практически чиста: в его бак только что залили горючее лучшего качества.

Но дело в том, что он не хотел выздоравливать быстро.

— Ей также потребуется одежда, — сказал он. — И продукты питания.

— Я позабочусь об этом. — Фьюри направился к двери. — Ты хочешь что-нибудь поесть?

— Нет. — Как только брат вышел в коридор, Ви сказал: — Проверишь, как там Бутч?

— Конечно.

После того как Фьюри ушел, Ви посмотрел на человеческую женщину. Она была скорее притягательна, чем красива. Черты ее лица были почти мужскими: квадратные скулы, четкая линия губ, никаких кокетливо изогнутых бровей и по-женски пышных ресниц. Не наблюдалось и большой груди, выпирающей из ее белого врачебного халата, и, насколько он заметил, женщина не была пышнотелой.

Но он хотел ее, будто она была обнаженной королевой красоты, требующей, чтобы ей услужили.

Моя. Бедра Ви заерзали, огонь распространился под кожей, хотя у него не было ни возможности, ни сил для занятий сексом.

Боже, честно говоря, он не испытывал никаких угрызений совести из-за ее похищения. Это было predetermined. Когда Бутч и Рейдж появились в больничной палате, у него было первое видение за эти недели. Он видел своего хирурга — она была в дверях в ореоле сияющего белого света, и с любовью на лице манила его за собой. Ее нежность омывала его теплой умиротворяющей волной, дарующей силу, а ее светящаяся кожа была как насыщающий его солнечный луч, которого он больше не знал.

Он не чувствовал угрызений совести, но все же винил себя за охватившие ее отчаяние и страх, когда она пришла в сознание. Благодаря своей матери, Ви на себе испытал то чувство уязвимой беспомощности, когда против воли оказывается давление извне. И он поступил таким образом именно с тем человеком, которому обязан спасенной жизнью.

Черт. Он спрашивал себя, как бы он поступил, не случись у него видения, не имей он проклятие видеть будущее. Неужели он оставил бы ее там? Да. Конечно, он так бы и поступил. Даже невзирая на буквально взрывающее его мозг слово “моя”, он все равно позволил бы ей остаться в ее мире.

Гребаное видение решило ее судьбу.

Он мысленно вернулся в прошлое. К своему первому видению.

Грамотность не особо ценилась в военном лагере, ведь с ее помощью нельзя было убивать.

Вишес научился читать на древнем языке только потому, что один из солдат имел какое-никакое образование и был ответственным за ведение элементарных записей лагеря. Он был небрежен, данная работа казалась ему скучной, так что Ви вызвался выполнять его обязанности, если мужчина научит его читать и писать. Сделка была отмененной. Ви всегда пленила мысль о том, что событие можно воспроизвести на бумаге и зафиксировать мимолетное, сделать его вечным.

Он быстро выучился, а затем собрал все книги в лагере, находя некоторые по закоулкам, в кучах под старым, сломанным оружием или в заброшенных палатках. Он собирал потрепанные сокровища в кожаном переплете и прятал их в дальнем конце лагеря, где хранили шкуры животных. Солдаты сюда не ходили, так как это была женская территории, а если кто и появлялся здесь, так только женщины — за парочкой шкур для пошива одежды или постельных принадлежностей. Кроме того, место было подходящим не только с точки зрения безопасности для книг, оно идеально подходило для чтения, потолок пещеры был низким, а пол — каменным: любое движение было сразу слышно, когда заходящие начинали шаркать ногами.

Но даже этот тайник не обеспечивал достаточной безопасности для одной особенной книги.

Самым ценным в его скудной коллекции был дневник, написанный мужчиной, который приехал в лагерь около тридцати лет назад. Он был аристократом по рождению, попал в тренировочный лагерь в связи с семейной трагедией. Дневник был написан красивым подчерком, длинными словами, о значении которых Ви мог только догадываться, и охватывал три года жизни мужчины. Контраст между двумя ее частями, той, что подробно описывала события до его приезда сюда, и второй, что рассказывала о том, что произошло после, был очевиден. В самом начале жизнь мужчины была отмечена славными похождениями в социальном мире глиммеры, полном балов, прекрасных женщин и изысканных манер. Потом все кончилось. Отчаяние, именно такое, с каким Ви жил постоянно, пронизывало страницы. После того, как жизнь мужчины изменилась навсегда, сразу после его превращения.

Вишес перечитывал дневник снова и снова, чувствуя родство с тоской автора. После каждого прочтения, он закрывал книгу и пробегал кончиками пальцев по имени, выбитому на кожаной обложке.

ДАРИУС, СЫН МАРКЛОНА.

Ви часто спрашивал себя, что случилось с этим мужчиной. Записи заканчивались в самый обыкновенный день, поэтому было трудно понять, умер ли он в результате несчастного случая или сбежал. Ви надеялся выяснить судьбу Воина, предполагая, что он сам проживет достаточно долго, чтобы когда-нибудь вырваться из лагеря.

С потерей дневника он чувствовал бы себя обездоленным, поэтому он держал его в таком месте, о котором не знала ни одна душа. До того как здесь разбили лагерь, в пещере жили древние люди, и предыдущие обитатели оставили после себя грубые рисунки на стенах. Смутные образы бизонов и лошадей, отпечатки ладоней и рисунки глаз солдаты считали проклятыми, поэтому это место все старались избегать. Исписанную часть закрыли перегородкой, и хотя художества можно было полностью закрасить, Вишес знал, почему его отец не избавлялся от них. Бладлеттер хотел держать лагерь под полным контролем, он пугал солдат и женщин угрозами, что духи этих животных могут завладеть ими, или, что изображения глаз и отпечатки ладоней могли ожить с неистовой яростью.

Ви не боялся рисунков. Они ему нравились. Простота эскизов животных была могущественной и грациозной, и он любил класть руки на отпечатки ладоней. На самом деле ему было приятно осознавать, что кто-то жил здесь до него. Возможно, им жилось лучше.

Ви прятал дневник между двумя большими изображениями бизонов, в расщелине, что была достаточно широка и глубока для хранения. В течение дня, если все было спокойно, он прокрадывался сюда, за перегородку и устремлял свой пылающий взор на книгу и читал, пока чувство одиночества не исчезало.

Год спустя, после того, как Вишес нашел это место, его книги были уничтожены. Его единственная радость была сожжена, чего он всегда и боялся. И не удивительно кем.

Он долго болел, приближаясь к превращению, хотя в то время он этого не знал. Ему не спалось, он встал и пробрался к тайной куче, и обосновался там, вооружившись книжкой со сказками. С этой книгой на коленях он заснул.

Когда он проснулся, перед ним стоял претранс. Мальчик был один из самых агрессивных новобранцев в лагере, обладал жилистым телом и жестоким взглядом.

— Как ты можешь бездельничать, в то время как остальные работают? — усмехнулся он. — И что это у тебя в руках, книга? Наверное, от нее надо избавиться, раз она отвлекает тебя от дел. Я получу больше еды, если мы так и поступим.

Вишес оттолкнул его подальше и молча поднялся на ноги. Он будет бороться за свои книги так же, как он боролся за объедки, чтобы набить свой живот, или за обноски одежды, прикрывавшие его тело. Также как и претранс, стоящий перед ним, будет бороться за право разоблачить его книжную тайну. И так будет всегда.

Мальчик быстро подскочил и толкнул Ви спиной к стене пещеры. Несмотря на сильный удар головой о каменную поверхность и рваное дыхание, Ви ответил ударом книгой по лицу противника. В этот момент набежали другие претрансы и и начали наблюдать за разворачивающимся зрелищем. Ви бил противника снова и снова. И хотя его учили использовать любое, оказавшееся под рукой оружие, как только парень упал на землю, Вишесу хотелось рыдать оттого, что он орудовал самым ценным, чтобы причинить другому человеку боль. Но ему пришлось продолжить. Если он потеряет преимущество, его побьют, и он лишится своих книг прежде, чем он успеет перепрятать их в другое безопасное место.

Наконец, мальчишка лежал неподвижно, его лицо превратилось в опухшее месиво, дыхание стало булькающим, когда Ви схватил его за горло. Большую часть сказаний залило кровью, от кожаной обложки оторвался корешок.

Затем что-то произошло. В руке появились странные покалывающие ощущения, которые потом перешли в кулак, что удерживал противника на полу пещеры. Потом вдруг появились жуткие тени от накаливаемого света, который исходил от ладони Ви. Сразу ж, подросток под ним начал биться, его руки и ноги застучали по каменному полу, как будто все его тело охватила ужасная боль.

Ви отпустил его, и в страхе уставился на свою руку.

Когда он снова посмотрел на парня, видение поразило его, как внезапный удар кулака, что заставило Ви ошеломленно застыть, выпучив глаза. В туманном мареве он увидел лицо мальчика на штормовом ветру, волосы развевались за спиной, глаза устремлены куда-то вдаль. Позади него были скалы каких-то гор, и солнце освещало их обоих, его и неподвижное тело подростка.

Мертв. Мальчик был мертв.

Претранс вдруг прошептал:

— Твои глаза... глаза... что это было?

Слова сорвались с губ Вишеса прежде, чем он мог их остановить:

— Смерть найдет тебя на горе, когда нахлынет ветер и унесет тебя прочь.

Ви поднял голову, услышав чей-то вздох. Одна из женицин стояла рядом с ним, ее лицо искажил ужас, как будто он только что говорил с ней.

— Что здесь происходит? — послышался громовой бас.

Ви отскочил от претранса, убираясь с пути своего отца, но держа мужчину в поле зрения. Бладлеттер стоял с расстегнутыми штанами, он явно только что слез с одной из кухарок. Это объясняло, что он делал в этой части лагеря.

— Что у тебя в руке? — требовательно спросил он, подойдя ближе к Ви. — Дай мне это сейчас же.

Перед гневом отца у Ви не было другого выбора, кроме как отдать книгу. Ее схватили с проклятьями.

— Ты разумно использовал ее лишь тогда, когда бил ею парня. — Пронзительные темные глаза сузились, когда взгляд упал на тайник, который Ви пытался прикрыть своей спиной. — Ты бездельничаешь здесь, среди шкур, не так ли? Ты проводишь свое время здесь.

Когда Ви не ответил, отец шагнул ближе.

— Что ты здесь делаешь? Читаешь книги? Думаю, да, и еще я думаю, что ты должен отдать их мне. Быть может, я тоже захочу почитать, а не заниматься полезными делами.

Ви замешкался... и получил пощечину, такую сильную, что она сбила его с ног, и он упал на шкуры. Он соскользнул вниз и скатился с обратной стороны кучи, приземлившись на колени перед тремя другими книгами. Кровь из носа капала на одну из обложек.

— Мне еще раз тебя ударить? Или ты отдашь мне то, что я попросил? — Тон Бладлеттера был равнодушным, ведь его устраивал любой результат, причиняющий Ви боль.

Ви протянул руку и погладил мягкую кожаную обложку. Его грудь свело от боли расставания, но ведь эмоции — лишь трата времени, не так ли. Все, что он любил, будет уничтожено, и это случится сейчас, независимо оттого, что он предпримет. По факту их уже не было.

Ви посмотрел через плечо на Бладлеттера, и осознал истину, что изменила его дальнейшую жизнь: его отец уничтожит что угодно и кого угодно, если это что-то или кто-то доставляют Ви комфорт и удовольствие. Мужчина уже делал это бесчисленное количество раз и тысячью способами, и будет продолжать в том же духе. Эти книги и этот эпизод были лишь одним впечатком среди бесконечных, глубоко протоптанных подобных следов.

Осознание этого заставило боль Ви исчезнуть. Внезапно и так неожиданно. Для него теперь не было никаких эмоциональных привязанностей, только агония оттого, что случилось. Он больше ничего не чувствовал.

Казалось, несколько часов Вишес нежно собирал книги, затем посмотрел в лицо отцу. Он без волнения отдал то, что было для него когда-то жизненно важно. Будто и не видел этих книг раньше.

Бладлеттер не стал брать то, что ему протягивали.

— Ты отдаешь их мне, сын мой?

— Отдаю.

— Да... хм. Знаешь, возможно, я не люблю читать. Может быть, я предпочту сражаться, как и подобает мужчине. Мужчине моего вида и моей чести. Он протянул свою мощную руку, и указал на один из кухонных очагов. — Отнеси их туда. Сожги их. На дворе зима, тепло сейчас в цене.

Глаза Бладлеттера сузились, когда Ви спокойно подошел и бросил книги в огонь. Когда он повернулся к отцу, мужчина внимательно посмотрел на него.

— Что сказал парень о твоих глазах? — пробормотал Бладлеттер. — Мне показалось, я что-то услышал.

— Он сказал: «Твои глаза... глаза... что это было?» — равнодушно повторил Ви.

Наступила тишина, из носа Ви сочилась кровь, теплой струйкой медленно стекая по губам

и подбородку. Руку жгло от нанесенных им ударов, а голова раскалывалась от боли. Но это его не беспокоило. Он чувствовал в себе странную силу.

— Ты знаешь, почему мальчик сказал такое?

— Нет, не знаю.

Они уставились друг на друга, вокруг собралась толпа зевак.

Бладлеттер сказал, ни к кому напрямую не обращаясь:

— Как оказалось, мой сын любит читать. Я хочу быть в курсе того, чем увлекается мой ребенок, желаю, чтобы мне сразу же докладывали, если его опять обнаружат за этим занятием. Я посчитаю это личным одолжением, которое будет вознаграждено. Отец Ви развернулся, схватил женщину за талию и потащил ее к костру. — А теперь мы займемся состязаниями, мои солдаты! Все в яму!

Раздались довольные вопли мужчин, и толпа рассеялась.

Ви опустошенно наблюдал, как все расходятся, понимая, что не испытывает ненависти. Обычно, как только отец поворачивался к нему спиной, Вишес давал волю презрению к этому мужчине. Теперь ничего этого не было. Он испытывал то же самое, когда смотрел на книги, перед тем как их отдать. Он... ничего не чувствовал.

Ви посмотрел вниз, на парня, которого избил.

— Если ты еще когда-нибудь ко мне приблизишься, я сломаю тебе обе ноги и руки и сделаю так, что ты больше никогда не сможешь видеть. Все ясно?

Парень улыбнулся, хоть его рот и опух, словно его покусали пчелы.

— А что если я первым пройду превращение?

Ви положил руки на колени и наклонился.

— Я сын своего отца. И потому — способен на все. Независимо от своего размера.

Глаза мальчишки расширились от очевидной истины: оторванный от реальности, каким сейчас был Вишес, он мог пережить что угодно, мог сделать что угодно, и ничто не мешает ему пойти до конца.

Он сейчас был таким же, каким всегда был его отец — изнутри бездушной расчетливой машиной, лишь снаружи покрытой плотью. Сын выучил свой урок.

Очнувшись, Джейн вспомнила, что видела гротескный сон, в котором некто иллюзорный, не существующий в реальности, живой-здоровый был заперт с ней в одной комнате: она видела острые клыки пациента, и его рот на запястье женщины, когда он пил из ее вены.

Туманные, странные образы затягивали и пугали ее, как брезент, под которым что-то шевелилось. Что могло причинить боль.

Могло укусить.

Вампир.

Она не часто чего-то боялась, но именно сейчас ее охватил страх. Медленно приподнявшись, она оглядела спартанскую спальню, и с ужасом поняла, что ее похищение не было сном. А остальное? Она не видела четкие границы реального и невозможного, а память была изрешечена пустующими провалами. Она вспомнила, как оперировала пациента. Вспомнила, как перевела его в отделение интенсивной терапии. Как ее похитили какие-то мужчины. А дальше что? Одни провалы.

Сделав глубокий вдох, она почувствовала запах еды и обнаружила поднос на стуле рядом с креслом. Она подняла серебряную крышку... Господи, какая прелестная тарелка. Фарфор Имари⁵⁹, прямо как у ее матери. Нахмурившись, она отметила, что блюдо было явно для гурманов: ягненок с молодым картофелем и летняя тыква. Кусок шоколадного торта, кувшин и стеклянный стакан.

Может, они забавы ради еще и Вольфганга Пака⁶⁰ похитили?

Она взглянула на своего пациента.

Закрыв глаза, он лежал на черных простынях под светом лампы на ночном столике, его тяжелые плечи едва виднелись из-под одеяла, а черные волосы разметались по подушке.

Дыхание было медленным и ровным, на лице играли краски, от лихорадки не осталось и следа. И хотя его брови были напряжены, а рот сжат в тонкую линию, он выглядел... выздоравливающим.

Что было невозможно, если только она не провалялась в отключке неделю.

Джейн встала, потянулась руками над головой и выгнула спину, разминая позвонки. Она бесшумно подошла и проверила пульс мужчины. Ровный. Сильный.

Святой ад. Все это было нелогично. Все. Пациенты с огнестрельным и ножевым ранениями, у которых дважды останавливалось сердце, а затем перенесшие открытую операцию, не восстанавливаются вот так просто. Никогда.

Вампир.

О, да прекрати.

Она взглянула на цифровые часы на тумбочке и увидела дату. Пятница. Пятница? Боже, была пятница, десять утра. Она оперировала его всего восемь часов назад, а он выглядел так, будто выздоравливал уже несколько недель.

Может, все это — сон. Может, она уснула в поезде, направляющемся до Манхэттена, и проснется, когда они подъедут к Перм Стэйшн. Она нервно рассмеется, выпьет чашку кофе и пойдет на собеседование в Колумбию, как и планировала, свалив все померещившееся на некачественную еду из автомата.

Она ждала. Надеялась, что проснется, когда поезд тряхнет на ухабе.

Но вместо этого, часы продолжали считать минуты.

Хорошо. Вернемся к мысли о том, что это кусачая реальность. Чувствуя себя абсолютно одинокой и до смерти запуганной, Джейн подошла к двери, дернула за ручку. Заперто. Сюрприз,

сюрприз. Появился непреодолимый соблазн грохнуть по двери, но зачем? Никто с обратной стороны не собирался ее освобождать. Кроме того, ей не хотелось, чтобы кто-нибудь из них узнал, что она проснулась.

Место было надежно защищено: окна были оборудованы какими-то перегородками с другой стороны, и пластины располагались настолько плотно, что сквозь них не пробивался и луч дневного света. Дверь была явно непроходима. Стены — крепкими. Ни телефона, ни компьютера.

В шкафу была только черная одежда, здоровые сапоги и огнеупорный шкафчик. С замком.

Из ванной комнаты тоже бежать было некуда. Окон не было, вентиляционное отверстие, достаточно большое для того, чтобы в него протиснуться, отсутствовало.

Она вернулась обратно в комнату. Боже, это не спальня, а камера с матрасом.

И это был не сон.

Активизировались надпочечники⁶¹, а сердце бешено отплясывало в груди. Она напонила себе, что ее должна искать полиция. Просто обязана. В больнице полно камер и различных систем безопасности, кто-то должен был видеть, как увозили ее и пациента. Кроме того, она пропустила собеседование, наверняка и по этому поводу возникнут вопросы.

Пытаясь взять себя в руки, Джейн закрылась в ванной комнате, замок в двери которой, разумеется, был вырезан. Воспользовавшись туалетом, она умылась и схватила полотенце, висевшее на двери. Зарывшись лицом в ткань, она почувствовала удивительный аромат, который заставил ее замереть. Это был запах пациента. Должно быть, он пользовался этим полотенцем, прежде чем вышел из дома и получил пулю в грудь.

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула. Секс был первой и единственной мыслью, что пришла ей в голову. Боже, если бы этот аромат можно было разливать по бутылкам, законный доход этих мальчиков превосходил бы поступления от наркотиков и азартных игр.

Испытывая к себе отвращение, она отбросила полотенце, будто мусор, и вдруг заметила нечто блеснувшее возле унитаза. Наклонившись к мраморной плитке, она обнаружила на полу опасную бритву, очень старомодную, что напомнило ей о вестернах. Она подняла ее, посмотрела на блестящее лезвие.

Теперь у нее было отличное оружие, подумала она. Чертовски отличное оружие.

Она положила ее в карман своего белого халата, и услышала, как дверь в спальню открылась.

Она вышла из ванной, держа руку в кармане, а взгляд — бдительным. Вернулся Рэд Сокс, вместе с парой больших спортивных сумок. Груз не казался таким уж существенным, по крайней мере, не для парня его размеров, но он явно сгибался под его весом.

— Этого хватит для начала, — сказал он хриплым, усталым голосом, он произнес слово «начало» в классической Бостонской манере.

— Для начала чего?

— Его лечения.

— Прошу прощения?

Рэд Сокс нагнулся и открыл одну из сумок. Внутри были коробки с бинтами и марлевыми повязками. Латексные перчатки. Подкладное судно из сиреневого пластика. Баночки с таблетками.

— Он сказал, что тебе может понадобиться.

— Да что ты.

Провалились все в ад. У нее не было никакого желания играть в доктора. Спасибо большое, ей хватало того, что она стала жертвой похищения.

Парень осторожно выпрямился, как будто у него кружилась голова. — Ты позаботишься о

нем.

— Правда?

— Да. И, предвосхищая твой вопрос, отвечу: да, ты покинешь это место живой и невредимой.

— В случае если я окажу медицинскую помощь, да?

— В общем-то, да. Но я не переживаю. Ты бы сделала это в любом случае, так ведь?

Джейн посмотрела на парня. Большую часть его лица не было видно из-за бейсболки, но изгиб челюсти она узнала. И этот Бостонский акцент.

— Я тебя знаю? — спросила она.

— Это вряд ли.

В наступившей тишине, она изучала его взглядом врача. Цвет кожи был серым и явно нездоровым, его щеки впали, а руки дрожали. Он выглядел так, будто пару недель провел в запое, его шатало, и дыхание было сбивчивым. И что это за запах? Боже, он напомнил ей о ее бабушке: денатурированные духи и пудра для лица. Или... может, что-то другое, то, что напомнило ей о медицинской школе... Да, похоже на то. От него пахло формальдегидом, как на курсах по макроскопической анатомии человека.

Определенно, он был бледен, как труп. И ему явно до здоровья и бодрости было далеко. Она подумала, сможет ли она его вырубить.

Чувствуя бритву в кармане, она измерила расстояние между ними, и решила выждать. Даже с учетом его слабости, дверь была закрыта и заперта на замок. Если она нападет на него, то рискует получить травму или быть убитой, так и не добившись возможности хотя бы приблизиться к выходу. Лучший вариант — ждать рядом с дверным косяком, пока кто-нибудь не войдет. Ей необходим элемент неожиданности, иначе они наверняка управятся с ней.

Хотя, что она собирается делать, выбравшись из комнаты? Она была в большом доме? Маленьком? Возникло предчувствие, что эти Форт Ноксовские⁶² игрушки на окнах, были здесь обыденным делом.

— Я хочу уйти.

Рэд Сокс вымученно вздохнул.

— Через пару дней ты вернешься к своей обычной жизни без каких-либо воспоминаний о том, что произошло.

— Да, верно. Похищение — прекрасный способ поладить с дамой.

— Сама увидишь. Или нет — уж как дела пойдут.

Рэд Сокс двинулся к постели, и чтобы не упасть по пути, он облокотился на письменный стол, затем на стену.

— Он выглядит лучше.

Ей хотелось заорать, чтобы он не приближался к ее пациенту.

— Ви? — Рэд Сокс осторожно присел на кровать. — Ви?

Глаза пациента открылись через мгновение, уголок его рта дернулся.

— Коп.

Двое мужчин одновременно протянули друг другу руки. Наблюдая за ними, Джейн решила, что парни, должно быть, приходились друг другу братьями, хотя цвет их волос различался. Может, они просто были очень близкими друзьями? Или любовниками?

Взгляд пациента скользнул по ней, пробежал сверху вниз вдоль ее тела, как будто он проверял, не пострадала ли она. Потом он посмотрел на еду, к которой она не притронулась, нахмурился, явно не одобряя это.

— Дежа вю, разве нет? — прошептал Рэд Сокс пациенту. — Но тогда в кровати валялся я. Как теперь называть это? Может, не стоит больше выделяться по поводу всего этого дерьма с

ранениями?

Эти ледяные, светящиеся глаза оставили ее и переместились на приятеля. Неодобрение не сходило с его лица.

— Паршиво выглядишь.

— Зато ты сейчас роскошнее Мисс Америки.)

Пациент с трудом вытащил руку из-под одеяла, казалось, она весила как фортепиано.

— Помоги мне снять перчатку.

— Забудь об этом. Ты не готов.

— Тебе становится хуже.

— Завтра...

— Сейчас. Мы сделаем это сейчас. — Голос пациента упал до шепота. — Через день ты не сможешь даже стоять. Сам знаешь, что произойдет.

Рэд Сокс опустил голову, пока она не повисла на шее, как мешок муки. Он тихо выругался и потянулся к перчатке пациента.

Джейн пятилась, пока не наткнулась на кресло. Эта рука свалила ее медсестру в эпилептическом припадке, но двое мужчин вели себя так, будто контакт с этой штукой — так, обычное дело.

Рэд Сокс аккуратно снял черную кожу, освобождая руку, покрытую татуировками. Боже мой, казалось, кожа светится.

— Подойди, — сказал пациент, широко распахивая объятия навстречу мужчине. — Ложись рядом.

Дыхание в груди Джейн остановилось.

Кормия зашла в святилище, ее босые ноги и белая мантия не производили никакого шума, ее дыхание проходило через легкие без единого звука, едва заметно. Она двигалась так, как должна двигаться Избранная, не отбрасывая тени, не издавая ни шороха.

Но у нее была личная цель, а это неправильно. Как Избранная, она должна служить Деве-Летописице все время, и все ее намерения должны быть связаны только с ней.

Но личные нужды Кормии тоже были неоспоримыми.

Книжный Храм находился в конце длинной колоннады, и его двойные двери всегда были открыты. Из всех святилищ, в том числе и в том, где хранились драгоценные камни, это было самым ценным: в нем хранились записи о расе, которые вела сама Дева-Летописица, дневники, что охватывали необъятные временные рамки, тысячи лет. Святая Дева диктовала их специально обученным Избранным, и этот труд, выполненный с душой, являлся заветом истории и веры.

Среди стен, цвета слоновой кости, в мерцании белых свечей, Кормия неслышно шла по мраморному полу, минуя бесчисленные ряды, ускоряя шаг, нервничая все больше. Дневники были расположены в хронологическом порядке, отдельно для каждого года и в соответствии с каждым социальным классом, но то, что она искала, не хранилось в общем отделе.

Она посмотрела через плечо, дабы убедиться, что вокруг никого нет, и нырнула вниз по коридору, прямо к блестящей красной двери. В середине панели было изображение двух черных кинжалов, пересекающихся лезвиями, рукоятками вниз. Вокруг рукояток, сусальным золотом, на древнем языке был написан священный девиз:

Братство Черного Кинжала

Защищать и Оберегать

Нашу Матерь, Нашу Расу, Наших Братьев

Ее рука дрожала, когда она положила ее на золотую ручку. Эта зона была запретной, и если ее поймут, она будет наказана, но ее это не заботило. Даже если она и боялась того, что искала, она больше не могла выносить своего неведения.

Размеры и пропорции комнаты были колоссальны, ее высокий потолок покрыт золотыми листьями, стеллажи были не белыми, а блестяще черными. Книги на полках, опоясывающих стены, были обернуты черной кожей, их корешки отделаны золотом, в котором отражались слабые блики свечей. На полу лежал кроваво-красный, мягкий, как мех, ковер.

В воздухе пахло чем-то необычным, запах напоминал какие-то специи. Ей казалось, это потому, что братья приходят иногда в этот зал и подолгу засиживаются среди своей истории, вынимая с полок книги, может быть, о себе, а может быть, о своих предках. Она попыталась представить их здесь и не смогла, так как она никогда не видела ни одного из них. На самом деле, она никогда не видела мужчину во плоти.

Кормия быстро вычислила порядок томов, оказалось, они были организованы в хронологическом порядке — о, подождите. Здесь так же был и биографический раздел.

Она опустилась на колени. Каждый комплект томов было отмечен номером и на нем стояло имя Брата и его отцовская линия. Первый том был очень древним, на нем были архаично расположенные символы, что напомнило ей о самых старых частях дневника Девы-Летописицы. Этому первому Воину было посвящено несколько книг, а следующие двое Братьев значились как его сыновья.

Следуя далее вдоль ряда книг, она достала первую попавшуюся и открыла ее. На титульном листе был великолепно выписан портрет Брата, вокруг него следовало подробное описание: его имя и дата рождения, дата вступления в Братство, описывалась его доблесть на поле брани и тактические умения. На следующей странице располагалась родословная Воина на протяжении всех поколений, после чего шел список его жен и детей. Затем в каждой главе следовало подробное описание его жизни, как на поле битвы, так и вне ее.

Этот Брат, Торчер, по всей видимости, прожил долгую жизнь и был славным Воином. О нем было три книги, и одна из последних записей была посвящена радости мужчины, по поводу вступления в Братство, его единственного, оставшегося в живых сына, по имени Рейдж.

Кормия вернула книгу на место, и продолжила путь вдоль рядов, пальцем пробегая по переплетам, касаясь имен. Эти мужчины воевали, чтобы оберегать ее, они пришли на помощь, когда Избранные подверглись нападению сотни лет назад. Они также защищали гражданское население от лессеров. Может быть, все эти приготовления для Праймэйла пройдут не так уж плохо. Конечно же, тот, чья задача — защищать невинных, не сможет причинить ей боль.

Так как она не знала возраста того, кто ей был обещан, и дату его вступления в Братство, она просматривала каждую книгу. А их было так много, бесконечные полки...

Ее палец остановился на корешке толстого тома, одном из четырех:

БЛАДЛЕТТЕР

356

Имя отца Праймэйла заставило ее похолодеть. Она читала о нем, как часть истории расы, и, пресвятая Дева, возможно, она ошиблась. Если истории об этом мужчине были правдой, то получалось, что даже тот, кто храбро воевал, мог оказаться очень жестоким.

Странно, что его отцовской линии не было в списке.

Она шла дальше, отслеживая еще больше переплетов, еще больше имен.

ВИШЕС

СЫН БЛАДЛЕТТЕРА

428

Здесь был только один том, и он был тоньше ее пальца. Когда она легко достала книгу и провела ладонью по обложке, ее сердце бешено колотилось. Книга открылась с трудом, было ясно, что ее редко касались. Вернее, не касались вообще. Портрет Брата отсутствовал, не было и подробного описания его боевых подвигов, только дата рождения, которая указывала, что скоро ему исполнится триста лет и три года, и запись о том, когда он вступил в Братство. Она перевернула страницу. Не было никакого упоминания о его происхождении, за исключением того, что его отцом был Бладлеттер. Остальная часть книги была чиста.

Поставив книгу на место, она вернулась к томам, посвященным отцу и вытащила третий из них. Она читала об отце, в надежде узнать что-то о сыне, что могло бы развеять ее опасения, но обнаружила такую жестокость, что это заставило ее молиться, чтобы Праймэйл был похож на свою мать, кем бы она ни была. «Бладлеттер»⁶³ — очень подходящее имя для такого Воина, потому как он был одинаково жесток и к вампирам, и к лессерам.

Пролистав до конца, она обнаружила на последней странице запись о его смерти, хотя о причине ничего не говорилось. Она достала первый том и открыла его, чтобы посмотреть на портрет. У него были черные как смоль волосы, борода и такие глаза, что ей захотелось отбросить книгу прочь и никогда не открывать ее снова.

Вернув том на место, она осела на пол. По окончании секвестра Девы-Летописицы, сын Бладлеттера придет за Кормией и получит ее тело в законное владение. Она не знала что последует за этим, не могла даже представить дальнейшие действия мужчины, и очень страшилась сексуального обучения.

По крайней мере, как Праймэйл, он возляжет с другими, напомнила она себе. Со многими другими, часть из которых специально подготовлена для того, чтобы доставлять мужчинам удовольствие. Без сомнения, он предпочтет их. Если ей хоть немного повезет, он будет редко приходить к ней.

Бутч растянулся на постели, и Ви со стыдом, признался себе, что провел много дней, представляя: на что это будет похоже? Что он почувствует? Что он будет обонять? Теперь, когда это стало реальностью, он был рад, что ему пришлось сосредоточиться на исцелении Бутча. В противном случае, он бы чувствовал ненужное напряжение, и ему пришлось бы отстраниться.

Когда его грудь коснулась груди Бутча, он попытался сказать себе, что ему это не нужно. Он старался делать вид, что ему не требовалось чувствовать кого-то рядом, что ему не приносит облегчения это ощущение, когда кто-то плотно прижимается к тебе с головы до пят, он притворился, что ему наплевать на тепло и тяжесть тела рядом с ним.

Исцелив копа, он не излечится сам.

Но это, конечно, все вздор. Ви обнял Бутча и открылся, чтобы принять в себя все зло Омеги. После визита матери и пулевого ранения, он жаждал близости другого человека, ему было необходимо чувствовать руки, которые обнимут в ответ. Биение сердца напротив его собственного.

Он так долго не протягивал руки другому человеку, так долго держался в стороне. Он снял щиты рядом с единственным человеком, которому доверял, и от этого защипало глаза.

Как хорошо, что он никогда не плакал, иначе щеки стали бы мокрыми, как речные камни.

Бутч вздрогнул от облегчения, и Вишес почувствовал, как дрожат плечи и бедра мужчины. Зная, что этого делать не следует, но не в силах остановить себя, Ви протянул свою татуированную руку и глубоко запустил ее в густые волосы Бутча. Коп издал еще один стон и придвинулся ближе, Ви перевел глаза на своего хирурга.

Широко распахнув глаза и приоткрыв рот, она наблюдала за ними из кресла.

Ви не чувствовал неловкости лишь потому, что знал, что когда она уйдет, у нее не останется воспоминаний об этом интимном моменте. В противном случае он бы этого не вынес. Подобная хрень не часто случалась в его жизни, в основном потому, что он не допускал такого. И будь он проклят, если хоть кто-то из чужаков будет лезть в его частные дела.

За исключением того... что она-то вроде как не являлась чужаком.

Хирург сидела, глубоко утонув в кресле, прижав руку к горлу. Время тянулось медленно, вытягиваясь во всю длину, как ленивая собака туманной летней ночью. Она смотрела ему прямо в глаза, и он тоже не отводил взгляда.

Опять в голову пришло это слово: *Мое*.

Только вот о ком из них он думал? О Бутче или о ней?

О ней, подумал он. Именно эта женщина в другой стороне комнаты вызывала в голове это слово.

Бутч зашевелился, его ноги легко касались ног Ви через одеяло. Ви почувствовал укол вины, вспомнив, сколько раз он представлял себя с Бутчем — в объятиях, так, как сейчас, думал о...ну, лечение не было и половиной тех мыслей. Странно, конечно. Теперь, когда все это происходило на самом деле, Ви не думал ни о чем сексуальном по отношению к Бутчу. Нет... сексуальное влечение и «связующее» слово были направлены на ту молчаливую женщину в его комнате, которая явно была в шоке.

Может быть, она не выносила вида мужчин вместе? Не то чтобы они с Бутчем когда-то будут вместе.

По какой-то нелепейшей гребаной причине Ви сказал ей:

— Он мой лучший друг.

Казалось, она удивилась этому пояснению. Ровно, как и он.

Джейн не могла оторвать глаз от кровати. Пациент и Рэд Сокс ярко светились, их тела испускали мягкий свет, и между ними что-то происходило, какой-то обмен. Господи, сладкий запах в воздухе постепенно исчезал.

Лучшие друзья? Она посмотрела на руку пациента, зарывшуюся в волосы Рэда Сокса, и на то, как его сильные руки притягивали мужчину ближе к себе. Конечно, они были друзьями, но как далеко они зашли в своей дружбе?

Прошло Бог знает сколько времени, пока Рэд Сокс, наконец, издал долгий вздох и поднял голову. Глядя на их лица, в нескольких дюймах друг от друга, Джейн приготовилась к худшему. Она спокойно относилась к таким мужчинам, но по какой-то безумной причине она не хотела видеть, как ее пациент целует своего друга. Или кого-то еще.

— Ты в порядке? — спросил Рэд Сокс.

Голос пациента был низким и тихим.

— Да. Я устал.

— Не сомневаюсь.

Рэд Сокс плавным движением соскользнул с кровати. Черт побери, он выглядел так, будто провел месяц на спа-курорте. К нему вернулся нормальный цвет лица, а глаза стали спокойными и ясными. Исчезла атмосфера зла.

Пациент перевернулся на спину, потом лег на бок, поморщившись от боли. Затем попытался вернуться в первоначальное положение. Он скрестил ноги под одеялом, как будто пытаясь избавиться оттого, что сейчас чувствовало его тело.

— Тебе больно? — спросил Рэд Сокс. Когда ответа не последовало, парень бросил взгляд через плечо. — Можешь помочь ему, док?

Ей хотелось сказать «нет». Ей хотелось грязно выругаться и еще раз потребовать, чтобы ее отпустили. Ей хотелось крепко пнуть этого члена клуба Рэда Сокса по яйцам за то, что от произошедшего сейчас ее пациенту стало хуже.

Но клятва Гиппократа заставила ее подняться и подойти к вещевым мешкам.

— Зависит от того, что ты мне принес.

Подойдя ближе, она обнаружила запас лекарств от любого вида боли из Уолгрин⁶⁴. И все это было упаковано в мешки Биг Фарма⁶⁵, и значит, у них существовали свои источники в клинике: лекарства были запечатаны таким образом, что явно не проходили через черный рынок. Черт, эти парни, вероятно, и были черным рынком.

Чтобы убедиться, что она ничего не пропустила, она проверила вторую сумку... и обнаружила свою любимую форму для йоги... и остальные вещи, которые она упаковала для поездки в Манхэттен, на интервью в Колумбии.

Они были у нее дома. Эти ублюдки залезли в ее дом.

— Нам пришлось отогнать твою машину, — пояснил Рэд Сокс. — И решили, что тебе потребуется свежая одежда. А это было уже упаковано.

Они ехали на ее Ауди, шарили по комнатам, рылись в ее вещах.

Джейн встала, и пнула сумку так, что она пролетела через всю комнату. Вся ее одежда вывалилась на пол, она сунула руку в карман и схватила бритву, готовая перерезать Рэда Соксу горло.

Послышался твердый голос пациента:

— Извинись.

Она развернулась и посмотрела на кровать.

— За что? Вы забрали меня против моей во...

— Не ты. Он.

Рэд Сокс быстро сказал раскаивающимся голосом:

— Я сожалею, что мы вошли в твой дом. Мы просто пытаемся тебе все облегчить.

— Облегчить? Не обижайся, конечно, катись ты к черту на рога со своими извинениями. И знайте, люди заметят мое исчезновение. Полиция будет искать меня.

— Мы обо всем позаботились. Даже насчет встречи на Манхэттене. Мы нашли билеты на поезд и приглашение на собеседование. Они больше тебя не ждут.

От ярости она на какое-то мгновение лишилась голоса.

— Да как вы смеете.

— Они согласились перенести интервью, когда узнали, что ты заболела.

Будто это должно ее успокоить.

Джейн открыла рот, готовая наброситься на него, когда до нее дошло, что она находится полностью в их власти. Противодействие похитителям, возможно, было не самым умным в данной ситуации.

Выругавшись, она посмотрела на пациента.

— Когда вы меня отпустите?

— Как только я встану на ноги.

Она внимательно изучила его лицо, от эспаньолки и алмазных глаз до тату на виске. Не думая, она сказала:

— Дай мне слово. Поклянись жизнью, которую я тебе вернула. Вы позволите мне уйти целой и невредимой.

Он не колебался. Даже не перевел дыхание.

— Клянусь своей честью и кровью, что течет в моих жилах, ты будешь свободна, как только я поправлюсь.

Ругая себя и их, она вынула руку из кармана, нагнулась и вытащила флакон демерола из большой сумки.

— Не вижу здесь шприцов.

— У меня есть.

Рэд Сокс подошел и вынул стерильный пакет. Когда она попыталась взять его, он не выпустил его из рук.

— Уверен, ты используешь их с умом.

— С умом? — Она вырвала шприц из его руки. — Нет, я воткну шприц ему в глаз. Ведь именно этому меня учили в медицинском колледже.

Нагнувшись еще раз, она порылась в сумке и нашла пару резиновых перчаток, пакет проспиртованных салфеток, марлю и упаковку для смены повязки на груди.

Хотя она для профилактики и влила пациенту антибиотики еще до операции, так что риск заражения был низок, она все равно спросила:

— Можешь достать антибиотики?

— Все что потребуется.

Да, у них определенно были связи в больнице.

— Возможно, мне потребуется немного ципрофлоксацина или амоксициллина. Зависит от того, что входит в состав этой хирургической упаковки.

Она положила иглу, флакон и другие материалы на тумбочку, натянула перчатки и разорвала упаковку.

— Секунду, док, — сказал Рэд Сокс.

— Прошу прощения?

Рэд Сокс смотрел на нее, его взгляд был как оружейный прицел.

— При всем уважении, хочу подчеркнуть, что если ты намеренно навредишь ему, я убью тебя голыми руками. Мне все равно, что ты женщина.

Ужас пробежал по ее позвоночнику, когда рычание заполнило спальню, похожее издает мастифф перед нападением.

Они оба в шоке посмотрели на пациента.

Его верхняя губа приподнялась, обнажая острые передние зубы, которые стали длиннее в два раза.

— Никто не прикоснется к ней. И плевать, что она сделает или кому.

Рэд Сокс нахмурился, будто его приятель лишился разума.

— Ты знаешь о нашей договоренности, сосед. Я забочусь о твоей безопасности, пока ты не сможешь сам о себе позаботиться. Тебе это не по нраву? Лечи скорее свою задницу, и потом можешь беспокоиться о ней.

— *Никто.*

Последовала минута молчания, в течение которой Рэд Сокс по очереди переводил взгляд, то на врача, то на пациента, как будто пересматривая законы физики, и сомневаясь в самой математике.

Джейн вмешалась, чувствуя, что ей необходимо их успокоить, пока они не вскипели окончательно:

— Ладно, ладно. Давайте прекратим это идиотское позерство, хорошо?

Оба посмотрели на нее с удивлением, но, казалось, их еще больше поразило то, как она локтем оттолкнула Рэда Сокса в сторону.

— Если ты собираешься быть здесь, выруби агрессию. Этим ты ему не поможешь, — она посмотрела на пациента. — Ну а ты... ты просто расслабься.

После продолжительного молчания, Рэд Сокс прокашлялся, а пациент надел свою перчатку и закрыл глаза.

— Спасибо, — пробормотала она. — Теперь, если вы, парни, не возражаете, я начну делать свою работу, чтобы поскорее отсюда выбраться.

Она вколола пациенту дозу демерола, и, через несколько секунд, жесткая линия его бровей расслабилась, словно на них ослабили винты. Напряжение покинуло его тело, она ослабила повязку на его груди и сняла марлю.

— Боже... мой, — выдохнула она.

Рэд Сокс посмотрел через ее плечо.

— Что случилось? Рана же хорошо зажила.

Она мягко ощупала ряд металлических скоб и розовый шов под ними.

— Теперь это можно снять.

— Помощь нужна?

— Это неправильно.

Пациент открыл глаза, и было очевидно, что он знал, о чем она думает: Вампир.

Не глядя на Рэда Сокса, она сказала:

— Не достанешь мне хирургические ножницы и зажимы из той сумки? О, и принеси мне локальный спрей-антибиотик.

Услышав шорох в другом конце комнаты, она прошептала:

— Что ты такое?

— Живой, — ответил пациент, — благодаря тебе.

— Вот возьми.

Джейн нервно дернулась, притянутая за ниточки кукловода игрушка. Рэд Сокс протягивал ей инструменты из нержавеющей стали, но она не могла вспомнить, зачем просила их.

— Скобы, — пробормотала она.

— Что? — переспросил Рэд Сокс.

— Я вытащу скобы, — она взяла ножницы и зажимы и брызнула на грудь пациента антибиотик.

Несмотря на то, что ее мозг выделял непонятные па внутри черепной коробки, она умудрилась вытащить и удалить каждую из двадцати, или около того, металлических скоб, бросая их в мусорную корзину, рядом с кроватью. Закончив, она смыла капли крови, выступившие из каждого прокола, а затем нанесла на грудь еще антибиотика.

Встретившись с его бриллиантовым взглядом, она знала наверняка, что он не был человеком. В жизни она повидала слишком много внутренних органов, и слишком часто боролась за жизни пациентов, чтобы сейчас думать иначе. Но она не знала, радоваться ей или плакать. И всей человеческой расе.

Как такое возможно? Существование совершенно иного вида с огромным количеством человеческих характеристик? С другой стороны, вероятно, именно это помогло им остаться в тени.

Джейн накрыла его грудь тонким слоем марли, которую затем обернула вокруг. Когда она закончила, пациент поморщился, и его рука, та, что в перчатке, легла на живот.

— Ты в порядке? — спросила Джейн, когда его лицо побледнело.

— Тошнит, — над верхней губой выступил пот.

Она посмотрела на Рэд Сокса.

— Я думаю, тебе лучше уйти.

— Почему?

— Его сейчас стошнит.

— Я в порядке, — пробормотал пациент, закрывая глаза.

Джейн направилась к сумке за уткой, и сказала Рэд Соксу:

— Уходи прямо сейчас. Дай мне его осмотреть. Для этого нам не нужна аудитория.

Чертов демерол. Он снимал боль, но иногда побочные эффекты доставляли немало проблем пациентам.

Рэд Сокс замешкался, пока больной не застонал и не начал вынужденно сглатывать.

— Мм, хорошо. Слушай, прежде чем я уйду, тебе принести, что-нибудь свежее, поесть? Может, ты хочешь что-нибудь особенное?

— Ты шутишь? По-твоему, я должна забыть о похищении и смертельной угрозе, и сделать у тебя заказ?

— Нет причины голодать пока ты здесь. — Он взял поднос.

Боже, этот его голос... грубый, хриплый голос с Бостонским акцентом.

— Я знаю тебя. Я определенно откуда-то тебя знаю. Сними кепку. Я хочу видеть твоё лицо.

Парень взял остывшую еду и пересек комнату.

— Я принесу тебе что-нибудь поесть.

Когда дверь закрылась, и послышался шум запираемого замка, она почувствовала какое-то детское желание подбежать и заколотить по ней.

Но тут больной застонал, и она посмотрела на него.

— Может, перестанешь с этим бороться?

— Черт... побери... — он повернулся набок, когда начались рвотные позывы.

Судно не понадобилась, потому что в его желудке было пусто. Джейн заставила себя пойти в ванную и принести полотенце, которое она положила на рот пациента. Его спазмы жалко тонули в полотенце, он схватился за грудь, как будто не хотел, чтобы открылась рана.

— Все в порядке, — сказала она, положив руку на его гладкую спину. — Ты уже вполне здоров. Шов не откроется.

— Такое чувство... будто я... черт...

Боже, он страдал: его лицо покраснело от напряжения, он весь вспотел, а тело трясло.

— Ничего страшного, просто не подавляй это. Чем меньше ты борешься с ней, тем легче тебе будет. Да... вот так... дыши между приступами. Хорошо, сейчас...

Она гладила его по спине и держала полотенце, продолжая нашептывать. Когда все закончилось, пациент лежал неподвижно, дыша через рот, его рука в перчатке сжала уголок простыни.

— Было не очень-то весело, — прохрипел он.

— Мы подберем тебе другое болеутоляющее, — пробормотала она, убирая волосы с его глаз. — Больше никакого демерола. Послушай, я хочу проверить твои раны, хорошо?

Он кивнул и откинулся на спину, его грудь казалась такой же широкой, как эта проклятая постель. Она осторожно сняла повязку, нежно подняла марлю. Господи... кожа, которая была проколота скобами всего пятнадцать минут назад, полностью зажила. Остались лишь тонкие розовые линии на его груди.

— Что ты такое? — выпалила она.

Ее пациент откатился к ней.

— Уставший.

Даже не подумав о том, что делает, она снова начала гладить его, движения ее ладони, по его коже, издавали тихий шорох. Прошло совсем немного времени, прежде чем она заметила, какими жесткими и мускулистыми были его плечи... и то, к чему она прикасалась, было теплым и очень мужским.

Она убрала ладонь.

— Пожалуйста.

Он схватил ее за запястье рукой, на которой не было татуировок, хотя его глаза были закрыты.

— Прикоснись ко мне или... черт, держи за руку, я... как будто плыву по течению. Уплываю. Я ничего не чувствую. Ни кровать... ни свое тело.

Она посмотрела вниз, туда, где он держался за нее, глазами измерила бицепсы, широту его груди. В голове мелькнула мысль, что он мог переломить ее руку надвое, но не станет. Полчаса назад он был готов разорвать горло одному из своих близких, чтобы защитить ее...

Прекрати.

Прекрати чувствовать себя с ним в безопасности. Стокгольмский синдром⁶⁶ нам не товарищ.

— Пожалуйста, — сказал он, прерывисто дыша, стыд сжимал его горло.

Боже, она никогда не понимала, как жертвы похищений развивали отношения со своими похитителями. Это было против всей логики, против закона самосохранения: твой враг не может быть твоим другом.

Но отказаться от его тепла было невыносимо.

— Мне нужна моя рука обратно.

— У тебя же их две. Используй другую.

С этими словами он прижал к себе ее ладонь, простыни все дальше соскальзывали с его тела.

— Тогда позволь мне перейти на другую сторону, — пробормотала она, вытащила руку из его захвата, сменив ее на другую, положив освобожденную ладонь ему на плечо.

Его кожа была золотисто-коричневого цвета летнего загара и такой гладкой... Господи, гладкой и упругой. Ее взгляд скользнул по изгибу его спины, на затылок, и, прежде чем она осознала, что делает, она уже гладила его блестящие волосы. Короткие на затылке, длинные вокруг лица — может, он специально носил их таким образом, чтобы скрыть татуировки на

виске? Хотя, они наверняка были сделаны на показ, иначе, зачем наносить их на таком заметном месте?

Он издал горловой звук, мурлыканье, которое прокатилось по его груди и верхней части спины, затем он отодвинулся, потянув ее руку за собой. Очевидно, он хотел, чтобы она потянулась вслед за ним, но она начала сопротивляться, и он вернулся обратно.

Глядя на свою руку, на его твердом бицепсе, она думала о том, когда в последний раз была близка с мужчиной. Давно это было. И честно говоря, ей не было так хорошо тогда.

В памяти возникли глаза Манелло...

— Не думай о нем.

Она дернулась.

— Откуда ты знаешь, о ком я думаю?

Пациент отпустил ее и медленно перевернулся так, что оказался к ней затылком.

— Извини. Это не мое дело.

— Как ты узнал?

— Я постараюсь заснуть, хорошо?

— Хорошо.

Джейн встала и подошла обратно к своему креслу, думая о его шестикамерном сердце. Его крови неопределенного группы. О кlyках в запястье блондинки. Взглянув в окно, она спросила себя, что если стекла были закрыты не только из соображений безопасности, но и для защиты от дневного света.

К чему все это приведет? Быть запертой в комнате с... вампиром?

Рациональная ее часть решительно отвергала подобную мысль, но где-то глубоко внутри нее правила логика. Она покачала головой, вспоминая свою любимую цитату из Шерлока Холмса, перефразируя ее: «Если вы отсекали все возможные объяснения, то невозможные и есть ответ». Логика и биология не лгут, не так ли? Это была одна из причин, почему она решила стать врачом.

Она посмотрела на своего пациента, запутавшись в выводах. В голове крутилась мысль о возможностях эволюции, но она старалась учитывать и более практические вопросы. Она подумала о лекарствах, что были в вещевом мешке, и о том, что ее пациент находился в опасной части города, когда его подстрелили. И, эй, они похитили ее.

Как она вообще могла доверять ему, или его словам?

Джейн засунула руку в карман и нащупала бритву. Ответ на этот вопрос был прост. Она не могла.

В своей спальне, в особняке, Фьюри сидел, прислонившись к спинке кровати, укутав ноги в синий бархатный плед. Он снял протез, а в тяжелой стеклянной пепельнице рядом с ним тлел окурок. Из скрытых динамиков Bose слышался Моцарт.

Книга об огнестрельном оружии служила ему в данный момент больше как мольберт, а не материал для чтения. Перед ним лежал толстый лист белой бумаги, но он пока не сделал ни одной пометки своим карандашом Тикондерога № 2. Портрет был закончен. Он дорисовал его около часа назад и собирался с духом, чтобы смять его и выбросить.

Хотя ему никогда не нравились свои рисунки, этот он почти полюбил. На черно-белой странице, из-под грифеля карандаша появились лицо женщины, ее шея и волосы. Бэлла смотрела куда-то влево, она слегка улыбалась, прядь темных волос лежала на щеке. Он увидел ее такой этим вечером, на Последней трапезе. Она смотрела на Зейдиста, что и объясняло ее тайную улыбку.

На всех его рисунках, в каких позах он бы ее ни изображал, она всегда смотрела куда-то в сторону. Потому что, если бы она смотрела с портрета прямо ему в глаза, это было бы неуместно. Черт, сам рисунок был абсолютно неуместным.

Он закрыл лицо рукой, приготовившись смять бумагу.

В последний момент он опять взял косячок, страстно желая какого-то искусственного облегчения для своего сердца, что билось сейчас так быстро. В последнее время он много курил. Больше чем когда-либо. И хотя он вверял себя химическим успокоителям, чувствуя себя при этом омерзительно, идея завязать с этим — никогда не приходила ему в голову. Он не мог себе представить, как он проживает день без подобной «помощи».

Он сделал еще одну затяжку, задержал дым в легких, думая о своей проблеме с героином. Тогда, в декабре, он не прыгнул с головой с этого героинового обрыва, не потому, что принял верное решение, а потому, что Джон Мэтью выбрал подходящее время, чтобы вмешаться.

Фьюри выдохнул и уставился на кончик косяка. Искушение попробовать что-то более сильное опять вернулось. Он чувствовал дикое желание поехать к Риву и попросить у парня еще один пакетик, полный эйфории. Может быть, тогда он обретет хоть немного спокойствия.

Раздался стук в дверь, и он услышал голос Зи:

— Я могу войти?

Фьюри сунул рисунок между страниц книги.

— Да.

Зи вошел и не сказал ни слова. Уперев кулаки в бедра, он наматывал круги, вышагивая у его кровати. В ожидании Фьюри зажег еще один косяк, и следил за движениями своего близнеца, пока тот вытапывал ковер.

Заставить Зи говорить не легче, чем уговорить рыбу добровольно сесть на крючок. Молчание — единственная приманка, которая работала.

Наконец брат остановился.

— У нее кровотечение.

Сердце Фьюри чуть не выскочило из груди, он распластал руку на обложке книги.

— Насколько сильно и как давно?

— Она скрывает это от меня, поэтому я не знаю.

— Как ты это выяснил?

— Я нашел прокладки, спрятанные глубоко в шкафчике рядом с туалетом.

— Может быть, они там давно лежат.

— В прошлый раз, когда я брал оттуда бритву, их там не было.

Черт.

— Она должна пойти к Хэйверсу.

— Следующий прием только через неделю.

Зи снова заметался.

— Я знаю, что она не говорит мне, потому что боится, что я слечу с катушек от волнения.

— Может быть, она нашла им какое-то другое применение?

Зи остановился.

— О, ну да. Точно. Прокладки прямо мегафункциональные. Как ватные палочки и подобная хрень. Слушай, может, ты с ней поговоришь?

— Что? — Фьюри быстро затянулся. — Это личное. Только между вами.

Зи обхватил свою бритую голову руками.

— Ты в подобных вещах разбираешься лучше меня. Последнее, что ей сейчас нужно, чтобы я сломался прямо перед ней, или еще хуже, начал орать, потому что напуган до смерти и не понимаю что делаю.

Фьюри попытался сделать глубокий вдох, но едва смог вобрать воздух в горло. Он так хотел вмешаться во все это. Он хотел пройти вдоль коридора со статуями, войти в комнату этой пары, сесть рядом с Бэллой и вытянуть из нее всю эту историю. Он хотел быть героем. Но это было не его место.

— Ты ее *хеллен*. Ты должен поговорить с ней. — Фьюри затушил последние дюймы косяка, забил очередной, и открыл зажигалку. Кремневое колесико издало скрежещущий звук, когда выскочило пламя. — Ты можешь сделать это.

Зейдист выругался, еще немного потоптался, но, в конце концов, направился к двери.

— Разговоры обо всей этой беременности постоянно напоминают мне о том, что если я потеряю ее, я сдохну. Я чувствую себя таким чертовски беспомощным.

После ухода близнеца, Фьюри откинул голову назад. Он курил, наблюдая за тлеющим кончиком косяка, и лениво задавался вопросом: не похоже ли все это на оргазм при самоудовлетворении?

Господи. Если Бэллы не станет, и он, и Зи войдут в такой штопор, из которого мужчины, обычно, уже не выходят.

Как только эта мысль пришла ему в голову, он сразу почувствовал себя виноватым. Его действительно не должна так сильно волновать женщина его близнеца.

Тревога заставила его почувствовать себя так, будто он проглотил рой саранчи, он глушил эти чувства курением, пока не посмотрел на часы. *Черт*. Он должен вести занятия по огнестрельному оружию через час. Ему лучше принять душ и попытаться прийти в чувство.

Джон проснулся в замешательстве, смутно осознавая, что его лицо болит, а в комнате раздавалось какое-то мычание.

Он поднял голову от своей тетради и потер переносицу. Спиральное крепление оставило заметные отпечатки, напомнившие ему об Уорфе из Стар Трека. А странный шум производил будильник.

Без десяти четыре дня. Уроки начинаются в четыре.

Джон встал из-за стола, добрался до ванной, и встал над унитазом. Почувствовав, что это не сработает, он развернулся и сел.

Боже, он совсем вымотался. Последние несколько месяцев он спал в кресле Тора, в офисе учебного центра, но после того, как Роф, решительно запретил это делать и переселил Джона в особняк, он опять спал на настоящей кровати. Можно подумать, что спать с вытянутыми ногами ему будет удобнее? Вместо этого он чувствовал себя избитым.

Умывшись, он включил свет и вздрогнул. Черт. Плохая идея — избавиться от темноты, и не только по причине болезненной чувствительности его глаз к свету. При искусственном освещении его тельце смотрелось ужасно, ничего кроме бледной кожи и торчащих костей. Поморщившись, он прикрыл свой член, который был размером с палец, чтобы не видеть его во включенном свете.

Времени на душ не было. Быстрая чистка зубов, пару пригоршней воды на лицо. Чистота волос его не заботила.

Попав в спальню, ему захотелось вернуться в постель, но он натянул свои джинсы маленького размера и нахмурился, когда застегнул пуговицу. Одежда висела на бедрах как мешок, хотя он пытался есть, как можно больше.

Шикарно. Вместо того чтобы пройти через превращение, он уменьшался в размерах.

Очередной раунд мозгоедства под названием "а-что-если-со-мной-этого-никогда-не-произойдет" нахлынул на него, и его брови задергались. Мать твою. У него было чувство, будто в каждой его глазнице сидело по маленькому человечку с молоточком, который отплясывал на зрительном нерве.

Схватив книги со стола, он сунул их в рюкзак и вышел. Очутившись в коридоре, он закрыл лицо рукой. Вид сияющего фойе лишь подстегнул головную боль, он отступил назад, наткнувшись на греческую статую. И в этот момент он понял, что не надел футболку.

Проклиная все на свете, он вернулся в комнату, натянул кофту и с трудом спустился вниз, едва не запутавшись в своих собственных ногах. Боже, все вокруг действовало ему на нервы. Звуки, издаваемые его Найками, когда он пересекал фойе, казались ему хором писклявых мышей, бежавших следом за ним. Щелчок потайной двери в туннель казался громким, как выстрел. А путь через подземелье в учебный центр, длился целую вечность.

День ожидался паршивый. Его раздражение уже нарастало, и, судя по последнему месяцу, он знал, что чем раньше это состояние начиналось, тем труднее было сдержаться.

Входя в класс, он уже знал, что у него возникнут неприятности.

На заднем, ряду за столом для одиночек, который Джон называл родным, до того как сдружился с парнями, сидел... Лэш.

Придурок пришел сегодня в одежде эконома класса. Парень был большой и плотный, с телом, как у бойца. И он сменил имидж на солдатский манер. Раньше он носил показушно модную одежду от кутюр и демонстрировал ювелирные украшения от Jacob & Co, но сейчас он был одет в черные свободные штаны и облегающую черную нейлоновую футболку. Его светлые волосы, которые когда-то были достаточно длинные, чтобы их можно было стянуть в хвост, теперь были по-армейски короткими.

Все выглядело так, будто вся претенциозность исчезла, потому что парень осознал, что ценный товар у него внутри.

Единственное, что не изменилось, это его глаза: они все еще были серые, как у акулы, и сосредоточились на Джоне, который, без сомнения, знал, что если он останется с парнем наедине, то попадет в мир боли. Он мог пустить Лэшу сопلي в прошлый раз, но больше этого не случится, и более того, теперь Лэш точно доберется до него. Обещание мести было в этих широких плечи и полуулыбке, которая так и говорила: «пошел ты».

Джон занял место рядом с Блэем, ощущая жуткий страх.

— Эй, приятель, — тихо произнес его друг. — Не беспокойся по поводу этого говнюка,

ладно?

Джон не хотел выглядеть таким слабым, насколько себя чувствовал, поэтому просто пожал плечами и расстегнул рюкзак. Боже, эта головная боль убивала. Но вряд ли реакция его пустого желудка “бей и беги” была ответом на дозу эксцедрина.

Куин наклонился и бросил перед Джоном записку, «Мы присматриваем за тобой», вот и все, что в ней было сказано.

От благодарности Джон быстро заморгал, достал учебник по огнестрельному оружию, и подумал о том, что они собираются проходить на сегодняшнем занятии. Как кстати, что это были ружья. Ему казалось, что одно из них сейчас было приставлено к его затылку.

Он посмотрел на заднюю часть класса. Лэш как будто ждал зрительного контакта, парень наклонился вперед и положил руки на стол. Его руки медленно сложились в два кулака, каждый из которых казался больше головы Джона, и когда он улыбнулся, его новые клыки были остры, как ножи и белы, как забвение.

Черт. Можно считать, что Джону уже на кладбище прогулы ставят, если в ближайшее время не пройдет превращение.

Вишес проснулся, и первое, что он увидел, была его хирург в кресле на противоположной стороне комнаты. Видимо, даже во сне он следил за ней.

Она тоже за ним наблюдала.

— Как дела? — Ее голос был тихим и ровным. Профессионально теплым, подумал он.

— Лучше. — Хотя трудно было представить, что можно чувствовать себя хуже, чем в тот момент, когда его тошнило.

— У тебя что-нибудь болит?

— Да, но меня это не беспокоит. Чуть больше боли, чем обычно, на самом деле.

Она окинула его взглядом, но опять-таки с профессиональной целью.

— У тебя хороший цвет лица.

Он не знал, что на это ответить. Потому что чем дольше он выглядел дерьмово, тем дольше она могла оставаться здесь. Сейчас здоровье явно не сообщник его целям.

— Ты помнишь что-нибудь? — спросила она. — О стрельбе?

— Не совсем.

Частично это была ложь. Все, что он помнил, это лишь отдельные кадры событий, частичные вырезки из статей, а не полные колонки: он вспомнил аллею. Сражение с лессером. Выстрел. И в конечном итоге, он на ее операционном столе, а потом братья увозят его из больницы.

— Почему кто-то хотел тебя застрелить? — спросила она.

— Я голоден. Здесь есть еда?

— Ты наркоторговец? Или сутенер?

Он потер лицо.

— Почему ты думаешь, что я кто-то из них?

— Тебя пристрелили в переулке возле Торговой. В скорой сказали, у тебя было при себе оружие.

— А тебе не приходило в голову, что я полицейский, работающий под прикрытием?

— Копы Колдвелла не носят боевые кинжалы. Да и ваш вид не стал бы этого делать.

Глаза Ви сузились.

— Мой вид?

— Слишком много разоблачений, не так ли? Кроме того, вы бы не стали беспокоиться о защите другой расы.

Черт, у него не было сил на расовые обсуждения. Кроме того, часть его не хотела, чтобы она воспринимала его, как что-то отличающееся от нее.

— Еда, — сказал он, взглянув на поднос, стоящий на столе. — Можно мне поесть?

Она встала и положила руки на бедра. У него возникло чувство, что она собирается сказать что-то вроде: «встань-и-возьми-сам-ненормальная-скотина».

Вместо этого она пересекла комнату.

— Если ты голоден, можешь поесть. Я не притронулась к тому, что принес мне Рэд Сокс, а выбрасывать нет смысла.

Он нахмурился.

— Я не возьму еду, предназначенную тебе.

— Я не собираюсь это есть. Похищение отбило мой аппетит.

Ви выругался, ненавидя то положение, в которое ее поставил.

— Я сожалею.

— Вместо того чтобы «сожалеть», как насчет того, чтобы отпустить меня?

— Не сейчас. — «Никогда» пробормотал внутренний сумасшедший голос.

О, Господи, снова этот...

Моя.

Вслед за словом, у него возникло неконтролируемое желание отметить ее. Он хотел, чтобы она была под ним, обнаженная, укутанная его запахом, в то время как он будет входить в ее тело. Он почти видел как это происходит: на черных простынях в его кровати, они сплелись в тесном объятии, он нависает над ней, а она широко разводит ноги, чтобы принять его бедра между своих, его член в себя.

Когда она поднесла ему поднос с едой, у него подскочила температура, а между ног возникла бешеная пульсация. Он незаметно натянул на себя одеяло, чтобы не сверкать прелестями.

Она поставила блюдо и подняла с тарелки серебряную крышку.

— Так насколько лучше тебе должно стать, чтобы я смогла уйти? — ее глаза прошлись по его груди, чисто медицинская оценка, будто она измеряла то, что было под бинтами.

О, черт. Он хотел, чтобы она смотрела на него, как на мужчину. Он хотел, чтобы этот взгляд скользил по его телу, не проверяя послеоперационную рану, а потому, что она собиралась прибрать его к своим ручкам, решая к чему бы приступить в первую очередь.

Ви закрыл глаза и откинулся назад, застонав от боли в груди. Он сказал себе, что это была боль от операции. Хотя подозревал, что причиной все-таки была сама хирург.

— Я не возьму эту еду. В следующий раз, когда кто-нибудь придет, я попрошу другую.

— Она нужна тебе больше, чем мне. Меня беспокоит твое питание.

На самом деле, он был в порядке, потому что уже питался. Употребив достаточное количество крови, вампир мог продержаться несколько дней без обыкновенной пищи.

И это было здорово. Заодно сокращается количество походов в туалет.

— Я хочу, чтобы ты это съел, — сказала она, глядя на него сверху вниз. — Как твой врач...

— Я не возьму ни куска с твоей тарелки. — Ради бога, ни один достойный мужчина никогда не заберет пищу у своей женщины, даже если будет терять сознание от голода. Ее потребности всегда на первом месте...

Ви хотелось сунуть голову в дверь машины и хлопнуть несколько десятков раз. Откуда, черт возьми, у него эти познания брачного поведения? Словно в его мозг загрузили новую программу.

— Хорошо, — сказала она, отворачиваясь. — Прекрасно.

Следующим он услышал грохот. Она колотила в дверь.

Ви резко сел.

— Ты что, к чертям, творишь?

Бутч влетел в комнату, чуть не сбив хирурга с ног.

— Что случилось?

— Ничего, — сказал Ви трагичным голосом.

Хирург ответила, спокойным властным голосом, перебивая их.

— Ему нужна еда, и то, что на этом подносе, он есть отказывается. Принесите ему что-то простое и легко усваиваемое. Рис. Курицу. Воду. Печенье.

— Хорошо.

Бутч наклонился и посмотрел на Ви. Последовала долгая пауза.

— Как дела?

Да охренительно, спасибо.

— Хорошо.

Была хоть одна хорошая новость. Коп вернулся к нормальному состоянию, его глаза были

ясными, стойка твердая, его запах сочетался с океаническим запахом Мариссы и связующим ароматом. Он явно был занят.

Интересно. Обычно, когда Ви думал об этих двоих вместе, у него возникало чувство, будто его грудь обернули колючей проволокой. А сейчас? Он был просто рад, что его друг был здоров.

— Хорошо выглядишь, коп.

Бутч расправил шелковую рубашку в тонкую полоску.

— Гуччи из кого угодно сделает рок-звезду.

— Ты знаешь, о чем я.

Эти родные карие глаза стали серьезным.

— Да. Спасибо... как обычно.

Наступил неловкий момент, слова, которые невозможно было высказать при ком-то постороннем, напряженно парили в воздухе между ними.

— Ну... принесу тебе что-нибудь пожевать.

Когда дверь закрылась, Джейн взглянула через плечо.

— И как давно вы любовники?

Ее взгляд встретился с его, от ответа было не отвертеться.

— Мы не любовники.

— Ты уверен в этом?

— Уж поверь.

Без причины, он посмотрел на ее белый халат. «Доктор Джейн Уитком», прочитал он. «Травматология». Понятно. Вот откуда у нее такая уверенность.

— Так я был в плохой форме, когда меня привезли?

— Да, но я спасла твою задницу.

Волна благоговения охватила его. Она была его *rahlman*⁶⁷, его спасительницей. Они были связаны...

О, да ладно. Сейчас его спасительница медленно пятилась от него, отступая назад, пока не уперлась спиной в дальнюю стену. Он прикрыл веки, зная, что его глаза сияли. Ее бегство, ужас на ее лице — причиняли адскую боль.

— Твои глаза, — сказала она тонким голосом.

— Не волнуйся об этом.

— Что ты, черт возьми? — ее тон звучал так, как будто ключевым словом должно быть слово «урод», и видит Бог, она была недалеко от истины.

— Что ты такое? — повторила она.

Возникло искушение наврать, но она вряд ли купилась бы. Кроме того, ложь по отношению к ней, заставляла его чувствовать себя грязным.

Глядя на нее ровным взглядом, он тихо сказал:

— Ты знаешь, кто я. Ты достаточно умна, чтобы знать.

Долгое молчание. Затем:

— Я не могу в это поверить.

— Ты слишком умна, чтобы не поверить. Черт, ты уже намекала на это.

— Вампиры не существуют.

Он гневно вспыхнул, хотя она этого и не заслужила.

— Мы не существуем? Тогда объясни, что ты делаешь в моей гребаной стране чудес?

На одном дыхании она парировала:

— Скажи мне вот что: гражданские права значат что-нибудь для вашего вида?

— Выживание значит больше, — рявкнул он. — С другой стороны, на нас охотились в течение многих столетий.

— И для вас — цель оправдывает любые средства. Очень благородно, — ее голос был таким же резким, как и его. — Вы всегда пользуетесь этой логикой, похищая людей?

— Нет. Мне не нравится похищать людей.

— О, ну кроме того, что ты нуждаешься во мне, поэтому используешь. Какое я счастливое исключение.

Твою мать. Это возбуждало. Чем больше она отвечала на его агрессию, тем тверже он становился. Даже в подобном, ослабленном состоянии, возбуждение требовательно билось между его бедер; и он представлял: как склоняет ее к кровати, на ней нет ничего кроме ее белого халата... и он входит в нее сзади.

Наверное, он должен быть признателен за ее неприязнь. Будто ему нужно связываться с женщиной...

Внезапно, та ночь, когда его пристрелили, в полной ясности проявилась у него в мозгу. Он вспомнил, счастливый короткий визит своей матери, и ее сказочный подарок на его день рождения: Праймэйл. Из него сделали Праймэйла.

Ви поморщился и с силой закрыл лицо руками.

— Ох... черт.

— Что случилось? — спросила она неохотно.

— Моя гребаная судьба.

— Ой, да ладно! Я заперта в этой комнате. По крайней мере, ты волен идти куда захочешь.

— Черта с два.

Она пренебрежительно хмыкнула, и никто из них не произнес ни слова, пока, примерно через полчаса, не пришел Бутч с подносом. Коп прекрасно понимал, что без лишних разговоров нужно действовать быстро, а главное — надо держать дверь запертой, все то время, пока он занимался делом. Умно.

Хирург явно планировала сбежать. Она следила за копом, как будто примеряясь, и держала правую руку в кармане своего халата.

У нее там какое-то оружие. Проклятие.

Ви внимательно наблюдал за Джейн, пока Бутч ставил поднос на ночной столик, и молился, как проклятый, чтобы она не наделала глупостей. Когда он увидел, как напряглось ее тело, а вес сместился вперед, он сел, готовый броситься вперед, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь кроме него, прикасался к ней. И так будет всегда.

Но ничего не произошло. Она краем глаза поймала смену его положения, и этого отвлекающего маневра было достаточно, чтобы Бутч успел убраться из комнаты и запереть дверь.

Ви откинулся на подушки и взглянул на твердую линию ее подбородка.

— Раздевайся.

— Прошу прощения?

— Сними халат.

— Нет.

— Я хочу, чтобы ты его сняла.

— Ну, так задержи дыхание. На меня это не повлияет, зато тебе твое удушье поможет скоротать время.

Он опять возбудился. Вот дерьмо, он должен научить ее, что за неповиновение надо платить, и это будет отличный урок. Она будет драться с ним зубами и ногтями, прежде чем покориться. Если она покорится вообще.

Позвоночник Вишеса самопроизвольно выгнулся, его бедра вращались, его эрекция встала под простынями. Боже... он был так целиком и полностью возбужден, что почти кончал.

Но он все еще должен был разоружить ее.

— Покорми меня.

Ее брови взметнулись вверх.

— Ты прекрасно можешь сам...

— Покорми меня. Пожалуйста.

Когда она подошла к кровати, вид у нее был деловой и настроение явно плохое. Она развернула салфетку и...

Ви начал действовать. Он взял ее за руки и потащил вдоль своего тела, элемент неожиданности шокировал ее, но он был чертовски уверен, что это временно, поэтому действовал быстро. Он стянул с нее халат, держа ее как можно деликатнее, пока она извивалась всем телом в попытке освободиться.

Черт, он не мог сдержаться, желание подчинить ее возобладало. Неожиданно, он стал удерживать ее не для того, чтобы она не дотянулась до своих карманов, а для того, чтобы прижать ее к кровати, дать ей почувствовать его силу и мощь. Он держал ее запястья одной рукой над головой, обхватив ее бедра своими.

— Отпусти меня! — Она обнажила зубы, ярость сверкала в ее темно-зеленых глазах.

Полностью возбужденный, он выгнулся на ней и вдохнул... только для того, чтобы застыть. В ее аромате не было той знойной сладости, что присуща женщине, желающей секса. Он абсолютно не привлекал ее как мужчина. Она просто была в ярости.

Скатившись с ее тела, Ви немедленно отпустил ее, убедившись, что халат остался при нем. Через мгновение она была свободна, соскочив с кровати, словно матрас под ней загорелся. Ее растрепанные волосы висели спутанными концами, рубашка смялась и была в беспорядке, одна штанина задралась до колена. Она тяжело дышала, уставившись на свой халат.

Тщательно все проверив, он нашел в кармане одну из своих опасных бритв.

— Я не могу позволить тебе иметь оружие, — он аккуратно сложил халат и положил его на край кровати, зная, что она не подойдет к нему близко. — Если бы ты напала на меня, или на одного из моих братьев с чем-то подобным, ты могла бы пострадать.

Она выдохнула проклятье. Потом удивила его:

— Как ты узнал?

— Ты пыталась нащупать его рукой, когда Бутч принес поднос.

Она обхватила себя руками.

— Черт. Мне казалось, что я действую незаметно.

— У меня имеется некоторый опыт по работе со скрытым оружием.

Он протянул руку и открыл ящик своей тумбочки. Бритва издала глухой звук, когда он бросил ее внутрь. Закрыв ящик, он защелкнул замок силой мысли.

Когда он опять взглянул на нее, она быстро смахнула рукой под глазами. Как будто она плакала. Быстро отвернувшись, она встала лицом в угол, ее плечи опустились. Она не издала ни звука. Ее тело не двигалось. Ее достоинство осталось нетронутым.

Он спустил ноги с кровати на пол.

— Если ты приблизишься ко мне, — хрипло сказала она, — Я найду способ причинить тебе вред. Вероятно, не сильно, но я успею отхватить кусок от тебя или твоих товарищей. Тебе ясно? Оставь меня, черт подери, в покое.

Он уперся руками в кровать и опустил голову. Он был поражен этими беззвучными слезами. Уж лучше бы его били молотком.

Это он ее довел.

Вдруг она повернулась к нему и сделала глубокий вдох. За исключением красной каймы вокруг глаз, ничего не говорило о том, что она расстроена.

— Ладно. Ты будешь есть сам, или тебе действительно помочь управиться с вилок и ножом?

Ви моргнул.

Я влюбился, подумал он, глядя на нее. Я по уши влюбился.

Урок продолжался, а Джон чувствовал себя как в аду: Боль. Тошнота. Изнуренность и бессилие. Голова болела так, что он мог бы поклясться, что у него горят волосы.

Щурясь, будто смотрел на прожектор, а не на доску, он сглотнул с сухостью в горле.

Он ни слова не записал в своем блокноте и не понимал, о чем сейчас говорил Фьюри. По-прежнему об огнестрельном оружии?

— Хей, Джон, — прошептал Блэй. — Ты в порядке, дружище?

Джон кивнул, потому что обычно так и делают, когда тебе кто-то задает вопрос.

— Ты не хочешь пойти прилечь?

Джон покачал головой, полагая, что правильный ответ был другим. Ему хотелось придать остроты происходящему. Нет причин возвращаться в привычную, коматозную колею.

Боже, что, черт возьми, случилось с ним? Его мозг был как клубок сахарной ваты, только занимал место, не принося никакой пользы.

Фьюри захлопнул учебник, по которому сегодня преподавал.

— Теперь вы сможете опробовать некоторое огнестрельное оружие по-настоящему. Зейдист ждет вас сегодня в тире, ну, а я увижусь с вами завтра.

Когда разговоры начали нарастать, как порывистый ветер, Джон вытащил свой рюкзак на стол. По крайней мере, сегодня нет физической подготовки. Все что он мог сейчас сделать, так это поднять свою жалкую задницу со стула и оттащить в тир.

Тир был расположен позади тренажерного зала, и по пути туда было трудно не заметить, что Куин и Блэй держались по бокам, в качестве его телохранителей. Эго Джона ненавидело это, но его рациональная часть — была им благодарна. С каждым шагом он чувствовал на себе взгляд Лэша, и это походило на ношение подожженного динамита в заднем кармане.

Зейдист ждал их у двери, и открыл ее со словами:

— Выстраиваемся в шеренгу вдоль стены, дамочки.

Джон проследовал за остальными и встал, облокотившись на белую бетонную стену. Место была построено по аналогии с обувной коробкой: длинное и узкое, разделенное на более десяти кабинок для стрельбы. Цели были сделаны в форме голов и тел, и свисали с потолка. Управлять ими можно из диспетчерского пункта, изменяя расстояние или заставляя их двигаться.

Лэш шел последним из учеников, направляясь к концу шеренги с высоко поднятой головой, как будто знал, что сейчас всем надерет задницу, своим умением обращаться с пистолетом. Он никому не смотрел в глаза. За исключением Джона.

Зейдист закрыл дверь, затем нахмурился и рукой нашел на бедре мобильный телефон.

— Прошу прощения

Он подошел к углу и начал что-то говорить в свой Рейзер, потом вернулся, поблуднев на глазах.

— Произошли изменения в расписании. Роф позаботится о вас сегодня.

Через долю секунды дематериализовался король.

Он был крупнее Зейдиста, одет в черную кожу и черную рубашку с закатанными до локтей рукавами. Он и Зи коротко что-то обсудили, король положил руку брату на плечо и сжал его, как

будто подбадривая.

Бэлла, подумал Джон. Должно быть, дело в Бэлле и ее беременности. Черт, он надеялся, что все было в порядке.

Роф закрыл за Зейдистом дверь, встал перед классом, скрестив на груди свои татуированные руки, заняв позицию. Оглядывая всех одиннадцать стажеров, он казался непроницаемым как стена, на которую опирался Джон.

— Сегодня мы изучим девятимиллиметровый самозарядник. Термин «полуавтоматический», для этих пистолетов, является неправильным. Вы будете использовать Глок. — Он убрал руку за спину, и достал смертоносный кусок черного металла. — Обратите внимание, что предохранитель у этого вида оружия находится в курке.

Роф дал краткий обзор особенностям пистолета и патронов, в это время два доджена прикатили тележку, размером с больничную каталку, на ней в ряд лежали одиннадцать оружий, точно такой же марки и модели.

— Сегодня мы работаем над позой и целью.

Джон посмотрел на оружие. Он был готов держать пари, что проиграет в стрельбе, так же, как он проигрывал в любом другом аспекте подготовки. Его затопил гнев, от чего голова заболела еще больше.

Он хотел бы преуспеть хоть в чем-то. Хотя бы раз. Лишь раз.

Пациент уставился на нее с улыбкой, Джейн быстро оглядела себя в поисках нелепых изъязнов, вроде болтающейся одежды.

— Что? — пробормотала она, тряхнув ногой, и штанина скользнула вниз.

Ей на самом деле не стоило спрашивать. Такие жесткие парни, как он, обычно не выносят женских слез, но раз уж так сложилось, ему придется потерпеть. Любой на ее месте был бы по уши в проблемах. Любой.

Но вместо того чтобы высказаться о слабости плакс в целом, или ее, в частности, он просто взял с подноса тарелку с курицей и начал есть.

Испытывая отвращение к нему и всей ситуации вообще, она вернулась к своему креслу. Потеря бритвы убила в ней решимость открытого восстания, и, несмотря на свою бойцовскую натуру, ей пришлось смириться с выжидательной позицией. Если бы они хотели убить ее, они бы это уже сделали; теперь главное — найти пути выхода из этой ситуации. Она молилась, чтобы в ближайшее время выход появился. И чтобы он не был связан с гробовщиком или урной с ее прахом.

Пока пациент нарезал куриное бедро, она рассеянно думала о том, что у него красивые руки.

Отлично, теперь она испытывала отвращение и к себе тоже. Черт, он использовал эти руки, чтобы удержать ее и стащить с нее халат, будто она была безвольной куклой. И тот факт, что он потом аккуратно его сложил, не делал его героем.

Молчание затягивалось, и тихий стук серебряных приборов о тарелку напомнил ей о безмолвно-мертвых ужинах с родителями.

Боже, трапезы в той душной григорианской столовой проходили крайне болезненно. Ее отец сидел во главе стола, как вечно недовольный царь, наблюдавший за тем, чтобы пищу правильно солили и потребляли. Доктор Уильям Росдейл Уиткоум считал, что солить нужно только мясо, никогда — овощи: такова была его позиция по этому вопросу, и все в семье были вынуждены следовать его примеру. Теоретически. Джейн была частым нарушителем этого правила «против соли», научившись нужным образом выгибать запястье, чтобы суметь посыпать солью приготовленную на пару брокколи, вареную фасоль или цукини на гриле.

Она покачала головой. После всего этого, после его смерти, она не должна была по-прежнему на него злиться, ведь это пустая трата эмоций. Кроме того, в данный момент у нее были другие поводы для волнения.

— Спроси меня, — внезапно сказал пациент.

— О чем?

— Спроси меня о том, что хочешь знать, — он вытер рот дамасской салфеткой, пройдясь по эспаньолке и отросшей щетине. — Это усложнит мою работу в конце, но, по крайней мере, мы не будем молча слушать стук моих приборов.

— О какой работе «в конце» ты говоришь? — *Пожалуйста, пусть это будет не покупка сумки Хефти, в которую ее потом уложат по частям.*

— Разве тебе не интересно, что я такое?

— Пообещай, что отпустишь меня, и я задам тебе множество вопросов о вашей расе. Меня слегка смущает, каким образом для меня складывается этот этот маленький и счастливый выходной круиз на корабле под названием «Убойный отстой».

— Я дал тебе слово...

— Да, да. Как и грубо обыскал меня только что. И если скажешь, что это для моего же

блага, я не собираюсь нести ответственность за свою расплату. — Джейн посмотрела на свои короткие ногти и сдвинула кутикулу. Закончив с левой рукой, она подняла взгляд.

— Так что это за «работа»... Тебе понадобится лопата, чтобы ее проделать?

Взгляд пациента упал на тарелку, он ковырял вилкой рис, серебряные зубцы скользили между зернами, проникая в них.

— Моя работа... так сказать... заключается в том, чтобы убедиться, что потом ты ничего не будешь помнить.

— Я уже второй раз об этом слышу, и признаюсь честно, все это звучит собачьим бредом. Трудновато представить меня дышащей и, ну не знаю... без теплых ностальгических воспоминаний о парне, который перекинул меня через плечо, вытащил из больницы и сделал меня твоим личным врачом. Так как ты полагаешь, я все это забуду?

Его алмазно-яркие радужки расширились.

— Я собираюсь забрать у тебя эти воспоминания. Стереть начисто. Все будет так, как будто я никогда не существовал, а ты никогда здесь не бывала.

Она закатила глаза.

— Ага-ага...

Где-то в голове появилась жалющая боль, и, поморщившись, она приложила пальцы к вискам. Потом опустила руки, посмотрела на пациента и нахмурилась. Что за черт? Блюдо с едой лежало у него на коленях, а не на подносе, что был здесь раньше. Кто принес ему новую еду?

— Мой приятель в кепке Сокс, — сказал пациент, вытирая губы. — Помнишь?

Память вернулась яркой вспышкой: Рэд Сокс входит, пациент отбирает у нее бритву, она плачет.

— Боже... мой, — прошептала Джейн.

А пациент просто продолжал есть, словно стирание воспоминаний было чем-то не более экзотическим, чем жареная курица, которую он сейчас поглощал.

— Как?

— Невропатическая манипуляция. Точечная работа, вот как это было.

— Как?

— Что значит, как?

— Как ты находишь воспоминания? Как ты их дифференцируешь? Ты...

— Моя воля. Твой мозг. Все достаточно специфично.

Она прищурилась.

— Быстрый вопрос. Данное магическое мастерство управления мозгами связано с полным отсутствием чувства порядочности у всего вашего вида, или это только ты родился без стыда и совести?

Он опустил приборы.

— Прошу прощения?

Ее не волновало, что он обиделся.

— Сначала вы похитили меня, а теперь ты собираешься отнять у меня мои воспоминания, и ничуть не сожалеешь, не так ли? Я, как лампа, которую вы взяли...

— Я пытаюсь защитить тебя, — отрезал он. — У нас есть враги, доктор Уиткоум. Раса, которая выяснит, знаешь ли ты о нас. Они придут за тобой, увезут в неизвестном направлении и убьют — чуть позднее. Я не позволю этому произойти.

Джейн поднялась на ноги.

— Слушай, Прекрасный Принц, вся эта риторика о защите — великолепна, но это не имело бы значения, не похитить вы меня в прологе всей этой истории.

Он бросил приборы на тарелку, и она обхватила себя руками, ожидая, что он сейчас на нее наорет. Вместо этого, он ей тихо сказал:

— Послушай... то, что ты пойдешь со мной... это было предначертано, ясно?

— А. Ну точно. Мне что, пришили к заднице табличку: «Укради меня сейчас»?

Он поставил тарелку на тумбочку, оттолкнув ее в сторону, будто испытывал отвращение к еде.

— У меня видения, — пробормотал он.

— Видения?

Он ничего не ответил, и она подумала о трюке с обрезанием ее памяти, который он только что продемонстрировал. Если он смог это сделать... Господи, он что, говорил о том, что заглядывает в будущее?

Джейн тяжело сглотнула.

— Эти видения, они не в стиле Феи Драже⁶⁸, не так ли?

— Нет.

— Дерьмо.

Он погладил эспаньолку, как будто пытаюсь решить, что именно ей рассказать.

— Раньше они были у меня постоянно, но потом просто исчезли. Я не видел ни одного... ну, последнее было о Рэд Соксе пару месяцев назад, и я спас ему жизнь, последовав увиденному. Так что, когда мои братья пришли за мной в палату, и у меня возникло видение о тебе, я велел им забрать тебя. Ты говоришь о совести? Если бы у меня ее не было, я бы оставил тебя там.

Она вспомнила его агрессию по отношению к самому близкому и родному человеку, защищая ее. Даже отбирая у нее бритву, он был осторожен. После чего прижимался к ней в поисках утешения.

Возможно, он думал, что поступает правильно. Это не значит, что она простила его, но... Ну, уж лучше так, чем то, как он изображает Пэтти Херст⁶⁹ без всяких угрызений совести.

После этого неловкого момента она сказала:

— Ты должен доесть.

— Я закончил.

— Не правда.

Она кивнула на тарелку.

— Доедай.

— Я не голоден.

— Я не спрашиваю, голоден ты или нет. И не думай, что я не смогу ткнуть тебя лицом в тарелку, если потребуется.

Небольшая пауза, а потом он... Господи... Он улыбнулся ей. Окруженные эспаньолкой уголки его губ поползли вверх, а глаза прищурились.

Дыхание Джейн застряло где-то в горле. Он был такой красивый, подумала она, в тусклом свете лампы, падающем на его твердую челюсть и блестящие черные волосы. Даже несмотря на то, что его длинные клыки все еще казались ей немного странными, он выглядел гораздо более... человеком. Доступным. Желанным...

О нет. Только не это. Нет.

Джейн проигнорировала факт своих заалевших щек.

— И не надо сверкать здесь своими зубами. Ты думаешь, я пошутила насчет еды?

— Нет, просто со мной никто и никогда так не разговаривал.

— Ну, а я разговариваю. У тебя с этим проблемы? Ты можешь отпустить меня. А теперь ешь или я буду кормить тебя как ребенка, и не думаю, что твое эго это переживет.

На его лице по-прежнему сверкала улыбка, он вернул тарелку на колени и начал медленно и

сосредоточенно есть. Когда он закончил, она подошла и взяла стакан с водой, который он уже осушил.

Она прошла в ванную комнату, наполнила стакан и принесла ему.

— Пей еще.

Он выпил весь стакан. Когда он ставил его обратно на тумбочку, она наблюдала за его ртом. Ученый внутри нее был им очарован.

Через какое-то время он приподнял верхнюю губу, обнажив передние зубы. Его клыки блестели в свете лампы. Острые и белые.

— Они удлиняются, не так ли? — спросила она и приблизилась к нему. — Когда вы питаетесь, они становятся длиннее.

— Да, — он закрыл рот. — Или при всплеске агрессии.

— И они втягиваются, когда все проходит. Открой рот еще раз.

Когда он выполнил ее просьбу, и она прижала палец к твердому кончику одного из клыков, его тело дернулось.

— Извини.

Она нахмурилась и отдернула руку.

— Болят после интубации?

— Нет.

Его веки опустились, она решила, это потому что он устал...

Боже, — что это за запах? Она глубоко вдохнула и узнала сочетание запаха темных специй, какими пахло полотенце в ванной.

Первая же возникшая мысль была о сексе. Таком, когда забываешь о всех запретах. Который ты потом еще долго вспоминаешь.

Прекрати.

— Каждые восемь недель или около того, — сказал он.

— Извини? А, это, как часто ты...

— Питаюсь. Зависит от стресса. И уровня активности тоже.

Окей, это совершенно убило все мысли о сексе. Как в устрашающей серии Брэма Стокера⁷⁰, она представила, как он отслеживает и охотится на людей, оставляет их лежать в переулках с изжеванными глотками.

Очевидно, ее отвращение было явным, потому что его голос стал жестким.

— Для нас это естественно. Не отвратительно.

— Вы убиваете их? Людей, на которых охотитесь? — она вся подобралась в ожидании ответа.

— Людей? Вампиров. Мы питаемся от своего противоположного пола. Нашей расы, не вашей. Так что обходится без убийств.

Ее брови взметнулись вверх.

— О.

— Так что все эти сказки о Дракуле — скука смертная.

В ее голове роилась куча вопросов.

— Каково это? Как это на вкус?

Его глаза сузились, взгляд опустилсЯ от лица к ее шее. Джейн быстро поднесла руку к горлу.

— Не волнуйся, — сказал он грубо. — Я уже поел. К тому же, человеческая кровь мне не подходит. Слишком слаба, чтобы представлять интерес.

Окей. Отлично. Хорошо.

Хотя, какого черта? Она была не достаточно хороша для него с точки зрения эволюции?

Ого, да она явно сходила с ума, а тема обсуждения еще больше этому способствовала.

— А, слушай... Я хочу проверить повязки. Проверю, можем ли мы снять их все уже сейчас.

— Пожалуйста.

Пациент откинулся на подушках, мускулы его рук перекачивались под гладкой кожей. Когда покрывало соскользнуло с его тела, она на секунду остановилась. Казалось, выздоравливая, он становился еще больше. Больше и... сексуальнее.

Ее ум пытался уклониться от того, куда ее могла привести эта мысль, и она сосредоточилась на медицинских вопросах, ухватившись за них, как за спасательный круг. Твердыми, профессиональными движениями, она полностью освободила его грудь от бинтов и отклеила лейкопластырь от марлевой повязки. Она подняла ее и покачала головой. Поразительно. На его коже сейчас остался лишь шрам, который был там и прежде, след от операции побледнел, и экстраполяция показала бы, что внутренние повреждения также отлично зажили.

— Это нормально? — спросила она, — Такой темп излечения?

— Для Братства — да.

О, Боже. Если бы она могла изучить, каким образом регенерируют его клетки, она бы разгадала секреты процесса старения в организме человека.

— Забудь об этом, — он сжал челюсти, перебрасывая ноги на край кровати. — Мы не позволим использовать себя в качестве лабораторных крыс для вашей расы. А теперь, если ты не возражаешь, я собираюсь принять душ и выкурить сигарету.

Она открыла рот, но он прервал ее.

— Мы не боеем раком, поэтому избавь меня от очередной лекции, окей?

— Вы не болеете раком? Как это...

— Позже. Мне нужна горячая вода и никотин.

Она нахмурилась.

— Я не хочу, чтобы при мне курили.

— Именно поэтому я собираюсь сделать это в ванной. Там есть вытяжка.

Когда он встал, простыня соскользнула с его тела, она быстро отвела взгляд. Не то чтобы голый мужчина был для нее чем-то новым, но почему-то ей казалось, что его случай был другим.

Нда, понятно. Он был шесть футов, шесть дюймов роста с чрезвычайно мускулистым телом.

Она направилась обратно к своему креслу и села, затем услышала какой-то беспорядочный шум, позже последовал глухой звук. Она посмотрела на пациента с тревогой. Он настолько нетвердо держался на ногах, что потерял равновесие и упал на стену.

— Нужна помощь? — *Пожалуйста, скажи «нет». Пожалуйста, скажи...*

— Нет.

Слава тебе, Господи.

Он взял зажигалку и что-то вроде самокрутки из тумбочки и, пошатываясь, пересек комнату. Она наблюдала за ним из своего угла, готовясь в любой момент оказать необходимую помощь.

И да, хорошо, возможно, она смотрела на него не только потому, что не желала, чтобы он рухнул лицом на ковер: его спина была великолепна, твердые мускулы обтягивали плечи, красивыми лучами расходясь от позвоночника. И его задница была...

Джейн прикрыла глаза и не убирала руку, пока за ним не закрылась дверь. Много лет проработав в медицине и хирургии, она четко следовала части клятвы Гиппократы: «Не Соблазни Пациента Своего».

Особенно, если речь шла о похитившем тебя пациенте. Боже. Неужели это действительно происходит с ней?

Через несколько минут из туалета раздался журчащий звук воды, но она не слышала, чтобы включился душ. Наверное, сначала он решил покурить.

Дверь открылась и, пошатываясь, пациент вышел; он не мог поймать равновесие, будто

находился в эпицентре шторма. Он схватился за дверной косяк рукой в перчатке, плечи напряглись.

— Черт... Меня тошнит.

Джейн включила режим «врач» и бросилась к нему, отбросив в сторону тот факт, что он был обнажен и вдвое крупнее ее, и что несколько минут назад она пожирала его задницу глазами так, будто ее выставили на распродажу. Она обхватила его рукой вокруг твердой талии и крепко прижалась к его телу. Он опирался на нее, его вес был огромен, от полученной нагрузки она едва не свалилась на кровать.

Когда он с проклятием растянулся на кровати, она потянулась через него за простыней, попутно заметив шрам у него между ног. Он мог исцеляться без следов, тогда почему этот шрам остался на его теле?

Он резко выдернул покрывало у нее из рук, обернув его вокруг себя черным облаком. Затем закрыл глаза руками так, что она могла видеть лишь его эспаньолку и подбородок.

Ему было стыдно.

В образовавшейся тишине она поняла, что ему было... стыдно.

— Хочешь, я помою тебя?

Он задержал дыхание и какое-то время сохранял молчание. Ей показалось, он откажется. Но затем его рот медленно открылся:

— Ты бы смогла?

В какой-то момент ей захотелось ответить очень серьезно. Но у нее возникло чувство, что это лишь усилит неловкость сложившейся ситуации.

— Ну да, что сказать, я становлюсь святой. Это моя новая цель в жизни.

Он слегка улыбнулся.

— Ты напоминаешь мне Бу... э, моего лучшего друга.

— Ты имеешь в виду Рэд Сокса?

— Да, он всегда найдет что-нибудь остроумное в ответ.

— Ты знаешь, что едкое красноречие — это признак ума?

Пациент опустил руку.

— Я никогда не сомневался в твоём уме. Ни на мгновение.

Джейн затаила дыхание. Заметив в его глазах столько уважения, она могла лишь выругаться про себя. Для нее не было ничего привлекательнее, чем мужчина, который ценил умных женщин.

Блин.

Стокгольм. Стокгольм. Стокгольм...

— Я хотел бы принять ванну, — сказал он. И добавил: — Пожалуйста.

Джейн прокашлялась.

— Окей. Хорошо.

Она залезла в сумки с медикаментами, нашла там большое судно, и направилась в ванную. После этого наполнила ванночку теплой водой, схватила полотенце и, вернувшись, расположилась на тумбочке с левой стороны кровати. Она намочила полотенце, слегка выжала лишнюю воду, отчего капающие звуки наполнили тихую комнату.

Она засомневалась. Снова опустила ткань в воду. Выжала.

Ну же, действуй, ты же открывала его грудную клетку и была внутри. Ты сможешь сделать это. Это не проблема.

Просто думай о нем, как о капоте автомобиля, просто о поверхности.

— Хорошо. — Джейн протянула руку и положила теплую ткань на его предплечье, пациент вздрогнул. Всем телом.

— Слишком горячо?

— Нет.

— Тогда что у тебя с лицом?

— Ничего.

При других обстоятельствах ее бы это встревожило, но сейчас были другие проблемы. Его бицепс был чертовски впечатляющим, смуглая кожа демонстрировала твердые связки мышц. Таким же было его тяжелое плечо и склон, ведущий вниз к грудной клетке. Он был в великолепной физической форме, ни унции жира, поджарый — как чистокровный жеребец, мускулистый — как лев.

Она пробежала подушечками пальцев по его груди, задержалась на шраме с левой стороны. Круговой знак врезался в плоть, как вколоченный.

— Почему он не зажил? — спросила она.

— Соль, — он беспокойно заерзал, поощряя ее продолжить водную процедуру. — Она запечатывает раны.

— То есть, это было сделано преднамеренно?

— Да.

Она окунула ткань в воду, отжала, и неловко склонилась над пациентом, чтобы дотянуться до его второй руки. Когда она откинула покрывало, он отстранился.

— Я не хочу, чтобы ты приближалась к этой руке. Даже если она в перчатке.

— Почему...

— Я не буду это обсуждать. И даже не спрашивай.

Хорошооооо.

— Она чуть не прикончила одну из моих медсестер.

— Не удивлен, — он взглянул на перчатку. — Я бы ее отрубил при первой возможности.

— Не советовала бы.

— Еще бы. Ты понятия не имеешь, каково жить с таким кошмаром, заключенным в руке...

— Нет, я имела в виду, что на твоём месте поручила бы кому-нибудь другому отрезать ее. Больше шансов, что это сделают как надо.

Последовало молчание, затем пациент хохотнул.

— Умная какая.

Джейн спрятала расплывшуюся на лице улыбку, продолжая мочить и выжимать полотенце.

— Просто высказала медицинское мнение.

Она прошлась полотенцем вниз по его телу и почувствовала пульсирующий у него в груди и животе смех, то напрягающиеся, то расслабляющиеся в такт мышцы. Через махровую ткань она ощущала тепло его тела и силу в его крови.

Вдруг он прекратил смеяться. Она услышала шипящий звук, стальные мышцы его живота прогнулись, нижняя часть тела заерзала под одеялом.

— Как ножевая рана, не болит? — спросила она.

Он прохрипел неубедительное «Нормально», и ей стало неловко. Она была так озабочена состоянием его грудной клетки, что совершенно позабыла о ножевой ране. Сдвинув повязку в сторону, она увидела, что рана полностью исцелилась, на месте повреждения осталась лишь тонкая розовая полоска.

— Я сниму это, — она сняла бинты, сложила пополам и бросила в корзину для бумаг. — Ты удивительный, знаешь это? Твое исцеление это просто... мда.

Выжимая ткань, она спорила сама с собой, хочется ли ей продолжать процедуру ниже, все ниже и ниже? Ну... внизу. Прямо... в самом-самом низу. Последнее, что ей хотелось бы знать, это насколько он был идеален в интимном плане, но она хотела закончить начатое... или же

просто доказать самой себе, что он ничем не отличался от любого другого ее пациента.

Она может это сделать.

Но когда она сдвинула покрывало ниже, он схватил его и удержал на месте.

— Не думаю, что ты этого хочешь.

— Там нет ничего такого, чего бы я не видела раньше.

Когда он опустил глаза и не ответил, она сказала тихим голосом:

— Я оперировала тебя, так что знаю, что ты частично кастрирован. Я не твоя девушка, я врач. И клянусь, что у меня нет никакого другого мнения о твоём теле, кроме того, что оно представляет из себя в медицинском плане.

Он вздрогнул, прежде чем смог скрыть реакцию.

— Нет мнения?

— Просто дай мне вымыть тебя. В этом нет ничего особенного.

— Хорошо, — его бриллиантовые глаза сузились. — Поступай, как считаешь нужным.

Она убрала покрывало.

— Нет ничего...

О... Мой Бог!.. У пациента была эрекция. Огромная эрекция. Тяжелый член лежал вдоль нижней части его живота, от паха до пупка, впечатляя своим возбуждением.

— Ничего особенного, помнишь? — протянул он.

— А... — она откашлялась. — Ну... я просто продолжу.

— Без проблем.

Но проблема заключалась в том, что она никак не могла вспомнить, что именно должна была делать с полотенцем. И она смотрела. Прямо-таки уставилась.

Логичная реакция при взгляде на мужчину с причиндалами размером с биту Луисвилл Слаггер⁷¹.

О Боже, неужели она на самом деле так подумала?

— Поскольку ты уже видела, что со мной сделали, — сухо сказал он, — могу лишь предположить, что сейчас ты выискиваешь грязь в пупке.

Нда. Верно.

Джейн вернулась к процедуре, пробежав полотенцем по его ребрам.

— Так... Как это произошло?

Когда он не ответил, она взглянула на его лицо. Его взгляд был направлен в другой конец комнаты, и глаза были тусклыми, безжизненными. Она уже видела подобный взгляд у пациентов, которые подвергались насилию, и знала, что в данный момент он вспоминает тот ужас.

— Майкл, — пробормотала она, — Кто причинил тебе боль?

Он нахмурился:

— Майкл?

— Тебя зовут по-другому? — она вернула полотенце обратно в ванночку. — Почему я не удивлена?

— Ви.

— Извини?

— Зови меня Ви, пожалуйста.

Она вернула ткань на место.

— Ну, тогда Ви.

Он наклонил голову, наблюдая за движениями ее рук вверх по его телу, затем опять вниз. Она сдерживала себя, стараясь не касаться его совсем низко. Потому что, несмотря на то, что он отвлекся на свое уродливое прошлое, он по-прежнему был возбужден. Очень возбужден.

Ладно, пора двигаться вниз. Алле, она же взрослый человек. Врач. У нее даже была пара

любовников. Перед ней сейчас лежала лишь биологическая функция, результат прилива крови в его невероятно большой...

Ох, не в этом направлении должны идти ее мысли.

Джейн стянула ткань с его бедер, пытаясь игнорировать тот факт, что его тело начинало двигаться, когда она прикасалась к нему, спина выгибалась, а тяжелое возбуждение на его животе поднималось и опускалось.

А на конце застыла блестящая, заманчивая капля.

Она посмотрела на него... и замерла. Его глаза сосредоточились на ее горле, они горели желанием, причем не только сексуальным.

Любое влечение которое она, возможно, испытывала к нему, исчезло. Это был самец другого вида, не человек. И он был опасен.

Его взгляд упал на полотенце в ее руке.

— Я не собираюсь тебя кусать.

— Хорошо, потому что я не хочу, чтобы ты это делал. — В этом она была уверена. Черт, она была рада, что он смотрел на нее так, потому что это вернуло ее обратно в реальность. — Слушай, не то, что бы я хотела ощутить это лично, но это больно?

— Не знаю. Меня никогда не кусали.

— Я думала, ты сказал, что...

— Я питаюсь от женщин. Но никто никогда не кормился от меня.

— Почему?

Так как он крепко сжал губы, она пожала плечами.

— Ты мог бы рассказать мне. Я ничего не буду помнить, не так ли? Ну что тебе стоит поговорить об этом?

Молчание затянулось, она потратила кучу нервов, обрабатывая область его таза, и теперь решила заняться ногами. Пересев на край кровати, она прошлась полотенцем по его подошвам и пальцам, он дернулся, как будто ему было щекотно. Она перешла к лодыжкам.

— Мой отец не хотел, чтобы я продолжал свой род, — сказал он резко.

Она резко взглянула на него.

— Что?

Он поднял руку, которая была в перчатке, и прикоснулся к виску, вокруг которого были татуировки.

— Я — не правильный. Ну, ненормальный. Поэтому мой отец пытался меня оскотить, как пса. В дополнение к прочему, в определенном смысле это был удачный способ меня наказать.

Она издала сострадательный вздох, в ответ на который он указующе ткнул в нее пальцем.

— Будешь меня жалеть, и я передумаю насчет клятвы не кусать.

— Никакой жалости. Обещаю, — мягко сказала она. — Но какое это имеет отношение к тому, что ты не питаешься от...

— Не люблю собой делиться.

Сам по себе, подумала она. Ни с кем... кроме, возможно, Рэд Сокса.

Она осторожно стянула покрывало до голени.

— За что тебя наказали?

— Я могу называть тебя Джейн?

— Да.

Она опять намочила ткань и провела ею под его голенью. Когда он снова замолчал, она не стала ему мешать. На данный момент.

Под ее ладонью его колени согнулись, бедра чувственно напрягались и расслаблялись. Ее глаза скользнули по его эрекции, она с трудом сглотнула.

— Так что, ваша репродуктивная система работает так же как наша? — спросила она

— Вполне.

— У тебя были человеческие любовники?

— Не очень люблю людей.

Она неловко улыбнулась.

— Я не буду спрашивать, о ком ты сейчас думаешь.

— И хорошо. Не думаю, что тебе понравится ответ.

Она подумала о том, как он смотрел на Рэд Сокса.

— Ты гей?

Его глаза сузились.

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне кажется, ты очень привязан к своему другу, тому, который в бейсболке.

— Ты ведь знала его прежде, не так ли?

— Да, он выглядит знакомым, но не могу вспомнить откуда.

— А тебя это напрягает?

Она пробежалась полотенцем по его ногам до бедер, затем отклонилась назад.

— Что ты гей? Ни в коем случае.

— Так ты бы чувствовала себя в безопасности, да?

— И потому что я не ханжа. Как врач, я довольно хорошо понимаю, что каковы бы ни были наши предпочтения, внутри мы все одинаковые.

Ну, люди, по крайней мере. Она села на постель и снова протянула руку к его ноге. Поскольку она опять приблизилась к его возбуждению, у него перехватило дух, а твердая длина дернулась. Он двинул бедрами, и она подняла глаза вверх. Он закусил нижнюю губу, его клыки врезались в мягкую плоть.

Окей, это было действительно...

Не ее дело. Наверное, он мысленно прокручивает очередную чертовски горячую фантазию о Рэд Соксе.

Она убеждала себя, что это была всего лишь обычная процедура омовения, но ни на минуту не верила собственной лжи. Она провела рукой по его животу, сначала вверх, совсем рядом с его припухшей головкой, затем вниз, с другой стороны. Когда край полотенца слегка коснулся его члена, он зашипел.

Господи, помоги ей, она сделала это снова, пройдясь медленно и вокруг него, опять слегка задев эрекцию.

Вцепившись руками в простынь, он сказал низким голосом:

— Если продолжишь эту игру, то узнаешь, сколько у меня общего с человеческим мужчиной.

Господь всемогущий, она хотела увидеть, как он... нет. Не хотела.

Да, хотела.

Его голос стал еще глубже.

— Хочешь увидеть, как я кончу?

Она откашлялась.

— Конечно, нет. Это было бы...

— Неправильно? Но кто об этом узнает? Здесь только ты и я. И, честно говоря, я бы воспользовался сейчас некоторыми удовольствиями.

Она закрыла глаза. Она знала, что ни одно из них не имело к ней отношение. И она и не собиралась взобраться на кровать и воспользоваться им. Но ей в самом деле хотелось знать, насколько же хорошо он смотрится когда...

— Джейн? Посмотри на меня. — Как будто он контролировал ее глаза, она медленно подняла на него взгляд, чтобы встретиться с его. — Не на мое лицо, Джейн. Ты будешь смотреть на мою руку. Сейчас.

Она повиновалась, ничто иное даже не пришло ей в голову. И как только она устремила в указанное им направление взгляд, его обтянутая перчаткой ладонь ослабила мертвую хватку, которой он вцепился в покрывало, и обхватила толстый возбужденный член. Пациент резко выдохнул, и провел рукой вверх и вниз по своему стволу, черная кожа резко контрастировала с темно-розовым цветом его эрекции.

О... мой... Бог.

— Ты хочешь сделать это сама, ведь так? — грубо сказал он. — Не оттого, что хочешь меня. А потому что тебе интересно как это, и как я выгляжу, когда кончаю.

Он продолжал гладить себя, а она полностью потеряла дар речи.

— Не так ли, Джейн?

Его дыхание участилось.

— Ты хочешь знать, каково это. Какие звуки я издаю. Какой аромат.

Она же не качала головой в знак согласия, нет? Черт. Она согласилась.

— Дай мне свою руку, Джейн. Позволь положить ее на себя. Даже если у тебя лишь медицинский интерес, я хочу, чтобы ты довела меня до оргазма.

— Я думала... Я думала, ты не любишь людей.

— Я не люблю.

— А я кто, по-твоему?

— Я хочу твою руку, Джейн. Немедленно.

Она не выносила, когда кто-то, кто угоден, указывал ей что делать. Мужчины, женщины — не имело значения. Но исходившее от такого великолепного самца хриплое требование, лежавшего вот так, полностью возбужденного и раскрытого перед ней... подобному искушению чертовски трудно противостоять.

Она возмутится по поводу приказа чуть позже. Но сейчас она последует ему.

Положив полотенце в судно, Джейн не могла поверить, что протянула к нему свою руку. Он принял требуемое им, в ответ предложенное ею, и поднес ее руку к своему рту. Медленным, смакующим движением, он лизнул ее ладонь теплым и влажным языком. И положил на свою эрекцию.

Они оба затаили дыхание. Он был твердый, как камень, и горячий, как пламя, толще ее запястья. Когда он дернулся в ее хватке, часть ее спросила, какого черта она делает, а другая, сексуальная часть, ожила. Что вселило в нее панику. Она подавила чувства, используя метод вытеснения, отточенный годами медицинской практики... и продолжила держать руку там.

Она гладила его, чувствуя, как мягкая, тонкая кожа сдвигается по жесткому стволу. Его рот приоткрылся, тело заерзало на кровати, а его спина изогнулась дугой, от чего Джейн не могла отвести глаз. Черт... Он был чистым сексом, без примесей запретов и комплексов, одна сплошная надвигающаяся буря оргазма.

Действуя, она не сводила с него глаз. Его рука в перчатке была чертовски эротична, располагаясь рядом с тем местом, за которое Джейн сейчас держалась: он слегка касался пальцами основания члена и прикрывал рубцы шрама.

— Каков я на ощупь, Джейн? — хрипло спросил он. — Отличаюсь от других мужчин?

Да. Ты лучше.

— Нет. Ты такой же. — Ее взгляд остановился на его прикусивших нижнюю губу клыках. Похоже, они удлинились, и ей показалось, что процесс кормления и секс как-то связаны. — Хотя, конечно, выглядишь ты по-другому.

Что-то промелькнуло у него на лице, какая-то тень, и рука скользнула дальше вниз, между ног. Сначала она подумала, что он хочет прикоснуться к себе, но потом поняла, что он прятался от ее глаз.

Боль на мгновение пронзила ее грудь, а потом он издал низкий горловой стон и откинул назад голову, иссиня-черные волосы разметались на черной подушке. Его бедра устремились вверх, мышцы живота напрягались и расслаблялись, отчего татуировка в паху то растягивалась, то возвращалась на место.

— Быстрее, Джейн. Сейчас давай быстрее.

Он откинул ногу в сторону, и его грудная клетка начала тяжело вздыматься. Капельки пота на его потрясающей, влажной коже, блестели в тусклом свете лампы. Он приближался к оргазму... и чем ближе он становился, тем отчетливей она понимала, что делает это потому, что ей так хотелось. Все ложь про медицинский интерес: он завораживал ее по другим причинам.

Она продолжала ласкать его, сосредоточив движения на крупной головке его члена.

— Не останавливайся... Черт, — простонал он, его плечи и шея напряглись, соски стали твердыми и острыми.

Неожиданно, его глаза распахнулись и засияли как звезды.

Тогда он обнажил клыки, которые полностью удлинились, и с облегчением закричал. Он кончал, глядя на ее шею, и оргазм все продолжался и продолжался, ей даже показалось, что их было два. Или больше. Боже... он был неповторим, и среди его удовольствия комнату наполнял чудесный запах темных специй, она вдыхала его вместо воздуха.

Когда он успокоился, она отпустила его и полотенцем вытерла живот и грудь. Она не стала задерживаться возле него, поднявшись вместо этого на ноги. Жаль, она не могла остаться одна.

Он наблюдал за ней сквозь прикрытые веки.

— Видишь, — хрипло сказал он, — все то же самое.

Да как бы ни так.

— Да.

Он натянул одеяло на бедра и закрыл глаза.

— Если хочешь, воспользуйся душем.

Джейн схватила судно с полотенцем и метнулась в ванную комнату. Оперевшись руками на раковину, она подумала, что возможно горячий душ и мочалка, или чем там можно потереть спину, прочистят ее голову, потому что в данный момент единственное, что стояло у нее перед глазами, это он, кончающий на себя и ее руку.

Ошеломленная, она возвратилась спальню, взяла из сумки свои вещи, напоминая себе, что эта ситуация не была реальной, не была частью ее повседневности. Всего лишь небольшое затруднение, узелок на нити ее жизни, словно сама судьба приболела гриппом.

Это было не по-настоящему.

Закончив урок, Фьюри вернулся в свою комнату и сменил учительскую форму из черной шелковой рубашки и кашемировых брюк кремового цвета на бойцовскую одежду из кожи. Технически, сегодня вечером он должен отсиживаться дома, но так как Ви лежал пластом, требовалась дополнительная пара рук.

Что его устраивало. Уж лучше на улице сражаться с лессерами, чем лезть в эту ситуацию с Зи, Бэллой и ее беременностью.

Он повесил на грудь кобуру, сунул пару кинжалов рукоятками вниз и пару Зиг-Зауэров⁷² на

каждое бедро. По пути к двери накинул кожаное пальто и похлопал по внутреннему карману, убедившись, что прихватил с собой пару косяков и зажигалку.

На пути к парадной лестнице он молился про себя, чтобы его никто не увидел... и спалился, не успев удрать из дома. Бэлла окликнула его, как только он вошел в фойе, и звук ее шагов по мозаичному полу, заставил его остановиться.

— Тебя не было на Первой трапезе, — сказала она.

— Я преподавал. — Он бросил взгляд через плечо и с облегчением заметил, что она хорошо выглядела. Цвет лица был здоровым, а глаза — ясными.

— Ты вообще ел?

— Да, — солгал он.

— Окей... ну... ты не будешь дожидаться Рейджа?

— Мы встретимся позже.

— Фьюри, ты в порядке?

Он сказал сам себе, что не должен ничего отвечать. Он уже все обсудил с Зи. Это не его...

Но как обычно, когда дело касалось Бэллы, его самоконтроль исчезал.

— Я думаю, тебе надо поговорить с Зи.

Она наклонила голову, ее волосы спадали вниз по плечам. Боже, они были прекрасны. Такие темные, но не черные. Цвет напоминал блестящее красное дерево, тщательно покрытое лаком, отливающее красными и темно-коричневыми тонами.

— О чем?

Черт, ему не надо было этого делать.

— Ты кое-что скрываешь от него, что-то... что ты должна ему рассказать.

Ее глаза сузились, затем она отвела взгляд, сменила позу, переминаясь с ноги на ногу, скрестив руки на груди.

— Я... а, я не буду спрашивать, как ты узнал об этом, но я могу предположить, что это он тебе рассказал. Ох... черт побери. Я собиралась поговорить с ним после того, как увижусь с Хэйверсом сегодня вечером. У меня назначен прием.

— Насколько все плохо? Кровотечение?

— Не совсем. Поэтому я и не собиралась рассказывать, пока не схожу к Хэйверсу. Боже, Фьюри, ты же знаешь Зи. Он и так чертовски нервничает из-за меня, я так боюсь, что это будет отвлекать его при сражении, что его ранят.

— Да, но пойми, сейчас ему еще хуже, так как ему остается лишь строить догадки о происходящем. Поговори с ним. Ты должна. Он будет держать себя в руках. Ради тебя.

— Он злился?

— Ну, может быть немного. Он больше волнуется. Он не дурак. И знает, почему ты не хочешь рассказать ему, что что-то идет не так. Послушай, позови его с собой сегодня вечером. Позволь ему поехать с тобой.

Ее глаза слегка увлажнились.

— Ты прав. Я знаю, что ты прав. Я просто хочу оградить его.

— Он чувствует то же самое по отношению к тебе. Возьми его с собой.

Последовало молчание, по нерешительности в ее глазах он понял, что она борется с собой. Свою часть работы он выполнил.

— Береги себя, Бэлла.

Когда он отвернулся, она схватила его за руку.

— Спасибо. За то, что не сердишься на меня.

На мгновение его захватила мысль о том, что внутри нее был его ребенок, что он имел все права крепко прижать ее к себе, пойти вместе с ней к доктору, и всегда заботиться о ней.

Фьюри мягко отнял руку, освободив себя от ее прикосновения, и ее рука легко скользнула по его коже, оставляя покалывающие ощущения.

— Ты любимая женщина моего близнеца. Я никогда не смогу на тебя злиться.

Он прошел через фойе и вышел в холодную, ветреную ночь. Он думал о том, что он никогда не сможет разозлиться на нее. В таком случае, на себя? Да без проблем.

Дематериализовавшись в центр города, он знал, что ожидается некое столкновение. Он просто не знал точное местоположение этой стены и из чего она сделана; сам он ввяжется в драку, или же обстоятельства швырнут его на амбразуру.

Но эта стена ждала его в непроглядной темноте. И часть его подумала, не было ли на ней нарисована большая, смачная буква Г⁷³.

Ви наблюдал, как Джейн зашла в ванную. Повернулась, чтобы сложить сменную одежду на стол, очертания ее тела выписывали элегантную S, которую ему хотелось обхватить руками. Прижаться ртом. Войти в нее.

Когда за ней закрылась дверь, и включился душ, он выругался. Боже... ее потрясающая рука унесла его выше, чем любой полноценный секс за последнее время. Но это ощущение было односторонним. В ее аромате не было ни намека на возбуждение. Для нее это было изучение биологической функции. Не более.

Честно говоря, он рассчитывал на возможность ее возбуждения при виде его оргазма, но его надежды были полным сумасшествием, учитывая то, что творилось у него ниже пояса. Никто в здравом уме не подумает: *О, какое чудо с одним яйцом. Мням.*

Вот почему он никогда не снимал штаны во время секса.

Он слушал, как работает душ, его возбуждение растаяло на глазах, а клыки втянулись обратно. Забавно, когда она ласкала его рукой, он сам себе поразился. Он хотел укусить ее, не ради питания, а потому, что хотел ощутить ее вкус у себя во рту и оставить зубами свою метку на ее шее. Что было на него, мать твою, не похоже. Обычно он кусал женщин из необходимости, и без особого удовольствия.

Но с ней? Ему очень хотелось пронзить ее вену и вкусить то, что перекачивало ее сердце.

Когда вода выключилась, он мог думать лишь о том, чтобы оказаться с ней под одним душем. Он представил ее, обнаженную и влажную, порозовевшую от горячей воды. Господи, он бы хотел знать, как выглядит ее затылок. Кожа между лопатками. Изгиб ее позвоночника. Он хотел пройтись ртом от ключицы до пупка... потом опуститься между ее бедер.

Черт, он снова затвердел. И это никуда не годилось. Она удовлетворила свое любопытство насчет его тела, так что вряд ли она снова бросит ему кость и еще раз подарит облегчение. Даже предположив, что он ей нравился, у нее все равно кто-то был, не так ли? Злобно зарывав, он представил себе темноволосого врача, который ждал ее в реальной жизни. Парень был одного с ней вида и, несомненно, очень мужественным.

Сама мысль, что ублюдок угождает ей, причем не только в течение дня, но и ночью в кровати, вызвала боль в груди.

Черт.

Ви прикрыл глаза ладонью и задал себе вопрос: когда именно ему сделали пересадку личности? Теоретически — Джейн оперировала его сердце, а не голову, но с тех самых пор как он слез с операционного стола, с ним творилось что-то странное. Дело в том, что он не мог не хотеть, чтобы она относилась к нему как к мужчине. Но это было невозможно по целому ряду причин: он был вампиром, уродом... и через несколько дней ему предстояло стать Праймэйлом.

Ви вспомнил, что ждало его на Другой Стороне, и хотя ему не хотелось возвращаться в прошлое, он не смог остановить себя. Он вернулся к тому, что с ним сотворили, вспоминая запуск того двигателя, что сделал его мужчиной лишь наполовину.

Это произошло примерно через неделю после того, как отец сжег его книги, и когда Вишеса обнаружили выходящим из-за перегородки, что скрывала наскальные рисунки. Причиной его падения стал дневник воина по имени Дариус. Он сторонился своего сокровища долгое время, но, в конце концов, сдался. Его руки жаждали ощутить тяжесть переплета, его глаза — грусть слов на странице, его ум — многообразие образов, что она давала ему, а сердце — единение, что он нашел с писателем.

Он был слишком одинок, чтобы сопротивляться.

Его застала кухонная шлюха, и они оба застыли в тот момент. Он не знал ее имени, лицом она ничем не отличалась от остальных женщин в лагере: тяжелый взгляд, кожа, изборозженная морщинами, щель рта. На ее шее виднелись следы укусов мужчин, что кормились от нее, ее платье было грязным и изношенным. В одной руке она держала грубую лопату, а за собой тащила тележку со сломанным колесом. Женщина перевозила грубую солому к выгребной яме.

Ее взгляд скользнул ниже, к руке Ви, как будто она изучала оружие.

Ви сознательно сжал руку в кулак.

— Будет очень жаль, если ты проболтаешься, правда ведь?

Она побледнела и убежала, бросив лопату.

Новость о том, что произошло между ним и другим претрансом, кипела по всему лагерю, и если это заставляло их всех бояться Ви, то это было только к лучшему. Чтобы защитить свою единственную книгу, он был готов уничтожить любого, даже женщину, и не стыдился этого. По закону его отца, никто в лагере не был в безопасности; Ви был совершенно уверен, что женщина использует это в свою пользу при первой же возможности. Так обстояли дела.

Вишес покинул пещеру через один из туннелей в горе, и вышел в заросли ежевики. Зима быстро надвигалась, от холода воздух стал плотным, как кость. Впереди он услышал журчание водного потока. Захотелось пить, но он остался незамеченным, карабкаясь на одну из сосен, покрывавших склон. Он всегда держался подальше от воды, не только потому, что ему внушали под угрозой наказания, а потому, что в его претрансовом состоянии он был не готов к неожиданным встречам, будь то вампир, человек или животное.

Каждый вечер претрансы пытались забить свои пустые животы добычей из речного потока. Он слышал, как они ловили рыбу. Мальчишки собирались в широкой части реки, где с одной стороны вода образовывала бассейн. Он избегал их, выбирая место дальше, вверх по течению.

Он достал из кожаного мешка длинную тонкую веревку с грубым крючком на конце и подвешенным серебряным грузилом. Бросил свой жалкий инструмент в воду и почувствовал, как натягивается нить. Сел на камень, намотал веревку вокруг сваленного дерева, удерживая ее конец между ладонями.

Ему было плевать на ожидание, которое было не в тягость, но и не в удовольствие, и когда он услышал шум споров внизу по реке, то не испытал никакого интереса. Стычки были привычным делом в лагере, и он примерно представлял, из-за чего дрались другие претрансы: то, что ты вытащил рыбу из воды, не означает, что ты ее получишь.

Он смотрел на бурные воды потока, когда по загравку пробежала странная пульсация — словно кто-то стукнул его по затылку.

Он вскочил, уронив веревку на землю, но позади никого не оказалось. Он втянул носом воздух, исследовал глазами деревья. Ничего.

Когда он наклонился, чтобы поднять веревку, она вдруг начала от него ускользать — рыба схватила приманку. Ви бросился за ней, но увидел лишь, как ее конец скрылся в потоке. Он бросился вслед, перепрыгивая с камня на камень, отслеживая ее все дальше и дальше вниз по течению.

Пока не столкнулся с другими.

Претранс, которого он избил книгой, шел вверх по течению, держа в руке форель, которую, судя по выражению хищного удовлетворения на лице, украл у другого претранса. Приметив Ви и проплывающую мимо него удочку с его уловом, он остановился. С воплем торжества он сунул вырывающуюся рыбу в карман и побежал за тем, что принадлежало Ви, хоть для этого ему и пришлось поменять свое направление на противоположное.

Может быть из-за репутации Ви, другие претрансы по мере его приближения быстро убрались с дороги. Они забросили рыбалку и приготовились наблюдать.

Претранс оказался проворней Ви, он лихо перескакивал с камня на камень, тогда как Ви двигался более осторожно. Кожаные подошвы его грубых ботинок намокли, а растущий на поверхности камней мох был скользким, как свиной жир. И, несмотря на то, что его улов уносило все дальше, он старался удержаться на месте.

Когда поток расширился до бассейна, где рыбачили другие, претранс вскочил на плоскую поверхность камня и оказался в пределах досягаемости улова Ви. Но когда он потянулся, чтобы схватить палку, его равновесие сместилось... и нога выскользнула из-под него.

Медленно и изящно, как перышко, он упал головой в бурный поток. Его затылок с треском ударился о камень, в нескольких дюймах от поверхности воды, звук был громким, словно удар топора о дерево, его тело обмякло, и удочка Ви проплыла мимо.

Ви приблизился к парню и вспомнил свое давнее видение. Ясно как день, что оно было ошибочным. Претранс умер не на вершине горы с солнцем, освещающим его лицо, и ветром в волосах. Он умер здесь и сейчас в объятьях воды.

В какой-то мере это было облегчением.

Вишес наблюдал, как течение уносило тело в темный спокойный бассейн. Незадолго до того, как уйти на дно, оно перевернулось лицом вверх.

Когда пузырьки воздуха от неподвижных губ поднялись на поверхность, чтобы поймать лунный свет, Ви восхитился лику смерти. Все было так спокойно после ее прихода. Неважно, какие крики, вопли, или действия подвигли душу уйти в Забвение, за всем этим следовала густая тишина, будто тихо падал снег.

Не думая, он запустил правую руку в холодную воду.

Вдруг бассейн наполнило свечение, вытекающее из его ладони... и лицо претранса осветилось, будто солнечным светом. Ви ахнул. Видение воплотилось в реальность, и именно так, как он предвидел: дымка, которая нарушала ясность картинки, на самом деле была водой, а волосы мальчика колыхались не от ветра, а от потоков воды в глубоком бассейне.

— Что ты сделал с водой? — послышался голос.

Ви поднял голову. Другие парни выстроились в ряд, вдоль извилистого берега реки, и смотрели на него.

Ви резко вытащил руку из воды и спрятал ее за спиной подальше от посторонних взглядов. После чего свечение в бассейне стало гаснуть, мертвый претранс исчез в темной глубине, как будто похороненный.

Ви выпрямился и обвел взглядом претрансов; он знал, что теперь они стали не только его соперниками за еду и удобства, но и его личными врагами. Они стояли плечом к плечу, и сплоченность между собравшимися парнями свидетельствовала о том, что не имеет значения их борьба в сухом чреве лагеря — сейчас значимой была лишь объединяющая в единое мысль.

Ви был изгоем.

Ви моргнул и подумал о последовавших затем событиях. Забавно, что тот поворот жизненного пути, который предполагаешь, всегда покрыт тонкой коркой льда. Он ожидал изгнания из лагеря, думал, что претрансы один за другим будут проходить через изменения, а затем объединят свои силы против него. Но судьба любит сюрпризы, не так ли?

Он перевернулся на бок и постарался заснуть. Но дверь в ванную открылась, и он приподнял веки. Джейн переоделась в белую рубашку и черные свободные штаны для занятий йогой. Ее лицо пылало от горячего душа, волосы были взлохмаченными и влажными. Она потрясающе выглядела.

Она быстро скользнула по нему глазами. Этот беглый осмотр подсказал ему — она решила,

что он спит, потом подошла и села в углу в свое кресло. Подтянув ноги к себе, она обняла колени руками и опустила на них подбородок. Она казалась такой хрупкой сейчас, просто клубок из плоти и кости в объятиях кресла.

Он закрыл глаза и почувствовал себя несчастным. Его совесть, которая веками спала, проснулась и причиняла ему боль: он не мог притворяться, что не исцелится полностью в течение следующих шести часов. Это значило, что больше не будет причин для ее пребывания здесь. И ему придется отпустить ее с заходом солнца.

Но как же его видение? О ней, стоящей в дверях в лучах света? А, черт, может, это была простая галлюцинация...

Ви нахмурился и уловил в комнате какой-то аромат. *Что за черт?*

Он глубоко вдохнул, его член мгновенно затвердел и увеличился. Он посмотрел на Джейн. Ее глаза были закрыты, рот немного приоткрыт, а брови слегка опущены вниз... и она была возбуждена. Возможно, это доставляло ей дискомфорт, но бесспорно — она была возбуждена. Неужели она думала о нем? Или о человеческом мужчине?

Ви потянулся к ней своим разумом, без всякой надежды проникнуть ей в голову. Когда видения прояснились, он отфильтровал мысли о других людях, пытаясь найти хоть одну, связанную с ним или с его желанием...

Видение в ее сознание было о нем.

О, да, черт подери. Это был точно он: его тело выгибалось на кровати, мышцы живота были напряжены, бедра приподнялись, когда она ласкала его член рукой. Как раз в этот момент он кончал, когда он убрал свою затянутую в перчатку руку от чресл и вцепился в одеяло.

Его хирург хотела его, несмотря на то, что он был частично попорчен, не принадлежал ее виду и удерживал здесь, против ее воли. Она жаждала. Жаждала его.

Ви улыбнулся, обнажая клыки. Самое время стать человеколюбом, не так ли? И отчасти облегчить ее страдания...

Широко расставив ноги в тяжелых ботинках и сжав кулаки, Фьюри навис над лессером, которого только что вырубил выстрелом в висок. Ублюдок лежал лицом в грязной слякоти, распластав руки и ноги в стороны, его кожаная куртка была разорвана на спине во время борьбы.

Фьюри глубоко вздохнул. Врага можно было убить по-джентельменски. Даже в разгар войны, существовал достойный способ принести смерть врагу, несмотря на испытываемую к нему ненависть.

Он осмотрел переулок и втянул носом воздух. Людей поблизости не было. Других лессеров тоже. И ни одного из Братьев.

Он наклонился к убийце. Да, когда сводишь счеты с врагами, нужно всегда придерживаться определенного стандарта в поведении.

Это был не тот случай.

Фьюри приподнял лессера за пояс кожаной куртки и светлые волосы и впечатал его головой в кирпич, как таран. Куски плоти бесшумно отлетели от расколотой лобной части, позвоночник проткнул череп насквозь и вышел через его заднюю часть.

Но существо не умерло. Чтобы умертвить убийцу, необходимо было нанести удар ему в грудь. Если оставить его как есть, то сволочь будет просто пребывать в вечно гниющем состоянии, пока за телом не явится Омега.

Схватив существо за руку, Фьюри протащил его за мусорный бак и вытащил кинжал. Но он

не использовал это оружие, чтобы отправить убийцу к его хозяину. Его гнев, самая ненавистная ему эмоция, эта сила, которой он не позволял влиять на события и людей в его жизни, взредела в нем. И побуждение было неоспоримым.

Жестокость совершаемого им омрачала его совесть. И хотя его жертва был аморальным убийцей, который почти лишил жизни двух гражданских вампиров двадцать минут назад, все же то, что делал Фьюри, было неправильным. Гражданские были спасены. Враг — выведен из строя. И закончить нужно чисто.

Но он не остановил себя.

Лессер взвыл от боли, но Фьюри продолжал свое грязное дело, его руки и лезвие быстро двигались сквозь кожу и жизненно важные органы, пахнущие детской присыпкой. Черная, блестящая кровь стекала на мостовую и покрывала руки Фьюри, маслом блестела на его ботинках, брызгами разлеталась на его кожаную одежду.

Он продолжал, и убийца стал тренажером для его ярости, его ненависти к себе, он стал объектом, на котором Фьюри срывал эти чувства. Разумеется, эти действия заставили его еще сильнее ненавидеть себя, но он не остановился. Не мог. Его кровь была пропаном, а его эмоции — пламенем, и нельзя было пресечь раз вспыхнувшее пламя.

Сосредоточившись на своем страшном действе, он не услышал, как сзади подкрался еще один лессер. Он лишь уловил легкий запах детской присыпки за секунду до нападения, и едва увернулся от бейсбольной биты, нацеленной в голову.

Его ярость перешла от поверженного убийцы на того, что стоял на ногах. Наследие воина в его ДНК взредело в его жилах, и он атаковал. Фьюри выступил вперед с черным кинжалом в руке, затем резко ушел вниз, прицелившись лессеру в живот.

Но он промахнулся. Лессер сбил его ударом биты в плечо, потом мощно приложился по здоровой ноге, попав ему под колено. Фьюри согнулся, сосредоточившись на том, чтобы удержать кинжал, но убийца был подобно Хосе Кансеко⁷⁴ с его алюминиевой битой. Еще один удар и лезвие улетело прочь, перевернувшись в воздухе, протанцевало куда-то далеко по мокрому асфальту.

Лессер прыгнул на грудь Фьюри и ухватил его за горло, сжимая сильной, как стальной трос, рукой. Захват усилился, Фьюри обхватил ладонью толстое запястье существа, но затем у него появились проблемы и помимо гипоксии. Убийца перенес свою хватку на биту, застыл, пока не стал удерживать ее за середину. Смертельно сосредоточившись, он поднял руку высоко и со всей силы опустил квадратное основание рукоятки на лицо Фьюри.

Боль взорвалась в щеке и глазе, ее раскаленная шрапнель рикошетом разошлась по всему телу.

И это было... на удивление хорошо. Это чувство преодолевало все. Все, что он сейчас знал, это был удар, от которого останавливалось сердце, и электрическая пульсация, что накрывала сразу после этого.

Ему это нравилось.

Одним глазом, который по-прежнему мог видеть, он наблюдал за лессером, который подобно поршню, снова занес биту. Фьюри даже не пытался подготовиться к худшему. Он просто наблюдал за движениями, зная, что координирующие поднятие куска полированного металла мышцы сейчас натянутся и снова впечатают эту штуку ему в лицо.

«Время для смертельного удара», — смутно подумал он. Вероятно, его скуловая кость уже раздроблена, или, по крайней мере, треснула. Еще один удар, и уже ничто не будет защищать его серое вещество.

Перед глазами возник рисунок Бэллы, и сейчас он видел то, что легло на бумагу: она сидит за обеденным столом, повернувшись к его близнецу, и любовь между ними была так осязаема и

красива, как шелковая ткань, сильна и прочна, как закаленная сталь.

Он прочел на Древнем языке старинную молитву за них и малыша, ту, что желала им здоровья и благополучия, пока он не встретится с ними в Забвении, когда-то в далеком-далеком будущем. Все закончится, до следующей его реинкарнации.

Фьюри отпустил запястье убийцы и повторял молитву снова и снова, гадая, какое из этих слов станет для него последним.

Но последствия так и не наступили. Лессер исчез с Фьюри, он соскочил с его груди, как марионетка, чьи ниточки порвались.

Фьюри лежал, едва дыша, когда в переулке послышалось громкое ворчание, а затем мелькнула яркая вспышка света. Из-за всплеска эндорфина, он ощущал, как парит в сладостной и бесконечной высоте, светясь чем-то, что напоминало благополучие, но в реальности означало, что он по уши в дерьме.

Смерть уже нанесла свой удар? И достаточно ли этого, чтобы его мозг истек кровью?

А, какая разница. Он чувствовал себя хорошо. Все было хорошо, и он спрашивал, было ли это также хорошо, как секс? Это была жизнь после смерти. Ничего, лишь спокойная релаксация.

Он подумал о Зейдисте, как тот подошел к нему в самый разгар вечеринки, несколько месяцев назад, со спортивной сумкой в руке и отвратительным требованием во взгляде. Фьюри было тошно от того, в чем нуждался его близнец, но он, тем не менее, пошел вместе с ним в спортзал и избивал его снова, снова и снова.

Это был не первый раз, когда Зейдисту требовалось получить избавление подобным способом.

Фьюри всегда ненавидел избивать своего близнеца и никогда не понимал этого мазохистского драйва, но сейчас он познал его. Это было фантастически. Ничто не имело значения. Как будто реальная жизнь была далекой грозой, которая никогда его не достигнет, потому что он свернул с ее пути.

Как будто издалека он слышал низкий голос Рэйджа:

— Фьюри? Я позвонил, нас сейчас подберут. Тебя надо отвести к Хэйверсу.

Когда Фьюри попытался заговорить, его челюсть отказалась выполнять свою работу, будто приклеенная. Было ясно, что она уже опухла, и он просто покачал головой.

Лицо Рейджа попало в круг его однобокого зрения.

— Хэйверс...

Фьюри снова покачал головой. Сегодня Бэлла будет в клинике насчет ребенка. И так как она была на грани выкидыша, он не хотел отодвигать ее на второй план своим неотложным случаем.

— Никакого... Хэйверса... — прохрипел он.

— Брат мой, происшедшее с тобой требует больше, чем просто первой помощи.

Идеальное лицо Рейджа накрыла маска полной невозмутимости. Это значило, что парень серьезно обеспокоен.

— Домой.

Рейдж выругался, но не успел он продолжить настаивать на визите к Хэйверсу, как в переулок, сверкая фарами, повернула машина.

— Черт.

Рейдж мгновенно среагировал, подняв Фьюри с тротуара и перетащив его за мусорный бак.

Где лежал обезображенный лессер.

— Что за хрень? — выдохнул Рейдж, в то время как мимо них проехал хромированный полноприводный Лексус, из которого оглушительно звучал рэп.

Когда он исчез, ярко-бирюзовые глаза Рейджа сузились.

— Ты это сделал?

— Неудачная... стычка... — прошептал Фьюри. — Отвези меня домой.

Закрыв глаза, он понял, что сегодня выяснил что-то очень важное. Боль это хорошо, и если получать ее при подходящих обстоятельствах, это будет менее позорно, чем героин. Этот наркотик было легче достать, кроме того, она являлась неизбежным отходом производства его работы.

Идеально.

Джейн сидела в кресле, опустив голову и закрыв глаза. Она никак не могла перестать думать о том, что сделала для него... и что, в результате, произошло с ним. Она видела, как он кончает, его голова откинута назад, клыки сверкают, эрекция бешено пульсирует в ее ладони, пока он судорожно ловит ртом воздух и выдыхает его со стоном.

Она заерзала в кресле. Ей стало жарко. И не потому, что был включен обогреватель.

Боже, она не могла удержаться от того, чтобы снова и снова прокручивать в памяти эту сцену, ей стало совсем невмоготу, даже пришлось приоткрыть рот, чтобы вдохнуть глоток воздуха. В какой-то момент, пока подобные мысли непрерывно циркулировали у нее в голове, она почувствовала легкий укол, будто ее шея находилась в неудобном положении, но потом она задремала.

Как и следовало ожидать, ее подсознание продолжило то, на чем остановилась память.

Сон начался с того, как что-то коснулось ее плеча, что-то теплое и тяжелое, и это ощущение принесло долгожданное облегчение. Оно медленно опустилось вниз по ее руке, к запястью, затем к ладони. Ее пальцы были собраны в кулак и крепко сжаты, но затем они разжались для поцелуя в самый центр ладони. Она почувствовала мягкие губы, теплое дыхание, и бархатное касание... эспаньолки.

Последовала пауза, будто у нее спрашивали разрешение.

Она точно знала, кто ей снится. И она точно знала, что произойдет в этой фантазии, если она позволит ему продолжить.

— Да, — прошептала она во сне.

Пациент обхватил ее икры руками и медленно опустил ее ноги с кресла, затем что-то широкое и теплое опустилось между ее бедер, широко разводя их. Его бедра и... о Боже, она почувствовала его эрекцию прямо напротив своего естества, эта твердая длина прижималась к ней сквозь тонкую ткань ее тренировочных брюк. Воротник рубашки стянули в сторону, его рот нашел ее шею, и губы прижались и посасывали ее кожу, в то время как его возбуждение начало свои ритмичные пульсирующие толчки. Его рука нашла ее грудь, затем опустилась вниз к животу. Еще ниже по бедру. Затем еще дальше, туда, где до этого была его эрекция.

Джейн закричала, ее тело выгнулось, и что-то острое невесомо пробежалось по ее шее до самого подбородка. Клыки.

Страх заполонил ее вены. Одновременно с взрывной волной первоклассного возбуждения.

Прежде чем она успела разграничить эти две крайности, его рот покинул ее шею и сквозь рубашку нашел грудь. Он посасывал ее, одновременно ритмично прижимаясь к ее лону, задевая местечко, которое было полностью для него готово, которое жаждало его. Она открыла рот, чтобы издать судорожный вздох, и вдруг что-то проникло в него... палец. Она отчаянно ухватила за него, лаская у себя во рту, представляя, какую еще часть его тела ей хотелось бы почувствовать между своими губами.

Он был хозяином, ведущим, он управлял всем механизмом происходящего. Он точно знал,

что делал с ней, его пальцы использовали ее мягкие брюки и мокрые трусики, чтобы еще ближе подтолкнуть ее к обрыву.

В голове зазвучал голос — его голос:

— Кончи для меня, Джейн...

Внезапно, возникнув из ниоткуда, яркий свет озарил ее лицо, и она подскочила, выбросив вперед руки, чтобы оттолкнуть пациента от тебя.

Но его не было рядом. Он лежал на кровати. Спал.

А свет исходил из коридора. Рэд Сокс распахнул дверь в комнату.

— Прошу прощения, что разбудил вас, ребята, — сказал он, — Но у нас проблема.

Пациент сел на кровати, взглянул на Джейн. Когда их глаза встретились, она покраснела и отвела взгляд.

— Кто? — спросил пациент.

— Фьюри, — Рэд Сокс кивнул в сторону кресла. — Нам нужен врач. Немедленно.

Джейн прокашлялась.

— Почему вы смотрите на...

— Ты нужна нам.

Ее первая мысль была о том, что она не собирается увязать в их дерьме еще глубже. Но затем в ней заговорил врач.

— Что произошло?

— Ситуация не из приятных. Драка с бейсбольной битой. Можешь пойти со мной прямо сейчас?

Но пациент ответил первым, его ровное рычание прорезало воздух:

— Если она куда-то идет, я иду вместе с ней. Насколько он плох?

— Ему отделали лицо. Сильно. К Хэйверсу идти отказывается. Говорит там Бэлла на приеме насчет малыша, и он не хочет огорчать ее своим ужасным состоянием.

— Поганец просто геройствует, — Ви взглянул на Джейн. — Поможешь нам?

Через какое-то время, она потеряла лицо ладонями. Катись оно все к чертям в бездну.

— Да. Я помогу.

Джон опустил дуло выданного ему Глока и уставился на цель в пятидесяти футах от него. Вернув предохранитель на место, он безмолвно застыл.

— Господи, — сказал Блэй.

Не веря своим глазам, Джон ударил по желтой кнопке слева от него и лист бумаги размером 8,5 на 11 со скрипом устремился к нему, как собака, которую позвали к ноге. В самом центре, в виде ромашки, располагались шесть аккуратных пулевых отверстий. Мать твою. После того, как он лоханулся во всем, чему его учили до сих пор, особенно когда дело касалось боевых искусств, он, наконец-таки, хоть в чем-то преуспел.

Но и это не заставило его забыть о головной боли.

Тяжелая рука опустилась на его плечо, и в голосе Рофа послышалась гордость:

— Отличная работа, сынок. Действительно отличная.

Джон протянул руку и открепил мишень.

— Ладно, — сказал Роф. — На сегодня достаточно. Проверьте свое оружие, мальчики.

— Эй, Куин, — позвал Блэй. — Ты это видишь?

Куин отдал свое оружие одному из додженов и подошел ближе.

— Вау. Здесь как будто пострелял Грязный Гарри⁷⁵.

Джон свернул бумагу и положил в задний карман джинсов. Вернув оружие в тележку, он размышлял о том, как бы его запомнить, чтобы воспользоваться снова в следующую тренировку. А... серийные номера были спилены, но на стволе была слабая метка, царапина. Он сможет легко найти этот пистолет снова.

— Шевелитесь, — сказал Роф, прислонившись огромным телом к двери. — Автобус ждет.

Отвернувшись от оружия, Джон заметил Лэша, который стоял прямо за ним, как воплощение опасности и угрозы. Плавным движением парень наклонился и положил свой Глок так, что дуло было направлено прямо в грудь Джона. Еще раз подчеркивая этот момент, он на мгновение задержал свой указательный палец на спусковом крючке.

Блэй и Куин встали впереди, блокируя ему путь. Движение получилось почти случайным, будто они просто околачивались поблизости, но их послание было ясным и понятным. Пожав плечами, Лэш убрал руку от Глока и направился к двери, по дороге толкнув Блэя плечом.

— Мудак, — пробормотал Блэй.

Втроем они направились в раздевалку, откуда забрали свои учебники и двинулись дальше. Чтобы вернуться в особняк, Джон собирался воспользоваться тоннелем, поэтому они остановились у двери старого офиса Тора.

Когда другие ученики прошли мимо, Куин тихо сказал:

— Мы должны прогуляться сегодня вечером. Я больше не могу ждать.

Он поморщился и заерзал, как будто у него в штанах была наждачная бумага.

— Мне срочно нужна женщина, ну, вы понимаете, о чем я.

Блэй немного покраснел.

— Я... а... да, я бы не отказался. Джон?

Вдохновленный своим успехом, Джон кивнул.

— Хорошо, — Блэй поддернул джинсы. — Прошвырнемся в ЗироСам.

Куин нахмурился.

— А как насчет Скримера?

— Нет, я хочу в ЗироСам.

— Хорошо. И мы можем поехать на моей машине, — Куин обвел парней глазами. — Джон, ты не хочешь сесть в автобус и поехать к Блэю?

«Мне переодеться?»

— Ты можешь одолжить что-нибудь из его вещей. В ЗироСам надо выглядеть потрясно.

Внезапно, подобно удару исподтишка, словно из ниоткуда рядом возник Лэш.

— Так вы собираетесь в город, Джон? Может быть, увидимся там, приятель.

Мерзко улыбаясь, он прошествовал мимо, его тело было напряжено, плечевые мускулы перекачивались под кожей, будто он рвался в бой. Или намеревался.

— Похоже, ты напрашиваешься на свидание, Лэш, — огрызнулся Куин. — Хорошее дело, продолжишь в том же духе, и тебя обязательно кто-нибудь отымет, приятель.

Лэш остановился и оглянулся, свет с потолка падал на него.

— Эй, Куин, передавай от меня привет своему отцу. Я ему всегда нравился больше, чем ты. И опять же, я соответствую норме.

Лэш постучал пальцем по своему лицу, где-то в районе глаза.

Лицо Куина приняло замкнутое выражение, он стал похож на статую.

Блэй положил руку на затылок парня.

— Слушай, дай нам сорок пять минут у меня дома, ок? Затем заезжай за нами.

Куин ответил не сразу, а когда все-таки заговорил, его голос был низким:

— Да. Без проблем. Извините, я на секунду отлучусь.

Куин бросил учебники и вышел из раздевалки. Когда дверь за ним закрылась, Джон знаками спросил: «А что, семьи Лэша и Куина связаны?»

— Эти двое двоюродные братья. Их отцы родные братья.

Джон нахмурился. «Что имел в виду Лэш, указав на глаз?»

— Не волнуйся о...

Джон схватил парня за предплечье. «Расскажи мне».

Блэй пригладил свои рыжие волосы, пытаясь быстро выдумать ответ.

— Хорошо... дело в том... отец Куина большая персона в глимере, да ведь? Так же как и его мать. А глимера не прощает дефекты.

Это было сказано так, будто все объясняло. Джон не понял. «А что не так с его глазом?»

— Один глаз — голубой. Второй — зеленый. Они разного цвета, и поэтому Куин никогда не сможет найти себе пару... и... знаешь, отец стыдится Куина всю его жизнь. Не очень-то приятная ситуация, вот почему мы все время ошиваемся у меня. Он старается избегать своих родителей.

Блэй посмотрел на дверь раздевалки, как будто сквозь нее мог видеть своего друга.

— Его не вышвырнули лишь потому, что надеялись, что переход все исправит. Поэтому ему пришлось использовать такую как Марна. У нее очень сильная кровь, и думаю, план заключался в том, что она могла помочь.

«Но она не помогла».

— Неа. Вероятно, в скором времени его попросят съехать. Я уже приготовил ему комнату, но сомневаюсь, что он ею воспользуется. Очень гордый. И имеет на это право.

В голову Джону пришла ужасная мысль. *Откуда у него был тот синяк? На лице, после перехода.*

В тот самый момент дверь раздевалки распахнулась, зашел Куин, на лице его застыла улыбка.

— Ну что, джентльмены?

Он подобрал учебники, его бравада вернулась к нему.

— Наперегонки? Пусть лучшие попадут в клуб.

Блэй хлопнул парня по плечу.

— Веди нас, маэстро.

Они двинулись к подземной парковке. Куин шел впереди, Блэй сзади, Джон по центру.

Когда Куин исчез на подножке автобуса, Джон постучал Блэю по плечу.

«Это был его отец, да?»

Блэй заколебался. Затем кивнул.

Отлично, это было одновременно невероятно круто и чертовски страшно. Джейн шла и ей казалось, что она ступает по подземному туннелю из фильмов Джерри Брукхаймера⁷⁶. Декорации сошли прямиком из высоко-бюджетного Голливудского боевика: сталь, тусклое освещение люминесцентных ламп, бесконечно длинный тоннель. Казалось, что в любую минуту с пистолетом мимо пробежит Брюс Уиллис 1980 года выделки, босоногий и в разодранной футболке.

Она взглянула на люминесцентные панели на потолке, затем ее взгляд опустился на полированный металлический пол. Она готова была поклясться, что если просверлить стену, та окажется толщиной с полфута. Боже, у этих парней были деньги. Большие деньги. Больше, чем можно получить от нелегальной продажи лекарств или кокаина, крэка и другой подобной дряни. Эти деньги были правительственного масштаба, и значит, вампиры были не просто другим видом, они были отдельной цивилизацией.

Они так и шли втроем, и она удивлялась, что они оставили ее практически без контроля. Хотя, с другой стороны, пациент и его приятель были вооружены пистолетами...

— Нет, — пациент качнул головой в ее сторону — На тебе нет наручников, потому что ты не сбежишь.

У Джейн практически отвисла челюсть.

— Завязывай с чтением моих мыслей.

— Извини. Я не хотел, так само получилось.

Она откашлялась, стараясь не задерживаться на мысли о том, насколько же хорошо он смотрелся здоровым, а не с ранением лежа в кровати. На нем были пижамные штаны «Блэк уотч»⁷⁷ и черная обтягивающая футболка, он двигался медленно, но со смертельной уверенностью, которая обезоруживала.

Так, о чем они говорили?

— С чего ты взял, что я не убегу?

— Ты не сможешь оставить того, кто нуждается в медицинской помощи. Не свойственно тебе, правда?

Ну... вот черт. Он достаточно хорошо знает ее.

— Да, достаточно хорошо.

— Перестань сейчас же.

Взгляд Рэд Сокса обогнул Джейн и остановился на пациенте.

— К тебе вернулась способность читать мысли?

— У нее? Иногда.

— Хм. А у кого-нибудь еще?

— Неа.

Рэд Сокс поправил бейсболку.

— Ну... дай мне знать, когда начнешь улавливать мои мысли. Кое-что я хотел бы оставить только для себя, понимаешь, о чем я?

— Заметано. Хотя, порой я не могу это сдерживать.

— Именно поэтому я собираюсь думать только о бейсболе, когда ты рядом.

— Я охрененно благодарен тебе, что ты не фанат Янки⁷⁸.

— Не выражайся. С нами женщина.

Больше они не произнесли ни слова, и, продолжая двигаться через тоннель, Джейн задалась вопросом, не сходит ли она с ума? Она должна была бояться, сейчас в этом темном подземелье,

наедине с двумя огромными вампирами. Но она не страшилась. Как ни странно, она чувствовала себя в безопасности... как будто пациент будет защищать ее, потому что дал обещание, и Рэд Сокс сделает то же самое, из-за связи с пациентом.

И где тут логика, черт подери, спрашивала она себя.

Дай мне С! Т! О! К! а затем Г-О-Л-Ь-М! Как это читается? ДОЛБАНУТАЯ НА ГОЛОВУ.

Пациент наклонился к ее уху.

— Не могу представить тебя в роли чирлидерши. Но ты права, мы оба устроим бойню, если тебя что-то напугает. — Пациент снова выпрямился, одна гигантская скала тестостерона в огромных сапожищах.

Джейн тронула его за предплечье и поманила указательным пальцем, чтобы он снова наклонился. Он выполнил ее просьбу, и она прошептала:

— Я боюсь мышей и пауков. Но тебе не обязательно использовать пистолет на своем бедре, чтобы проделать дыру в стене, если я наткнусь на кого-то из них, ладно? Для этого существуют специальные ловушки, или, на худой конец, можно использовать свернутую газету. Кроме того, потом вам не потребуется гипсокартон или штукатурные работы. Это так, к слову, — она похлопала его по руке, как бы говоря, что он может быть свободен, и пошла дальше по тоннелю.

Ви засмеялся, сначала неловко, но затем более глубоко, и она почувствовала на себе взгляд Рэд Сокса. Она нерешительно встретилась с его взглядом, предполагая увидеть в его глазах что-то вроде неодобрения. Вместо этого, она увидела только облегчение. Облегчение и поддержка — вот что было в глазах мужчины... особи мужского пола... Господи, да неважно... который переводил взгляд с нее на своего друга.

Джейн вспыхнула и отвела глаза. Тот факт, что парень догадывался о ее явно не совсем дружеских отношениях с Ви, не играл ей на руку. Никак нет.

Через сотню ярдов они подошли к узкой лестнице, что вела к двери. В ее центре был огромный круглый замыкающий механизм размером с ее голову. Когда пациент подошел и ввел код, ей показалось, что они собираются ввязаться во что-то из серии 007...

Ну, вряд ли. Простой кабинет с полками, на которых рядком выстроились пролинеенные желтые блокноты, картриджи для принтеров и ящики с документами. Может быть, на другой стороне...

Неа. Это был всего лишь офис. Обыкновенный офис менеджера среднего звена — со столом, вращающимся стулом, картотекой и компьютером.

Окэй, конец фильма Крепкий Орешек. Смотрим рекламу страхования Allstate⁷⁹. Или ипотечной компании.

— Сюда, — сказал Ви.

Они прошли через стеклянную дверь и двинулись по ничем не обозначенному белому коридору, дошли до двойных дверей из нержавеющей стали. За ними располагался профессиональный тренажерный зал, достаточно большой для игры в баскетбол, занятий борьбой и волейболом одновременно. Голубые маты были разложены на глянцевом полу медового цвета, там же с потолка свисало множество боксерских груш.

Большие деньги. Огромные. И как они умудрились построить все это без помощи людей? Должно быть, существовало много вампиров. Наверняка.

Рабочие, архитекторы, строители... при желании, они обходились без помощи людей.

Ее внутренний генетик только что получил серьезную пищу для размышлений. Если шимпанзе имеют девяносто восемь процентов ДНК людей, то насколько мы схожи с вампирами? И с эволюционной точки зрения, когда этот другой вид ответвился от обезьян и человека разумного? Да... ничего себе... она бы все отдала, чтобы добраться до их двойной спирали. Если они действительно собираются стереть ей память, прежде чем отпустить,

медицина теряет очень много. Тем более они не болеют раком и исцеляются так быстро.

Какая возможность.

На противоположной стороне спортзала они остановились перед стальной дверью с табличкой «ОБОРУДОВАНИЕ/КАБИНЕТ ФИЗИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ». Внутри находились стойки и стеллажи с оружием: мечи и нунчаки; кинжалы, запертые в шкафах; ружья, сюрикены⁸⁰.

— О... Господи.

— Это только для учебных целей, — было сказано будничным тоном.

— Тогда с кем вы, черт побери, сражаетесь, при помощи этого? — Все виды и типы мировых войн промелькнули в ее голове, и она уловила знакомый запах крови. Ну, почти знакомый. Существовал и другой оттенок у этого запаха, была в нем некая пряность, и она вспомнила напоминающий вино аромат, когда была рядом со своим пациентом.

Впереди распахнулась дверь с надписью «Физиотерапия». В проеме показался красивый блондин-вампир, тот самый, что утащил ее из больницы.

— Слава Богу, вы здесь.

Врачебные инстинкты Джейн мгновенно мобилизовались, как только она вошла в комнату, выложенную плиткой, и увидела подошвы ботинок, свисающие с каталки. Она растолкала идущих впереди мужчин со своего пути, чтобы добраться до парня, лежащего на столе.

Это был тот самый, кто ее загипнотизировал, парень с желтыми глазами и потрясающими волосами. И ему действительно требовалась помощь. Его левая глазная область была вдавлена внутрь, веко так опухло, что он не мог открыть глаз, и пол его лица стало вдвое больше. Возникло предчувствие, что кость над глазом была раздроблена, как и та, что в щеке.

Она положила руку ему на плечо и встретила взглядом с его открытым глазом.

— Ужасно выглядишь.

Его лицо исказила слабая улыбка.

— Да ладно?

— Но я приведу тебя в порядок.

— Думаешь, сможешь?

— Неа, — она кивнула. — Я знаю, что смогу.

Она не была пластическим хирургом, но, учитывая его возможности исцеления, она была уверена, что могла бы решить эти проблемы, несмотря на его внешний вид. При условии, что все нужное будет под рукой.

Дверь снова широко распахнулась, и Джейн застыла. О, Боже, тот гигант с черными волосами и в солнечных очках. Она спросила себя, не снится ли он ей, но он явно был из плоти и крови. Абсолютно реальным. И самым главным. Он вел себя так, будто владел всем и всеми в этой комнате, и мог покончить с ними лишь одним взмахом руки.

Он взглянул на нее, стоящую рядом с парнем на каталке и сказал:

— Скажите, что мне это мерещится.

Джейн инстинктивно отступила назад, в сторону Ви, и как только она это сделала, то почувствовала, что он тоже приблизился к ней. И хотя он не касался ее, она знала, что он был близко. И был готов защищать ее.

Черноволосый покачал головой в сторону раненого парня.

— Фьюри... ради Бога, нам нужно отвезти тебя к Хэйверсу.

Фьюри? Это что еще за имечко такое?

— Нет, — последовал слабый ответ.

— Почему нет, черт тебя дерит?

— Там Бэлла. Она увидит меня в таком состоянии... с ума сойдет... У нее уже были

кровотечения.

— А... черт.

— У нас и здесь имеется помощь, — прохрипел парень. Его глаз остановился на Джейн. — Правда?

Все посмотрели в ее сторону, черноволосый был явно взвинчен. Поэтому для всех стало сюрпризом, когда он спросил:

— Ты позаботишься о нашем брате?

Просьба прозвучала спокойно и почтительно. Видимо, он был взбешен тем, что парень валялся на каталке и не получал должного лечения.

Она прокашлялась.

— Да, я позабочусь. Но с чем мне работать? Я хочу усыпить его...

— Об этом не волнуйся, — сказал Фьюри

Она бросила на него взгляд.

— Ты же не хочешь, чтобы я собирала твое лицо без общего наркоза?

— Хочу.

Может быть, у них другой болевой порог...

— Ты в своем уме? — пробормотал Рэд Сокс.

Ну, хорошо, видимо нет.

Хватит болтовни. Предположив, что этот красавчик с разукрашенной, как у Рокки Бальбоа⁸¹, мордой, исцеляется так же быстро, как и ее пациент, она должна была начать оперировать его прямо сейчас, пока не срослись кости, чтобы не пришлось их потом дробить.

Оглядев комнату, она увидела стеклянные шкафы, полные необходимых медикаментов и инструментов и прониклась надеждой, что сумеет собрать из всего этого хирургический набор.

— Предполагаю, ни у кого из вас нет медицинского опыта?

Ви заговорил, прямо возле ее уха. Он был настолько близок, насколько и одежда на ней.

— Да, я могу ассистировать. Учился на парамедика.

Она посмотрела на него через плечо, волна жара прошла сквозь нее.

Вернись в игру, Уиткоум.

— Хорошо. У вас есть какая-нибудь анестезия?

— Ледокаин.

— Как насчет седативных средств? И, наверное, морфин. Если он вздрогнет не вовремя, я могу его ослепить.

— Имеется.

Когда Ви направился к веренице шкафов из нержавеющей стали, она заметила, как его шатало. Эта прогулка по туннелю было длинной, и, хотя на вид казалось, что он исцелился, всего несколько дней назад у него была операция на сердце.

Она схватила его за руку и потянула обратно.

— Ты сядешь, — посмотрела на Рэд Сокс. — Найди ему кресло. Сейчас же.

Когда пациент открыл рот, чтобы возразить, она заткнула его, уйдя в другую часть комнаты.

— Мне это не интересно. Во время операции ты мне нужен проворный, и она может занять какое-то время. Тебе стало лучше, но ты не так силен, как думаешь, так что усади свою задницу и скажи, где мне взять все необходимое.

Наступила тишина. Ее пациент тихо выругался, а затем послышался чей-то смешок. Цареподобный гигант взглянул на нее с ухмылкой.

Рэд Сокс прикатил из вихревой ванны стул и подтолкнул его прямо под колени Ви.

— Припаркуйся, громила. Приказ твоего врача.

Когда пациент сел, она сказала:

— А теперь, вот что мне нужно.

Она перечислила стандартный список: скальпель, пинцеты, отсос, затем хирургическую проволоку и нить, бетадин, солевой раствор для полоскания, марлевые прокладки, резиновые перчатки...

Ее поразило, как быстро они наладили систему поиска, она и ее пациент явно были на одной волне. Он направлял ее по комнате, лаконично, каждый раз предугадывая, что ей может понадобиться, без лишних слов. Идеальная медсестра, так сказать.

Она громко вздохнула от облегчения, когда нашла хирургическое сверло.

— Только не говорите мне, что у вас есть биноккулярная лупа.

— Шкаф рядом с каталкой, — сказал Ви. — Нижний ящик. Слева. Мне готовиться ассистировать?

— Да, — она нашла комплект в указанном месте — У нас есть рентген?

— Нет.

— Черт, — она уперлась руками в бедра. — А, ладно, придется вслепую.

Пока она надевала лупу, Ви встал на ноги и пошел к раковине в дальнем углу, чтобы обработать руки. Он закончил, и она заняла его место, затем они надели перчатки.

Она вернулась к Фьюри, поймав взгляд его здорового глаза.

— Возможно, будет больно даже с местным наркозом. Скорее всего, ты отключишься, и я надеюсь, что это случится как можно скорее.

Она пошла за шприцом, и уже было приступила к операции, почувствовала, как ее наполняет знакомое ощущение силы...

— Подожди, — сказал он. — Без анестезии.

— Что?

— Просто делай свое дело. — В его глазу отражалось какое-то чудовищное предвкушение, абсолютно неуместное по всем смыслам. Он хотел, чтобы ему было больно.

Ее глаза сузились. Интересно, он сам позволил проделать такое с собой?

— Извини, — Джейн проткнула иглой резиновую пробку флакона с ледокоином. Набрав нужное количество, она сказала: — Ни за что на свете я не собираюсь резать тебя без наркоза. Хочется иного, найди себе другого хирурга.

Она положила маленькую бутылочку в стальной лоток, и склонилась над ним со шприцом в воздухе.

— Так что будем делать? Я и этот усыпляющий соус или... хаха, никто?

В желтом взгляде вспыхнул гнев, будто она только что умудрилась обмануть его в лучших ожиданиях.

Но затем послышался голос цареподобного:

— Фьюри, не будь задницей. Речь идет о твоём зрении. Заткнись и дай ей сделать свою работу.

Желтый глаз закрылся.

— Хорошо, — пробормотал парень.

Прошло около двух часов, когда Вишес осознал, что вляпался. Очень серьезно. Взглянув на аккуратные ряды маленьких черных стежков на лице Фьюри, он не мог вымолвить ни слова от потрясения.

Да. Вляпался по самые уши.

Доктор Джейн Уиткоум была виртуозным хирургом. Мастером своего дела. Ее руки были элегантными инструментами, глаза остры как скальпель, который она использовала, а внимание — твердым и всепоглощающим, как у воина в бою. Моментами она работала быстро, а иногда замедлялась до такой степени, что казалось, она и не двигается вовсе; глазничная кость Фьюри

была сломана в нескольких местах, и Джейн складывала ее вместе шаг за шагом, вынимая обломки, белые, как устричные раковины, просверливая черепную коробку и соединяя проволокой фрагменты, вставляя маленькие винтики в его щеку.

Ви понял по твердому выражению лица, когда она заканчивала операцию, что Джейн была не очень довольна конечным результатом. И когда он спросил ее, в чем проблема, она ответила, что предпочла бы вставить пластину в щеку Фьюри, но поскольку у них не имелось подобного инструмента, оставалось надеяться, что кость быстро срастется сама.

Она контролировала себя полностью, от начала до конца. Настолько, что это заводило его, что было абсурдно и позорно одновременно. Просто он никогда раньше не встречал существо женского пола — женщину, подобную ей. Она настолько хорошо заботилась о его брате, со знанием дела, на которое Ви никогда не мог рассчитывать сам.

О Боже... У него была чертовски серьезная проблема.

— Что у него с давлением? — спросила она.

— Стабильное, — ответил он.

Фьюри был без сознания, хотя его дыхание оставалось сильным, как и его кровяное давление.

Джейн вытерла Фьюри области вокруг глаз и скулы, и стала накладывать марлевую повязку. Роф стоял в дверях. Прокашлялся и спросил:

— Что с его зрением?

— Мы не узнаем, пока он сам нам не скажет, — сказала Джейн. — Я не могу определить, был ли поврежден его зрительный нерв, сетчатка или роговица. Если же все-таки что-то задето, то ему придется обратиться за помощью в другое учреждение, и дело не только в том, что здесь не хватает необходимого оборудования. Я не хирург-офтальмолог, и не стала бы даже пытаться проводить подобную операцию.

Король поправил очки на своей переносице. Будто подумал о своем слабом зрении и не желал, чтобы Фьюри постигла та же участь.

Наложив повязку на лицо Фьюри, Джейн обвязала бинт вокруг его головы наподобие чалмы, затем сложила использованные инструменты в паровой стерилизатор. Чтобы не пялиться на нее, как одержимый, Ви принялся выбрасывать использованные шприцы, прокладки, иглы и одноразовые трубки от отсоса.

Джейн стянула хирургические перчатки.

— Давайте поговорим об инфекции. Насколько ваш вид восприимчив в этом плане?

— Не очень. — Ви опустил обратно в кресло. Не хотелось этого признавать, но он устал. Не приземлился он тогда по ее приказу, возможно к этому моменту он бы уже умирал от изнеможения. — Наша иммунная система очень сильна.

— Ваш доктор назначил бы ему антибиотики в качестве профилактического средства?

— Нет.

Она подошла к Фьюри и посмотрела на него, как будто считывая показатели его жизнедеятельности без стетоскопа и прибора для измерения давления. Потом она протянула руку и откинула его шикарные волосы назад. Этот жест и чувство собственности, что отражалось в ее глазах, жутко раздражали Ви, хотя это не должно было его задевать. Конечно, она проявляет к брату повышенный интерес, она же только что собрала его лицо по частям.

Но все равно.

Черт, связанные мужчины — та еще заноза в заднице.

Джейн наклонилась к уху Фьюри.

— Ты отлично держался. Все будет хорошо. Тебе просто надо отдохнуть, предоставим работать твою чудесную способность исцеления, возражений нет?

Погладив его по плечу, она выключила лампу над операционным столом.

— Боже, как бы мне хотелось изучить ваш вид.

Из угла повеяло холодом, когда Роф заговорил.

— Ни за что на свете, Док. Мы не станем морскими свинками для человеческой расы.

— Да я и не надеялась, — она окинула всех взглядом. — Я не хочу оставлять его без присмотра, так что либо я сама остаюсь здесь, либо кто-то другой. И если второе, то я хочу лично проверять его примерно каждые два часа, чтобы видеть, как он идет на поправку.

— Мы останемся с ним, — сказал Ви.

— Ты выглядишь так, как будто сейчас упадешь.

— Ни за что.

— Только потому, что ты сидишь.

Мысль о том, что она считает его слабым, сделала его голос острым как бритва.

— Только не надо обо мне волноваться, женщина.

Она нахмурилась.

— Хорошо. Это лишь констатация факта, а не волнение. Поступай, как знаешь.

А вот это больно. Да... очень больно.

— Неважно. Я буду неподалеку, — он встал и быстро вышел.

В комнате с оборудованием, он вытащил из холодильника бутылку Аквафины⁸² и растянулся на одной из скамеек. Откручивая крышку, он смутно осознавал, что к нему подошли Роф и Рейдж и что-то ему говорят, но он не вслушивался.

Он хотел, чтобы Джейн заботилась о нем, и это сводило его с ума.

Ви закрыл глаза и постарался мыслить логически. Он не спал неделями. Его доставал этот постоянный кошмар. Он чуть не умер.

И он познакомился со своей мамашей.

Ви вылакал почти полную бутылку. Он был слегка неуравновешен, наверное, поэтому, он испытывал подобные чувства. Дело было не в самой Джейн. А в ситуации. Его жизнь словно фруктовый салат из разнообразной хрени, именно по этой причине его так тянуло к ней. Потому что, ясно как день, у них не было будущего. Она относилась к нему как к пациенту и как к научной диковинке. А тот оргазм, что он почти доставил ей? Он был чертовски уверен, что если бы она не спала в этот момент, то этого никогда бы не случилось: его образ для нее был лишь женской фантазией об опасном монстре. Она не желала его в реальной жизни.

— Эй.

Ви открыл глаза и посмотрел на Бутча.

— Привет.

Коп сдвинул ноги Ви со скамейки и присел рядом.

— Боже, она потрудилась на славу с Фьюри, правда?

— Да, — Ви бросил взгляд на открытую дверь процедурной комнаты. — Чем она там занимается?

— Изучает все шкафы. Сказала, что хочет знать, что у нас имеется. Но на самом деле, я думаю, она просто зависает около Фьюри и пытается сделать вид, что это случайность.

— Ей не обязательно присматривать за ним постоянно, — пробормотал Ви.

Как только слова вырвались из его рта, он не мог поверить, что действительно приревновал к своему раненому брату.

— Я имел в виду...

— Не. Не переживай. Я понял тебя.

Бутч принялся хрустеть костяшками пальцев, и Ви мысленно выругался и подумал о том, чтобы свалить. Эти щелчки явно были прелюдией к Серьезному Разговору.

— Ну и?

Бутч скрестил руки, рубашка Гуччи плотно обтянула его плечи.

— Nada⁸³. Ну, кроме... Я хочу, чтобы ты знал, что я одобряю.

— Одобряешь что?

— Ее. Тебя и ее, — Бутч взглянул на него, потом отвернулся. — Хорошая комбинация.

В наступившей тишине, Ви всматривался в профиль своего лучшего друга, его взгляд скользнул по темным волосам, что падали на лоб, сломанному носу, выступающей челюсти. Впервые за долгое время он не жаждал Бутча. Что можно было классифицировать как улучшение. Но вместо этого, он чувствовал себя еще хуже, но по другой причине.

— Ее и меня нет, дружище.

— Чушь собачья. Я видел это после того, как ты меня исцелил. И связь с каждым часом становится все сильнее.

— Ничего не происходит. Я говорю тебе чистую правду.

— Окей... ну как водица?

— Извини?

— Как Нил, теплый в это время года?

Проигнорировав шпильку, Ви осознал, что уставился на губы Бутча.

Очень тихим голосом он произнес:

— Ты ведь знаешь... я отчаянно хотел заняться с тобой сексом.

— Я знаю, — Бутч повернул голову, их глаза встретились. — В прошедшем времени, ха.

— Я так думаю. Да.

Бутч кивнул в сторону открытой двери.

— Из-за нее.

— Возможно, — Ви посмотрел в сторону комнаты с оборудованием и увидел, как Джейн копалась в шкафу. Она наклонилась, и отклик его тела был мгновенным, ему даже пришлось раздвинуть бедра, чтобы его эрекцию не раздавило, как апельсин. Когда боль пошла на спад, он подумал о том, что он чувствовал по отношению к своему соседу по комнате. — Должен сказать, я был удивлен, что ты так спокойно к этому отнесся. Думал, это испугает тебя до чертиков, или еще хуже.

— Ну, ничего не поделаешь с твоими чувствами, — Бутч уставился на свои руки, рассматривая ногти. Застежки на своих Пьяже⁸⁴. Платиновые запонки. — Кроме того...

— Что?

Он помотал головой.

— Ничего.

— Говори.

— Нет, — Бутч встал, потянулся, его тело выгнулось. — Я возвращаюсь в Яму...

— Ты хотел меня? Хотя бы немного?

Бутч выпрямился, руки обвисли вдоль тела, и он опустил голову. Нахмурился, сморщил лицо.

— Но я ведь не гей.

У Ви отвисла челюсть, как у болванчика.

— Нет, серьезно? Очуметь. Я был уверен, что это твое «Я-Славный-Ирландский-Католик-Из-Саути» — лишь чертово прикрытие.

Бутч показал ему средний палец.

— Все равно. Я не гоню из-за гомосексуализма. Как мне кажется, люди могут трахать кого хотят и как хотят, главное, чтобы все участники этого процесса были старше восемнадцати, и чтобы никто не пострадал. И так получилось, что я окучиваю женщин.

— Расслабься. Я тебя просто подкалываю.

— Надеюсь, что да. Ты знаешь, я не гомофоб.

— Да, я знаю.

— Ну а ты?

— Гомофоб ли я?

— Гей или би?

Выдохнув, Ви пожалел, что у него в зубах не было сейчас сигареты, рефлекторно он похлопал по карману, утешившись тем, что принес с собой пару самокруток.

— Послушай Ви, я знаю, что ты спишь с женщинами, но только садо-мазо способом. А с парнями у тебя по-другому проходит?

Ви погладил бородку рукой в перчатке. Он всегда чувствовал, что не существует тем, которые он не мог бы обсудить с Бутчем. Но это... это было тяжело обсуждать. Главным образом потому, что он не хотел, чтобы между ними что-то изменилось. К тому же он всегда боялся, что если его сексуальные предпочтения будут обсуждаться слишком открыто, то это будет более чем странно. Истина заключалась в том, что Бутч был гетеросексуален по своей природе, а не только по воспитанию. И что, если он чувствовал что-то по отношению к Ви? Это было отклонение, которое, вероятно, доставляло ему дискомфорт.

Ви покрутил бутылку Аквафины в руках

— Как давно ты хотел задать мне эти вопросы? О гомосексуальности.

— Ну, какое-то время.

— Боишься услышать ответ?

— Нет. Мне не важно, гей ты или нет. Я с тобой, вне зависимости от того, нравятся тебе мужчины, женщины или оба пола.

Ви взглянул в глаза своего лучшего друга и понял... да, Бутч не собирался его судить. Что бы ни случилось.

Выругавшись, Ви потер центр груди и моргнул. Он никогда не плакал, но в данный момент казалось, что он разрыдается.

Бутч кивнул, как будто точно знал, что делает.

— Как я уже сказал, дружище, что бы то ни было. Ты и я? Как и всегда, и не важно, кого ты трахаешь. Хотя... если это овца, это уже чересчур. Не уверен, что смогу это вынести.

Ви не мог не улыбнуться.

— Я не имею дело со скотиной.

— Бесит сено в штанах?

— Или шерсть между зубами.

— А, — Бутч оглянулся. — Ну, так какой будет ответ, Ви?

— А ты сам как думаешь?

— Я думаю, ты спал с мужиками.

— Да. Спал.

— Но, мне кажется... — Бутч покачал пальцем, — что мужчины тебе нравятся не больше, чем женщины, над которыми ты доминируешь. Оба пола в долгосрочной перспективе тебе безразличны, потому что ты ни о ком никогда по-настоящему не заботился. Кроме меня... И твоего хирурга.

Ви опустил глаза, ненавидя себя за свою прозрачность, но на самом деле абсолютно не удивлен, насколько явным было то, чем он так увлекался. Это же он и Бутч. Никаких секретов. И в том же духе...

— Наверное, я должен тебе кое-что рассказать, коп.

— Что?

— Один раз я изнасиловал мужчину.

Боже, в образовавшейся тишине можно было услышать пение сверчков.

Спустя какое-то время Бутч медленно опустился обратно на скамью.

— На самом деле?

— В прошлом, в военном лагере, побеждая кого-то во время спарринга, ты имел его перед остальными солдатами. И я победил в первом бою, я тогда был после перехода. Мужчина... Я думаю, он позволил мне сделать это. Я имею в виду, он покорился, хотя это было не правильно. Я... да, я не хотел так с ним поступать, но не остановился. — Ви вынул сигарету из кармана и посмотрел вниз, на тонкую белую трубочку. — Это произошло как раз перед тем, как я покинул лагерь. Прямо перед тем... как много всего прочего произошло со мной.

— Это был твой первый раз?

Ви вынул зажигалку, но не зажег ее.

— Чертовски удачный способ начать, ага.

— Господи...

— В любом случае, какое-то время я бродил по миру, экспериментировал с разнообразной дрянью. Я был очень зол и... да, совершенно вне себя.

Он посмотрел на Бутча.

— Я испробовал почти все, коп. И по большей части чистый хард-кор, если ты понимаешь, о чем я. Все происходило по согласию, но все же это было, это есть и сейчас полной крышеснос. — Ви натянуто рассмеялся. — Но, как ни странно, легко забываемый.

Бутч какое-то время молчал. Потом сказал:

— Вот почему мне нравится Джейн.

— Да?

— Когда ты смотришь на нее. Ты видишь ее на самом деле, когда такое происходило с тобой в последний раз?

Ви приготовился, а затем пристально посмотрел Бутчу в глаза.

— Я видел тебя. Даже если это — неправильно. Я видел тебя.

Вот черт, его голос звучал грустно. Грустно и... одиноко. Ему сразу захотелось сменить тему.

Бутч хлопнул Ви по бедру, затем встал, будто точно знал, о чем сейчас думал Ви.

— Слушай, я не хочу, чтобы ты чувствовал себя плохо. Это все мой животный магнетизм. Я абсолютно неотразим.

— Вот нахал.

Ви улыбнулся, но улыбка быстро погасла.

— Не распаляй романтическую часть своей натуры насчет меня и Джейн, дружище. Она — человек.

Челюсть Бутча отвисла.

— Да ладно, серьезно? Это совершенно невозможное дерьмо! А я-то думал, что она овца.

Ви послал Бутчу взгляд из серии «да-пошел-ты-куда-подальше».

— Я ее не привлекаю. Ни в малой степени.

— Уверен в этом?

— Да.

— Ха. Ну, на твоём месте я бы проверил эту теорию, прежде чем отпускать ее, — Бутч запустил руку в волосы. — Послушай, я... черт.

— Что?

— Я рад, что ты рассказал мне. Всю эту хрень про секс.

— Ничего нового я тебе не поведал.

— Точно. Но как я понимаю, ты рассказал все это, потому что доверяешь моей заднице.

— Доверяю. А теперь неси ее обратно в Яму, Марисса скоро вернется домой.

— Ага, — Бутч подошел к двери, затем остановился и посмотрел через плечо. — Ви?

Ви поднял взгляд.

— Да?

— Думаю, ты должен знать, после всех этих разговоров... — Бутч серьезно покачал головой. — Мы все равно не встречаемся.

Оба разразились смехом, и коп, все продолжая ржать, скрылся в тренажерном зале.

— Что смешного? — спросила Джейн.

Ви обхватил себя руками и взглянул на нее, чертовски надеясь, что она не заметит, как тяжело ему было притворяться равнодушным.

— Просто мой приятель ведет себя как настоящая задница. Это его работа по жизни.

— Каждому нужна цель.

— Точно.

Она села на скамью напротив, и он поедал ее глазами, как будто всю жизнь провел в темноте, а она была его единственной свечой.

— Тебе опять нужно кормиться?

— Сомневаюсь. А что?

— Ты бледен.

Ну, это неудивительно, когда так щемит в груди.

— Я в порядке.

Последовало долгое молчание. Затем она произнесла.

— Я так волновалась.

Изнеможение в ее голосе заставило его ненадолго забыть о его одержимости, и заметить, что ее плечи были опущены, а под глазами залегли темные круги. Она была явно утомлена.

«Тебе придется ее отпустить», — подумал он. *Скоро.*

— Почему ты волновалась? — спросил он.

— Очень сложная область для лечения в полевых условиях. Но что было, то было, — она потерла лицо. — Ты был великолепен, кстати.

Его брови взлетели вверх.

— Спасибо.

Со стоном, она притянула колени к груди, как делала в спальне, в своем кресле.

— Меня беспокоит его зрение.

Боже, как ему хотелось погладить ее по спине.

— Да уж, хватит ему того повреждения, что у него уже имеется.

— У него уже есть что-то?

— Протез вместо ноги.

— Ви? Можно тебя на секунду?

Ви повернулся в сторону двери в тренажерный зал. Рейдж вернулся, он был одет в кожу.

— Привет, Голливуд, что стряслось?

Джейн выпрямилась.

— Я могу пойти в другую...

— Останься, — сказал Ви. Для нее это все было временно, поэтому не важно, что она услышит. Кроме того... часть его — сентиментальная часть, из-за которой он хотел, чтобы кто-нибудь разбил ему об голову бутылку — желала провести с ней как можно больше времени.

Она села на место. Ви кивнул брату.

— Говори.

Рейдж по очереди посмотрел на него и Джейн. Его бирюзовый взгляд был слишком пронизательным, как показалось Ви. Затем парень пожал плечами.

— Сегодня ночью я обнаружил изуродованного лессера.

— Каким образом изуродованного?

— Выпотрошен.

— Своими?

Рейдж бросил взгляд на дверь процедурной.

— Нет.

Ви посмотрел в том же направлении и нахмурился.

— Фьюри? О, да ладно, он не способен на выпендрож в стиле Клайва Баркера.⁸⁵ Наверное, просто была адская драка.

— Да его покروшили, Ви. Хирургические порезы по всему телу. И не похоже, что тварь проглотила ключи от тачки, и брат пытался их достать. Я думаю, что он сделал это без веской причины.

Ну... черт. В Братстве Фьюри слыл джентльменом, благородным бойцом, он был бойскаутом — у него все было по правилам. Он создал для себя множество стандартов, и честь на поле битвы была одним из них, даже если враги того не заслуживали.

— Не могу в это поверить, — пробормотал Ви. — Я имею в виду... твою мать.

Рейдж достал из кармана леденец, снял обертку и засунул в рот.

— Мне глубоко наплевать, если он желает рвать этих гавнюков на мелкие кусочки, как налоговые декларации. Меня волнует то, что движет таким его подобным поведением. Если он устраивает такую поножовщину, значит, какое-то расстройство достигло апогея. В довершение ко всему, если его покореженное лицо — это результат того, что он был занят, изображая Пилу II⁸⁶, тогда встает вопрос безопасности.

— Рофу уже сообщил?

— Пока нет. Сначала я планировал поговорить с Зи. Если, конечно, с Бэллой все будет хорошо. Сегодня ночью она у Хейверса.

— А... вот почему Фьюри такой, да? Если что-нибудь случится с этой женщиной или ребенком внутри нее, у нас будут проблемы с обоими братьями, это без сомнений.

Ви выругался про себя, вдруг подумав о всех беременностях, с которыми ему предстояло столкнуться в будущем. Твою мать. Это праэмэйловское дерьмо его угробит.

Рейдж вгрызся в леденец и покатал его за своей безупречной щекой.

— Фьюри стоит избавиться от своей одержимости ею.

Ви уставился в пол.

— Несомненно, будь он в силах, он бы уже сделал это.

— Слушай, я собираюсь найти Зи, — Рейдж вытащил белую палочку изо рта и завернул ее в фиолетовую обертку. — Вам двоим что-нибудь нужно?

Ви взглянул на Джейн. Взглядом она прилипла к Рейджу, оценивая его как врач, отмечая строение его тела, что-то мысленно просчитывая в голове. По крайней мере, Ви надеялся, что все было именно так. Голливуд был чертовски красивым парнем.

Клыки Ви предупреждающе увеличились, и он спросил сам себя, настанут ли времена, когда он снова обретет спокойствие и хладнокровность. Казалось, что теперь он ревновал Джейн ко всему, что носило штаны и находилось поблизости.

— Нет, у нас все в порядке, — сказал он брату. — Спасибо, дружище.

После того как Рейдж ушел и закрыл за собой дверь, Джейн заерзала на скамье и вытянула ноги. С идиотским удовлетворением он заметил, что сидели они в абсолютно одинаковых позах.

— Что такое — лессер? — спросила она.

Посмотрев на нее, он почувствовал себя лузером.

— Убийца — нежить, который пытается истребить мой вид.

— Нежить? — она приподняла брови, как будто ее мозг отказывался принять то, что она услышала, типа прибор никак не проходил контроль качества. — В смысле — нежить?

— Долгая история.

— У меня полно времени.

— Не особо. — Его совсем нет.

— Это оно тебя подстрелило?

— Да.

— И атаковало Фьюри?

— Да.

Последовала длинная пауза.

— Тогда я рада, что он порезал одного из них.

Брови Ви подскочили на лоб.

— Серьезно?

— Генетик во мне ненавидит истребление. Геноцид это... совершенно непростительно, — она встала и пошла к двери, чтобы взглянуть на Фьюри. — Ты убиваешь их? Лессеров?

— Для этого мы существуем. Мои братья и я, нас вывели для сражений.

— Вывели? — ее зеленый взгляд переместился на него. — В смысле?

— Генетик в тебе точно знает, что я имею в виду. — Слово Праймэйл пулей пронеслось у него в голове, и он закашлялся. Черт, можно подумать, он горел желанием поделиться своим будущим, в качестве жеребца для Избранных с женщиной, с которой он хотел быть на самом деле. Которая уходит. На закате.

— И здесь вы тренируете себе подобных?

— Ну, солдат, что смогут нас поддержать. Я и мои братья, мы немного другие.

— Как так?

— Я уже говорил, нас специально вывели как образец силы, выносливости и исцеления.

— Вывел кто?

— Еще одна долгая история.

— Расскажи, — когда он не ответил, она надавила. — Давай. Почему бы нам не поговорить об этом, меня на самом деле очень интересует ваш вид.

Не он. Его вид.

Он проглотил проклятье. Он так сходил по ней с ума, что был готов даже ногти покрасить.

Захотелось прикурить сигарету в руке, но не стал при ней этого делать.

— Обычное дело. Сильнейшие мужчины сходятся с умнейшими женщинами. Как результат получаются парни как я, самое лучшее средство для защиты расы.

— А женщины рождаются у таких пар?

— Они являлись основой духовной жизни вида.

— Являлись? То есть больше подобная селекция не проводится?

— Вообще-то... она как раз возобновляется. — Черт, ему жизненно необходимо покурить. — Прости, мне надо отлучиться.

— Куда ты идешь?

— В тренажерный зал, покурить.

Он сунул самокрутку между губами, вышел, и встал прямо за дверью в зал с оборудованием. Прислонившись к бетонной стене спортзала, он поставил бутылку Аквафины у ног и обхватил зажигалку поудобнее. Подумав о своей матери, он резко выдохнул струю дыма.

— Пуля была необычная.

Ви резко обернулся. Джейн стояла в дверях, руки на груди, ее светлые волосы в беспорядке, как будто она пропустила через них руку.

— Извини?

— Пуля, что ранила тебя. Они используют какое-то другое оружие?

Он выдохнул струю дыма в противоположном направлении, подальше от нее.

— Насколько необычная?

— Как правило, пуля имеет коническую форму, сужается от вершины под острым углом, если это ружье, или к более тупому, для пистолетов. В тебе же была округлая.

Ви еще раз затянулся сигаретой.

— Ты увидела это на рентгеновском снимке?

— Да, я хорошо ее рассмотрела. Пуля была слегка неровной по краям, но это, скорее всего, от столкновения с твоей грудной клеткой.

— Ну... Бог его знает, какие новые технологии используют лессеры. У них свои игрушки, у нас свои, — он посмотрел на кончик сигареты. — Раз уж мы об этом заговорили, должен сказать тебе спасибо.

— За что?

— За то, что спасла меня.

— Всегда пожалуйста. — Она усмехнулась. — Меня ввергло в шок твое сердце.

— Правда?

— Никогда не встречала ничего подобного, — она кивнула в сторону процедурной. — Я хочу остаться здесь с вами, парни, пока ваш брат идет на поправку, хорошо? У меня плохое предчувствие. Никак не могу понять... Он выглядит хорошо, но мои инстинкты вопят, а когда они ведут себя подобным образом, и я им не следую, то потом всегда об этом очень жалею. Кроме того, в любом случае, я не смогу вернуться к реальной жизни до утра понедельника.

Ви застыл с поднесенной к губам сигаретой.

— Что, — спросила она, — Это проблема?

— А... нет. Нисколько.

Она остается. Еще на какое-то время.

Он улыбнулся про себя. Возникло чувство, будто он выиграл в лотерею.

Джон, Блэй и Куин стояли в очереди перед ЗироСам, и Джон ощущал жуткий дискомфорт. Они ждали уже полтора часа, чтобы попасть в клуб, и повезло им лишь в том, что ночь была не настолько холодная, иначе они бы отморозили себе яйца.

— От ожидания здесь можно состариться, — Куин притопнул ногами. — И я не желаю быть тем неудачником, что цепляет одиноких баб, стоя в очереди.

Джон вынужден был признать, что парень сегодня выглядел отпадно: ансамбль черный на черном — рубашка с открытым воротником, брюки, ботинки, кожаная куртка — все одинаково черное. Его темные волосы и разноцветные глаза привлекали большое внимание человеческих женщин. Даже сейчас, две брюнетки и одна рыжая прогуливались вдоль очереди, и, проходя мимо Куина, чуть не свернули свои шейки. А он абсолютно бесстыдно уставился на них в ответ.

Блэй выругался.

— Чувак, собираешься устроить неприятности, да?

— Даже не сомневайся, — Куин поправил штаны. — Я умираю с голоду.

Блэй покачал головой, затем внимательно осмотрел улицу. Он уже сделал это несколько раз, его взгляд был пронизательным, а правая рука лежала в кармане пиджака. Джон знал, что у него в ладони: девятимиллиметровый. Блэй был вооружен.

Он сказал, что взял пистолет у своего двоюродного брата, но это был большой секрет. Иначе нельзя. Одно из правил учебной программы заключалось в том, что за пределами тренировочного центра запрещалось носить оружие. Это было хорошее правило, построенное на теории, что недостаток опыта — вещь опасная, и ученики не должны бросаться, как полоумные, на амбразуру, когда дело доходило до драки. Тем не менее, Блэй сказал, что он не собирается выбираться в город без куска металла при себе, и Джон решил сделать вид, что не знает, что это была за выпуклость у него в кармане.

И маленькая часть его подумала о том, что если вдруг они столкнутся с Лэшем, то может и к лучшему, что эта штука у них при себе.

— Привет, девочки, — сказал Куин, — Куда собрались?

Джон бросил быстрый взгляд в том же направлении. Две блондинки стояли перед Куином, глядя на него так, как будто его тело было автоматом с конфетами в кинотеатре, и они думали, с чего начать — с Милк Дадс⁸⁷ или Swedish Fish⁸⁸.

Та, что стояла справа, с волосами до задницы и юбкой размером с салфетку, улыбнулась. Ее зубы были настолько белыми, что блестели как жемчуг.

— Мы собирались в Скример, но... если ты остаешься здесь, то, возможно, мы поменяем наши планы.

— Давайте не будем все усложнять, присоединяйтесь к нам в очереди, — он поклонился, широко разводя руками перед собой.

Блондинка посмотрела на подругу, затем начала двигаться на манер Бетти Буп⁸⁹, покачивая бедрами и волосами. Жест был явно хорошо отрепетирован.

— Обожаю джентльменов.

— Я такой, до мозга костей. — Куин протянул руку, и когда Бетти взяла ее, притянул ее в очередь. Пара ребят нахмурилась, но их заткнул один взгляд Куина, что было вполне ожидаемо. Куин был выше и шире их, размером с пол-универсала.

— Это Блэй и Джон.

Девочки перевели взгляд на Блэя, который вспыхнул под цвет своих волос, затем их глаза бегло скользнули по Джону. Они коротко кивнули ему, и затем их внимание переключилось

обратно на его друзей.

Сунув руки в карманы позаимствованной ветровки, он подвинулся, освободив путь подруге Бетти, так, что теперь она была ближе к Блэю.

— Джон? Ты там нормально? — спросил Блэй.

Джон кивнул и посмотрел на своего друга, коротко подавая знак: «Просто зависаю».

— О мой Бог, — сказала Бетти.

Джон засунул руки обратно в карманы. Дерьмо, она, несомненно, заметила, что он использовал язык жестов, и это значит, что будет два варианта: либо она сочтет это привлекательным. Либо ей станет его жалко.

— У тебя такие клевые часы!

— Спасибо, детка, — сказал Куин. — Недавно приобрел. Урбан Аутфиттерз⁹⁰.

Ах да. Она даже не заметила Джона.

Через двадцать минут они, наконец, достигли входа в клуб, и чтобы Джона пропустили, должно было случиться что-то вроде чуда. Вышибалы в дверях проверили его удостоверение личности всеми возможными способами, разве что без протонового микроскопа, затем они закивали, когда подошел третий бугай. Тот бросил один взгляд на Блэя и Куина, и пропустили всех троих.

Всего два шага от двери и Джон решил, что ему не нравится обстановка. Повсюду были люди и столько обнаженных тел, будто действие происходило на пляже. И что, та парочка вон там... черт, это его рука у нее под юбкой?

Нет, это была рука другого парня, что стоял позади нее. Совсем не того, с кем она целовалась.

Отовсюду гремело техно, в воздухе отдавались резкие биты, стояла духота от запаха пота, духов и еще чего-то мускусного, похожего на запах секса. Лазерные лучи прорезали полумрак, очевидно целясь прямо ему в глаза, и куда бы он ни смотрел — они его находили.

Он пожалел, что у него не было с собой солнечных очков и затычек для ушей.

Он снова взглянул на пару — эээ, троицу. Он не был уверен, но казалось, что она запустила руки в штаны обоим парням.

И повязка на глаза ему бы тоже пригодилась.

Во главе с Куином, все пятеро прошли в зону, огороженную веревкой, которую охраняли вышибалы размером с автомобиль. По другую сторону этих глыб мяса, отгороженные от всякого людского мусора стеной падающей воды, в кожаных кабинках сидели шикарные люди, одетые в дизайнерские шмотки, и потягивали ликер, название которого Джон, однозначно, не мог даже выговорить.

Куин, прямо как почтовый голубь, направился вглубь клуба, выбирая место у стены, с хорошим видом на танцпол и с легким доступом к бару. Заказал выпивку дамам и Блэю, а Джон только покачал головой. Не та обстановка, чтобы терять над собой контроль.

Все это напомнило ему о том времени, когда он еще не жил с Братством. Когда он был в мире совсем один и чувствовал себя таким маленьким по сравнению с тем, что окружало, и, Боже, здесь было то же самое. Все были выше его, толпа нависала над ним, даже женщины. И это будило все его инстинкты. Если у тебя не хватало физических ресурсов, чтобы защитить себя, приходится полагаться на другие чувства: две ноги и проворная задница — вот стратегия, которая всегда его спасала.

Всегда, но не сегодня.

— Боже... ты такой твердый, — пока Куин отсутствовал, девушки обхаживали Блэя, особенно Бетти, которая видимо, принимала его за столбик для поглаживания.

Блэй явно был не в игре, потому что от него не последовало ответной реакции. Но и

отпивать их он не собирался, позволяя рукам Бетти гулять там, где ей хотелось.

Куин вернулся из бара под звуки ударных. Господи, он чувствовал себя абсолютно непринужденно и был здесь к месту — по две бутылки Короны в каждой руке, а взгляд прикован к девушкам. Он двигался так, будто только что занимался сексом, его бедра покачивались при каждом шаге, плечи перекачивались как у человека, у которого все части тела были в рабочем состоянии и готовы к использованию в любую минуту.

Господи, и девушки заглотили эту наживку, их глаза горели, когда он шел к ним сквозь толпу.

— Дамы, за мои старания вы должны мне чаевые, — он передал одну бутылку пива Блэю, сделал большой глоток из второй, держа над головой две другие. — Дайте мне хотя бы немного того, что я хочу.

Бетти была готова ко всему, положив обе руки ему на грудь и потянувшись к его лицу. Куин немного наклонил голову, но это ей не очень подсобило. И это только заставило ее быть еще старательнее. Когда их губы встретились, на лице Куина расцвела улыбка... и он протянул руку, чтобы придвинуть к себе ее подружку. Бетти ни в малейшей степени не возражала, и помогла вовлечь в процесс вторую девушку.

— Давайте пройдем в комнату отдыха, — прошептала Бетти.

Куин оторвался от Бетти и подарил французский поцелуй ее подруге.

— Блэй? Не хочешь к нам присоединиться?

Блэй запрокинул бутылку с пивом и тяжело сглотнул.

— Неа, я, пожалуй, потусуюсь здесь. Просто хочу остыть.

Его глаза выдали блеф, когда он на долю секунды скользнул взглядом по Джону.

Что привело Джона в бешенство: *«Мне не нужна нянька»*.

— Я знаю, дружище.

Девочки, словно занавески висели на плечах Куина, и, хмурясь, смотрели на Джона как на истерика, убивающего все веселье. И они определенно выглядели взбешенными, когда Куин стал от них отступать.

Джон пригвоздил друга жестким взглядом: *«Даже не смейте думать, вашу мать, о том, чтобы прекратить это. Иначе я больше никогда не буду с вами разговаривать»*.

Бетти склонила голову, ее светлые волосы скользнули по руке Куина.

— Что случилось?

Джон показал жестами: *«Скажи ей, что все в порядке, и иди перепихнись. Я, блин, не шучу, Куин»*.

Куин отжестикнул ему в ответ: *«Не хочу оставлять тебя»*.

— Что-нибудь случилось? — прошептала Бетти.

«Если ты не пойдешь, я уйду. Я уйду из клуба, Куин. Реально».

Куин быстро прикрыл глаза. И до того, как Бетти опять задала им один и тот же вопрос, сказал:

— Пойдемте дамы. Мы сейчас вернемся.

Тогда Куин развернулся, и девочки, покачиваясь, ушли вместе с ним, Джон просигналил: *«Блэй, иди перепихнись. Я буду ждать здесь»*.

Когда его друг не ответил, он вздохнул: *«Блэй? Тащи туда свою задницу»*.

Он замялся на минуту.

— Я не могу.

«Почему?»

— Потому что... я обещал, что не оставлю тебя одного.

Джон похолодел. *«Обещал кому?»*

Щеки Блейлока покраснели, как сигнал светофора.

— Зейдисту. Сразу после того, как я прошел превращение, он отвел меня в сторону после занятий и сказал, что если мы пойдем с тобой куда-нибудь... Ну, ты понял.

Гнев наполнил голову Джона так, что даже загудел череп.

— Это пока ты не пройдешь изменение, Джон.

Джон покачал головой, потому что единственное что остается, когда у тебя нет голоса, а ты хочешь орать. Боль опять застучала где-то за глазами яблоками.

«Знаешь что», — показал он знаками: «Если так волнуешься обо мне, отдай мне пистолет».

В этот момент мимо прошла горячая брюнетка, одетая в открытое бюстье и обтягивающие брюки, которые смотрелись так, будто их нанесли на нее шпательной лопаткой. Взгляд Блэя зафиксировался на ней, и воздух вокруг него изменился, его тело выбросило заряд тепла.

«Блэй, что может здесь со мной случиться? Даже если припрется Лэш...»

— Ему запрещено появляться в этом клубе. Вот почему я хотел придти именно сюда.

«Как ты... дай мне догадаться — Зейдист. Это он тебе сказал, что мы можем приходить только сюда?»

— Возможно.

«Дай мне пистолет. Живо».

Брюнетка приземлилась за барной стойкой и бросила взгляд через плечо. Прямо на Блэя.

«Ты не бросаешь меня одного. Мы оба здесь, в клубе. И я реально начинаю выходить из себя».

Последовала пауза. Затем пистолет перешел из рук в руки, и Блэй прикончил свое пиво так, как будто чертовски нервничал.

«Удачи», — показал жестами Джон.

— Черт, я сам не понимаю, что делаю. Я даже не уверен, что этого хочу.

«Хочешь. И прекрасно это понимаешь. А теперь иди, пока она себе не нашла кого-нибудь другого».

Джон, наконец, остался один, он облокотился на стену и скрестил свои маленькие лодыжки. Оглядывая толпу, он завидовал им.

Внезапно он услышал, как кто-то зовет его по имени, и его накрыл шок оттого, что кто-то здесь знает его. Он обвел взглядом окружающее пытаясь выяснить, могли ли это быть Блэй или Куин. Нет. Куина и блондинок поблизости не было, а Блэй осторожно навалился на брюнетку всем телом.

Но он был уверен, что кто-то его звал.

Джон внимательно всматривался, сосредоточившись на толпе. Кругом было полно людей, но никого в непосредственной близости, и ему уже стало казаться, что он просто бредит, когда он увидел незнакомку, которую стопроцентно никогда не встречал раньше.

Женщина стояла в тени в конце бара, освещаемая розово-голубым свечением, отражающимся от бутылок с алкоголем. Высокая и по-мужски крепко сложенная, с коротко стриженными темными волосами и с «не-вздумай-шутить-со-мной» выражением лица, которое свидетельствовало, что злить ее было бы очень рискованно. Ее глаза, светящиеся смертельно опасным умом, были по-военному серьезны... и смотрели прямо на него.

Его тело накрыла странная слабость, как будто кто-то начал полировать его кожу до блеска, мягкой протирочной тряпочкой: воздух вышибло из легких, голова закружилась, он покраснел, но, по крайней мере, сразу забыл о своей головной боли.

Господь всемогущий, она направлялась к нему.

Ее походка была властной и уверенной, будто она преследовала добычу, и мужчины на ее

пути, которые весили вдвое больше, разбегались как мыши. Когда она подошла, Джон завозился со своей ветровкой, пытаясь придать себе более мужественный вид. Что было смешно.

У нее был низкий голос.

— Я ответственная за безопасность в этом клубе, и прошу тебя прямо сейчас пройти со мной.

Она взяла его за руку и, не дожидаясь ответа, повела в темный коридор. Прежде, чем он понял, что происходит, она втолкнула его куда-то, что явно являлось комнатой для допросов. Затем прижала его к стене, как «Вельветовый Элвис»⁹¹.

Он задохнулся, когда она взяла его рукой за горло и начала обыскивать. Ее движения были быстрыми и равнодушными, руки прошли по его груди, спустились к бедрам.

Джон закрыл глаза, его трясло. Срань Господня, вот кайф. Он был совершенно уверен, что если бы был способен на эрекцию, то сейчас его член был бы твердым, как молот.

И тут он вспомнил, что немаркированный пистолет Блэя сейчас лежал в кармане позаимствованных штанов.

Дерьмо.

Джейн села на скамейку в комнате с оборудованием тренировочного комплекса, с этого места она могла видеть парня, которого оперировала. Она ждала, когда Ви докурит свою сигарету, и слабый аромат его экзотического табака щекотал ей нос.

Боже, этот сон с ним. То, как его рука двигалась у нее между...

Ей стало больно, она скрестила ноги и сжала их вместе.

— Джейн?

Она прокашлялась.

— Да?

Его низкий голос просочился через открытую дверь, он чувственно растягивал слова.

— О чем ты думаешь, Джейн?

Ну конечно, так она и рассказала ему, о чем она только что фантазировала.

Погодите минутку.

— Ты уже знаешь, не так ли?

Он промолчал, она нахмурилась.

— Это был сон или ты...

Ответа не последовало.

Она наклонилась вперед, пока не увидела его за косяком двери. Он выдохнул дым, затушив окурок в бутылке с водой.

— Что ты со мной сделал? — требовательно спросила она.

Он крепче закрутил крышку, мышцы рук перекачивались под кожей.

— Ничего такого, чего бы ты не хотела.

Хотя он не смотрел на нее, она ткнула в него пальцем, как пистолетом.

— Я же сказала, держись подальше от моей головы.

Его глаза встретились с ее. Господи... они горели как звезды, обжигали, как горячее солнце. В тот момент, когда его взгляд коснулся ее лица, ее возбуждение расцвело, рот широко раскрылся, готовый кусить его.

— Нет, — сказала она, хотя она не понимала, почему это ее так беспокоит. Ее тело говорило само за себя, и он чертовски хорошо знал об этом.

Губы Ви раздвинулись в жесткой улыбке, и он глубоко вдохнул.

— Мне нравится твой запах. Он заставляет меня хотеть совершить большее, чем просто влезть в твою голову.

Хорошоооооо, значит, ему нравятся не только мужчины, но и женщины.

Внезапно его лицо помрачнело.

— Но не переживай. Я не пойду дальше.

— Почему нет? — как только вопрос сорвался с ее губ, она выругалась про себя. Если ты говоришь мужчине, что не хочешь его, а потом он говорит тебе, что не будет заниматься с тобой сексом, то, как правило, твоя реакция на это не должна иметь ничего общего с протестом.

Ви наклонился сквозь дверной проем и бросил бутылку воды через всю комнату. Она приземлилась прямо в мусорное ведро с громким треском, как будто с большим облегчением вернулась из командировки.

— Со мной тебе бы не понравилось. Точно.

Он так ошибался.

Заткнись.

— Почему?

Черт побери. Во имя Господа, что она такое говорит?

— Тебе просто не понравится делать это со мной реальным. Но я рад тому, что случилось, когда ты спала. Ты совершенство, Джейн.

Ей хотелось, чтобы он прекратил звать ее по имени. Каждый раз, когда оно срывалось с его губ, она чувствовала, как он заманивает ее, будто проносит ее сквозь незнакомые воды, пойманную в сеть, заставляя метаться, пока не поранит себя.

— Почему бы мне это не понравилось?

Его грудь расширилась, она знала, что он чувствовал запах ее возбуждения.

— Потому что я люблю контроль, Джейн. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, не понимаю.

Он повернулся к ней, заполнив собой дверной проем, и ее взгляд, вот предатель, уперся прямо в его бедра. Твою мать, у него была эрекция. Он был полностью возбужден. Она видела, как эта большая часть его тела выпирала из его фланелевых пижамных штанов.

Она покачнулась, хоть и сидела.

— Ты знаешь, что такое Дом? — спросил он низким голосом.

— Дом... как в...

Ого.

— Сексуальное доминирование?

Он кивнул.

— Таков секс со мной.

Губы Джейн разомкнулись, и ей пришлось отвести взгляд. А иначе бы она сгорела от желания. У нее не было опыта в подобном, альтернативном образе жизни. Черт, да у нее для регулярного секса не хватало времени, что уж там говорить об экспериментах.

Проклятье, но опасный и дикий секс с ним казался сейчас чертовски привлекательным. Скорее всего, лишь потому, что по всем возможным причинам, это не была реальная жизнь, хотя и не сон тоже.

— И что ты делаешь? — спросила она. — Я имею в виду... ты связываешь их?

— Да.

Ей хотелось, чтобы он продолжал. Он этого не сделал, и она прошептала.

— Еще что-нибудь?

— Да.

— Расскажи мне.

— Нет.

Значит, была вовлечена боль, подумала она. Он причиняет им боль, прежде чем трахнуть. Вероятно, во время самого процесса тоже. И все же... она вспомнила, с какой нежностью он держал Рэд Сокса в своих руках. Может, с мужчинами он был другим?

Потрясающе. Бисексуальный, доминирующий вампир, с опытом похищения людей. Господи, она не должна была испытывать чувства, подобные тем, что у нее были сейчас, по многим причинам.

Джейн прикрыла лицо руками, но, к сожалению, это просто помогло не видеть его. Не было спасения оттого, что происходило в ее голове. Она... хотела его.

— Проклятье, — пробормотала она.

— Что случилось?

— Ничего. — Господи, она была такая лгунья.

— Лгунья.

Отлично, он тоже это знал.

— Я не хочу чувствовать то, что чувствую сейчас, понятно?

Последовала долгая пауза.

— А что ты чувствуешь, Джейн?

Когда она сказала, что ничего, он тихо прошептал:

— Тебе не нравится, что ты хочешь меня, не так ли? Потому что я извращенец?

— Да.

Слово выскочило у нее изо рта, хотя было не совсем правдой. Если бы она была честна сама с собой, проблема была бы серьезней... она всегда гордилась своим интеллектом. Разум возобладал над эмоциями, и логика всегда управляла ее решениями, она никогда ее не подводила. И вот теперь она здесь, жаждет того, от чего ее инстинкты советовали держаться подальше, как можно дальше.

Затем последовало долгое молчание, она уронила руки и посмотрела на дверь. Он больше не стоял в проходе, но она чувствовала, что он где-то недалеко. Она опять наклонилась вперед и увидела его. Он стоял возле стены, уставившись на голубые маты тренировочного зала, как будто смотрел на море.

— Прости, — сказала она. — Я не это имела в виду.

— Да, именно это. Но все нормально. Я тот, кто я есть. — Его обтянутая перчаткой рука сжалась. Она почувствовала, что этот жест был бессознательным.

— Правда заключается в том... — когда она не продолжила, он приподнял бровь, хотя не смотрел на нее. Она откашлялась. — Дело в том, что самосохранение, вещь очень хорошая, и именно она должна диктовать мою реакцию.

— Но этого не происходит?

— Не... всегда. С тобой, не всегда.

Он слегка улыбнулся.

— Тогда впервые в жизни я рад, что я отличаюсь от других.

— Я боюсь.

Он вмиг стал серьезным, его бриллиантовые глаза встретились с ее взглядом.

— Не надо. Я не причиню тебе вреда. И никому не позволю.

На долю секунды ее защита пала.

— Обещаешь? — хрипло спросила она.

Он положил руку в перчатке на сердце, которое она вылечила, и проговорил красивый поток слов, который она не поняла. Затем перевел:

— Честью своей и кровью в своих венах, я клянусь тебе.

Ее взгляд переместился с него и, неудачно остановился на стойке с нунчаки⁹². Оружие висело на кольшках, их черные рукоятки были похожи на руки, а цепи на плечи, будто готовые нанести смертельный ущерб.

— Я никогда в жизни не была так напугана.

— Черт... прости меня, Джейн. Я сожалею, что так вышло. Я отпущу тебя. На самом деле, ты можешь уйти в любой момент. Просто скажи, и я отвезу тебя домой.

Она взглянула на него, всматриваясь в лицо. Вокруг его эспаньолки отросла щетина, она покрывала челюсть и скулы, от чего он выглядел еще более зловещим. Учитывая татуировку вокруг глаза и его огромные размеры, повстречай она его в темном переулке, удрала бы в ужасе, даже не зная, что он вампир.

Но вот она здесь, и доверяет ему свою безопасность.

Были ли ее чувства настоящими? Или все-таки она погрязла в Стокгольмском синдроме?

Она прошлась взглядом по его широкой груди и крепким бедрам, длинным ногам. Боже, чем бы он ни был, она до безумия его хотела.

Он испустил тихое рычание.

— Джейн...

— Черт.

Он тоже выругался, а затем прикурил еще одну сигарету. Выдохнув, он произнес:

— Есть еще одна причина, по которой я не могу быть с тобой.

— Какая?

— Я кусаюсь, Джейн. И я не смогу сдержаться. Не с тобой.

Пришло воспоминание из ее сна, как его клыки прошлись по ее шее, слегка царапая. Ее тело затопил жар, несмотря на то, что она не понимала, как такое возможно?

Ви отступил к дверям, держа сигарету в руке, обтянутой перчаткой. Завитки дыма поднимались с кончика сигареты, тонкие и изящные, как женские волосы.

Не отрываясь, они смотрели друг на друга, он свободной рукой прошелся по своей груди, ниже, опустил ее на свою тяжелую, большую эрекцию, выступающую под тонкой тканью фланелевых пижамных штанов. Когда он накрыл себя ладонью, Джейн сглотнула, чистая похоть ударила ее, поражая так сильно, что она чуть не свалилась со скамейки.

— Если ты позволишь мне, — сказал он спокойно. — Я найду тебя в твоих снах. Я найду тебя и закончу то, что начал. Тебе бы хотелось этого, Джейн? Хотела бы ты кончить для меня?

Из процедурной послышался стон.

Джейн споткнулась, когда встала со скамейки, и направилась проверять своего нового пациента. Ее побег был очевидным, но все равно — она сошла с ума, и не было причины заботиться сейчас о своей гордости.

На каталке, Фьюри корчился от боли, повязка съехала в сторону.

— Эй... полегче, — она положила ладонь ему на руку, пытаясь его остановить. — Полегче. С тобой все в порядке.

Она гладила его по плечу и говорила с ним, пока он не перестал дрожать.

— Бэлла... — проговорил он.

Прекрасно понимая, что Ви где-то поблизости, она спросила.

— Это его жена?

— Жена его близнеца.

— О.

— Вот именно.

Джейн взяла стетоскоп и прибор для измерения кровяного давления и быстро проверила его

жизненные показатели.

— У вашего вида обычно низкое кровяное давление?

— Да. Как и сердечный ритм.

Она опустила ладонь на лоб Фьюри.

— Он горячий. Но ваша обычная температура выше нашей, так?

— Да.

Она пропустила пальцы сквозь его разноцветные волосы, пробегаясь сквозь густые волны, разглаживая их. Они были измазаны каким-то черным маслянистым веществом...

— Не прикасайся к этому.

Она отдернула руку.

— Почему? Что это?

— Кровь моих врагов. Не хочу, чтобы она была на тебе.

Он подошел, взял ее за руку и повел к раковине.

И хотя это было против ее природы, она стояла спокойно и послушно, как ребенок, пока он намазывал и промывал ей руки. Она чувствовала, как его голая ладонь и та, что была в кожаной перчатке, скользят по ее пальцам... а пена делает движения скользящими... тепло просачивается через его руки в нее, лишая ее рассудка.

— Да, — сказала она, опустив глаза вниз, наблюдая за его движениями.

— Да, что?

— Приди ко мне снова, во сне.

Как начальница службы безопасности ЗироСам, Хекс терпеть не могла, когда в ее вотчину приносили оружие, но особенно она не любила мелких панков, помешанных на металле, которые бегают туда-сюда, вооруженные по самые яйца.

Вот так и случаются звонки в 911. А она ненавидела иметь дело с отделением полиции Колдвелла.

Поэтому сейчас, она без всяких объяснений, грубо обыскивала этот маленький кусок дерьма, пока не нашла оружие, которое ему передал рыжий, что стоял рядом. Изъяв девятимиллиметровый из штанов малыша, она вытащила обойму и бросила Глок на стол. Пули положила в карман кожаных штанов, потом отыскала его удостоверение личности. Обыскивая его, она почувствовала, что он был одного с ней вида, и это, почему-то, завело ее еще больше.

Да не важно, почему она завелась. Люди тоже бывали безнадежно тупы.

Она развернула его, толкнула по направлению к стулу, надавив на плечо, заставила сесть, и открыла его бумажник. В водительском удостоверении значилось имя Джон Мэтью, возраст двадцать три года. Адрес был обычный: спальня район города, но она могла поклясться, что он никогда там не бывал.

— Я вижу, что написано в твоём удостоверении личности, но скажи мне, кто ты на самом деле? Кто твоя семья?

Он пару раз открыл рот, но не издал ни звука, ясно, что он был до чертиков испуган. Не удивительно. Судя по тощей грудной клетке, он был всего лишь маленьким претрансом, его блестящие синие глаза, большие, как баскетбольные мячи, выделялись на бледном лице.

О да, он был крут, это точно. Щелк, щелк, бах, бах, и прочее гангстерское дерьмо. Христос, как она устала от подобных позеров. Может быть, пришло время немного поработать на себя, вернуться к тому, что получалось у нее лучше всего. В конце концов, наемные убийцы всегда востребованы в определенных кругах. И так как она была наполовину Симпат, то всегда получала удовлетворение от подобной работы.

— Говори, — сказала она, бросив бумажник на стол. — Я знаю, что ты. Кто твои родители?

Теперь казалось, что он реально удивился, хотя это нисколько не помогло его голосовым связкам. После того, как у него прошел первоначальный шок, все, что он сделал, это просто сложил свои руки на груди.

— Не играй со мной. Если в тебе есть хоть немного от мужика, нет причины вести себя, как трус. Или ты такой и есть, и только пушка делает тебя мужчиной?

Его рот медленно закрылся, и руки упали на колени. Он казался уязвленным, с опущенными глазами и ссутулившимися плечами.

Молчание затянулось, она скрестила руки на груди.

— Послушай, малыш, у меня есть целая ночь и я могу быть конкретной сукой, если сконцентрируюсь. Так что ты можешь изображать из себя болванчика сколько угодно. Я никуда не уйду, так же как и ты.

Наушник Хекс ожил, и когда вышибала из бара замолчал, она сказала:

— Хорошо, веди его сюда.

Через долю секунды раздался стук в дверь, когда она ответила, вошел ее подчиненный, ведя перед собой рыжего вампира, который передал ребенку пистолет.

— Спасибо, Мак.

— Без проблем, босс. Я возвращаюсь в бар.

Она закрыла дверь и уставилась на рыжего. Он прошел превращение, но не до конца: он вел

себя так, как будто не мог приноровиться к своему настоящему размеру.

Он запустил руку во внутренний карман своего блейзера, и она сказала:

— Вытащишь что-либо, кроме своего удостоверения личности, и я лично отправлю тебя на носилки.

Он остановился.

— Это его удостоверение.

— Он свое мне уже показал.

— Но не настоящее, — парень протянул руку. — Настоящее вот.

Хекс взяла ламинированную карточку и пробежала глазами по буквам на Древнем Языке, что были выписаны под фотографией. Затем взглянула на мальчишку. Он отказывался встречаться с ней глазами, просто сидел, обняв себя руками, выглядя так, будто мечтал раствориться в этом кресле.

— Черт. Мне сказали, что я должен буду и его тоже предъявить, — сказал рыжий. Он передал толстый лист бумаги, который был сложен квадратом и опечатан черным воском. Когда она увидела эмблему, то снова выругалась.

Королевский герб.

Она прочла чертово письмо. Дважды.

— Не возражаешь, если я оставлю его у себя, Рыжий?

— Не возражаю. Пожалуйста.

Свернув бумагу, она спросила:

— Где твое удостоверение?

— Вот.

Еще одна ламинированная карта легла ей в руки.

Она проверила его, отдала обе карты обратно.

— В следующий раз, когда придете сюда, не стойте в очереди. Подойдете к охране и назовете мое имя. Я выйду и проведу вас.

Она взяла пистолет.

— Это твой или его?

— Мой. Но думаю, пусть лучше он будет у него. Он стрелок лучше, чем я.

Она вставила обойму обратно и щелкнула прикладом, протянула его молчащему парнишке дулом вниз. Его руки не тряслись, когда он взял его, но вещь выглядела слишком большой для него.

— Не используй его кроме как для самозащиты. Ясно?

Парень кивнул один раз, оторвал от кресла задницу, и опустил пушку в тот карман, из которого она ее достала.

Черт подери. Это был не простой претранс. Судя по его удостоверению, перед ней стоял Террор, сын воина Братства Черного Кинжала, по имени Дариус. И значит, она должна была внимательно следить, чтобы с ним ничего не произошло, пока он под ее присмотром. Последнее, что было нужно ей и Риву, так это чтобы парень попал в переделку здесь, в ЗироСам.

Превосходно. Она словно должна была охранять хрустальную вазу в комнате, полной игроков в регби.

И ко всему прочему, он был немым.

Она покачала головой.

— Ну, Блэйлок, сын Рока⁹³, присматривай за ним. И мы тоже присмотрим.

Рыжий кивнул, а парнишка все-таки поднял на нее свое лицо, и по какой-то причине взгляд его блестящих синих глаз заставил ее почувствовать себя некомфортно. Господи... он был стар. В его глазах отражалась вечность, и это ошеломило ее.

Прокашлявшись, она развернулась и пошла к двери. Когда она открыла ее, рыжий заговорил: — Подожди, как тебя зовут?

— Хекс. Произнеси его где-нибудь в этом клубе, и я найду тебя в одно мгновение. Это моя работа.

Когда дверь закрылась, Джон решил, что унижение было похоже на мороженое: у него множество вкусовых оттенков, оно охлаждает, и от него жжет горло.

Ага, давайте поговорим о Рокки Роуд⁹⁴. А то у него было такое чувство, будто он подавился дерьмом.

Трус. Боже, неужели это было настолько очевидно? Она даже не знала его, но сразу поняла, что он из себя представляет. Он был трусом. Жалким безголосым трусом, за смерть которого не отомстят, и чьему телу не позавидовал бы и десятилетний ребенок.

Блэй переминался с ноги на ногу с тихим шорохом, который казался таким громким, как будто в комнате кто-то визжал.

— Джон? Хочешь поехать домой?

О, прекрасно. Как будто он был пятилетним ребенком, который засыпал на взрослой вечеринке.

Ярость нахлынула, как гром, и Джон почувствовал, как эта знакомая тяжесть придавила его к полу, наполнила его энергией. О, господи, он хорошо знал это ощущение. С этим бешенством он уложил Лэша на спину. Эта злоба заставила Джона бить парня по лицу, пока оно не превратилось в кровавое месиво.

Каким-то чудом, парочка нейронов в голове Джона, которые все еще работали рационально, отметили, что лучше всего для него сейчас было пойти домой. Если он останется здесь, в этом клубе, он будет проигрывать в голове слова, что сказала та женщина снова и снова, пока не сойдет с ума от бешенства и не сделает что-то действительно глупое.

— Джон? Пошли домой.

Твою мать. Это должна была быть важная ночь для Блэя. Вместо этого кое-кто по полной программе запорол ему веселье. *«Я позвоню Фритцу. Ты останешься тут, с Куином.»*

— Нет. Мы поедем вместе.

Вдруг Джон захотелось плакать. *«Что, черт возьми, было на том листе бумаги? Том, который ты дал ей?»*

Блэй вспыхнул.

— Его дал мне Зейдист. Он сказал, что если мы вдруг попадем в переделку, я должен его показать.

«Так что это было?»

— Зи сказал, что его подготовил Роф, как король. Что-то по поводу того, что он твой хранитель.

«Почему ты не сказал мне?»

— Зейдист сказал, что я должен предъявить эту бумагу только в случае острой необходимости. И тебе тоже.

Джон поднялся со стула и поправил одежду, которую одолжил у друзей. *«Слушай, я хочу, чтобы ты остался здесь, потрахался и хорошо провел время...»*

— Мы пришли сюда вместе. Мы уйдем отсюда вместе.

Джон посмотрел на своего друга. *«Если Зи приказал тебе нянчиться со мной...»*

И впервые, за то время что они с Джоном знали друг друга, лицо Блэя стало жестким.

— Да пошел ты... я бы поступил так в любом случае. И прежде чем ты продолжишь пороть чушь, я хотел бы отметить, что поменяйся мы ролями, ты бы поступил точно также как я, черт тебя подери. Признай это. В точности также, твою мать. Мы же друзья. Мы должны

поддерживать друг друга и точка. А теперь прекрати нести ахинею.

Джону захотелось пнуть стул, на котором он сидел. И он почти сделал это.

Вместо этого, он показал жестами: «Дерьмо».

Блэй достал Блэкберри и стал набирать.

— Я просто скажу Куину, что вернусь за ним позднее, и заберу его, когда ему захочется.

Джон ждал и на какой-то момент представил, чем сейчас занимался Куин где-то в кулуарах, с одной или двумя человеческими женщинами. Хотя бы он хорошо проводил ночь.

— Эй, Куин? Да, я и Джон, мы идем домой. Что? Нет, все здорово. У нас произошла небольшая стычка со службой безопасности... Нет, тебе не обязательно... Нет, все в порядке. На самом деле. Куин, ты не должен останавливаться... — Алло? — Блэй посмотрел на телефон. — Он встретит нас у главного входа.

Они оба покинули маленькую комнатку и стали просачиваться между горячими и потными человеческими телами, пока Джон не почувствовал бешеную клаустрофобию — как будто его похоронили заживо, а его легкие забивала грязь.

Когда они наконец-то добрались до двери, Куин уже ждал их там, с левой стороны, вдоль черной стены. Его волосы были взлохмачены, подол рубашки выправлен, губы были красные и слегка припухшие. Подойдя ближе, они почувствовали, что от него пахло духами.

Двумя разными ароматами.

— Ты в порядке? — спросил он Джона.

Джон не ответил. Он не выносил самой мысли о том, что испортил всем ночь, и поэтому молча пошел на выход. Пока опять не почувствовал тот странный зов.

Он остановился, рука застыла на дверной ручке, и посмотрел через плечо. Начальница службы безопасности была там, она смотрела на него своими умными глазами. Она опять стояла в тени, он понял, что ее всегда устраивали подобные места.

Места, которые она всегда могла использовать как преимущество.

Его тело дрожало с головы до пят, ему жутко хотелось врезать кулаком по стене, по двери, по чьей-нибудь челюсти. Но он знал, что это не принесет ему желанного облегчения. Он сомневался, что у него хватило бы сил пробить дыру в газетной спортивной колонке.

И осознание этого еще больше вывело его из себя.

Он повернулся к ней спиной и вышел в холодную ночь. Как только Блэй и Куин присоединились к нему на улице, он показал: *«Я прогуляюсь немного. Вы можете пойти со мной, если хотите, но вы не посмеете отговорить меня от этого. Ничто не заставит меня сесть в машину прямо сейчас и поехать домой, понятно?»*

Друзья кивнули и последовали за ним, держась чуть позади. Ясное дело, они понимали, что он едва себя сдерживает, и что сейчас ему требовалось пространство.

Пока они шли по Десятой улице, он слышал, как они тихо переговаривались, шептались о нем, но ему было по хрену. Он превратился в комок гнева. И ничего больше.

Верный своей слабой природе, его марш независимости не продлился долго. Чертовски быстро мартовский ветер проник под одежду, которую он одолжил у Блэя, а головная боль стала настолько сильна, что ему пришлось стиснуть зубы. Он представил, как ведет друзей до Колдвеллского моста и дальше, и его гнев был настолько силен, что ему хотелось измотать их до такой степени, что они начнут умолять его прекратить эту ходьбу, пока не настал рассвет.

Но, естественно, его производительность была значительно ниже его ожиданий.

Он остановился. *«Пора возвращаться».*

— Как скажешь, Джон. — Разноцветные глаза Куина были до невозможности добры.

Они направились обратно к машине, которая была припаркована на открытой площадке в двух кварталах от клуба. Когда они завернули за угол, он обратил внимание, что рядом шло

строительство, стройку закрыли на ночь, брезент хлопал на ветру, тяжелое оборудование спало крепким сном. Это место показалось Джону таким пустынным.

С другой стороны, он бы мог купаться в солнечных лучах на ромашковом поле, но видеть одни тени. Хуже ночь стать уже не могла. Ни. За. Что.

Они были в пятидесяти ярдах от машины, когда легкий ветер принес запах детской присыпки. Из-за экскаватора появился лессер.

Фьюри очнулся, но не мог пошевелиться. Логично. Казалось, одна половина лица была обожжена. После пары глубоких вдохов он поднял руку к очагу пульсирующей боли. Лоб и щеки были забинтованы. Он, должно быть, выглядел как дополнение к аппарату реанимации.

Он медленно сел, и голова запульсировала, как будто ему в нос затолкали велосипедный насос, и кто-то с силой орудовал этой дрянью.

Потрясное ощущение.

Свесив ноги с каталки, он подумал о силе гравитации, размышляя: хватит ли у него силы противостоять ей? Решив рискнуть, он... хм, кто бы мог предположить... ему удалось доковылять до двери.

Две пары глаз тут же метнулись к нему: одна — ярко-бриллиантовая, другая — темно-зеленая.

— Привет, — произнес он.

К нему подошла женщина Вишеса, окинула пристальным докторским взглядом.

— Боже! Я не могу поверить, насколько быстро ты выздоравливаешь. Ты должен быть без сознания, а никак не в вертикальном положении.

— Желаешь проверить свою работу? — Когда она кивнула, он сел на скамейку, и она осторожно сняла повязку. Вздвогнув, он взглянул из-за нее на Вишеса. — Ты уже сказал Зи об этом?

Брат тряхнул головой:

— Не видел его, Рейдж пытается ему дозвониться, но телефон отключен.

— Так, а от Хэйверса нет новостей?

— Ничего не слышал. Несмотря на то, что у нас около часа до рассвета, им бы лучше вернуться поскорее.

Доктор присвистнула:

— Как я вижу, кожа срастается прямо на глазах. Не возражаешь, если я наложу другую марлевую повязку?

— Как тебе угодно.

Когда она скрылась в кабинете физиотерапии, Ви произнес:

— Есть разговор, дружище.

— О чем?

— Думаю, ты знаешь.

Черт! Лессер. И ведь не прикинешься идиотом перед таким Братом, как Ви. Ложь, однако, оставалась альтернативой:

— Бой был тяжелым.

— Чушь собачья! Ты не мог так медленно тащиться.

Фьюри мысленно вернулся на два месяца назад, когда он на время сделался своим близнецом. Буквально.

— Надо мной работали на одном из их столов, Ви. И могу тебя заверить, — они не озабочены благопристойным тоном во время военных действий.

— Но ты был ранен сегодня, потому что прошелся разделочным ножом по этой лессерской заднице. Не так ли?

Джейн вернулась с медицинскими принадлежностями. *Слава Богу!*

Когда она закончила накладывать повязки, Фьюри встал на ноги.

— Теперь я пойду в свою комнату.

— Помочь? — спросил Ви суровым тоном, будто Фьюри беспомощный грудничок, ежесекундно нуждающийся в присмотре няньки

— Нет. Я знаю дорогу.

— Хорошо, так как мы все равно должны вернуться, так что сейчас проведем экскурсию. И сделаем это медленно.

Что было чертовски хорошей идеей. У него раскалывалась голова.

Они были на середине пути через туннель, когда Фьюри осознал, что доктор осталась без наблюдения или охраны. Но, черт, она не выглядела так, будто хотела сбежать. Более того, она вышагивала в параллель с Ви.

Интересно, хотя бы один из них осознавал, как сильно они похожи на пару?

Когда Фьюри достиг двери, ведущей в особняк, он попрощался, избегая взгляда Ви, и пошел вверх по мелким ступеням, направляющим из туннеля прямо в фойе особняка. До его спальни, казалось, нужно не просто подняться по парадной лестнице, а пересечь весь город; подобное истощение указывало на необходимость питания. А это его отнюдь не воодушевляло.

Поднявшись в комнату, он принял душ и растянулся на своей кровати помпезных размеров. Он знал, что должен позвать одну из тех женщин, которых использовал для кормления, но ему было все равно. Вместо того чтобы взять телефон, он закрыл глаза и позволил рукам упасть по бокам, рукой он нащупал книгу по огнестрельному оружию, по которой учил класс этой ночью. Ту, в которой был его рисунок.

Дверь открылась без стука. И значит, это был Зейдист. С новостями.

Фьюри сел так быстро, что его мозг превратился в аквариум в черепе, хлюпающий, и грозящий выплеснуться из ушей. Когда его пронзила боль, он поднес руку к повязке.

— Что с Бэллой?

Глаза Зи зияли черными дырами на его лице со шрамом.

— О чем, черт возьми, ты думал?!

— Извини?

— Подставить себя под удар из-за... — когда Фьюри вздрогнул, Зи убавил звук на его бумбоксе и закрыл дверь. Относительная тишина не улучшила его настроения. Тихим голосом он произнес:

— Я, черт возьми, не могу поверить, что ты играл в Джека Потрошителя и отхватил...

— Пожалуйста, скажи мне, как там Бэлла?

Зи указал пальцем прямо в грудь Фьюри:

— Тебе нужно проводить меньше времени в заботах о моей шеллан и больше времени интересоваться сохранностью собственной жалкой задницы, понимаешь меня?

Вздрогнув от боли, Фьюри зажмурил здоровый глаз. Брат попал в яблочко.

— Дерьмо! — прошептал Зи в тишине. — Просто... дерьмо!

— Ты абсолютно прав, — Фьюри заметил, что его рука сжимает книгу по огнестрельному оружию, и он заставил себя отпустить ее.

Как только прозвучал щелчок, Фьюри поднял взгляд. Зи водил большим пальцем по крышке своего мобильного.

— Тебя могли убить.

— Но не убили же.

— Слабое утешение. По крайней мере, для одного из нас. Что с твоим глазом? Док Ви спасла его?

— Не знаю.

Зи прошел к одному из окон. Отодвинув тяжелую бархатную занавеску, он пристально взглянул на террасу и бассейн. Напряжение на его изуродованном лице было очевидным:

челюсти были сжаты, брови низко опущены. Странно... раньше именно Зи всегда был на грани разрушения. Теперь именно Фьюри балансировал на этом тонком, зыбком краю в никуда. Беспокоящийся — сам стал причиной проблем.

— Я буду в порядке, — солгал он, потянувшись за своим пакетиком с красным дымком, и свернутой бумагой. Он быстро скрутил одну толстую сигарету, прикурил ее, и тут же пришло фальшивое спокойствие, как будто его тело хорошо потренировалось. — Просто отсижусь сегодня дома.

Зи засмеялся, больше от грусти, чем от веселья.

— Они были правы.

— Кто?

— Месть — злобная стерва, — Зейдист сделал глубокий вдох, — Тебя убьют, и тогда я...

— Не убьют, — он снова затянулся, не желая обещать ничего кроме этого. — Теперь расскажи мне, пожалуйста, о Бэлле.

— Ей прописали постельный режим.

— О, Боже!

— Нет, она в порядке. — Зи потерял свою стриженую голову. — Я имею в виду, что она не потеряла ребенка, и, если будет сохранять спокойствие, то не потеряет.

— Она в твоей комнате?

— Да. Я собирался взять ей что-нибудь поесть. Ей позволено вставать на час в день, но я не хочу давать ей предлог подниматься

— Я рад, что она...

— Черт возьми, брат! Так вот, каково тебе было?

Фьюри нахмурился и постучал косяком о пепельницу.

— Извини?

— В голове полный бардак. Что бы я ни делал — это кажется лишь отчасти реальным, из-за всей хрени, о которой я беспокоюсь.

— О Бэлле.

— Не только о ней, — глаза Зи, снова пожелтевшие от постепенного угасания злости, вперились в другой конец комнаты. — О тебе.

Фьюри проделал тщательную работу, поднося косяк ко рту и затягиваясь. Выдыхая дым, он подыскивал слова, чтобы успокоить своего близнеца.

И ничего не нашел.

— Роф хочет встретиться с нами, с наступлением ночи, — сказал Зи, посмотрев за окно, зная чертовски хорошо, что не дождется никаких серьезных заверений. — Со всеми.

— Хорошо.

Как только Зи ушел, Фьюри открыл книгу по огнестрельному оружию и достал оттуда рисунок, на котором он изобразил Бэллу. Он снова и снова водил большим пальцем по очертаниям ее щеки, пристально глядя на нее одним здоровым глазом. Тишина окружила его, сдавив ему грудь.

Принимая все во внимание, возможно, он уже упал с обрыва, уже скользил вниз по горе своего разрушения, налетая на валуны и деревья, ударяясь, ломая конечности. В ожидании смертельного удара.

Он затушил косяк. Падение по наклонной походило на влюбленность: оба процесса обнажают тебя догола и оставляют тебя таким, какой ты в глубине души.

И, по его ограниченному опыту, оба конечных результата были одинаково болезненными.

Джон уставился на лессера, который появился из ниоткуда, не в силах пошевелиться. Он ни разу не бывал в автомобильной аварии, но у него возникло ощущение, что именно так они и происходят. Ты едешь, и затем, внезапно, все о чем ты думал до пересечения, замирает, вытесняется столкновением и становится твоим единственным приоритетом.

Черт! Они действительно пахнут детской присыпкой.

И, к счастью, этот не был с пепельными волосами, и значит он новообращенный — единственная возможность выбраться живыми для него и его друзей.

Куин и Блэй встали перед Джоном, загораживая путь. Но потом второй лессер вышел из тени, и кусок оконной рамы занял место в его спрятанной руке. Он также был темноволосым.

Боже! Они были огромными.

Первый посмотрел на Джона.

— Лучше уходи, сынок. Тебе здесь не место.

Срань господня! Они не знали, что он был претрансом. Они думали, что он простой человек.

— Да, — сказал Куин, толкнув Джона в плечо. — Ты получил свой кошелек. Теперь убирайся отсюда, попрошайка.

Но он не мог оставить их...

— Я сказал, проваливай, черт возьми! — Куин с силой оттолкнул его, и Джон споткнулся о стопку рубероида.

Черт! Если он убежит, то будет трусом. Но если останется, то будет еще хуже. Ненавидя себя, он быстро сиганул к ЗироСам. Как последний идиот, он оставил рюкзак у Блэя, и поэтому не мог позвонить домой. И не похоже, что он мог тратить время на поиски одного из Братьев, на малейший шанс, что они охотятся где-то неподалеку. Лишь один человек мог бы помочь им.

У входа в клуб Джон подошел прямо к вышибале в начале очереди.

«Хекс. Мне необходимо увидеть Хекс. Пропустите меня».

— Что, черт возьми, ты делаешь, малыш? — сказал вышибала.

Джон произносил слово «Хекс» снова и снова, показывая ее имя знаками.

— Так, ты меня достал, — вышибала навис над Джоном. — Убирайся отсюда, или я позвоню твоим мамочке и папочке.

Смешки из очереди разъярили Джона. *«Пожалуйста! Мне нужно увидеть Хекс».*

Джон услышал отдаленный звук, который был либо звуком покаянной машины, либо криком, и развернулся по направлению к нему, тяжелый вес Глока Блэя врезался ему в бедро.

Ни телефона, чтобы написать. Ни средств связи.

Но у него есть шесть свинцовых пуль в заднем кармане.

Джон побежал обратно, на стоянку, держась от параллельно припаркованных машин, тяжело дыша, работая ногами так быстро, как это возможно. В его голове стучал отбойный молоток, напряжение усилило боль настолько, что начало тошнить.

Черт! Блэй лежал на земле, а у него на груди сидел лессер, и оба боролись за обладание чем-то, похожим на нож с выкидным лезвием. Куин держал нож напротив другого убийцы, но, на взгляд Джона, силы были равны. Рано или поздно один из них...

Куин поймал лицом хук справа, опрокинувшись, вошел в пируэт, а в его голове все затанцевало, будто вращение волчка.

В это мгновение что-то нашло на Джона, пришло из ниоткуда, прочно завладело им, будто в него вселился призрак. Древнее знание, какое приходит лишь с опытом, которое он не успел

накопить за свои годы, переместило его руку глубоко в задний карман. Джон нашупал Глок, достал его и взял двумя руками.

В одно мгновение — он твердо взял оружие. Второй секундой Джон уже навел дуло на лессера, сражающегося с Блэем за лезвие. В третью — Джон нажал на курок... и проделал огромную дыру в голове этого лессера. В четвертую — он развернулся к убийце, стоящем перед Куином и натягивающем на кулак кастет.

Хлоп!

Джон свалил этого лессера одним выстрелом в висок, черная кровь брызнула блестящим облаком. Существо рухнуло на колени и упало лицом вниз, прямо на Куина... который был слишком потрясен, чтобы сделать что-нибудь, кроме как столкнуть с себя тело.

Джон взглянул на Блэя. Парень в шоке уставился на него.

— Господи Иисусе... Джон!

Лессер около Куина испустил булькающий вздох, будто только что вскипевший кофейник.

Металл, подумал Джон. Ему нужно что-то металлическое. Ножа, которым боролся Блэй, нигде не было видно. Где его искать....

Рядом с ковшовым погрузчиком был разломанный ящик с кровельными гвоздями.

Джон подошел, взял один из кучи и приблизился к лессеру, лежащему возле Куина. Высоко подняв руки, Джон вложил весь свой вес и свой гнев в опускающееся острие, и в это мгновение реальность ускользнула, словно песок: он держал в руках кинжал, не обрезок стали... он был большим, больше Куина и Блэя... и он делал это много, много раз.

Гвоздь вошел в грудь лессера, и вспышка света, ярче, чем ожидал Джон, ударила по глазам и пробежала обжигающей волной по телу. Но его работа не была закончена. Он перешагнул через Куина, двигаясь по асфальту и не чувствуя земли под ногами.

Блэй онемел, стоял неподвижно и смотрел, как Джон снова занес гвоздь. На этот раз, опуская его, Джон открыл рот и беззвучно прокричал боевой клич, не утративший своей силы из того, что его не было слышно.

После вспышки света он начал смутно различать звуки сирен. Без сомнения, кто-то из людей вызвал полицию, услышав выстрелы.

Джон расслабил кисть, и гвоздь выпал из его руки, загремев по тротуару.

Я — не трус! Я — Воин!

Припадок завладел им быстро и мощно, свалил его на землю, пригвоздил невидимыми руками, заставляя выпрыгивать вон из кожи, до тех пор, пока он не потерял сознание, и беспмятство с ревом обрушилось на него.

Когда Джейн и Ви вернулись в спальню, она села в кресло, которое уже считала своим, а Ви растянулся на кровати. Боже, предстоит долгая ночь... эээ, день. Она чувствовала себя усталой и нервничала — не очень хорошая комбинация.

— Проголодалась? — спросил он.

— Знаешь, чего бы мне хотелось? — она зевнула. — Горячего шоколада.

Ви поднял телефонную трубку, набрал комбинацию из трех цифр и стал ждать ответа.

— Делаешь заказ? — спросила она.

— Да. Заодно и... Привет, Фритц. Вот, что мне нужно...

Ви положил трубку, и она улыбнулась ему.

— Довольно обширный список.

— Ты не ела с тех пор, как... — он замолчал, не желая касаться темы похищения.

— Все в порядке, — сказала она, загрустив без какой-либо причины.

Хотя нет, причина была. Ей скоро придется уйти.

— Не волнуйся, ты меня не вспомнишь, — сказал он. — Ты ничего не почувствуешь, после того как покинешь это место.

Она вспыхнула.

— Как ты читаешь мысли?

— Я словно ловлю радиочастоты. Раньше это происходило со мной постоянно, хотел я этого или нет.

— Раньше?

— Кажись, антенна накрылась, — на его лице появилось выражение горечи, взгляд стал колючим. — Хотя, я слышал из достоверного источника, что она сама скоро починится.

— Почему это прекратилось?

— «Почему» — твое любимое слово, не так ли?

— Я ученый.

— Я знаю, — он промурлыкал эти слова, как будто она только что сказала ему, что носит сексуальное белье. — Мне нравится твой ум.

Джейн накрыла теплая волна удовольствия, она окончательно запуталась в себе.

Он как будто почувствовал ее внутренний конфликт, и завершил фразу словами:

— Раньше я также мог видеть будущее.

Она прочистила горло.

— Правда? Каким образом?

— В основном, это были видения. Без временных рамок, просто события в случайном порядке. Я специализируюсь на смертях.

Смертях?

— Смертях?

— Да. Я знаю, как умрут мои братья. Только не знаю, когда.

— Господь... всемогущий. Это должно быть...

— Я и другие фокусы знаю. — Ви поднял ладонь, обтянутую перчаткой. — Например, вот это.

— Я собиралась спросить тебя об этом. Ты вырубил ею одну из моих сестер в реанимации. Она попыталась снять с тебя перчатку, и ее словно пронзила молния.

— Я был без сознания, когда это произошло, да?

— Ты был в отключке.

— Тогда, именно по этой причине, она выжила. Это маленькое наследство, от моей матери, чертовски опасно для жизни. — Он сжал руку в кулак, его голос стал жестким, и слова, словно нож, резали воздух — И еще она принимает решения касаясь моего будущего.

— Как так?

Когда он не ответил, ей подсказала интуиция.

— Дай догадаюсь, женитьба?

— Фактически — женитьбы.

Джейн поморщилась. Хотя его будущее ничего не значило в масштабе ее жизни, но мысль о том, что он станет мужем какой-то женщины, каких-то женщин, заставила ее желудок сжаться.

— Хм... и сколько у тебя будет жен?

— Я не хочу об этом говорить, окей?

— Окей.

Минут через десять, старичок в форме английского дворецкого вкатил в комнату тележку, заставленную едой. Обильное угощение словно сошло с меню ресторана «Четыре времени года»⁹⁵: бельгийские вафли с клубникой, круассаны, омлет, горячий шоколад, свежие фрукты.

Само его появление было очень эффектным.

Желудок Джейн заурчал, и, прежде чем она поняла, что делает, она накинулась на тарелки так, будто голодала неделями. В середине второго блюда, практически переходя к горячему шоколаду, она застыла с вилок у рта. Боже, что Ви подумает о ней? Она объедалась как...

— Мне нравится, — сказал он.

— Правда? Ты на самом деле одобряешь, что я накинулась на еду, как голодный студент?

Он кивнул, его глаза светились.

— Мне нравится, как ты ешь. Приводит меня в восторг. Я хочу, чтобы ты продолжала в том же духе, пока не наешься и не заснешь в своем кресле.

Попав в плен его алмазных глаз, она сказала:

— А... и что тогда произойдет?

— Не разбудив, я перенесу тебя, на эту кровать, и буду охранять с кинжалом в руке.

Отлично, подобные вещи, в духе пещерного человека, не должны быть столь привлекательными. В конце концов, она могла позаботиться о себе. Но Боже, мысль о том, что кто-то будет ее охранять, была... очень приятна.

— Доедай, — сказал он, указав на тарелку. — Я налью тебе еще порцию горячего шоколада.

Черт ее подери, но она выполнила все им сказанное.

Она откинулась на спинку кресла, с чашкой горячего шоколада в руках, и впала в блаженное состояние.

Без особой на то причины, она сказала:

— Я знаю, что такое наследственность. Мой отец был хирургом.

— Он, должно быть, гордится тобой. Ты великолепна.

Джейн опустила подбородок вниз.

— Я думаю, он нашел бы мои достижения удовлетворительными. В особенности, учитывая, что я окончила Колумбийский университет.

— Нашел бы?

— Мои родители умерли, — она добавила, потому что ей показалось, что она должна была это сказать: — небольшая авиакатастрофа около десяти лет назад. Они летели на медицинскую конференцию.

— Черт... Я сожалею. Тебе их не хватает?

— Это прозвучит плохо... но не совсем. Для меня они были незнакомцами, с кем мне приходилось вместе жить, в то время, пока я не была в школе. Но я всегда буду скучать по моей

сестре.

— Боже. Она тоже умерла?

— Недиагностированный врожденный порок сердца. Ушла скоростно, за одну ночь. Мой отец всегда думал, что я пошла в медицину, потому что это он вдохновил меня, но на самом деле — я сделала это из-за того, что боготворила Ханну. И до сих пор боготворю.

Она отхлебнула из кружки.

— Во всяком случае, отец всегда думал, что медицина это самое разумное, самое эффективное объяснение и причина моего существования. Я помню, как он смотрел на меня, когда мне было пятнадцать, и говорил, что мне повезло что мне повезло родиться умной.

— Он знал, что ты сможешь изменить мир к лучшему.

— Дело не в этом. Он сказал, что, судя по моей внешности, я вряд ли удачно выйду замуж. — Ви резко выдохнул, и она улыбнулась. — Отец придерживался викторианского представления о жизни, семидесятых-восемидесятых годов. Возможно, влияние английского прошлого, черт его знает. Но он думал, что женщины должны быть замужем и заботиться о большом доме.

— Не подходящее напутствие для молодой девушки.

— Он бы назвал это честностью. Он верил в честность. Всегда говорил, что Ханна красивее. Конечно, он считал, что она была ветреной. — Боже, почему, черт возьми, она рассказывает об этом? — В любом случае, родители были проблемой.

— Да. Я понимаю. Отлично, черт побери, понимаю.

Когда они оба притихли, у нее возникло чувство, будто он тоже пролистывает семейный альбом у себя голове.

Через некоторое время, он кивнул в сторону телевизора с плоским экраном, что висел на стене.

— Хочешь посмотреть фильм?

Она покрутилась в кресле и улыбнулась.

— Боже, да. Я не помню, когда в последний раз делала это. Что у тебя есть?

— Я провел кабельное, поэтому есть все.

Не раздумывая, он кивнул на подушки рядом с собой.

— Почему бы тебе не сесть здесь? Ты реально не сможешь ничего увидеть со своего места.

Блин. Она хотела быть рядом с ним. Она хотела быть... близко.

Даже не смотря на то, что ее мозг свело судорогой от сложившейся ситуации, она подошла к кровати и села рядом с ним, скрестив руки на груди, а ноги в лодыжках. Господи, она нервничала, как будто была на первом свидании. Бабочки в животе. Потные ладони.

Привет-привет, надпочечники.

— Ну, что бы ты хотел посмотреть? — спросила она, когда он взял в руку пульт, на котором было такое множество кнопок, что им можно было запустить космический шаттл.

— Сегодня моя душа требует чего-нибудь скучного.

— Серьезно? Почему?

Его алмазный взгляд прошелся по ней, веки опущены так низко, что невозможно было прочитать выражение его глаз.

— О, без причин. У тебя усталый вид, вот и все.

На Другой Стороне, Кормия сидела на кровати. Ожидая. Снова.

Она развернула ладони на коленях. Сжала их. Жаль, что у нее в руках не было книги, чтобы отвлечься. Так она сидела молча, на секунду задумавшись, каково это, иметь собственную книгу? Может быть, она написала бы свое имя на обложке, так, чтобы все знали кому принадлежит эта книга... Да, ей бы этого хотелось. *Кормия*. Или еще лучше: *Книга Кормии*.

Она будет давать ее почитать, если, конечно, сестры захотят. Но пока ее будут трогать чьи-то ладони, чьи-то глаза будут вчитываться в ее строки, она будет знать, что переплет, страницы и все истории, описанные в ней, принадлежать ей. И книга будет знать об этом.

Она думала о полной книжных стеллажей библиотеке Избранных, с ее прекрасным сладковатым запахом кожи, и захватывающей дух, роскошью слов. Время, что она проводила в ней, в действительности, было ее убежищем и радостным затворничеством. Здесь было так много историй, так много всего, что было не объять глазами, и ей нравилось узнавать новое. Она всегда с нетерпением ждала этого. Жаждала этого.

Обычно.

Но в этот раз все было по-другому. Сидя на кровати, в ожидании, она не стремилась к предстоящему обучению: те вещи, что она вот-вот должна узнать, были совсем не тем, что она хотела.

— Приветствую тебя, сестра.

Кормия подняла глаза. Избранная, которая сдвинула белую занавеску двери, была примером самоотверженности и услужливости, настоящая женщина. Кормия всегда завидовала невозмутимости, и душевному спокойствию, на лице Лейлы.

Что было непозволительно. Зависть означала, что ты отделяешься от единого целого, что ты мелочная индивидуалистка.

— Приветствую, — Кормия встала, ее колени подкашивались от страха при мысли о том, куда они сейчас собирались. И хотя, ей много раз хотелось взглянуть, что же было внутри храма Праймэйлов, сейчас она хотела бы никогда не ступить за его мраморные пределы.

Они поклонились друг другу и на мгновение задержались в этой позе.

— Для меня большая честь оказать тебе помощь.

Кормия медленно ответила:

— Я... Я благодарна тебе за указания. Если угодно, води меня.

Лейла подняла голову, в ее бледно-зеленых глазах светилось знание.

— Я подумала, может быть, мы немного поговорим здесь, вместо того, чтобы идти в храм прямо сейчас.

Кормия тяжело сглотнула.

— С радостью.

— Я могу сесть, сестра? — когда Кормия кивнула, Лейла подошла к кровати и присела, ее белая мантия распахнулась, открывая вид на бедра. — Присоединяйся ко мне.

Кормия опустилась рядом с ней, матрац под ней был твердым, как камень. Она не могла дышать, не могла двигаться, даже моргнуть.

— Сестра моя, я попытаюсь развеять твои страхи, — сказала Лейла. — Воистину, ты будешь наслаждаться временем, проведенным с Праймэйлом.

— Безусловно — Кормия запахнула отвороты своей мантии. — Тем не менее, он будет посещать других, не так ли?

— Но ты будешь его приоритетом. Как его посвященная женщина, ты окажешь ему особое внимание. В целом, Праймэйл редко выделяет кого-то среди Целого, но ты всегда будешь первой из всех нас.

— Но сколько времени пройдет, прежде чем он обратится к другим?

Лейла нахмурилась.

— Это ему решать, хотя ты можешь высказать свое мнение. Если ты угодишь ему, то он может оставаться только с тобой какое-то время. Известно, что такое случалось раньше.

— Но я могу ему предложить, чтобы он нашел себе других женщин?

Идеальная головка Лейлы склонилась набок.

— Воистину, сестра моя, тебе понравится то, что произойдет между вами.

— Ты ведь знаешь, кто он, да? Знаешь, кто именно будет Праймэйлом?

— На самом деле, я его видела.

— Правда?

— В самом деле. — Лейла прошла рукой по копне светлых волос, жест, который Кормия восприняла как знак того, что женщина подбирала слова с осторожностью. — Он такой... каким должен быть, как Воин. Сильный. Умный.

Глаза Кормии сузились.

— Ты утаиваешь что-то, дабы успокоить мои страхи, не так ли?

До того, как Лейла смогла ответить, занавеска откинулась и показалась Директрикс. Ни слова не сказав Кормии, она подошла к Лейле и что-то прошептала ей на ухо.

Лейла встала, ее щеки вспыхнули.

— Я пойду прямо сейчас.

Она повернулась к Кормии, в ее глазах горело странное волнение.

— Сестра, желаю тебе хорошо отдохнуть до моего возвращения.

Как было принято, Кормия встала и поклонилась, вздохнула с облегчением, что по какой-то причине урок был отсрочен.

— Береги себя.

Директрикс, однако, осталась.

— Я проведу тебя в храм, и мы приступим к нашему просвещению.

Кормия обняла себя руками.

— Разве мне не надо дожидаться Лейлы...

— Ты задаешь мне вопрос? — спросила Директрикс. — Судя по всему, так и есть. А потом, возможно, ты желаешь самостоятельно определить повестку дня для просвещения, учитывая, как много ты знаешь об истории и значении позиции, на которую ты была избрана. Воистину, я получу удовольствие от твоего урока.

— Простите меня, Директрикс, — ответила Кормия, чуть не провалившись от стыда, сквозь землю.

— За что ты просишь прощения? Как первая женщина Праймэйла, ты можешь свободно отдавать мне приказания, так может быть уже сейчас мне стоит привыкнуть к твоим приказам? Скажи, ты хочешь чтобы я шла за тобой, когда мы пойдем в храм?

Слезы навернулись на глаза Кормии.

— Пожалуйста, Директрикс, нет.

— Пожалуйста нет, что?

— Я последую за Вами, — прошептала Кормия, опустив голову. — А не поведу.

«Иштар»⁹⁶ был идеальным выбором, подумал Ви. Адски скучный. Длинный, вечность. Захватывающий, как солонка.

— Это самый дерьмовый фильм из всех, что я видела, — сказала Джейн, который раз зевая. Господи, какое у нее красивое горло.

Клык Ви удлинился, и он представил себя классическим Дракулой, нависающим над ее распростертым телом. Он заставил себя вернуть взгляд на экран, где Дастин Хоффман и Уоррен Битти тащились по песку. Он выбрал эту хреновину, надеясь, что она отключится, и он сможет пробраться в ее сознание, и получить ее в свое распоряжение.

Он умирал, как хотел довести ее до оргазма своим ртом, пусть даже во сне.

Пока он ждал, когда скукота загонит ее в фазу быстрого сна, он обнаружил, что уставился на сцены в пустыне, вспоминая зиму... зиму своего превращения.

Прошло несколько недель после падения в реку претранса и его последующей смерти, когда Ви прошел через свое превращение. Мучившие его головные боли оповещали об изменениях в теле задолго до того, как настало время «Х». Его постоянно одолевал голод, но от одного вида еды тошнило. Бессонница сопровождала постоянное чувство усталости. Единственное, что осталось прежним, это его агрессия. Правила лагеря требовали постоянной готовности к борьбе, так что обострение этой черты его характера, не было отмечено каким-либо изменением в его поведении.

Время его превращения в мужчину отметились лютной и ранней метелью.

В результате падения температуры, каменные стены пещеры покрылись льдом, ноги примерзали к полу даже в меховых сапогах, воздух был настолько холодным, что даже дыхание, зависнув паром, замерзало. Морозы крепчали, и солдаты спали вместе с кухарками, одним большим сплетением тел, и не для секса, а ради тепла.

Ви знал, что изменение приближалось, ибо он проснулся оттого, что ему было жарко. Сначала это тепло было благом, но затем его тело охватила лихорадка, мучительный голод прокатился сквозь него. Он корчился на земле, надеясь на облегчение, которое не приходило.

Прошла вечность, прежде чем голос Бладлеттера донесся до него сквозь боль.

— Женщины не будут кормить тебя.

Сквозь оцепенение, Ви открыл глаза.

Бладлеттер опустил перед ним на колени.

— И я уверен, ты знаешь почему.

Ви сглотнул комок в горле:

— Я не знаю.

— Они говорят, что в тебя вселились рисунки с пещерных стен. Что твоей рукой управляют духи, пойманные в ловушку стенами. Что твой глаз тебе больше не принадлежит.

Когда Ви не ответил, Бладлеттер сказал:

— Ты ведь не можешь это отрицать?

Сквозь мешанину в голове, Вишес пытался вычислить, каким будет эффект на оба варианта ответа. И решил сказать правду, и не ради истины, а для самосохранения.

— Я... отрицаю.

— Отрицаешь ли ты то, что еще они говорят о тебе?

— И... что... они... говорят?

— Что ты убил товарища на реке с помощью своей руки.

Это была ложь, и другие парни, которые были там, знали это, они видели, что претранс упал в воду только по собственной вине. Женщины, должно быть, лишь делали свои предположения, основываясь на том факте, что смерть произошла, и Ви был поблизости. Ибо, почему тогда другие мужчины не желали видеть свидетельство силы Ви?

Или, может быть, это было им на пользу? Если не найдется женщины, что покормит Ви, он умрет. Что было неплохо для других претрансов.

— Что ты мне ответишь? — требовательно спросил отец.

Ви необходимо было проявить силу, и он пробормотал:

— Я убил его.

Бладлеттер широко улыбнулся в бороду.

— Я так и думал. И за эти заслуги, я приведу тебе женщину.

И в самом деле, ему привели женщину, от которой он питался. Превращение было жестоким, долгим и изнуряющим, и когда все закончилось, он перетащил свой тюфяк, а вместе с ним свои руки и ноги на холодный пол пещеры, чтобы охладить свое тело, как охлаждают мясо животного после забоя.

И после превращения, хотя его член был тверд, женщина, которая была вынуждена кормить его, не хотела с ним связываться. Она лишь дала ему достаточное количество крови, необходимое для изменения, и оставила его в процессе видоизменения его костей и мышц. Никого не было рядом, и в страдании, он взывал к матери, что родила его. Он представлял, как она приходит к нему, в ее глазах светится любовь, как она гладит его волосы и говорит, что все будет хорошо. В своем трогательном видении, она называла его своим любимым **lewllhen**⁹⁷.

Дар.

Он хотел бы быть чьим-то даром. Дары ценили, о них заботились, их защищали. Дневник Дариуса был даром для Ви, даритель, может быть, не знал, что, оставляя дневник — он сделал добро, но все же.

Дар.

Когда тело Ви закончило изменяться, он заснул, и проснулся оттого, что очень хотел мяса. Его одежда порвалась во время перехода, поэтому он завернулся в лохмотья и босиком пошел на кухню. Ничего особо там не было: он сгрыз бедренную кость, нашел несколько хлебных корок, съел горсть муки.

Он слизал белый остаток с ладони, когда сзади послышался голос отца

— Время драться.

— О чем ты думаешь? — спросила Джейн. — Ты так напряжен.

Ви вернулся в настоящее. И почему-то не стал врать.

— Я думал о своих татуировках.

— Когда они появились у тебя?

— Почти три века назад.

Она присвистнула:

— Боже, ты живешь так долго?

— Могу еще дольше. При условии, что я не погибну в бою, и вы, глупые людишки, не взорвете земной шар, я буду дышать еще семь сотен лет.

— Ничего себе. Это дает совершенно новый смысл для ААП⁹⁸, — она подалась вперед: — Поверни голову. Я хочу посмотреть на чернила, на твоем лице.

Взволнованный воспоминаниями, он выполнил ее просьбу, не в силах придумать, почему он не должен этого делать. Тем не менее, когда она протянула руку, он вздрогнул.

Она опустила руку, не касаясь его.

— Их ведь кто-то нанес тебе, да? Вероятно, одновременно с кастрацией, не так ли?

Ви внутренне отшатнулся, но не отодвинулся от нее. Он терпеть не мог всю эту жалостливую женскую хрень, но дело было в том, что Джейн лишь выдала голые факты. Прямо, так что и он мог излагать факты прямо.

— Да, в то же самое время.

— Догадываюсь, что они являются предупреждением, так как они есть на твоей руке, твоем виске, на бедрах и чреслах. Я предполагаю, что они говорят об энергии в ладони, о втором зрении, и о проблемах с деторождением.

Он должен был быть удивлен ее гипер-дедукцией?

— Верно.

Ее голос стал тихим.

— Почему ты запаниковал, когда я сказала, что связала тебя, там, в реанимации. Они тоже связали тебя, да?

Он прочистил горло.

— Так ведь, Ви?

Он взял в руки пульт от телевизора.

— Хочешь еще что-нибудь посмотреть?

В полной тишине он щелкал каналы с фильмами.

— Меня стошнило на похоронах сестры.

Палец Ви застыл на пульте, остановившись на «Молчании ягнят»⁹⁹. Он взглянул на нее.

— Серьезно?

— Самый неловкий, постыдный момент в моей жизни. И не только потому, когда это случилось. Меня стошнило на отца.

Как и Кларис Старлинг¹⁰⁰ на жестком стуле, перед камерой Лектора, Ви жаждал информации от Джейн. Он хотел знать о ее жизни все, от рождения — до настоящего момента, и он хотел бы узнать все прямо сейчас.

— Расскажи мне, что произошло.

Джейн откашлялась, как будто приготовившись к чему-то, и он не смог проигнорировать параллель с фильмом, как будто он был запертым в камере монстром, а Джейн — источником добра, скармливающая себя по кусочкам зверю.

Но ему нужны были эти знания, как нужна была кровь, для того, чтобы выжить.

— Что случилось, Джейн?

— Ну, видишь ли... мой отец очень верил в овсянку.

— Овсянку? — она не ответила, и он сказал: — Расскажи мне.

Джейн скрестила руки на груди и уставилась на свои ноги. Затем ее глаза встретились с его взглядом.

— Чтобы все было предельно ясно: причина, почему я тебе все это рассказываю, лишь в том, что ты расскажешь мне, что произошло с тобой. Услуга за услугу. Это как поделиться шрамами. Это как в летнем лагере, когда ты падаешь с двухъярусной кровати. Или, например, когда ты режешься о край алюминиевой банки, или ударяешься башкой, — она нахмурилась. — Окей... может быть это дурацкие аналогии, учитывая то, как ты исцеляешься, но это работает со мной.

Ви улыбнулся.

— Я понял.

— Я имею в виду, так будет честно. Я выдаю информацию — ты тоже. Договорились?

— Черт... — Но ему на самом деле надо было знать о ней все. — Думаю, что да.

— Окей. Так вот, мой отец и овсянка. Он...

— Джейн?

— Что?

— Ты мне нравишься. Очень. Хочу, чтобы ты об этом знала.

Она пару раз моргнула. Затем опять откашлялась. *Боже, ей так идет румянец.*

— Ты говорила об овсянке.

— Верно... так... как я уже сказала, мой отец был большой поклонник овсянки. Он заставлял нас всех есть ее по утрам, даже летом. Матери, сестре и мне приходилось давиться этой дрянью, ради него, а он всегда ждал, пока мы прикончим то, что было в наших тарелках, до конца. Он смотрел, как мы едим, словно мы играли в гольф и могли неправильно махнуть

клюшкой. Я клянусь, он измерял угол наклона моего позвоночника и как я держу ложку. За обедом он обычно... — она замолчала. — Я прыгаю с места на место.

— Я могу часами слушать, как ты говоришь, не фокусируйся на мне.

— Да, но... фокус — это важно.

— Только если ты микроскоп.

Она слегка улыбнулась.

— Вернемся к овсянке. Моя сестра умерла в день моего рождения, в пятницу ночью. Похороны организовали быстро, потому что в ближайшую среду отцу надо было быть в Канаде, на презентации доклада. Позже я узнала, что он запланировал презентацию в тот день, когда Ханну нашли мертвой в своей постели, несомненно, он не желал, чтобы возникла какая-либо задержка. Как бы то ни было... в день похорон, я проснулась и поняла, что чувствую себя ужасно. Просто отвратительно. Я ничего не чувствовала, лишь тошноту. Ханна... только Ханна была настоящей в нашем доме, такая хорошая и красивая. Она обожала беспорядок, громкая, счастливая и... Я так любила ее, и мне была невыносима мысль, что мы закопаем ее в землю. Она бы ненавидела подобное заточение. Да... Как бы то ни было, мать съездила и купила мне на похороны одно из тех подходящих одеяний в черном цвете. Но проблема была в том, что на утро похорон, когда я его надела, мы обнаружили, что оно мне не подходит. Оно было слишком мало, и я понимала, что не могу в нем даже вздохнуть.

— Что обычно еще хуже действует на желудок.

— Вот-вот, но, несмотря на спазмы, я все равно спустилась к завтраку. Господи, я до сих пор помню, как эти двое смотрелись, сидя за разными концами стола, лицом друг к другу, но, не глядя в глаза. Мать была похожа на фарфоровую куклу, но бракованную: она была накрашена, при прическе, но, в то же время, что-то было не так. Помада была неподходящего цвета, румянец отсутствовал, из шиньона торчали шпильки. Отец читал газету, громко переворачивая страницы. Ни один из них не сказал мне ни слова.

— Так я сидела в своем кресле и не могла отвести глаз от пустого места за столом. И вот появляется тарелка с овсянкой. Мари, наша служанка, положила руку мне на плечо, когда ставила ее передо мной, и на мгновение, я почти сломалась. Но тогда мой отец со злостью хлопнул газетой, словно я — нагадивший на коврик щенок, я взяла ложку и стала есть. Я запихивала овсянку в себя, пока не начала давиться. А потом мы пошли на похороны.

Ви хотел прикоснуться к ней, он практически протянул руку. Но вместо этого просто спросил:

— Сколько лет тебе было?

— Тринадцать. Как бы то ни было, мы добрались до церкви, которая была битком заполнена, потому что все в Гринвиче знали моих родителей. Моя мать была отчаянно любезной, отец мужественно стоек, все было как обычно. Я помню... Да, я подумала тогда, что эти двое были такими же, как всегда, за исключением ужасного макияжа матери, и того факта, что отец играл мелочью в кармане пиджака. Что было на него совсем не похоже. Он ненавидел любой посторонний шум, и меня удивляло, что тревожный звон монет не беспокоил его. Наверное, лишь потому, что он контролировал этот шум. В смысле, он мог прекратить его в любой момент, как только захочет.

Она замолчала, уставившись куда-то через комнату. Ви захотелось проникнуть в ее сознание и увидеть, что именно она переживала сейчас. Но не стал — и не потому, что не был уверен, что это сработает. Откровения, которыми она решила свободно поделиться с ним, были дороже, чем все, что он мог у нее взять.

— Первый ряд, — пробормотала она. — В церкви, мы сидели в первом ряду, прямо перед алтарем. Закрытый гроб, слава Богу, хотя я думаю, Ханна была идеально красива. У нее были

рыжевато-блондинистые волосы, да, такие они были у моей сестры. Роскошные, волнистые, как у Барби. Мои были прямые, как пакля. Но, как бы то ни было...

У Ви промелькнула мысль, что она использовала «но как бы то ни было», как губку на исписанной классной доске. Она произносила его каждый раз, когда ей нужно было избавиться от очередных воспоминаний и освободить место для новых.

— Да, первый ряд. Началась служба. Много органной музыки... и дело в том, что от труб отдавалась вибрация в пол. Ты когда-нибудь был в церкви? Наверное, нет... Но все равно, ты же можешь чувствовать удары басов, когда музыка действительно громко играет. Естественно, служба проходила в огромном формальном месте, с органом, у которого труб было больше, чем у всей канализационной системы города Колдвелла. Боже, когда эта штука заиграла, возникло ощущение, что находишься в самолете, который взлетает.

Она замолчала и глубоко вздохнула, и Ви понял, что эта история ломает ее, возвращает ее туда, где ей больше не хочется быть никогда.

Она продолжила хриплым голосом:

— Так... мы были уже в середине службы, а мое платье слишком давило, мой живот меня убивал, и чертова овсянка моего отца пустила свои гнусные корни и присосалась где-то глубоко внутри меня. Священник уже поднялся на кафедру, чтобы произнести надгробную речь. Он выглядел стандартно: седоволосый, с глубоким голосом, в украшенном золотом одеянии, цвета слоновой кости. Он был епископом всея Коннектикута, я думаю. Но как бы то ни было... он начал говорить о благодати, что ждет нас на небесах и подобную хрень о Боге, Иисусе и Церкви. Но это было больше похоже на рекламу христианства, и не имело к Ханне никакого отношения.

— И вот я сижу там, не обращая внимания ни на что, но тут я взглянула и увидела руки своей матери. Они были сложенные вместе у нее на коленях, костяшки пальцев побелели... как будто она съезжала по американским горкам, хоть она и сидела неподвижно. Я повернула голову налево и посмотрела на своего отца. Его ладони лежали на коленях, он крепко сцепил пальцы, все, кроме мизинца на правой руке, который трясся. Этот палец выбивал дробь Паркинсона на тонкой шерсти его брюк.

Ви знал, к чему она вела.

— А твои? — спросил он тихо. — Твои руки?

У Джейн вырвалось сдавленное рыдание.

— Мои... мои были совершенно спокойны, абсолютно расслаблены. Я не чувствовала ничего, кроме овсянки в своем желудке. О... Боже, моя сестра была мертва, и мои родители, которые были лишены эмоций, были расстроены. А я? Ничего. Помню, я подумала, что Ханна рыдала бы, если бы я лежала в атласном гробу. Она бы плакала обо мне. А я? Я не могла.

— Когда священник закончил свой рекламный ролик о величии Господа, и как повезло Ханне, что теперь она рядом с ним, бла-бла-бла, опять заиграл орган. Вибрации труб прошли по полу через то место, где я сидела, и ударили в правильной частоте. Вернее неправильной. Меня стошнило овсянкой прямо на моего отца.

Зашибись, подумал Ви. Он наклонился и взял ее за руку.

— Черт побери...

— Да. Мать вскочила, чтобы увести меня, но отец велел ей оставаться на месте. Он проводил меня к одной из церковных дам, сказал ей, чтобы та отвела меня в ванную комнату, а сам отправился в мужской туалет. Я пробыла в одиночестве минут десять, пока дама не вернулась за мной, посадила к себе в машину и увезла домой. Я пропустила похороны.

Она втянула воздух.

— Когда родители вернулись домой, ни один из них не справился обо мне. Я все ждала, что хоть кто-то зайдет ко мне в комнату, я слушала, как они бродят по дому, пока все не стихло. В

конце концов, я спустилась вниз, достала что-то из холодильника, и ела, стоя у кухонного стола, потому что нам не разрешали брать еду наверх. Я и тогда не плакала, несмотря на то, что ночь была ветреная, что всегда пугало меня, и в доме было темно. Я чувствовала себя так, будто испортила похороны своей сестры.

— Уверен, ты была в шоке.

— Да. Забавно... я волновался, что ей будет холодно. Ну, ты понимаешь, холодная осенняя ночь. Холодная земля.

Джейн обняла себя руками.

— Как бы то ни было, на следующее утро отец ушел, прежде чем я проснулась, и его не было дома еще две недели. Он звонил матери и говорил, что консультирует еще один сложный случай, где-то в другой части страны. Между тем, мать каждый день просыпалась, одевалась, вела меня в школу, но на самом деле была где-то в другом месте. Она стала как газета. Она говорила лишь о погоде, и о том, что случалось дома и с прислугой, пока я была в школе. Мой отец в итоге вернулся, и знаешь, как я узнала, о его неизбежном прибытии? Комната Ханны. Каждую ночь я шла в комнату Ханны и сидела с ее вещами. Я никак не могла понять, как так получилось, что все ее вещи, ее одежда, книги, рисунки были на месте, а ее там не было. Вот что не сходилось у меня в голове. Ее комната была как автомобиль без двигателя, все на своих местах, но все это было лишь сослагательно. Ничего из этих вещей не собирались больше использовать.

— В ночь перед тем, как вернулся отец, я открыла дверь спальни и... все исчезло. Мать все вычистила, сменила постельное белье и задернула шторы. Комната из Ханниной превратилась в комнату для гостей. Вот как я узнала, что отец возвращается домой.

Ви провел большим пальцем по внутренней части ее ладони.

— Господи... Джейн...

— Вот мое откровение. Меня вырвало овсянкой, вместо того чтобы зареветь.

Он мог бы сказать, что это все от нервов, ему бы хотелось, чтобы она отбросила все эти мысли. Он знал, что она чувствует, потому что когда-то, в редких случаях, испытывал подобное. Он продолжил ласкать ее ладонь, пока она не посмотрела на него. Когда молчание затянулось, он знал то, чего она ждала.

— Да, — пробормотал он. — Они связали меня.

— И ты был в сознании, когда проходил через все это?

Его голос стал пронзительным.

— Да.

Она прикоснулась к его лицу, погладив ладонью колючую щеку.

— Ты убил их за это?

Он поднял ладонь в перчатке.

— Она все взяла на себя. Свет вспыхнул по всему моему телу. Оба держали меня своими руками, поэтому и упали без дыхания, как камни.

— Хорошо.

Черт... Он до безумия любил ее.

— Из тебя вышел бы хороший Воин, знаешь об этом?

— Я и есть Воин. Смерть — мой враг.

— Да, так и есть.

Господи, то, что он связан с ней, имело столько смысла. Она была борцом — так же как он.

— Твой скальпель и есть твой кинжал.

— Да.

Они так и сидели, держась за руки, не отводя друг от друга глаз. Пока она без

предупреждения не провела пальцем по его нижней губе.

Он с шипением вдохнул, и она прошептала:

— Знаешь, мне не обязательно спать во время этого.

Когда Джон пришел в сознание, его терзала лихорадка: кожа горела огнем, кровь походила на поток лавы, а костный мозг был печью, что все это разогревала. Отчаявшись остыть, он перевернулся, чтобы снять с себя одежду, вот только на нем не было ни рубашки, ни штанов. Обнаженный, он корчился в муках.

— Возьмите мое запястье.

Женский голос доносился откуда-то сверху и слева, и он наклонил голову в сторону звука, капли пота, как слезы, катились по его лицу. Или, может быть, он плакал?

«Больно», сказал он, беззвучно шевеля губами.

— Ваша милость, возьмите мое запястье. Результат определен.

Что-то прижалось к его губам и оросило их вином, насыщенным вином. Инстинкты ожили, как зверь. Агония была голодом, по сути, и он нуждался в том, что ему предлагали. Он схватил то, что, в конечном итоге, оказалось рукой, широко открыл рот и начал пить глубокими глотками.

Господи... это был вкус мира и жизни, пьянящий, мощный и привязывающий. Окружающее начало вращаться, как балерина в пуантах, подобно ярмарочной карусели в нескончаемом водовороте. В разгаре (эпицентре) этого вращения он с отчаянием глотал, зная без слов, — то, что льется сейчас в его горло, было единственным противоядием от смерти.

Кормление длилось сутками, целыми неделями. Или всего лишь мгновение? Интересно, наступит ли этому конец? Он не удивится, если проведет остаток своей жизни у этого запястья.

Он ослабил свой сосущий захват и открыл глаза.

Лейла, светловолосая Избранная, сидела рядом с ним на кровати, ее белое одеяние сверкало, как солнечный свет, лаская его взгляд. В углу стояли Роф и Бэт, они держали друг друга в объятьях и выглядели встревоженными.

Изменение. Его изменение.

Он поднял руки и показал знаками, размахивая, как пьяный: «*Это закончилось?*»

Роф покачал головой.

— Пока нет. Оно на подходе.

«*На подходе?*»

— Дыши глубже, — сказал король. — Тебе это понадобится. И слушай, мы здесь, хорошо? Мы тебя не оставим.

Черт, ведь точно. Превращение состояло из двух этапов, не так ли. И тяжелейший еще предстоял. Пытаясь побороть страх, он напомнил себе, что Блэй прошел через это. И Куин тоже.

И все Братья.

И его сестра.

Он встретился глазами с темно-синим взглядом Бэт, и внезапно, словно из ниоткуда возникло смутное видение. Он был в клубе... готическом клубе с... Торментом. Нет, он видел Тора и еще кого-то, здорового мужчину, большого, как Брат, но он не смог различить его лица.

Джон нахмурился, удивляясь, почему его подсознание сейчас выдает что-то подобное. А затем он услышал странный разговор.

Она моя дочь, Тор.

Она полукровка, Ди. И ты знаешь, как он относится к людям. Тормент покачал головой. Моя пра-пра-бабушка была человеком, и ты сам видишь, я стараюсь ему об этом не напоминать.

Они говорили о Бэт, не так ли... и значит, незнакомец, с расплывчатыми чертами лица, был

отцом Джона. Это был Дариус.

Джон напрягся, чтобы сфокусировать видение на лице своего отца, молясь, чтобы оно стало четким, а Дариус поднял руку, привлекая внимание официантки, указал ей на свою пустую бутылку пива и почти пустой стакан Торmenta.

Я не намерен позволить умереть еще одному своему ребенку, сказал он, особенно при существующем возможном шансе его спасти. И вообще, никто не знает, пройдет ли она превращение. Она может умереть, так ничего обо мне и не узнав. Так уже было прежде.

«Знал ли его отец о нем?» подумал Джон. Наверное, нет, учитывая, что Джон родился в туалете, на автобусной остановке, и был брошен там умирать. Человек, проявляющий подобную заботу о дочери, позаботился бы и о своем сыне.

Видение начало исчезать, и чем сильнее Джон старался удержать его, тем быстрее оно распадалось. Перед тем, как оно окончательно рассеялось. Джон посмотрел на лицо Тора. Военная стрижка, крепкие кости, и ясный взгляд вызвали ноющую боль в груди Джона. Именно так Тор сейчас смотрел через стол на мужчину, что сидел с ним. Они были близки. Лучшие друзья, по-видимому.

«Присутствие их обоих в моей жизни было бы чудесно», подумал Джон.

Нахлынувшая боль была космической, огромным взрывом она разорвала Джона на части, раскладывая на молекулы. Все его мысли и рассуждения исчезли, но у него не было выбора, кроме как смириться. Открыв рот, он беззвучно закричал.

Джейн не могла поверить, что смотрела в лицо вампира и молилась о том, чтобы он занялся с ней сексом. И в то же время она никогда в жизни не была так уверена в правильности происходящего как сейчас.

— Закрой глаза, — сказал Ви.

— Потому что ты собираешься поцеловать меня по-настоящему? — Господи, пожалуйста, пусть так и будет.

Ви протянул руку, на которой не было перчатки, и провел рукой по ее лицу. Его ладонь была теплая, широкая и пахла темными специями.

— Спи, Джейн.

Она нахмурилась.

— Я хочу сделать это наяву.

— Нет.

— Почему?

— Так безопаснее.

— погоди, ты хочешь сказать, что я могу забеременеть?

И что там насчет венерических заболеваний?

— Известны редкие случаи, когда человеческая женщина беременела, но у тебя сейчас нет овуляции. Я бы почувствовал это по запаху. Что касается заболеваний, передаваемых половым путем, то у меня ничего нет, и ты не можешь меня заразить, но дело не в этом. Для меня безопаснее взять тебя, пока ты спишь.

— И чья это бредовая идея?

Он заворочался на кровати, нетерпеливо и беспокойно. Возбужденно.

— Во сне — только так это может произойти.

Боже мой, какая удача, что он оказался таким джентльменом. Ублюдок.

Джейн отодвинулась от него и встала.

— Фантазии меня не интересуют. Если ты не желаешь, чтобы мы были вместе, по-настоящему, то тогда не стоит этого делать вообще.

Он натянул одеяло на бедра, прикрывая эрекцию, что рвалась сквозь его пижамные штаны.

— Я не хочу причинить тебе боль.

Она бросила на него взгляд «а-ля Гертруда Стейн»,¹⁰¹ с оттенком сексуальной неудовлетворенности.

— Я сильнее, чем выгляжу. И, честно говоря, вся эта брутальная чушь, в стиле «Я-забочусь-о-твоих-интересах» меня конкретно напрягает.

Гордо подняв подбородок, она отвернулась, но потом поняла, что на самом деле идти ей некуда. Уйти, громко хлопнув дверью, не получится.

Столкнувшись с полным отсутствием альтернативы, она пошла в ванную. Вышагивая между душем и раковиной, она чувствовала себя, лошадью в стойле...

Вдруг, без предупреждения, ее схватили сзади, прижали лицом к стене, и удерживали на месте твердым, как камень, телом, в два раза больше ее собственного. Сначала она задохнулась от неожиданности, затем от желания, когда почувствовала, как бедра Ви вжались в ее ягодицы.

— Я пытался сказать тебе — нет, — прорычал он, запустив руку ей в волосы и резко дернув ее голову назад. Она вскрикнула, а между ногами мгновенно стало влажно. — Пытался быть милым.

— О... Боже...

— Молитвы тебе не помогут. Поздно, Джейн, — в его голосе было сожаление и эротическая неизбежность. — Я давал тебе шанс, чтобы все произошло на твоих условиях. А теперь мы сделаем это на моих.

Она хотела этого, она хотела его.

— Пожалуйста...

— Ш-ш-ш.

Одним движением запястья он наклонил ее голову набок, обнажая горло.

— Когда я захочу, чтобы ты меня умоляла, я скажу тебе об этом, — его теплый язык проложил влажную дорожку по ее шее. — А теперь спроси меня, что я собираюсь сделать с тобой.

Она открыла рот, но у нее вырвался лишь стон.

Он сильнее сжал ее волосы.

— Спроси меня. Скажи: «Что ты собираешься со мной сделать?»

Она тяжело сглотнула.

— Что... что ты собираешься со мной сделать?

Он развернул ее, ни на секунду не отрывая твердо прижатых бедер от ее ягодиц.

— Видишь ту раковину, Джейн?

— Да... — Господи, она сейчас кончит.

— Я собираюсь нагнуть тебя над раковиной, заставлю взяться руками за края. Затем я стащу с тебя брюки.

О Господи...

— Спроси меня, что будет дальше, Джейн.

Он снова лизнул ее горло, затем прикусил мочку уха, как она поняла, своим клыком. Ее пронзила восхитительная вспышка боли, за ней последовала волна тепла, что разлилась между ног.

— Что... дальше? — выдохнула она.

— Я встану на колени. — Он опустил голову и прикусил ее ключицу. — Сейчас скажи мне:

«Что будет потом, Ви?»

Она почти что всхлипывала, возбудившись так сильно, что ноги почти уже не держали ее.

— И что потом?

Он резко дернул ее за волосы.

— Ты забыла последнюю часть.

Что за последняя часть — что там было...

— Ви.

— О нет, ты начнешь все с начала. С самого начала. — Он толкнулся в нее своей возбужденной плотью, его твердый член определенно хотел войти в нее прямо сейчас. — Начни все сначала, и на этот раз сделай все правильно.

Из ниоткуда ее начал накрывать оргазм, его хриплый голос пускал импульсы, которые ее тело тот час же улавливало...

— О нет, так не пойдет, — он отстранился от нее. — Ты не кончишь сейчас. Только когда я тебе скажу. Не раньше.

Полностью дезориентированная, и умирающая от желания, она обмякла, когда потребность в освобождении начала отступать.

— Ну, а теперь скажи то, что я хочу услышать.

Какие слова?

— А потом что... Ви?

— Я собираюсь опуститься на колени, проведу руками по твоим бедрам и раздвину их, открывая для своего языка.

От подступающего оргазма задрожали ноги.

— Нет, — прорычал он. — Не сейчас. Только, когда я скажу. Он подвел ее к раковине и проделал с ней именно то, что обещал. Он нагнул ее, положил ее ладони на края раковины и приказал: — Держись!

Она ухватила руками так сильно, как только могла.

Он запустил ладони ей под рубашку, обхватил ее грудь. Затем его руки скользнули ей на живот, перешли к бедрам.

Одним сильным движением Ви сдернул ее брюки вниз.

— О... черт. Это именно то, чего я хочу.

Его, обтянутая кожей, рука, сжала ее ягодицы и начала массировать.

— Подними эту ногу.

Она сделала, как он велел, и ее брюки для йоги исчезли в неизвестном направлении. Он раздвинул ее бедра и... да, его руки, одна в перчатке, другая нет, двинулись вверх. Ее лоно стало горячим, и она почувствовала себя абсолютно обнаженной перед ним.

— Джейн... — прошептал он благоговейно.

Не было никакой прелюдии, плавного перехода к тому, что он сделал с ней потом. Его рот. Ее лоно. Губы встретились с губами. Его пальцы впились в ее ягодицы, удерживая на месте, пока он продолжал свое дело, и она совершенно потерялась, уже не понимая, где был его язык, где подбородок с эспаньолкой, а где губы. Она чувствовала, как он с упоением вторгается в нее, ощущала, как его плоть касается ее плоти, осознавая его всеобъемлющее господство над ней.

— Кончи для меня, — он потребовал у ее лона. — Прямо сейчас.

Оргазм накатил на нее опустошающим взрывом, ей пришлось навалиться на раковину, пока ее рука не соскользнула. От падения ее спасло только то, что Ви подхватил ее рукой, за нее она и удержалась.

Его рот отпустил ее, он поочередно поцеловал обе ягодицы, затем провел ладонью вдоль, по спине, пока она стояла, опираясь на руки.

— А теперь я собираюсь кончить внутри тебя.

Звук падающих на пол пижамных штанов казался громче ее дыхания, и первое же, легкое, касание его эрекции к ее бедрам, едва не заставило Джейн снова сойти с ума.

— Я хочу этого, — сказал он горловым голосом. — Боже... я так хочу этого.

Он пронзил ее одним яростным толчком, прижавшись бедрами к ее ягодицам до упора, и хотя она полностью приняла его внушительный размер, вскрикнул именно он. Он пронзал ее безостановочно, крепко удерживая за бедра и двигая ее взад-вперед, навстречу своим толчкам. С открытым ртом и широко распахнутыми глазами, она поглощала восхитительные ощущения секса. Она крепко схватилась за раковину, и на нее накатил еще один оргазм. Она снова кончала, волосы падали ей на лицо, голова моталась из стороны в сторону, а их тела, в это время, бились друг о друга.

Она в жизни не испытывала ничего подобного. Это был секс в миллионной степени.

Затем она почувствовала, как ладонь в перчатке сжала ее плечо. Он потянул ее вверх, не переставая жестко двигаться внутри нее: внутрь и наружу, внутрь и наружу. Его рука прошла по ее горлу, захватила подбородок и запрокинула ее голову.

— Моя, — зарычал он, вдавливая себя еще глубже.

А затем он укусил ее.

Когда Джон проснулся, первая мысль, пронесшаяся в его голове, была о том, как сильно ему хочется наспех сделанного пломбира, посыпанного кусочками бекона. Отвратное сочетание.

Хотя, черт... шоколад и бекон сейчас были просто пределом мечтаний.

Он открыл глаза и с облегчением посмотрел на знакомый потолок комнаты, в которой всегда спал, но он пришел в замешательство оттого, что произошло. Это было что-то травмирующее. Что-то важное. Но что?

Он поднял руку с намерением протереть глаза... и перестал дышать.

Та штука, что была прикреплена к его руке, была огромной. Ладонь великана.

Он поднял голову и посмотрел вниз, на свое или... чье-то тело. Его голову что, пересадили? Потому что, черт побери, его чайник раньше не был прикреплен к чему-то подобному.

Превращение.

— Как ты себя чувствуешь, Джон?

Он взглянул туда, откуда послышался голос Рофа. Король и Бэт стояли у кровати и выглядели крайне измученными.

Ему пришлось сосредоточиться, чтобы показать руками: *«Я прошел через это?»*

— Да. Да, сынок. Ты сделал это.

Роф откашлялся, и Бет погладила его татуированное плечо, как будто зная, что он борется с эмоциями.

— Поздравляю.

Джон быстро заморгал, почувствовал, как сжалась грудь. *«Я все еще... я?»*

— Да. И всегда будешь.

— Мне следует уйти? — спросил женский голос.

Джон повернул голову. В темном углу стояла Лейла, ее идеально красивое лицо и идеально красивое тело окутала тень.

Мгновенный. Стояк.

Как будто кто-то ввел инъекцию жидкой стали в его член.

Он пошарил вдоль тела руками, чтобы убедиться, что был прикрыт, и поблагодарил Бога, обнаружив на себе одеяло. Он откинулся на подушку, Роф начал что-то говорить, но единственное, на чем сейчас сосредоточились мысли Джона, это на том, что было у него между ног и... и на женщине, которая стояла на другом конце комнаты.

— Я с удовольствием останусь, — Лейла низко поклонилась.

Остаться — это хорошо, подумал Джон. Ее присутствие было...

Погодите, да ни черта хорошего. Он не собирался заниматься с ней сексом, ради всего святого.

Она шагнула вперед, попав под освещение лампы на ночном столике. Ее кожа была белой, как лунный свет, гладкой, как атлас. Она будет такой мягкой, очень мягкой... под его руками, под его ртом... под его телом. Внезапно в верхней челюсти Джона началось покалывание, а изо рта что-то выпирало. Быстро скользнув языком, он почувствовал острые кончики своих клыков.

Секс бушевал во всем его теле, пока он не отвел от нее взгляд.

Роф слегка усмехнулся, как будто знал, что сейчас происходит в голове Джона.

— Оставим вас наедине. Джон, мы будем в коридоре, если тебе вдруг что-то понадобится.

Бет наклонилась и едва коснулась его руки своей, будто зная, насколько сейчас чувствительна его кожа.

— Я так горжусь тобой.

Их глаза встретились, и ему в голову пришла мысль: *«И я тобой тоже»*.

Что было абсолютно лишено смысла, вместо этого он сентиментально прожестикуюлировал: *«Спасибо»*.

Через минуту они ушли, закрыв за собой дверь, оставив его и Лейлу наедине. О, это не хорошо. И, несмотря на контроль, который он сейчас имел над своим телом, он был чем-то вроде необъезженного жеребца.

Так как смотреть на Избранную было небезопасно, он бросил взгляд на ванную комнату. Через дверь, он увидел мраморный душ и почувствовал себя обездоленным.

— Не желаете ли принять душ, Ваша светлость? — спросила Лейла. — Я включу для Вас воду?

Он кивнул, чтобы занять ее чем-нибудь, пока он не придумает, что делать со своим телом.

Возьми ее. Трахни ее. Поимей ее десятью разными способами.

Окей, это совсем не то, что ему следует делать.

Послышался звук льющейся воды, Лейла вернулась в комнату, и до того, как он осознал, что происходит, одеяло сползло с его тела. Он попытался прикрыть себя руками, но ее взгляд добрался до его эрекции быстрее.

— Могу я помочь Вам пройти в ванную? — ее голос был хриплым, и она смотрела на его бедра, как будто с одобрением.

Что еще больше увеличило размер того, что было под его ладонями.

— Ваша светлость?

И как ему говорить жестами в таких условиях?

Хотя, какая разница. Она бы все равно его не поняла.

Джон покачал головой, затем сел, держа одну руку на себе, а другую для устойчивости уперев в матрац. Дерьмо, он чувствовал себя, как стол, у которого все гайки были раскручены, и его составные части больше не сходились как полагается. И поход в ванную в данный момент казался бегом по полосе препятствий, хотя путь был свободен.

Но, по крайней мере, он больше не был сосредоточен на Лейле.

Продолжая прикрывать себя ладонями, он встал и побрел в ванную комнату, стараясь не думать о том, что Лейла сейчас созерцает его голую задницу. Пока он шел, в голове мелькали изображения новорожденных жеребят, особенно тех, чьи крестообразные ноги гнулись как проволока, когда они с трудом старались подняться с земли. Он сейчас их так понимал. Казалось, что в любой момент его колени возьмут отпуск, и ноги разъедутся, как у полного идиота.

Хорошо. Он в ванной. Отлично справился.

Теперь его главная задача не разбить голову о голый мрамор. Хотя, боже мой, чистота сейчас стоила любых ушибов. Но даже душ, которого он так жаждал, стал большой проблемой. Он шагнул под теплые, нежные брызги, словно плетью хлестнувшие его, отскочил назад и боковым зрением уловил, как Лейла раздевается.

Боже Милостивый. Она была прекрасна.

Когда она присоединилась к нему, он онемел, и не потому, что не умел говорить. У нее была полная грудь, пышные вершины украшали розовые соски. Ее талия была так тонка, что он мог обхватить ее ладонями. Бедра были в идеальном балансе с узкими плечами. И ее женственность... она была открыта для его глаз, гладкая, лишенная волос кожа, маленькая щелочка с двумя складочками, которые ему отчаянно хотелось развести в стороны.

Он прикрыл себя обеими руками, так как его член был готов выпрыгнуть из тазового пояса.

— Я могу вымыть Вас, Ваша светлость? — сказала она, когда пар кружил между ними, как тонкая вуаль на легком ветерке.

Его член возбужденно дернулся под руками.

— Ваша светлость?

Его голова кивнула. Тело затрясло. Он вспомнил о том, что ему рассказывал Куин — что он сделал со своей женщиной. О, Господи... И теперь это происходит с Джоном.

Она взяла мыло и намылила им ладони, перекатывая брусок между ними, белая пена стекала на плитку. Он представил свой член у нее в руках, и ему пришлось задышать через рот.

Взгляни на колыхания ее груди, подумал он, облизав губы. Он спрашивал себя, позволит ли она поцеловать ее. Какова она на вкус? Позволит ли она войти между ее...

Его член подпрыгнул, он издал жалобный стон.

Лейла вернула мыло на маленькое блюдце, стоящее на мраморной стенке.

— Я буду нежна, так как Вы сейчас очень чувствительны.

Он тяжело сглотнул и молился, чтобы не потерять контроль, когда ее покрытые пеной руки приблизились к нему и опустились на его плечи. К сожалению, ожидание было гораздо приятнее, чем реальность. Ее легкие касания были как прикосновения наждачной бумаги к солнечному ожогу... и все же он жаждал этого контакта.

Жаждал ее. Запах французского мыла парил во влажном, горячем воздухе, ее ладони путешествовали вниз по его рукам, затем вверх и по его могучей груди. Мыльная пена стекала вниз по его животу, на его руки, просачиваясь между пальцами, капая с его члена мягкими комочками.

Он уставился на ее лицо, когда она задерживалась на его груди, считая запредельно эротичным то, как ее бледно-зеленые глаза бродили по его новому, большому телу.

Она была голодна, подумал он. Она испытывала голод по тому, что он держал в руках. Изголодалась по тому, что он хотел дать ей.

Она снова взяла мыло из блюдца и встала перед Джоном на колени, прямо на мрамор. Ее волосы все еще были убраны наверх, и ему хотелось распустить их, чтобы посмотреть, как они выглядят мокрые и прилипшие к ее груди.

Она положила руки на его ноги чуть ниже колен и раздвинула их, подняла на него глаза. В одно мгновение он представил, как она наклоняет голову, как его эрекция растягивает ее рот, щеки округляются, пока она, всасывая, обрабатывает ртом его член.

Джон застонал и покачнулся, ударяясь плечом о стену.

— Опустите руки, Ваша светлость.

И хотя его жутко пугало то, что должно произойти дальше, он хотел повиноваться ей. Кроме того, что, если он выставит себя дураком? Что, если он кончит ей в лицо, потому что не сможет удержаться? Что, если...

— Ваша светлость, опустите руки.

Он медленно опустил руки, и его возбуждение выступало вперед прямо из его бедер, не только бросая вызов гравитации, но и находясь абсолютно вне ее досягаемости.

О, Боже. О, Боже... Ее рука приближалась к...

В тот момент, когда она коснулась его члена, эрекция исчезла, из ниоткуда в голове всплыло воспоминание: он увидел себя под грязной лестницей. Ему угрожают ножом. Его насилуют, в то время как он беззвучно рыдает.

Джон отшатнулся от ее хватки, спотыкаясь, вырвался из душа, его мокрые ступни и слабые колени заставляли ноги разъезжаться на скользком полу. Чтобы не упасть, он приземлился задницу на унитаз.

Не благородно. Не по-мужски. И так чертовски типично. Наконец-то, у него было большое тело, но он не стал больше мужчиной, чем тогда, когда он был заключен в маленьком.

Вода выключилась, он слышал, как Лейла заворачивает свое тело в полотенце. Ее голос

дрожал.

— Вы хотите, чтобы я ушла?

Он кивнул, ему было стыдно даже взглянуть на нее.

Гораздо позже, подняв глаза, он обнаружил, что бы один в ванной комнате. Одиноким и замерзшим, тепло душа рассеялось, чудесный пар растворился, как будто его и не было вовсе.

Его первый раз с женщиной... и у него исчезла эрекция. Господи, его сейчас стошнит.

Ви впился в Джейн своими клыками, проникая ей в горло, проколов вену и присосавшись к коже губами. Она была человеком, и прилив силы шел не от состава ее крови, а от самой мысли, что это была ее кровь. Ее вкус — вот чего он так жаждал. Ее вкус... и поглощение им ее частички.

Когда она вскрикнула, он знал, что не от боли. Ее тело было влажным от возбуждения, и этот аромат стал лишь сильнее, когда он взял от нее то, что хотел, взял ее лоно своим членом, а ее кровь своим ртом.

— Кончи со мной, — сказал он охрипшим голосом, отпуская ее горло и позволяя ей вновь опереться на раковину. — Кончи... со... мной.

— О, Боже...

Ви плотнее вжался в ее бедра, и когда его накрыл оргазм, она достигла вершины вместе с ним, ее тело высасывало его плоть так же, как он забирал кровь из ее шеи. Такой обмен казался справедливым и удовлетворяющим, теперь она была — в нем, а он — в ней. И это было правильно. Это было хорошо.

Моя.

Когда все закончилось, они застыли, тяжело дыша.

— С тобой все в порядке? — спросил он, судорожно глотая воздух и отлично понимая, что этот вопрос никогда прежде не слетал с его губ после секса.

Она не ответила, и он слегка отодвинулся от нее. На ее бледной коже он увидел оставленные им следы, красные отметины от его грубого обращения. Практически каждый, кого он когда-либо трахал, в конце концов, получал их, потому что ему нравилось делать это грубо, он нуждался в подобной жесткости. И его никогда не беспокоило, что он оставлял на телах других.

Но сейчас эти отметины его беспокоили. И стали беспокоить еще сильнее, когда он вытер рот, размазав по руке ее кровь.

О, Господи... Он взял ее грубо. Это было слишком грубо.

— Джейн, мне так...

— Потрясающе. Она тряхнула головой, светлая шапка волос рассыпалась по щекам. — Это было... потрясающе.

— Ты уверена, что я не...

— Просто потрясающе. Хотя я боюсь отпустить эту раковину, потому что просто рухну на пол.

Облегчение ударило в голову хмельным гулом.

— Я не хотел причинить тебе боль.

— Ты ошеломил меня... ну, в том смысле, что будь у меня лучшая подруга, я позвонила бы ей прямо сейчас, чтобы сказать: «О, Боже мой, у меня только что был секс всей моей жизни!».

— Хорошо. Это... хорошо.

Ему так не хотелось покидать ее лоно, особенно сейчас, когда она говорит подобные вещи.

Но он отвел бедра назад, его плоть выскользнула из нее, чтобы дать ей передышку.

Со спины она выглядела восхитительно. Прекрасная, до боли в висках, невероятно съедобная. Его возбужденная плоть пульсировала в ритме сердца, пока он натягивал пижамные штаны, упаковывая себя во фланель.

Ви медленно выпрямил Джейн и посмотрел на ее отражение в зеркале: ее взгляд затуманился, рот был приоткрыт, а щеки пылали. След от укуса на шее был именно в том месте, где он и хотел: прямо там, где все смогут его увидеть.

Он повернул ее лицом к себе и провел указательным пальцем вверх по ее горлу, поймав тонкую струйку крови, вытекающую из проколов. Он лизнул черную кожу перчатки, смакуя вкус ее крови, желая большего.

— Я запечатаю ранку, хорошо?

Она кивнула, и он наклонил голову. Он нежно провел языком по ранкам, закрыл глаза и потерялся в ее аромате. В следующий раз, он хотел оказаться между ее ног и прокусить вену на внутренней стороне бедра, он хотел впиваться в ее вену в этом месте, чтобы попеременно сосать ее кровь и облизывать ее плоть.

Он наклонился в сторону и включил душ, затем стягивая, расстегнул рубашку, что была на ней. Ее грудь была прикрыта белым кружевом, розовые кончики просвечивали сквозь манящий узор. Наклонив голову, он всосал один сосок сквозь тонкую ткань, и был вознагражден движением ее руки, зарывшейся ему в волосы, и стоном, вырвавшимся из ее горла.

Он зарычал, его ладонь скользнула между ее ног.

То, что он оставил после себя, теперь было на внутренней стороне ее бедер, и хотя это делало его примитивным ублюдком, он желал, чтобы оно там и оставалось. Ему хотелось оставить эту частичку себя на прежнем месте и добавить еще больше внутрь нее.

Ах да, инстинкты связанного мужчины. Он хотел, чтобы она носила его, как свою собственную кожу: везде, по всему телу.

Он снял с нее бюстгальтер и поставил под душ, придерживая за плечи и подставляя под струи воды. Затем вошел сам, его пижама мгновенно намокла, ноги ощущали гладкий мраморный пол. Проводя руками по ее волосам и убирая короткие белокурые пряди с ее лица, он посмотрел ей в глаза.

Моя.

— Я еще тебя не поцеловал, — сказал он.

Она выгнула спину, прижавшись к его груди, чтобы удержать равновесие, именно так, как ему и хотелось.

— Нет, в рот — нет.

— Можно?

— Пожалуйста.

Черт, взглянув на ее губы, он занервничал. Что было так странно. В его жизни было столько секса, всех возможных видов и комбинаций, но перспектива поцеловать ее по-настоящему, стерла все это начисто; он стал девственником, которым никогда не был, неумелым и нерешительным.

— Ну, так ты сделаешь это? — спросила она, когда он остановился.

О... черт.

С улыбкой Моны Лизы она положила ладони ему на лицо.

— Иди сюда.

Джейн притянула его к себе, наклонила его голову и коснулась его губ. Тело Вишеса задрожало. Он и прежде ощущал силу... его собственную силу в своих же мускулах, силу своей проклятой матери над его судьбой, силу короля в своей жизни, своих братьев в бою... но никогда

никому он не позволял одолеть его.

Джейн одолела его сейчас. Она полностью его контролировала, нежно обхватив руками его лицо.

Он притянул ее ближе и прижался к ее губам, это единение было сладким, раньше ему казалось, что он никогда не захочет подобного, а уж тем более — не станет преклоняться перед этим. Когда они оторвались друг от друга, он намылil ее округлые изгибы, затем смыл пену. Вzbил шампунь в ее волосах. Вымыл между ног.

Заботиться о ней было почти так же, как дышать... автоматическая функция его тела и мозга, о которой он даже не задумывался.

Он выключил воду, обтер ее досуха полотенцем, поднял на руки и понес обратно в постель. Она растянулась на его черном одеяле, вытянув руки над головой и слегка разведя ноги, лишь порозовевшая женская кожа и мускулы.

Джейн смотрела на него из-под полуприкрытых век.

— Твои штаны намокли.

— Да.

— Ты твердый.

— Так и есть.

Она выгнулась на кровати, по ее телу от бедер до груди прокатились волны.

— Ты собираешься что-нибудь с этим делать?

Он обнажил клыки и зашипел.

— Если ты мне позволишь.

Она отвела одну ногу в сторону, и роговица его глаз едва ли не начала кровоточить. Ее лоно блестело, и вовсе не от душа.

— По-твоему, это похоже на «нет»? — спросила она.

Он сорвал свои штаны и через мгновение оказался на ней, целуя ее долго и глубоко. Он приподнял бедра, принимая удобное положение и погружаясь в ее глубину. Она была так хороша сейчас, наяву, а не во сне. Когда она кончила для него один раз, второй... и еще снова... его сердце разлетелось на тысячи осколков.

Впервые он занимался сексом с кем-то, кого любил.

Вишес впал в мгновенную слепую панику от этого открытия. Как, черт его подери, это могло случиться?

Но ведь это его последняя... ну, единственная... возможность любить, не так ли? И она ничего не вспомнит, так что все в порядке — в конце ее сердце не будет разбито.

К тому же... хм, отсутствие у нее воспоминаний будет безопасным и для него тоже, не так ли? Почти как той ночью, когда они с Рофом упились, и Ви рассказал о своей матери.

Чем меньше людей о нем знает, тем лучше.

Но, черт возьми, почему грудь болит при мысли о стирании памяти у Джейн?

Господи, она так скоро уйдет.

На Другой Стороне Кормия вышла из храма Праймэйлов и ждала, пока Директрикс закроет огромные золотые двери. Храм располагался на возвышенности, позолоченной короной украшая небольшой холм. Отсюда как на ладони была видна вся территория Избранных: белые здания и храмы, амфитеатр, дорожки, выстеленные коврами. Участки между шедеврами архитектуры были покрыты стриженной белой травой, которая никогда не росла и никогда не менялась. Как обычно, линия горизонта была едва видна, лишь размытая белая полоса границы леса где-то вдали. Единственным цветным пятном выделялось бледно-голубое небо, но даже оно как будто растворялось по краям.

— На этом закончим твой урок, — сказала Директрикс, снимая с шеи изящную цепочку с ключами и запирая двери. — По традиции, для начала ты должна присутствовать на ритуалах очищения, мы придем за тобой. До этого времени ты должна думать об оказанной тебе чести и о том, как ты можешь услужить на благо всем нам.

Эти слова были сказаны таким же жестким тоном, каким Директрикс описывала то, что Праймэйл сделает с телом Кормии. Снова и снова. В любое время, когда он только пожелает.

Глаза Директрикс горели расчетливым огоньком, когда она вернула ожерелье обратно на шею, и ключи мелодично зазвенели у нее между грудей.

— Прощай, сестра.

Когда Директрикс спускалась с холма, ее белое одеяние сливалось с землей и окружающими зданиями — очередное белое пятно, различимое лишь потому, что оно двигалось.

Кормия прижала ладони к лицу. Директрикс сказала ей — нет, она пообещала, — когда Кормия возляжет под Праймэйла, это будет очень болезненно, и Кормия ей верила. Красочные подробности были шокирующими, и она боялась, что не сможет пережить брачную церемонию, не сломавшись, чем навлечет позор на всех Избранных. Как их представительница, Кормия обязана была выполнить то, что он нее ожидали, с достоинством, или же она запятнает и полностью осквернит почтенную традицию, которой служила.

Она взглянула через плечо на храм и положила руку на низ живота. Она была способна зачать, как и все Избранные, в любое время, когда они находились на Этой Стороне. Она могла родить ребенка Праймэйла после единственной же проведенной ночи с ним.

О, Славная Дева в Забвении, почему выбрали именно ее?

Когда она обернулась, Директрикс уже шла у подножия холма, ее фигурка была очень мала по сравнению с возвышающимися, огромными зданиями. Больше чем кто-либо, она влияла на их жизни: они все служили Деве-Летописице, но именно Директрикс управляла ими. По крайней мере, до прибытия Праймэйла.

И этот мужчина не был желанным в мире Директрикс.

Вот почему именно Кормию предложили Деве-Летописице на эту роль. Из всех женщин, которых, возможно, могли избрать, и которые были бы счастливы от этого, она была наименее уступчива и наименее покладиста. Этакое пассивно-агрессивное заявление против смены верховной власти.

Кормия стала спускаться с холма, под босыми ногами ощущая белую неживую траву — ни теплую, ни прохладную. Ничего, кроме еды и питья в этом мире не обладало температурой.

На мгновение она задумалась о побеге. Лучше сбежать из единственного знакомого ей места, чем терпеть то, что ей так красочно расписала Директрикс. Но она не представляла, как выбраться на противоположную сторону. Она знала, что сначала нужно пройти через личные покои Девы-Летописицы, но что потом? А если ее поймает Ее Святейшество?

Немыслимо. Это еще страшнее, чем возлечь с Праймэйлом.

Глубоко уйдя в свои личные, греховные мысли, Кормия бесцельно бродила по месту, которое знала всю свою жизнь. Здесь было так легко затеряться, потому что все выглядело абсолютно одинаково, одинаково ощущалось и даже пахло. Не было отличий, края реальности были слишком скользкими, чтобы за них можно было ухватиться, психически или физически. Связи с землей никогда не было. Здесь ощущаешь себя воздухом.

Проходя мимо Сокровищницы, она остановилась на ее царских ступенях и подумала о драгоценностях, что хранились внутри, единственные реальные цвета, которые она когда-либо видела. За закрытыми дверями находились большие корзины, полные красивейших камней, и, хотя она видела их лишь раз или два, она до сих пор отчетливо помнила их цвета. Ее глаза шокировали ярко-синие сапфиры и темно-зеленые изумруды, кроваво-красные рубины. Аквамарины были цвета неба, поэтому очаровывали ее меньше.

Ее любимыми камнями были цитрины, прекрасные желтые цитрины. Однажды она украдкой прикоснулась к ним. Это было лишь торопливое движение руки, когда никого не было рядом, но ах, как чудесно было видеть, как грани играют веселым мерцающим светом. Когда они перекачивались в ее руке, ей казалось, что они мило беседуют с ее ладонью — ощущалось фантастическое тактильное удовольствие, а его незаконный характер делал момент еще более захватывающим.

Они согревали ее, хотя на самом деле были не теплее чем все, что их окружало.

Но драгоценные камни были не единственной причиной удивительной радости, которую приносит посещение Сокровищницы. На другой ее стороне, за стеклом, хранились предметы, которые были собраны потому, что играли ключевую роль в истории расы или потому, что они оказались в ведении Избранных. Несмотря на то, что Кормия не всегда знала, на что она смотрит, это все равно было для нее откровением. Цвета. Текстуры. Иностранные вещи из чужеземных мест.

По иронии судьбы, та вещь, которая больше всего притягивала ее внимание, была древняя книга. На потрепанной обложке были выбиты рельефные буквы: Дариус, сын Марклоне.

Кормия нахмурилась и вспомнила, что видела это имя раньше... в библиотеке, в зале Братства Черного Кинжала.

Дневник Брата. Вот почему эту книгу сохранили.

Кормия смотрела на запертые двери, ей хотелось оказаться в прошлом, когда здание всегда оставалось открытым, и можно было зайти внутрь так же свободно, как сейчас она могла войти в библиотеку. Но так было до нападения.

Нападение изменило все. Казалось немыслимым то, что подлые члены расы пришли из дальней стороны с оружием в руках, в поисках наживы. Но они прошли через портал, который в настоящее время был закрыт, и напали на Сокровищницу. Предыдущий Праймэйл погиб, защищая своих женщин. Прежде чем погибнуть, он лишил жизни трех гражданских.

Предположительно, это был ее отец.

После этого ужасного эпизода, Дева-Летописица закрыла портал, и все, кто стремился попасть внутрь, должны были сначала пройти через ее личные покои. Из предосторожности, Сокровищница была всегда закрыта, за исключением тех моментов, когда драгоценности были нужны Деве-Летописице или требовались для определенных обрядов. Ключ хранился у Директрикс.

Она услышала шаркающий звук и посмотрела в сторону, откуда он доносился. По дорожке между колоннами хромала, волоча ногу, фигура, закутанная с головы до ног в черную мантию, в покрытых руках она несла грудой полотенец.

Кормия быстро отвела взгляд и побежала прочь, желая как можно быстрее оказаться

подальше от этой женщины и от храма Праймэйлов. Она удалилась насколько было возможно, и оказалась возле зеркального озера.

Вода была прозрачной и абсолютно спокойной, зеркало, в котором отражалось небо. Ей хотелось окунуть стопу в воду, но это непозволительно...

Ее слух уловил какой-то звук.

Поначалу она засомневалась, что вообще что-то слышала. Поблизости никого не было, лишь Гробница Младенцев и белые деревья по краям святилища. Она ждала. Ничего не услышав, она списала все на игру своего воображения и продолжила идти.

Хотя, когда она взглянула на гробницу, ее пронзил страх — в гробнице покоились дети, что не пережили рождение.

Тревожная дрожь пробежала по позвоночнику. Это место было единственным, где она ни разу не бывала, как и другие Избранные. Все старались избегать этого одинокого квадратного здания с белой оградой. В воздухе застыла печаль, черные атласные ленты связывали дверные ручки Гробницы.

О, святая Дева в Забвении, подумала она, возможно, скоро ее судьба будет погребена здесь, ведь даже среди Избранных был высокий уровень детской смертности. Воистину, часть ее будет покоиться здесь, крохотные частички ее самой, отданные на хранение, пока от них не останется лишь прах. Тот факт, что она не могла выбрать, беременеть ей или нет, что она не имела права не то, что произнести — даже подумать — слово «нет», и что ее потомство ждала та же участь, все это заставило ее представить себя внутри этой одинокой гробницы, запертой среди маленьких мертвых тел.

Посмотрев за ограду, она плотнее запахнула воротник мантии и задрожала. До сего момента это место приводило ее в замешательство, ей казалось, что малыши, что покоятся там, чувствуют себя ужасно одинокими, хотя все они были в Забвении, и должны быть счастливыми и умиротворенными.

Теперь же гробница внушала ей ужас.

Она снова услышала этот звук, и отскочила назад, готовясь рвануть сломя голову от печальных духов, которые жили здесь.

Но нет, это был не ребенок. Она слышала вздох. И звук был явно не призрачным, а очень даже реальным.

Она молча зашла за угол.

На траве сидела Лейла, прижав колени к груди и обняв себя руками. Ее голова была опущена, плечи дрожали, волосы и одежда были мокрые.

— Сестра моя, — прошептала Кормия. — Как ты?

Лейла подняла голову, быстрым движением вытерла щеки, пока на них не осталось ни слезинки.

— Уходи. Пожалуйста.

Кормия подошла и опустилась перед ней на колени.

— Расскажи мне. Что случилось?

— Ничего такого, о чем тебе надо...

— Лейла, поговори со мной. — Она хотела протянуть руку и коснуться сестры, но это было непозволительно, и она не хотела расстраивать Лейлу еще больше. Вместо этого, она нежно сказала:

— Сестра моя, я успокою тебя. Пожалуйста, поговори со мной. Пожалуйста.

Светлая головка Избранной закачалась взад-вперед, шиньон растрепался.

— У меня не получилось.

— Что не получилось?

— Не... получилось. В эту ночь я не смогла ублажить. Меня отвергли.

— Отвергли?

— Мужчина, которому я помогала при превращении. Он был готов к соединению, и я прикоснулась к нему, а его возбуждение исчезло.

Дыхание Лейлы перешло в рыдание.

— И я... я должна была сообщить об этом королю, о том, что произошло, как того требует традиция. Я должна была сделать это до того, как ушла, но я была в таком ужасе. Как я скажу об этом Его Величеству? И Директрикс?

Ее голова упала, как будто силы оставили ее.

— Великие обучали меня, как ублажать. И я подвела всех нас.

Кормия рискнула и положила свою руку на плечо Лейлы, думая о том, что так было всегда. Бремя ответственности за всех Избранных падало на плечи каждой женщины, когда она выполняла свой долг перед расой. Это был не личный позор, а тяжкий груз грандиозного поражения.

— Сестра моя...

— Я должна пройти осуждение после того, как поговорю с королем и Директрикс.

О, нет... осуждение состояло из семи циклов без еды, света и контактов с другими людьми, и было предназначено для искупления нарушений самого высокого порядка. Самое худшее из всего этого, как слышала Кормия, было отсутствие освещения — ведь каждая Избранная жаждала света.

— Сестра, ты уверена, что он не захотел тебя?

— Мужские тела не лгут. Милостивая Дева... Может быть, это к лучшему. Возможно, я бы не смогла его ублажить.

Бледно-зеленые глаза закрылись.

— Хорошо, что не я была твоим учителем. Я обучена лишь теории, не практике, и поэтому, возможно, я не смогла бы передать тебе нужных знаний.

— Я бы предпочла, чтобы меня обучала ты.

— Тогда ты неразумна. — Лицо Избранной резко постарело. Стало древним. — А я усвоила свой урок. Меня нужно изгнать из рядов Эроса, так как я неспособна исполнять плотские традиции.

Кормию беспокоили мертвые тени в глазах Лейлы.

— Возможно, это была его вина?

— Вопрос не в том, его ли это вина. Он был недоволен мной. Мое бремя, не его. Она вытерла слезы. Скажу тебе, нет большей неудачи, чем неудача сексуальная. Ничто не ранит так глубоко, как отказ от твоего обнаженного тела и инстинкта соединения от человека, которому ты хотела бы отдаться... когда сторонятся твоего тела — вот худший отказ. Так что я должна оставить Эрос, и не только ради их прекрасной традиции, но и ради себя самой. Я не смогу пройти через это снова. Никогда. А теперь уходи, и ничего не говори. Я должна собраться с мыслями.

Кормия хотела остаться, но спорить сейчас ей казалось неправильным. Она поднялась и сняла накидку, обернув ею плечи своей сестры.

Лейла подняла на нее удивленный взгляд.

— Воистину, мне не холодно.

Произнесла она, еще больше закутавшись в ткань.

— До встречи, сестра моя.

Кормия отвернулась и пошла к озеру размышления.

Она подняла глаза в молочное небо. Ей хотелось кричать.

Вишес скатился с Джейн и устроился так, что теперь она уткнулась ему в грудь. Ему нравилось, когда она тесно прижималась к нему с левой стороны, чтобы боевая рука была наготове убить за нее. Лежа здесь и сейчас, никогда еще он не был так собран, а жизненные цели — столь ясными: его главными приоритетами стали ее жизнь, здоровье и безопасность, и та сила, которой он обладал, чтобы выполнить цели, делала его целостным.

Он был собой благодаря ей.

За то короткое время, что они знали друг друга, Джейн ворвалась в ту секретную комнату в его груди, убрав с дороги Бутча, и расположившись там как дома. И он почувствовал, что это правильно. Чувствовал, что так и должно быть.

Она что-то пробормотала во сне и еще крепче прижалась к нему. Погладив ее по спине, он поймал себя на мысли, что, без всякой на то причины, вспоминает свой первый бой, противостояние, вскоре за которым последовал первый в его жизни секс.

В военном лагере, мужчинам, недавно прошедшим превращение, определялось ограниченное количество времени, чтобы те могли набраться сил. И все же, когда отец встал перед ним и объявил, что он должен драться, Вишес был удивлен. Ему нужен был хотя бы день для того, чтобы восстановиться.

Бладлеттер улыбнулся, показав клыки, которые никогда не убирал.

— И ты будешь драться в паре с Гродтом.

Солдат, у которого Ви украл оленью ногу. Грудка жира, чья доблесть была в молоте.

Он был невероятно истощен, на ногах его держала лишь его гордость. Ви направился к бойцовскому рингу, что находился за спальными местами солдат. Ринг был неровным круглым провалом в полу пещеры, как будто на этом месте великан в расстройстве вогнал в землю свой кулак. В этой глубокой, по самую грудь, яме, стены и дно которой потемнели от крови, воину предписывалось драться, пока он мог устоять на ногах. Запрещенных приемов не существовало, и единственное правило относилось к проигравшему и к тому, что он должен был предъявить как плату за свой проигрыш в бою.

Вишес знал, что не был готов к бою. Дева-Летописица, он едва смог спуститься на ринг без падения. Но это и была главная цель, не так ли? Его отец разработал идеально хитрый план. Ви мог выиграть этот бой лишь одним способом, и если он использует свою руку, то весь лагерь увидит то, что до этого было лишь слухом, и изгонит его навсегда. А если он проиграет? Тогда он не будет представлять никакой угрозы для власти своего отца. Так или иначе, превосходство Бладлеттера останется нетронутым, и зрелость его сына ему не угрожала.

Когда жирный солдат вскочил с громким криком и размахнулся молотом, Бладлеттер замаячил возле края ринга

— Какое оружие мне дать моему сыну? — спросил он у собравшихся. — Я думаю, может быть... — Он посмотрел на одну их кухарок, которая оперлась на метлу. — Дай ее мне.

Женщина подчинилась и неловко уронила вещь к ногам Бладлеттера. Когда она наклонилась, чтобы поднять ее, он отшвырнул ее в сторону, как ветку, что валялась на его пути.

— Возьми это, сын мой. И молись Деве, чтобы он не воспользовался этим, когда ты проиграешь.

В толпе зрителей раздался смех, Ви схватился за деревянную рукоятку.

— Начали! — пролаял Бладлеттер.

Толпа приветственно завопила, кто-то вылил останки эля прямо на Вишеса, теплые

брызги ударили в голую спину и потекли по обнаженным ягодицам. Жирный солдат напротив него улыбнулся, обнажив верхнюю челюсть, которую украшали клыки. Мужчина начал обходить вокруг Ви, молот покачивался на конце цепи с тихим свистящим звуком.

Ви неуклюже следил за противником, с трудом контролируя свои ноги. Он сосредоточил свое внимание главным образом на правом плече мужчины, на том, которое будет напряжено, когда он выбросит вперед молот, и боковым зрением следил за толпой. Медовуха была самым безобидным из того, чем они могли в него запустить.

Казалось, это была не драка, а скорее уклонение от нее: Ви вроде как оборонялся, а его противник был показушно агрессивен. Пока солдат демонстрировал свои умения в обращении с оружием, Ви изучал предсказуемость действий мужчины, а также ритм его молота. Каким бы сильным солдат ни был, ему все равно приходилось напряженно расставлять ноги, перед тем, как послать в полет зубчатую голову своего молота. Ви ждал очередной паузы в действии, а затем, размахнувшись, ударил солдата рукояткой метлы прямо в пах.

Мужчина заорал, уронил молот, свел вместе колени, прикрывая пах ладонями. Ви не стал терять время. Он завел метлу за спину и со всего размаху обрушил рукоятку на голову своего противника, полностью его вырубив.

Аплодисменты стихли, было слышно лишь потрескивание огня и рваное дыхание Ви. Он бросил метлу и перешагнул через своего противника, готовый покинуть ринг.

На краю ринга встал его отец, блокируя ему выход.

Глаза Бладлеттера были узкими как лезвие.

— Ты не закончил.

— Он не поднимется.

— Дело не в этом.

Бладлеттер кивнул в сторону солдата, что валялся в отключке на полу ринга.

— Закончи с ним.

В этот момент противник застонал, а Вишес оценил планы отца. Если Ви откажется, игра, что ведет его отец, будет считаться законченной, и отчуждение, которое Бладлеттер жаждал для своего сына, будет полным, хотя может и не таким, каким он планировал: Ви станет мишенью для мелких шпилек, его посчитают слабым, не нашедшим в себе силы наказать противника. А если он закончит, как ему велели, конечно, его положение в лагере будет более-менее стабильным, но только до следующего испытания.

Его накрыла ужасная усталость. Неужели вся его жизнь всегда будет основываться на подобном пошлом и безжалостном балансе?

Бладлеттер улыбнулся.

— Оказывается, у этого ублюдка, что называет себя моим сыном, совсем нет стержня. Может быть, семя, что поглотило чрево его матери, было не моим?

Смех прокатился по толпе, и кто-то крикнул:

— Нет, твой сын не стал бы колебаться в такой час!

— И во время боя, мой истинный сын не был бы настолько труслив, чтобы атаковать мужчину в столь уязвимое место.

Бладлеттер встретился глазами со своими солдатами.

— Слабаки коварны, ибо настоящая сила им недоступна.

Горло Ви сжало удушьем, как будто руки отца обернулись вокруг его шеи. Когда способность дышать вновь вернулась, гнев растекся по груди, как лава, а сердце бешено застучало. Он посмотрел на жирного солдата, который избивал его когда-то... подумал о книгах, которые отец заставил его сжечь... о мальчишке, который набросился на него... и о тысяче жестоких и несправедливых действий, за всю жизнь совершаемых по отношению к нему.

Тело Ви ускорилося від гніву, який горів у ньому, і, перш ніж він усвідомив, що робить, перевернув солдата на його жирний живіт.

Він взяв чоловіка. На очах батька. На очах усього табору.

І зробив це жорстоко.

Коли все завершилося, він роз'єднав їх тіла і відступив назад.

Солдат був покрит кров'ю Ви, його потом і рештками його гніву.

З швидкістю і ловкістю гірського козла, він вибрався з рингу, і хоча він не знав, яке час доби було зовні, він бігав через весь табір, до головного виходу з печери. Коли він вирвався на свободу, холодна ніч тільки набирала сили над землею, а слабе світло на сході жгло обличчя.

Він упав на коліна, його вивало. Знову і знову.

— Як же ти слаб.

Голос Бладлеттера був сумним... але тільки лише на поверхні. В його словах відчувалася глибока задоволеність виконаною місією: незважаючи на те, що Вишес зробив з солдатом те, що повинен був, його відступлення було доказом цієї трусоти, яку так ретельно шукав в його вчинках батько.

Очі Бладлеттера звужувалися.

— Ти ніколи не будеш краще мене, хлопчик. І ти ніколи не будеш вільним від мене. Я буду керувати твоєю життям.

Хвиля ненависті накрила Ви, і він вскочив зі свого місця і атакував батька в лоб, витягнувши вперед світяться руки. Бладлеттер застиг, коли електричний вибух пройшов крізь його масивне тіло, вони обидва впали на землю, Вишес опинився зверху. Істинно, Ви припав яскраву білу долоню до товстому горлу свого батька і сжав її.

Обличчя Бладлеттера стало темно-червоного кольору, зір Ви змутніло і замість реальності перед ним виникло бачення.

Він бачив смерть свого батька. Так чітко, як ніби це відбувалося прямо на його очах.

Слова виривалися з рота крім його бажання:

— Ти зустрієш свій кінець в стіні вогню, об'ятий болем. Ти будеш горіти, поки від тебе не залишиться нічого, крім диму, який розвіє вітер.

Обличчя батька викривилося від жаху.

Якийсь солдат оттащив Ви від батька, тепер він тримав його за підмишки, ноги висіли над засніженою землею.

Бладлеттер встав з землі, його обличчя почервоніло, крапельки поту блискіли на верхній губі. Він важко дихав, як загнана кінь, з його ноздрів виривалися струми білого пару.

Ви був абсолютно впевнений, що його заб'ють до смерті.

— Принесіть мені мій клинок, — проривав його батько.

Вишес потер обличчя руками. Щоб уникнути думок про те, що сталося далі, він подумав, що ніколи не зможе сприймати нормально свій перший сексуальний досвід з солдатом. І навіть триста років по тому, він все ще відчував, що надругався над іншим чоловіком, хоча це було в порядку речей в його таборі.

Він подивився, як Джейн звернулася калачиком поруч з ним, і з усією впевненістю подумав, що саме сьогодні вночі він остаточно втратив дівочість. І хоча до цього його тіло займалося сексом різними способами і з різними людьми — це завжди було чимось на зразок обміну силою — силою, яка вся перетекла до нього, влада, яку він впитував для власної заспокоєної впевненості, що ніхто і ніколи більше не перекине його на спину і не зв'яже, позбавляючи його можливості боротися, поки з ним творять всяке дерьмо.

Сьогодні все було інакше. З Джейн теж був обмін: вона щось дала йому, і взаємно він

подарил ей часть себя.

Ви нахмурился. Часть, но не все.

Для этого им надо отправиться в другое его место. И... черт, они туда отправятся. И даже несмотря на пронзившую его холодную дрожь лишь от одной этой мысли, он поклялся, что, прежде чем она уйдет из его жизни, он даст ей то, что никогда и никому не давал.

И никогда никому не даст в будущем.

Он хотел отплатить ей тем же доверием, что она дала ему. Она была так сильна, как человек, как женщина, и все же она позволила подвергнуть себя его сексуальной силе, даже зная, что он — доминант с наклонностями к хард-кору, и что она не подходит ему в физическом плане.

Ее доверие повергло его на колени. Он должен отплатить ей тем же, прежде чем она уйдет.

Моргнув, она открыла глаза, и когда их взгляды встретились, они одновременно произнесли:

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я не хочу тебя покидать.

Когда Джон проснулся на следующий день, он боялся двигаться. Черт, да он страшился даже открыть глаза. Что, если это все сон? Собравшись с духом, он поднял руку, разлепил веки и... о да, вот оно. Ладонь была огромной, размером с его голову. Рука длинней, чем его бедренная кость до превращения. Запястье широкое, как когда-то была его голень.

Ему удалось.

Он потянулся к мобильному и отправил сообщения Куину и Блэю, которые мгновенно ответили ему. Они были чертовски рады за него. Джон ухмыльнулся, как последний придурок, а потом понял, что ему нужно в ванную, и бросил взгляд на открытую дверь. Через дверной проем он увидел душ.

О, Боже. Он действительно облажался прошлой ночью с Лейлой?

Он бросил телефон на одеяло, несмотря на то, что там остались не отвеченные сообщения. Он паршиво себя чувствовал, потирая свою неожиданно широкую грудь ладонью Шакил О'Нила. Он должен извиниться перед Лейлой, но за что? За то, что он слабак с мягким членом? Можно подумать, его до смерти одолевало желание обсудить это; к тому же он и его потуги не произведут на нее никакого впечатления.

Оставить все как есть? Наверное. Лейла была красивой и чувственной, идеальной во всех отношениях, она ни за что бы не решила, что это ее вина. Написав то, что он хотел бы ей сказать, обладай он голосом, он лишь окончательно себя унизит до аневризмы.

Но он все еще паршиво себя чувствовал.

Прозвенел будильник, и казалось чертовски непривычно тянуться этой мужской рукой и выключать его. Когда он встал на ноги, то почувствовал себя еще более непривычно. Точка его обзора была абсолютно иной, и все казалось меньше: мебель, двери, комната. Даже потолок стал ниже.

Насколько большим он стал?

Пытаясь сделать несколько шагов, он почувствовал себя клоуном на ходулях: долговязым, шатающимся, рискующим упасть. Да... клоун, которого хватил удар, потому что команды его мозга не полностью доходили до мускулов и костей. По пути в ванную он шатался во все стороны, цепляясь за шторы, оконные рамы, комод и дверную ручку.

Без особой на то причины, он вспомнил, как пересекал реку во время прогулок с Зейдистом. Когда он сейчас шел, неподвижные предметы, используемые им в качестве опоры, были прямо как камни, по которым он прыгал, избегая стремительного потока. Маленькие, но очень важные помощники.

В ванной стояла беспросветная тьма из-за ставней, все еще опущенных на ночь, и выключенного им после ухода Лейлы света. Положив руку на выключатель, он сделал глубокий вдох, потом включил встроенные светильники.

Он сощурился, зрение стало сверхчувствительным и острее, чем ранее. Через мгновение его отражение, появившееся из света, как призрак, стало таким четким. Он был...

Он не хотел знать. Пока нет.

Джон выключил лампы и пошел в душ. Ожидая потока горячей воды, он прислонился к холодному мрамору, обхватив себя руками. У него возникло нелепое желание, чтобы его обняли; хорошо, что он был один. Хотя он надеялся, что превращение сделает его сильнее, но, кажется, он стал еще сентиментальнее.

Он вспомнил, как убивал тех лессеров. Пронзив их кинжалом, он ясно сознавал, кем он был и какой силой обладал. Но потом это ощущение рассеялось, и он даже сомневался в том, что

вообще это чувствовал.

Он открыл дверь в душевую кабинку, и вошел внутрь.

Господи, ой! Струи, словно иголки, вонзались под его кожу, а при попытке намылить руку, купленным Фритцем французским мылом, кожу обожгло, словно кислотой. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы вымыть лицо, и было бы круто впервые за свою историю иметь щетину на подбородке, мысль о том, чтобы поднести бритву к физиономии, вызывала отвращение. Как пройтись теркой для сыра по щекам.

Отмывая свое тело аккуратно, насколько это было возможно, он дошел до половых органов. Недолго думая, он сделал то, что делал всю свою жизнь, — быстро пройдясь под мошонкой, он...

В это раз эффект был иной. Он стал твердым. Его... член стал твердым.

Боже, было непривычно использовать это слово, но... эта штука сейчас была определенно членом, чем-то, что было у мужчины, что мужчина использовал...

Эрекция остановилась. Просто перестала набухать и увеличиваться. Скручивающая в узел боль в животе, также прошла.

Смывая с себя мыло, он не собирался ворошить муравейник своих заморочек касательно секса. У него и без того было полно проблем. Его тело — словно машина на дистанционном управлении со сломанной антенной; и ему нужно идти на занятия, где все будут тарашиться; к тому же его осенило, что Роф уже должен знать об оружии, с которым он был в центре города. В конце концов, его каким-то образом сюда привезли, а Блэй и Куин должны будут разъяснить произошедшее. Зная Блэя, парень будет защищать Джона изо всех сил, но что если его выгонят из программы? Никому не позволено разгуливать с оружием. Никому.

Когда Джон вышел из душа, возможность воспользоваться полотенцем даже не рассматривалась. Несмотря на адский холод, он позволил себе обсохнуть при помощи воздуха, пока чистил зубы и стриг ногти. Благодаря сверхострому зрению, ему не составило труда найти в тумбе нужные вещи. Избегая зеркала, он вышел в спальню.

Открыв шкаф, он достал сумку из «Аберкромби энд Фитч»¹⁰², которую Фритц повесил на его дверь несколько недель назад: тогда он взглянул на одежду и решил, что дворецкий тронулся умом. Внутри находились совершенно новые брендовый джинсы, толстовка размером со спальный мешок, футболка XXXL, и Найки четырнадцатого размера в новой коробке.

Послать в магазин Фритца было верным решением. Вся одежда была впору. Даже обувь размером равнозначную длине лодки.

Джон взглянул на свои ноги и про себя отметил, что Найки должны продаваться в паре со спасательными жилетами и якорем — настолько они были большими.

Он вышел из комнаты неуклюжей поступью, с болтающимися руками и отсутствием равновесия.

Добравшись до вершины парадной лестницы, он поднял глаза на потолок с изображениями великих Воинов.

Он молился, чтобы стать таким же. Но сейчас он не мог себе представить, как достичь подобного.

Фьюри проснулся и увидел женщину из своих снов. Или, может, он все еще спал?

— Привет, — сказала Бэлла.

Он прокашлялся и ответил слабым голосом.

— Ты действительно здесь?

— Да, — она взяла его за руку и села на край кровати. — Прямо здесь. Как ты себя чувствуешь?

Черт, он побеспокоил ее, а это плохо для малыша.

Из последних сил, он быстро сделал мысленную чистку, прошелся Оксиклином по своим мозгам, выметая остатки выкуренного им красного дымка, а также вялость после ранения и сна.

— Я в порядке, — ответил он, поднимая руку, чтобы потереть здоровый глаз. Не лучшая идея. В его кулаке был рисунок с изображением Бэллы, скомканный так, будто он обнимал его во сне. Он затолкал лист бумаги под покрывала, прежде чем она спросила, что это такое. — Тебе следует находиться в постели.

— Мне разрешили вставать ненадолго каждый день.

— Тем не менее, ты должна...

— Когда снимут бинты?

— Э, сейчас, я полагаю.

— Хочешь, я помогу?

— Нет, — последнее, в чем он нуждался, это чтобы она, вместе с ним, обнаружила обнаружила его слепоту. — Но спасибо.

— Я могу принести тебе что-нибудь из еды?

Ее доброта была сильнее, чем монтировка по ребрам.

— Спасибо, но я позову Фритца чуть позже. Тебе лучше пойти прилечь.

— У меня осталось еще сорок четыре минуты, — она посмотрела на часы. — Сорок три.

Он приподнялся на руках, крепко прижимая простыни, не желая сверкать грудью.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Я напугана, но хорошо...

Дверь без стука распахнулась. Вошел Зи, не сводя с Бэллы глаз, словно он пытался по лицу определить ее жизненные показатели.

— Я знал, что найду тебя здесь, — он наклонился, целуя ее в губы, потом в обе стороны шеи над венами.

Во время приветствия Фьюри отвел взгляд... и осознал, что его рука зарылась в простыни и нашла рисунок Бэллы. Он заставил себя убрать руку.

Состояние Зи стало более расслабленным.

— Так как дела, брат мой?

— Хорошо, — но если он еще раз от кого-либо услышит этот вопрос, то начнет вести себя как Скэннер¹⁰³, потому что его голова просто взорвется. — Достаточно хорошо, чтобы выйти сегодня.

Его близнец нахмурился.

— Тебе разрешила док Ви?

— Я так решил.

— У Рофа может быть иное мнение.

— Прекрасно, но если он не согласится, ему придется пристегнуть меня цепями, чтобы удержать здесь. — Фьюри сбавил обороты, не желая накалять обстановку вблизи Бэллы. — Ты преподаешь первую половину ночи?

— Ага, думаю, я достигну большего успеха с огнестрельным оружием. — Зи провел рукой по красно-коричневым волосам Бэллы, поглаживая, одновременно их и ее спину. Он делал это неосознанно, и она принимала ласку также нежно, не обращая внимания.

Грудь Фьюри сжалась так сильно, что пришлось открыть рот и сделать вдох.

— Почему бы нам не встретиться на Первой трапезе, ребята? Я хочу принять душ, снять

бинты и переодеться.

Бэлла встала, и рука Зи, переместившись на талию, притянула ее ближе.

Они были семьей, не правда ли? Они двое и малыш в ее животе. И всего через год, если Дева-Летописица посчитает нужным, они будут стоять на этом же месте с малышом на руках. Пройдут годы, и ребенок будет стоять рядом с ними. А потом их сын или дочь соединится, и следующее поколение их крови поведет вперед расу; семья, а не фантазия.

С целью поторопить их, Фьюри заерзал на кровати, делая вид, что собирается встать.

— Увидимся в столовой, — сказал Зи, поглаживая ладонью живот своей шеллан. — Бэлла вернется в кровать, ведь так, налла?

Бэлла посмотрела на часы.

— Двадцать две минуты. Я лучше приму ванну.

Они обменялись прощальными словами, на которые Фьюри не обратил внимания, потому что чертовски хотел, чтобы они ушли. Когда дверь, наконец, закрылась, он потянулся за тростью, встал с кровати и направился напрямик к зеркалу над комодом. Он ослабил повязку, потом удалил слои марли. Ресницы под ними склеились так сильно, что пришлось идти в ванную, включить воду и несколько раз ополоснуть лицо, чтобы разлепить их.

Фьюри открыл глаз.

Он отлично видел.

Полное отсутствие облегчения, из-за здорового и первоклассного зрения, казалось жутким. Он должен был беспокоиться. Ему нужно было беспокоиться. О себе и своем теле. Но ему было все равно.

Расстроенный, он принял душ и побрился, надел протез и залез в кожаные штаны. Он уже собирался уходить с кобурой для пистолетов и кинжалов в руке, когда остановился у кровати. Сделанный им рисунок все еще валялся в простынях, он видел белые, скомканные углы в складках голубого атласа.

Он представил руку своего близнеца на волосах Бэллы. Потом на ее животе.

Фьюри подошел ближе, подхватил рисунок и расправил на прикроватной тумбочке. Посмотрев на него в последний раз, он порвал рисунок на кусочки, сложил в пепельницу, затем зажег спичку и бросил на бумагу.

Когда остался лишь пепел, он поднялся и вышел из комнаты.

Настало время уйти, и он знал, как это сделать.

Ви был блаженно счастлив. Целый, как собранный Кубик Рубика. Обхватив руками свою женщину, прижавшись к ней своим телом, ощущая ее запах. Словно солнце сияло над ним, несмотря на ночь.

Но потом он услышал выстрел.

Он был во сне. Он спал и видел сон.

Ужасающий кошмар развивался по обычному сценарию, и все же, как будто снился ему впервые. Кровь на футболке. Разрывающая грудь боль. Он упал коленями наземь, его жизнь...

Ви с криком подскочил на кровати.

Когда Джейн бросилась к нему, стараясь успокоить, дверь в комнату с шумом распахнулась, и влетел Бутч с пистолетом наперевес. Их голоса смешались в коктейль из сбивчивых слов.

— Какого черта?!

— Ты в порядке?

Ви завозился в простынях, сметая их со своего тела, открывая грудь. Кожа была нетронутой, но он все равно прошелся по ней ладонью.

— Господи Иисусе...

— Это был сон о твоём ранении? — спросила Джейн, обнимая его.

— Да, черт...

Бутч опустил дуло и подтянул боксеры.

— Ты чертовски напугал нас с Мариссой. Хочешь немного Гуза, чтобы прийти в себя?

— Ага.

— Джейн? Что-нибудь для тебя?

Когда она покачала головой, вмешался Ви:

— Горячий шоколад. Она бы хотела горячего шоколада. Я попросил Фритца купить смесь. Она на кухне.

Бутч ушел, и Ви потер лицо.

— Прости за это.

— Боже, не нужно извиняться, — она провела ладонью по его груди. — Ты в порядке?

Он кивнул. Черт, чувствуя себя придурком, он поцеловал ее.

— Я рад, что ты здесь.

— Я тоже, — она обняла его и держала, словно сокровище.

Они молчали, пока не пришел Бутч со стаканом в одной руке и кружкой в другой.

— Нужен совет. Я обжег на плите мизинец.

— Хочешь, чтобы я осмотрела его? — Джейн подтянула простынь повыше и потянулась за какао.

— Я как-нибудь переживу, но спасибо, док Джейн. — Бутч вручил Ви Гуз. — Как насчет тебя, здоровяк? В порядке?

Ничуть. Не после сна. Не перед отъездом Джейн.

— Ага.

Бутч покачал головой.

— Из тебя плохой лжец.

— Выкатывайся, — слова Ви не вызвали обиды. Как и не прибавили уверенности, когда он добавил: — Я в норме.

Коп направился к двери.

— О, к слову о сильных: Фьюри показался на Первой трапезе, готовый выйти сегодня на

поле боя. Зи заскочил сюда полчаса назад, по пути в класс, чтобы поблагодарить за все сделанное тобой, док Джейн. Лицо Фьюри выглядит совсем неплохо, а глаз отлично работает.

Джейн подула на кружку.

— Я бы почувствовала себя лучше, если бы он записался к окулисту для верности.

— Зи настаивал на этом, но безуспешно. Даже Роф пытался.

— Я рад, что наш парень выкарабкался, — сказал Ви, на самом деле так думая. Но проблема в том, что единственная причина удержать Джейн только что испарилась.

— Да, я тоже. Оставлю вас наедине. Пока.

Дверь закрылась, и Ви услышал, как Джейн снова, остужая, подула на шоколад.

— Я собираюсь отвезти тебя домой этой ночью, — сказал он.

Она перестала дуть. Последовала пауза, потом она сделала маленький глоток.

— Да. Пора.

Он проглотил полстакана Гуза.

— Но перед этим, я хочу отвезти тебя кое-куда.

— Куда?

Он не знал, как рассказать о том, что хотел сделать перед тем, как отпустить ее. Он не хотел, чтобы она навострилась сбежать, особенно представив, как впереди его ждут годы жалкого, безучастного секса.

Он допил Гуз.

— В уединенное место.

Она пила из кружки и ее брови были низко опущены.

— Так ты действительно собираешься отпустить меня, да?

Уставившись на ее профиль, он жалел, что не встретил ее при других обстоятельствах. Черт возьми, как бы это вообще произошло?

— Да, — сказал он тихо. — Собираюсь.

Стоя перед своей кабинкой, три часа спустя, Джон молил, чтобы Куин захлопнул свой поганный рот. Несмотря на царивший в раздевалке шум от хлопающих металлических дверей, шуршащей одежды и скидываемой обуви, ему казалось, что у приятеля к верхней губе был пристегнут мегафон.

— Ты невероятно здоровый, Джей Эм. Реально. Ну типа... огромный.

«Нет такого слова». Джон запихнул рюкзак и тут же понял, что на него теперь ничего из его шмоток не налезет.

— Черта с два нет. Поддержи меня, Блэй.

Блэй кивнул, натягивая спортивные штаны.

— Ага, ты набираешь вес? Ты, в натуре, будешь размером с Брата.

— Монстроразмерный.

«Окей, и такого слова нет, болван».

— Хорошо, очень-очень-очень большой. Ну как?

Покачав головой, Джон выложил книги на пол и похоронил маленькие шмотки в ближайшем ведре.

Вернувшись назад, он оценил размер парней и осознал, что был выше обоих на добрых четыре дюйма. Черт, он был также высок, как Зи.

Он посмотрел вниз по коридору на Лэша. Ага, и выше Лэша.

Ублюдок обернулся, снимая футболку, будто почувствовал взгляд Джона. Парень плавным движением умышленно напряг плечи, мускулы перекатывались под кожей. На животе растянулась татуировка, которой два дня назад не было — слово на древнем Языке, которое Джон не узнал.

— Джон, тащи свой зад в коридор.

В раздевалке стало тихо, и Джон резко повернул голову. Зейдист с деловым выражением на лице, стоял в дверях раздевалки.

— Вот гадство, — прошептал Куин.

Джон, убрав рюкзак, закрыл кабинку и натянул на себя футболку. Он подошел к Брату так быстро, как только смог, обходя других парней, которые притворялись, что продолжают заниматься своими делами.

Зи придержал дверь открытой, когда Джон выходил в коридор. Когда она закрылась, Брат сказал:

— Встречаемся сегодня ночью, перед рассветом, как обычно. Мы просто пропустим прогулку. Придешь в тренажерный зал, я буду там качаться. Нужно поговорить.

«Черт» оказался к месту. Джон показал знаками: *«В тоже время?»*

— В четыре утра. Насчет тренировки. Думаю, ты отсидишься в зале, но примешь участие на полигоне. Сечешь?

Джон склонил голову, а когда Зи отвернулся, схватил его за руку: *«Это насчет прошлой ночи?»*

— Да.

Брат, кулаком распахнув двойные двери в зал, вышел, после чего две половины двери захлопнулись со щелчком.

Блэйлок и Куин встали за Джоном.

— В чем дело? — спросил Блэй.

«Получу втык за того лессера», показал знаками Джон.

Блэй запустил руку в свои рыжие волосы.

— Я должен был лучше тебя прикрыть.

Куин покачал головой.

— Джон, мы возьмем вину на себя. В смысле, это же была моя идея пойти в клуб.

— И моя пушка.

Джон скрестил руки на груди: *«Да все будет нормально»*.

По крайней мере, он на это надеялся. В создавшемся положении он стоял в шаге от того, чтобы выбыть из программы.

— Кстати... — Куин положил руку на плечо Джона. — Мне не представился случай поблагодарить тебя.

Блэй кивнул.

— И мне. Ты отпадно повел себя вчера ночью. Просто отпадно. Ты, блин, спас нас.

— Черт, ты прекрасно понимал, что делаешь.

Джон почувствовал, что краснеет.

— Ну, разве это не мило? — сказал Лэш, растягивая слова. — Расскажите-ка, вы втроем бросаете жребий, решая, кто будет снизу? Или в пассиве всегда Джон?

Куин улыбнулся, обнажая клыки.

— Тебе уже показывали разницу между хорошим и плохим ударом? Потому что люблю демонстрировать наглядно. Можем начать прямо сейчас.

Джон встал перед другом, оказавшись лицом к лицу с Лэшем. Он ничего не говорил, просто смотрел вниз на парня.

Лэш улыбнулся.

— Есть что сказать мне? Нет? Подожди, у тебя все еще нет голоса? Боже... вот облом.

Джон ощущал ярость, излучаемую телом Куина, его готовность к выпадку. Чтобы предотвратить столкновение, Джон потянулся и положил руку на живот парня, удерживая его на месте.

Если кто и бросится на Лэша, то это будет он.

Лэш засмеялся, затягивая ремень на штанах.

— Не строй из себя крутого, малыш Джон. Превращение не меняет тебя изнутри и не правит физические недостатки. Верно, Куин? — отворачиваясь, он выдохнул: — Разноцветный ублюдок.

Прежде чем Куин успел кинуться на парня, Джон резко повернулся и схватил его за талию, а Блэй вцепился в его руку. Даже объединив усилия, они словно удерживали быка.

— Остынь, — прохрипел Блэй. — Просто расслабься.

— Я скоро прикончу его, — прошипел Куин. — Богом клянусь.

Джон посмотрел, как Лэш неторопливо заходил в зал.

И поклялся, что отделает парня, даже если за это его раз и навсегда выгонят из программы.

Он всегда был уверен, что прессуя его друзей, рискуешь отхватить по полной. И точка.

И дело в том, что сейчас у него было чем приласкать парня.

Во время, близившееся к полуночи, Джейн ехала на заднем сидении Мерседеса домой. По другую сторону поднятой перегородки впереди, водителем в униформе был тот самый, — старый, как Бог и веселый, как терьер, дворецкий. Рядом с ней сидел Ви, одетый в черную кожу, молчаливый и угрюмый, как могильная плита.

Он мало говорил. Но не отпускал ее руку.

Стекла машины были затонированы до такой степени, что казалось, будто они едут в туннеле, и чтобы удостовериться, она нажала кнопку на двери рядом с ней. Стекло опустилось, и оглушающий поток холодного воздуха ворвался внутрь, вытесняя все тепло, как разбойник, от которого разбегаются дети на игровой площадке.

Она высунула голову навстречу ветру и посмотрела на очаги света, которые создавали фары. Пейзаж казался расплывчатым, как несфокусированная фотография. По наклону дороги она догадалась, что они съезжают с горы. Но дело в том, что она понятия не имела, откуда и куда они направляются.

Странно, но дезориентация казалась к месту. Как интерлюдия между миром, в котором она побывала, и тем, в который возвращается, а участники ни здесь, ни там, не должны быть ясными.

— Я не вижу, где мы находимся, — пробормотала Джейн, закрывая окно.

— Это называется *мис*, — сказал Ви. — Считай это защитной иллюзией.

— Твои фокусы?

— Ага. Не против если я закурю и проветрю немного?

— Все отлично, — не то, что она сильно долго с ним пробудет.

Дерьмо.

Ви сжал ее руку, потом опустил стекло на четверть дюйма, и тихое завывание ветра наполнило салон седана. Кожаная куртка затрещала, когда Ви доставал самокрутку и золотую зажигалку. Кремень заскрежетал, и потом слабый запах турецкого табака защекотал ей нос.

— Этот запах будет... — она замерла.

— Что?

— Я хотела сказать «напоминать о тебе». Но он не будет, верно?

— Может, во снах.

Она прижалась пальцами к окну. Стекло было холодным. Как и центр ее груди.

Не в силах вынести молчание, она сказала:

— Эти твои враги, что они конкретно такое?

— Они были людьми. Но потом их превратили во что-то иное.

Он затаился, и Джейн разглядела в оранжевом блике его взволнованное лицо. Перед отъездом он побрился бритвой, которую она собиралась использовать против него, и сейчас его лицо было невероятно, красиво надменным, мужественным, твердым — как его воля. Татуировки на его лице были превосходно выполнены, но сейчас она ненавидела их, зная, что они появились насильно.

Она прокашлялась.

— Расскажешь больше?

— Общество Лессинг, наш враг, выбирая своих членов, они осуществляют тщательный отбор. Они ищут социопатов, убийц, аморальных парней типа Джеффри Дамера¹⁰⁴. Потом на сцену выходит Омега...

— Омега?

Он посмотрел вниз на кончик своей самокрутки.

— Думаю, это христианский аналог дьявола. В любом случае, Омега накладывает на них руки... ну и другие части тела... фокус-покус, и они просыпаются мертвыми, но двигающимися. Они сильны, практически неуязвимы, их можно убить, только проткнув грудь чем-то стальным.

— Почему вы с ними враждуете?

Он затанулся, снова нахмутив брови.

— Я подозреваю, это может быть связано с моей матерью.

— Твоей матерью?

Натянутая улыбка растянулась на его лице.

— Я сын той, кого ты можешь считать божеством. — Он поднял руку в перчатке. — Это от нее. Лично я из детских подарков предпочел бы серебряную погремушку, ну, или может, пастилу. Но мы же не выбираем то, что дарят нам родители.

Джейн взглянула на черную кожу, укрывавшую его ладонь.

— Иисус...

— Не соотносится с нашим лексиконом или моей сущностью. Я не спаситель, — он зажал сигарету между губами и снял перчатку. В сумраке заднего сидения его рука сияла мягкой красотой лунного света, который отражался от свежеснеженного снега.

Он затанулся последний раз, затем взял сигарету и прижал к ладони.

— Нет, — прошипела она, — Не вздумай...

Вспышкой света окурок превратился в пепел, и он дунул на остатки, рассеивая пудру в воздухе.

— Я бы все отдал, чтобы избавиться от этого. Хотя, признаюсь, она чертовски удобна, когда нет пепельницы.

Джейн чувствовала слабость по целой куче причин, особенно размышляя о своем будущем.

— Твоя мать заставляет тебя жениться?

— Ага. Хрен бы я на это подписался, — глаза Ви переместились на нее, и на какое-то мгновение она могла поклясться, что он скажет, что она стала бы исключением из правила. Но он лишь отвел взгляд.

Господи, сама мысль о нем с кем-то еще, пусть она и не вспомнит его, — как удар в живот.

— Сколько их?

— Ты не хочешь этого знать.

— Скажи мне.

— Не думай об этом. Я изо всех сил стараюсь отогнать мысли об этом, — он посмотрел на нее. — Они ничего не будут для меня значить. Хочу, чтобы ты это знала. Даже если мы не сможем... Э, хм, так или иначе — они ничего не значат.

С ее стороны ужасно радоваться этому.

Он надел перчатку на руку, и они молчали пока седан пробирался сквозь ночь.

Наконец они остановились. Снова поехали. Остановились. И тронулись с места.

— Должно быть, мы в центре, да? — спросила Джейн. — Потому что это явно светофоры.

— Да, — он наклонился вперед, нажал на кнопку, и перегородка опустилась вниз так, что она увидела лобовое стекло.

Ага, центр Колди¹⁰⁵. Она вернулась.

На глаза набежали слезы, она сморгнула их и уставилась на руки.

Чуть позже, водитель остановил Мерседес перед чем-то, смахивающим на черный вход кирпичного здания: на прочной металлической двери белой краской было написано «Вход воспрещен», а также имелась бетонированная площадка, ведущая к погрузочной платформе. Здесь было чисто, как в любом содержащемся в порядке закоулке, то есть грязно, но без мусора.

Ви открыл дверь.

— Пока не выходи.

Она положила руку на сумку с одеждой. Может, он решил просто отвезти ее в госпиталь? Но у Св. Франциска не было подобных входов.

Через пару минут, он открыл дверь и протянул ей руку.

— Оставь сумку. Фритц, мы скоро вернемся.

— С радостью подожду вас, — сказал пожилой мужчина с улыбкой.

Джейн вышла из машины и пошла в сторону бетонной лестницы, рядом с площадкой. Он шел позади нее как приклеенный, прижавшись к ее спине, охраняя ее. Он без ключей открыл прочную металлическую дверь — попросту положил руку на ручку и взглянул на нее.

Странно, но попав внутрь, он нисколько не расслабился. Он быстро провел ее по коридору к грузовому лифту, по дороге смотря по сторонам. Она понятия не имела, что они находились в роскошном Коммондоре, пока не прочла объявление от менеджеров, на бетонной стене.

— У тебя здесь квартира? — спросила она, несмотря на самую очевидность факта.

— Верхний этаж — мой. Ну, его половина. — Они вошли в грузовой лифт, встали на потертый линолеум, под решетчатыми лампами. — Хотел бы я провести тебя через парадный вход, но там слишком много народу.

Накренившись, лифт начал подниматься, и она пошатнулась к стене. Ви успел поймать ее за плечо, удержав на месте, и не стал отпускать. Она и не хотела этого.

Ви оставался напряженным, когда лифт резко остановился, и открылись двери. Коридор не представлял собой ничего особенного: всего две двери и выход на лестницу. Потолок был высокий, но не особо украшен, а на полу лежал разноцветный ковер с низким ворсом, какие постоянно встречаются в приемных.

— Я живу вон там.

Она последовала за ним в дальний конец коридора и удивилась, когда он достал золотой ключ, чтобы открыть дверь.

По другую сторону двери стояла непроглядная темень, но она зашла внутрь без страха. Черт, она могла пойти с ним под руку на расстрел и выйти оттуда невредимой. К тому же, в помещении приятно пахло лимоном, будто его недавно чистили.

Он не включил свет. Просто взял ее за руку и повел вперед.

— Я ничего не вижу.

— Не волнуйся. Тебе ничего не мешает, и я знаю дорогу.

Она держалась за его руку, и волочилась за ним, пока он не остановился. По тому, какое эхо издавали их шаги, у нее возникло ощущение огромного пространства, но она понятия не имела о планировке пентхауса.

Он повернул лицо в ее сторону, но затем отстранился.

— Что ты делаешь? — она тяжело сглотнула.

В дальнем углу, в каких-то сорока футах от нее, ярко вспыхнула свеча. Однако она осветила не так много. Стены... стены и потолок и... пол... были черными. Полностью черными. Как свеча.

Ви ступил в сияние свечи, как грозная тень.

Сердце Джейн забилось сильнее.

— Ты спрашивала о шрамах у меня между ног — сказал он. — Об их происхождении.

— Да... — прошептала она. Так вот почему он сохранял крошечную тьму. Он не хотел, чтобы она увидела его лицо.

В другой стороне, как оказалось просторной комнаты, зажглась еще одна свеча.

— Это сделал мой отец. Сразу после того, как я чуть не убил его.

Джейн резко вздохнула.

— О... Боже мой.

Вишес смотрел на Джейн, но видел лишь свое прошлое и последствие того, что он свалил своего отца наземь.

— Принесите мне мой кинжал, — приказал Бладлеттер.

Ви старался вырваться из хватки солдата, но безуспешно. На его отчаянные попытки пришло еще двое мужчин. И еще пара. Затем трое.

Бладлеттер сплюнул на землю, когда кто-то вложил в его руку черный кинжал, и Ви собрался с духом в ожидании удара... но Бладлеттер просто полоснул кинжалом по ладони, затем засунул лезвие за пояс. Сложив ладони вместе, он потер их, затем ударил правой в центр груди Ви.

Ви посмотрел вниз на отпечаток на коже. Изгнание. Не смерть. Но почему?

Голос Бладлеттера был жестким:

— Впредь чужак ты для обитающих здесь. И смерть придет к любому, кто поможет тебе. Солдаты начали ослаблять хватку на Ви.

— Рано. Тащите его в лагерь. — Бладлеттер отвернулся. — И приведите кузнеца. Наш долг — предупредить остальных о злой природе сего мужчины.

Ви отчаянно сопротивлялся, когда другой солдат подхватил его за ноги, и его, как тушу, понесли в пещеру.

— За перегородку, — приказал Бладлеттер кузнецу. — Мы должны сделать это перед разрисованной скалой.

Мужчина побелел, и все же перенес свой лоток из древесины за перегородку. Тем временем Ви уложили на спину, каждую его конечность и бедра, удерживали по солдату.

Бладлеттер встал над Ви, с его рук стекала кровь.

— Отметь его.

Кузнец поднял голову.

— Каким образом, великий?

Бладлеттер произнес предостережения на Древнем Языке, а солдаты удерживали Ви, пока татуировки наносили на висок, бедра и чресла. Он вырывался все время, но чернила уже въелись в кожу, делая рисунки вечными. Когда все закончилось, он был полностью истощен, более обессиленным, чем после превращения.

— На руке. Сделайте также и на руке, — кузнец начал качать головой. — Ты сделаешь это, или мне придется достать нового кузнеца для лагеря, ведь ты будешь мертв.

Кузнец трясся с головы до пят, но старался не прикасаться к коже Ви так, чтобы клеймление прошло без происшествий.

Когда все кончилось, Бладлеттер уставился на Ви.

— Сдается мне, есть одно чрезвычайно важное дело. Раздвиньте широко его ноги. Я должен сделать расе одолжение и удостовериться, что он никогда не произведет потомство.

Глаза Ви вылезли из орбит, когда его лодыжки и бедра развели в стороны. Его отец снова вынул кинжал из-за ремня, но потом помедлил.

— Нет, нужно кое-что еще.

Вишес закричал, ощутив металлические зажимы на нежнейшей коже. Последовала невыносимая, пронзительная боль и затем...

— Господи Боже, — выдохнула Джейн.

Встряхнувшись, Ви вернулся к реальности. Задался вопросом, насколько много им было произнесено вслух, и по ужасу на ее лице, решил, что рассказал почти все.

Он наблюдал отражение света свечи в ее глазах.

— Они не смогли закончить.

— Явно не из чувства сострадания? — предположила она тихим голосом.

Он покачал головой, поднимая руку в перчатке.

— Хотя я был на грани обморока, все мое тело вспыхнуло. Солдаты, удерживающие меня, умерли на месте. Как и кузнец — он использовал металлический инструмент, который провел энергию прямо в него.

Она крепко зажмурилась.

— Что случилось потом?

— Я перевернулся, меня вырвало, а потом потащил себя к выходу. Весь лагерь наблюдал за моим уходом в молчании. Даже отец не встал на моем пути, не сказал ни слова. — Ви обхватил себя, вспоминая ошеломляющую боль. — Э... настил пещеры был покрыт рыхлой, рассыпчатой грязью с различными минералами — там определенно была соль. Раны зажили, поэтому я не истек кровью, но из-за соли остались шрамы.

— Я... так сожалею, — она подняла руку, будто хотела дотронуться до него, но потом опустила ее. — Чудо, что ты вообще выжил.

— Я едва пережил первую ночь. Было так холодно. Пришлось использовать ветки, с их помощью я ушел так далеко, как только смог, не имея четкого направления. Но, в конце концов, я рухнул. Несмотря на желание идти дальше, тело не слушалось. Я потерял много крови, а боль изнуряла. Гражданские, из моей расы, нашли меня перед рассветом. Они приютили меня, но всего на один день. Эти предупреждения... — он постучал пальцем по виску. — Предупреждения на лице и теле сделали свое дело. Сделали из меня отщепенца, которого все боялись. Я ушел с первыми сумерками. Слонялся годами в одиночестве, укрывался в тени, подальше от людских глаз. Какое-то время я питался от людей, но их кровь не насыщала меня. Спустя век я оказался в Италии, работал головорезом на купца, торговавшего с людьми. В Венеции было достаточно шлюх моего вида, которые позволяли от себя питаться, я использовал их.

— Так одиноко. — Джейн коснулась рукой своей шеи. — Должно быть, тебе было так одиноко.

— Едва ли. Я не хотел быть ни с кем. Проработал на купца около десяти лет, потом однажды ночью, в Риме, я наткнулся на лессера, убивающего вампиршу. Я уничтожил ублюдка, но не потому, что заботился о женщине. Дело в... понимаешь, дело было в ее сыне. Он наблюдал за этим из темной улицы, спрятавшись за повозкой. Он был как... черт, определенно претрансом, к тому же очень молодым. На самом деле, я сначала увидел его, лишь потом — само действие. Я подумал о своей собственной матери, ну, о сложившемся о ней образе, и решил, что... ни за что на свете этот мальчик не будет наблюдать за смертью женщины, породившей его.

— Мать выжила?

Он вздрогнул.

— Она умерла к тому времени, как я подрос. Истекла кровью из раны на горле. Но клянусь, лессера я порвал. Я вернулся к купцу, для которого убивал, и он свел меня с ребятами, которые взяли мальчика к себе, — он коротко рассмеялся. — Мать оказалась падшей Избранной, а претранс? Ну, он стал отцом моего брата Тормента. Мир тесен, не так ли?

— Стало известно, что я спас ребенка воинской крови, и меня разыскал мой брат Дариус, и представил Рофу. Ди... у нас была некая связь, и он, возможно, был единственным, кто мог до меня достучаться. Когда я встретил Рофа, он не был королем, и значит, был также не заинтересован в оковах, как и я. На этом основе мы и поладили. В конце концов, меня приняли в Братство. И... ну дальше, ты все знаешь.

В последовавшем молчании он мог только догадываться о чем она думала, и мысль о ее

возможной жалости побуждала его сделать что-нибудь, доказывающее его силу.

Например, выжать автомобиль лежа.

Вместо того чтобы начать выказывать жалость, и еще больше смутить его, Джейн просто огляделась вокруг, хотя он знал, что она видела лишь две зажженных свечи.

— Эта квартира... она что-нибудь значит для тебя?

— Ничего. Не больше, чем любая другая.

— Тогда почему мы здесь?

Сердце Ви пустилось вскачь.

Черт... Находясь сейчас с ней, выболтав о себе всю подноготную, он сомневался, что сможет пройти через задуманное.

В ожидании, когда Ви заговорит, Джейн хотелось обнять его. Она хотела обрушить на него град искренних, но банальных слов. Хотела узнать, сдох ли его отец в пламени адском, она надеялась на это.

Когда молчание затянулось, она сказала:

— Не знаю, поможет ли это... вероятно нет, но я должна кое в чем признаться. Я не выношу овсянку. С того дня меня тошнит от нее, — она надеялась, что не наговорит глупостей. — Это естественно, что ты до сих пор мучаешься оттого, что с тобой сделали. Это не делает тебя слабым. Тебя бесчеловечно искалечил тот, кто должен был защищать и воспитывать тебя. Само по себе чудо, что ты еще держишься. И я уважаю тебя за это.

Щеки Ви покраснели.

— Я, эм... вижу это несколько иначе.

— И пусть, — предоставив ему передышку, она прокашлялась и сказала: — Ты скажешь, зачем мы здесь?

Он потер лицо, будто пытался прочистить мозги.

— Черт, я хочу быть с тобой. Здесь.

Она выдохнула, одновременно от облегчения и печали. Она тоже хотела с ним попрощаться. Она хотела сексуального прощания, уединенного, и не в спальне, в которой они были заперты.

— Я тоже хочу быть с тобой.

Еще одна свеча ожила у груды штор. Потом четвертая — у небольшого бара с выпивкой. Пятая вспыхнула рядом с огромной кроватью, укрытой черными атласными простынями.

Улыбка начала расплываться на ее лице... пока не зажглась шестая. Что-то свисало со стен... что-то похожее на... цепи?

Зажглись еще свечи. Маски. Плетки. Кнуты. Кляпы.

Черный стол с оковами, свисающими до пола.

Она обхватила себя руками.

— Так вот где ты занимаешься «связыванием».

— Да.

О, Господи Боже... она хотела не такого прощания. Пытаясь успокоить себя, она сказала:

— Знаешь, в этом есть смысл, учитывая произошедшее с тобой. Что тебе нравится это, — черт, она не сможет это сделать. — Так... это женщины или мужчины? Или, типа, комбинации?

Она услышала скрип кожи и повернулась к нему. Он снимал куртку, затем набор оружия, которого она раньше не видела. За ними последовали два черных кинжала, припрятанных так же хорошо. Господи. Он был вооружен с головы до пят.

Джейн сильнее обхватила себя. Она хотела быть с ним, но не связанной и в маске, пока он откалывает с ней «9 ½ недель» и затрачивает до смерти.

— Слушай, Ви, не думаю...

Он снял футболку, демонстрируя мускулы на спине и накачанную грудь. Сбросил ботинки.

Мать... Божья, подумала Джейн, когда до нее дошло, в чем дело.

Затем последовали его носки и кожаные штаны, и так как он не носил белья, дальше было не отчего избавляться. В полной тишине он прошел по блестящему мраморному полу, и забрался на стол одним слаженным движением. Вытянувшись в полный рост, он был абсолютно неотразим — с его мускулистым телом и грациозными, мужественными движениями. Он сделал глубокий вдох, его грудная клетка поднялась и опустилась.

Мелкая дрожь пробежала по его коже... или это блики свечей?

Он нервно сглотнул.

Нет, он дрожал от страха.

— Выбери для меня маску, — сказал он низким голосом.

— Ви... нет.

— Маску и кляп, — он повернул голову к ней. — Сделай это. А потом надень на меня наручники. — Она не сдвинулась с места, и он кивнул ей на то, что висело на стене. — Пожалуйста.

— Зачем? — спросила она, наблюдая, как пот сбегал по его телу.

Он прикрыл глаза, а его губы едва шевелились.

— Ты подарила мне так много, не просто уик-энд из своей жизни. Я пытался понять, чем смогу тебе отплатить, ну знаешь, честный обмен и все такое, рассказ об овсянке за подробности о моих шрамах. Но единственное, что у меня есть, — я сам, и это... — он постучал костяшками по деревянной крышке стола. — Я сейчас открыт, насколько это вообще возможно. Вот что я хочу подарить тебе.

— Я не хочу причинять тебе боль.

— Знаю, — он распахнул веки. — Но я хочу, чтобы ты взяла меня как никто и никогда. Поэтому выбери маску.

Когда он сглотнул, она увидела, как адамово яблоко перекатывалось по колонне его широкой шеи.

— Это не тот подарок, которого я хочу. И не то прощание.

Последовало длинное молчание. Потом он сказал:

— Помнишь, что я рассказывал об организованной свадьбе?

— Да.

— Это произойдет в ближайшие дни.

О, сейчас ей действительно не хотелось этого. Думать о том, что она была с чьим-то женихом...

— Я еще не видел этой женщины. Она не видела меня, — он внимательно посмотрел на Джейн. — И она станет первой из сорока.

— Сорока?

— Я должен зачать им детей.

— О, Боже.

— Вот в чем дело. С этого момента, секс для меня — лишь биологическая функция. И я никогда не смогу оттуда выбраться. Я хочу сделать это с тобой потому... Ну, я просто хочу.

Она взглянула на него. Цена такого поступка отражалась в его широко раскрытых, потрясенных глазах на его побледневшем лице и поту, бисером покрывавшим грудь. Сказать «Нет» — значит осквернить его мужество.

— Что... — Матерь Божья. — Что конкретно ты хочешь, чтобы я сделала?

Когда Ви закончил свои пояснения, он отвернулся и уставился в потолок. Свет от свечи играл на обширном черном своде, делая его похожим на бассейн, наполненный нефтью. Ожидая реакции Джейн, его подхватило головокружение, ему казалось, что сама комната перевернулась, и он был подвешен на потолке, готовый рухнуть вниз и утонуть в масле Quaker State¹⁰⁶.

Джейн не сказала ни слова.

Господи... Раскрыться полностью и потерпеть крах — с этим ничто не сравнится.

Но в тоже время, может, ей не нравятся суши из вампирятинки.

Он подпрыгнул, когда ее рука опустилась на его ногу. Потом он услышал металлический звук подхваченного хомута. Он посмотрел вниз на свое обнаженное тело, когда она обернула вокруг его щиколотки четырехдюймовый кожаный ремешок. При взгляде на ее бледные руки,

занимающиеся связыванием, его член мгновенно затвердел.

Лицо Джейн было сосредоточено, когда она засовывала кожаный ремешок в пряжку и дергала влево.

— Так нормально?

— Туже.

Не поднимая взгляда, она хорошенько дернула. Ремешок впился в его кожу, и Ви, откинув голову назад на стол, застонал.

— Чересчур? — спросила она.

— Нет... — он задрожал всем телом, когда она закрепила другую ногу, и полностью возбудился. Ощущения усилились, когда она закрепила сначала одно, потом другое запястье.

— Теперь кляп и маску, — его голос охрип оттого, что кровь бросало то в жар, то в холод, а горло стало таким же тугим, как оковы.

Она взглянула на него.

— Ты уверен?

— Да. Маску выбери из тех, что закрывают глаза, она подойдет.

Она вернулась к нему с красным резиновым мячиком на ремешке и маской в руках.

— Сначала кляп, — сказал он, открывая шире рот. На мгновение она закрыла глаза, и он гадал, остановится ли она, но потом Джейн наклонилась ближе. Мяч имел вкус латекса — жалящий, горьковатый привкус на языке. Он наклонил голову, чтобы Джейн могла застегнуть кляп, дыхание тем временем вырывалось через его нос.

Джейн покачала головой.

— Я не могу одеть маску. Я должна видеть твои глаза. Не могу... да, я не сделаю этого без зрительного контакта. Хорошо?

Вероятно, это была хорошая идея. Кляп сделает, что должен, — даст ему чувство удушья... оковы тоже выполняют свое назначение, — вызовут ощущение ловушки. Если он не будет видеть и знать, что это она, то возможно вообще слетит с катушек.

Когда он кивнул, Джейн бросила маску на пол и сняла куртку. Затем подошла и взяла одну из черных свечей.

Легкие Ви горели, когда она вернулась к нему.

Она сделала глубокий вдох.

— Ты уверен?

Он кивнул снова, в то время как его бедра задвигались, а глаза расширились от страха. Он с ужасом и предвкушением наблюдал, как она вытянула руку над его грудью и... наклонила свечу.

Черный воск закапал на его сосок, и он стиснул зубы на кляпе, натягивая то, что удерживало его на столе, пока не закрипела кожа. Член подпрыгнул на животе, и ему пришлось сдержать оргазм.

Она выполнила то, что он велел ей, сделала, как он хотел, опускаясь ниже и ниже по его груди, потом пропустила пах, чтобы начать с колен, поднимаясь вверх. Боль носила кумулятивный эффект, поначалу казалась лишь пчелиными укусами, но позже начала нарастать. Пот сбегал с его висков и груди, он пыхтел через нос, пока все тело не выгнулось дугой на столе.

Первый раз он кончил, когда она, отложив свечу в сторону, взяла кнут... и коснулась концом головки его эрекции. Он закричал в кляп и кончил поверх застывшего воска на животе.

Джейн застыла, будто реакция удивила ее. Затем пробежалась по сперме, покрывая ею грудь. Связующий запах наполнил пентхаус, одновременно с его покорными стонами, когда она хлестала его по груди, а потом по бедрам.

Он кончил во второй раз, когда она скользнула кнутом по его ногам и прошла им по внутренней стороне бедер. Страх, возбуждение и любовь наполняли его изнутри, замещая его

мускулы и кости; он стал сплошными чувствами и потребностями, а Джейн была возбудителем этих чувств.

А потом она, взмахнув рукой, прошла кнутом по бедрам.

Джейн не могла поверить, что возбуждается, учитывая то, чем сейчас занималась. Но было трудно не запрыгнуть на Ви, растянутого, связанного и кончающего для нее.

Она использовала кнут не сильно, намного слабее, чем он хотел, но достаточно, чтобы оставить отметки на его бедрах, животе и груди. Она не могла представить, что ему нравится это, ведь он через столько всего прошел, но он действительно получал удовольствие. Его глаза не отрывались от нее и сияли так ярко, словно лампочки, отбрасывая белые тени на маслянистый свет свечей. Когда он кончил в очередной раз, снова донесся этот тяжелый, пряный аромат, всегда ассоциировавшийся с ним.

Боже, испытывая стыд и восторг одновременно, она хотела зайти еще дальше с подручными средствами... настолько, что окинула взглядом коробку с металлическими клипсами, хлысты на стене, и они больше не казались безнравственными, а представляли массу сексуальных возможностей. Она не хотела причинить ему боль. Она лишь хотела, чтобы он испытывал такие же сильные ощущения, как сейчас. Довести его до сексуального предела.

В конце концов, она так возбудилась, что сбросила свои брюки и трусики.

— А сейчас я тебя возьму, — сказала она ему.

Он отчаянно застонал, вращая бедрами, поднимая их вверх. Его эрекция оставалась твердокаменной, несмотря на те несколько раз, что он кончил, и пульсировала, будто собиралась снова.

Когда она забралась на стол и раздвинула ноги над его тазом, он задышал с таким усилием, что она забеспокоилась. Его ноздри судорожно всасывали воздух, и она потянулась к кляпу, но Ви отвернул голову в сторону и покачал ею.

— Уверен? — спросила Джейн.

Он неистово закивал, и она опустилась на него, покрытые семенем, бедра и заскользила по твердой длине его эрекции, обволакивая его. Его глаза закатились назад, а веки затрепетали так, будто он был на грани обморока, прижимаясь к ней по максимуму.

Покачиваясь на нем, Джейн сняла футболку и сдвинула чашечки лифчика так, что они двигались вместе с ней. Раздался громкий скрип, когда Ви натянул оковы. Будь он на свободе, Джейн была совершенно уверена, он бы уложил ее на спину в мгновение ока.

— Смотри, как я трахаю тебя, — заявила она, подняв руку к шее. Ее пальцы пробежались по следам от его укуса, и губы Ви отпустили кляп, клыки удлиннились, врезаясь в красный латекс, когда он зарычал.

Продолжая касаться себя там, где он укусил ее, Джейн встала на колени и подняла его эрекцию. Она опустилась на него одним мощным толчком, и Ви кончил, как только проник в нее, наполняя своим семенем. Перестав содрогаться в конвульсиях, он все же оставался полностью возбужденным.

Джейн никогда не чувствовала себя такой сексуальной, начав двигаться в сумасшедшем ритме. Ей нравилось, что он был покрыт воском и результатами его оргазмов, что его кожа блестела от пота, и местами покраснела, отчего потом придется долго отмываться. Она сделала все это с ним, а он обожал ее за это, и значит, все было правильно.

Когда собственная разрядка нахлынула на нее, она смотрела в его большие, дикие глаза.

Она хотела никогда его не покидать.

Когда Фритц повернул Мерседес на короткую подъездную дорожку многоквартирного дома и припарковался, Ви посмотрел в лобовое стекло.

— Приятное место, — сказал он Джейн.

— Спасибо.

Он затих, воскрешая в памяти то, что произошло в пентхаусе, пару часов назад. То, что она сделала с ним... Боже, он не испытывал ничего более эротичного. И ничто не было так приятно, как последовавшее после. Когда сессия кончилась, она освободила его и повела в душ. Струя воды смыла его сперму и отшелушила воск, но на самом деле он очищался внутренне.

Он хотел, чтобы красные отметки, которые она оставила на его теле, никогда не исчезали. Хотел их на своей коже навечно.

Боже, он не мог вынести ее уход.

— Как долго ты здесь живешь? — спросил он.

— С резидентуры¹⁰⁷. Хм, десять лет.

— Хорошее место для тебя. Близко к клинике. Как соседи? — Какой миленький, будничный и бессмысленный разговор. Да гори этот дом огнем.

— Часть из них — молодые специалисты, другая — старики. Вся соль в том, что из этого дома съезжают либо жениться, либо в дом престарелых, — она кивнула на соседнюю с ней квартиру. — Мистер Хэнкок съехал, две недели назад в пансионат. Новый сосед, кем бы он ни оказался, возможно, будет похож на него, потому что первый этаж отходит пожилым. А я что-то разболталась.

А он заслушался.

— Я уже говорил, что люблю твой голос, так что не стесняйся.

— Я такая только с тобой.

— Значит, я счастливчик, — он взглянул на часы. Черт, время утекало как вода в ванной, оставляя за собой лишь холод. — Проведешь экскурсию?

— Конечно.

Он вышел первым и бегло осмотрел местность, прежде чем отойти в сторону и позволить ей встать. Он велел Фритцу уезжать, потому что потом он просто дематериализуется домой, и пока dodжен съезжал с подъездной дорожки, Ви позволил ей идти вперед.

Джейн открыла дверь одним единственным ключом и поворотом ручки. Никакой сигнализации. Только замок. А изнутри — ни засова, ни цепочки. Пусть у нее не было врагов, как у него, и все же это было небезопасно. Он...

Нет, он не станет это исправлять. Потому что, через каких-то несколько минут, он превратится в незнакомца.

Едва сдерживаясь, он огляделся вокруг. Ее мебель казалась нелепой. На фоне кремовых стен, мебель из красного дерева и картины маслом, превращали помещение в музей. Эпохи Эйзенхауэра.

— Твоя мебель...

— Моих родителей, — сказала она, положив куртку и сумку. — После их смерти я перевезла сюда все, что вошло, из дома в Гринвиче. Что было ошибкой. Я будто в музее живу.

— Хм... я полностью разделяю твою точку зрения.

Он прошелся по ее гостиной, отмечая вещи, которые подошли бы для дома Брюса Уэйна¹⁰⁸ в колониальном стиле. Эта хрень уменьшала размеры квартиры, захламленные комнаты вполне могли бы быть просторными.

— Не знаю, зачем я все это храню. Мне не нравилось жить среди них, когда я росла. — Она сначала обернулась, потом замерла.

Черт, он не знал, что ответить.

Зато знал, что стоит сделать.

— Так... твоя кухня там, верно?

Она пошла налево.

— Она небольшая.

Но уютная, подумал Ви, заходя внутрь. Как и вся квартира, кухня была оформлена в белокремовых тонах, но здесь, по крайней мере, не чувствуешь себя экскурсоводом. Стол для принятия пищи и стулья из светлой сосны идеально подходили. Кухонный стол из гранита блестел. Посуда — из нержавеющей стали.

— Я работала над ней весь прошлый год.

Они продолжали беседовать, игнорируя надпись «конец игры», мелькающую на экране.

Ви прошел к плите и наугад открыл верхний левый шкафчик. Бинго. Смесь для шоколада лежала именно там.

Он подхватил ее, положил на стол, затем направился к холодильнику.

— Что ты делаешь? — спросила Джейн.

— Есть кружка? Чашка? — Он схватил пакет молока из холодильника, надорвал сверху и принялся.

Когда он вернулся к плите, она объяснила ему, где что лежит, вполголоса, будто рассыпалась на части. Было стыдно признавать, но Ви был рад ее расстроенным чувствам. Так он чувствовал себя менее жалким и одиноким посреди в разгаре этого отвратного прощания.

Черт, какой же он мудак.

Он достал незмалированную кастрюлю и широкую кружку, затем зажег невысокое пламя на конфорке. Когда молоко подогрелось, он устался на треклятый набор на столе, чувствуя, как его мозг уходит на каникулы: ситуация походила на рекламу Нестле, в которой мамаша держала «оборону», пока дети резвились в снегу до красных носов и замерших рук. Он хорошо представил картину: озябшая шайка залетает в дом с криками, и самодовольный маминатор¹⁰⁹ начинает излучать столько тепла, что сам Норман Роквелл¹¹⁰ загнетса от этой сладшавости.

Он даже услышал голос за кадром: *Нестле — лучшее для вас!*

Ну, хорошо, здесь не было ни мамы, ни детишек. Как и счастливого домашнего очага, хотя квартира и была довольно хороша. Вот вам какао из реальной жизни. Который ты готовишь для своей любимой, из-за того что не можешь придумать ничего лучше, и потому что между вами все ужасно запутано. Ты размешиваешь это какао, а кишки скручиваются в узел, во рту пересыхает, и ты серьезно думаешь о том, чтобы заплакать, но ведь ты слишком мужчина для подобных спектаклей.

Такой какао ты приготовил с невысказанной любовью, и, возможно, даже не найдешь слов или шанса, чтобы ее выразить.

— Я ничего не вспомню? — резко спросила она.

Он добавил еще порошка, размешивая ложкой, наблюдая, как воронка шоколада растворяется в молоке. Он не мог ответить, просто не мог произнести это вслух.

— Ничего? — повторила она.

— Насколько я знаю, возможно, у тебя будут возникать странные ощущения от некоторых предметов или запахов, но ты не сможешь их определить. — Он запустил палец в кружку, определяя температуру, облизал его, затем продолжил помешивать. — Наиболее вероятно возникновение смутных видений, потому что твой разум очень силен.

— Что насчет пропущенных выходных?

— Ты этого даже не почувствуешь.

— Как такое возможно?

— Потому что я заменю их другими воспоминаниями.

Когда она ничего не ответила, он посмотрел через плечо. Она стояла напротив холодильника, обхватив себя руками, а в глазах блестели слезы.

Черт. Окей, он передумал. Он не хотел, чтобы она чувствовала себя так же хреново, как и он. Он сделает все, чтобы уберечь ее от разбитого сердца.

И он в силах ей помочь, не так ли?

Он попробовал какао, и, одобрив температуру, выключил газ. Он наполнил кружку с легким бульканьем, обещавшим радость и расслабление, которого он желал своей женщине. Он принес ей кружку, и когда она не взяла ее, то потянулся и отцепил ее руку. Она взяла горячий шоколад лишь потому, что он заставил, но не стала пить. Она прижала кружку к ключице, изгибая запястье, обвиваясь рукой вокруг нее.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — прошептала она со слезами в голосе.

Он положил обнаженную руку на ее щеку, ощущая теплоту и нежность ее лица. Он знал, что когда уедет отсюда, то оставит с ней свое гребаное сердце. Конечно, что-то будет биться под его ребрами и перекачивать кровь, но с этих пор это будет всего лишь механическая функция.

А, минуточку. Так было всегда. Она просто подарила жизнь этому сердцу на короткое время.

Он притянул ее в свои объятия и положил подбородок на ее макушку. Черт возьми, он всегда при запахе шоколада будет вспоминать ее, тосковать по ней.

Когда он закрыл глаза, покалывание пробежалось по спине, задрожав у затылка и пальнув до подбородка. Солнце уже вставало, и значит, настало время перестать заботиться о будущем, и подумать о настоящем... настоящем насущном.

Он отстранился и прижался к ее губам.

— Я люблю тебя. И буду продолжать любить даже тогда, когда ты не будешь помнить о моем существовании.

Ее ресницы затрепетали, подхватывая слезы, но их было слишком много, чтобы удержать. Он вытер слезы большими пальцами.

— Ви... Я....

Он выждал одно мгновение. Она не закончила, и Ви, положив ладонь на ее щеку, взглянул в ее глаза.

— О, ты на самом деле сделаешь это, — выдохнула она. — Ты собираешься...

Джейн моргнула и посмотрела вниз на горячий шоколад в своих руках. Что-то капало в него.

Господи... С ее лица лились слезы, падая в кружку, заливая ее рубашку. Все тело тряслось, колени подгибались, а грудь разрывалась от боли. По непонятной и безумной причине, ей захотелось рухнуть на пол и завывать.

Вытирая щеки, она окинула кухню взглядом. Какао, молоко и ложка лежали на кухонном столе. От кастрюльки на плите поднимался пар. Шкафчик слева наполовину закрыт. Она не могла вспомнить, как доставала все из шкафа или готовила шоколад, но такое часто случалось с периодически повторяющимися, привычными действиями. Делая их машинально...

Что за чертовщина? В противоположной стороне кухонного стола, за окнами, она увидела кого-то, стоящего перед ее квартирой. Мужчину. Огромного мужчину. Он стоял в стороне от уличного освещения, и она не могла разглядеть его лица, но точно знала, что смотрел он на нее.

Без явной на то причины, слезы полились ручьем. Поток стал еще сильнее, когда незнакомец отвернулся и пошел вниз по улице.

Джейн отбросила кружку на стол и бросилась из кухни. Ей нужно догнать его. Нужно остановить.

Достигнув входной двери, ее свалила с ног ужасная головная боль, будто она поскользнулась на чем-то. Она растянулась на холодной белой плитке холла, затем перекатилась на бок, царапая пальцами виски, задыхаясь.

Бог знает, сколько она там пролежала, пытаясь дышать, моля, чтобы боль ушла. Когда она, наконец, отступила, Джейн поднялась с пола и прислонилась к входной двери. Задалась вопросом, случился ли у нее только что припадок, но не было нарушения когнитивной функций или расстройства зрения. Просто адский приступ головной боли.

Может, последствия гриппа, с которым она провалялась неделю. Бродящий по клинике вирус свалил ее, словно увядший куст роз. Что было вполне объяснимо. Она долго уже не болела, чересчур припозднилась с этим.

Кстати, об опоздании... Черт, она позвонила в Колумбию, перенесла собеседование? Она не знала... значит, скорее всего, нет. Блин, она даже не помнила, как уходила с работы в четверг ночью.

Она не знала, как долго подпирала собою дверь, но в какой-то момент часы на каминной полке начали свое биение. Именно эти часы стояли в отцовском кабинете, в Гринвиче, старомодные часы от Гамильтон Ко, сделанные из желтой меди, которые всегда били в характерной Британской манере. Она ненавидела эту чертову штуку, но они всегда показывали точное время.

Шесть часов утра. Пора на работу.

Отличный план, но, поднявшись на ноги, Джейн знала наверняка, что не пойдет в клинику. У нее кружилась голова, она чувствовала слабость, истощение. Она просто не сможет ухаживать за больными в таком состоянии; ее все еще дико тошнило.

Черт возьми... нужно позвонить. Где ее пейджер и телефон..?

Она нахмурилась. Ее куртка и сумка для поездки в Манхэттен лежали у гардеробной.

Ни телефона, ни пейджера.

Она потащила свою жалкую задницу наверх, проверить у кровати, но их не оказалось и там. Спускаясь обратно на первый этаж, она миновала кухню. Ничего. Ее наплечная сумка, которую она всегда брала на работу, тоже отсутствовала. Она могла ее оставить в машине на все

выходные?

Она открыла дверь в гараж, и зажглось автоматическое освещение.

Странно. Ее машина была припаркована передом. Обычно она заезжала задом.

Еще одно доказательство ее рассеянности.

И конечно, сумка оказалась на переднем сидении, и, ругая себя, она возвращалась в квартиру уже с телефоном в руке. Как она могла протянуть так долго без звонков? Даже с учетом того, что ее прикроют другие врачи, она никогда не терялась более чем на пять дней.

На телефоне было несколько сообщений, но к счастью, все — несрочные. Срочные касались ухода за пациентами, от тех, на кого скинули эту работу, с остальным она разберется позже.

Она вышла из кухни, направляясь напрямиком в спальню, когда заметила кружку шоколада. Ей не нужно было прикасаться к ней, чтобы понять, что шоколад остыл, и значит, она могла его вылить. Она взяла кружку, но остановилась у самой раковины. Непонятно почему, но она не смогла вылить его. Оставив кружку на столе, она вернула молоко в холодильник.

Наверху в спальне, она на ходу скинула с себя одежду, натянула футболку и забралась под одеяло.

Устраиваясь под одеялом, она обнаружила, что все тело ломит, особенно внутреннюю часть бедер и поясницу. При других обстоятельствах она бы сказала, что занималась бурным сексом... или забиралась на гору. Но это всего лишь последствия гриппа.

Черт. Колумбия. Собеседование.

Она позвонит Кену Фолчеку чуть позже, повторно извинится и переназначит встречу. Они отчаянно хотели заполучить ее в штат, но не появиться на собеседовании — значит чертовски оскорбить главврача. Даже из-за болезни.

Она ворочалась на подушке, не могла удобно устроиться. Шея была напряжена, и она потянулась рукой, чтобы помассировать ее, и тут же нахмурилась. Спереди, на правой стороне была какая-то болячка, настоящая... Что за хрень? Там были выпуклые шишечки.

Да черт с ним. Сыпь — не новость во время простуды. А может, ее укусил паук.

Закрыв глаза, она приказала себе отдохнуть. Отдых — это хорошо. Отдых поможет скорее избавиться от инфекции. Отдых приведет ее в норму, словно перезагрузит ее тело.

Она начала погружаться в сон, когда в голове возникло изображение мужчины с бородкой и бриллиантовыми глазами. Он смотрел на нее, и его губы шевелились... *Я люблю тебя.*

Джейн пыталась удержать видение, но неотвратимо ускользала в темные объятия сна. Она пыталась сохранить образ, и проиграла. Перед тем как ее поглотила чернота, она осознала, что на подушку текут слезы.

Ну не странно ли все это?

В тренажерном зале, усевшись на скамью для отжима, Джон наблюдал, как Зи качал бицепсы. Из шума раздавался только тихий звон огромных железных грузов, которые опускались и поднимались. Они молчали, как на одной из прогулок, только без окружающего леса. Разговор предстоял впереди. Джон чувал это.

Зи опустил груз на маты и вытер лицо. Его голая грудь блестела от пота, а кольца на сосках поднимались и опускались в такт дыханию.

Он поднял свои желтые глаза.

«Началось», подумал Джон.

— Насчет превращения.

Океееей... так они мягко перейдут к лессеру. «А что с ним?» показал он знаками.

— Как ты себя чувствуешь?

«Хорошо. Шатко. По-разному». Он пожал плечами. «Ну, знаешь, когда подстрижешь ногти, и пальцы целый день чувствуют себя странно, ну, суперчувствительно? И так со всем телом».

О, что за чушь он несет? Зи давно прошел превращение. И знает, что за ним следует.

Зейдист бросил полотенце и подхватил гантели для следующего подхода.

— Есть какие-то физические проблемы?

«Насколько мне известно — нет».

Зи уставился в пол, чередуя левое предплечье с правым. Левое. Правое. Левое. Казалось странным, что такие тяжелые грузы издавали столь тихий звук.

— Лейла предоставила отчет.

Вот... черт.

«Что она сказала?»

Пожалуйста... только не про душ...

— Она сказала, что вы не занялись сексом. Хотя сначала ты хотел этого.

Мозг Джона ушел в отставку, и он бездумно продолжил наблюдать за повторами Зи. Правое. Левое. Правое. Левое. «Кто еще знает?»

— Роф и я. И все. Но это никого не касается. Я заговорил об этом на случай возникновения физических проблем, если нужно пройти осмотр.

Джон встал и начал неуклюже прохаживаться вокруг, руки и ноги дрожали, равновесие было как у пьяного.

— Почему ты остановился, Джон?

Он посмотрел на Брата, собираясь выпалить нечто, типа «ерунда, беспокоиться не о чем», но с ужасом осознал, что не может этого сделать.

В желтых глаза Зи сквозило понимание.

Мать вашу. Хэйверс все разболтал. Про тот сеанс терапии, когда Джон рассказал о происшедшем с ним на лестничной площадке.

«Ты знаешь», показал яростно Джон: «Ты, блин, все знаешь, ведь так?»

— Да, знаю.

«Этот гадючий терапевт сказал, что все конфиденциально...»

— Копию твоей медкарты отправили сюда, когда началась программа. Стандартная процедура для всех учеников на случай, если что-то случится в зале, или превращение начнется прямо на занятии.

«Кто читал мой файл?»

— Только я. И никто больше не прочтет, даже Роф. Я спрятал его, и только я знаю, где он хранится.

Джон обмяк. Хоть какое-то утешение. «Когда ты прочел его?»

— Неделию назад, когда решил, что в любой момент может наступить превращение.

«Что... что там написано?»

— Абсолютно все.

«Мать твою».

— Поэтому ты отказываешься идти к Хэйверсу? — Зи опустил гантели. — Решил, что парень схватит и потащит тебя на очередной сеанс терапии?

«Мне не нравится об этом говорить».

— Я не виню тебя. И не прошу тебя об этом.

Джон вымученно улыбнулся: «Ты не собираешься обрушить на меня мусор типа

«поговорить-вот-что-тебе-поможет»?»

— Неа. Я тоже не любитель поговорить. Не могу советовать такое остальным. — Зи уперся коленями в локти и наклонился вперед. — Вот в чем суть, Джон. Я хочу, чтобы ты был твердо уверен, что эту хрень никто не увидит, хорошо? Если кто-то захочет взглянуть на твое досье, я сделаю так, что они его не получат, даже, если придется изжарить скота к чертям рогатым.

Джон сглотнул неожиданный ком в горле. Деревянными руками он показал: «Спасибо».

— Роф хотел, чтобы я поговорил с тобой насчет Лейлы. Он беспокоится, что после превращения могли возникнуть проблемы с половой системой. Я скажу ему, что все из-за нервов, окей?

Джон кивнул.

— Ты уже мастурбировал?

Джон покраснел с головы до пят, думая, что сейчас лишится сознания. Измерив расстояние до пола, которое казалось сотней ярдов, он решил, что это удачное место для отключки. Вокруг же полно матов.

— Да?

Он медленно покачал головой.

— Сделай разок, убедись, что все в порядке. — Зи встал, вытер грудь и натянул футболку. — Надеюсь, ты позаботишься об этом в течение следующих двадцати четырех часов. Я ни о чем тебя не спрошу. Ничего не скажешь — и я решу, что все в норме. Если же нет, то приходи ко мне, мы разберемся. Договорились?

Эм, не особо. Что, если он не сможет сделать это? «Думаю, да».

— Последнее. Насчет оружия и лессера.

Черт, голова уже шла кругом, а сейчас еще разгребать херню насчет девятимиллиметрового? Он поднял руки, чтобы произнести извинения...

— Мне плевать, что ты носил оружие. Честно говоря, я хочу, чтобы ты был вооружен, когда ходишь в ЗироСам.

Джон ошеломленно уставился на Брата. «Это против правил».

— Я похож на парня, которого занимает такая чушь?

Джон улыбнулся уголками губ. «Не особо».

— Если еще раз наткнешься на одного из тех убийц, сделаешь то же самое. Насколько я понял, ты вытворил там что-то впечатляющее, и я горжусь тем, что ты спас наших мальчиков.

Джон покраснел, его сердце запело в груди: ничто на белом свете не сделало бы его счастливей, ну, кроме возвращения Тормента.

— Догадываюсь, ты уже слышал про мой разговор с Блэйлоком? Насчет твоего удостоверения и походов только в ЗироСам?

Джон кивнул.

— Я хочу, чтобы ты придерживался этого клуба, отправляясь в центр, по крайней мере, пару месяцев, пока не наберешься сил. И хотя я похвалил тебя на счет произошедшего прошлой ночью, я не хочу, чтобы ты охотился за лессерами. Услышу об этом, и ты получишь по шее, как двенадцатилетний. У тебя впереди еще полно тренировок, и ты понятия не имеешь, как управлять своим телом. Будешь тупить — погибнешь, и я взбешусь не на шутку. Я хочу, чтобы ты дал свое слово, Джон. Прямо сейчас. Не охотиться на лессеров, пока я не скажу, что ты готов. Ну?

Джон сделал глубокий вдох и попытался придумать наиболее весомую клятву. Все казалось таким неубедительным, поэтому он просто показал: «Клянусь, что не стану охотиться на них».

— Хорошо. Окей, на сегодня все. Иди, придави подушку. — Когда Зи отвернулся, Джон просвистел, привлекая его внимание. Брат оглянулся через плечо. — Да?

«Ты хуже стал думать обо мне? Из-за происшедшего тогда, ну... на лестничной площадке? Только честно».

Зи моргнул. Второй раз. Третий. Но потом, сказал на удивление тонким голосом:

— Никогда. Это была *не твоя* вина, и ты этого *не заслужил*. Слышишь? Это — *не твоя* вина.

Джон поморщился, когда глаза защипало от слез, и отвел глаза, осматривая свое огромное тело, на фоне голубых матов. Несмотря на свой рост, он чувствовал себя коротышкой, как никогда.

— Джон, — прошептал Зи, — ты слышал меня? Не твоя вина. Не заслужил такого.

Джон не знал, что ответить, поэтому просто пожал плечами. Потом показал знаками: «*Еще раз спасибо за то, что молчишь. И не заставляешь обсуждать это*».

Зи не ответил, и Джон поднял взгляд. И тут же отступил назад.

Лицо Зейдиста полностью изменилось, не только глаза стали черными. Кости казались более заметными, кожа — натянутой, а шрам очень сильно выступал. От его тела повеяло холодом, превращающим раздевалку в морозилку.

— Никто не должен насильно лишаться невинности. Но если это произошло? Тогда придется самому выяснить, как жить с этим, потому что никто иной не поможет. Не хочешь больше продолжать эту вшивую тему — ни слова от меня не услышишь.

Зи удалился, а вместе с ним исчез перепад температуры.

Джон сделал глубокий вдох. В жизни не мог представить, что из всех Братьев он поладит именно с Зейдистом. Ведь они двое не имели ничего общего.

Но он был чертовски уверен, что сохранит приобретенных друзей.

Пару часов спустя, Фьюри откинулся на диване в моднявом кабинете Рофа и закинул лодыжку на колено. Это собрание Братства было первым с ранения Ви и все прошло чересчур высокопарно. Но, опять же, в комнате находился огромный розовый слон, не вымолвивший ни слова.

Он посмотрел на Вишеса. Брат стоял напротив двойных дверей и смотрел прямо перед собой с отсутствующим выражением лица — такое можно увидеть на лице смотрящего старые вестерны по ТВ. Или фильмы о домашнем насилии.

Легко улавливалась аура живого мертвеца, она уже неоднократно встречалась в этой комнате: Рейдж уже бродил как дышащий труп, когда решил, что потерял Мери навсегда. Как и Зи, собираясь позволить Бэлле уйти.

Да... связанные вампиры без своих женщин — как пустые сосуды: лишь мускулы и кости, удерживаемые тонким слоем кожи. И хотя он скорбел за всех, оказывавшихся в таком положении, но все же потеря Джейн казалось наиболее жестокой, учитывая огромную ношу, возложенную на Ви как на Праймэйла. Но, разве могли они устроить все в долгосрочном плане? Человеческий доктор. Вампир-воин. Никаких компромиссов.

Раздался голос Рофа:

— Ви? Эй, Вишес?

Ви вскинул голову.

— Что?

— Ты идешь к Деве-Летописице сегодня днем, верно?

Губы Ви едва шевельнулись:

— Ага.

— С тобой должен отправиться представитель от Братства. Бутч, я полагаю?

Ви перевел взгляд на копа, который сидел на бледно-голубом диванчике.

— Не возражаешь?

Бутч, который откровенно беспокоился за Ви, мгновенно согласился.

— Конечно, нет. Что нужно делать?

Когда Ви ничего не ответил, Роф заполнил создавшийся вакуум:

— Человеческий эквивалент — свидетель на свадьбах. Поедешь сегодня на смотрины, потом на церемонию, которая состоится завтра.

— Смотрины? Типа обзор невесты? — Бутч поморщился. — Ох, не нравятся мне эти заморочки с Избранными.

— Древние правила. Древние традиции. — Роф потер глаза под солнечными очками. — Нужно много менять, но это территория Девы, не моя. Дальше... так... патруль. Фьюри, я хочу, чтоб ты отсиделся в стороне. Да, я знаю, что ты очень напряжен после ранения, но я предупреждал, что ты уже пропустил два запланированных перерыва.

Когда Фьюри просто кивнул, Роф натянуто улыбнулся.

— Что, даже никаких возражений?

— Неа.

На самом деле, у него уже были планы. Так что все шло идеально.

В то время на Другой Стороне, в священной мраморной купальне, Кормия отчаянно хотела выпрыгнуть из своей кожи. Иронично, ведь ее столь тщательно готовили для Праймэйла. Казалось бы, она должна быть довольна, ведь ее так тщательно омыли. Она прошла через дюжину различных ритуалов купания... ее волосы омывали на несколько раз... накладывали на лицо маски из мазей, пахнущих розой, затем лавандой, а потом — с шалфеем и гиацинтом. Ее целиком вымазали маслом, пока зажигали фимиамы в честь Праймэйла и читали молитвы. От происходящего она чувствовала себя праздничным блюдом, куском мяса, приготовленного специально для потребления.

— Он прибудет в начале следующего часа, — сообщила Директрикс. — Не тратьте время.

Сердце Кормии замерло в груди. Затем гулко забилося. Расслабленность, вызванная паром и теплой водой, отступила, оставляя болезненное и ужасающее осознание того, что последние мгновения ее прежней жизни подходили к концу.

— А вот и одеяние, — выдохнула одна из Избранных в восхищении.

Кормия посмотрела через плечо. Через широкую гладь мраморного пола, двое Избранных вошли сквозь золотые двери с белой мантией между ними. Одеяние было украшено бриллиантами и золотом, оно мерцало, оживая в сиянии свеч. Избранная за ними держала в руках полупрозрачную материю.

— Несите покров сюда, — приказала Директрикс. — Одевайте ее.

Полупрозрачный покров накинули на голову Кормии, он сел на ее плечи мертвым грузом. Покров упал. Ткань скользнула на ее глаза, и словно туман окутал мир вокруг нее.

— Поднимись, — велели ей.

Встав на ноги, она была вынуждена успокаивать себя; ее сердце громко билось в груди, ладони стали влажными. Паника лишь усилилась, когда две Избранные подошли к ней с тяжелой мантией в руках. На нее возложили церемониальное одеяние, которое сдавило ее плечи, не столько одевая ее тело, сколько стискивая. Ей казалось, что какой-то гигант стоял над ней, вжимая огромными лапищами в землю.

На голову накинули капюшон, и все стало черным.

Мантию застегнули до самого капюшона, и Кормия старалась не думать, когда и каким образом ее расстегнут снова. Она пыталась дышать медленно и глубоко. Свежий воздух поступал через входные отверстия на капюшоне, в области шеи, но этого было мало. Воздуха совсем не хватало.

Под этой одеждой все звуки казались приглушенными, и ее саму сложно будет услышать. С другой стороны, у нее не было какой-то определенной роли ни в церемонии представления, ни в предстоящем брачном обряде. Она была символом, а не женщиной, так что ее ответа не ждали, не принимали во внимание. Традиции превыше всего.

— Идеальна, — прошептала одна из ее сестер.

— Великолепна.

— Достойна нас.

Кормия открыла рот, нашептывая себе:

— Я — это я, я — это я, я — это я...

Из глаз полились слезы, но она не могла стереть их, поэтому они стекали по ее щекам и шее, теряясь в мантии.

Ее паника без предупреждения исчезла, уступая место дикому зверю. Она резко обернулась, сковываемая тяжелым покровом, но движимая потребностью освободиться от этих оков. Она метнулась в направлении, как она думала, двери, таща тяжесть за собой. Она смутно слышала возгласы удивления, отдававшиеся эхом в купальне, наряду со стуком падающих бутылок, чаш и кувшинов, бьющихся вдребезги.

Она заби́лась вокруг, пытаясь стянуть эту мантию, отчаянно желая облегчения.
Желая освободиться от своей судьбы.

В центре Колдвелла, в северо-восточной части клиники Св. Франциск, Мануэль Манелло повесил трубку телефона на столе, ничего на нем не набрав, не приняв поступившие звонки. Он уперся взглядом в системный телефон NEC¹¹¹. Штуковина была усеяна кнопками, прямо мечта любого помешанного на «Серкит-сити»¹¹², со всеми наворотами.

Он хотел швырнуть устройство в другой конец комнаты.

Хотел, но все же не стал. Он давно завязал со швырянием теннисных ракеток, пультов ТВ, скальпелей и книг, когда решил стать самым молодым в истории, главой хирургического отделения в Святом Франциске. С тех пор его рука бросала только пустые банки и упаковки из торгового автомата — в мусорные корзины. И то, чтобы не потерять сноровку.

Утвердившись поглубже в своем черном кресле из кожи, он повернулся кругом и уставился в окно своего кабинета. Отличный был кабинет. Большой, чертовски модный, обшитый красным деревом, с ковром в восточном стиле. Называемый тронным залом, он служил обителью для главы отделения хирургии в течение пятидесяти лет. Он заседал в этой берлоге уже три года, и если когда-нибудь уйдет в отпуск, то основательно переделает здесь все. Весь это внешний блеск резал взгляд.

Подумав о гребаном телефоне, он уже знал, что сделает звонок, которого делать не стоило. Это так ничтожно жалко, что будет сразу же ясно, даже если он включит привычного заносчивого мачо.

И все же, в конечном итоге он позволит пальцам пройти по аппарату.

Оттягивая неизбежное, он еще раз взглянул в окно. С точки его обзора он видел как озелененный парадный вход Франциска, так и сам город. Бесспорно, это был лучший обзор больничной территории. Весной вишневые деревья и тюльпаны расцветали посреди подъездной дороги к входу. Летом с другой стороны два ряда кленов покрывались изумрудно-зеленой листвой, которая перекрашивалась к осени в персиково-желтые тона.

Как правило, он не тратил много времени на созерцание пейзажа, но он ценил его. Порой мужчинам нужно отвлечь мысли.

Как, например, ему сейчас.

Прошлой ночью он звонил Джейн на мобильный, решив, что она вернулась с этого проклятого интервью. Без ответа. Он позвонил сегодня утром. Опять тишина.

Прекрасно. Если она не хотела обсуждать это гребаное собеседование в Колумбии, он направится к первоисточнику. Он сам позвонит главврачу. Эго есть эго, а его бывший наставник не станет колебаться и поделится подробностями, но черт, он же хватается за соломинку.

Мэнни повернулся, набрал десять цифр и начал ждать, постукивая ручкой МонБлан¹¹³ по блокноту.

Когда на звонок ответили, он не стал дожидаться приветов.

— Фолчек, ах ты бестолковый переманиватель!

Кен Фолчек хохотнул.

— Манелло, ты за словом в карман не полезешь. А так как я старше, то вдвойне шокирован.

— Ну, как там жизнь на заднем плане, старина?

— Неплохо, неплохо. А сейчас, поведай мне малыш: они уже дают тебе густую пищу, или все еще держат на Гербере¹¹⁴?

— Собираюсь прикончить овсянку. И значит, я плотно подкреплюсь, чтобы сделать замещение твоего тазобедренного сустава, когда тебе вконец наскучит твой ходунок.

Это, конечно, чушь полная. В свои шестьдесят два, Кен Фолчек находился в отличной форме

и был таким же трудоголиком, как и Мэнни. Они поддерживали отношения с тех пор, как Мэнни закончил его программу обучения пятнадцать лет назад.

— Ну, со всем уважением к престарелым, — протянул Мэнни, — зачем ты переманиваешь моего хирурга? И какого ты мнения о ней?

После краткой паузы.

— Ты о чем говоришь? В четверг какой-то парень сообщил, что она перенесла встречу. Я решил, ты поэтому звонишь. Позлорадствовать, что она отшила меня, а ты смог ее удержать.

Скверное предчувствие обхватило затылок Манелло, будто ему за шиворот запихнули горсть замерзшей грязи.

Он заставил себя спокойно ответить.

— Да ладно, разве я бы так поступил?

— Да. Я обучал тебя, помнишь? И ты перенял все мои дурные привычки.

— Только профессиональные. Эй, а звонивший парень... ты записал имя?

— Неа. Решил, что твой ассистент. Однозначно, это был не ты. Я знаю твой голос, к тому же парень был вежлив.

Мэнни с трудом сглотнул. Окей, пора заканчивать разговор. Господи Иисусе, где же Джейн?

— Манелло, я так понимаю, она остается у тебя?

— Взглянем фактам в лицо, я многое могу ей предложить.

Например, себя.

— Но не место главврача.

Боже, в данный момент это глупое медицинское политиканство не имело значение. Джейн была ПБВ¹¹⁵, насколько понял Мэнни, и он обязан найти ее.

Идеально выбрав время, через дверь просунулась голова ассистента.

— О, извините...

— Нет, подожди. Эй, Фолчек, мне пора. — Он повесил трубку, пока Кен продолжал прощаться, и тут же начал набирать номер домашнего телефона Джейн. — Слушай, мне нужно сделать один звонок...

— Доктор Уиткоум звонила, сообщила, что болеет.

Мэнни оторвался от телефона.

— Ты говорил с ней? Именно она звонила?

Ассистент посмотрел на него как-то странно.

— Конечно. Она все выходные провалялась с гриппом. Голдберг возьмет сегодня ее пациентов и «спуск» на себя. Эй, ты в порядке?

Мэнни положил трубку и кивнул, несмотря на адское головокружение. Черт, от мысли, что с Джейн что-то случилось, у него разжижилась кровь до состояния воды.

— Вы уверены, доктор Манелло?

— Ага, я в норме. Спасибо за информацию об Уиткоум. — Когда он встал, пол слегка покачнулся. — Мне нужно быть в операционной через час, поэтому пойду, подкреплюсь. Есть еще что-то ко мне?

Ассистент обсудил с ним еще пару назревших вопросов, потом вышел.

Дверь захлопнулась, и Мэнни рухнул обратно в кресло. Черт. Ему нужно натянуть поводья в голове. Джейн всегда его занимала, но это облегчение с дрожью в теле удивили его.

Точно. Ему нужно поесть.

Пнув себя под зад, он снова встал на ноги и подхватил кипу резидентурских заявлений, чтобы просмотреть в комнате для отдыха. В процессе взятия этих бумаг, что-то выпало на стол. Он наклонился и поднял это, потом нахмурился. Это была фотография сердца... с шестью камерами.

Что мелькнула в голове Мэнни, какая-то тень, почти сложившаяся мысль, воспоминание, принимающее определенную форму. По вискам тут же ударила резкая боль. Выругавшись, он спросил себя, откуда вылезла эта фотография, и глянул на дату и время внизу. Ее сняли здесь, на его территории, в его операционной, а распечатали здесь, в кабинете: его принтер слегка барахлил, оставляя чернильные пятна в левом углу. Отметка была на снимке.

Он вернулся к компьютеру и просмотрел файлы. Такой фотографии не было. Что за чертовщина?

Он взглянул на часы. Нет времени копать, потому что ему действительно нужно перекусить перед операцией.

Он покинул свой крутой кабинет, решив, что на этот вечер превратится в старомодного доктора.

Сегодня он впервые в своей профессиональной карьере нанесет пациенту визит на дом.

Вишес натянул свободные черные штаны из шелка и подходящий к ним верх, который напоминал смокинг из сороковых. Надев Богом проклятый медальон Праймэйла, он покинул комнату с сигаретой в зубах. Оказавшись в коридоре, он услышал ругань Бутча в гостиной: повторяющийся перечень с множеством Б-слов и занятный оборот со словом «задница», который Ви следовало запомнить.

Ви обнаружил парня, сидящим на диване, он прожигал взглядом ноутбук Мариссы.

— Чем занимаешься, коп?

— Похоже, жесткий диск накрылся. — Бутч поднял взгляд. — Господи Иисусе... ты выглядишь как Хью Хефнер¹¹⁶.

— Не смешно.

Бутч поморщился.

— Извини. Черт... Ви, мне так ж...

— Заткнись и дай мне взглянуть на ПК. — Ви подхватил ноут с коленей Бутча и бегло осмотрел систему. — Мертв.

— Следовало ожидать. Безопасное Место чертовски запущено в плане Ай-Ти. Их сервера рухнули. Теперь это. А между тем, Марисса в особняке с Мэри, пытаются решить, как бы нанять еще персонала. Блин, ей это даже не нужно.

— Я положил четыре новых Делла¹¹⁷ в шкаф с аппаратурой, в кабинете Рофа. Передай, что может взять один, окей? Я бы настроил его, но мне пора.

— Спасибо, друг. И да, я готов идти с тобой...

— Тебе не обязательно быть там.

Бутч нахмурился.

— Иди ты. Я нужен тебе.

— Тебя может заменить кое-кто другой.

— Я не кину тебя...

— Это не будет «киданием». — Вишес побрел к фусбольному столу и повернул стержень. Когда ряд мелких человечков сдвинулся, он выдохнул. — Это типа... не знаю, с твоим присутствием все будет казаться чересчур реально.

— Поэтому ты хочешь, чтобы тебя прикрывал кто-то другой?

Ви снова повернул стержень, и стол затрепал. Он необдуманно выбрал Бутча. Дело в том, что коп все усложнял. Ви был так близок с парнем, что будет труднее пройти через

представление и ритуал вместе с ним.

Ви посмотрел через комнату.

— Да. Да, думаю, что нужен кто-то другой.

Последовала короткое молчание. Бутч выглядел так, будто держал тарелку с горячей пищей: шатко и неуверенно.

— Ну... ты знаешь, что я пошел бы ради тебя, и плевать что там произойдет.

— Я знаю, что могу на тебя положиться. — Ви подошел к телефону, обдумывая варианты.

— Ты увер...

— Да, — ответил он, набирая номер.

Когда Фьюри взял трубку, Ви сказал:

— Не против проехаться со мной сегодня? Бутч не горит желанием. Да. Ага. Спасибо, дружище. — Он повесил трубку. Странный выбор, учитывая, что они никогда особо не общались. И в этом весь смысл. — Фьюри сделает это, так что никаких проблем. Я двину в его комнату.

— Ви...

— Захлопнись, коп. Я вернусь через пару часов.

— Мне чертовски жаль, что тебе приходится идти на это...

— Проехали. Это же ничего не изменит. — В конце концов, Джейн все равно ушла, а он всю жизнь будет связанным мужчиной без своей женщины. Так что, да-да, все — пофиг, все — неважно.

— Ты стопроцентно точно не хочешь, чтобы я пошел?

— Просто будь здесь с Гузом в обнимку, когда я вернусь. Мне понадобится глоток спиртного.

Ви покинул Яму через подземный туннель, и, направляясь в особняк, он попытался рассмотреть все перспективы.

Избранная, с которой он сочетается союзом, будет лишь телом. Как и он. Они вдвоем сделают то, что нужно, когда нужно. Просто мужское тело войдет в контакт с женским, он проникнет и начнет двигаться, пока не кончит. Что насчет полного и абсолютного отсутствия эрекции? Да не проблема. У Избранных есть мази, обеспечивающие эрекцию, и фимиам, для того чтобы кончить. Значит, даже при полном нежелании заниматься сексом, его тело сделает то, ради чего он был выношен и рожден: станет гарантией выживания лучших среди расы.

Черт, жаль это нельзя сделать в клинике, через пробирку и все такое. Но вампиры уже пробовали делать ЭКО в прошлом, безуспешно. Дети должны начинаться старым добрым способом.

Черт, он не мог думать о том, со сколькими женщинами придется переспать. Просто не мог. Думая об этом, он...

Вишес замер посреди туннеля.

Открыл рот.

И кричал, пока полностью не охрип.

Вишес и Фьюри перешли на Другую Сторону, материализовавшись посреди белого внутреннего двора, окруженного аркадой коринфских колонн. В центре находился белый мраморный фонтан, из которого кристально-чистая вода выплескивалась в глубокий белый резервуар. В дальнем углу, на белом дереве с белыми цветами, словно на кексе, собралась стайка разноцветных певчих птичек. Щебетание зябликов и синиц гармонировало с плеском воды в фонтане, будто обе каденции были в одной тональности счастья.

— Воины. — От голоса Девы-Летописицы, раздавшегося позади, кожа Ви натянулась, словно пластик вокруг костей. — Приклоните колени, дабы я поприветствовала вас.

Ви приказал своим коленям согнуться, и через секунду они подогнулись, как заржавевшие ножки карточного стола. Фьюри же, казалось, не страдал данной жесткостью, и плавно опустился на пол.

Но с другой стороны, он не падал на пол перед ненавистной матерью.

— Фьюри, сын Эгони, как поживаешь ты?

Брат выразительно ответил на Древнем языке:

— Здравствую. Предстал я перед вами с чистой преданностью, от всего сердца.

Дева-Летописица тихо засмеялась.

— Подобающее приветствие надлежащим образом. Очень приятно. И определенно больше, чем я дождусь от своего сына.

Ви скорее почувствовал, чем увидел, что голова Фьюри метнулась в его сторону. Ну, *прости*, подумал Ви. *Похоже, я забыл упомянуть эту счастливую подробность, мой брат.*

Дева-Летописица подплыла ближе.

— А, так мой сын не поведал о своей матери? Вероятно, заботясь о приличиях? Забота о сложившемся предоставлении, о моем так называемом непорочном существовании? Да, в этом причина, не так ли, Вишес, сын Бладлеттера?

Ви поднял глаза, хотя и не получил на это разрешения.

— Или же я просто отказываюсь признавать тебя как таковую.

Это она ожидала от него услышать, и он чувствовал, что дело не в чтении мыслей — просто на каком-то уровне, они были одинаковы, едины, несмотря на воздух и расстояние между ними.

Ага.

— Отказ от признания моего материнства ничего не изменит, — жестко ответила она. — Не открывая книгу — не изменишь чернил на ее страницах. Что есть — то есть.

Ви встал без разрешения и встретился с лицом матери под капюшоном, глаза в глаза, сила против силы.

Фьюри без сомнений побелел, как этот пол. А, черт с ним. Так он подходил к интерьеру.

К тому же, Дева-Летописица не станет поджаривать ее будущего Праймэйла, и по совместительству — своего драгоценного сыночка. Конечно же, нет. И значит, плевать он хотел на условности.

— Закончим с этим, Мамочка. Я хочу вернуться к своей реальной жизни...

Ви в мгновение ока рухнул на спину, не в силах сделать вдоха. И хотя на нем не было ничего, и на тело ничего не давило, ему казалось, что на грудь приземлился рояль.

Когда он выпучил глаза, пытаясь вдохнуть в легкие хоть немного воздуха, Дева-Летописица приблизилась к нему. Капюшон слетел с ее головы по собственному желанию, и она посмотрела вниз, на него, со скучающим выражением на призрачном, мерцающем лице.

— Я получу твое обещание, что ты будешь проявлять уважение ко мне, находясь перед

собранием Избранных. Допускаю, что ты обладаешь некими вольностями по определению, но я без колебаний определю тебе будущее еще хуже чем то, от которого ты так яростно отрекаешься, прояви ты свою дерзость на церемонии. Мы договорились?

Договорились? *Договорились?! А, точно, эту хрень называют свободной волей, и основываясь на жизненном опыте, он, очевидно, не обладал данной.*

Пошла. Она.

Вишес медленно выдохнул. Расслабил тело. И раскрыл объятья удушью.

Глядя ей в глаза... он начал умирать.

Примерно через минуту добровольного удушья, включилась его автономная нервная система, легкие начали давить на грудные стенки, пытаясь втянуть хоть каплю кислорода. Он перекрыл молярные железы, сжал губы и напряг глотку, дабы этот рефлекс пришел в никуда.

— О, Господи! — воскликнул Фьюри дрожащим голосом.

Жжение в легких Ви распространилось по его торсу, зрение затуманилось, а тело тряслось в сражении между силой воли и биологической необходимостью дышать. В конце концов, война переросла из «иди к чертям» — своей матери, в сражение за давно желаемое: покой. Без Джейн в своей жизни, смерть стала единственным выбором.

Он начал терять сознание.

Внезапно, несуществующий груз испарился; и затем воздух мощно ринулся через нос в его легкие, словно сильная и невидимая рука запихивала его внутрь.

Инстинкты его тела взяли верх, вытесняя самоконтроль. Он втянул воздух, словно воду, против своей воли, свернулся на боку и тяжело дышал, а его зрение постепенно стало проясняться, пока он не смог сфокусироваться на подоле одеяния его матери.

Когда он, наконец, оторвал лицо от мраморного пола и взглянул на нее, она не была светящейся, как обычно. Сияние потускнело, будто его приглушили, и кто-то пытался вообще выключить декоративное освещение.

Лицо, однако, оставалось прежним. Полупрозрачным, прекрасным и твердым, словно бриллиант.

— Вернемся к представлению. — Сказала она. — Или ты желаешь встретить свою супругу, лежа ничком на моем мраморе?

Ви сел, чувствуя головокружение, но ему было плевать, даже если он вырубится. Он думал, что ощутит некий триумф от победы над ней, но его не было.

Он перевел взгляд на Фьюри. Парень был в шоке, с глазами по полтиннику, а его кожа заметно побледнела. Он выглядел так, будто стоит в бассейне с аллигаторами, а на ногах вместо обуви — куски мяса.

Черт, учитывая, как его брат воспринял эту милую семейную ссору, Ви не мог представить, что Избранные управятся лучше с открытым конфликтом между ним и материнским кошмаром в стиле Джоан Кроуфорд¹¹⁸. Он мог не иметь ни капли влечения к стайке этих женщин, но это не повод их так шокировать.

Он попытался встать, и Фьюри вовремя вмешался. Когда Ви накренился на один бок, брат подхватил его под руку, придавая устойчивое положение.

— Следуйте за мной. — Дева повела их к сводчатой галерее, паря над мрамором бесшумно, не шевелясь, словно крошечное каменное изваяние.

Они втроем шли вдоль колоннады к паре золотых дверей, за которыми Ви ранее не бывал. Огромные створки были отмечены ранней версией Древнего языка, похожим на современные иероглифы настолько, что Ви смог прочесть:

Святилище Избранных, сакральные владения Прошлого, Настоящего и Будущего Расы.

Двери распахнулись, открывая пасторальное великолепие, которое при других

обстоятельствах утихомирило бы даже Ви. Несмотря на то, что все вокруг было белым, территория с успехом могла оказаться университетским кампусом: здания в георгианском стиле¹¹⁹ растянулись посреди молочно-белой травы, дубов-альбиносов и вязов.

Дорожка из белого шелка уходила вдаль. Ви и Фьюри шли по ней, в то время как Дева-Летописица парила в футе над землей. Воздух был идеальной температуры и столь безветренный, что даже не ощущалось его касание обнаженной кожи. Хотя гравитация все еще тянула Ви к земле, он чувствовал себя легче и даже бодрее... будто он мог с низкого старта сигануть через лужайку, как те космонавты на Луне.

О, черт, это сравнение с лунной прогулкой было следствием перегрева его мозга?

Когда они взошли на холм, перед ними предстал амфитеатр. А также Избранные.

О, господи... Сорок, или около того, женщин были одеты в одинаковые белые мантии, их волосы были высоко собраны, а руки обтянуты перчатками. Цвет волос варьировался от светлого до темного и рыжего, и все же они казались одним и тем же человеком, из-за высокого, худощавого телосложения и этих одинаковых мантий. Разбившись на две группы, они выстроились в линию по бокам амфитеатра, повернувшись на три четверти и чуть выставив вперед правую ногу. Они напомнили ему кариатиды римской архитектуры, скульптуры женщин, поддерживающих фронтоны своими царственными головами.

Наблюдая за ними сейчас, он задавался вопросом: есть ли у них сердца и легкие? Потому что они были неподвижны, как и воздух.

Да, вот в чем проблема Другой Стороны, подумал он. Здесь все стоит на месте. Сама жизнь... безжизненна.

— Пройди вперед, — потребовала Дева-Летописица. — Официальное представление ждет.

О... Боже... Он снова не мог дышать.

Фьюри положил руку на его плечо.

— Нужна минутка?

К черту минуту, ему нужна вечность.... Но, даже получи он ее, результат не изменится. Исполненный чувством неотвратимости, он представил гражданского, которого он нашел в переулке, на которого он наткнулся в ночь своего ранения, ради мести он прикончил лессера.

Им нужно больше Братьев, подумал он, возобновив движение. И аист не выполнит за него работу.

Впереди находилось лишь одно сидение — золотой трон, располагающийся у подножия сцены. С точки его обзора, он осознал, что чистая белая стена позади трона оказалась на самом деле громадной бархатной занавесью, которая была так же недвижима, будто нарисованная на стене.

— Ты. Садись. — Приказала Дева. Очевидно, ей исключительно утомила его персона.

Забавно, он чувствовал тоже самое.

Ви опустился на трон, а Фьюри прирос, как вкопанный, позади.

Дева-Летописица проплыла вправо, занимая положение сбоку от сцены, словно постановщик Шекспира, руководитель разворачивающейся трагедии.

Черт, он не отказался бы сейчас от услуг ядовитой гадюки.

— Продолжайте, — резко потребовала она.

Занавесь разошлась посередине, открывая женщину, укрытую с головы до пят мантией, украшенной драгоценными камнями. По обе стороны от нее стояли Избранные, и сама суженая, казалось, стояла под странным углом. Или, может быть, она не стояла вовсе. Господи, казалось, будто она была приклеена к какой-то плите, наклоненной вперед для лучшего просмотра. Как пришпиленная бабочка.

Плита приближалась, и стало очевидно, что Избранная была привязана к чему-то. Вокруг ее

предплечий были обвязаны ленты, закамouflированные под украшения, подходящие к мантии. Ленты, казалось, удерживали ее вертикально.

Должно быть, часть церемонии. Потому что находившаяся под этими одеяниями была не просто приготовлена для смотрин и последующего брачного ритуала, она также была чертовски возбуждена тем, что стала женщиной № 1: Первая Избранная Праймэйла обладала особыми правами, и значит, она чудно проведет время.

И пусть это было нечестно, его жутко бесила женщина, укрытая всей роскошью.

Дева-Летописица кивнула, и Избранные слева и справа от его суженой, начали расстегивать одеяние. Когда они приступили к заданию, волна энергии прокатилась по недвижимому амфитеатру, кульминация десятилетий, проведенных Избранными в ожидании, когда же бывшие традиции возобновятся вновь.

Ви безразлично наблюдал, как украшенную камнями мантию стягивают назад, обнажая сногшибательно красивую женщину, завернутую в тонкую, словно паутинка, оболочку. Лицо его нареченной оставалось в капюшоне: согласно традиции, она представляла не себя, а всех Избранных.

— Она соответствует твоему вкусу? — сухо поинтересовалась Дева, будто знала, что эта женщина была абсолютным совершенством.

— Не важно.

Беспокойный шепот нарушил ряды Избранных, словно холодный ветерок зашевелил заросли тростника.

— Возможно, тебе следует лучше выбрать свои слова? — Настаивала Дева.

— Она сойдет.

После неловкой паузы, подошла Избранная с зажженным фимиамом и белым пером в руках. Произнося нараспев молитвы, она оведала благовониями женщину с головы в капюшоне и до обнаженных пят, обходя вокруг нее один раз — за прошлое, раз — за настоящее, и за будущее.

Ритуал все продолжался, когда Ви нахмурился и наклонился вперед. Накидка из тонкой паутинки спереди была влажной.

Возможно от масел, когда ее готовили для него.

Он откинулся на троне. Черт, его бесили эти древние обычаи. Бесило все это.

Под капюшоном, Кормия металась от отчаяния. Она дышала горячим, влажным, удушающим воздухом, уж лучше было вообще ничего не вдыхать. Ноги дрожали, как стебли травинок, ладони вспотели. Если бы не оковы, она бы точно рухнула.

После отчаянной попытки к побегу в купальне и последующего пленения, ее заставили выпить горький отвар по приказу Директрикс. Он успокоил ее на время, но сейчас действие эликсира слабело, и в ней снова начал подниматься страх.

Как и деградация. Когда она ощутила прикосновение рук, расстегивающих золотые пуговицы, она плакала от осквернения ее интимных мест чужим пристальным взглядом. Когда две половины одеяния стащили с ее тела, и она ощутила своей кожей прохладу, нечто, ни капли не похожее на освобождение от тяжести одеяния.

Глаза Праймэйла устремились к ней, когда раздался голос Девы-Летописицы: «Она соответствует твоему вкусу?»

Ожидая ответа Праймэйла, Кормия надеялась услышать хоть что-то теплое в нем.

И не дождалась: «Не важно».

«Возможно, тебе следует лучше выбрать свои слова?»

«Она сойдет».

Услышав эти слова, у Кормии перестало биться сердце, а страх перед ним вытеснил ужас происходящего. Вишес. Сын Бладлеттера, обладал холодным голосом, подразумевавшим

наклонности более жестокие, чем описывала репутация его отца.

Как она переживет соединение, не говоря уже о том, чтобы стать достойной представительницей почтенных Избранных? В купальне, Директрикс была очень жестка в своих словах относительно всего, что Кормия опозорит, если не поведет себя с подобающим достоинством. Если она не выполнит возложенную на нее обязанность. Если она не станет должной представительницей Целого.

Как она сможет вынести все это?

Кормия услышала, как снова заговорила Дева-Летописица: «Вишес, твой помощник не поднял своих глаз. Фьюри, сын Эгони, тебе, как свидетелю Праймэйла, следует взглянуть на предложенную Избранную.»

Кормия задрожала, опасаясь еще одной пары незнакомых мужских глаз на своем теле. Она чувствовала себя нечистой, несмотря на то, что ее тщательно вымыли; в грязи, хотя с нее ничего не стекало. Под этим капюшоном она чувствовала себя маленькой, словно игольное ушко.

Но, будь она действительно маленькой, эти глаза не нашли бы ее. Будь она крошечной, она смогла бы спрятаться за большими предметами... скрыться от всего этого.

Глаза Фьюри прилипли к спинке трона, и он на самом деле не хотел смотреть никуда более. Все происходящее казалось неправильным. От начала и до конца.

— Фьюри. Сын Эгони? — Дева-Летописица произнесла имя его отца так, будто честь всего клана зависела от того, как Фьюри справится с заданием.

Он взглянул на женщину...

Все его мыслительные процессы завяли на корню.

Ответило его тело. Мгновенно. Он затвердел в его шелковых брюках, его эрекция была молниеносной, невзирая на ужасный стыд за себя. Как мог он быть столь жестоким? Он опустил веки и скрестил руки на груди, пытаясь придумать, как бы умудриться пнуть себя под зад и остаться в вертикальном положении.

— Как она тебе, воин?

— Ослепительна. — Слово вылетело изо рта непроизвольно. Потом он добавил, — Достойная лучшей традиции Избранных.

— А, вот и подобающий ответ. Одобрение получено, и я объявляю эту женщину выбором Праймэйла. Заканчивайте омовение фимиамом.

Периферийным зрением Фьюри заметил, как две Избранные вышли с жезлами, оставляющими за собой след из белого дыма. Когда они начали петь высокими, чистыми голосами, он глубоко задышал, пробираясь через цветочный букет женских ароматов.

Он нашел запах суженой. Должен быть ее, потому что он единственный в этом месте отдавался чистым ужасом...

— Прекратите церемонию, — жестко сказал Ви.

Дева-Летописица повернулась к нему.

— Они должны закончить.

— Черт та с два! — Брат встал со своего трона и взошел на сцену, очевидно, также уловив запах. Когда он подошел ближе, Избранные дружно завизжали, нарушая ряды. Когда женщины бросились в рассыпную, повсюду замелькали белые мантии, Фьюри подумал о стопке бумажных салфеток на пикнике, в беспорядке разлетевшихся от ветра по траве.

Но это был не Субботний день в парке.

Вишес натянул на суженую ее одеяние, затем разорвал оковы. Когда она подкосилась, он придержал ее за руку.

— Фьюри, встретимся дома.

Ветер, испускаемый Девой-Летописицей, начал буйствовать вокруг, но Ви стойко давал

отпор своей... ну, очевидно, своей матери.

Господи Иисусе, никогда не встречал подобного.

Ви мертвой хваткой удерживал женщину, с ненавистью смотря на Деву.

— Фьюри. Сваливай отсюда!

И хотя Фьюри был миролюбив в глубине души, он также был не так глуп, чтобы вмешиваться в подобные семейные ссоры. Лучшее, что он мог сделать, это молиться, чтобы брата не принесли назад в погребальной урне.

Прежде чем дематериализоваться, он последний раз взглянул на женщину в капюшоне. Сейчас Ви держал ее обеими руками, будто она была на грани обморока. Господи Боже... Какой бардак.

Фьюри, отвернувшись, направился по белой шелковой дорожке в сторону внутреннего двора Девы. Первая остановка? Кабинет Рофа. Королю следует знать о произошедшем. Хотя, большая часть драмы еще предстояла.

Когда Кормия очнулась, она лежала на спине, мантия была все еще на ней, а капюшон застегнут. Однако, похоже, она была не на плите, к которой ее привязали. Нет... она была не на...

Воспоминания вернулись к ней: Праймэйл прервал церемонию и освободил ее. Сильный ветер заполнил амфитеатр. Брат и Дева-Летописица начали спорить.

В этот момент Кормия потеряла сознание, пропустив остальное. Что случилось с Праймэйлом?

Несомненно, он не выжил. Никто не смеет бросать вызов Деве-Летописице.

— Ты хочешь освободиться от всего этого? — Спросил жесткий мужской голос.

Страх пробежал по ее позвоночнику. Дева Милосердная, он оставался здесь.

Он инстинктивно свернулась в клубочек, защищая себя.

— Расслабься. Я ничего тебе не сделаю.

Судя по его жесткому голосу, она не могла верить его словам: гнев окрашивал каждое его слово, превращая их в вербальные клинки, и хотя она не видела его, но все же ощущала исходящую от него силу, которая внушала страх. Он был истинным сыном воина Бладлеттера.

— Слушай, я собираюсь снять с тебя капюшон, чтобы ты могла дышать, хорошо?

Она пыталась сбежать от него, отползти подальше от места, где она лежала, но мантия запуталась и пленила ее.

— Возьми себя в руки, женщина. Я просто пытаюсь дать тебе передохнуть.

Она онемела, когда он коснулся ее руками, с уверенностью ожидая ударов. Вместо этого, он просто расстегнул две верхних застёжки и опустил капюшон.

Свежий, чистый воздух коснулся ее лица через тонкую вуаль — предмет роскоши, как еда для голодающего. Но она смогла не много вобрать в себя. Она была напряжена всем телом, глаза зажмурены, а губы сложились в гримасу, когда она приготовилась к чему бы то ни было.

Но ничего не происходило. Он не двигался.... Она уловила его зловещий аромат... но он не касался к ней, не сказал ни слова.

Она услышала скрежет, затем вдох. Потом почувствовала что-то резкое, пахнущее дымом. Как фимиам.

— Открой глаза. — Его властный голос раздался позади нее.

Она подняла веки и моргнула несколько раз. Она лежала на сцене амфитеатра, взирая на пустой трон из золота и белую шелковую дорожку, ведущую к холмистому подъему.

Раздались приближающиеся тяжелые шаги.

И вот он возник. Возвышающийся над ней, больше, чем любое живое существо, которое она прежде встречала; она отпрянула при виде его бледных глаз и жесткого лица.

Он поднес к губам тонкий белый рулончик и вдохнул. Когда он заговорил, дым выходил из его рта.

— Я же сказал. Я не причиню тебе боли. Как тебя зовут?

Через сжатую глотку она сказала:

— Избранная.

— Нет, это твое предназначение, — рявкнул он. — Я хочу твое имя. Я хочу знать *твое* имя.

Ему было разрешено спрашивать это? Ему... О чем она думала? Он мог делать все, что хотел. Он же Праймэйл.

— К-К-Кормия.

— Кормия. — Он снова вдохнул белую штуку, и оранжевый кончик ярко вспыхнул. —

Послушай меня. Не бойся, Кормия, хорошо?

— Ты... — ее голос сорвался. Она не была уверена, могли ли задавать ему вопросы, но она должна узнать. — Ты бог?

Его брови сошлись над его белыми глазами.

— Черт, нет.

— Но тогда как ты...

— Говори громче. Я не слышу тебя.

Она постаралась придать голосу твердости.

— Как вы могли перечить Деве-Летописице? — Он сердито взглянул на нее, и она бросилась извиняться. — Пожалуйста, я не хотела вас оскорбить...

— Да неважно. Итак, Кормия, тебя не устраивает это спаривание со мной, верно? — Когда она ничего не ответила, его рот сжался от нетерпения. — Давай же, поговори со мной.

Она открыла рот. Но не издала ни звука.

— О, да господи ты боже! — Он пропустил руку в перчатке через темные волосы и начал расхаживать вокруг.

Он определенно был неким божеством. Он выглядел столь свирепым, что Кормия не удивилась бы, имея он способность вызывать на небе молнии.

Он остановился, нависая над ней.

— Я же сказал, что не причиню тебе вреда. Черт возьми, за кого ты меня принимаешь?! За монстра?

— Я не видела мужчину ранее, — выпалила она. — Я не знаю, что вы такое.

От ее заявления он застыл, как вкопанный.

Джейн проснулась от скрипа гаражной двери, пронзительный шум доносился из соседней квартиры слева. Перевернувшись, она взглянула на часы. Пять вечера. Она проспала почти весь день.

Ну, типа проспала. Большею частью она была в ловушке странного видения, в нем ее мучили смутные образы. Сон был связан с мужчиной, с огромным мужчиной, который был одновременно частью ее и абсолютным чужаком. Она не могла увидеть его лица, но знала, как он пахнет: темными специями. Вблизи ее носа, вокруг нее, на ней и...

Снова вспыхнула эта ужасающая головная боль, и она бросила свои мысли, как горячую кочергу, которую схватила не за тот конец. К счастью, жгучая боль в глазах отступила.

Услышав шум работающего двигателя, она оторвала голову от подушки. В окне, рядом с кроватью, она увидела, как на соседнюю подъездную дорожку заехал минивен. Кто-то заселялся в соседнюю квартиру, и бога ради, пускай это будет не целая семейка. Стены между блоками были не столь тонкими, как в многоквартирных домах, но все же далеки от стен банковских хранилищ. И при любом раскладе не обойдется без визжащих детей.

Она приняла сидячее положение, чувствуя себя более чем помятой, словно какой-то мусор. Что-то сильно болело в груди, и она не думала, что это мышцы. Повернувшись из стороны в сторону, у нее возникло ощущение, что она уже чувствовала эту боль раньше, но не могла вспомнить, когда и где.

Душ оказался тяжким испытанием. Черт, да она с трудом добралась до ванной. Хорошие новости — программа «мыло — полоскание» немного привела ее в чувство, а желудок, казалось, настроился для еды. Оставив волосы обсыхать, она спустилась вниз и сварила кофе. Ее

план — включить мозг на первую передачу, затем сделать пару звонков. Она в лепешку разобьется, но поедет завтра на работу, и поэтому хотела подготовиться по максимуму, прежде чем ехать в клинику.

Она направилась в гостиную с кружкой в руке и села на диван, бережно держа в ладонях кружку, надеясь, что Капитан Кофеин придет ей на помощь и поможет снова почувствовать себя человеком. Опустив взгляд на шелковые подушки, она поморщилась. Именно эти подушки ее мать так часто поправляла, именно они служили барометрическим измерителем «Все Хорошо» или же нет, и Джейн спросила себя, когда в последний раз на них сидела. Боже, похоже, что никогда. Насколько она знала, последними здесь отсиживались ее родители.

Хотя нет, гости. Ее родители сидели только на парных креслах в библиотеке: ее отец сидел на правом с трубкой и газетой, а мать — на левом, с пальцами. Они сидели, словно восковые фигуры из музея Мадам Тюссо, часть выставки, посвященной состоятельным мужьям и женам, которые никогда не разговаривали друг с другом.

Она подумала об устраиваемых ими званых вечерах, со скитающимися по большому дому, в колониальном стиле, народу; с официантами, в униформе, и блюдами, заправленными грибным соусом. Каждый раз это была одна и та же толпа, те же разговоры, маленькие черные платья и костюмы от Брук Брозерс. Менялись только времена года, и перерыв наступил после смерти Ханны. После ее похорон, званые вечера прекратились на шесть месяцев по приказу отца, но затем все вернулось в прежнее русло. Хотел ты того или нет, а вечера возобновились, и хотя ее мать выглядела настолько хрупкой, что могла разбиться, она наносила макияж, наряжалась в маленькое черное платье и вставала у парадной двери, вся в жемчугах и с фальшивой улыбкой.

Боже, Ханна любила эти вечеринки.

Джейн нахмурилась и положила руку на сердце, вспомнив, когда у нее возникала подобная боль. Подобное жгучее давление появилось с потерей Ханны.

Странно, что она неожиданно проснулась от этого. Она никого не потеряла.

Глотнув кофе, она пожалела, что не сделала горячий шоколад...

Возникло смутное изображение мужчины, протягивающего ей кружку. В кружке был какао, и он сделал его потому что он... он покидал ее. О... боже, он уходил...

Острая боль молнией пронзила голову, обрывая внезапное видение. В этот момент позвонили в дверь. Потерев переносицу, она бросила взгляд в сторону холла. Сейчас она не в духе общаться.

Раздался еще один звонок.

Поднимая себя на ноги, она поплелась к входной двери. Открывая замок, она подумала, блин, если это проповедник, то она уж обеспечит ему единство с...

— Манелло?

Заведующий хирургическим отделением стоял на ее пороге с типичным нагловатым выражением на лице, будто приветственный коврик был его собственностью. Он был одет в хирургическую форму и кроксы, а сверху щеголял в дорогом замшевом пальто, цвета его ярко-карих глаз. Его Порше занял пол ее дорожки.

— Пришел проверить, не померла ли ты.

Джейн не могла не улыбнуться.

— Господи, Манелло, не будь таким романтиком.

— Паршиво выглядишь

— А сейчас пошли комплименты. Завязывай. Ты вгоняешь меня в краску.

— Я войду?

— Куда ты денешься, — прошептала она, отступая в сторону.

Он оглядывался вокруг, снимая пальто.

— Ты знаешь, каждый раз прихожу сюда и думаю, что это место тебе не подходит.

— Ты ожидал нечто розовое с рюшами? — Она захлопнула дверь. Закрyla на замок.

— Нет, когда я первый раз пришел, то ожидал увидеть полупустое помещение. Как у меня.

Манелло жил в Коммондоре, в этой модной высотке, но его дом скорее напоминал дорогую раздевалку с декором от Найка. Лишь спортивный инвентарь, кровать и кофейник

— Верно, — сказала она. — Ты плохой кандидат для съемки «House Beautiful»¹²⁰.

— Так, рассказывай как ты, Уиткоум? — Манелло уставился на нее с безэмоциональным лицом, но глаза его пылали, и Джейн вспомнила их последний разговор, когда он сообщил о неких чувствах к ней. Детали разговора оставались туманными, и у нее возникло смутное впечатление, что состоялся он в палате ОИТ, над пациентом...

Голова снова начала трещать, и когда она поморщилась, Манелло велел:

— Садись. Сейчас же.

Не такая уж и плохая идея. Она направилась к дивану.

— Хочешь кофе?

— На кухне, да?

— Я принесу...

— Я сам смогу налить. Годы тренировок. А ты присядь.

Джейн села на диван, и начала потирать виски, крепче запахнув полы халата. Черт, она когда-нибудь придет в себя?

Манелло вошел, когда она наклонилась вперед и положила голову на руки. Что полностью включило его режим доктора. Он поставил кружку на одну из книг ее матери по архитектуре, и опустил на восточный ковер.

— Поговори со мной. Что случилось?

— Голова. — Простонала Джейн

— Дай взглянуть на глаза.

Она снова попыталась сесть прямо.

— Боль проходит...

— Молчи. — Манелло нежно взял ее запястья и отвел от лица. — Я проверю твои зрачки. Наклони голову.

Джейн сдалась, просто послала все к чертям и откинулась на диване.

— Я давно не чувствовала себя так отвратительно.

Его большой и указательный пальцы аккуратно раскрыли шире ее правый глаз, пока он доставал ручку с фонариком. В такой близости она могла видеть его длинные густые ресницы, трехдневную щетину и чистые поры на коже. Он хорош пах. Одеколоном.

Что за одеколон, пронеслось в ее голове.

— Хорошо, что я пришел наготове, — протянул он, наводя тонкий луч.

Ей захотелось моргнуть, когда он посветил в глаз, но Мэнни не позволил.

— Стало хуже? — Спросил он, переходя к левому глазу.

— О, нет. Вполне нормально. Не дождусь когда ты... Черт, слишком ярко.

Он выключил фонарик и затолкал его обратно в нагрудный карман формы.

— Зрачки нормально расширяются.

— Какое облегчение. Если мне захочется почитать под солнечным прожектором, я преуспею.

Он взял ее запястье и нащупал пульс. Затем поднял свои ролексы.

— Придется доплачивать страховку за этот осмотр? — Поинтересовалась Джейн.

— Шшш.

— Потому что я на мели...

— *Шшш!*

Было непривычно оказаться на месте пациента, а держать рот закрытым — того хуже. Блин, что-то скрывалось за этими неловкостями и словами....

Темная комната. Мужчина в кровати. Ее рассказ... рассказ о... похоронах Ханны.

Очередная вспышка боли охватила ее, и она резко втянула воздух.

— Вот черт.

Манелло отпустил ее запястье и положил ладонь на лоб.

— Жара вроде нет. — Он опустил руки на обе стороны ее шеи, прямо под подбородком.

Когда он нахмурился и начал пальпировать, она сказала:

— У меня нет ангины.

Находясь На Другой Стороне, Вишес пристально рассматривал Кормию, и его одолевало желание отстрелить себе ногу. После ее стеснительного признания в том, что она никогда раньше не видела мужчину, он почувствовал себя ужасно. Ему не приходило в голову, что она знала только женщин, но если учитывать, что она родилась сразу, после того как погиб последний Праймэйл, то как она могла встретить кого-то противоположного пола?

Конечно же, он вызывал в ней ужас.

— Иисус Христос, — пробормотал он, глубоко затягиваясь самокруткой, а затем щелкнул по ней. Пепел падал прямо на мраморный пол амфитеатра, но его это абсолютно не заботило. — Я совершенно не подумал, насколько тяжело это будет для тебя. Я думал...

Он думал, что она будет желать его или испытывать хоть что-то подобное, но в протест, она ощущала то же, что и он.

— Да, мне чертовски жаль.

Ее нефритовые глаза от удивления распахнулись и заблестели.

Он надеялся, что тон, которым он с ней пытался разговаривать, был мягким:

— Ты хочешь это...? — Он указал рукой, держащей сигарету, на расстояние между ними. — Это соединение?

Она промолчала, и он покачал головой.

— Послушай, я вижу это по твоим глазам. Тебе хочется бежать от меня, и не только потому, что ты испугана. Ты хочешь сбежать от того, что мы должны будем сделать, я прав?

Она поднесла свои руки к лицу, тяжелые складки одежды соскользнули вниз по ее тонким рукам и повисли на сгибах ее локтей. Тихим голосом она сказала:

— Я не посмею подвести Избранных. Я... я сделаю то, что должна сделать на благо всех.

Да, эта песня была явно на двоих.

— Как и я, — пробормотал он.

Ни один из них не произнес ни слова, и он не знал, что делать дальше. У него всегда плохо получалось завязывать отношения с женщинами, а сейчас, когда он чувствовал себя разобраным на части после ухода Джейн, все стало намного хуже.

Внезапно он повернул голову, понимая, что они не одни.

— Ты, за колонной. Выходи. *Сейчас же.*

На свет вышла Избранная, опустив голову, ее тело под традиционной белой мантией было напряжено.

— Господин.

— Что ты здесь делаешь?

Избранная кротко уставилась на мраморный пол, и мысленно он взмолился Господу о своем спасении от их раболепства. Забавно, во время секса он нуждался в нем. Теперь это дерьмо его чертовски раздражало.

— Хорошо, если ты пришла, чтобы успокоить ее, — прорычал он. — И если ты здесь по какой-то другой причине, то тебе лучше уйти.

— Для успокоения, — мягко сказала Избранная. — Я волнуюсь за нее.

— Как тебя зовут?

— Избранная.

— Твою мать! — Они обе подскочили от его крика, и он постарался засунуть свой нрав поглубже в задницу. — Как *твое* имя?

— Амалия.

— Хорошо, тогда так, Амалия. Я хочу, чтобы ты позаботилась о ней, пока я не вернусь. Это приказ.

Когда Избранная начала кланяться и клясться, он в последний раз затянулся самокруткой, затем облизал два пальца и прижал их к кончику сигареты. Он положил окурочек в карман мантии, в голове у него возник вопрос: за каким дьяволом на Этой Стороне все должны носить эту долбанную пижаму?

Он бросил взгляд на Кормию.

— Увидимся через пару дней.

Не оборачиваясь, Ви вышел, потом по белой траве поднялся на холм, избегая белых шелковых дорожек. Когда он пришел во двор покоев Девы-Летописицы, то молился, чтобы ни в коем случае не столкнуться с ней, и поблагодарил Бога, что ее не оказалось поблизости. Последнее, в чем он сейчас нуждался, это афте-пати с Мамзиллой¹²¹.

Под бдительным взглядом певчих птиц, он материализовался обратно в реальный мир, но не в особняк.

Он появился именно там, где не должен был быть: принял форму на улице напротив квартиры Джейн. Это была чертовски плохая идея, проблема гигантского масштаба: он был чуть живой от горя и не мог мыслить здраво, кроме того, ему было наплевать на все. Даже на границы между его и человеческой расами, которые ни в коем случае нельзя было нарушать.

Ночь была холодная, одежда для гребаной церемонии едва ли грела, но и это его не интересовало. Он настолько оцепенел, а в голове творился такой бардак, что он мог запросто стоять голышом в снежный шторм и не замечать этого.

Что за хрень?

На подъездной дорожке к ее дому стоял автомобиль. Порше Каррера 4S. Такой же, как у Зи, только у Зи он был цвета серый металлик, а этот — серебристый.

Ви не намеревался подходить слишком близко, лишь пересечь улицу, но этот план с треском провалился, когда он почувствовал запах мужчины, что шел из кабриолета. Это было тот доктор, что клеился к ней в больничной палате.

Ви дематериализовался под клен на ее дворе и заглянул в окно кухни. Работала кофемашина. Сахара не было. На кухонном столе лежали две ложки.

О, черт, только не это. Твою мать, только не это.

Со своей позиции Ви не мог видеть большую часть квартиры, и он стал обходить дом с другой стороны, под его босыми ногами скрипела ледяная корка. Из окна квартиры по соседству выглянула старушка, она как будто заметила его, поэтому он выпустил мис в качестве меры предосторожности — ну и для того, чтобы доказать самому себе, что у него остался хоть грамм мозгов.

Стопроцентно, эти замашки преследователя вовсе не делали из него преступника!

Когда он подошел к окнам заднего двора, и заглянул в гостиную, то увидел смерть другого человека так же ясно, как будто убил его в режиме реального времени. Человеческий мужчина, тот самый врач, стоял на коленях и плотно прижимался к Джейн, сидевшей на диване. Одна рука парня была прижата к ее лицу, другая обхватила шею, и он сосредоточено уставился на ее рот.

Ви потерял концентрацию, мис исчезла, и, не задумываясь, он двинулся вперед. Не рассуждая. Не колеблясь. Сейчас он был лишь кричащим инстинктом связанного мужчины, что ломился в стеклянную дверь, готовый убить...

Вдруг, прерывая атаку, из ниоткуда перед ним возник Бутч. Обхватив Ви за талию, он оттащил его от квартиры. Это был опаснейший шаг, даже для лучшего друга. Только автопоезд мог встать между связанным мужчиной и целью его агрессии: инстинкт нападения Ви мгновенно сместил акценты. Он обнажил клыки, замахнулся и нанес своему ближайшему другу

удар по голове.

Ирландец отбросил от себя Ви, будто тот был ульем, полным разозленных пчел, сжал кулаки и ответил ударом под подбородок. Когда его челюсть захлопнулась, а зубы громко клацнули, он вспыхнул как сухая трава, и мгновенно перегорел.

— *Мис*, ты, сукин сын, — выпалил Бутч. — Запусти *мис*, до того, как мы продолжим то, что начали.

Ви запустил визуальную блокировку, и они сошлись в злобной схватке без запрещенных приемов, кровь брызгами летела из носов и ртов, а они продолжали выбивать дерьмо друг из друга. Ви понимал, что все это происходило не только потому, что он потерял Джейн, а потому, что он был совершенно одинок. Даже с Бутчем рядом, без нее все будет совершенно по-другому. Выходило, что Ви остался ни с чем.

Когда все было кончено, он и коп лежали на спинах, рядом друг с другом, их грудные клетки тяжело вздымались, пот не столько высыхал, сколько замерзал на их телах. Вот дерьмо, Ви уже почувствовал, как все тело опухает: костяшки пальцев, лицо. Он становился похожим на белого снеговика из рекламы Мишленовских шин.

Он закашлялся.

— Мне нужна сигарета.

— А мне нужен мешок со льдом и Неоспорин¹²².

Ви перекатился на бок, сплюнул кровь, а затем рухнул снова на спину. Вытер рот тыльной стороной ладони.

— Спасибо. Мне это было нужно.

— Без пр... — Бутч застонал. — Без проблем. Черт, тебе обязательно было так бить меня в печень? Как будто скотча для этого не достаточно.

— Как ты узнал, где я?

— А где тебе еще быть? Фьюри вернулся один и упомянул о произошедшем дерьме, поэтому я решил, что в конечном итоге ты окажешься здесь. — Бутч сжал плечо и выругался. — Давай посмотрим правде в глаза, коп во мне — все равно, что радар, нацеленный на тупых идиотов. И не обижайся, но тебе вряд ли положен приз в номинации «Умник года».

— Думаю, что убил бы этого человека.

— Я знаю, что ты бы так и сделал.

Ви поднял голову. Он не мог заглянуть в окна Джейн, приподнялся на локтях, чтобы лучше рассмотреть, происходящее внутри.

Диван был пуст.

Он позволил себе упасть на землю. Может они занимаются любовью наверху в ее постели? Прямо сейчас. В то время, что он лежал разбитый на ее гребаном газоне?

— Стадо чертей. Я не могу с этим справиться.

— Прости, Ви, мне действительно жаль. — Бутч прочистил горло. — Послушай... наверное, будет лучше, если ты не станешь больше сюда приходить.

— Сказал умник, который просиживал в кустах под окнами Мариссы сколько месяцев?

— Это опасно, Ви. Для нее.

Ви метнул взгляд на своего лучшего друга.

— Если ты продолжишь настаивать на благоразумии, я больше не стану с тобой водиться.

Бутч выдавил кривую улыбку из-за трещины в его верхней губе.

— К сожалению, приятель, ты не сможешь меня переубедить, даже если попытаешься.

Ви пару раз моргнул, испугавшись того, что собирался произнести.

— Господи, ты решил записаться в святые, да? Ну, для меня ты всегда был святым. Даже когда я...

— Даже когда ты что?

— Ты знаешь.

— Что?

— Черт. Даже когда я был в тебя влюблен. Ну, или похоже на это.

Бутч прижал руки к груди.

— Был? Был? Не могу поверить, что ты потерял ко мне интерес! — Он прижал ладонь к глазам, ну прямо вылитая Сара Бернар¹²³. — Мои мечтательные вздохи о нашем совместном будущем разбились вдребезги...

— Заткнись, коп.

Бутч взглянул на него сквозь пальцы.

— Ты шутишь? Реалити-шоу, что я запланировал, стало бы фантастичным. «Два Укуса Лучше Чем Один». Я договорился бы с VH1¹²⁴ насчет трансляций. Мы заработали бы миллионы!

— О, ради Бога.

Бутч перевернулся на бок, выражение его лица вмиг стало серьезным.

— Давай договоримся, Ви. Ты и я. Мы по жизни вместе, и не только из-за моего проклятия. Я не знаю, было ли это божественным провидением или еще каким хламом, но есть причина, почему мы встретились. А что касается твоей увлеченности мной, вероятнее всего дело в том, что ты впервые заботился о ком-то.

— Отлично, на этом и остановимся. У меня уже аллергия на это дерьмо о любви/заботе.

— Ты знаешь, что я прав.

— Пошел в задницу, доктор Фил¹²⁵.

— Слава Богу, мы договорились.

Бутч нахмурился.

— Эй, может мне тогда организовать ток-шоу, раз уж ты больше не будешь моей Джун Кливер¹²⁶?. Я бы назвал его «Час с О'Нилом». Звучит солидно, не находишь?

— Ну, во-первых, это ты должен был быть Джун Кливер...

— Да пошел ты. Я бы ни за что не подставил тебе свою задницу.

— Не важно. Во-вторых, не думаю, что на медиа-рынке найдется место для твоего сорта психологии.

— Не правда.

— Бутч, мы только что выбили друг из друга тонну дерьма.

— Ты первый начал. И в самом деле, это идеально подошло бы для Spike TV¹²⁷. Чемпион предельного боя против Опри. Боже, я гениален.

— Чаще напоминай себе об этом.

Смех Бутча резко оборвался, когда порыв ветра пролетел через задний двор.

— Окей, здоровяк, я, безусловно, тащусь от происходящего, но не думаю, что окружающая темень благотворно влияет на цвет моего загара.

— У тебя нет загара.

— Вот и я о том же. Так как насчет того, чтобы отправиться домой?

Последовала долгая пауза.

— Черт... ты не пойдешь со мной, да?

— Я больше не хочу никого убивать.

— А, ну хорошо. От мысли, что ты можешь всего лишь переломать парню ноги, я чувствую себя на порядок уверенней, оставляя тебя здесь.

Бутч с проклятием сел.

— Не возражаешь, если я, по крайней мере, проверю, не ушел ли он?

— Господи, думаешь, мне хочется это знать?

— Я скоро вернусь. — Бутч со стоном поднялся, чувствуя себя покореженным в аварии автомобилем, — скрипучим и отнюдь не маневренным. — Боже, я чувствую, тело еще поболит.

— Теперь ты вампир. Твое тело придет в порядок еще до того, как ты это заметишь.

— Дело не в этом. Марисса убьет нас обоих на эту драку.

Ви поморщился.

— Погано. А вот от этого реально могут остаться следы, да?

— Да-да. — Бутч закивал — Она надерет нам задницы.

Ви взглянул на второй этаж дома и никак не мог решить, было ли хорошим или плохим знаком то, что свет там не горел? Закрыв глаза, он молился, чтобы Порше уехал... хотя и не надеялся на это. Господи, Бутч был прав. То, что он ошивается здесь, в скором времени гарантировало, что это место оцепят полицейской лентой. Это должно быть в последний раз...

— Он ушел, — сказал Бутч.

Ви выдохнул, воздух вышел, как будто спустили шину. Затем он понял, что всего лишь получил отсрочку и только на сегодня. Рано или поздно она будет с кем-то.

Возможно, рано или поздно она будет с этим врачом.

Ви поднял голову, и затем снова откинул ее на промерзлую землю.

— Не думаю, что смогу это сделать. Не думаю, что я смогу жить без нее.

— У тебя есть выбор?

Нет, подумал он. Выбора не было.

Если хорошенько задуматься, это выражение не должно иметь отношения к судьбам людей. Ни в коем случае. Выбор должен быть в разнообразии каналов ТВ или еды: ты можешь предпочесть NBC¹²⁸, а не CBS¹²⁹, стейк, а не курицу. Но если дело заходит дальше плиты или пульта от телевизора — слово «выбор» просто не вписывается в реалии его жизни.

— Иди домой, Бутч. Я не собираюсь наделать глупостей.

— Еще больше глупостей, ты хотел сказать?

— К черту семантику.

— Как человек, владеющий шестнадцатью языками, ты прекрасно знаешь, что это ложь. — Бутч сделал глубокий вдох и немного подождал. — Полагаю, увидимся позже в Яме?

— Да. — Ви поднялся на ноги. — Я скоро вернусь.

Джейн ворочалась на кровати, инстинкты не давали ей уснуть.

В комнате кто-то был. Она села, ее сердце бешено колотилось, но она ничего не увидела. Но, опять же, тени от света, падающего из прихожей, предлагали множество мест, чтобы спрятаться: за комодом, приоткрытой дверью или набитым креслом у окна.

— Кто здесь?

Ответа не последовало, но она явно была не одна.

Она пожалела, что легла спать голой.

— Кто здесь?

Ничего. Только шум ее собственного дыхания.

Она крепко сжала руки над одеялом и глубоко вздохнула. Боже... в воздухе витал чудесный запах... богатый и знойный, сексуальный и притягательный. Она вдохнула еще раз, и ее мозг пробудился, узнавая его. Это был запах мужчины. Нет... больше, чем мужчины.

— Я знаю тебя.

Ее тело мгновенно согрелось, расцвело, но затем навалилось горе, боль настолько сильная, что она ахнула.

— О, Боже... ты...

Головная боль вернулась, взорвалась в черепе, заставляя ее поклясться сделать томографию как можно быстрее. Со стоном она схватилась на голову, настраивая себя на многочасовую агонию.

Но боль мгновенно исчезла... и она поплыла. Ее накрыл и успокоил спасительный, облегчающий сон.

Как только это произошло, она почувствовала, как мужская рука прикоснулась к ее волосам. Ее лицу. Ее рту.

Его тепло и любовь исцелили бездонную дыру в центре ее груди: возникло ощущение, что ее жизнь была машиной после аварии, а сейчас части ее тела собирали вместе, двигатель перебрали, бампер прикрепили заново, заменили разбитое лобовое стекло.

Затем прикосновение пропало.

Она вслепую потянулась за ним во сне.

— Останься со мной. Пожалуйста, останься со мной.

Большая ладонь легла ей на руку, но ответ предполагался отрицательный. И хотя мужчина не произнес ни слова, она знала — он не останется.

— Пожалуйста... — Покатились слезы. — Не уходи.

Когда ее руку отпустили, она вскрикнула и потянулась следом...

Простыни слетели, на нее опустился холодный воздух... и огромное мужское тело. В отчаянии она прижалась к твердому теплу и уткнулась лицом в шею, от которой пахло темными специями. Мощные руки заключили ее в объятья, прижимая крепко-крепко.

Она подвинулась еще ближе... и почувствовала эрекцию.

Во сне Джейн двигалась быстро и решительно, как будто имела полное право на то, что делала сейчас. Она втиснула руку между ними и ухватила за эту напряженную длину.

Большое тело дрогнуло, и она сказала:

— Дай мне то, что я хочу.

Господи, неужели он это сделает?

Ее бросили на спину, развели ноги, и лоно накрыла тяжелая рука. В то же мгновение она кончила, закричав и выгнувшись на кровати. До того, как ощущения исчезли, простыни были сброшены с постели, и его рот опустился между ее бедрами. Она погрузила пальцы в его густые, роскошные волосы и полностью отдалась тому, что он делал с ней.

Пока она кончала во второй раз, он откинулся назад. Послышался шорох сбрасываемой одежды, а затем...

У Джейн вырвалось проклятье, когда он глубоко заполнил ее, почти причиняя боль, но ей нравилось то, что происходило... особенно, когда его рот нашел ее, а эрекция начала двигаться внутри ее тела. Она вцепилась во вздымающуюся спину и последовала ритму секса.

Посреди сна у нее мелькнула мысль, что именно об этом она так скорбела. Этот мужчина был причиной боли в ее груди.

Вернее его потеря.

Вишес знал — совершаемое им сейчас было неправильно. Этот секс был равносителен краже, потому что Джейн не осознавала, кто он. Но он не мог остановиться.

Он поцеловал ее еще жестче, задвигался в ней с еще большей силой. Его оргазм накатил как буря, перенося его в сосредоточие тепла, обжигая жаром, который прошел лишь когда, высвобождаясь внутри нее, его член дернулся. Она кончила вместе с ним, выманивая его, продлевая удовольствие, пока он, задрожав, не упал на нее.

Он откинулся назад и посмотрел на ее закрытые глаза, погружая ее еще в более глубокий сон. Она будет думать, что случившееся было не более чем эротический сон, заманчивой и яркой фантазией. Она не узнает, кто он. Не сможет. Ее разум был сильным, и она могла сойти с ума от внутренней борьбы между стертыми им воспоминаниями и тем, что чувствовала, когда он был с ней.

Ви выскользнул из постели, вернул на место простыни и натянул одежду. У него было чувство, будто он заживо сдирает с себя кожу.

Наклонившись, он прижался губами к ее лбу.

— Я люблю тебя. Всегда буду любить.

Перед тем как уйти, он окинул взглядом спальню, затем зашел в ванную комнату. Он не мог остановить себя. Он не собирался возвращаться сюда снова, и ему необходимо было запечатлеть в памяти ее личную территорию.

Наверху было больше «ее», чем внизу. Здесь все было простым и не загроможденным: ненавязчивая мебель, стены без вычурных картин. Во всем чувствовалась какая-то диковатая экстравагантность, и ему это нравилось. А еще, здесь было то же, что и в его комнате — книги. Они были везде. В ее спальне стеллажи располагались от пола до потолка, и каждый уровень был заполнен научными, философскими и математическими томами. В холле, в огромном стеклянном шкафу, хранились произведения Шелли и Китса, Диккенса, Хемингуэя, Маршана, Фицджеральда. Даже в ванной лежало несколько книг, словно она хотела, чтобы ее любимые произведения всегда были неподалеку.

И ей явно нравился Шекспир. Он это одобрял.

Да, интерьер пришелся ему по душе. Живой ум не должен отвлекаться на окружающую обстановку. Ему достаточно коллекции замечательных книг и хорошей настольной лампы. Ну, может быть, еще немного сыра и крекеров.

Ви повернулся, намереваясь выйти из ванной и увидел зеркало над двойной раковиной. Он представил, как она каждое утро стоит перед ним и расчесывает волосы. Чистит зубы зубной нитью, потом щеткой. Подстригает ногти.

Такие обычные вещи, которые люди по всей планете делают каждый день, будь то вампиры или человеческие существа: доказательство того, что в определенной прозаической деятельности эти два вида, в конце концов, не так уж сильно отличаются друг от друга.

Он готов был убить за возможность увидеть, как она это делает.

Более того, он хотел делать это вместе с ней. Ее раковина. Его раковина. Может быть, они бы поругались из-за того, что он выкинул использованную нить на край мусорный корзины, а не в нее.

Жить. Вместе.

Он подался вперед, коснулся зеркала пальцем, провел им по стеклянной поверхности. Затем заставил себя дематериализоваться, не возвращаясь опять к ее постели.

Когда он исчез, на этот раз навсегда, он знал, что если бы он мог плакать, то сейчас он бы просто разрыдался. Вместо этого он подумал о Грей Гузе, что ждал его в Яме. В ближайшие два дня он намеревался нахлестаться до «белки».

Им придется самим вырядить его в эти шелковые шмотки а-ля Хью Хефнер и держать стоя, проводя эту гребаную Праймэйловскую церемонию.

Наступила полночь, Джон лежал на кровати, уставившись в потолок, который был очень красивым, с большим количеством лепнины и прочей чепухи по краям, так что было на что посмотреть. Это заставило его подумать о торте ко дню рождения, вернее нет... о свадебном торте. Тем более что в центре висела люстра, окруженная причудливыми узорами, куда бы отлично вписались кукольные фигурки жениха и невесты.

По какой-то непонятной причине, ему нравилось, как все это смотрелось вместе. Он не был специалистом в архитектуре, но его тянуло к этой пышности, величественной симметрии, балансу между изысканностью и гладкостью...

Окей, возможно на этом месте, ему стоит притормозить.

Блин.

Он проснулся около получаса назад, сходил в ванную, а затем вернулся в постель. Занятий сегодня вечером не было, и прежде чем куда-то пойти, ему надо было закончить домашнее задание, но с учебником как-то ничего не складывалось.

У него было кое-что, о чем он должен был задуматься.

Это «кое-что» в данный момент лежало твердое и напряженное у него вдоль живота.

Он завис в постели, решая, сможет ли он это сделать или нет. Как это будет, что он почувствует? А если у него опять пропадет эрекция? Боже, этот разговор с Зи не шел у него из головы. Будто если у него... не получилось тогда, значит с ним что-то не так.

О, ради всего святого, он просто обязан спрыгнуть, наконец, с этого моста.

Джон положил руку на грудь, почувствовал, как расширяются и сокращаются легкие, как тяжело бьется сердце. Вздвогнув, он опустил ладонь ниже, направляясь к той пульсации, что буквально говорила с ним, говорила громко. Господи, эта чертова штука жаждала прикосновений, отчаянно стремилась к разрядке. А под ней что? Его мошонка была такой плотной, что у него возникло чувство, что она сейчас лопнет от нарастающего в ней давления. Он был просто обязан это сделать, и не только для того чтобы проверить в порядке ли его половая система. Необходимость разрядки уже прошла этап ноющей боли и перешла на стадию запредельной муки.

Его рука скользнула по животу, и он направил ее дальше вниз. Кожа была теплой, гладкой и безволосой, обтягивала твердые мышцы и тяжелую кость. Он никак не мог привыкнуть к своим огромным размерам. Казалось, что его пресс был шириной с футбольное поле.

Прежде, чем коснуться себя, он застыл. Затем, с проклятием, обхватил эту штуку ладонью и потянул.

Стон зародился в груди, а затем сорвался с губ, когда эрекция дернулась в его руке. О, черт, это было так приятно, он медленно повторил движение, капельки пота скатывались по груди. Он чувствовал себя так, будто его поместили под обогревательную лампу, хотя нет, скорее его тело само выделяло тепло.

Тело выгнулось, когда он гладил себя, испытывая вину, смущение и греховное возбуждение. Ох... как хорошо... Устанавливая ритм, он ногой спихнул с себя одеяло и опустил взгляд вниз, на свое тело. С преступной гордостью, он смотрел на себя, ему нравилось эта толстая головка, его впечатляющий размер, то, как туго он обхватил рукой свой член.

Ох... твою мать. Быстрее. Рука ускоряет движения. Он слышал тихий щелкающий звук прозрачной, скользкой смазки, что с кончика его члена попала на ладонь. Она стекла по стволу и эрекция влажно заблестела.

О... черт.

Внезапно, в голове возник образ женщины... Черт, это была та агрессивная начальница службы охраны из ЗироСам, и сейчас он четко видел ее коротко стриженные волосы, мускулистые плечи, пронизательное лицо, ощущал ее мощное присутствие. С потрясающей смелостью он представил их вместе в клубе. Она прижала его к стене, положив руку ему на штаны, грубо целовала его, ее язык у него во рту.

Господи... Отец небесный... его рука двигалась с молниеносной скоростью, его член стал твердый, как мрамор, а разум заполнила мысль о том, чтобы попасть внутрь этой женщины.

Наступил момент критической перегрузки, когда он представил, как она прервала поцелуй и опустилась перед ним на колени. Он видел, как она расстегивает ему штаны, достает его член, вбирает его в свой рот...

Черт!

Джон повернулся, подушки повалились на пол, колени приподнялись. Его заколотила дрожь, и он беззвучно закричал, выстреливая в воздух теплыми струями, которые проливались на его грудь, бедра и руки. Он продолжал ласкать себя, глаза были плотно закрыты, вены вздулись на шее, а легкие горели.

Опустошившись, Джон сглотнул, перевел дыхание и открыл глаза. Он не был уверен, но ему показалось, что он кончил дважды. А может и трижды.

Охренеть. Простыни. Ну и беспорядок он устроил.

Но, черт побери, это стоило того. Это было великолепно. Это дерьмо было... потрясающим.

Хотя, он чувствовал себя виноватым за те картины, что рисовал в своем воображении. Он умрет страшной смертью, если она когда-либо узнает о...

Зазвонил мобильный. Вытирая руки о простыни, он взял вещичку. Это было смс от Куина — он велел Джону в течение получаса тащить свою задницу к Блэю, откуда они потом направятся в ЗироСам.

Джон подумал о начальнице охраны и его член опять стал твердым.

Окей, это может оказаться проблематичным, подумал он, глядя на свою эрекцию. Особенно, если он пойдет в клуб и увидит там эту женщину и... да, мгновенно затвердеет.

Но опять же, он должен посмотреть на это с другой стороны: по крайней мере, все его части были в рабочем состоянии.

Джон умерил свой пыл. Да, все работало, и он наслаждался этим... по крайней мере, сам с собой. Но как насчет того, чтобы сделать это с кем-то?

Эта мысль все еще не вызывала у него горячего желания.

Когда Фьюри вошел в ЗироСам, было около часа ночи, и сейчас он был рад своему одиночеству, отсутствию братьев. Ему не нужна публика для того, что он собирался сделать.

С решительным и мрачным выражением лица он направился в VIP-секцию, занял место за столиком братства и заказал martini, чертовски надеясь, что ни один из братьев на здешнем горизонте не нарисует. Он бы, конечно, предпочел пойти куда-нибудь еще, но ЗироСам был единственным местом в городе, которое могло предложить то, что он искал. Так что он зависнет тут.

Первый martini был хорош. Второй еще лучше.

Пока он выпивал, к столу подходили человеческие женщины. Первая была брюнеткой, что абсолютно исключалось. Слишком уж похожа на Бэллу. Вторая была блондинка, и этот вариант поудачнее... но она была с короткой стрижкой, это от нее когда-то кормился Зи, поэтому это

тоже казалось неправильно. Потом подошла еще одна блондинка, которая смотрелась как натянутая струна, что внушила ему чувство вины, а затем еще одна, черноволосая, которая выглядела, как Зена, такая воинственная принцесса — ее вид пугал.

Но затем... у стола остановилась рыжая.

Она была крошечная, не больше пяти футов пяти дюймов¹³⁰, даже на своих высоченных каблуках для стриптиза, но у нее была пышная шевелюра. Одета в бюстье цвета розовой жевательной резинки и микроскопическую мини-юбку, она выглядела как мультипликационный персонаж.

— Хочешь поразвлечься, папочка?

Он заерзал на месте и приказал себе перестать быть столь разборчивым и поскорее покончить со всем этим. Ради Бога, это же просто секс.

— Может быть. Сколько будет стоить билет на пятидесятиардовую линию?

Она подняла руку и прижала два пальца к губам.

— За полную игру.

Две сотни баксов за то, чтобы избавиться от девственности. То есть ее стоимость выходила менее доллара в год¹³¹. Вот дешево.

В полумертвом состоянии Фьюри поднялся со своего места.

— Звучит заманчиво.

Пока он следовал за проституткой в заднюю часть VIP-зоны, в его голове возникали какие-то смутные мысли, что в параллельной вселенной он бы занялся этим с кем-нибудь, кого бы по-настоящему любил. О ком бы заботился. Или, по крайней мере, с тем, кого знал. Не за пару сотен в общественном туалете.

Но, к сожалению, он был там, где был.

Женщина открыла черную блестящую дверь, и он вошел за ней. Когда он закрыл дверь за ними, сквозь нее слабо просачивался звук техно.

Он чертовски занервничал и вытащил деньги.

Она улыбнулась и взяла их.

— Мне понравится заниматься этим с тобой. Боже, какие волосы. Наращенные?

Он покачал головой.

Когда она потянулась к его ремню, его колени подкосились, он сделал шаг назад и ударился о проклятую дверь.

— Прости, — сказал он.

Она странно на него взглянула.

— Не проблема. У тебя впервые секс с такой, как я?

Как насчет вообще с кем-либо?

— Да.

— Ну, я позабочусь о тебе.

Она подошла ближе, ее большая грудь уперлась ему в живот. Он посмотрел сверху на ее голову. Корни ее волос были темными.

— А ты большой, — промурлыкала она, схватив рукой его ремень и притянув его к себе.

Он последовал за ней с грацией робота, весь онемевший, не веря, что он собирается это сделать. Но на самом деле, как еще это могло случиться?

Она шагнула назад, к раковине и быстрым, наученным движением взобралась на столик. Когда она раздвинула ноги, юбка задралась. Ее бедра украшали черные кружева. И она не носила трусики.

— Никаких поцелуев, конечно же, — прошептала она, волоча его за собой. — Я имею в виду, в рот.

Он чувствовал прикосновение прохладного воздуха, когда ее рука скользнула в его боксеры. Он вздрогнул, когда она взяла его член.

Он за этим пришел сюда, напомнил себе Фьюри. Он купил и оплатил. И он мог это сделать.

Настало время двигаться вперед. Подальше от Бэллы. Подальше от целибата.

— Расслабься, любовничек, — сказала женщина хриплым голосом. — Твоя жена об этом никогда не узнает. Моя помада не размазывается, и я не пользуюсь духами. Так что, просто получай удовольствие.

Фьюри сглотнул. Он сможет это сделать.

Джон вышел из темно-синей BMW, он был одет в новейшие брюки, черную шелковую рубашку и кремовый замшевый пиджак в модную полоску. Это была не его одежда. Как и автомобиль, который привез его и Куина в центр города, — все это принадлежало Блэю.

— Мы в полной боевой готовности, — сказал Куин, когда они пересекали парковочную зону.

Джон бросил взгляд на то место, где он столкнулся с лессерами. Он вспомнил силу, которую он тогда чувствовал, твердую веру в то, что он был бойцом, воином... Братом. Вот все это прошло, будто тогда действовало что-то глубоко внутри него, словно он был одержим или что-то в этом роде. А сейчас он шел со своими друзьями и чувствовал себя никем, разодетым в чужие модные шмотки; его тело было словно мешок воды, болтающийся с каждым шагом.

Когда они подошли к ЗироСам, Джон направился к концу очереди, но Куин его остановил.

— Мы же можем так зайти, ты помнишь?

Так они и сделали, черт побери. В ту минуту, когда Куин назвал имя Хекс, гора мышц у двери сразу же обратила на них внимание и что — то произнесла в свой наушник. Секунду спустя он отошел в сторону.

— Она хочет, чтобы вы прошли в заднюю часть. VIP-зона. Знаете дорогу?

— Да. Конечно, — сказал Куин, протянув парню руку для пожатия.

Вышибала положил что-то в карман.

— Когда приедете сюда снова, я сам вас сразу пропущу.

— Спасибо, приятель. — Куин похлопал парня по плечу и растворился в клубе.

Джон последовал за ним, даже не пытаясь копировать развязную манеру Куина. И хорошо. Входя в дверь, он споткнулся и с трудом удерживаясь в вертикальном положении, едва не растянулся навзничь, затем натолкнулся на парня, ожидающего в очереди. Человек стоял спиной к двери, приставая к какой — то девице, и развернулся весь из себя взбешенный.

— Что за х... — Парень застыл, когда взглянул на Джона и захлопал глазами.

Джон замялся, не зная, как реагировать, пока не почувствовал руку Блэя, опустившуюся ему на шею.

— Давай, Джон. Пошли.

Джон позволил провести себя внутрь, ожидая стремительного натиска клубной вибрации, готовый затеряться в толпе людей. Хотя, в этом было что-то забавное. Когда он осмотрелся, все казалось теперь менее подавляющим. Но опять же, теперь, когда он рассматривал толпу с выгодной позиции роста в шесть футов и семь дюймов¹³².

Куин огляделся.

— В заднюю часть. И где это, черт побери?

— Я думал, ты в курсе, — сказал Блэй.

— Неа. Просто не хотел выглядеть идиотом... Подождите, я думаю, у нас есть победитель. — Он кивнул на отгороженную веревкой зону, перед которой стояли два огромных парня. — Она же просто кричит «Я — VIP-зона!» Дамы, пройдем?

Куин приблизился, выглядя стопроцентно уверенным в своих действиях, затем кинул пару слов вышибале, и веревку ожидаемо опустили вниз, затем все трое с апломбом прошествовали внутрь.

Ну, Блэй и Куин прошествовали. А Джон просто старался больше ни на кого не наткнуться. Ему повезло, что тот парень у двери оказался каким-то слизняком. В следующий раз ему, наверное, посчастливится нарваться на серьезного мужика. Который будет вооружен.

VIP-зона имела свой собственный приватный бар и барменов, официантки здесь были одеты как стриптизерши высшего разряда, поворачиваясь на каблуках, сверкали оголенной кожей. Большинство мужчин были в костюмах, женщины — в дорогих шмотках, но не представляли из себя ничего особенного. Среди этой энергичной, вульгарной толпы... Джон чувствовал себя позером.

По обе стороны комнаты располагались мягкие кушетки, три из которых были свободны, и Куин выбрал дальнюю, ту, что размещалась в углу.

— Эта лучше всех, — произнес он. — Рядом с аварийным выходом. В тени.

На столе стояли два бокала с мартини, но они все равно сели, а официантка подошла, чтобы все убрать. Блэй и Куин заказали по пиву. Джон пропустил заказ, решив, что сегодня должен оставаться в трезвом уме.

Они прохлаждались не более пяти минут: Блэй и Куин едва начали свою Корону, когда послышался женский голос:

— Привет, ребята.

Все трое посмотрели на светловолосую Чудо — Женщину¹³³, стоящую перед ними. Она была сногсшибательна как Пэм Андерсон, этакая одна большая грудь.

— Привет, детка, — протянул Куин. — Как тебя зовут?

— Я Сладкая Черити¹³⁴. Она положила обе руки на стол и наклонилась, сверкая своей совершенной грудью, искусственным заггаром и блестящими, отбеленными зубами. — Хотите знать, почему?

— Так же сильно, как сделать следующий вдох.

Она наклонилась еще немного.

— Потому что я вкусная, и я могу многое дать.

В натянутой улыбке Куина сквозил чистый секс.

— Тогда подойди и сядь ко мне поближе...

— Парни, — послышался глубокий голос.

О, Господи. К их столику подошел огромный мужчина, и Джон не думал, что это к добру. Красивый черный костюм, пара жестких аметистовых глаз и короткий ирокез — он выглядел как бандит и джентльмен одновременно.

Окей, он вампир, подумал Джон. Он не мог точно сказать, как он это определил, но он был уверен в своей правоте, и не только из-за размера мужчины. От парня исходили такие же флюиды, как от Братьев: мощь в полной боевой готовности.

— Черити, поохотись где-нибудь в другом месте, поняла меня? — сказал мужчина.

Блондинка казалась слегка расстроенной, оторвавшись от Куина, который в этот момент выглядел взбешенным. Но затем она удалилась, чтобы, вот дерьмо, устроить подобное представление через два столика от них.

Когда выражение лица Куина немного расслабилось, мужчина с ирокезом наклонился и сказал:

— Да, она хотела насладиться не просто вашей компанией, здоровяк. Она — проститутка. Как и большинство женщин в этой секции. Так что, если вы не готовы за это платить, то можете идти на танцплощадку, подобрать себе несколько шлюх и привести их сюда, договорились? — Парень улыбнулся, сверкнув клыками. — Кстати, я владею этим заведением, так что пока вы здесь, я отвечаю за ваши задницы. Не усложняйте мне работу и ведите себя прилично.

Прежде чем отвернуться, он посмотрел на Джона.

— Зейдист просил передать тебе привет.

На этой ноте он их покинул, по пути проверяя всех и вся, направляясь в комнату без таблички на двери.

Джон спросил себя, откуда этот парень мог знать Зи, но затем понял, что независимо от связей, этого парня с ирокезом и стальными мышцами определенно хотелось бы видеть на своей стороне.

В противном случае, можно было смело подбирать себе костюмчик из волокна Кевлара¹³⁵.

А лучше всего, вообще уехать из страны.

— Ну, — сказал Куин, — совет полезный. Вот дерьмо.

— Гм, да. — Блэй заерзал на месте, когда мимо прошла еще одна блондинка. — Ну, так... гм, вы собираетесь на танцпол?

— Блэй, ах ты шлюшка. — Куин быстро соскользнул с дивана. — Конечно же, собираюсь. Джон...

«Я потусуюсь здесь», — показал он знаками. «Ну, вы понимаете, покараулю наш столик».

Куин хлопнул его по плечу.

— Отлично. Мы принесем тебе что-нибудь из буфета.

Джон отчаянно закачал головой, но его приятели просто отвернулись. О, Боже. Ему надо было остаться дома. Он должен был избежать подобного.

Мимо провальсировала брюнетка, которую он окинул быстрым взглядом, но она не остановилась, как не останавливались и другие: хозяин велел всем женщинам оставить их в покое. Какое облегчение. Из-за этой брюнетки? Было похоже, что она могла съесть мужчину живьем, и не обязательно в хорошем смысле этого слова.

Скрестив руки на груди, Джон откинулся на кожаное сиденье и не отрывал глаз от пива. Он чувствовал, как люди смотрят на него... и не сомневался, что им было интересно, какого черта он здесь делает. Все логично. Он был не похож на Блэя и Куина, как и не мог притворяться. Вся эта музыка, алкоголь, секс не возбуждали — они заставляли его захотеть немедленно исчезнуть отсюда.

Он серьезно задумался о том, чтобы слинять, когда внезапно, из ниоткуда его ударила волна жара. Он поднял глаза к потолку, пытаясь понять, не сидел ли он прямо под кондиционером, который только что поставили на тепло.

Нет.

Он огляделся...

О, черт. Начальница охраны прошла через бархатное ограждение в VIP — зону.

Когда на нее упал приглушенный свет, Джон тяжело сглотнул. Она была одета так же, как и в прошлый раз: обтягивающая футболка, выставляющая напоказ ее мощные руки и кожаные брюки, которые плотно сидели на ее бедрах и длинных ногах. Ее волосы казались еще короче, с тех пор как он видел ее в последний раз, стрижка ежиком отражала свет.

В ту секунду, когда их глаза встретились, он отвернулся, его лицо стало цвета пожарной машины. В панике, ему показалось, что она поймет, чем он занимался, когда думал о ней сегодня утром. Она обязательно узнает, что он... кончал, пока ее образ был у него в голове.

Черт возьми, он пожалел, что не выпил. И что на щеках не было холодного компресса.

Он схватил пиво Блэя и сделал глоток, когда почувствовал, что она идет в его направлении. Господи, он никак не мог решить, что будет хуже — если она остановится или же нет?

— Снова вернулся, но выглядишь уже иначе. — Ее голос был низким, как приглушенный огонь. И он заставил его покраснеть еще гуще. — Поздравляю.

Он откашлялся. Как глупо. Будто он мог хоть что — то сказать.

Чувствуя себя идиотом, он произнес одними губами: «*Спасибо*».

— Друзья пошли порыбачить?

Он кивнул и глотнул еще Короны.

— Но ты не пошел с ними? Или они собираются привести тебе кого-нибудь? — Ее удивительный голос был невероятно сексуален, он заставлял его тело дрожать... а член — затвердеть. — Ну, на случай, если ты не знаешь, в ваннах есть дополнительные комнаты, и апартаменты повышенной приватности.

Женщина усмехнулась, будто знала о его возбуждении.

— Удачи с девочками, но держи себя в руках. Тогда тебе не придется иметь дело со мной.

Она удалялась, а толпа расступалась перед ней, огромные, как футболисты, мужчины, убирались ее пути. И пока Джон смотрел ей вслед, он чувствовал напряжение в штанах, затем опустил взгляд. Он был очень твердым. И толстым, как его чертово предплечье. Он заерзал на месте, и трение штанов о тело заставило его прикусить нижнюю губу.

Он положил руку под стол с намерением переместить эту штуку так, чтобы освободить хоть немного места и уложить удобнее... но как только он прикоснулся к своей эрекции, образ начальницы службы охраны снова возник у него в голове, и он едва не потерял сознание. Он так быстро отдернул ладонь, что ударился ею о нижнюю часть стола.

Джон заерзал на месте, надеясь на облегчение, но жжение в паху стало только сильнее. Он горел желанием, и был неудовлетворен, его настроение приближалось к опасной отметке. Он думал о разрядке, которую обеспечил сам себе в постели и решил, что смог бы проделать это еще раз. Например, сейчас.

Прямо сейчас, пока он снова не кончит.

Дерьмо, может быть, он сможет позаботиться о себе прямо здесь. Нахмурившись, он посмотрел на коридор, что исчезал вдаль, на множество дверей по обеим сторонам.

Одна из которых была открыта.

Оттуда вышла маленькая рыжая женщина, она выглядела как проститутка, поправляя волосы и свой ярко-розовый наряд. Сразу за ней вышел... Фьюри?

Да, это определенно был он, и он заправлял рубашку за пояс своих брюк. Эти двое не сказали друг другу ни слова: женщина пошла налево и начала разговор с группой мужчин; а брат шагал вперед, как будто собирался на выход.

Когда Фьюри поднял глаза, Джон встретился с ним взглядом. После неловкого момента, Воин поднял руку в знак приветствия, а затем направился к выходу, исчезая снаружи. Джон в полном ошеломлении глотнул еще немного пива. Ясно как день, что та женщина была в ванной комнате не для того, чтобы потереть ему спинку. Боже, он же должен был придерживаться цели...

— А это Джон.

Джон резко обернулся. Вау. Блэй и Куин нашли золотую жилу. Три человеческих женщины с ними были прекрасны и едва одеты.

Куин указал на каждую из них.

— Это Брайна, СиСи и Лиз. Девушки, это наш друг Джон. Чтобы говорить, он использует язык жестов, поэтому мы будем переводить.

Джон прикончил пиво Блэя, чувствуя себя придурком, потому что коммуникационный

барьер опять поднял свою уродливую голову. Он думал о том, как обратить в слова мысль о том, что он собирается сваливать отсюда, когда одна из девушек села рядом с ним, заблокировав ему выход с дивана.

Подошла официантка и приняла заказ, после того как она ушла, завязалось оживленная беседа, высокие голоса девушек перемежались с глубоким голосом Куина и застенчивым, низким смехом Блэя. Джон опустил глаза.

— Боже, ты такой красивый, — сказала одна из девушек. — Ты модель?

Разговор резко оборвался.

Куин постучал костяшками пальцев по столу перед Джоном.

— Эй, Джи. Она к тебе обращается.

Джон в замешательстве поднял голову и встретился взглядом с разноцветными глазами приятеля. Куин многозначительно кивнул в сторону девушки, что сидела рядом с Джоном, затем вытаращился, как бы вопрошая: «Приятель, ты собираешься действовать по программе?»

Джон глубоко вздохнул и посмотрел налево. Девушка смотрела на него с... черт, таким благоговением, будто он был звездой.

— Потому что ты такой, такой красивый, — сказала она ему.

Милостивый Боже, и что ему со всем этим делать?

Кровь ударила ему в лицо, тело напряглось, он быстро показал знаками: «Куин, я звоню Фритцу, чтобы он забрал меня отсюда. Я должен идти».

Джон встал из-за стола, почти оттоптав ноги девушке, сидящей рядом с ним. Он не мог дождаться, когда попадет домой.

Будильник Джейн прозвенел в пять утра, ей пришлось хлопнуть по кнопке отбой. Дважды. Обычно она поднималась с постели и принимала душ еще до того, как срабатывал будильник, поэтому бип-бип-бип не столько будил ее, сколько выталкивал из кровати как гренку из тостера. Но не сегодня. Сегодня она просто лежала и смотрела в потолок.

Боже, этот сон, что приснился ей ночью... сон, в котором призрачный любовник пришел и взял ее, жестко входил в нее. Она все еще ощущала его тело на себе, в себе.

Все, довольно. Чем больше она думала об этом, тем сильнее болело в груди, так что, титаническим усилием, она заставила себя подумать о работе. Что, конечно же, заставило ее вспомнить, что она абсолютно запуталась в этой истории с Манелло. Она не могла поверить, что он поцеловал ее, но он это и сделал... прямо в губы. Где-то глубоко в душе, ей всегда было интересно, каков был бы поцелуй с ним, поэтому она и не оттолкнула его. И он поцеловал ее снова.

Он был хорош, что, в общем-то, не удивляло. Новостью дня стал тот факт, что поцелуй показался неправильным. Как будто она кому-то изменила.

Чертов будильник снова зазвенел, и, выключив его, она выругалась. Черт возьми, она чувствовала себя такой усталой, хотя думала, что легла спать рано. По крайней мере, ей казалось, хотя она не могла припомнить точного времени ухода Мэнни. Она помнила, как он помог ей подняться наверх и лечь в постель, но в голове у нее была такая каша, что она так и не смогла вспомнить, во сколько это было, и сколько времени прошло, прежде чем ее сморил сон.

Не важно.

Сбросив покрывало, она направилась в ванную и включила душ. Как пар затуманил воздух, она закрыла дверь в ванную, стащила с себя футболку, и...

Джейн нахмурилась, почувствовав влажность между ног. Быстро подсчитав дни, она подумала, что месячные должно быть сдвинулись...

Это были не месячные. Она занималась сексом.

Ее накрыл холодный шок, выместив тепло пара. О Боже... что она наделала. Что она наделала?

Джейн обернулась, хотя ей некуда было идти — она просто зажала ладонью рот.

На зеркале от пара проявилась надпись: «Я люблю тебя, Джейн».

Она пятилась назад, пока не натолкнулась спиной на дверь.

Вот дерьмо. Она переспала с Мэнни Манелло. И ничего не помнила.

Фьюри занял место в кабинете Рофа, на этот раз в изящном голубом кресле у камина. Его волосы были еще мокрые после душа, в руке он держал чашку кофе.

Ему нужен косячок.

Когда вошли остальные братья, он посмотрел на Рофа.

— Не возражаешь, если я закурю?

Король покачал головой.

— Возражает пусть здравоохранение. А нам всем сегодня пригодилась бы наркотическая эйфория.

Что правда, то правда. Все пребывали в каком-то ступоре. Зейдист нервно топтался возле

книжного шкафа. Бутч старался отвлечься за компьютером на коленях. Роф выглядел измученным за горой документов. Рейдж ходил кругами, не в состоянии успокоиться — верный признак того, что сегодня ночью он не выходил сражаться.

И Вишес... Ви выглядел хуже всех. Он стоял у двери, уставившись в никуда. Раньше холодный, сейчас он был просто как лед, его словно засасывало в воронку, что была посреди комнаты. Дерьмо, он был еще более мрачным, чем накануне.

Пока Фьюри прикуривал, он думал о Джейн и Ви, и от нечего делать задал себе вопрос, а какой секс у них был? Он даже представил его себе, подумал о том, что они так много времени провели вместе, да и поговорить им тоже было о чем.

Н-да, ничего похожего на ту дрянь, что была у него в ванной комнате. С проституткой.

Он запустил свободную руку в волосы. Мог ли кто-то все еще считаться девственником, если он был в женщине, но не кончил? Он не был уверен. В любом случае, он не собирается никого спрашивать. Все это было слишком отвратительно.

Господи, он надеялся, что после того, как он переспит с кем-нибудь, все изменится, и он сможет двигаться дальше, но это было не так. Он еще больше почувствовал себя загнанным в ловушку, тем более что, войдя в двери особняка, он первым делом подумал о Бэлле, молясь, чтобы не столкнуться с ней сейчас, и она не смогла почувствовать запах той человеческой женщины на нем.

Отдаление от нее, судя по всему, требует большего.

Если только... Черт, может быть, это и есть то, что требуется — уход. Возможно, ему надо просто съехать из этого дома.

— Ну, давайте сделаем это, — сказал Роф, начиная совещание. Он быстро рассмотрел некоторые вопросы, касающиеся глиммеры, потом Рейдж, Бутч и Зи доложили обстановку. Информации было не так много. Убийцы относительно затихли в последнее время, вероятно, потому что Старший Лессер был убит копом около двух недель назад. Это было предсказуемо. Любое изменение в руководстве Общества Лессинг обычно приводило к затишью в военных действиях, хотя оно никогда не длилось долго.

Когда Фьюри закурил второй косячок, Роф откашлялся.

— Ну а теперь... по поводу церемонии Праймэйла.

Фьюри глубоко затянулся, когда Ви прикрыл свои алмазные глаза. Черт... парень выглядел так, будто за прошлую неделю состарился на сто пятьдесят лет, его кожа была желтая, брови опущены вниз, губы сжаты. Он никогда не был впереди планеты всей относительно красоты, но сейчас он выглядел как покойник.

— И что с ней?

— Я буду там. — Роф оглянулся. — Фьюри, ты тоже. Мы идем туда в полночь, ладно?

Фьюри кивнул, взяв себя в руки, потому что казалось, что Вишес собирался что-то сказать. Тело брата напряглось, взгляд метался по комнате, челюсть задергалась... но он не проронил ни слова.

Фьюри выдохнул струю дыма и затушил окурок в стеклянной пепельнице. Это было жестоко, смотреть, как мучается твой брат, знать, что он страдает, а ты ничего не можешь сделать...

Он замер, когда его накрыло жуткое спокойствие, которое не имело никакого отношения к красному дымку.

— Господь всемогущий, — сказал Роф, потирая глаза. — Убирайтесь все отсюда. Идите, расслабьтесь. Мы все выходим...

Тогда Фьюри заговорил.

— Вишес, если бы не все это дерьмо с Праймэйлом, ты был бы с Джейн, не так ли?

Бриллиантовый взгляд Ви остановился на нем, глаза сузились как щелки.

— Какое, черт тебя дери, это имеет отношение к тому, что происходит?

— Ты будешь с ней. — Фьюри посмотрел на Рофа. — И ты бы разрешил ему, ведь так? В смысле, я знаю, что она человек, но ты же позволил Мэри войти...

Ви оборвал его, голос стал жестким, как и его взгляд, как будто он не мог поверить, что Фьюри ведет себя так бездумно.

— Это все равно не сработает. Так что просто забудь об этом.

— Но почему же... сработает.

Глаза Вишеса вспыхнули белым огнем насилия.

— Без обид, но я на пределе. Поэтому лучше заткнись, ради своего же блага.

Рейдж незаметно перебрался поближе к Ви, а Зейдист подошел и встал рядом с Фьюри.

Роф поднялся на ноги.

— Как насчет того, чтобы прекратить все это?

— Нет, выслушайте меня. — Фьюри встал с дивана. — Деве-Летописице нужен мужчина из Братства, не так ли? Для разведения, правильно? Почему это должен быть ты?

— А кто еще, твою мать? — зарычал Ви и приготовился к нападению.

— Почему не... я?

В тишине, что последовала за высказыванием Фьюри, под столом Рофа могла бы рвануть граната, и на это вряд ли кто-нибудь обратил бы внимание: члены Братства просто устали на него, словно у того выросли рога.

— Ну, почему бы не я? Ей ведь просто нужно ДНК, не так ли? Так что любой, кто входит в Братство, должен быть в состоянии сделать это. Мой род силен. Моя кровь чиста. Почему это не могу быть я?

Зейдист выдохнул.

— Господи... Боже мой.

— Нет причины, по которой я не могу стать Праймэйлом.

Агрессия Ви испарилась, оставив его с выражением лица, как будто кто-то огрел его по затылку сковородкой.

— Зачем тебе это делать?

— Ты мой брат. Если я могу исправить то, что не правильно, то почему бы нет? Я не хочу никакую конкретную женщину.

Его горло сжалось, он помассировал шею.

— Ты сын Девы-Летописицы, верно? То есть, ты мог бы предложить замену. Любого другого она, наверное, убила бы за это, но не тебя. Дерьмо, да ты, наверное, можешь напрямую сказать ей об этом.

Он уронил руку.

— И ты мог бы убедить ее, что я больше подхожу на эту роль, потому что я ни с кем не связан.

Ви не сводил бриллиантовых глаз с лица Фьюри.

— Это неправильно.

— В жизни вообще много всего неправильного. Но ведь это к делу не относится, да? — Фьюри посмотрел на элегантный французский стол, встречаясь глазами с королем. — Роф, ты что скажешь?

— Твою мать, — последовал ответ.

— Выбор слов верный, мой господин, но на самом деле, это не ответ.

Голос Рофа стал тихим, очень тихим.

— Ты не можешь говорить серьезно.

— У меня за плечами имеется пара веков безбрачия, мне же надо их компенсировать. Разве может быть способ лучше? — Заявление задумывалось как шутка, но вот только никто не смеялся. — Ну, кто еще может это сделать? Вы все заняты. Единственным возможным кандидатом мог быть Джон Мэтью, из-за линии Дариуса, но Джон не член Братства, и кто знает, станет ли им когда-нибудь.

— Нет, — Зейдист покачал головой. — Нет... это убьет тебя.

— Возможно, если меня затрахают до смерти. В ином случае, я буду в полном порядке.

— У тебя не будет жизни, если ты сделаешь это.

— Конечно, будет.

Фьюри точно знал, к чему клонит Зи, поэтому он намеренно обратил свое внимание на Рофа.

— Ты позволишь Ви быть с Джейн, не так ли? Если я сделаю это, ты позволишь им быть вместе.

Вышло не особо вежливо. Потому что нельзя давать приказания королю, по традициям и по закону, — а также потому, что он может дать тебе такого пинка под зад, что ты пролетишь через весь штат Нью-Йорк. Но в данный момент Фьюри не слишком заботил дипломатический этикет.

Роф просунул руку под очки и в очередной раз потер глаза. Затем протяжно выдохнул.

— Если кто и сможет управиться с рисками в плане безопасности в отношениях с человеком, так это Ви. Поэтому... да, черт меня подери, но я разрешу это.

— Тогда ты позволишь мне заменить его. И он пойдет к Деве-Летописице.

Напольные часы в углу кабинета начали бить, устойчивый звон звучал как удары сердца. Когда он перестал звонить, все посмотрели на Рофа.

Через какое-то время король сказал:

— Пусть будет так.

Зейдист выругался. Бутч тихо присвистнул. Рейдж захрустел Чупа-Чупсом.

— Ну, тогда все окей, — сказал Фьюри.

Срань Господня, что я только что наделал?

Видимо, остальные думали о том же, потому что никто не двинулся и не произнес ни слова...

Вишес был первый, кто вышел из всеобщего ступора... и ринулся через комнату в слепом порыве. Фьюри не знал, что ударило ему в голову. Секунду назад он готовился прикурить еще один косяк, а спустя еще одну Ви пересек кабинет, обнял его своими массивными руками и сжал так, что стало тяжело дышать.

— Спасибо, — хрипло сказал Вишес. — Спасибо. Даже если она не позволит, спасибо тебе, брат мой.

— Ты избегаешь меня, Джейн.

Джейн отвела глаза от монитора. Манелло стоял напротив ее стола, огромный как дом — руки на бедрах, глаза прищурены — с видом «тебе от меня не скрыться». Боже мой, у нее был довольно просторный офис, но его присутствие уменьшало его до размера бумажника.

— Я тебя не избегаю. Я просто стараюсь наверстать упущенное за выходные.

— Чушь собачья. — Он скрестил руки на груди. — Уже четыре часа дня, и к этому времени мы обычно успеваем два раза вместе поесть. В чем дело?

Она откинулась на спинку стула. Она никогда не умела хорошо врать, но теперь, видимо, ей придется совершенствовать этот навык.

— Я все еще чувствую себя ужасно, Манелло, и я похоронена заживо своими долгами по работе.

Отлично, ни грамма вранья. Но это было лишь прикрытие недомолвок.

Последовала долгая пауза.

— Дело в том, что произошло прошлой ночью?

Вздвигнув, она выдохнула.

— Мм, слушай-ка, по поводу этого. Мэнни... Мне очень жаль. Я не могу еще раз заняться с тобой чем-нибудь подобным. Я думаю, ты замечательный, на самом деле. Но я...

Она позволила предложению зависнуть в воздухе. У нее возникло желание сказать, что-то вроде того, что она влюблена в другого, но это было абсурд. У нее никого не было.

— Это из-за отделения? — спросил он.

Нет, просто потому, что все это было неправильно.

— Ты же знаешь, что это неправильно, даже если мы относимся к этому спокойно.

— А если ты уйдешь? Тогда что?

Она покачала головой.

— Нет. Я просто... я не могу. Я не должна была спать с тобой прошлой ночью.

Его брови взметнулись вверх.

— Прошу прощения?

— Просто, я не думаю...

— Погоди минутку. С чего ты, черт побери, взяла, что мы спали?

— Я... я предполагаю, так и было.

— Я поцеловал тебя. Ситуация была неловкая. Я ушел. Никакого секса. Что заставило тебя подумать, что он был?

Господи Иисусе... Джейн взмахнула дрожащей рукой.

— Сны, я думаю. Реалистичные, яркие сны. Гм... ты меня извинишь?

— Джейн, что, черт побери, происходит? — Он обошел стол. — Ты выглядишь испуганной.

Она смотрела на него и знала, что в ее глазах отражались страх и отчаяние, которые она не могла скрыть.

— Я думаю... Я думаю, что вполне возможно, я схожу с ума. Я серьезно, Мэнни. Я говорю о шизофрении. Галлюцинации, искаженная реальность и... провалы в памяти.

Но то, что она занималась сексом этой ночью, не было плодом ее воображения. Господи... или было?

Мэнни наклонился и положил руки ей на плечи. Тихим голосом он сказал:

— Мы найдем тебе хорошего специалиста. Мы позаботимся об этом.

— Я так боюсь.

Мэнни взял ее за руки, поставил на ноги, и крепко обнял.

— Я здесь, рядом с тобой.

Она крепко обняла его в ответ и сказала:

— Ты мужчина, в которого следовало бы влюбиться, Манелло. На самом деле.

— Я знаю.

Она усмехнулась, задыхающийся звук утонул в изгибе его шеи.

— Как самонадеянно.

— Я бы сказал «правильно».

Он откинулся назад и положил ладонь на ее щеку, его темно-коричневый взгляд стал серьезным.

— Меня убивает то, что я должен сказать тебе это, но... я не хочу, чтобы ты оперировала, Джейн. Не в таком состоянии.

Ее первым побуждением было начать бороться с ним, но потом она выдохнула.

— Что мы скажем остальным?

— Зависит от того, как долго это продлится. На данный момент? У тебя грипп.

Он заправил прядь волос ей за ухо.

— План следующий. Ты поговоришь с моим другом, он психиатр. Сам он в Калифорнии, так что никто не узнает, и я позвоню ему прямо сейчас. Я также запишу тебя на томографию. Сделаем через несколько часов в другой части города, на оборудовании «Imaging Associates». Никто не узнает об этом.

Когда Манелло повернулся, чтобы уйти, в его глазах было столько горя, она еще раз задумалась о сложившейся ситуации, и вспомнила один странный момент.

Три или четыре года назад она вышла из больницы поздно ночью, ее что-то тревожило. Своего рода внутренний инстинкт велел ей остаться в больнице и спать на диване в своем кабинете, но она списала это ощущение на ужасную погоду. Из-за резкого, ледяного дождя, который шел уже несколько часов, Колдвелл превратился в каток. Неужели кому-то захочется выходить из дома с такую погоду?

Однако ноющее ощущение так и не проходило. По пути в гараж она боролась с предостережением в своей голове, пока, наконец, не вставила ключ в замок зажигания, и тогда ей открылось видение. Чертова штука была такой явной, как будто событие уже произошло: она видела, как ее руки хватаются за руль, когда свет фар пронзает ее лобовое стекло. Она чувствовала жалящую боль удара, неприятное головокружение оттого, что ее автомобиль переворачивается, легкие горят, и она кричит.

Испуганная, но полная решимости, она медленно выехала под ледяной дождь. И, к разговору о безопасном вождении. Она относилась к любому другому автомобилю как к потенциальной опасности, и если бы была возможность, то ехала бы по тротуару, а не по проезжей части.

На полпути от дома, она остановилась на светофоре, молясь, чтобы в нее никто не вписался.

Как и было predetermined, сзади появился автомобиль, его занесло и он бешено скользил по дороге. Она схватила руль и посмотрела в зеркало заднего вида... увидела, как к ней приближаются фары.

Машина проехала мимо.

Убедившись, что никто не пострадал, Джейн рассмеялась, глубоко вздохнула и отправилась домой. По пути, она вспоминала то, как мозг мог экстраполировать из окружающей реальности и перескакивать к выводам, как мысли и страхи могут быть ошибочно приняты за пророческие способности, как выпуск новостей о плохих дорогах может промыть мозг и привести к...

Грузовик водопроводчика врезался в ее переднюю часть в трех милях от ее дома. Когда она завернула за угол и увидела свет фар на своей полосе, ее единственной мыслью было, «вот дерьмо, она все-таки оказалась права». Все закончилось сломанной ключицей и покореженным автомобилем. С водопроводчиком и его грузовиком все было в порядке, слава Богу, а вот она не могла оперировать несколько недель.

Итак... она смотрела вслед покидающему ее кабинет Манелло. Она знала, что должно было произойти, она осознавала это также ясно, как тогда, перед аварией: это неоспоримо, как и цвет ее глаз. Неизменно, как течение времени. Безостановочно, как грузовик водопроводчика, который занесло на тонком слое льда.

— Моя карьера окончена, — прошептала она помертвевшим голосом. — Я дошла до ручки.

Вишес опустил на колени у кровати, повесил на шею ожерелье из черного жемчуга и закрыл глаза. Когда он потянулся разумом на Другую Сторону, он намеренно думал о Джейн. Дева-Летописица должна была знать с самого начала в чем дело.

Прошло время, прежде чем он получил ответ от своей матери, и отправился в путешествие через антиматерию во вневременное пространство, материализуясь в белом дворе.

Дева-Летописица стояла перед деревом, на котором сидели птицы, и одна из них, похожая на персикового зяблика, была у нее в руке. Капюшон ее черной мантии был опущен, Ви мог видеть ее призрачное лицо, он был поражен поклонением, с которым она смотрела на маленькое существо в ее светящейся руке. Столько любви, подумал он.

Никогда бы не подумал, что она на нее способна.

Она заговорила первая.

— Конечно же, я люблю своих птиц. Они утешают меня, когда я обеспокоена, и приносят радость в минуты грусти. Приятное созвучие их песен поднимает мне настроение, как ничто другое.

Она посмотрела через плечо.

— Человеческий хирург, не так ли?

— Да, — сказал он, обхватив себя руками.

Черт. Она была такая спокойная. Он ожидал ее гнева. Приготовился к битве. А вместо этого? Ничего, только спокойствие.

Затишье перед бурей, да?

Дева-Летописица подула на птицу, и она ответила ей трелью и трепетом крыльев.

— Правильно ли я понимаю, что если я отвергну замену, ты не проведешь церемонию?

Это просто убивало его. Убивало.

— Я дал слово. И значит проведу.

— Правда? Ты меня удивляешь.

Дева-Летописица вернула птицу на ветку, вторя ее свисту. Ему казалось, что если звук можно было перевести, то это было бы нечто вроде заверения в любви. И птица ответила ей тем же.

— Эти птицы, — сказала мать странным, далеким голосом, — Они действительно мое единственное наслаждение. И знаешь почему?

— Нет.

— Они дают мне многое и ничего не требуют взамен.

Она повернулась к нему и сказала глубоким голосом:

— Сегодня день твоего рождения, Вишес, сын Бладлеттера. Время рассчитано идеально. Хм, не совсем. Господи, он совсем забыл, какой сегодня день.

— В этот день триста три года назад я родила тебя в этот мир. И сейчас я нахожусь в настроении дать тебе то, что ты просишь, и даже то, что ты не решаешься попросить, но что является таким же очевидным как Луна в звездном небе.

Глаза Ви вспыхнули. Надежда, самая опасная эмоция во все времена, вспыхнула в его груди маленькой теплой искоркой. На заднем плане птицы весело защебетали и запели, будто предвкушая его счастье.

— Вишес, сын Бладлеттера, я одарю тебя исполнением двух самых желаемых тобой мечтаний. Я позволю заменить тебя в церемонии твоим братом Фьюри. Он будет хорошим Праймэйлом, нежным и добрым к Избранным, представляя хорошую родословную для всего вида.

Ви закрыл глаза, облегчение накрыло его такой мощной волной, что он еле удержался на ногах.

— Спасибо... — прошептал он, понимая, что он больше обращается к своей судьбе, чем к матери, хотя именно она ею и управляла.

— Твоя благодарность уместна, — голос матери был совершенно ровным. — И любопытна для меня. Но опять же, дары, они как красота, не правда ли. В глазах получающего, а не в руке дающего они находят свое место. Я узнала об этом только сейчас.

Ви посмотрел на нее, стараясь сдержать эмоции.

— Он захочет сражаться. Мой брат, он захочет сражаться и жить на той стороне. Потому что Фьюри не сможет жить, не видя Бэллы.

— Я позволю и это. По крайней мере, до того момента, пока ряды Братства не пополнятся.

Дева-Летописица подняла светящиеся руки к капюшону своей мантии и прикрыла им лицо. Затем, беззвучно проплыла над мраморным полом к маленькой белой дверце, которую он считал входом в ее личные покои.

— Не сочтите за оскорбление, — окликнул он, — какое было второе одолжение?

Она остановилась у небольшого портала. Не поворачиваясь к нему, она сказала:

— Я отрекаюсь от тебя, как от моего сына. Ты свободен от меня, я — от тебя. Удачи тебе, Воин.

Она прошла через дверь и закрыла ее, панели твердо захлопнулись. Птицы сразу замолчали, как будто ее присутствие было тем, что вдохновляло их петь.

Ви стоял во дворе, слушая тихое журчанье воды в водопаде.

У него была мать целых шесть дней.

Он не мог сказать, что ему будет не хватать ее. Или что он был благодарен ей за предоставленную ему жизнь. В конце концов, она была той, кто пытался отобрать у него все.

Когда он дематериализовался обратно в дом, он подумал о том, что даже если бы мать сказала ему нет, он бы все равно выбрал Джейн, а не Деву-Летописицу. Чего бы ему это не стоило.

И Дева-Летописица знала это, не так ли? Именно поэтому она покинула его.

Какая разница. Все, что его сейчас заботило, это Джейн. Все налаживалось, но некоторые проблемы остались. Она могла, в конце концов, сказать ему «нет». Она вполне могла выбрать ту жизнь, которую хорошо знала, а не существование с вампиром, полное опасностей.

Черт побери, он хотел, чтобы она выбрала его.

Ви принял форму в своей комнате и вспомнил о происходящем между ним и Джейн этой ночью... и тут до него дошло, что совершил непростительную ошибку: он кончил в нее. Черт побери. Он ни о чем не думал и забыл, что оставил после себя. Она, должно быть, сходит с ума

сейчас.

Он был таким ублюдком. Безмозглым, эгоистичным ублюдком.

И он реально думал, что у него есть, что предложить ей?

Наступала ночь, и Фьюри приготовил белую шелковую мантию для церемонии Праймэйла. Он не чувствовал касания ткани к своей коже, и не потому, что шелк был таким тонким. Все ощущения притупились, потому что почти два часа подряд он методично накуривался.

Хотя он был не в конец обдолбанным, когда в дверь его комнаты постучали, он не мог точно сказать, кто это был.

— Войдите, — позвал он, не отворачиваясь от зеркала перед комодом. — Ты почему не в постели?

У Бэллы вырвался смешок. Или рыдание.

— Один час в день, помнишь. У меня есть еще пятьдесят две минуты.

Он взял золотой медальон Праймэйла и надел его на шею. Тяжесть подвески опустилась между ключиц, и возникло ощущение, будто кто-то положил свою ладонь ему на грудь и надавил. Сильно.

— Ты уверен в том, что собираешься сделать? — мягко спросила она.

— Да.

— Подозреваю, Зи идет с тобой?

— Он мой свидетель, — Фьюри покрутил в руке самокрутку. Затем взял еще одну. Закурил.

— Когда ты вернешься?

Он покачал головой, выдохнул.

— Праймэйл живет на Другой Стороне.

— Вишес же не собирался.

— Особая договоренность. Я все еще буду сражаться, но хочу остаться там.

Когда она потрясенно вздохнула, он посмотрел на свое отражение в античном зеркале. Его волосы были влажными и запутались на концах, поэтому он схватил щетку и начал выдергивать ею волосы, пытаясь привести их в порядок.

— Фьюри, что ты дела... Ты не можешь появиться на церемонии лысым... Прекрати. Господи, так ты выдерешь себе все волосы. Она подошла к нему сзади, взяла щетку из его рук, и указала на кушетку рядом с окном. — Сядь. Позволь мне сделать это.

— Нет, спасибо. Я сам мо...

— Ты слишком груб с собой. Давай, — она слегка подтолкнула его. — Позволь мне сделать это.

Без всякой хорошей причины и по множеству плохих, он сел на кушетку, скрестив руки на груди, и собираясь с духом. Бэлла начала с нижней части его гривы, сначала пройдясь щеткой по кончикам волос, а затем, поднимаясь вверх, пока не дошла до макушки, и стала медленно их расчесывать по всей длине. Вслед за взмахом щетки она прошла по ним свободной рукой, приглаживала успокаивающими движениями. Звук щетинок, проходящих сквозь его волосы, тянущие ощущения на затылке и ее запах были горьковато-сладким удовольствием, которое делало его беззащитным.

На его ресницах заблестели слезы. Казалось, это так жестоко — встретить ее, видеть перед собой то, о чем всю жизнь мечтал, но не мог получить ни при каких обстоятельствах. Хотя, так и должно было быть. В его жизни всегда было что-то, чего он не мог достичь. Сначала он потратил сотню лет, чтобы отыскать своего близнеца, чувствуя, что Зейдист жив, но не в состоянии спасти его. Затем он освободил брата, для того, чтобы обнаружить, что он по-прежнему очень далек от него. Век, который последовал после их побега от Госпожи, был тоже своего рода адом, когда он жил в постоянном ожидании того, что вот-вот Зи опять слетит с

катушек, вмешиваясь, когда так и происходило, и, беспокоясь, когда наступит следующий раунд этой бесконечной драмы.

Затем появилась Бэлла и они оба влюбились в нее.

Бэлла была прежней пыткой, но в новом обличье. Потому его судьбой была постоянная тоска, ему суждено всю жизнь оставаться сторонним наблюдателем, видеть огонь, но быть не в состоянии приблизиться к нему так близко, чтобы согреться.

— Ты когда-нибудь вернешься? — спросила она.

— Я не знаю.

Щетка застыла.

— Может быть, она тебе понравится?

— Может быть. Не останавливайся пока. Пожалуйста... не сейчас.

Фьюри протер глаза, и щетка возобновила свои движения. Это тихий, спокойный момент был их прощанием, и она знала это. Она тоже плакала. Он чувствовал в воздухе свежий чистый запах дождя.

Но она плакала по совсем другой причине. Она плакала, потому что жалела его и его будущее, а не потому что, любила его или, что ее сердце разбивалось от мысли, что она никогда-никогда больше его не увидит. Да, ей будет его не хватать. Она будет беспокоиться о нем, безусловно. Но не тосковать по нему. Впрочем, так было всегда.

И все это должно было порвать его цепи и вырвать из этой слезно-сопливой рутины, но как бы ни так. Он полностью погрузился в грусть.

Конечно, он будет видаться с Зейдистом там, на Другой Стороне. Но ее... он не мог себе представить, что она придет к нему. И, скорее всего это будет неправильно, он ведь Праймэйл, и личные встречи с женщиной из внешнего мира будут непростительными, даже если это шеллан его близнеца. Моногамия с Избранными — вот удел настоящего Праймэйла.

Тогда до него дошло. Ребенок. Он никогда не увидит малыша ее и Зи. Разве что только на фотографиях.

Щетка прижалась к его волосам и пробежалась по затылку. Закрыв глаза, он отдался ее ритмичным движениям.

— Я хочу, чтобы ты полюбил.

Я уже люблю.

— Все в порядке.

Она остановилась и встала перед ним.

— Я хочу, чтобы ты полюбил кого-то по-настоящему. Не так, как думаешь, что ты любишь меня.

Он нахмурился.

— Без обид. Но ты не можешь знать...

— Фьюри, на самом деле ты не любишь...

Он встал, и их глаза встретились.

— Пожалуйста, прояви ко мне уважение, прекратив предполагать, что знаешь мои эмоции лучше, чем я.

— Ты никогда не был с женщиной.

— Был. Прошлой ночью.

На мгновенье она замолчала. Затем сказала:

— Не в клубе. Пожалуйста, только не...

— Это было в ванной в задней части клуба. И это было хорошо. Опять же, она была профессионалкой.

Отлично, он вел себя как полный мудак.

— Фьюри... нет.

— Можно мне мою щетку обратно? Думаю, мои волосы уже в полном порядке.

— Фьюри...

— Щетку. Пожалуйста.

Через какое-то время, казалось, прошел целый век, она отдала ему то, что он просил. Когда он протянул руку и взял щетку, на какой-то момент, длинной во вздох, их соединяла деревянная ручка, потом она опустила руку.

— Ты заслуживаешь лучшего, — прошептала она. — Ты выше всего этого.

— Нет, не заслуживаю. — О Господи, ему хотелось сбежать от выражения горя на ее лице. — Не позволяй своей жалости делать из меня принца, Бэлла.

— Это саморазрушение. Все это.

— Едва ли. — Он подошел к бюро, взял косячок, затащился. — Я хочу этого.

— Правда? Не потому ли ты весь день куришь красный дымок? Им уже пропах весь дом.

— Я курю, потому что у меня зависимость. Я наркоман, у которого отсутствует сила воли, Бэлла, и который прошлой ночью трахал шлюху в общественном месте. Ты должна меня осуждать, а не жалеть.

Она покачала головой.

— Не пытайся выставить себя передо мной полным уродом. Не получится. Ты достойный мужчина...

— Да ради Бога...

— ...который пожертвовал многим ради своих братьев. И, наверное, слишком многим.

— Бэлла, прекрати.

— Мужчина, который пожертвовал ногой, чтобы спасти своего близнеца. Который храбро сражался за свою расу. Который отказывается от своего будущего ради счастья своего брата. Невозможно совершить что-то еще более благородное.

Ее взгляд был твердым, как скала, когда она смотрела на него снизу вверх.

— Не говори мне, кто ты. Я вижу тебя лучше, чем ты видишь себя.

Он заходил по комнате, пока не оказался возле комода. Он надеялся, что на Другой Стороне не было зеркал. Он ненавидел свое отражение. И всегда ненавидел.

— Фьюри...

— Уходи, — сказал он хрипло. — Пожалуйста, просто уйди. — Когда она этого не сделала, он обернулся. — Ради бога, не заставляй меня сломаться на твоих глазах. Мне нужна моя гордость прямо сейчас. Она единственная держит меня на ногах.

Она прижала ладонь к своим губам и быстро заморгала. Затем взяла себя в руки и проговорила на древнем языке.

— Удачи тебе Фьюри, сын Эгони. Пусть твои ноги никогда не сходят с верной тропы, а ночь осторожно лежит на твоих плечах.

Он поклонился.

— Желаю тебе того же, Бэлла, возлюбленная налла моего кровного брата Зейдиста.

Когда дверь за ней закрылась, Фьюри опустился на кровать и поднес косячок к губам. Он оглядел комнату, в которой жил с тех пор, как Братство переехало в этот особняк. Осознал, что это место никогда не было ему домом. Это была просто комната для гостей... роскошная, безликая комната для гостей... четыре стены с дорогими картинами маслом, хорошими коврами и занавесками, пышными, как бальное платье.

Как хорошо было бы иметь дом.

А у него его никогда не было. После похищения Зейдиста, еще младенцем, их мамэн заперла себя в подвале, а отец начал охоту на няньку, укравшую Зи. Взрослея, Фьюри жил среди

движущихся, дышащих теней, что были его семьей. Все, включая додженов, просто плыли по течению жизни. Без смеха. Без счастья. Никаких праздников.

Никаких объятий.

Фьюри научился молчать и оставаться в стороне. Это было, в конце концов, самое лучшее, что он мог сделать. Он был копией того, кого потеряли, напоминание о горе, которое поселилось в сердцах. Он начал носить шляпы, чтобы скрыть свое лицо, при ходьбе шаркал ногами, сутулился, чтобы казаться меньше, незаметнее.

Пройдя превращение, он уехал искать своего близнеца. Никто не помахал ему рукой. Не было прощания. Исчезновение Зи убило все способности домашних о ком-то скучать, так что Фьюри не досталось ни капли этого теплого чувства.

И хорошо. Так было проще.

Почти десять лет спустя, он узнал от одного дальнего родственника, что его мать умерла во сне. Он сразу же вернулся домой, но похороны уже прошли без него. Восемь лет спустя погиб, сражаясь, его отец. На эти похороны Фьюри успел, и это была последняя ночь, которую он провел в доме своей семьи. Затем все имущество распродали, доджены разбежались, а его родители будто вовсе никогда не существовали.

Это неприкаянное ощущение сейчас было не в новинку. Он чувствовал его еще ребенком, в первый же миг, как начал осознавать окружающую действительность. Он всегда был чужаком, и Другая Сторона вряд ли станет ему пристанищем. Он не мог почувствовать себя там как дома, потому что с ним не будет его близнеца. Или его братьев. Или...

Фьюри остановился. Запрещая себе думать о Бэлле.

Он встал и почувствовал, как протез держит его вес. В голове возникла мысль о парадоксальности отсутствия конечности у такого кочевника, как он.

Он затушил окурок, положил в карман несколько новых косячков, и почти дошел до двери, но внезапно остановился и обернулся. Четыре шага привели его к стенному шкафу, три клика замка и открылась металлическая дверца, руки проникли внутрь и вытащили на один черный кинжал.

Он взял свое оружие в ладонь, чувствуя идеальный баланс и рукоятку. Вишес сделал кинжал для него... Черт, как давно? Семьдесят пять лет назад... Да, этим летом было бы ровно семьдесят пять лет с тех пор, как он вступил в Братство.

Он осмотрел лезвие на свету. Семьдесят пять лет охоты на лессеров, а на лезвии ни одной царапины. Он достал второй кинжал. То же самое. Ви был искусным мастером.

Глядя на оружие, чувствуя его вес, он вспомнил, как Вишес стоял в дверях спальни сегодня вечером, объявляя, что Дева-Летописица разрешила замену Праймэйла. У вечно холодного брата в глазах горела жизнь. Жизнь, надежда и блистательная цель.

Фьюри вложил один из кинжалов за атласный пояс, обвязанный вокруг талии, а второй вернул в сейф. Затем, гордо выпрямившись, повернулся к двери. Любовь стоила того, чтобы пожертвовать всем ради нее, подумал он, покидая комнату. Даже если эта любовь не твоя.

В этот момент Вишес дематериализовался на противоположной стороне улицы, напротив квартиры Джейн. Свет не горел, у него возникло искушение просто зайти внутрь, но он все-таки остался в тени.

Черт побери, его голова разрывалась. Он чувствовал себя виноватым перед Фьюри. Был напуган до смерти тем, что ему скажет Джейн. Обеспокоен тем, каким будет его будущее с

человеком. Черт, он беспокоился даже о бедной Избранной, которая должна была спать с мужчиной ради всего остального рода.

Он взглянул на часы. Восемь. Вероятно, Джейн скоро будет дома.

Гаражная дверь в доме рядом с домом Джейн с ноющим звуком откатилась, и в открытой двери показался микроавтобус. Тормоза издавали тонкий пищающий звук, когда машина остановилась на конце своего К—образного поворота, водитель включил переднюю передачу.

Ви нахмурился, его инстинкты напряглись без всякой на то видимой причины. Он втянул носом воздух, но так как был с наветренной стороны машины, то не мог поймать запах.

Господь Всемогуший, он, оказывается, еще и параноик, что, вместе с его тревожностью и нарциссическим поведением, которое проявилось в последнее время, означало, что сегодня он собрал в себе все содержание диагностического и статистического руководства по психическим заболеваниям.

Он снова бесцельно посмотрел на часы. Прошло две минуты. Прелестно.

Когда зазвонил мобильный, он ответил на него с облегчением, потому что ему нужно было скоротать время.

— Я рад, что это ты, коп.

Голос Бутча был тихим.

— Ты у нее?

— Да, но ее нет. Что случилось?

— Что-то происходит с твоими компьютерами.

— Как это?

— Запустилось одно из устройств слежения, что ты установил в больнице. Кто-то вошел в медицинскую карту Майкла Клошника.

— Ничего страшного.

— Глава хирургического отделения. Манелло.

Господи, Ви ненавидел даже звук его имени.

— И?

— Он перерыл весь свой комп в поисках снимков твоего сердца. Без сомнения, искал те файлы, что Фьюри повредил, когда мы тебя вывозили оттуда.

— Интересно.

Ви стало интересно, что могло привлечь внимание парня... распечатки снимков, на которых были дата/время, что ли? Даже если бы на них не значился пациент, этот парень Манелло был достаточно умен, чтобы отследить его до самого хирургического отделения и выяснить, кто был на столе Джейн. С одной стороны ничего страшного в этом не было, потому что медицинские записи всего лишь показывали, что у Майкла Клошника были проведены анализы на антимитохондриальные антитела, затем он был прооперирован. Но все же...

— Я думаю, что я должен нанести визит этому хорошему доктору.

— Хм, да, я предполагаю, что его услуги могли бы нам пригодиться. Почему бы тебе не позволить мне разобраться с этим.

— Потому что ты не знаешь, как стирать память, не так ли?

Последовала пауза.

— Да пошел ты. Но замечание верное.

— Парень сейчас в сети?

— Да, он в офисе.

Ни к чему, конечно, устраивать противостояния в общественном месте, даже в нерабочее время, но Бог знает, что еще док мог накопать.

Вот дерьмо, подумал Ви. Ну и что он мог предложить Джейн? Секреты. Ложь. Опасность.

Он был самым эгоистичным ублюдком, и что еще хуже, он губил жизнь Фьюри, так же, как он мог разрушить и ее.

На улицу вывернула машина, и когда она выехала на свет, он увидел, что это была ее Ауди.

— Черт, — сказал он.

— Хм, она вернулась домой?

— Я разберусь с Манелло. Увидимся.

Когда он повесил трубку, он не был уверен, что сможет сделать это с ней. Если он уйдет сейчас, то еще будет время, чтобы добраться на Другую Сторону до того, как Фьюри примет обет Праймэйла.

Черт.

Джейн заехала в гараж задним ходом, припарковала Ауди и осталась сидеть в автомобиле с двигателем, работающим в холостую. Рядом, на пассажирском сидении, лежали результаты компьютерной томографии, которую они тайком провели с Манелло. Все чисто. Никаких следов опухоли, аневризм или какой-либо другой проблемы.

Она должна была чувствовать облегчение, но отсутствие объяснений происходящего с ней, беспокоило, ведь мыслительные процессы все еще оставались медленными и громоздкими. Как будто невропатическим импульсам приходилось преодолевать какие-то препятствия в ее мозгу. И в груди все так же чертовски болело...

В свет фар шагнул мужчина... огромный, темноволосый, с эспаньолкой, одетый в кожу. Пейзаж за ним был какой-то размытый, словно он явился из тумана.

Джейн сразу же залилась слезами.

Этот человек... этот призрак... он был ее тенью, занимал ее разум, именно его присутствие преследовало ее, его она чувствовала, но не могла распознать, его оплакивала. Все это вдруг стало приобретать смысл...

При следующем вздохе боль заколотила в висках с почти непреодолимой силой.

Однако вопреки ожиданиям, боль не прокатилась волной по телу, а стала рассеиваться, просто уплывая, не оставляя и следа. И к Джейн вернулись воспоминания, воспоминания о том, как она оперировала этого мужчину, как ее похитили, держали с ним в одной комнате... как они были вместе... как она... влюбилась... а затем ее оставили одну.

Ви.

Вспышки в памяти искажались и сдвигались, в то время как ее разум пытался зацепиться за скользкую реальность. Этого не могло быть. Он не мог вернуться. Он не собирался возвращаться.

Должно быть, она бредит.

— Джейн, — произнес ее призрачный любовник.

О, Боже... Его голос был все таким же, глубоким и прекрасным, он проскальзывал в уши, как темно-красный шелк — между пальцами.

— Джейн...

Она долго возилась с зажиганием, затем выключила фары и вышла из Ауди.

Воздух охлаждал ее мокрые щеки, а сердце бешено колотилось, когда она спросила:

— Ты настоящий?

— Да.

— Как я могу этому верить? — ее голос дрогнул, и она коснулась пальцами висков. — Я уже ничего не знаю. Я больше не могу... мыслить разумно.

— Джейн, — он вздохнул. — Мне так жаль...

— У меня неполадки с головой.

— Это моя вина.

Напряжение и печаль на его гордом лице умили ее замешательство, давая некое основание для продолжения разговора.

Она глубоко вдохнула и подумала о том, что стало с Расселом Кроу в конце фильма «Игры разума»¹³⁶. Обняв себя руками, Джейн подошла к тому, кого считала Ви, коснулась двумя пальцами его плеча и надавила.

Он был твердый, как камень. И от него пахло... темными специями. А его глаза — эти блестящие бриллиантовые глаза — мерцали, как всегда.

— Я думала, ты ушел, — прошептала она. — Почему...

В данный момент она просто надеялась понять: что происходит, и почему он вернулся?

— Я не женюсь.

Она замерла.

— Не женишься?

Он покачал головой.

— Не смог это сделать. Я не могу быть еще с кем-то кроме тебя. Я не знаю, хочешь ли ты меня...

Опережая возникновение хотя бы одной сознательной мысли, она подскочила и стиснула его в объятиях, забыв про все обстоятельства и барьеры между их видами. Она просто нуждалась в нем. Все остальное можно обсудить позже.

— Конечно, я хочу тебя, — сказала она ему прямо в ухо. — Я люблю тебя.

Он хрипло зашептал какие-то слова, а его руки сжали Джейн в объятиях. Ей казалось, что она не в состоянии даже вдохнуть, так крепко он обнял ее. Она подумала: да, это действительно он. И на этот раз он ее не отпустит.

Слава Богу.

Приподняв Джейн над землей, Вишес чувствовал себя абсолютно счастливым. Целым до такой степени, что с этим не сравнится даже обладание всеми конечностями. С триумфальным возгласом он понес ее в дом, остановившись лишь для того, чтобы закрыть дверь в гараж.

— Я думала, что схожу с ума, — сказала она, когда он усадил ее на кухонный стол. — Действительно теряю рассудок.

Как связанный мужчина, он умирал от желания войти в нее, но сдержал свои низменные побуждения. Во имя всего святого, он должен дать им время поговорить.

На самом деле.

Черт, он хотел ее.

— Прости меня, Джейн, черт, мне так жаль, что пришлось стереть все эти воспоминания. Действительно жаль. Я представляю, насколько это сбивало с толку. И пугало тоже.

Ее руки прошли по его лицу, словно она все еще пыталась убедиться, что он настоящий.

— Как ты избежал этих свадеб?

— Один из братьев занял мое место, — Ви закрыл глаза, когда ее пальцы скользнули по его щекам, носу, подбородку, вискам.

— Правда?

— Фьюри — тот, о ком ты позаботилась, — сделал это. Я даже не знаю, чем отплатить ему.

В этот же момент, связанный мужчина в нем отключил все мудрые мысли, отодвинув хорошие манеры и здравый смысл на задний план.

— Послушай, Джейн, я хочу чтобы ты жила со мной. Я хочу, чтобы ты была со мной.

В ее голосе засветилась улыбка.

— Я, наверное, сведу тебя с ума.

— Невозможно, — его рот приоткрылся, когда ее пальцы скользнули на нижнюю губу.

— Ну, мы можем попробовать.

Он посмотрел на нее.

— Дело в том, что если ты останешься со мной, тебе придется отказаться от этого мира. Тебе придется отказаться от своей работы. Ты должна будешь... Да, это будет сделка все-ради-ничего.

— О, — она нахмурилась. — Я, э, я не уверена...

— Я знаю. Я действительно не могу просить тебя об этом, и правда заключается в том, что я не хочу, чтобы ты бросала свою жизнь из-за меня.

И это была чистая правда. Даже, несмотря на то, что он связан с ней едва ли не в узел.

— Мы выясним это, постепенно. Я буду приходить к тебе, или мы могли бы купить дом в другом месте, где-нибудь далеко, чтобы проводить совместные выходные. Мы все наладим. — Он осмотрел кухню. — В любом случае, я собираюсь обезопасить это место. И постоянно наблюдать за ним.

— Хорошо. — Она дернула плечом, чтобы сбросить пальто. — Делай то, что должен.

Ммм... По поводу дела. Его глаза пробежались по ее телу. И все, что он видел сейчас, это ее обнаженную.

— Ви, — сказала она низким голосом. — На что ты сейчас смотришь?

— На свою женщину.

Она мягко рассмеялась.

— И ты что-то задумал?

— Возможно.

— Интересно, что бы это могло быть? — Исходящий от Джейн влажный запах возбуждения вызвал у него неконтролируемое желание раздеть ее и развести ее ноги как можно шире.

Он взял ее руку и положил себе между ног.

— Догадайся.

— О... да... опять.

— Всегда.

Импульсивно с шипением он обнажил клыки и прокусил воротник ее рубашки, разрывая ткань. Бюстгальтер был из белого хлопка, и, благослови Господь ненормальное сердце Ви, с застежкой спереди. Он расстегнул ее, прильнул к соску, и стащил Джейн со стола.

Путешествие наверх, в спальню, было занимательным и с большим количеством пауз, в результате которых Джейн оказалась полностью обнаженной, к тому моменту, как Ви положил ее на кровать. Потребовалось одно мгновение, чтобы он снял с себя кожаные штаны и рубашку, и когда он взобрался на нее, его рот был открыт, а клыки полностью обнажены.

Она улыбнулась ему.

— Жажда замучила?

— Да.

Изящно наклонив подбородок, она предоставила ему доступ к своему горлу, и он с рычанием проник в нее двумя способами — между бедер и в шею. Пока он жестко брал ее, она впивалась ему в спину короткими ногтями, обхватив ногами его бедра.

Прошло добрых два часа до завершения их близости, после чего, умиротворенный Ви лежал в темноте рядом с Джейн и благословлял судьбу за свое счастье. Он тихо рассмеялся.

— Что? — спросила она.

— Не смотря на все мои видения о будущем, этого я никогда не мог предсказать.

— Не мог?

— Это... я не мог даже надеяться на все это. — Он поцеловал ее в висок, закрыл глаза и позволил себе погрузиться в дрему.

Но этого не произошло. Его покой неожиданно накрыла черная тень, отключая психические проводки, вызывая страх и панику. Он списал все на остаточные явления, ведь, после того, как едва не упустил шанс быть с тем, кого любишь, требуется некоторое время, чтобы придти в себя и расслабиться.

Но объяснение не срабатывало. Он знал, что это было что-то другое... что-то очень страшное, словно бомба в почтовом ящике.

Он боялся, что судьба еще не закончила свою игру с ним.

— Все в порядке? — спросила Джейн. — Ты дрожишь.

— Со мной все хорошо, — он придвинулся к ней поближе. — Пока ты со мной, я в полном

На Другой Стороне, Фьюри спускался по склону к амфитеатру в сопровождении Зи и Рофа. Дева-Летописица и Директрикс ожидали в центре сцены, обе одетые в черное. Директрикс не выглядела довольной, ее глаза прищурились, губы сжались в тонкую линию, а руки крепко обхватили медальон, висящий на шее. Настроение Девы-Летописицы невозможно было определить. Ее лицо было скрыто под облачением, но даже если бы его было видно, Фьюри сомневался, что смог бы понять, о чем она думает.

Он остановился перед золотым тронem, но не стал садиться. Хотя, идея была не плоха. Ему казалось, что он куда-то уплывает, его тело дрейфовало, а не двигалось, голова пребывала не на плечах, а в бескрайних далях. Мысленно он спросил себя — было ли это ужасное состояние результатом выкуренного красного дымка? Или же причина в его женитьбе на трех дюжинах женщин?

О, Господи Боже.

— Роф, сын Рофа, — произнесла Дева-Летописица. — Подойди и поприветствуй меня.

Роф подошел к краю сцены и преклонил колени.

— Ваша Светлость.

— Ты собираешься что-то попросить у меня. Сделай это сейчас, и формулируй свои фразы правильно.

— Если эта просьба не оскорбит Вас, то я хотел бы просить, чтобы в отношении боевых действий на Фьюри распространялось то же решение, что и на Вишеса. Мы нуждаемся в воинах.

— Я склонна отпустить его на время. Он будет жить там...

— Нет, — твердо отрезал Фьюри. Когда все резко повернулись к нему, он продолжил. — Я останусь здесь. Я буду сражаться, но я останусь здесь.

Он слегка поклонился, чтобы хоть как-то компенсировать свою грубость.

— Если это не оскорбит Вас.

Зэйдист открыл рот, на лице со шрамом застыло выражение чем-черт-тебя-подери-ты-думаешь, но короткий смешок Девы-Летописицы предупредил его невысказанную тираду.

— Да будет так. Избранные предпочтут это, да и я тоже. А теперь поднимись, Роф, сын Рофа, и давайте начнем.

Когда король поднялся в полный рост, Дева-Летописица опустила капюшон.

— Фьюри, сын Агони, я прошу тебя принять обязательства Праймэйла. Ты согласен?

— Да, согласен.

— Взойди на помост и опустись передо мной на колени.

Совсем не чувствуя ног, он подошел и начал восхождение по короткой лестнице. Не ощущая мрамора, он упал на колени перед Девой-Летописицей. Когда ее рука опустилась ему на голову, он не дрогнул, не моргнул, ни единая мысль не пронеслась у него в голове. Он почувствовал себя автомобильным сидением, которое подчинялось капризам водителя, вне зависимости от скорости и направления движения. Он покорился.

Странно, ведь он сам это выбрал, не так ли? Добровольно.

Да, но только Бог знает, куда приведет его это решение.

Слова, что произносила Дева-Летописица над его склоненным телом, были отголосками Древнего языка, но он никак не мог уследить за всем, что она говорила.

— Поднимись сам и подними глаза свои, — произнесла Дева-Летописица в конце. — Представляю тебя твоим женщинам, которым ты станешь господином. Их тела будут служить тебе.

Он встал и увидел, как поднялся занавес, и Избранные выстроились в ряд — они были одеты в кроваво-красные мантии, сверкающие, как рубины на фоне окружающей белизны. В едином порыве, они поклонились ему.

Мать божья... Что он натворил?

Вдруг Зи выскочил на помост и схватил его за руку. Что за... а, все в порядке. Его просто накренило в сторону. Возможно, он даже мог упасть. И наверняка со стороны это выглядело ужасно.

Голос Девы-Летописицы отражался от стен, набирая силу.

— Итак, это свершилось. — Она подняла призрачную руку и указала на храм на холме. — Теперь перейдем в комнату, и возьмешь первую среди всех остальных, как и положено мужчине.

Зэйдист вцепился ему в руку.

— Господи... брат мой...

— Прекрати, — зашипел Фьюри. — Все будет хорошо.

Он высвободился из хватки близнеца, поклонился Деве-Летописице и Рофу, и, покачиваясь, спустился по лестнице, после чего начал подниматься в гору. Трава под ногами была мягкой, и его окружал странный свет, присущий лишь Другой Стороне. Но он не приносил спокойствия. Фьюри чувствовал спиной взгляды Избранных, их голод заставил его внутренне застыть, даже сквозь туман красного дымка.

Храм на вершине холма имел римский профиль с белыми колоннами, и вершиной, увенчанной хорами. На громадных двойных дверях были две золотые ручки. Он повернул правую, толкнул и вошел внутрь.

Его тело мгновенно затвердело от аромата, что витал в воздухе: пьянящая смесь жасмина и сладких благовоний манила его, возбуждала. Так и должно было быть. Перед ним предстал белый занавес, сквозь который пробивалась сверкающая иллюминация, мерцающий свет от сотни свечей.

Он отвел занавес в сторону. И отшатнулся назад, его эрекция сразу же ослабла.

Избранная, которую ему было предназначено взять, лежала растянутая на мраморной платформе, покрытой простыней. Занавеска, опускавшаяся с потолка прямо ей на шею, закрывала ее лицо. Ее ноги были широко раздвинуты и привязаны к платформе белыми атласными лентами, как и руки. Обнаженное тело покрывала тонкая, как паутинка, ткань.

Основа ритуала была очевидна. Она была жертвенным сосудом, безликой представительницей всех Избранных. А он — хранителем того вина, что должно было заполнить ее тело. И хотя это было совершенно непростительно с его стороны, всего на долю секунды, он думал лишь о том, чтобы взять ее прямо сейчас.

Моя, — подумал он. Все законы и обычаи доказывали, что она принадлежала ему, она была его собственностью так же, как его кинжалы, его волосы. И он хотел войти в нее. Хотел кончить в нее.

Но это не произойдет. Достойная часть его преодолела инстинкты, просто задвинула их куда-то глубоко: девушка была в совершенном ужасе, тихо плакала, но как будто пыталась скрыть этот звук, кусая губы. Она дрожала, все ее тело было, словно ужасный метроном страха на высочайшей частоте ударов.

— Успокойся, — сказал он мягким голосом.

Она дернулась. Ее заколотила еще большая дрожь.

Мгновенно его накрыла злость. Ужасно, что эта бедная женщина была предоставлена ему на пользование, как животное, и хотя его в данный момент использовали таким же образом, это, по крайней мере, был его выбор: а, учитывая то, что она была связана, он сомневался, что такой выбор был предоставлен и ей.

Фьюри потянулся, схватил занавеску, которая скрывала ее лицо, и стянул ее вниз...

Срань Господня. Ее рыдания сдерживала не прокусанная губа, а кляп, голова была привязана к пологу платформы. Слезы ручейками бежали по ее лицу, покрытому красными пятнами, а мышцы шеи натянулись, как будто она кричала, но не могла издать ни звука, ее глаза вылезали из орбит от ужаса.

Он потянулся к кляпу, что закрывал ее рот, ослабил узел, снял его.

— Успокойся...

Казалось, она задыхалась и не могла произнести ни слова, и, исходя из теории, что лучше действовать, нежели разглагольствовать, он развязал крепление, связывающее ее голову с кроватью, и распутал длинные светлые волосы.

Когда он освободил ее тонкие руки, она прикрыла грудь и место, где соединялись бедра. Импульсивно, он схватил занавеску и укрыл ее тело, прежде чем освободить ноги. Затем он отступил назад, прошел через весь храм и прислонился к противоположной стене. Он решил, что так она сможет почувствовать себя в безопасности.

Опустив глаза в пол, он видел только ее: Избранная с бледной кожей и светлыми волосами, с глазами цвета нефрита. Черты ее лица были прекрасны, отчего ему вдруг вспомнились фарфоровые куклы, и пахла она жасмином. Боже, она была слишком хрупкой, чтобы подвергаться подобной пытке. Слишком достойная, чтобы выдержать половую атаку незнакомого самца.

Господи. Какой хаос.

Фьюри молчал, надеясь, что она привыкнет к его присутствию, и пытался понять, что же делать дальше.

И это, разумеется, будет не секс.

Джейн не была большой поклонницей «Звуков музыки»¹³⁷, но в данный момент, лежа в постели и наблюдая, как Ви пытается найти свою одежду, чувствовала себя Джули Эндрюс¹³⁸. Боже, когда ты влюблен, все что хочется делать, это раскинуть руки навстречу солнцу с широкой, сочной и счастливой улыбкой во все лицо. Плюс, у нее были короткие светлые волосы, которыми можно было красиво потряхнуть. Но ей пришлось положить конец этому танцу в ледерхозене¹³⁹.

Так как существовала одна маленькая проблемка.

— Скажи мне, что ты не собираешься причинять ему боль, — попросила она, пока Ви натягивал на бедра кожаные штаны. — Пообещай, что мой босс не окажется в конечном счете со сломанными ногами.

— Ни в коем случае. — Ви надел черную рубашку, которая плотно обтянула его широкую грудь. — Я просто хочу убедиться, что он хороший мальчик, и что о снимке моего сердца все позабыли, как о страшном сне.

— Расскажешь потом, как все прошло?

Он взглянул на нее исподлобья, порочная улыбка промелькнула на его лице.

— Не доверяешь мне этого распутного ублюдка?

— Нет, пока я могу выставить тебя за порог.

— Умная женщина.

Ви подошел и сел на край кровати, его бриллиантовые глаза все еще светились после секса.

— Когда дело касается тебя, этот хирург должен быть осторожным.

Она взяла его непокрытую руку, помня, что он ненавидит, когда кто-то касается той, что в

перчатке.

— Мэнни знает, как ему надо вести себя со мной.

— Точно?

— Я сказала ему. Сразу после тех выходных. Хотя я и не могла вспомнить тебя, я просто чувствовала что это... неправильно.

Ви наклонился и поцеловал ее.

— Я вернусь сразу после того, как навещу его, ладно? Таким образом, ты сможешь посмотреть мне в глаза и будешь точно знать, что парень еще дышит. И послушай, теперь я хочу вернуться к реальности. Я пришлю Фритца сегодня днем, он кое-что привезет — я планирую обезопасить это место. У тебя есть дополнительное устройство для открытия дверей гаража?

— Да, на кухне. Ящик под телефоном.

— Отлично, я его заберу. — Он провел пальцем по ее шее, вокруг свежего укуса.

— Каждый вечер, когда ты будешь возвращаться домой, я буду здесь. Каждое утро, прежде чем вернуться в особняк, я буду здесь. Каждую свободную ночь я буду проводить здесь, с тобой. Мы будем стараться украсть время для нас двоих при каждом удобном случае, а когда мы не вместе — будем звонить друг другу.

Обыкновенные нормальные отношения, подумала она, и сама идея о прозаичности происходящего ее порадовала. Их пара образовалась из какой-то паранормальной конструкции и перенеслась на почву реальности: они были двумя людьми, полностью готовыми строить отношения. Нельзя просить большего у человека, которого любишь.

— Какое твое полное имя? — спросила она. — Я только сейчас поняла, что знаю тебя только как Ви.

— Вишес.

Джейн сжала его руку.

— Извини?

— Вишес. Да, я знаю, звучит странно...

— Погоди... погоди... произнеси по буквам.

— В-и-ш-е-с.

— О... Боже...

— Что?

Она откашлялась.

— Эм, давным-давно, целую жизнь назад, я сидела в своей детской спальне с сестрой. Между нами лежала доска для спиритических сеансов, и мы задавали вопросы. — Она посмотрела на него снизу вверх. — Ты был моим ответом.

— На какой вопрос?

— За кого... Господи... за кого я выйду замуж.

Ви улыбнулся красиво и медленно, как человек, который чувствовал себя чертовски самодовольным.

— Ты хочешь за меня замуж?

Она рассмеялась.

— Да, конечно. Давай натянем на меня белое свадебное платье и потащим к алтарю...

Шутливое выражение покинуло его лицо.

— Я серьезно.

— О... Господи.

— Я не думаю, что это «да»?

Джейн выпрямилась.

— Я... Я никогда не задумывалась о замужестве.

Он поморщился.

— Нда, хорошо, не такого ответа я ожидал...

— Нет... я имею в виду, что удивлена... с какой легкостью я сейчас об этом думаю.

— Легкостью?

— Мысль о том, чтобы быть твоей женой.

Он улыбнулся, но затем снова посерьезнел.

— Мы можем провести церемонию по моей традиции, но она будет неофициальной.

— Потому что я не одна из вас?

— Потому что Дева-Летописица меня терпеть не может, и вряд ли будет присутствовать. Но

все остальное мы сможем сделать сами. — Он криво усмехнулся. — Особенно вырезание.

— Вырезание?

— Твое имя. Моя спина. Сгораю от нетерпения, черт возьми.

Джейн тихо присвистнула.

— Это должна буду сделать я?

Он хохотнул.

— Нет!

— Эй, я же хирург, и отлично управляюсь с ножом.

— Это сделают мои братья... ну, мне кажется, одну букву можешь вырезать и ты. Черт, от одной этой мысли у меня твердеет член. — Он поцеловал ее. — Господи, ты стопроцентно мой тип женщины.

— Меня тоже будут резать?

— Черт, нет. Это делается только мужчинам, чтобы все знали, кому мы принадлежим.

— Принадлежите?

— Да. Я полностью к твоим услугам. Ты моя госпожа. Делай со мной, что пожелаешь.

Думаешь, справишься?

— Я уже сделала это, помнишь?

Ви прикрыл глаза и издал горловое рычание.

— Да, каждую чертову минуту. Когда мы сможем опять пойти в мой пентхаус?

— Назови время, и я буду там.

И в следующий раз она попробует примерить на себя что-нибудь кожаное.

— Эй, а у меня будет кольцо?

— Если пожелаешь, я куплю тебе бриллиант размером с твою голову.

— О, да. Я буду гламурной штучкой. Но как окружающие будут знать, что я связана?

Он прильнул к ней и потерся носом о ее горло.

— Чувствуешь мой запах?

— Господи... да. И он мне очень нравится.

Он провел губами по ее подбородку.

— Мой аромат по всему твоему телу. Внутри тебя. Вот как мой народ будет знать, кто твой супруг. Это также предупреждение.

— Предупреждение? — она вдохнула, и сладкая истома накрыла ее тело.

— Другим мужчинам. Аромат расскажет им, кто придет с кинжалом, если они прикоснутся к тебе.

Отлично, это не должно быть так чертовски эротично. Но все-таки было.

— Вы серьезно относитесь к браку, да?

— Связанные мужчины опасны. — Его голос низким мурлыканьем проник ей в ухо. — Мы убиваем, чтобы защитить своих женщин. Вот так. — Он сдернул с нее покрывало, расстегнул свои кожаные штаны и развел ее бедра. — Кроме того, мы метим то, что принадлежит нам. И

так как я не увижу тебя в течение следующих двенадцати часов, я думаю, что оставлю на тебе чуть больше себя.

Ви двинул бедрами вперед, и Джейн застонала. Он был в ней множество раз, но его размер всегда шокировал. Он запустил руки в ее волосы и запрокинул голову назад, его язык глубоко проник в ее рот, одновременно с тем, как он вошел в нее.

Затем он остановился.

— Сегодня вечером мы поженимся. Роф проведет церемонию. Бутч и Марисса будут свидетелями. Ты хочешь, чтобы мы сделали это и в церкви тоже?

Она рассмеялась. У них обоих была мания к контролю, не так ли? Но к счастью, она не была склонна спорить с ним конкретно по этому поводу.

— Я буду прекрасно себя чувствовать и без церковной церемонии. На самом деле, я не верю в Бога.

— Ты должна.

Она впилась ногтями в его бедра и выгнулась.

— Сейчас не время для теологических дискуссий.

— Ты должна верить, Джейн.

— Миру не нужен еще один религиозный фанатик.

Он отвел волосы с ее лица. Когда его эрекция дернулась внутри Джейн, Ви сказал:

— Не обязательно быть религиозным, чтобы верить.

— Можно отлично жить, будучи атеистом, поверь мне.

Она запустила руки ему под рубашку, чувствуя его сильную спину.

— Ты думаешь, моя сестра сейчас на небесах, ест свои любимые Fudgsicles¹⁴⁰, сидя на облаке? Нет. Ее тело было погребено много лет назад, и в настоящее время от нее мало что осталось. Я видела смерть. Я знаю, что происходит после того, как мы умираем, и нет Бога, что может нас спасти, Вишес. Я не знаю, кто или что эта ваша Дева-Летописица, но я чертовски уверена, что она не Бог.

Легкий намек на улыбку коснулся его губ.

— Я с удовольствием докажу тебе, что ты ошибаешься.

— И как ты собираешься сделать это? Познакомишь меня с моим Создателем?

— Я буду любить тебя так сильно и так долго, что ты убедишься, что нас соединило что-то неземное.

Она коснулась его лица, представив будущее, и выругалась.

— Я состарюсь.

— И я тоже.

— Не с той же скоростью. Ох, Господи Ви, я буду...

Он поцеловал ее.

— Ты не будешь думать об этом. Кроме того... есть способ замедлить этот процесс. Хотя, я не уверен, что он тебе понравится.

— О, черт, дай-ка мне подумать. Хм... да, мне нравится.

— Ты не знаешь, что это за способ.

— Мне наплевать. Я готова есть падаль, если это продлит мою жизнь с тобой.

Его бедра двинулись вперед, затем отступили назад.

— Это противоречит законам моей расы.

— Это противоестественно?

Она снова выгнулась под ним.

— Для твоего вида? Да.

Джейн поняла все еще до того, как он поднес свое запястье к своему рту. Когда он

остановился, она сказала:

— Давай сделаем это.

Он слегка укусил себя, затем приложил двойную ранку к ее губам. Джейн закрыла глаза, раскрыла губы и...

Боже мой.

У него был вкус дорогого вина, но ударял в голову в десять раз сильнее. Ее голова закружилась от первого же глотка. Но она не остановилась. Она пила так, как будто его кровь могла удержать их вместе, смутно осознавая сквозь рев в теле, как он, дико рыча, глубоко проникает в нее.

Теперь Ви был внутри нее всеми возможными способами: в ее мозгу своими словами, в ее теле своим возбуждением, во рту своей кровью, в каждом ее вдохе своим ароматом. Он взял ее полностью.

И он прав. Это было божественно.

Прикрыв грудь белым занавесом, Кормия ошарашенно уставилась через весь Храм на Праймэйла. Кем бы ни был этот мужчина, он был не Вишесом, сыном Бладлеттера.

Перед ней, несомненно, стоял Воин. Его огромное, подавляющее тело прислонилось к мраморной стене. Его плечи, казалось, были шире кровати, к которой ее привязали. Его размер пугал ее... пока она не посмотрела на его руки. Они были такими изящными. Длинные пальцы, широкие ладони. Сильные, но изящные.

Эти благородные руки освободили ее. И не сделали ей ничего плохого.

Тем не менее, она ожидала, что он накричит на нее. Потом — что он скажет ей хоть что-нибудь. В итоге, она ждала, чтобы он просто взглянул на нее.

У него красивые волосы, подумала она в тишине. Играя множеством цветов, они спускались до плеч золотистыми, темно-красными и темно-коричневыми волнами. Какого цвета были глаза?

Тишина затянулась.

Она не знала, как быстро бежит время. Она знала, что оно не прекращало свое движение, даже здесь, на Другой Стороне. Но как долго все это происходило? Славная Дева в Забвении, ей хотелось сказать хоть что-нибудь, хотя, может, именно в этом, скрывалась причина молчания. Он ждал, когда заговорит она.

— Вы не тот, кто...

Как только раздался ее голос, он поднял глаза.

Его глаза были желтыми — замечательного, теплого золотого цвета, который напомнил ей о ее любимых камнях — цитринах. Она действительно ощущала тепло во всем теле под его взглядом.

— Я не тот, кого ты ожидала?

Ох... его голос мягкий, низкий и... добрый.

— Разве они не сказали тебе?

Она покачала головой, не подавая голоса. И не потому, что испугалась.

— Обстоятельства изменились, и я занял место моего брата. — Он положил руку на свою широкую грудь. — Меня зовут Фьюри.

— Фьюри. Имя Воина.

— Да.

— Вы выглядите как Воин.

Он протянул к ней ладони.

— Но я не причиню тебе боли. Никогда.

Она склонила голову на бок. Нет, и правда, не причинит. Он был ей совершенно незнаком, и трижды превосходил ее в размерах, но Кормия знала, была уверена, что он не причинит ей вреда.

Однако он собирался соединиться с ней. В этом главная цель их совместного времяпрепровождения, и она почувствовала его возбуждение, как только он вошел в Храм. Но сейчас оно отсутствовало.

Она подняла руку и коснулась своего лица. Может быть, теперь, когда он увидел ее, он не захотел продолжить? Была ли она непривлекательной для него?

Дева правая в Забвении, о чем она переживает? Она не хотела соединяться с ним. Ни с кем не хотела. Как предупредила Директрикс, это будет больно. И не имеет значения, насколько прекрасен был этот Брат, он был для нее совсем чужой.

— Не волнуйся, — быстро сказал он, будто прочитав все на ее лице. — Мы не собираемся...

Она притянула занавес ближе.

— Не собираемся?

— Нет.

Кормия опустила голову.

— Но тогда все узнают, что я подвела Вас.

— Ты подвела... Господи, ты никого не подвела. — Он запустил руку в волосы, на густых прядках заиграл свет. — Я просто... Да, я считаю, что это неправильно.

— Но это мое предназначение. Соединиться с тобой и связать тебя с Избранными. — Она быстро заморгала. — Если мы не сделаем этого, церемония будет считаться незаконченной.

— И что?

— Я... я не понимаю.

— А что такого, если церемония не завершится сегодня? У нас есть время. — Он нахмурился и огляделся. — И... ты не хочешь выбраться отсюда?

Ее брови взлетели.

— И куда пойти?

— Я не знаю. Прогуляемся куда-нибудь.

— Мне сказали, я не смогу уйти, пока мы не...

— Давай договоримся. Я Праймэйл, верно? Так что делаем то, что я говорю. — Их взгляды встретились. — Я имею в виду, ты знаешь это лучше меня. Я не прав?

— Прав. Вы здесь высшая власть. Только Дева-Летописица выше Вас.

Он отодвинулся от стены.

— Тогда пойдем прогуляемся. Как минимум, мы узнаем друг друга получше, обсудим ситуацию, в которой оказались.

— У меня... нет мантии.

— Используй занавеску. Пока ты одеваешься, я отвернусь.

Фьюри повернулся к ней спиной, а через минуту Кормия вскочила и обернула складки ткани вокруг себя. Она думала о том, что никогда бы не предположила возможность замены одного Воина на другого. И она никак не могла предугадать, что ее суженый окажется таким добрым... таким красивым. В его глазах она видела честность и порядочность.

— Я... я готова.

Он подошел к двери, и она последовала за ним. Вблизи он казался еще больше... но от него исходил прекрасный запах. Аромат темных специй проникал в ее нос.

Когда он открыл дверь, Кормия увидела раскинувшийся перед ними белый горизонт. Она замешкалась.

— Что не так?

Ее стыд было трудно выразить словами. Из-за испытываемого облегчения она казалась себе ужасной эгоисткой. И ее беспокоило то, что ее провал затронет всех Избранных.

Желудок Кормии сжался.

— Я не выполнила свой долг.

— Ты никого не подвела. Мы просто отложили се... эээ, соединение. Это все равно случится когда-нибудь.

Но она не смогла выбросить из головы сомнения. Или страхи.

— Может, Вы просто закончите это?

Он нахмурился.

— Господи... да ты действительно боишься их всех разочаровать.

— Они — это все что у меня есть. Все, что я знаю. — И Директрикс угрожала выгнать ее, если она не будет придерживаться традиции. — Без них я одинока.

Он долго на нее смотрел.
— Как тебя зовут?
— Кормия.
— Так... Кормия, ты больше не одинока. Теперь у тебя есть я. И знаешь что? Забудь о прогулке. У меня есть идея удачнее.

Вторжение было одной из специализаций Ви. Он легко взламывал сейфы, автомобили, замки, дома... офисы. Одинаково легко — как жилое, так и коммерческое дерьмо. Без проблем.

Таким образом, вломиться в дверь хирургического отделения больницы Святого Франциска не представляло большой сложности.

Проскользнув внутрь, он опустил мис, чтобы закрыть обзор камерам безопасности, и удостоверился, что его не видел никто из тех людей, что до сих пор работали в этой административной части комплекса.

Боже... расследование было по-настоящему интересным. Огромная приемная, очень представительная и все такое, стены обиты деревом и расписаны восточными узорами. Пара вспомогательных отделений, отмеченных как...

Офис Джейн был прямо здесь.

Ви подошел и коснулся латунной таблички на двери. На полированной поверхности было выгравировано: Джейн Уиткоум, Доктор медицины, Главный Врач отделения травматологии.

Он просунул голову в дверь. Запах Джейн еще витал в воздухе, на краю конференц-стола лежал один из ее белых халатов. На рабочем столе скопились стопки документов, файлов и стикеров, стул был отодвинут так, словно она покинула офис в спешке. На стене висело множество дипломов и сертификатов, свидетельствовавших о ее стремлении к совершенствованию.

Ви потер рукой грудную клетку.

Черт, и как они будут жить вместе? Она много работает. Он был ограничен лишь ночными посещениями. Что делать, если этого будет недостаточно?

Нет, должно быть достаточно. Он не собирался просить ее оставить свою человеческую жизнь и работу ради него. Это было бы то же самое, как если бы она попросила его оставить Братство.

Ви услышал приглушенный разговор и посмотрел через приемную туда, где в конце коридора горел свет.

Пришло время позаботиться о докторе Манелло.

«Главное — не убить его», напомнил себе Ви, когда подошел к приоткрытой двери. Да уж, будет впечатляюще, если он прикончит его, а потом позвонит Джейн и скажет, что ее босс кормит червей.

Ви остановился и заглянул в огромный кабинет. За внушительным, почти президентским столом сидел человеческий мужчина. Он изучал какие-то бумаги, хотя на часах было уже два ночи.

Парень нахмурился и посмотрел на него.

— Кто здесь?

Не убивай его. Это ужасно расстроит Джейн.

О, но Ви так хотелось этого. Перед глазами так и стояла картина — парень на коленях, протягивает руку к лицу Джейн... и все это не улучшало его настроения. Если кто-то претендует

на их женщин, связанные мужчины предпочитают незамедлительно закрыть дело. Крышкой от чьего-то гроба.

Вишес толкнул дверь, проник в разум дока и заморозил его, как хороший кусок говядины.

— У тебя снимки моего сердца, док, и я хочу их забрать. Где они?

Он выстрелом послал это предложение в мозг человека.

Парень заморгал.

— Здесь... на моем столе. Кто... вы?

А вот это был сюрприз. Большинство людей не могли самостоятельно рассуждать, находясь в подобном состоянии.

Ви подошел и посмотрел на кучу бумаг.

— Где на столе?

Взгляд человека перешел в левый угол.

— Папка. Там... Кто Вы такой?

«Мужчина Джейн, мать твою» — хотелось сказать Ви.

Черт, ему хотелось вытатуировать эту фразу на лбу парня так, чтобы Манелло никогда не забывал, что Джейн полностью принадлежит другому.

Ви нашел папку, открыл ее.

— Компьютерные файлы. Где они?

— Исчезли. Кто... вы...

— Неважно, кто я.

Черт, упорный попался сукин сын. Хотя да, вряд ли можно стать главным хирургом просто потому, что ты весь из себя такой шикарный мужик.

— Кто еще знает об этих снимках?

— Джейн.

Звук ее имени, прозвучавший изо рта ублюдка, не делал Ви счастливее, но он взял себя в руки.

— Кто еще?

— Никто, кого бы я знал. Я пытался... отправить их в Колумбию... Но файлы не прошли. Кто Вы...

— Бугимэн.

Ви еще покопался в разуме хирурга, так, на всякий случай. Там действительно ничего не было. Пора уходить.

Хотя, надо еще кое-что выяснить.

— Скажи вот что, док. Если бы женщина была замужем, ты бы стал волочиться за ней?

Босс Джейн нахмурился и медленно покачал головой.

— Нет.

— Ну, кто бы мог подумать. Правильный ответ.

Ви направился к двери, ему хотелось выложить минное поле в мозгу парня, настроить все его невропатические каналы таким образом, что бы каждый раз, как только тот подумает о Джейн в сексуальном плане, то почувствует страх, тошноту или, может быть, разразится слезами, как девчонка. В конце концов, тренировка негативного импульса еще никому не мешала, если дело касалось депрограммирования. Но Ви не был Симпатом, так что будет затруднительно устроить подобное, не затратив на это кучу времени, и, кроме того, подобная забава, скорее всего, может привести к сумасшествию. Особенно, у людей с довольно сильным разумом, подобных Манелло.

Он бросил последний взгляд на своего соперника. Хирург смотрел на него с замешательством, но в его взгляде не было страха, темно-карие глаза были агрессивными и

проницательными. Было трудно признать, но если бы не Ви, этот человек, возможно, стал бы неплохой парой для Джейн.

Ублюдок.

Вишес уже отвернулся, когда у него мелькнуло видение, такое четкое и ясное, как будто это уже произошло.

На самом деле, это не было видение. Это было одно слово. Что вообще не имело никакого смысла.

Брат.

Странно.

Ви очистил мозг доктора и дематериализовался.

Мэнни Манелло поставил локти на стол, потер виски и застонал. В голове пульсировала боль, и череп, казалось, превратили в эхокамеру. Мозг как будто распространял болезненные радиоволны. Случайные мысли кружились водоворотом, создавая ничего не значащую мешанину: он должен отвезти машину на сервис, нужно закончить изучение этих заявлений о виде на жительство, он не попадал на Сэма Адамса, бейсбольный матч перенести с понедельника на среду.

Забавно, но когда он думал об этой массе ничего не значащих мыслей, возникало ощущение, что вся эта бессмысленная мозговая деятельность... что-то за собой скрывала.

Без какой-либо причины в голове возник образ лилового вязаного одеяла, которое висело на спинке лилового дивана его матери в ее лиловой гостиной. Эту чертову вещь никогда не использовали для тепла, но никто не пытался от нее избавиться. Одеяло висело там лишь для того, чтобы скрыть пятна от франко-американских спагетти, которые уронил на диван отец. В конце концов, пятна можно было попробовать оттереть пятновыводителем «Резолв», но консервы содержали краситель номер пять, так что пятно не очень сочеталось с лиловым цветом дивана.

Как и это одеяло, рассеянные мысли прикрывали какое-то пятно, возникшее в его мозгу, но черт его подери, он не знал, что это было.

Мэнни потер глаза и взглянул на свои «Брайтлинг»¹⁴¹. Два часа ночи.

Пора идти домой.

Он уже собрался, но чувство, что он упускает что-то важное, не проходило, и он уставился на левый угол своего письменного стола. В грудке документов образовался пробел, виднелась деревянная поверхность стола, там, где должна была быть целая куча бумаг.

Пустое место было размером с папку.

Отсюда что-то забрали. Он знал это. Он просто не мог понять, что именно, и чем сильнее он старался вспомнить, тем сильнее болела голова.

Он подошел к двери.

Проходя мимо ванной, он зашел внутрь и захватил пару бутылочек Мотрина¹⁴².

Ему реально нужен отпуск.

Не лучшая его идея, подумал Фьюри, стоя в дверях спальни, располагающейся рядом с его комнатой, в особняке Братства. По крайней мере, все домочадцы тем или иным образом были заняты, поэтому ему пока не пришлось ни с кем иметь дело. Но, Боже мой, получался какой-то коллапс.

Черт.

Напротив него, на краю кровати, прижав занавеску к груди, сидела Кормия. Ее глаза были, словно два шарика в большой стеклянной банке. Она была настолько сбита с толку, что ему немедленно захотелось отправить ее обратно на Другую Сторону, но там ее ожидала участь не лучше этой. Он не хотел отправлять ее к Директрикс на расстрел.

Подобную пакость он терпеть не собирался.

— Если тебе что-нибудь понадобится, я буду рядом. — Он выглянул из проема, указывая налево. — Я предположил, что ты можешь остаться здесь на день или два и отдохнуть. Посвяти немного времени себе самой. Договорились?

Она кивнула, ее светлые волосы упали на плечи.

Без какой-либо на то причины, он обратил внимание, какого красивого цвета они были, особенно в тусклом свете прикроватной лампы. Оттенок напомнил ему полированную сосну, богатую, блестящую.

— Хочешь что-нибудь поесть? — спросил он. Когда она покачала головой, он подошел к телефону и положил руку на трубку. — Если ты проголодаешься, просто набери четыре звездочки, и попадешь на кухню. Тебе доставят, все, что пожелаешь.

Ее взгляд метнулся в сторону, затем вернулся к нему.

— Ты здесь в безопасности, Кормия. Ничего плохого с тобой не случится...

— Фьюри? Ты вернулся? — Голос Бэллы из-за двери звучал одновременно и удивленно, и с облегчением.

Его сердце остановилось. Затем громко стукнуло. Именно ей он боялся объяснить, что тут произошло. Даже больше, чем Рофу, черт подери.

Он взял себя в руки, прежде чем смог взглянуть ей в глаза.

— Да, я вернулся на некоторое время.

— Я думала, ты... о, привет. — Глаза Бэллы метнулись к нему, потом она улыбнулась Кормии. — Эм, меня зовут Бэлла. А ты...?

Когда ответа не последовало, Фьюри сказал:

— Это Кормия. Она Избранная, с которой я... связан. Кормия, это Бэлла.

Кормия встала и низко поклонилась, волосы упали почти до самого пола.

— Ваша светлость.

Рука Бэллы опустилась на живот.

— Кормия, приятно познакомиться. И, пожалуйста, в этом доме мы не соблюдаем формальности.

Кормия выпрямилась и кивнула.

Молчание затянулось длиною в шестиполосное шоссе.

Фьюри прокашлялся. Как неловко вышло.

Когда Кормия посмотрела на эту женщину, она уже знала всю историю, не услышав ни слова. Так вот почему Праймэйл ни с кем не встречался. Вот та женщина, которую он действительно хотел: эта нужда светилась в его взгляде, в его голосе, углубляющем интонации при обращении к ней, в его теле, которое выбрасывало заряды тепла, когда она была рядом.

И она была беременна. Кормия перевела взгляд на Праймэйла. Беременна, но не его ребенком. Выражение его лица, когда он смотрел на нее через всю комнату, было тоскливым, а не собственническим.

Ах, да. Так вот почему он вмешался, когда поменялись обстоятельства с сыном Бладлеттера. Праймэйл хотел отдалить себя от этой женщины, потому что желал ее, но не мог получить.

Он перенес свой вес с ноги на ногу, уставившись через всю комнату. Затем слегка улыбнулся.

— Сколько минут у тебя осталось?

Женщина... Бэлла... улыбнулась ему в ответ.

— Одиннадцать.

— Чертовски долгое путешествие по коридору со статуями. Возможно, тебе следует выйти прямо сейчас.

— Не думаю, что это займет много времени.

Они смотрели друг на друга. В ее глазах светились привязанность и печаль. А румянец на его щеках говорил о том, что он находил ее прекрасной.

Кормия потянула край ткани ближе к подбородку, укрывая шею.

— Что если я провожу тебя обратно в твою комнату? — сказал Фьюри, подойдя и протянув ей руку. — В любом случае, мне надо повидать Зи.

Женщина закатила глаза.

— Ты просто пользуешься моментом, чтобы уложить меня в постель.

Кормия вздрогнула, когда Праймэйл засмеялся и пробормотал:

— Да, примерно так и есть. И как, сработало?

Женщина усмехнулась и взяла его под руку. Чуть хриплым голосом она сказала:

— Очень хорошо работает. Как обычно с тобой... работает очень хорошо. Я так рада, что ты здесь... неважно как надолго.

Румянец на его щеках стал немного ярче. Затем он взглянул на Кормию.

— Я провожу ее, а потом буду в своей комнате, если вдруг понадобится, хорошо?

Кормия кивнула и проводила их взглядом.

Оставшись одна, она опять опустилась на кровать.

Дева Славная в Забвении... Она чувствовала себя крошечной. Такой крошечной, на этом большом матрасе. Крошечной — в этой огромной комнате. Крошечной — в окружении всех этих цветов и текстур.

Но именно этого она хотела, не так ли? Во время смотрин, она думала о том, что именно здесь хотела бы оказаться.

Но она не предполагала, что столкнется с невидимыми глазу препятствиями.

Оглядывая комнату, Кормия была не в состоянии понять, где находилась, и так скучала по своей маленькой, белой келье на Другой Стороне.

Когда они только пришли сюда, они материализовались в спальне, расположенной рядом с его собственной. Первым делом она подумала о том, что ей нравится, как здесь пахнет. Легким дымком, с примесью темного, пряного аромата специй — она узнала этот запах, его собственный аромат. А ее спальня по соседству подавляла цветами, текстурой, формами.

А потом он провел ее в холл, где у нее перехватило дыхание. По правде говоря, он жил во дворце, фойе которого было таким же большим, как огромные храмы на Другой Стороне. На высоком, словно небо, потолке расцветали картины, изображающие сражающихся Воинов, яркие, как драгоценные камни, которые она боготворила. Когда она положила руки на перила балкона и наклонилась, от вида мозаичного пола внизу закружилась голова.

Она была просто поражена, когда он привел ее в эту комнату.

Она больше не испытывала благоговейного страха. Теперь ее шокировала сенсорная перегрузка. На этой стороне воздух был странным, полным посторонних запахов, от чего в носу стало сухо, и пребывал в непрекращающемся движении. Воздушные потоки задевали ее лицо, волосы и занавеску, которую она обернула вокруг себя.

Кормия взглянула в сторону двери. И звуки здесь были странными. Особняк вокруг нее скрипел, иногда доносились чьи-то голоса.

Сжавшись всем телом, она подтянула под себя ноги и посмотрела на красивый столик, справа от кровати. Есть не хотелось, но она не имела понятия, что бы попросила, если бы была голодна. И она не знала, как пользоваться этим предметом, который он назвал телефоном.

Она услышала рев за окном и повернула голову на звук. На этой стороне жили драконы? Она читала о них, и хотя доверяла словам Фьюри, что здесь она в безопасности, все же боялась того, что не могла видеть.

Возможно, это просто ветер? Она читала об этом раньше, но не была уверена.

Потянувшись, Кормия взяла в руки атласную подушку, одну из четырех, что лежали по углам кровати. Прижав ее к груди, она погладила шелковистые кисточки, пытаясь успокоить себя ощущениями ниточек, пропускаемых через пальцы снова и снова.

Это было ее наказание, решила она, когда почувствовала, как комната давит на нее, подавляет. Вот результат ее желания сбежать с Другой Стороны и жить самостоятельной жизнью.

Сейчас она там, где так хотела быть.

Но ей так хотелось вернуться домой.

Джейн сидела у кухонной плиты с холодной кружкой в руке. Через улицу было видно, как поднимается солнце, его лучи пробивались сквозь ветви деревьев. Вишес покинул ее примерно двадцать минут назад, приготовив перед уходом шоколад, который она только что допила.

Она скучала по нему с какой-то бессмысленной болью, учитывая, сколько времени они провели вместе этой ночью. После того, как Ви поговорил с Мэнни, он вернулся и успокоил ее, сообщив, что ее босс все еще жив, и все его конечности на месте. Затем он обнял ее и держал... и занимался с ней любовью. Дважды.

А теперь он ушел, и солнце должно упасть между ними, словно камень, прежде чем она снова сможет его увидеть.

Конечно, существовали телефоны, электронная почта и смс сообщения, и они увидятся сегодня вечером. Но она хотела большего. Ей хотелось спать рядом с ним, и не только несколько часов, прежде чем он должен будет идти сражаться или возвращаться обратно в особняк.

И если говорить о логистике... Что насчет работы в Колумбии? Еще дальше от него, но разве это имело значение? Он мог оказаться в любом месте в любой момент. Тем не менее, быть от него так далеко, казалось плохой идеей. В конце концов, в него уже стреляли однажды. Что, если ему опять понадобится ее медицинская помощь? Она не сможет оказаться рядом с ним быстро.

Кроме того, что она собирается делать с собственной карьерой? Необходимость руководить была у нее в крови, и переезд в Колумбию был лучшим вариантом в этом плане, хотя возможно пройдет лет пять, прежде чем ее повысят до руководящей должности.

Опять же, если они все еще готовы провести собеседование. Предполагая, что она получит эту работу.

Джейн посмотрела на холодную кружку с шоколадными разводами внутри.

Идея, что пришла к ней, была сумасшествием. Абсолютным сумасшествием. И она оттолкнула ее прочь, как доказательство того, что голова сейчас работает не совсем в правильном направлении.

Встав из-за стола, она поставила кружку в посудомоечную машину, пошла в душ и переделалась. Через полчаса она вышла из своего гаража. Когда Джейн отъезжала, в соседний двор заехал микроавтобус.

Семья. Отлично.

К счастью, поездка через центр города прошла гладко. Когда она выехала на Торговую улицу, машин было мало, и Джейн попадала на зеленый свет на каждом светофоре, пока, наконец, не остановилась на красном напротив офиса журнала Колдвелл Курьер.

Когда она притормозила, зазвонил сотовый. Без сомнения, дежурная служба.

— Уиткоум.

— Здравствуйте, Доктор. Ваш мужчина на линии.

Она улыбнулась. Чертовски широкой улыбкой.

— Привет.

— Привет. — Послышался шорох простыней, как будто Ви ворочался в постели. — Ты где?

— Еду на работу. А ты?

— Валяюсь в кровати.

О, Господи, она могла представить, насколько хорошо он смотрелся на черных простынях.

— Так... Джейн?

— Да?

Его голос стал низким.

— Что на вас надето?

— Медицинская форма.

— Мммммм. Как сексуально.

Она рассмеялась.

— Она практически, как мешок.

— Но не на тебе.

— А что одето на тебе?

— Ничего... и догадайтесь, где сейчас моя рука, Доктор.

Свет сменился, и Джейн пришлось напрячься, чтобы вспомнить, как управлять автомобилем. Едва слышно она спросила:

— Где?

— Между ног. Догадываетесь, на чем она?

О... Господи. Надавив на педаль газа, она спросила:

— На чем?

Он ответил ей, и она чуть не въехала в припаркованный автомобиль.

— Вишес...

— Объясните, что делать дальше, Доктор. Объясните, что я должен делать рукой?

Джейн сглотнула, остановилась... и дала ему подробные инструкции.

Фьюри завернул красный дымок, лизнул бумагу и свернул косячок. Прикурил и откинулся на подушках. Он отстегнул протез, стоявший сейчас напротив прикроватной тумбочки; на мужчине был халат ярко-сине-крово-красной расцветки. Его любимый.

Маленькое мировое соглашение с Бэллой успокаивало его. То, что он находился сейчас здесь, тоже успокаивало его. Немного красного дымка успокаивало его еще больше.

А вот перспектива соскребать Директрикс с потолка — не очень.

Эта женщина заявила в особняк спустя примерно полчаса, после того как он и Кормия пришли сюда с Другой Стороны, и навела шороху по поводу пропажи одной из ее Избранных. Фьюри принял ее в библиотеке, и в присутствии Рофа объяснил, что все в порядке: он просто передумал и захотел вернуться сюда еще на какое-то время.

Директрикс не была очарована. Надменным, плохо поставленным голосом, она сообщила ему, что как представитель всех Избранных, она требует, чтобы ей дали поговорить с Кормией по поводу того, что произошло в храме, с целью выяснить завершена ли церемония Праймэйла или нет.

Фьюри решил, что она ему очень не понравилась в этот момент. Ее злобный и расчетливый взгляд говорил о том, что она была в курсе, что секс не состоялся, и у него сложилось впечатление, что она интересовалась подробностями только для того, чтобы наброситься на Кормию — вот чего она с таким нетерпением ждала.

Будто он допустит такое. С улыбкой на лице, Фьюри поставил ее на место, напомнив этой суке, что Праймэйл ей не подчиняется, и что он и Кормия вернутся на Другую Сторону, только когда он, черт возьми, будет полностью убажен. И ни минутой раньше.

Нет смысла описывать ее реакцию, он ударил по ее самому больному месту, и она прекрасно это понимала. Ее глаза искрились ненавистью, когда она поклонилась и дематериализовалась.

Да катись она к своим родственникам в ад, вот такое у него было к ней отношение. Более того, он серьезно задумывался о том, чтобы избавиться от нее. Он пока не знал, как это сделать, но ему не хотелось, чтобы кто-то подобный ей, занимал эту должность. Она была подлой.

Фьюри затянулся и задержал красный дымок в легких. Он не знал, как долго сможет продержаться здесь Кормия. Господи, сейчас он лишь знал, что девушка уже хотела вернуться обратно. Но он также знал, что если она и уйдет отсюда, то только по собственной воле, а не потому, что ее заставит какая-то сумасшедшая.

А что насчет него самого? Ну... часть него все еще хотела исчезнуть из особняка, но Кормия была своего рода буфером. Кроме того, они могли бы вернуться на Другую Сторону вместе и остаться там на какое-то время.

Он выдохнул и рассеянно потер правую ногу там, где она заканчивалась, ниже колена. Она болела, как и обычно, ближе к утру.

Стук в дверь удивил его.

— Войдите.

Он догадался, кто это был по тому, как открылась дверь: медленно, и совсем чуть-чуть.

— Кормия, это ты? — Он сел, накинув одеяло на ногу.

В двери показалась светловолосая головка, остальное тело так и осталось в коридоре.

— Ты в порядке? — спросил он.

Она покачала головой, заговорив на древнем языке:

— Если это не оскорбит Вас, я могу войти в Ваши покои, Ваша Светлость?

— Конечно. И тебе не обязательно соблюдать формальности.

Девушка проскользнула внутрь и закрыла за собой дверь. Она казалась такой хрупкой, завернувшись в эту белую ткань, что больше походила на подростка, чем на взрослую женщину, которая прошла изменение.

— Что случилось?

Вместо того, чтобы ответить ему, она молчала, опустив глаза и обняв себя руками.

— Кормия, поговори со мной. Скажи мне, что происходит?

Она низко поклонилась и в такой позе начала говорить:

— Ваша Светлость, я...

— Без формальностей. Пожалуйста. — Фьюри начал подниматься с постели, но потом вспомнил, что на нем не было протеза. Он откинулся обратно, не зная, как она отреагирует, узнав, что у него отсутствует часть тела. — Просто поговори со мной. Что тебе нужно?

Она прочистила горло.

— Я ведь ваша супруга, не так ли?

— Ммм... да.

— Тогда разве я не должна оставаться с вами в ваших покоях?

Его брови взлетели вверх.

— Я думал, для тебя будет лучше, если у тебя будет отдельная комната.

— О.

Он нахмурился. Конечно же, она не хотела оставаться с ним.

Молчание затянулось, и он подумал, что она все-таки хочет.

Он почувствовал себя чертовски неловко, когда сказал:

— Я думаю, если хочешь... ты можешь оставаться здесь. Я имею в виду, мы могли бы сделать так, что сюда принесут еще одну кровать.

— А что не так с вашей?

Она хочет спать с ним? Почему... о, ну, хорошо.

— Кормия, тебе не надо волноваться, что Директрикс или еще кто-то подумает, что ты не

выполнила свой долг. Никто не будет знать, что ты здесь делала.

Или не делала, так будет вернее.

— Дело не в этом. Ветер... по крайней мере, мне кажется, что это ветер... это он колотит дом, не так ли?

— Ну, да, сегодня бурная ночь. Но мы практически в каменной крепости.

Он ждал, когда она продолжит, но Кормия по-прежнему молчала, и тогда его осенило. Боже, какой же он невежественный ублюдок! Он забрал ее из единственного мира, который она знала всю свою жизнь, и бросил в совершенно новую среду. Она была шокирована тем, что он считал обычным делом. Как она могла чувствовать себя в безопасности, когда не знала, какие звуки были опасны, а какие нет?

— Послушай, ты хочешь остаться здесь? Я не против. — Он посмотрел вокруг, пытаясь решить, куда поставить дополнительную кровать. — Здесь достаточно места для раскладной кровати.

— Твоя кровать мне подходит.

— Хорошо, тогда я буду спать на раскладной.

— Почему?

— Потому что не хочу спать на полу.

Между окнами было немного расстояния, он мог бы попросить Фритца...

— Но твоей кровати хватит места для нас двоих.

Фьюри медленно повернул к ней голову. Затем моргнул.

— А... да.

— Мы разделим ее. — Ее глаза все еще были опущены в пол, но в голосе слышался интригующий намек на силу. — И, по крайней мере, я смогу сказать, что лежала с вами.

А, вот в чем дело.

— Хорошо.

Кормия кивнула и обошла кровать с другой стороны. Скользнув между простынями, она свернулась в клубок и повернулась к нему лицом. Что было удивительно. Как и то, что она не закрыла немедленно глаза и не притворилась, что засыпает.

Фьюри затушил косяк и подумал о том, что сделает им обоим большое одолжение, если будет спать поверх одеяла. Но прежде ему нужно попасть в туалет.

Вот черт.

Ну, она в любом случае когда-нибудь узнает, что у него нет ноги.

Он отодвинул в сторону одеяло, потянулся за тростью, и встал. Когда он слышал ее шипящее дыхание и почувствовал на себе ее взгляд, то подумал: «Боже, она, должно быть, в ужасе». Как Избранная, она привыкла к совершенству.

— У меня нет ноги...

— Д-да.

— Но это не проблема.

При условии, что протез правильно установлен и хорошо работает.

— Я скоро вернусь.

Он с облегчением закрыл дверь ванной и провел там больше времени, чем обычно, когда чистил зубы зубной нитью и пользовался туалетом. Начав переставлять Q-Tips¹⁴³ и Мотрин в аптечном шкафу, Фьюри понял, что пора идти обратно.

Он открыл дверь.

Кормия была ровно на том месте, где он ее оставил: все еще на краю постели, лицом к нему и с открытыми глазами.

Пока он шел через комнату, ему хотелось, чтобы она перестала на него смотреть. Тем более

что он растянулся поверх одеяла, и ничто не скрывало его ногу. Накрыв себя уголком покрывала, он попытался устроиться поудобнее.

Это никак его не устраивало. Он замерзнет, если его нижняя часть останется открытой.

Быстрым взглядом он измерил участок матраса между ними. Огромный, как футбольное поле. Так много места, что она практически находилась в другой комнате.

— Я собираюсь выключить свет.

Когда ее голова двинулась вверх и вниз по подушке, он выключил лампу... и скользнул под одеяло.

В черной пустоте он застыл рядом с ней. Господи... Он никогда ни с кем не спал в одной кровати. Ну, единожды, когда у Бэллы была жажда, он оказался в одной кровати с Бутчем и Ви, но только потому, что их вырубило. Кроме того, они были мужчинами, а... ну, Кормия определенно была не мужского пола.

Он глубоко вдохнул. Да, ее жасминовый аромат сносил крышу.

Закрыв глаза, он был готов поклясться, что ей было так же тяжело и неловко, как и ему. Господи, это будет долгий день. Все-таки, надо было взять дополнительную кровать.

— Вишес, ты не мог бы перестать скалиться? Ты начинаешь меня бесить.

Ви продемонстрировал Бутчу неприличный жест через кухонный стол и продолжил пить кофе. Скоро наступит ночь, и значит, через... двадцать восемь минут... он будет свободен.

В ту же секунду, как выйдет наружу, он собирался появиться у Джейн дома и притащить с собой какую-нибудь романтическую фигну. Ви не был уверен, что именно, возможно, цветы или что-то еще. Итак, цветы и он, устанавливающий систему безопасности. Ведь ничто убедительнее ни заверит в любви, чем хренова туча детекторов движения.

Господи, он становится подкаблучником. На полном серьезе.

Джейн говорила ему, что будет дома около девяти, поэтому Ви решил, что немного украсит ее спальню и продлит свой визит до полуночи.

Только вот из-за этого, на охоту у него оставалось лишь пять часов.

Бутч перевернул спортивный раздел газеты, наклонился, чтобы поцеловать Мариссу в плечо, и вернулся к чтению «Колдвелл Курьер Жорнал». В ответ она взглянула на него украдкой, отрываясь от бумажной работы по Безопасному Месту, погладила по руке и вернулась к делам. На ее щеках красовались свежие отметины от укусов, а лицо светилось радостью очень довольной женщины.

Ви вздрогнул и посмотрел на свой кофе, поглаживая эспаньолку. Он подумал, что у них с Джейн такого не будет никогда, потому что они никогда не будут жить вместе. Даже если бы он покинул Братство, из-за солнца он не смог бы просто вломиться к ней домой днем, и ее приход сюда тоже едва ли был бы возможен по причине разоблачения. Риском было уже то, что она знала о существовании расы. Больше общения, больше деталей, больше времени проведенного с Братством — все это не было хорошей или безопасной идеей.

Взяв кружку, Ви откинулся в кресле, беспокоясь о будущем. Им с Джейн было хорошо вместе, но вынужденные расставания в будущем наверняка негативным эхом отзовутся на отношениях. Он уже предчувствовал напряжение, которое возникнет при прощании, ожидающем их сегодня ночью.

Он хотел, чтобы Джейн была также близка к нему, как собственная кожа, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Звук ее голоса по телефону лучше, чем ничего, но этого недостаточно, чтобы удовлетворить его. Но разве были другие варианты?

Вновь раздался шелест бумаги «ККЖ» в руках Бутча. Боже, у него была ужасная манера чтения газет, он постоянно сминал страницы, грубо сгибая их. То же было и с журналами. Бутч не столько их читал, сколько терзал своими руками.

В процессе терроризирования статьи о весенней тренировке, Бутч снова посмотрел на Мариссу, и Ви понял, что эти двое скоро уйдут — и вовсе не из-за того, что допили свой кофе.

Забавно, он знал о том, что произойдет, просто наблюдая, а не благодаря своим видениям или чтению мыслей: от Бутча исходил связующий аромат, и Мариссе нравилось быть со своим мужчиной. Не потому что в своем видении Ви увидел их, закрывшимися в кладовке или в спальне в Яме.

Джейн была единственной, чьи мысли он мог читать, да и то лишь изредка.

Ви потерял свою грудь и подумал о высказывании Девы-Летописицы, о том, что его видения и возможности предсказания стали нечеткими из-за того, что он находится на перекрестке жизненного пути, и, когда выберет свою дорогу, способности вернуться к нему. Вся соль в том, что он нашел Джейн, то есть уже выбрал свой путь, верно? Он нашел свою женщину. Он был с ней. Конец истории.

Ви глотнул еще кофе. И продолжил потирать грудь.

Кошмар снова вернулся этим утром.

И он больше не мог списывать этот чертов сон на посттравматический стресс. Он решил что это была не аллегория, его подсознание бунтовало против того факта, что он все еще не контролировал свою жизнь. Потому что влюбился.

В этом должна крыться причина. Должна.

— Десять минут, — прошептал Бутч на ухо Мариссе. — Могу я получить десять минут наедине с тобой, до того как ты уйдешь? Пожалуйста, детка...

Ви закатил глаза, его успокаивал этот раздражающий лепет влюбленных. В конце концов, тестостерон в нем еще не иссяк.

— Детка... пожалуйста?

Ви взялся за кружку.

— Марисса, брось ты этому ублюдку кость. Его глуповатые ухмылки действуют мне на нервы.

— Ну, мы же не можем этого допустить, так ведь? — Марисса со смехом собрала бумаги и стрельнула взглядом в Бутча. — Десять минут. И лучше бы ты их считал.

Бутч вскочил со стула, словно его задница вспыхнула адским пламенем.

— Я всегда их считаю.

— Ммм... да.

Когда они сомкнули губы, Ви фыркнул.

— Веселитесь, ребяташки. Но где-нибудь в другом месте.

Как только они ушли, вбежал Зейдист, будто за ним будто за ним гналась сама смерть с косой и в капюшоне.

— Черт. Черт... черт...

— Что случилось, брат?

— У меня урок и я опаздываю. — Зейдист схватил кусок хлеба, ножку индейки из холодильника и квартиру мороженого из морозилки. — Черт.

— Это твой завтрак?

— Заткнись. Это почти сэндвич с индейкой.

— Роки Род¹⁴⁴ нельзя рассматривать как майонез, брат.

— Какая разница. — Он помчался обратно к двери. — О, кстати, Фьюри снова здесь, и он привел эту Избранную с собой. Подумал, ты захочешь знать, если наткнешься на шатающуюся по дому гражданскую.

Опа. Неожиданно.

— Как он?

Зейдист остановился.

— Я не знаю. Не распространяется насчет этого дерьма. Не очень многословен. Ублюдок.

— О, и ты кандидат на «Точку зрения»¹⁴⁵?

— Сразу после тебя, Баб Уолтерс¹⁴⁶.

— Туше¹⁴⁷. — Ви покачал головой — Блин, я у него в долгу

— Да, в долгу. Мы все у него в долгу. Мы все ему обязаны.

— Подожди, Зи. — Ви бросил через комнату ложку, которой размешивал сахар. — Тебе это понадобится, правда.

Зи поймал ложку на лету.

— О, как я ее упустил. Спасибо. Боже, моя голова забита мыслями о Бэлле, понимаешь меня?

Дверь захлопнулась за ним.

В тишине кухни Ви сделал еще один глоток из кружки. Кофе уже остыл, его тепло испарилось. Через пятнадцать минут он будет просто ледяным.

Невозможно это пить.

Да уж... он знал, каково это — постоянно думать о своей женщине.

Знал из первых рук.

Кормия почувствовала, как дернулась кровать, когда Праймэйл перевернулся. Снова.

Так продолжалось уже много часов. Она не спала весь день и была уверена, что он тоже не спал. Он хотя бы шевелился, пока лежал.

Что-то пробормотав, он дернулся, как будто ему было неудобно, и Кормия забеспокоилась, что мешает ему... но не смогла понять каким именно образом. Она не шевелилась с тех пор как пришла.

Но самое странное: ей было уютно в его присутствии, несмотря на его неугомонность. Осознание того, что он лежит на другой стороне кровати, успокаивало ее. Она чувствовала себя в безопасности рядом с ним, хотя совсем его не знала.

Праймэйл снова пошевелился, вздохнул и...

Кормия подпрыгнула, когда его рука опустилась на ее руку.

Как и все его тело. В его горле родился низкий рокот, он издал какой-то вопросительный звук, потом пробежался пальцами вверх и вниз, будто пытался понять, что находится рядом с ним на кровати.

Она ожидала, что он уберет руку.

Вместо этого он притянул ее ближе.

Губы Кормии раскрылись в удивлении, когда из его груди вырвался глубокий звук, и он выбрался из-под простыней. Его ладонь переместилась с ее руки на талию. И затем, словно она прошла какую-то проверку, он оказался на ней, раздвигая коленом ее ноги, нечто толстое и тяжелое прижалось к ее бедру. Его рука начала двигаться, и не успела Кормия и подумать, как почувствовала, что ткань, прикрывавшая ее тело, исчезла.

Мужчина зарычал еще громче и притянул ее к себе так, что она почувствовала твердую длину между своих бедер. Кормия ахнула, но не было времени, чтобы среагировать или подумать. Его губы нашли ее горло, и он начал ласкать ее, пробуждая тепло во всем теле. А потом его тело начало действовать. Он двигался вперед и назад, вызывая трепет между ногами, и темное желание цветком распускалось в ее животе.

Без предупреждения его руки подняли ее и перевернули на спину, его роскошные волосы упали на ее лицо. Он находился между ее ног, взобравшись на нее, лаская ее плоть своим возбуждением. Он казался таким огромным, но она не боялась и не чувствовала себя в ловушке. Что бы ни происходило между ними, она хотела этого. Она этого... жаждала.

Кормия интуитивно положила руки ему на спину. Его мощные мышцы с огромной силой перекачивались под шелковым халатом. Когда она коснулась его, он снова зарычал, словно ему нравились ее прикосновения. Как только она захотела почувствовать его голую кожу, он поднялся и стянул ткань.

Праймэйл лег на бок, взял ее пальцы в свои и потянул сплетенные руки между их тел. К своей плоти.

Как только она коснулась его, их дыхание участилось. На мгновение ее поразило его тепло,

твердость и размер... а также нежность его кожи... и мощь, которую таила в себе его плоть. Она бессознательно обхватила его, и шокирующая огненная вспышка охватила ее бедра.

Но тут он вскрикнул, его бедра дернулись вперед, и то, что было в ее в руке, задрожало. Что-то теплое вырвалось из него прямо на ее живот.

О, Славная Дева, неужели она причинила ему боль?

Фьюри очнулся верхом на Кормии, держащей его член в своей руке. Его оргазм был в самом разгаре. Он пытался остановить свое тело, борясь с пронзавшими его эротическими разрядами, но не мог прекратить это, даже зная, что извергается на нее.

Как только все закончилось, он убрал ее руки. И стало лишь хуже.

— Мне так жаль, — сказала она, уставившись на него с ужасом.

— Почему? — Черт, его тон был грубым. А ведь это ему нужно было просить прощения.

— Я причинила тебе боль... у тебя пошла кровь.

О, черт возьми.

— Ммм... это не кровь.

Фьюри откинул покрывало в сторону и только тогда понял, что был совершенно голым. Он начал шарить по кровати в поисках халата и, натянув чертову тряпку, схватил трость и слетел с кровати, направляясь в ванную за полотенцем.

Когда он вернулся к ней, то думал лишь о том, как ей хочется смыть эту дрянь с себя. Да, натворил он дел.

— Позволь мне... — он заметил ткань на полу. О, прекрасно, она тоже голая. Фантастика. — Хотя, может, ты сама это сделаешь?

Он отвернулся, протягивая ей полотенце.

— Возьми это. Вытрись.

Краем глаза он наблюдал ее неловкие попытки вытереться под покрывалом, его заполнило отвращение к самому себе. Черт подери... Он просто извращенец, раз так накинудся на бедную женщину.

Когда она протянула ему полотенце, он сказал:

— Ты не можешь оставаться со мной. Это не правильно. До тех пор пока мы здесь, ты будешь жить в другой комнате.

Последовала небольшая пауза. Затем Кормия ответила:

— Да, Ваша Светлость.

С наступлением ночи Джон был в тренировочном зале, в ряду с остальными учениками, держа кинжал в правой руке, а ноги в боевой позиции. Когда Зейдист свистнул сквозь зубы, Джон и все остальные начали отрабатывать упражнение: взмах оружием от груди, обратный маневр кинжалом под углом, шаг вперед и удар под грудную клетку.

— Джон, будь внимательней!

Черт, он все к дьяволу провалил. Снова. Чувствуя себя совершенно слепым и почти бесполезным, он пытался подобрать свой ритм, но у него был нулевой баланс, а руки и ноги просто не слушались.

— Джон... остановись. — Зейдист подошел к нему сзади и скрестил руки на груди. Снова. — Сделаем это еще раз. Сударыни, боевая готовность.

Джон приготовился, дождался свистка... и облажался. Снова.

Когда Зейдист подошел к нему в очередной раз, Джон не смог взглянуть Брату в глаза.

— Давай кое-что попробуем. Зи взял клинок и вложил его Джону в левую руку. Джон покачал головой. Он все время пользовался правой рукой.

— Просто попробуй. Леди? За дело.

Очередная боевая позиция. Очередной свисток. Очередной облом...

Но в этот раз его не было. Каким-то чудом тело Джона отработало все движения, как по маслу. Все маневры вышли синхронными, его руки и ноги были там, где и полагалось, ладонь идеально контролировала кинжал, мышцы объединились и заработали как единое целое.

Когда упражнение было завершено, он улыбался. Пока не встретился взглядом с Зи. Брат смотрел на него как-то странно, но потом, казалось, взял себя в руки.

— Лучше, Джон. Намного лучше.

Джон посмотрел на лезвие. У него мелькнуло быстрое, болезненное воспоминание о том, как он провожал Сэйрелл к машине за пару дней до ее убийства. Если бы он тогда был рядом с ней, ему бы хотелось иметь при себе кинжал. Без него ладонь казалась слишком легкой. В то время кинжал был бы в его правой руке. Почему это изменилось после превращения?

— И снова, дамочки! — выкрикнул Зи.

Они отработали связку еще двадцать три раза. Потом приступили к другой, в которой приходилось опускаться на одно колено и делать стремительный выпад вверх. Зи ходил вдоль рядов, исправляя позиции и выкрикивая команды.

Ему не приходилось исправлять Джона. Все встало на свои места, и у него все получалось как надо.

Занятие завершилось, и Джон было направился в раздевалку, но Зи позвал его обратно и привел в комнату с инвентарем, к закрытому шкафу, в котором хранились тренировочные кинжалы.

— С сегодняшнего дня ты будешь пользоваться этим. — Зи передал ему кинжал с синей рукояткой. — Он сбалансирован для левой руки.

Джон испробовал его и почувствовал себя еще сильнее. Он как раз собирался поблагодарить Брата, но тут увидел его хмурый взгляд. Зи смотрел на него с тем же странным выражением, что и в тренировочном зале.

Джон спрятал кинжал за пояс штанов и спросил: «Что? Разве это плохая позиция?»

Зи провел рукой по коротко стриженному черепу.

— Спроси меня, сколько левшей встречается среди Воинов?

Дыхание Джона замерло, странное чувство навалилось на него. «Сколько?»

— Известен лишь один. Спроси меня, кто он был?

«Кто он был?»

— Дариус. Ди был левшой.

Джон посмотрел на свою левую руку. Его отец.

— Ты и двигаешься, как он, — пробормотал Зи. — Честно говоря, это охрененно жутко. Как будто я смотрю на него.

«Правда?»

— Да. Он был гибким. Как и ты. Ну да ладно. Проехали. — Зи хлопнул его по плечу. — Левша. Кто бы мог подумать?

Джон наблюдал за тем, как уходит Брат, затем вновь взглянул на свою ладонь.

Уже не в первый раз он задумывался над тем, как выглядел его отец? Какой у него был голос? Как он двигался? Боже, чего бы он только не дал за информацию о нем.

Возможно, когда-нибудь он сможет спросить Зейдиста. Но он боялся своих чувств.

Если бы только был другой путь.

Джейн загнала машину в гараж и выругалась, заглушив мотор. Одиннадцать — тридцать четыре. Она должна была встретиться с Ви, у себя дома, два с половиной часа назад.

Ей пришлось повременить с отъездом из-за экстренного дела. Она уже оделась и собралась, когда возле дверей ее выловил медицинский персонал, заваливая вопросами. Потом одному из пациентов стало хуже, и ей пришлось обследовать женщину, а после — говорить с ее семьей.

Она отправила Вишесу смс, известив, что у нее дела. Потом снова — что ей придется остаться еще дольше. Он поддержал ее, сказав, что все в порядке.

Но, позвонив, чтобы сообщить, что застряла на объездной дороге, она услышала голосовую почту.

Когда гаражная дверь закрылась, Джейн вышла из машины. Она была очень рада видеть Вишеса, но также очень измотана. Прошлой ночью они занимались тем, что не включает в себя сон. И у нее выдался длинный день.

Войдя через кухню, она сказала:

— Мне так жаль, что я опоздала.

— Не страшно, — ответил он из гостиной.

Она зашла за угол... и замерла. Вишес сидел на диване в темноте, закинув ногу на ногу. Его кожаная куртка лежала рядом, так же, как букет лилий. Он был спокоен, словно замерзшее озеро.

Черт.

— Привет, — сказала она, бросая пальто и сумку на обеденный стол ее родителей.

— Привет. — Он поставил ноги прямо и уперся локтями в колени. — В больнице все нормально?

— Да. Просто много дел. — Она села рядом с цветами. — Они прекрасны

— Они для тебя.

— Мне, правда, жаль...

Он остановил ее жестом.

— Не стоит. Я могу себе представить, каково это.

Смерив его взглядом, она знала, что он не пытается обвинить ее или что-то еще; он был просто разочарован. Что, каким-то образом, заставило ее почувствовать себя только хуже. Одно

дело, если бы он вспылел, но слышать столь тихое согласие от такого сильного мужчины было невыносимо.

— У тебя усталый вид, — сказал он. — Я думаю, самое хорошее, что я могу сделать, это отнести тебя в постель.

Она откинулась назад и осторожно погладила указательным пальцем один из цветков. Ей понравилось, что он предпочел не обычные розы или даже белые лилии. Эти были насыщенного персикового цвета. Необычные. Красивые.

— Я думала о тебе сегодня. Много.

— Правда? — Хотя Джейн и не смотрела на него, она почувствовала улыбку на его лице. — О чем же ты думала?

— Обо всем. Ни о чем. Как бы мне хотелось спать рядом с тобой каждую ночь.

Она не сказала ему, что отказалась от возможности уехать в Колумбию. Упускать ее казалось неправильным, но попытка устроится в Нью-Йорке, где у нее было бы еще больше обязанностей, тоже не казалась Джейн верным решением, ведь ее целью было проводить больше, а не меньше времени с Ви. Она все еще хотела руководить, но ради того чтобы получить желаемое необходимо чем-то жертвовать. А слова о том, что можно иметь все и сразу, — всего лишь заблуждение. Зевок подкатил к ее горлу, и она открыла рот. Черт, она устала.

Ви встал, протягивая ей руку.

— Пойдем. Ты можешь поспать рядом со мной немного.

Джейн позволила повести себя наверх, раздеть и затолкать в душ. Она ждала, что Ви присоединится к ней, но он покачал головой.

— Если я начну это дело, то ты не уснешь в ближайшие два часа. — Его глаза опустились на ее грудь и вспыхнули ярким светом. — О... Черт... Я просто... Черт, я просто подожду тебя снаружи.

Она улыбнулась, когда он закрыл стеклянную дверцу душа, и его тень направилась в сторону спальни.

Через десять минут она вышла вымытая, расчесанная и в одной из своих ночных рубашек.

Вишес поправил одеяло, уложил подушки и откинул покрывало

— Ложись, — скомандовал он.

— Ненавижу приказы, — пробормотала она.

— Но ты будешь подчиняться моим. Время от времени. — Он хлопнул ее по попке, когда она проскользнула мимо. — Устраивайся поудобнее.

Она разложила все так, как ей хотелось, он обошел кровать и лег поверх одеяла. Когда Ви положил руку ей под голову и придвинул к себе, она подумала: «Боже, как же хорошо он пахнет». И руки, которые успокаивающе гладили ее талию, были божественны.

Через некоторое время она сказала в темноту:

— Ну, мы сегодня потеряли пациента.

— Черт, мне жаль.

— Мда... ее невозможно было спасти. Иногда это чувствуешь. Конкретно с ней? Я это знала. Мы сделали все, что было в наших силах, но все-таки... мда, я знала, что нам не удастся ее спасти.

— Это должно быть трудно.

— Ужасно. Именно я сказала ее семье, что она не выживет, но, по крайней мере, они были с ней, когда она скончалась, и это хорошо. А моя сестра? Ханна умерла в одиночестве. Ненавижу это. — Джейн представила себе молодую женщину, чье сердце остановилось сегодня. — Смерть — странная штука. Большинство людей думают, что она похожа на «включить/выключить», но в большинстве случаев сам процесс напоминает закрытие магазина в конце дня. Как правило, все

происходит предсказуемым образом, пока последняя лампа не будет погашена и двери закрыты на замок. Как доктор, я могу вмешаться, прерывая процесс, зашить раны, перелить кровь или заставить тело выполнять свои функции при помощи лекарств. Но порой... порой продавец просто уходит, и остановить его невозможно, что бы ты не делал. — Она наигранно усмехнулась. — Извини, не хочу показаться сумасшедшей.

Он дотронулся до ее лица.

— Это не так. Ты удивительная.

— Ты судишь предвзято, — сказала она, перед тем как зевнула так широко, что ее челюсти хрустнули.

— Я прав, — он поцеловал ее лоб. — А теперь спи.

Она, должно быть, послушалась его, так как через некоторое время почувствовала, что он уходит.

— Не уходи.

— Я должен. Я патрулирую центр города.

Он поднялся, огромный мужчина... э, вампир, на его темных волосах отражался свет уличных фонарей, расположенных перед домом.

Волна грусти нахлынула на нее, и она закрыла глаза.

— Эй, — позвал он, присаживаясь рядом. — Завязывай с этим. Мы не грустим. Ты и я? Мы не грустим. Ничего подобного.

Джейн неловко засмеялась.

— Как ты догадался, что я чувствую? Или я выгляжу настолько жалко?

Он постучал по носу.

— Я чувствую это. Весенний дождь, вот на что похож этот запах.

— Ненавижу прощаться.

— Я тоже. — Он наклонился и коснулся губами ее лба. — Вот. — Ви стянул с плеч свою рубашку с длинными рукавами, смял ее и подложил ей под щеку. — Представь, что это я.

Она глубоко вздохнула, и, уловив его связующий запах, немного успокоилась. Когда он встал, то выглядел таким сильным в спортивной майке, непобедимым, как супергерой. Но он существовал на самом деле.

— Пожалуйста... будь осторожен.

— Всегда. — Он наклонился и поцеловал ее еще раз. — Я люблю тебя.

Когда он отстранился, она потянулась и схватила его за руку. Слова не значили ничего, но это молчание говорило о многом.

— Я тоже не хочу уходить, — ответил он грубо. — Но я вернусь. Обещаю.

Он снова поцеловал ее и направился к двери. Слушая, как Ви спускается вниз за курткой, она поднесла его рубашку к лицу и закрыла глаза.

Выбрав чертовски неподходящее время, гаражная дверь соседней квартиры начала с шумом открываться. На полпути она застряла, мотор завывал так, что изголовье кровати Джейн завибрировало.

Она оттолкнула подушку и перекатилась, готовая закричать.

Вишес тоже не казался счастливым туристом, натягивая свою кобуру с кинжалами. Он отвлекся, был раздражен, все чертовски болело, отчаянно хотелось закурить и вернуть себе свое хладнокровие перед тем, как отправиться в центр.

Он чувствовал себя разбитым и разбалансированным, будто на одном плече весел тяжелый вещевой мешок.

— Вишес, подожди! — послышался сверху голос Джейн, как раз когда он собрался дематериализоваться. — Подожди!

Ее шаги застучали по лестнице, и она появилась из-за угла, его рубашка была настолько велика, что свисала почти до коленей.

— Что...

— У меня идея. Это безумие. Но она не лишена логики. — Он не видел никого прекрасней ее — с румянцем на щеках и решимостью, светящейся в глазах.

— Что если я перееду к тебе?

Он покачал головой.

— Я хочу, но...

— И стану личным хирургом Братства.

Черт... побери...

— Что?

— Вам действительно нужно иметь одного на своей стороне. Ты рассказывал о сложностях с тем парнем, Хэйверсом. Ну, так я могу их решить. Я бы могла нанять медсестру для помощи, модернизировать помещение и возглавить его. Ты говорил, в Братстве происходит минимум три-четыре травмы в неделю, так? В довершение, Бэлла беременна, и, возможно, в скором будущем появятся еще дети.

— Черт... Ты хочешь уйти из больницы, так ведь?

— Да, но я получу кое-что взамен.

Он покраснел.

— Меня?

Она засмеялась.

— Ну, да. Конечно. Но есть еще кое-что.

— Что?

— Возможность систематически изучать твою расу. Моя другая большая страсть — генетика. Если бы мне пришлось провести два ближайших десятилетия, зашивая вас, подмечая отличия между вампирами и людьми, я бы сказала, что моя жизнь удалась. Я хочу узнать, откуда вы произошли, как устроены ваши тела и почему у вас не бывает рака. Есть много важных вещей, которые необходимо изучить, Вишес. Вещей, которые смогут помочь обеим расам. Я не говорю о вас как о лабораторных крысах... Ну, может и говорю. Но не в плохом смысле. Не в том смысле, каком я думала раньше. Я люблю тебя, и я хочу учиться у тебя.

Ви уставился на нее и, казалось, забыл, как дышать.

Она вздрогнула и сказала:

— Пожалуйста, скажи д...

Он прижал ее к своей груди.

— Да. Да... если Роф согласится, и ты этого хочешь... да.

Она обняла его за талию и с силой прижала к себе.

Черт побери, возникло такое чувство, будто он парит над землей. Он был целым, единым с мыслями, сердцем и телом, все в нем работало правильно, как новенький Кубик Рубика, он был в идеальном состоянии.

Ви был готов удариться в сентиментальность, когда зазвонил телефон. Выругавшись, он вытащил его из-за пояса и рявкнул:

— Что? У Джейн. Ты хочешь встретиться здесь? Сейчас? Да. Черт. Окей, увидимся через две минуты, Голливуд.

Он захлопнул Рейзер.

— Это Рейдж.

— Как ты думаешь, мы сможем организовать переезд для меня?

— Думаю, да. Честно говоря, Рофу станет спокойнее, если ты будешь в нашем мире. — Он

провел пальцами по ее щеке. — И мне тоже. Просто я никогда не думал, что ты откажешься от своей жизни.

— Но я не отказываюсь от нее. Просто немного меняю, но не отказываюсь. То есть я... у меня не так уж и много друзей.

Кроме Манелло.

— И меня ничего не держит. Я в любом случае собиралась сменить Колдвелл на Манхеттен. К тому же... с тобой я буду намного счастливее.

Он посмотрел на ее лицо, любуясь строгими чертами, короткими волосами и яркостью зеленых глаз.

— Ты же знаешь, я бы никогда не стал просить тебя... бросить все ради меня.

— И это только одна из причин, по которым я люблю тебя.

— Ты расскажешь мне потом другие?

— Может быть. — Она скользнула рукой между его ног, что заставило Вишеса сделать глубокий вздох. — А может даже и покажу.

Он накрыл ее рот своим, просунув в него язык, прижал ее своим телом к стене. Ему было наплевать, если на лужайке перед домом его ждал Рейдж...

Зазвонил телефон. И звонок все не прекращался.

Ви поднял голову и посмотрел сквозь окно у входной двери. Рейдж стоял на лужайке перед домом, с телефоном возле уха, смотря на Ви в ответ.

Брат демонстративно взглянул на часы, а потом показал Ви средний палец.

Долбанув кулаком в стену, Ви оторвался от Джейн.

— Я приду в конце ночи. Будь голой.

— А может, лучше ты сам разденешь меня?

— Нет, потому что я порву всю одежду в клочья, а мне хочется, чтобы ты спала в этой рубашке каждую ночь, пока ты в постели со мной. Будь. Голой.

— Посмотрим.

Все его тело завибрировало от вопиющего неподчинения. И она знала это, ее взгляд стал серьезным и эротичным.

— Боже, я люблю тебя, — выдохнул Ви.

— Я знаю. А теперь беги и убей кого-то. Я буду ждать тебя.

Он улыбнулся ей.

— Я не смог бы любить тебя сильнее, даже если бы захотел.

— Я тоже.

Он поцеловал ее и дематериализовался возле Рейджа, убедившись в том, что мис на месте. Замечательно. Шел дождь.

Боже как бы он хотел сейчас быть с Джейн, а не стоять рядом с братом. Он не удержался и бросил убийственный взгляд на Рейджа.

— Можно подумать, еще пять минут убили бы тебя.

— О, я тебя прошу. Если бы ты пошел по той дорожке со своей женщиной, я бы состарился на этой лужайке.

— Ты что...

Ви нахмурился и посмотрел на соседнюю с Джейн квартиру. Гаражная дверь застряла на полпути, стоп-сигналы светились из-под нее. Послышался шум закрывающейся двери, и легкий ветер донес нечеткий запах сладости, как будто сахарную пудру рассыпали по ветру.

— О... Боже, нет.

В этот самый момент Джейн распахнула входную дверь и выбежала, его куртка была у нее в руках, а рубашка колыхалась позади.

— Ты забыл это!

Все пробелы собрались в кучу, все то, что он видел лишь частями. Его сны воплотились в реальность.

— Нет! — закричал он.

Происходящее растянуло секунды в века: Рейдж, смотрящий на него, как на сумасшедшего. Джейн, бегущая по траве. Он, опускающий мис, когда страх сокрушил его.

Лессер, выныривающий из-под гаражной двери с пистолетом.

Выстрел был беззвучным за счет глушителя. Ви бросился к Джейн, стараясь загородить ее своим телом.

Но не успел. Пуля попала в спину, и прошла насквозь через ее грудь, попадая в его руку. Он поймал Джейн, пока она падала, и его собственная грудь запылала от боли.

Когда они рухнули на землю, Рейдж погнался за убийцей, но Ви это едва ли заметил. Перед глазами стоял его кошмар: кровь на его рубашке. Его сердце кричало в агонии. Смерть пришла... но не за ним. За Джейн.

— Две минуты, — прохрипела она между вздохами, когда ее рука упала на грудь. — У меня меньше двух... минут.

Должно быть, задета артерия, и она это знала.

— Я скоро...

Она покачала головой и взяла его руку.

— Останься. Черт... я не хочу...

Сделай это. Скажи слова, которые она хотела сказать.

— Вишес... — Ее глаза наполнились слезами, цвет в них быстро тускнел. — Возьми меня за руку. Не оставляй меня. Ты не можешь... Не дай мне умереть одной.

— С тобой все будет хорошо! — он начал поднимать ее. — Я отвезу тебя к Хэйверсу.

— Вишес... Этого не исправить. Держи меня за руку... я уме... о, черт... — она начала плакать между вздохами.

— Я люблю тебя.

— Нет!

— Я люблю...

— Нет.

Дева-Летописеца отвела взгляд от птицы, сидевшей в ее руке. Внезапный страх поразил ее. Несчастливая случайность. Жестокая судьба.

Это случилось. То, что она чувствовала и чего опасалась уже давно, — настал переломный момент в ее жизни.

Ее наказание стало очевидным.

Человек... эта женщина, в которую был влюблен ее сын, умирала в этот самый момент. Прямо на его руках она истекала кровью, погибала на его глазах.

Дрожащей рукой Дева-Летописеца поместила синицу обратно на дерево с белыми цветами и побрела к фонтану.

Садясь на мраморный край, она почувствовала тяжесть мантии, будто ее обмотали тяжелыми цепями.

Вина за эту утрату лежала на ней. Поистине, она навлекла эту гибель на него: она нарушила правила. Три сотни лет назад она нарушила правила.

В начале времен ей была дарована возможность сотворить что-то одно, и соответственно, после достижения зрелости, она им воспользовалась. Но затем она сделала это снова. Она дала жизнь, и этим прокляла рожденного ею ребенка. Судьба ее сына — начиная с воспитания его отцом в нем жестокого и бессердечного Вишеса, и до его теперешней смертельной агонии — на самом деле суровое наказание для матери. Его страдания она чувствовала в тысячу раз сильнее.

Ей хотелось кричать на своего Отца, но она знала, что не может. Выбор, сделанный ею, не волновал Его, и за последствия приходилось отвечать ей одной.

Достигнув другого измерения и увидев, что происходит с ее сыном, Дева-Летописеца чувствовала агонию Вишеса, как свою собственную, ощущала онемение его холодного шока, огонь его неверия, его опустошающий ужас. Она также чувствовала смерть его возлюбленной, постепенное охлаждение охватывало человека, в то время как кровь вытекала из ее груди, заставляя трепетать сердце. И тогда она услышала, как ее сын шепчет слова любви, и учуяла запах страха, исходящий от него.

Она не могла сделать ничего. Она, имевшая безграничную власть над столькими вещами, в этот момент была бессильной, поскольку судьба и все последствия свободной воли были прерогативой ее Отца. Лишь он один знал абсолютную карту вечности, сборник всех принятых и непринятых мер, известных и неизведанных путей. Он был и Книгой, и Страницей, и несмываемым Чернилам.

Не она.

И Он не придет к ней сейчас ради этого. В этом была ее судьба: страдать из-за невинного, рожденного телом, которого она никогда не должна была иметь, за ее сына, который шел по земле мертвый изнутри из-за принятых ею решений.

Со стоном Дева-Летописеца позволила себе потерять форму и выскользнула из одежды, которую носила, черные складки упали на мраморный пол. Она вошла в воды фонтана с легкой волной, путешествуя между молекул водорода и кислорода, ее страдания насыщали их, доводя до кипения, испаряя. Пока продолжалась передача энергии, жидкость поднималась как облако, соединялась над двором и падала вниз, словно слезы, которые она была неспособна пролить.

Ее птицы на белом дереве вытянули шеи, рассматривая падение капель воды как нечто новое. А затем стая впервые покинула свои насесты и полетела к фонтану. Выстраиваясь на краю, они смотрели в направлении светящейся, бурлящей воды, в которой она находилась.

Они охраняли ее в печали и сожалении, охраняли так, словно каждый из них был величиной

с орла и таким же свирепым.

Как всегда они были ее едиными утешением и дружбой.

Джейн знала, что умерла.

Она знала это, потому что была окружена туманом, и перед ней стоял кто-то, похожий на ее умершую сестру.

Так что она была чертовски уверена, что с ней все кончено. Вот только... разве она не должна быть расстроена? Разве она не должна беспокоиться о Вишесе? Разве она не должна быть в восторге от воссоединения с младшей сестрой?

— Ханна? — она спросила, потому что хотела удостовериться в том, что знает, с кем столкнулась.

— Почти. — Образ ее сестры пожал плечами, красивые рыжие волосы двигались в такт. — На самом деле, я просто посланник.

— Ну, ты очень на нее похожа.

— Конечно. Ты видишь сейчас то, что мысленно представляешь себе, когда думаешь о ней.

— Окей... немного смахивает на «Сумеречную Зону»¹⁴⁸. Или, подожди, может, я просто сплю? — Потому что это была бы чертовски хорошая новость, учитывая то, что она посчитала себя мертвой.

— Нет, ты умерла. Сейчас ты находишься посередине.

— Посередине чего?

— Ты просто между. Ни здесь и ни там.

— А нельзя ли немного конкретнее?

— Вообще-то нет. — Образ Ханны улыбнулся своей потрясающей ангельской улыбкой, которая заставляла умиляться даже противного повара Ричарда.

— Вот мое послание. Ты должна отпустить его, Джейн. Если ты хочешь обрести покой, ты должна отпустить его.

Если под «он» понимался Вишес, то этому не бывать.

— Я не могу.

— Ты должна. В противном случае ты затеряешься здесь. У тебя достаточно времени, ты не сможешь быть ни здесь, ни там.

— И что случится потом?

— Ты будешь потеряна навсегда. — Образ Ханны принял серьезный вид. — Отпусти его, Джейн.

— Как?

— Ты знаешь как. И если ты сделаешь это, то сможешь увидеть настоящую меня на другой стороне. Дай. Ему. Уйти. — Посланец или кем бы он не был, испарился.

Предоставленная сама себе, Джейн оглянулась вокруг. Туман был повсюду, плотный, как дождевые облака, и бесконечный, как горизонт.

Страх закрался в нее. Это было неправильно. Она действительно не хотела здесь находиться.

Внезапно возросло чувство крайней необходимости, будто время было на исходе, хотя она не знала, откуда это ей известно. Но потом она подумала о Вишесе. Если отпустить его означало отказаться от своей любви, этого не случится никогда.

Вишес мчал Ауди Джейн сквозь дождь так, будто за ним гнались черти. Но только на полпути к Хэйверсу он понял, что ее не было с ним в машине.

Было лишь ее тело.

Единственной выделяемой энергией в закрытом пространстве была паника, лишь его сердце билось, лишь его веки моргали.

Инстинкты связанного в нем мужчины подтвердили то, что отказывался воспринять мозг: его кровь говорила ему, что ее не стало.

Нога Ви соскользнула с педали газа, и Ауди медленно остановилась. На шоссе 22 было пусто, вероятно, из-за ранней весенней бури, которая бушевала снаружи, но он бы остался прямо посреди дороги даже в час-пик.

Джейн лежала на пассажирском сиденье. Она была пристегнута, ремень безопасности держал его рубашку возле раны как повязку.

Он не повернул голову.

Он не мог взглянуть на нее.

Ви смотрел прямо перед собой, на двойную желтую линию дороги. Впереди размеренно работали стеклоочистители, их ритмичный стук напоминал старомодные часы: тик... так... тик...так...

Течение времени больше не имело значения. Так же как и его спешка.

Тик...так...тик...

Он чувствовал, что ему тоже следовало умереть, учитывая эту агонию в груди. Он не знал, почему еще жив, ведь боль была так сильна.

Тик... так...

Впереди был съезд с дороги, а рядом, почти надвигаясь на шоссе, раскинулся лес. Безо всякой на то причины он заметил, что деревья росли очень близко друг к другу, их голые ветви переплетались, создавая впечатление черного кружева.

Тик...

Видение подкралось к нему настолько тихо, что сначала он не заметил, как изменились его глаза. Но затем он увидел стену, тонкую текстуру стены... освещенную ярким, лучезарным светом. Как раз перед тем, как он подумал, откуда исходит это свет...

Он понял, что это были фары автомобиля.

Жуткий рев привлек его внимание, и он ударил по газам, одновременно направляя руль вправо. Другой автомобиль проскользнул по мокрой дороге, затем выровнил ход и исчез вдаль.

Ви бросил взгляд на лес и, словно фильм в быстром режиме, просмотрел остаток видения. С пренебрежением он наблюдал за своими действиями, которые, возможно, были недобросовестными, запоминал, как будет разворачиваться будущее, делал заметки. Когда больше ничего не появилось, у него уже была отчаянная цель, он направлялся подальше от Колдвелла, превышая скорость в два раза.

Когда зазвонил его телефон, он потянулся на заднее сидение, туда, куда бросил свою кожаную куртку, доставая его. Он отключил телефон, притормозил возле обочины и сломал Рейзер, затем вытащил GPS чип, положил его на приборную панель Ауди и кулаком раскрошил в пыль.

— Где он, твою мать?

Фьюри держался подальше, в то время как Роф мерил шагами свой кабинет. Другие братья тоже не стремились вставать у него на пути. Когда король превращался в бульдозер, вот как сейчас, необходимо исчезнуть с его пути, иначе существует риск быть закатанным вровень с ковром.

Но он, очевидно, ожидал ответа.

— Я что, сам с собой, дьявол всех вас сожри, разговариваю? Где, мать вашу, Ви?

Фьюри прочистил горло.

— Мы действительно не знаем. GPS вырубился около десяти минут назад.

— Вырубился?

— Просто замолчал. Обычно с него поступает сигнал, когда у Ви телефон с собой, но... мы не получаем даже его.

— Замечательно. Просто охренительно. — Роф поднял свои очки и, морщась, потер глаза. В последнее время у него были головные боли, возможно от того, что он пытался читать слишком много, и было очевидно, что ушедший в самоволку Брат не улучшал ситуацию.

Напротив Рейдж с проклятием закрыл телефон.

— Он все еще не появился у Хэйверса. Слушай, может он отправился куда-то, чтобы похоронить ее? Земля, конечно, замерзшая, но с его рукой это не проблема.

— Ты думаешь, она действительно мертва? — пробормотал Роф.

— Насколько я видел, ее ранили прямо в грудь. Когда я покончил с тем лессером, их уже не было, как и ее машины. Но... мда, я не думаю, что она выжила.

Роф посмотрел на Бутча, не проронившего ни слова с тех пор как вошел в комнату.

— Ты знаешь, как найти кого-то из тех женщин, которых он использовал для секса и кормления?

Коп покачал головой.

— Никого. Эту часть своей жизни он хранил в секрете.

— Значит, этим путем нам его не отследить. Еще одна хорошая новость. Есть ли основания думать, что он отправился в свой пентхаус?

— Я заглянул туда на обратном пути, — сказал Бутч. — Его там не было и, честно говоря, я не думаю, что он бы направился туда. Учитывая то, для чего он это использовал.

— И до рассвета осталось каких-то два часа. — Роф сидел за столом Людовика XVI, расположившись в изящном кресле так, словно был готов вскочить в любой момент.

Зазвонил телефон Бутча и он поднялся чтобы ответить.

— Ви? А... привет, детка. Нет...пока ничего. Да. Обещаю. Люблю тебя.

Когда коп повесил трубку, Роф повернулся к огню, пылавшему в камине, и молчал некоторое время, несомненно, рассматривая имевшиеся варианты, как и все они. А вариантов было, ну... ни одного. Сейчас Вишес мог оказаться где угодно, так что Братья могли идти на все четыре стороны и искать иголку в стоге сена. Кроме того, было очевидно, что Ви вырубил GPS. Он не хотел, чтобы его нашли.

В конце концов, Роф сказал:

— Чеку выдернули из гранаты, джентльмены. Теперь вопрос лишь в том, где она взорвется.

Ви выбрал место для аварии с осторожностью. Он хотел быть вблизи от места назначения, но достаточно далеко для свободы действия, и в этот момент изгиб дороги оказался лучшим

вариантом. Идеально. Пристегнув ремень безопасности, он надавил на педаль газа и напрягся. Двигатель Ауди взревел, и колеса буксовали все быстрее и быстрее на скользкой дороге. Автомобиль чертовски быстро перестал являться таковым, превратившись не во что иное, как в хренову тучу кинетической энергии.

Проигнорировав поворот 22-го шоссе налево, Ви поехал прямо к верхней границе леса. Словно оберегаемый родителями и оттого беспечный ребенок, игнорируя все инстинкты выживания, машина вылетела из поворота, пролетев в воздухе доли секунды. При посадке Ви откинуло с водительского сидения, ударив головой в люк на крыше авто, а затем трянуло вперед. Подушки безопасности выскочили из руля, приборной панели и дверей, когда седан понесло через кусты, насаждения и...

Дуб был просто огромен. Большой, как дом. И такой же крепкий.

Только защитный каркас Ауди спас Ви от полного уничтожения, когда передний капот машины смяло в металлическую гармошку. Сила удара трянула голову Ви, вновь ударив его лицо о подушку безопасности, в то время как одна из ветвей дуба проломила лобовое стекло.

После всего произошедшего, в ушах звенело так, будто в них врубили пожарную сигнализацию, а тело начало самостоятельный поиск повреждений и ран. Потрясенный, с кровотечением из порезов, нанесенных веткой, он расстегнул ремень безопасности, заставил дверцу открыться и вывалился из машины. Сделав несколько глубоких вдохов, он услышал шипение двигателя и хрипы сдувавшихся подушек безопасности. Дождь шел с устойчивой, изящной незаинтересованностью, капая с деревьев и собираясь в мелкие лужицы на лесной почве.

Как только он смог, он обошел автомобиль, направляясь к Джейн.

Сила удара бросила ее вперед, и ее кровь теперь была на лобовом стекле, панели и сиденье. Именно этого он и добивался. Наклонившись, он отстегнул ремень, затем бережно, будто живую, поднял ее, удобнее устраивая в своих объятиях. Перед тем как направиться через лес, он достал свою кожаную куртку и укрыл Джейн, защищая ее от холодной погоды.

Вишес начал двигаться так, как это обычно делают — поставил вперед одну ногу, потом другую. Затем повторил. Повторил еще раз.

Он шагал через лес, промокая все больше и больше, пока не стал таким же мокрым, как и деревья, просто еще одним предметом, на который падали капли дождя. Он шел окольным путем к месту назначения, пока его руки и спину не начало тянуть от тяжести ее тела.

Наконец, он подошел ко входу в пещеру. Он не стал оглядываться, чтобы убедиться, что за ним никто не идет. Он знал, что был один.

Ви вошел внутрь, шум дождя затихал по мере того, как он продвигался в глубь по земляному полу. Он вспомнил, где находилась задвижка в каменной стене, и открыл ее. Девятифутовая гранитная плита отъехала в сторону, и он вошел в зал с множеством железных ворот. Силой своего разума он открыл блокирующий механизм, и преграда бесшумно опустилась, в то время как гранитная плита вернулась на прежнее место.

Внутри было темнее ночи, а воздух в этом подземелье казался плотнее, словно пространство было заполнено толпой. Усилием мысли он зажег несколько факелов на стене, затем начал спускаться к Гробнице — месту поклонения и ритуалов. По обе стороны зала, на полках, достигавших двадцати футов в высоту, были расположены тысячи керамических сосудов, в которых находились сердца лессеров, убитых Братством. Вопреки своему обыкновению, Ви даже не взглянул на них. Он смотрел прямо перед собой, неся свою возлюбленную. Его мокрые ботинки оставляли следы на черной глянцевой поверхности мраморного пола.

Вскоре после этого он вступил в сердце Гробницы, в просторные подземные пещеры, открывающиеся в чреве земли. По его воле на стойках загорелись широкие черные свечи,

освещающая сталактиты, напоминающие кинжалы, а также массивные черные мраморные плиты, из которых была сложена стена позади алтаря.

Эту стену он видел в своем видении. Когда он ехал по 22 шоссе и взглянул на деревья, он представил себе мемориальную стену: словно переплетенные ветви, эти надписи на мраморе имен Воинов, поколениями служивших Братству, формировали тонкий, нежный рисунок, издавна похожий на кружево.

В сравнении со стеной, алтарь казался грубым, но мощным: огромная каменная глыба была расположена на двух крепких опорах. В центре находился древний череп первого члена Братства Черного Кинжала, священнейшая реликвия Братьев.

Он откинул его в сторону и положил туда Джейн. Она была бледной, а ее белые холодные руки, упавшие по сторонам, вызвали дрожь по всему его телу. Он осторожно уложил их на ее грудь.

Ви отступал назад, пока не уперся в стену. При свете свечей и с его кожаной курткой поверх нее, он почти мог представить, что она спит.

Почти.

Окруженный подземельем, он думал о пещере военного лагеря. Затем он увидел себя, использующего руку против угрожающего ему претранса, себя, защищающегося от своего отца.

Вишес расстегнул перчатку и стянул ее со своей светящейся руки.

То, что он сейчас задумал, противоречило законам природы, а также восставало против законов его расы.

Возвращение мертвых не было принятой или дозволенной мерой ни при каких обстоятельствах. И не только потому, что это касалось Омеги. Хроники расы, целые тома истории гласили лишь о двух случаях, и ни один из них в результате не принес ничего, кроме трагедии.

Ви делал это, воспевая любовь, а те примеры воскрешения, о которых он читал, были совершены во имя ненависти. Кто-то вернул к жизни убийцу, чтобы использовать его как оружие, и женщину, которой вернули жизнь как акт мести.

Он обладал преимуществом. Он регулярно исцелял Бутча, вытягивая из копа зло, получаемое при общении с лессерами. Он мог делать то же самое с Джейн. Точно мог.

Со стальной решимостью, он выкинул из головы мысли о возможном исходе попытки вмешательства в область темных искусств Омеги. И сосредоточился на любви к своей женщине.

Тот факт, что Джейн была человеком, не имел значения, ведь реанимация была актом возвращения к жизни умершего, и тут не было разделений на расы. У него было все, что нужно. Для ритуала требовались три вещи: что-то от Омеги, немного свежей крови и источник энергии, мощностью подобный разряду молнии.

Или, в его случае, чертово проклятие.

Ви вернулся в зал с сосудами и не стал тратить время на выбор. Он взял с полки первый попавшийся, на его керамике были мелкие трещины, цвет сосуда был темно-коричневый, и значит, он был из свежих.

Когда Ви вернулся к алтарю, он разбил сосуд о камень, затем достал его содержимое. Черное, маслянистое сердце сохраняло то, что текло в венах Омеги. Хотя точный характер посвящения в Общество Лессинг оставался неизвестным, было очевидно, что «кровь» Омеги проходила через сердце перед тем, как его удаляли.

Итак, у Вишеса было то, что ему требовалось от врага.

Он взглянул на череп Первого Брата и не стал думать дважды насчет использования священной реликвии в незаконных целях. Он вынул один из кинжалов, порезал запястье, и кровь закапала в серебряную чашу, вмонтированную в верхнюю часть черепа. Взяв сердце лессера, он

сжал его в руке.

Черные капли чистого зла падали, смешиваясь с краснотой его крови. Жидкий грех возымел магическое воздействие, шедшее против законов добродетели, превращавшее мучения в азарт, наслаждавшееся, причиняя боль невинным... но в нем также была и вечность.

И именно этого он хотел для Джейн.

— Нет!

Вишес оглянулся.

Дева-Летописецца появилась позади него, ее капюшон был опущен, открытое лицо превратилось в маску ужаса.

— Ты не должен этого делать.

Он отвернулся и поднес череп к голове Джейн. На долю мгновения, он нашел странным, обнадеживающим то, что она знала, как выглядит его грудь изнутри, скоро он узнает то же и о ней.

— Равновесие не соблюдено! Нет жертвы!

Ви снял куртку со своей женщины. Кровавое пятно под ней, на его рубашке, было как раз в центре грудной клетки, между ее грудей.

— Она вернется не такой, какой ты ее знаешь, — зашипела его мать. — Она вернется злом. Ты добьешься лишь этого.

— Я люблю ее. Я могу позаботиться о ней так же, как я забочусь о Бутче.

— Твоя любовь не изменит результата, как и затея с останками Омеги. Это запрещено!

Он повернулся к матери, ненавидя ее и ее бесполезную болтовню вроде «инь-ян-хрень».

— Ты хочешь равновесия? Сделки? Ты хочешь наказать меня до того, как я это сделаю? Отлично! Что же это будет? Ты запрягла Рейджу его проклятие до конца его гребаной жизни, так что ты сделаешь со мной?

— Равенство — не мой закон!

— Тогда чей же?! И кому я так чертовски обязан?!

Казалось, Деве-Летописецце потребовался момент, чтобы взять себя в руки.

— Это находится вне моих возможностей. Она мертва. Когда душа оставляет тело, как оставила ее, пути назад уже нет.

— Чушь. — Он наклонился над Джейн, готовясь разрезать ее грудь.

— Ты обречешь ее на веки вечные. Ей будет некуда идти, лишь к Омеге, и ты должен будешь отправить ее туда. Она будет злом, и ты должен будешь уничтожить ее.

Он посмотрел на безжизненное лицо Джейн. Вспомнил ее улыбку, пытаясь найти ее на бледной коже.

Но не смог.

— Равновесие... — прошептал он.

Он потянулся и дотронулся до ее холодных щек своей нормальной рукой и подумал обо всем том, что мог бы дать ей, о том, что мог обменять.

— Дело не только в равновесии, — сказала Дева-Летописецца. — Некоторые вещи запрещены.

Когда решение стало ясным для него, Ви не слышал больше ничего, что говорила его мать.

Он поднял свою драгоценную, нормальную руку, ту, которой мог касаться людей и вещей, такую, какой она и должна быть, а не проклятую бременем уничтожения.

Его хорошую руку.

Он положил ее на алтарь, выпрямляя пальцы и выравнивая запястье. Затем он взял лезвие кинжала и приложил к своей коже. Как только он это сделал, острое лезвие оружия сделало разрез вплоть до кости.

— Нет! — закричала Дева-Летописеца.

У Джейн больше не было времени. И она чувствовала это так же, как и знала, когда пациенту становилось хуже. Ее внутренние часы, будильник начал звенеть.

— Я не хочу отпускать его, — обратилась она к пустоте.

Ее голос не прозвучал вдалеке, и она заметила, что туман стал более плотным... таким плотным, что даже скрывал ее ноги. И тогда она поняла. Ноги не были скрыты. С холодным ужасом Джейн осознала, что если не сделает что-нибудь, то растворится и займет место в этой пустоте. Она навсегда останется в одиночестве, в тоске по любви, испытанной однажды.

Печальным, дрейфующим призраком.

Теперь она, наконец, дала волю эмоциям, и на глазах выступили слезы. Единственный способ спастись заключался в том, чтобы перестать тосковать по Вишесу и отпустить его; это и есть ключ к двери. Но если бы она это сделала, то почувствовала бы, будто бросает его, оставляет одного перед лицом холодного, безрадостного будущего. В конце концов, она представила, каково было бы ей, в случае его смерти.

Туман стал еще толще и температура упала. Она посмотрела вниз. Ее ноги исчезали... сначала лодыжки, теперь икры. Она исчезала в небытие, растворяясь.

Джейн начала плакать, найдя решение, она рыдала из-за эгоистичности того, что она должна была сделать.

Но как ей отпустить его?

Когда туман подкрался к бедрам, Джейн запаниковала. Она не знала, как сделать то, что должна была.

Ответ, который пришел к ней, был до боли простым.

О... Боже... отпустить — значило принять то, что нельзя изменить. Ты не пытаешься удержаться за надежду, чтобы изменить что-то... ты не борешься с высшими силами судьбы и не и не вынуждаешь их капитулировать по твоей воле... ты не просишь о спасении, потому что ты предполагаешь, что тебе лучше знать. Отпустить — значило ясным взором смотреть на то, что перед тобой, признавая, что безграничный выбор был исключением, а судьба — правилом.

Никаких переговоров. Никаких попыток контролировать. Ты сдаешься и видишь, что тот, кого ты любил, не твое будущее, и ты ничего не можешь с этим поделать.

Слезы капали из ее глаз, исчезая в густом тумане, когда она перестала притворяться сильной и оставила попытки бороться, продлевая жизнь ее связи с Вишесом. Как только она это сделала, не осталось ни веры, ни оптимизма, она была пуста, как туман вокруг. Атеистка по жизни, она поняла, что осталась таковой и после смерти. Ни во что не веря, теперь и она стала ничем.

И тогда произошло чудо.

Сверху полился свет, защищая ее, согревая, наполняя чем-то похожим на любовь, которую она испытывала к Вишесу: благословение.

Когда ее потянули вверх так, как тянет ромашку нежная рука, Джейн поняла, что все еще может любить того, кого любила, несмотря на то, что не была с ним. Действительно, их разошедшиеся пути нельзя разорвать, нельзя осквернить то, что она чувствовала. Ее эмоции смешивались с горько-сладкой тоской, но чувства в сердце остались прежними. Она могла любить его и ждать по ту сторону жизни. Потому что любовь, в конце концов, была вечной и не подчинялась капризам смерти.

Джейн была свободна... пока она летела вверх.

Фьюри был готов слететь с катушек.

Но ему пришлось бы встать в очередь, вздумай он сойти с ума, потому что все братья были на грани. Особенно Бутч, метавшийся по кабинету, словно заключенный одиночной камеры.

Никаких признаков Вишеса. Ни звонка. Ничего. И рассвет приближался, как товарный поезд.

Бутч остановился.

— Где бы вы проводили похороны шеллан?

Роф нахмурился.

— В Гробнице.

— Ты думаешь, он мог отвезти ее туда?

— Он никогда не был в восторге от всех этих ритуалов, и с матерью, которая отказалась от него..? — Роф покачал головой. — Он бы не пошел туда. Кроме того, он должен был бы знать, что там мы станем искать его в первую очередь, а Ви сторонник уединения. Предполагая, что он хочет ее похоронить, он бы не хотел собирать публику.

— Мда.

Бутч снова начал мерить шагами кабинет, когда напольные часы пробили четыре тридцать утра.

— Знаете что? — сказал коп. — Я просто хочу проверить, не против? Я не могу оставаться здесь больше ни секунды.

Роф пожал плечами.

— Без проблем. Нам больше нечего предложить.

Фьюри встал, также не в состоянии вынести ожидание.

— Я поеду с тобой. Тебе нужен кто-то, чтобы показать вход.

Из-за невозможности дематериализации Бутча, вдвоем они залезли в Эскалейд, и Фьюри направил внедорожник по газону в сторону леса. Скоро должно было взойти солнце, поэтому он поехал не окружным путем, а сразу к гробнице.

Они были совершенно безмолвны, пока Фьюри не притормозил возле входа в пещеру и они не вышли.

— Я чувствую кровь, — сказал Бутч. — Думаю, мы нашли их.

Да, в воздухе витал ощутимый след человеческой крови... несомненно, это Ви заносил Джейн внутрь.

Черт. Забегая в пещеру, они направились вниз, проскальзывая через замаскированный вход и спускаясь к железным воротам.

Одна часть ворот была открыта, и мокрые следы вели в зал с сосудами.

— Он здесь! — сказал Бутч, и облегчение в его словах было сильнее вздоха.

Да, вот только почему Ви, который ненавидел свою мать, решил хоронить любимую женщину согласно традициям Девы-Летописицы?

Он не стал бы этого делать.

По мере спуска вниз чувство смерти у Фьюри обострялось... особенно после того, как они дошли до конца, и он увидел пустое место на полке, где не хватало сосуда лессера. О нет... О... Боже нет. Им нужно было взять с собой больше оружия. Если Ви сделал то, чего так боялся Фьюри, они должны были вооружиться до зубов.

— Подожди! — Он остановился, вырвал факел из стены и передал его Бутчу. Взяв еще один для себя, он схватил Бутча за руку. — Будь готов к бою.

— Почему? Ви может разозлиться, когда мы придем, но он не станет применять силу.

— Джейн — вот кого следует опасаться.

— О чем, твою мать, ты гово...

— Я думаю, он мог попытаться вернуть ее...

Бриллиантовая вспышка света взорвалась впереди, озаряя окружающее ослепительной яркостью.

— Черт! — рявкнул коп после этого. — Не говори мне, что он сделал бы такое!?

— Если бы Марисса умерла, и ты мог бы ее вернуть, чтобы ты сделал?

Они сорвались с места и побежали вглубь пещеры. И застыли на месте.

— Что это? — выдохнул Бутч.

— Я... я понятия не имею.

Медленным, осторожным шагом, онемев от увиденного, они направились к алтарю. В его центре стояла скульптура... Джейн. Фигура была выполнена из темного, серого камня с такой схожестью, будто перед ними была фотография. Или, может быть, голограмма. Свет свечей мерцал на чертах лица, оживляя их. На правом конце плиты стоял разбитый керамический сосуд, священный череп Братства, и нечто напоминающее сердце, покрытое нефтью.

На дальнем краю алтаря, возле стены с именами, лежал Ви, его глаза были закрыты, а руки лежали на коленях. Его запястье было перевязано черной тканью, а один из кинжалов пропал. Пахло дымом, но воздух был чист.

— Ви? — Бутч подошел к нему и опустился на колени рядом с другом.

Фьюри оставил копа разбираться с Ви, а сам вернулся к алтарю. Скульптура была совершенным подобием Джейн, такая реальная, что могла бы казаться живой, если бы дышала. Он протянул руку, чтобы коснуться ее, но в то мгновение, когда его указательный палец соприкоснулся с ее лицом, бюст рассыпался. Черт. Он был сделан не из камня, а из пепла, и теперь это была не более чем горстка останков Джейн.

Фьюри посмотрел на Бутча.

— Скажи мне, что Ви жив.

— Ну, во всяком случае, он дышит.

— Давай отвезем его домой. — Фьюри посмотрел на пепел. — Давай отвезем их обоих домой.

Ему нужно было что-то, в чем можно было унести Джейн, и он был чертовски уверен, что не станет использовать для этого сосуд лессера.

Фьюри снял футболку и растянул ее на алтаре. Это было лучшее, что он мог сделать, и у них было мало времени.

Скоро рассвет. А с ним переговоры вести бесполезно.

Два дня спустя Фьюри решил отправиться на Другую сторону. Директрикс настаивала на встрече, и он не хотел ее больше откладывать. Кроме того, ему было необходимо выбраться из дома.

Смерть Джейн накрыла особняк пеленой, затрагивающей всех связанных мужчин. Потеря шеллан, каковой Джейн была, несмотря на то, что они с Ви не были официально соединены браком, всегда была величайшим страхом. Но то, что ее убили враги, было почти невыносимо. И еще хуже был тот факт, что это произошло спустя меньше года после смерти Велси, убитой подобным образом, — ужасное напоминание о том, что каждый из мужчин уже знал: связанные Братья столкнулись с особой угрозой со стороны лессеров.

Тормент познал это на себе. А сейчас и Вишес.

Боже, остается задаваться вопросом, как долго Ви продержится поблизости. Тор исчез сразу же после того, как Велси была убита лессером, и с той поры от него не было никаких новостей. И хотя Роф утверждает, что чувствует, что брат все еще жив, почти все перестали верить в возможность его возвращения в ближайшие десять лет. Может быть, в далеком будущем он вернется. Или умрет где-нибудь в одиночестве. Впрочем, они не увидятся с ним снова в ближайшее время, и, черт, следующая встреча вполне может произойти в Забвении.

Дерьмо... Бедный Вишес.

Прямо сейчас Ви был в своей комнате в Яме, лежал рядом с медной погребальной урной, в которую Фьюри поместил прах Джейн. По словам Бутча, Брат не разговаривал и не ел ничего, но его глаза были открыты.

Было ясно, он не собирался делиться тем, что случилось в Гробнице. С Джейн. Или с его запястьем.

Выругавшись, Фьюри опустил на колени у своей кровати и надел медальон Праймэйла на шею. Закрыв глаза, он отправился прямо в святилище Избранных, думая о Кормии на протяжении всего пути. Она также осталась в своей комнате, кушая мало и говоря еще меньше. Он часто заходил к ней, хотя и не знал, что для нее сделать, кроме как принести книги, которые, казалось, ей понравились. Особенно Джейн Остин, хотя она не совсем понимала, как что-то может быть выдумкой или, как она выразилась «конструктивной ложью».

Фьюри материализовался у амфитеатра, потому что пока еще не знал планировку хорошо и решил, что это приемлемая отправная точка. Было так странно стоять посреди этой белизны. Еще более странно было бродить позади сцены и рассматривать разнообразные белые храмы. Черт побери, это место сошло из рекламы «Клорокс»¹⁴⁹. Бесцветное. И такое тихое. Поразительно тихое.

Когда Фьюри выбрал направление и пошел, он боялся, что его окружит стайка Избранных, и совершенно точно не торопился на встречу с Директрикс один на один. Чтобы растянуть время, он решил осмотреть внутренний интерьер одного из храмов. Выбрав случайное святилище, он поднялся по мелким мраморным ступеням, но обнаружил, что двойная дверь была плотно закрыта.

Хмурясь, он нагнулся и взглянул в большую, необычной формы замочную скважину. По наитию он снял медальон Праймэйла и вставил его замок.

О, и кто бы мог подумать. Вещица была ключом.

Двойная дверь открылась без шума, и он удивился тому, что было внутри. Выстроенные в ряд по противоположным сторонам здания располагались ларцы и ящики с драгоценными камнями. Он обошел сокровища, изредка запуская руку в сверкающие камни.

Однако, это не все, что было внутри. Позади, в дальнем конце зала располагался ряд стеклянных витрин — подобные можно встретить в музее. Фьюри подошел ближе, рассматривая их. Ему показалось, что они были не просто вычищены... как и следовало ожидать, сама пыль обходила их стороной. Он просто не мог представить, что в здешнем в воздухе витали какие-то примеси, даже на микроскопическом уровне.

Предметы, по ту сторону стекла, были обворожительными и, очевидно, пришли из реального мира. Старинные очки, фарфоровые чаши, сделанные на Востоке, бутылка виски с этикеткой 1930-х, мундштук из черного дерева, женский веер из белых перьев.

Он задался вопросом, как они попали сюда? Некоторые из предметов, несмотря на свою старину, были в превосходном состоянии и начищены до блеска.

Он задержался у чего-то, напоминающего древнюю книгу.

— Сукин... сын.

Кожаная обложка была истрепана, но тесненная надпись до сих пор была читаема: Дариус, сын Марклоне.

Фьюри наклонился в изумлении. Это была книга Ди... вероятно дневник.

Он открыл витрину, потом нахмурился, учуяв запах. Порох?

Он оглядел собранные предметы. В дальнем углу лежал старый пистолет. Фьюри узнал марку и модель, вспомнив учебник огнестрельного оружия, по которому преподавал стажерам. Это был шестицилиндровый револьвер Колт Нави 1890, 36 калибра. Который недавно использовали.

Он вынул предмет, открыл барабан и потрогал одну из пуль. Они были сферические...и неровные, будто ручной работы.

Он видел эту форму прежде. Когда стирал медицинские результаты Ви из компьютера в Святом Франциске, видел рентген грудной клетки... и видел сферический, слегка неровный кусок свинца в легком его брата.

— Ты здесь для встречи со мной?

Фьюри взглянул на Директрикс через плечо. Женщина стояла в двойных дверях, одетая в белую мантию, привычную для этих мест. На цепочке вокруг шеи висел медальон, такой же, как у него.

— Ты собрала знатную коллекцию артефактов, — протянул он, оборачиваясь.

Глаза женщины сузились.

— Я думаю, драгоценные камни заинтересуют тебя больше.

— Не совсем. — Он внимательно посмотрел на нее, поднимая книгу в своей руке. — Похоже на дневник моего брата.

Когда ее плечи слегка расслабились, ему захотелось прибить ее на месте.

— Да, это дневник Дариуса.

Фьюри постучал по обложке книги, затем махнул рукой вокруг на все драгоценные камни.

— Поведай мне кое-что — это место заперто все время?

— Да. Со времен нападения.

— Ключи есть только у нас с тобой, правильно? Я не хочу, чтобы что-либо случилось с сокровищами.

— Да. Только у нас. Никто не может проникнуть сюда без моего позволения или присутствия.

— Никто.

Ее глаза вспыхнули с раздражением.

— Порядок должен соблюдаться. Я потратила годы на подготовку Избранных к их надлежащему служению.

— Да... поэтому появление Праймэйла должно испортить для тебя всю малину. Потому что сейчас во главе стою я, не так ли?

Ее голос стал тихим.

— Правильно и надлежаще вам управлять здесь.

— Извини, не могла бы ты повторить? Я не вполне расслышал тебя.

На долю секунды в ее глазах вспыхнула злоба, которая доказала ее злодеяние и мотивы: Директрикс стреляла в Вишеса. Револьвером из этой витрины. Она хотела сохранить свою власть и знала, черт побери, что, если появится Праймэйл, то в лучшем случае, она будет второй в иерархии, подчиняемой мужчине. В худшем, она могла потерять всю свою власть только потому, что мужчине не понравится цвет ее глаз.

Когда ей не удалось убить Ви, она отступила... до тех пор, пока не сможет попытаться еще раз. Без сомнения, ей хватит ума и злобы, чтобы отстаивать свою территорию... до тех пор, пока не переведутся Братья или роль Праймэйла обрастет дурной славой.

— Ты что-то сказала, не так ли? — подсказал он.

Директрикс погладила медальон, висящий на ее горле.

— Вы Праймэйл. Вы правите здесь...

— Хорошо. Рад, что мы оба осознаем это. — Он постучал по дневнику Дариуса. — Я забираю это с собой.

— Мы не проведем встречу?

Он подошел к ней, думая, что свернул бы ей шею, будь она мужчиной.

— Нет, не сейчас. У меня есть одно дело, которое необходимо обговорить с Девой-Летописцей. — Он наклонился, расположив свой рот у ее уха. — Но я вернусь за тобой.

Вишес никогда раньше не плакал. На протяжении всей своей жизни он никогда, никогда не плакал. После всего пережитого им дерьма он решил, что родился без слезных желез.

События, которые привели его сюда, не изменили этого. Когда Джейн лежала мертвая в его руках, он не плакал. Когда он пытался отрезать свою руку в Гробнице в качестве жертвы, и боль была адской, он не пролил ни слезинки. Когда его ненавистная мать помешала сделать задуманное, его щеки были сухи.

Даже когда Дева-Летописецца положила свою руку на тело Джейн, и в оцепенении он смотрел, как его возлюбленная превратилась в прах, он не плакал.

Сейчас он плакал.

Впервые с его рождения, слезы катились по лицу, падая на подушку.

Они полились, когда к нему пришло видение Бутча и Мариссы на диване в гостиной Ямы. Отчетливое... такое отчетливое. Ви не только слышал их мысли в своей голове, но также знал, что Бутч представлял Мариссу на кровати в черном бюстгальтере и голубых джинсах. А Марисса воображала его, снимающего ее голубые джинсы, и опускающего голову меж ее бедер.

Ви знал, что через шесть минут Бутч заберет апельсиновый сок из руки Мариссы и поставит его на журнальный столик. Он разольет его, потому что стакан упадет на угол «Sports Illustrated», и сок попадет на джинсы Мариссы. Коп воспользуется этим, как предлогом, чтобы провести ее по коридору в комнату и основательно раздеть.

Но, по пути к спальне, они остановятся у двери Ви и растеряют все свои сексуальные порывы. С грустью в глазах они пойдут в свою супружескую постель и будут лежать в объятиях и в молчании.

Ви положил руку на лицо. И безудержно зарыдал.

Видения вернулись, его проклятье видеть будущее возвратилось к нему.

Его судьба разрешилась.

И значит, впереди его ждет именно такое существование: его удел — пустой оболочкой лежать рядом с прахом своей возлюбленной.

И действительно, рыдая, он услышал, как Бутч и Марисса вышли в коридор, замерли перед его спальней, а затем закрывали дверь в свою комнату.

Не раздавалось стонов и хриплых возгласов, приглушаемых стенами, не стучало изголовье кровати.

Как он и предсказал. В наступившей тишине, Ви вытер щеки, затем посмотрел на свои руки. Левая все еще немного болела от собственноручно нанесенного повреждения. Правая же светилась, как всегда, и его слезы казались белыми на фоне внутреннего свечения, белыми, как радужные оболочки его глаз.

Он сделал глубокий вдох и посмотрел на часы.

Наступление ночи — единственное, что сохраняло ему жизнь. Он, безусловно, убил бы себя сейчас — взял бы свой Глок, вставил в рот и вынес себе мозги — если бы не ночь.

Он сделал своей личной миссией уничтожить Общество Лессинг. Она займет всю оставшуюся жизнь, но это чертовски хорошо, потому что больше его ничего не ждало. И для этого он бы предпочел покинуть Братство, но Бутч умрет без него, так что придется всегда находиться поблизости.

Внезапно, он нахмурился и посмотрел в сторону двери. Спустя мгновение он вытер щеки и сказал:

— Я удивлен, что ты не вошла сразу.

Дверь открылась без помощи рук. С другой стороны, в коридоре стояла Дева-Летописеца, черные одежды укрывали ее с головы до пят.

— Я не была уверена в радушном приеме, — сказала она, понизив голос, когда входила в комнату.

Он не поднял голову с подушки. Не собирался оказывать ей почести никаким образом.

— Вы знаете, что вам рады...

— Несомненно. Значит, я перейду к цели моего визита. У меня есть подарок для тебя.

— Мне он не нужен.

— Нет. Нужен.

— Да пошла ты.

Казалось ее голова под одеждой, обвисла на плечах.

Не то, чтобы он заботился о ее драгоценных чувствах, которые сейчас пострадали.

— Уходи.

— Ты захочешь...

Он резко сел.

— Ты забрала то, что я хотел ...

Сквозь дверной проем прошла фигура, некий призрачный образ.

— Ви?

— И я возвращаю ее тебе, — сказала Дева-Летописеца. — Определенным образом...

Он не слышал ни слова из того, что она сказала, потому что он не мог осознать увиденное. Это была Джейн... отчасти. Лицо и тело Джейн, но она была... просвечивающимся призраком.

— Джейн?

Напоследок, перед тем как дематериализоваться Дева-Летописеца сказала:

— Тебе не нужно благодарить меня. Просто знай, что ты можешь касаться ее посредством своего проклятья.

Ладно, как и все романтические воссоединения, это было странным и неловким.

И не только потому, что Джейн теперь можно отнести к классу призраков.

Было похоже, что Вишес сейчас упадет в обморок. И это ранило. Велика была вероятность того, что он не захочет ее в таком виде, и где тогда она окажется? Когда Дева-Летописеца пришла к ней на небеса, или где она там находилась, и предоставила возможность вернуться назад, ответ был очевиден с самого начала. Но сейчас, когда она стояла напротив онемевшего от потрясения мужчины, Джейн не была столь уверена, что сделала правильный выбор. Возможно, она...

Встав с кровати, Вишес пересек комнату, и, колеблясь, коснулся светящейся рукой ее лица. Вздохнув, она прижалась к татуировке на ладони и теплу его плоти.

— Это ты? — хрипло спросил он.

Она кивнула и потянулась к его щекам, которые слегка покраснели.

— Ты плакал.

Он схватил ее руку.

— Я чувствую тебя.

— Я тоже.

Он трогал ее шею, ее плечи, ее грудь. Вытянул ее руку и посмотрел на нее... ну, сквозь нее.

— Ммм...ну, я могу сидеть на предметах, — сказала она просто так. — В смысле... пока ждала там, в коридоре, я сидела на диване. Я также передвинула картину на стене, положила центры обратно в чашу для мелочи, взяла журнал. Ощущения немного странные, но все что нужно сделать — сконцентрироваться. — Вот черт. Она понятия не имела, что несла. — Дева, ээ... Дева-Летописеца сказала, что я могу есть, но не нуждаюсь в пище. Она также сказала, что... я

могу еще и пить. Я не уверена, как все это работает, но, кажется, она знает, что говорит. Ага. Ну... В любом случае, думаю, тренировки займут некоторое время, но...

Он запустил руку в ее волосы, и ощущения были такими же, как раньше. Ее несуществующее тело обладало теми же ощущениями.

Он нахмурился, потом посмотрел на нее со злостью в глазах.

— Она сказала, что необходима жертва... Чтобы вернуть кого-то назад. Что ты отдала ей? На что согласилась?

— О чем ты?

— Она не делает подарков, не требуя чего-то взамен. Что она взяла у тебя?

— Ничего. Она никогда не просила меня ни о чем.

Он покачал головой и, казалось, хотел что-то сказать. Но потом просто обернул свои сильные руки вокруг Джейн, прижимая ее к своему дрожащему и светящемуся телу. В отличие от других попыток обрести плотность, когда ей нужно было сконцентрироваться, с Ви это просто произошло. Рядом с ним она обладала телом без всяких усилий со своей стороны.

По его дыханию и тому, как Ви опирался на нее, Джейн поняла, что он плакал, но упомяни она об этом, попытайся утешить его, он немедленно остановится. Поэтому она просто обнимала его. Позволяя выплакаться.

С другой стороны, она была несколько занята, пытаясь не расплакаться самой.

— Я думал, что больше никогда не сделаю этого снова, — сказал он надтреснувшим голосом.

Джейн закрыла глаза и стиснула Ви в объятиях, размышляя о том мгновении в тумане, когда она отпустила его. Не сделай она этого, они не были бы здесь, верно?

Гребаная свободная воля, думала она. Она полагалась на судьбу, независимо от того, сколько она причиняет боли в краткосрочной перспективе. Потому что любовь в ее многочисленных формах все переживет. Она бесконечна. Вечна. Непрерывна. Она понятия не имела, кем или чем являлась Дева-Летописецца. Не знала, где она сама находилась или как вернулась назад. Но в одном была уверена точно.

— Ты был прав, — сказала она, прижимаясь к его груди.

— В чем?

— Я верю в Бога.

Следующим вечером у Джона не было занятий, так что он сел за стол на Первой трапезе вместе с Братями и их женщинами. Настроение в доме стало значительно веселее, чем на протяжении последних недель. Но он не разделял их радости

— Так или иначе, — сказал Фьюри. — Я пошел к Деве-Летописице и рассказал ей о пуле.

— Господи Иисусе. Директрикс. — Вишес, наклонившись вперед, взял Джейн за руку. — Я считал, что в меня стрелял лессер.

Ви не выпускал своего доктора из рук с тех пор, как они сели рядом, словно опасался, что она исчезнет. Отчасти его можно было понять. Джон старался не глазеть на нее, что удавалось с трудом. Она была одета в рубашку Ви и голубые джинсы, тряпки выглядели на ней, как на обычном человеке. Но под одеждой был... ну, призрак, как он предположил.

— Конечно, — сказал Фьюри, повернувшись к Бэлле и предложив ей тарелочку с маслом. — Мы все так считали. Однако у этой женщины имелся серьезный мотив. Она жаждала остаться у руля, но с Праймэйлом на сцене это оказалось бы невозможным. Классический передел власти.

Джон взглянул на молчаливую светловолосую женщину, которая сидела по другую сторону от Фьюри. Эта Избранная была прекрасна... прекрасна, как небесный ангел, и от нее исходило таинственное сияние. Но она не выглядела счастливой. Она ковырялась в еде, опустив взгляд.

Ну, за исключением моментов, когда она смотрела на Фьюри. Что, как правило, происходило, когда он смотрел на Бэллу или заговаривал с ней.

Жесткий голос Рофа донесся с места во главе стола.

— Директрикс должна умереть.

Фьюри откашлялся, забирая у Бэллы тарелку с маслом.

— Ты можешь считать, что... об этом уже позаботились, мой повелитель.

Срань господня. Фьюри...

— Хорошо. — Роф кивнул, словно отлично понимал и одобрял это. — Кто заменит ее?

— Дева-Летописица спрашивала, кого я желаю видеть в этой роли. Но я не знаю ни...

— Амалия, — сказала светловолосая Избранная.

Все головы повернулись в ее направлении.

— Извини? — спросил Фьюри. — Что ты сказала?

Когда Избранная заговорила, ее восхитительный голос напомнил музыку ветра, сладкую и мелодичную.

— Если это не оскорбит Вас, могу я предложить Избранную Амалию? Она мягкая, добрая и подходит по возрасту.

Желтый взгляд Фьюри переместился на женщину, но его лицо оставалось замкнутым, будто он не знал, что сказать или как вести себя с ней.

— Значит, я выберу именно ее. Спасибо.

На мгновение их глаза встретились, и на ее щеках вспыхнул румянец. Но потом Фьюри отвел взгляд, как и она.

— Этой ночью мы отдыхаем, — резко сказал Роф. — Нужно время, чтобы перегруппироваться.

Рейдж фыркнул через стол.

— Ты же не станешь снова заставлять нас играть в Монополию¹⁵⁰, так ведь?

— Ага. — Роф проигнорировал коллективный стон братьев. — Сразу после обеда.

— Мне нужно кое-что сделать, — сказал Ви. — Я вернусь, как только смогу.

— Хорошо, но тогда ты не сможешь играть сапогом или собачкой¹⁵¹. Они всегда ходят первыми.

— Как-нибудь переживу.

Фритц вошел с огромным десертом «Запеченная Аляска».

— Может быть, десерт? — сказал доджен с улыбкой.

Как только общее «Да, пожалуйста» заполнило комнату, Джон свернул салфетку и попросил разрешения уйти. Когда Бэт кивнула, он вышел из-за стола, направляясь к туннелю под главной лестницей. Прогулка до тренировочного центра занимала немного времени, особенно сейчас, когда его походка возвращалась к норме, и он начал привыкать к своему телу.

Войдя в офис Тора, он, собравшись с духом, оглянулся вокруг. Комната совсем не изменилась со времени исчезновения Брата. И хотя тошнотворное зеленое кресло перекочевало в кабинет Рофа, все было, как прежде.

Обогнув письменный стол, Джон сел за него. Он был завален документами и папками, на некоторых из них были стикеры с пометками Зи.

Положив руки на подлокотники офисного кресла, Джон пробежался ладонями вперед и назад.

В эту минуту он ненавидел свои чувства.

Он ненавидел себя за свою злость на то, что Ви получил Джейн обратно, тогда как Тор потерял Велси навсегда. Несправедливо. И не только в отношении Тора. Джон хотел бы иметь Велси в своей жизни в качестве призрака. Он бы хотел иметь рядом единственную мать, которая когда-либо была у него.

Но подарок получил именно Вишес.

Ну и Рейдж. Вместе с Мэри.

Чем они были лучше, мать их?

Уронив голову на руки, он почувствовал себя плохим человеком. Завидовать счастью и удаче кого-либо — ужасное дело, особенно если ты любишь их. Но это так чертовски тяжело: так сильно скучать по Тору и оплакивать Велси и ...

— Хэй.

Джон поднял глаза. Зи стоял в офисе, хотя одному Богу известно, как ему удалось не произвести шума при входе в кабинет.

— Что у тебя на уме, Джон?

«Ничего».

— Хочешь попытаться еще раз?

Джон покачал головой и посмотрел вниз. Безучастно заметил, что папка Лэша лежала верхней в стопке, и подумал о парне. Мда, они шли напрямиком к столкновению. Вопрос лишь во времени.

— Знаешь, — сказал Зи, — Я часто думал, почему я, а не Фьюри?

Нахмурившись, Джон посмотрел на Брата.

— Да, спрашивал, почему похитили именно меня? Но я был не единственным. Фьюри до сих пор съедает себя за то, что забрали меня, а не его. — Зи скрестил руки на груди. — Проблема в том, что, пустившись в размышления, почему что-то происходит с одним и не происходит с другим, ты ни к чему не придешь.

«Я хочу, чтобы Велси вернулась».

— Я догадался о причине твоего ухода. — Брат провел рукой по стриженному черепу. — Вот в чем дело. Я верю, что нас направляет некая рука. Она просто не всегда бывает нежна. Или не всегда кажется справедливой. Я не знаю, я просто стараюсь верить в это. Когда я сержусь, я просто стараюсь... черт, я полагаюсь на эту веру. Потому что, по большому счету, что еще

остается? От нас зависят принимаемые решения. Рассуждения, планирование. Остальное...от кого-то еще. Куда попадаем мы, наши знакомые, что произойдет с людьми, которых мы любим... мы практически не контролируем ничего из этого.

«Я скучаю по Тору».

— Мы все скучаем.

Да, Джон не единственный страдал. Он должен помнить об этом.

— Итак, у меня для тебя кое-что есть. — Зи подошел к шкафу и открыл его. — Фьюри дал мне его вчера. Мы хотели сохранить его к твоему дню рождения, но к дьяволу все. Ты нуждаешься в нем сегодня вечером.

Зи вернулся к столу со старой, потрепанной книгой в руках. Он положил ее поверх груды бумаг, держа ладонь на лицевой стороне.

— С днем рождения, Джон.

Он поднял руку, и Джон посмотрел вниз.

Неожиданно его сердце пропустило удар.

Дрожащей рукой он потянулся и провел пальцами по потрепанной надписи: ДАРИУС, СЫН МАРКЛОНА.

Он аккуратно открыл обложку... Слова и символы были выписаны красивым почерком, они представляли отголоски прожитой давным-давно жизни. Его отец писал на Древнем языке.

Резко отдернув руку, Джон прикрыл ею свой рот, боясь, что не сдержится и расплачется.

Но когда он со стыдом поднял глаза, то обнаружил, что остался в одиночестве.

Зи, с присущим ему тактом, позволил Джону сохранить свою гордость.

И... подарил ему дневник его отца... немного радости вдобавок.

Сразу после Первой трапезы Вишес появился во внутреннем дворике Девы-Летописицы. Он был немного удивлен и рад тому, что получил разрешение, учитывая состояние дел.

Материализовавшись, он нахмурился и оглянулся на гору белого мрамора, колоннаду и вход на территорию Избранных. Что-то изменилось. Он не был уверен что, но что-то...

— Приветствую Вас, господин.

Он обернулся. Избранная стояла у двери, ведущей, как он всегда считал, в личные покои Девы-Летописицы. Она была одета в белую мантию, ее волосы были собраны, и в ней он узнал женщину, которая пришла проверить Кормию после официальной церемонии.

— Амалия, — сказал он.

Она казалось удивленной, что он запомнил ее имя.

— Ваша милость.

Так ее рекомендовала Кормия для должности Директрикс. Обоснованно. Женщина действительно казалась доброй.

— Я здесь, чтобы увидеться с Девой-Летописицей. — Хотя он полагал, что она и так знала об этом.

— При всем уважении, господин, сегодня она не принимает.

— Не принимает меня или вообще никого?

— Никого. Передать ей что-нибудь?

— Я вернусь завтра.

Избранная низко поклонилась.

— При всем уважении, господин, я думаю, что она не будет расположена.

— Почему?

— Я не спрашиваю почему. — В ее тоне прозвучала нотка неодобрения. Будто и он не должен задавать такие вопросы.

Вот черт. Что именно он хотел сказать?

— Можешь передать ей... что Вишес приходил, сказать...

Он не нашел нужных слов и глаза Избранной наполнились участием.

— Простите меня за смелость, но, возможно, мне следует передать, что приходил ее сын, чтобы поблагодарить ее за щедрый подарок и за ее жертву ради его счастья.

Сын.

Нет, он не мог зайти так далеко. Даже, несмотря на возвращение Джейн, этот ярлык казался лицемерным.

— Просто Вишес. Скажи ей, что приходил Вишес, чтобы сказать спасибо.

Избранная снова поклонилась, ее лицо опечалилось.

— Как пожелаете.

Он смотрел, как женщина отвернулась и исчезла за небольшой богато окрашенной дверью.

Подождите минуту. Она сказала жертва? Какая жертва?

Он снова огляделся вокруг, сосредоточив внимание на фонтане. Внезапно шум воды показался ему странным. Когда он приходил раньше...

Ви медленно повернул голову.

Белое дерево с белыми цветами пустовало. Все певчие птицы исчезли.

Вот чего не хватало. Птиц Девы-Летописицы больше не было, ветви дерева опустели без яркости их цветов, неподвижный воздух лишился их веселого щебета.

В относительной тишине, на него нахлынуло одиночество, гулкий шум падающей воды подчеркивал пустоту.

О, Боже. А вот и жертва, не так ли.

Она отказалась от своей привязанности ради его любви.

В своих личных покоях Дева-Летописица узнала, когда ушел Ви. Она почувствовала, что его тело вернулось во внешний мир.

Избранная Амалия тихо подошла.

— Не считите за оскорбление, я хотела бы доложить.

— Нет необходимости. Я знаю, что он сказал. Сейчас оставь меня, вернись в святилище.

— Да, Ваше Высочество.

— Спасибо.

Дева-Летописица подождала ухода Избранной, потом развернулась и оглядела белый простор своих покоев. Комнаты были достаточно большими, чтобы расхаживать по ним кругами. Так как она не спала и не ела, спальня и столовая представляли собой пространство для постоянных хождений.

Сейчас все было так безмолвно.

В беспокойстве она парила из комнаты в комнату. Она так часто подводила своего сына, и не могла винить его в отказе называться таковым. И все же, было больно.

И эта боль сливалась с другой.

С ужасом она посмотрела в дальний угол своих покоев, куда никогда не заходила. Как минимум, на протяжении двух веков.

С тяжелым сердцем она подошла к углу и велела открыться двери с двойным замком. С шипением печать была сломана, из-за различия во влажности помещений стал наплывать туман. Неужели, и правда прошло столько времени?

Дева-Летописецца ступила внутрь, не отрывая взгляда от затененной фигуры, парящей над полом в состоянии анабиоза.

Ее дочь, сестра-близнец Ви. Пэйн.

Дева-Летописецца давно решила, что лучше и безопасней для ее дочери покоиться в таком состоянии. Но сейчас ее одолела неуверенность. Решения, которые она принимала для своего сына, не привели к добру. Может, она ошиблась и насчет своего дитя противоположного пола.

Дева-Летописецца разглядывала лицо своей дочери. Пэйн с самого рождения отличалась от других женщин. Обладая воинским инстинктом своего отца и потребностью в сражениях, ей было не более по нраву сидеть вместе с Избранными, чем льву — в клетке с мышами.

Возможно, настало время освободить дочь, как она освободила своего сына. Лишь это будет справедливо. Опека оказалась сомнительной добродетелью.

Тем не менее, она не желала отпускать ее. Тем более безосновательно ожидать, что ее дочь проявит к ней больше любви, чем сын. Итак, она потеряет их обоих.

Ее одолели тяжкие мысли, инстинктивно захотелось выйти во двор, в поисках утешения птиц. Но там ее не ждет поддержка и веселый успокаивающий щебет.

И поэтому Дева-Летописецца осталась в своих личных покоях, блуждая сквозь неподвижный, безмолвный воздух в нескончаемом пути, по пустым комнатам. Время шло, бесконечная природа ее небытия, как плащ из иголок, тысячами мелких уколов боли и печали легла на ее плечи.

И не было ей спасения, облегчения страданий, покоя, добра или утешения. Вечно одна, посреди созданного ею мира.

Джейн бывала в апартаментах Мэнни Манелло раз или два. Не так уж часто. Вместе они бывали только в больнице.

Черт возьми, обстановка была чисто мужская. Исключительно мужская. Чуть больше спортивного инвентаря, и квартира превратится в Дикс¹⁵².

Напоминает Яму.

Она обошла его гостиную, рассматривая DVD, CD, журналы. Мда, он бы нашел общий язык с Бутчем и Ви: очевидно, он купил пожизненную подписку на «*Sports Illustrated*», как и они. И он также хранил все предыдущие номера. Был не прочь выпить, хотя предпочитал Джек Дэниэлс¹⁵³, а не Гуз или Лагавулин.

Наклонившись, Джейн сосредоточила свою энергию на том, чтобы подобрать самый свежий, пятьдесят седьмой номер, и вдруг осознала, что пробыла призраком ровно один день. Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как она появилась с Девой-Летописицей в комнате Ви.

Дела шли на лад. Секс в качестве представителя нежити был так же хорош, как и при жизни. Так или иначе, она встретится с Ви в его пентхаусе в конце вечера. Он хотел, чтобы над ним, как он выразился, «поработали», его глаза сияли от предвкушения — и она более чем хотела утолить желания своего мужчины.

Абсо-чертовски-лютно.

Джейн положила журнал на место и, еще раз пройдясь, принялась ждать у окна.

Это будет трудно. Будет трудно сказать «прощай».

Она обсудила с Ви, как осуществить ее уход из человеческого мира. Автомобильная авария, которую он инсценировал, объяснит ее исчезновение. Конечно, тело никогда не найдут — область, где они оставили Ауди, была лесистой и горной. Они надеялись, что полиция просто закроет ее дело после проведенного поиска, но не то, чтобы последствия были существенны. Она никогда не вернется назад. Так что это не имеет значения.

Что касается ее вещей, то наибольшую ценность в квартире представляла ее с Ханной фотография. Ви вернулся и забрал ее. Остальное имущество, в конечном итоге, будет продано адвокатом, которого она назначила своим душеприказчиком два года назад в завещании. Вырученная сумма уйдет Святому Франциску.

Сердце болело за свои книги, но Ви сказал, что подарит ей новые. И хотя это было не то же самое, она верила, что со временем привяжется к новым томам.

оставался единственным нерешенным вопросом...

Раздался звон вставляемых в замок ключей, потом открылась дверь.

Джейн отступила в тень, когда Мэнни зашел, бросил черную Найковскую сумку и направился на кухню.

Он выглядел измотанным. И обездоленным.

Ее первым порывом было подойти к нему, но она знала, что лучше выждать, когда он уснет, именно поэтому она пришла поздно, надеясь, что он уже в постели. Однако оказалось, что он работал до тех пор, пока не валился с ног от усталости.

Мэнни вернулся в коридор со стаканом воды в руке. Он остановился, хмурясь, посмотрел в ее направлении... но потом продолжил путь в свою спальню.

Она услышала, как включился душ. Его шаги. Затем тихое проклятье, словно он растянулся на своей кровати, но не мог расслабиться.

Она ждала и ждала...и, наконец, двинулась по коридору.

Мэнни лежал на кровати, полотенце обернуто вокруг бедер, а взгляд устремлен в потолок.

Мужчина не скоро уснет.

Она шагнула в свет лампы на комод.

— Привет.

Его голова дернулась в ее сторону, потом он резко подскочил.

— Что за...

— Ты спишь.

— Да?

— Да, в смысле, призраков же не существует.

Он потер лицо.

— Происходящее кажется таким реальным.

— Конечно, кажется. Это же сон. — Она обхватила себя руками. — Я хотела, чтобы ты знал, что я в порядке. На самом деле. Я в порядке и счастлива там, где оказалась.

Нет причин упоминать, что она все еще в Колдвелле.

— Джейн... — Его голос треснул.

— Я знаю. Я чувствовала бы то же самое, если бы тебя... забрали.

— Я не могу поверить, что ты умерла. Я не могу поверить, что ты... — Он быстро заморгал.

— Послушай, все нормально. Клянусь тебе. Жизнь... ладно, она хорошо заканчивается, на самом деле. В смысле, я встретила свою сестру. Моих родителей. Некоторых пациентов, которых мы потеряли. Они все еще вокруг, только не там, где мы можем увидеть их... то есть, ты можешь увидеть. Но все в порядке, Мэнни. Ты не должен бояться смерти. Это просто шаг вперед.

— Да, но тебя здесь больше нет. Я вынужден жить без тебя.

Сердце защемило от его тона и мысли, что ничем не может облегчить его страдания. Было больно и потому, что она тоже потеряла его.

— Я действительно буду скучать по тебе, — сказала она.

— Я тоже. — Он снова потер лицо. — Я имею в виду... Я уже скучаю по тебе. Мне дурно от этого. На каком-то уровне... черт, я думал, что в конечном итоге мы будем вместе, ты и я. Чувствовал, будто это судьба. Черт, ты была единственной знакомой мне женщиной, которая была столь же жесткой, как я. Но да... думаю, этому не суждено было случиться. Планы мышей и людей, и всякое такое.

— Думаю, впереди тебя ждет кто-то лучше.

— О, да? Дай ее номер телефона перед тем, как отправиться на небеса.

Джейн слегка улыбнулась, потом стала серьезной.

— Ты же не станешь делать никаких глупостей, правда?

— Ты имеешь в виду покончить с собой? Неа. Но не могу обещать, что не уйду в запой на ближайшие два месяца.

— Только пей в одиночестве. Тебе нужно поддерживать репутацию сукина сына.

Он усмехнулся.

— Что бы подумало отделение.

— Точно. — Молчание растянулось. — Мне пора идти.

Он посмотрел на нее через всю комнату.

— Боже, кажется, будто ты действительно здесь.

— Меня нет. Это только сон. — Она начала исчезать, когда по щекам покатились слезы. — Прощай, Мэнни, мой любимый друг.

Он поднял руку и проговорил сквозь сжатое горло:

— Возвращайся, навещай меня иногда.

— Может быть.

— Пожалуйста...

— Мы увидимся.

Забавно, но когда она растворялась в воздухе, возникло странное предчувствие, что они еще встретятся.

Да, это было странно. Напоминало предвидение автомобильной аварии, и то возникшее чувство, что она больше не появится в Святом Франциске. Она знала, что их с Мэнни Манелло дорожки однажды пересекутся.

Эта мысль утешила ее. Она не хотела оставлять его позади. На самом деле.

Неделю спустя...

Вишес снял горячий шоколад с плиты и выключил конфорку. Наливая напиток в кружку, он услышал визг и «О, мой Бог!».

В другом конце кухни он увидел Рейджа, который наполовину стоял в Джейн, будто она была заводью, которую он преодолевал вброд. Оба отскочили друг от друга, когда Вишес оскалил зубы и зарычал на своего брата.

Рейдж поднял руки.

— Я не видел ее! Честно!

Джейн рассмеялась.

— Это не его вина. Я не сконцентрировалась, и начала исчезать...

Ви оборвал ее.

— Рейдж будет более осторожным, не так ли, брат мой?

Либо так, либо, в конце концов, парень окажется на вытяжке.

— Да, конечно. Черт.

— Рад, что ты понимаешь меня. — Подхватив кружку, Вишес протянул ее Джейн. Когда она подула на содержимое, он поцеловал ее в шею. Потом потерял носом.

Для него она осталась такой же, какой была всегда, но для других стала чем-то иного рода. Она носила одежду, но если не поддерживала свою плотность, и кто-то врезался в нее, то ткань сжималась, словно под ней ничего не было, и повстречавшийся на пути проходил сквозь нее.

Это было немного странно. К тому же, если это случалось с одним из его братьев, то у Ви срабатывал собственнический рефлекс, подобно только что произошедшему инциденту. Но в этом заключалась их новая реальность, с которой столкнулись все обитатели. Переход в новое состояние, стал для них с Джейн шагом в неизведанное, к тому же, он не всегда проходил без осложнений.

Но кого, мать его, это заботило? Они получили друг друга.

— Так, ты собираешься в Безопасное Место сегодня? — спросил он ее.

— Да, мой первый день на новой работе. Не могу дождаться! — Глаза Джейн засияли. — Потом я вернусь сюда, чтобы сделать заказы на оборудование для моего медпункта. Я решила, что возьму двух додженов и обучу на медбратьев. Думаю, исходя из целей безопасности, это будет лучшим решением...

Пока Джейн рассказывала о своих планах на кабинет физиотерапии для Братства и о том, что именно собиралась сделать для Безопасного Места, Ви начал улыбаться.

— Что? — спросила она. Оглядев себя, она отряхнула свое белое пальто, потом осмотрела себя сзади.

— Иди сюда, женщина. — Он притянул ее к себе, и опустил свою голову. — Я говорил, как сексуален твой мозг?

— Сегодня днем тебя больше интересовали другие части тела, так что нет.

Он рассмеялся над ее ухмылкой.

— Я был немножко занят, не так ли?

— Ммм, да.

— Я позже загляну в Безопасное Место, не возражаешь?

— Здорово. У Мариссы возникла проблема с сетью, и она хотела обсудить ее с тобой.

Не осознавая, что делает, он притянул ее ближе, в свои объятия. Он хотел именно этого смещения жизней, этой близости, общей цели. Они вдвоем, вместе.

— Ты в порядке? — спросила она тихо, чтобы никто больше не услышал ее.

— Да. Да. Со мной все хорошо. — Он прижался губами к ее ушку. — Просто... Я не привык к этому.

— Привык к чему?

— Чувствовать... черт, не знаю. — Ви отстранился, потрясенный своей сентиментальностью. — Не бери в голову...

— Ты не можешь привыкнуть к ощущению, что все в порядке?

Он кивнул, потому что не доверял сейчас своему голосу.

Она положила ладонь на его лицо. — Ты привыкнешь к этому. Так же как и я.

— Господин? Прошу прощения?

Ви оглянулся на Фритца.

— Эй, приятель, что такое?

Доджен поклонился.

— Я достал то, что вы просили. Оставил в фойе.

— Отлично. Спасибо. — Он поцеловал Джейн. — Так, я увижу тебя позже?

— Конечно.

Уходя, Ви ощущал ее взгляд на себе, и ему нравилось это. Ему нравилось все. Ему...

Вот блин. Его просто переполняли оптимизм и энергия, ага?

Выйдя в фойе, он нашел то, что оставил ему Фритц, на столе у подножия парадной лестницы. Сначала он не был уверен, с какой стороны... он не хотел повредить ее. В итоге, он осторожно устроил ее в своих ладонях и прошел в библиотеку. Закрыв двойные двери усилием мысли, он отправил прошение на Другую сторону.

Да, конечно, он не оделся надлежащим образом, но, с другой стороны, он был немного озабочен тем, что находилось в его руках.

Получив разрешение, он материализовался во дворе Девы-Летописицы и был встречен той же Избранной, что и в прошлый раз, когда приходил сюда. Амалия начала кланяться, но тут же поднялась, когда от аккуратно сложенных ладоней донеслось чириканье.

— Что вы принесли? — прошептала она.

— Маленький подарок. Ничего особенного. — Вишес подошел к белому дереву с белыми цветами и раскрыл ладони. Попугайчик вылетел на свободу и забрался на ветку, будто знал, что теперь это его дом.

Ярко-желтая птица прошла взад-вперед, его маленькие лапки сжимали и отпускали бледную ветвь. Он поклевал цветок, выпустил трель... поднял лапку и почесал шею.

Уперев руки в бедра, Ви оценил, как много было пространства между цветами на ветках. Ему придется принести целый вагон этих птиц.

Голос Избранной переполняли эмоции.

— Она отдала их ради тебя.

— Да. И я принесу ей других.

— Но жертва...

— Была принесена. Сейчас на дереве сидит подарок. — Он посмотрел через плечо. — Я собираюсь заполнить его, нравится ей это или нет. Пусть сама решает, что потом с ними делать.

Глаза Избранной излучали благодарность.

— Она оставит их. И они будут оберегать ее от одиночества.

Ви сделал глубокий вдох.

— Да. Хорошо. Потому что...

Он замер, и Избранная нежно сказала:

— Вы не обязаны объясняться.

Он прочистил горло.

— Так ты передашь ей, что они от меня?

— Мне не придется. Кто, если не сын, способен на такую доброту?

Вишес перевел взгляд на одинокую желтую птицу посреди белого дерева. Он представил, что однажды ветви наполнятся снова.

— Верно, — ответил он.

Ничего больше не сказав, он дематериализовался назад к дарованной ему жизни...

И сейчас, впервые он был благодарен за свое рождение.

Мстить (в оригинале «ahvenge» — искаженное «avenge», англ. — мстить) — совершать акт морального воздаяния (как правило, действие выполняется любящим мужчиной). Слово Древнего Языка.

Братство Черного Кинжала — профессиональные воины-вампиры, защищающие свой вид от Общества Лессинг. Рожденные путем тщательной селекции, братья обладают огромной физической и умственной силой, наравне со способностью к быстрому выздоровлению. Большинство членов братства не являются родственниками, попадая в него по рекомендации других членов. Агрессивные, самоуверенные и скрытные по натуре, они живут отдельно от гражданских вампиров, редко контактируя с представителями других классов, за исключением времени, когда вынуждены питаться. Они герои легенд, и пользуются большим уважением в своем мире. Братья могут погибнуть лишь от очень серьезных ран: например, от выстрела или удара ножом в сердце.

Раб крови — мужчина или женщина вампир, поработанный для удовлетворения жажды другого вампира. Подобное рабство было практически повсеместно искоренено, хотя и не считалось противозаконным.

Избранные — женщины-вампиры, рожденные для услужения Деве-Летописице. Они рассматриваются как часть аристократии, хотя сосредоточены в большей степени на духовной сфере, чем на светской жизни. Они практически не общаются с представителями противоположенного пола, и могут выходить замуж лишь за членов Братства, чтобы продлевать свой род. Обладают даром предвидения. В прошлом они использовались для удовлетворения нужд в крови неженатыми братьями, но позже эта традиция была забыта.

Состязание (в оригинале «cohntehst» — искаженное «contest», англ. — соревнование, состязание, бой, соперничество) — конфликт между двумя мужчинами за право назвать определенную женщину своей парой. Слово Древнего Языка.

Дхунхд — ад.

Глава (Лидер) — человек, обладающий властью и влиянием.

Доджен — член класса слуг в мире вампиров. Поведение доджена основывается на старинной консервативной традиции, описывающей службу своему хозяину, формальную одежду и правила поведения. Они могут выходить на дневной свет, но подвержены «преждевременному» старению. Продолжительность их жизни составляет примерно пятьсот лет.

Забвение — мир вне времени, в котором умершие встречаются со своими любимыми в вечности.

Хранитель — (в оригинале «ghardian» — искаженное «guardian», англ. — страж, защитник, хранитель, опекун) личный хранитель. Хранители имеют разные статусы, самым влиятельным из которых, является хранитель отстраненной женщины. Слово Древнего Языка.

Глимера — (в оригинале «glymera») — ядро аристократии, примерно эквивалентное светскому обществу Англии эпохи Регентства. Русский вариант — транслитерация оригинального слова, потому что транскрипция звучит уж больно коряво)).

Хеллен — женатый мужчина-вампир (у мужчины в качестве пары может выступать не одна женщина).

Общество Лессинг — орден убийц, собранных Омегой для уничтожения вампиров как вида.

Лессер — человек без души (мужчина), являющийся членом Общества Лессинг, избравший

своей целью уничтожение вампиров. Лессеры живут вечно, их можно уничтожить лишь ударом ножа в грудь. Они не испытывают жажды или голода и являются импотентами. Со временем их кожа, волосы и радужки глаз теряют пигментацию. Они пахнут детской присыпкой. Вступая в Общество под бдительным оком Омеги, они получают керамические сосуды, в которых хранятся их сердца, вырезанные во время обряда инициации.

Мамэн — мать. Слово используется и в качестве идентификатора, и в качестве ласкового, уважительного обращения.

Мис — маскировка окружающей среды; иллюзорное явление.

Налла — ласковое обращение, означающие «возлюбленная».

Период жажды — репродуктивный отрезок жизни женщины-вампира, длящийся, как правило, два дня и сопровождающийся повышением сексуального желания. В первый раз наступает через пять лет после превращения, затем — каждое десятилетие. На «зов» реагируют все мужчины-вампиры, находящиеся рядом с женщиной. Это время может стать очень опасным из-за конфликтов соревнующихся мужчин, особенно в том случае, если женщина не замужем.

Омега — отлицетворяющая зло, мистическая личность, избравшая своей целью уничтожение вампиров из-за разногласий с Девой-Летописцей. Обитает в некоем вневременном пространстве. Обладает огромной силой, не связанной, впрочем, с силой творения.

Принцепс — высшая ступень аристократии, в социальной иерархии располагающаяся за королевской семьей и Избранными. Этот титул передается лишь по наследству и не может быть дарован.

Рит — ритуал искупления вины, предлагаемый лицом, которое нанесло оскорбление. Если предложение принимается оскорбленной стороной, оскорбивший подвергается наказанию оружием, выбранным оскорбленным, и не имеет права защищать себя.

Дева-Летописца — мистическая сила, являющаяся советником короля вампиров, хранителем архивов и распределителем привилегий. Обитает в некоем вневременном пространстве и обладает огромной силой. Способная на единственное творение, она создала расу вампиров.

Отстранение — (в оригинале — «sehclusion», искаженное «seclusion», англ. — отделение, изоляция, уединение) статус, налагаемый королем на женщину аристократического происхождения по просьбе ее семьи. Ставит ее в подчинение воле хранителя, которым, как правило, становится старший мужчина в роду. Хранитель имеет законное право контролировать все аспекты ее жизни, ограничивая по своей воле любые взаимодействия с внешним миром.

Шеллан — замужняя женщина-вампир (как правило, имеет лишь одного мужа из-за собственнической натуры мужчин-вампиров).

Симпат — (в оригинале «symphath») подвид вампиров, характеризующийся, помимо прочего, желанием и способностью к манипулированию эмоциями других людей (в целях энергетического обмена). Исторически выделялись из основной расы и на протяжении нескольких эпох были объектом охоты остальных вампиров. Подвид близок к вымиранию.

Талли — ласковое слово, в свободном переводе означающее «дорогая», «любимая».

Гробница — священное хранилище Братства. Используется в качестве места проведения ритуалов (вступление в Братство, похороны, дисциплинарные меры). Там же хранятся сосуды лессеров. Входить туда могут лишь братья, Дева-Летописца и кандидаты на вступление.

Трэйнер — обращение, используемое среди мужчин для выражения взаимного уважения и привязанности. Примерно эквивалентно «дрожащему другу».

Превращение — критический момент в жизни вампира, когда он или она превращается во взрослого. После этого они должны пить кровь от представителей противоположенного пола и не могут переносить дневной свет. Происходит примерно в двадцать пять лет. Некоторые не

переживают превращение, в большинстве случаев, — мужчины. До перехода в зрелость, вампиры физически слабы, сексуально неактивны, невосприимчивы и неспособны дематериализоваться.

Вампир — член вида, отделившегося от Homo sapiens. Чтобы выжить, вампиры должны пить кровь от противоположного пола. Человеческая кровь поддерживает их, однако, сила, полученная из нее, не сохраняется надолго. После превращения, происходящего в возрасте двадцати пяти лет, они неспособны выйти на солнечный свет и должны регулярно питаться от вены. Человек не может превратиться в вампира посредством укуса или через переливание крови. В редких случаях, вампиры зачинают детей с представителями других видов. Вампиры могут дематериализоваться по своему желанию, хотя для этого требуется успокоиться и сконцентрироваться, а также не нести с собой ничего тяжелого. Они могут лишить людей воспоминаний, при условии, что данные воспоминания краткосрочны. Некоторые вампиры читают мысли. Продолжительность их жизни составляет более тысячи лет.

Прошедший — умерший, но вернувшийся из Забвения живым. Пользуется всеобщим уважением и почтением.

Уорд — (в оригинале «whard» — искаженное «ward», англ. — опека, охрана, защита) — статус, соотносимый с понятием «крестной матери» или «крестного отца».

Эрос — (в оригинале «ehros» — искаженное «eros») — Избранная, тренируемая в области сексуальных искусств.

Первая семья — Король и королева вампиров, их дети.

Лулен — дар.

Лидж — (в оригинале «lheage» — искаженное «liege», англ. — мастер, господин) — так уважительно называют доминанта подчиняющиеся.

Ньюлинг — девственница.

Пирокант — употребляется относительно чей-то слабости, которая может быть как внутренней (зависимость), так и внешней (любимый).

Аттендант — (в оригинале «attendhente» — искаженное «attendant», англ. — обслуживающее лицо, служитель) — наиболее приближенная к Деве-Летописице Избранная.

Ральман — спаситель.

Отрывок из Insider's Guide

Вишес, сын Бладлэттера

«Вишес, ты не мог бы перестать скалиться? Ты начинаешь меня бесить».

Возраст	304 года
Принят в Братство Черного Кинжала	В 1739 году
Рост	198 см
Вес	117,7 кг
Цвет волос	Брюнет
Цвет глаз	Белая радужка с темно-синей каймой
Отличительные физические черты	Метка братства в форме звезды в левой части груди; татуировка на правом виске; татуировки в области паха и на бедрах; имя Джейн на Старом Языке, вырезанное на плечах; частично кастрирован; на правой руке всегда носит черную перчатку; эспаньолка.
Отметки	Рожден Девой-Летописецей, на правой руке носит ее сияние — сильнейший источник энергии, способный к значительным разрушениям.
Предпочитаемое оружие	Правая рука
Описание	Пообщавшись с Ви на вечеринке, она прониклась к нему симпатией. Он был из тех умников, что обычно не имеют ни капли обаяния, но этому воину повезло: шарм сочетался с интеллектом. Он был сексуальным, умным, властным — женщины хотят рожать детей от таких мужчин, только чтобы позаботиться о геномном материале. Ей было интересно, почему он носит ту черную кожаную перчатку. И что значила татуировка у него на виске. Может, ей стоит спросить об этом, если подвернется удобный случай. Вечный любовник (в переводе от Dojdlivaja)
Супруга	Доктор Джейн Уиткоум

Персональный опросник

Последний фильм, который ты смотрел	«Флика» с Дакотой Фаннинг
Последняя книга, которую ты читал	«Тайна старинных часов» Кэролин Кин
Любимое телешоу	«Золотые девушки»
Последнее просмотренное телешоу	«Молодые и дерзкие»
Последняя игра, в которую ты играл	«Один поросенок пошел на базар...» 155
Самый большой страх	Быть в одиночестве в темноте
Самая большая любовь	Вязание
Любимая цитата	«Самолет! Самолет!» 156
Боксеры или плавки?	Трусики
Часы	Женские Seiko
Машина	нет машины, езжу на Vespa 157
Сколько сейчас времени?	01:16 ночи
Где ты?	В ванной
Что на тебе надето?	Ванильно-кокосовая пена
Что у тебя в шкафу?	Цветочные принты, ничего полосатого (хиппую по-маленьку), лодочки 16 размера, и ящик, полный белья от Spanx
Что ты ел в последний раз?	Целую коробку трюфелей из темного шоколада от Lindt. Похоже, скоро у меня начнется жаждущий период. Я всегда обедаюсь прямо перед его началом.
Опиши свой последний сон	Я был на цветущем поле, бегал...нет, резвился... с единорогом, хвост и грива которого были розовыми. У меня были тонкие крылышки и волшебная палочка и, где бы я ни пробегал, повсюду оставлял облака волшебной пыли.
Кола или Пепси?	Оранжад
Одри Хепберн или Мерлин Монро?	Одри, потому что я хочу быть ею.

Кирк или Пикар¹⁵⁸?	Рикер. Эспаньолка это ТАК привлекательно.
Футбол или бейсбол?	Я не интересуюсь спортом. Как представлю, сколько в итоге будет стирки... пятна от травы и грязь. Нет, правда.
Самая сексуальная часть тела твоей женщины	Ее ящик с нижним бельем
Что тебе больше всего нравится в Джейн?	То, как она полирует мои ногти.
Лучший друг (исключая шеллан)	Рейдж. Определенно, Рейдж. Он самый сильный и умный вампир, какого я когда-либо встречал. Я его боготворю. На самом деле, я создам культ, посвященный ему, ибо все должны знать, насколько он идеален.
Когда в последний раз ты плакал?	Вчера. Противный Бутч взял мои вязальные спицы и спрятал их. Я свернулся калачиком на кровати и прорыдал НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ.
Когда ты в последний раз смеялся?	Вчера, когда...

Далее ответ написан от руки:

На самом деле, это было десять минут назад, когда я выбил из Рейджа неиссякаемое дерьмо за то, что он испоганил мою анкету, спасибо ему большое. Вот придурок. Ниже мои настоящие ответы и, между прочим. Дакота Фанинг не играла во «Флике»... и я знаю это потому, что видел обложку DVD, а не потому, что смотрел это чертово кино.

Последний фильм, который ты смотрел	«Добровольцы поневоле» с Биллом Мюреем (клевым фильм. Рейдж, конечно, идиот, но в фильмах разбирается)
Последняя книга, которую ты читал	«Истории про червячка Лоули» Ричарда Скарри (читал Налле)
Любимое телешоу	CSI (конечно про Лас Вегас) или House, если вы имеете в виду херню типа сериалов. Если нет, то SportsCenter.
Последнее просмотренное телешоу	Какую-то дебильную серию Коломбо с Бутчем (на самом деле, серия очень даже ничего, только ему не говорите)
Последняя игра, в которую ты играл	Пристегивал хвост к заднице — догадайтесь, кто был за осла
Самый	Больше ничего. Самое плохое, что могло со мной случиться, уже случилось.

большой страх	Сейчас я не беспокоюсь об этом.
Самая большая любовь	[пропущено]
Любимая цитата	«Рейдж — чертов балабол!»
Боксеры или плавки?	коммандо ¹⁵⁹
Часы	Nike sport черные
Машина	черный Эскалейд, делюсь с копом
Сколько сейчас времени?	21:42.
Где ты?	В Яме, за моими Четырьмя игрушками
Что на тебе надето?	Кожаная маска, кляп, ошейник, латексный костюм, наручники и несколько металлических зажимов (если хорошо попросите, расскажу где именно). Шучу. Черная майка и нейлоновые штаны.
Что у тебя в шкафу?	Кожаные штаны, футболки, ботинки и оружие
Что ты ел в последний раз?	Только что откусил Рейджу голову. Это считается?
Опиши свой последний сон	Он был о Ривендже. Поэтому, вас это не касается, верно?
Кола или Пепси?	Кола
Одри Хепберн или Мерлин Монро?	Ни та, ни другая
Кирк или Пикар¹⁶⁰?	Оба
Футбол или бейсбол?	Бейсбол.
Самая сексуальная часть тела твоей женщины	Отвечу, что самое сексуальное в Джейн — хватка
Что тебе больше всего нравится в Джейн?	Ее ум
Твои первые слова, сказанные ей	«Ты собираешься меня убить?»

Ее ответ на них «Нет»	
Последний подарок, который ты ей сделал	Ничего особенного
Твой самый романтический поступок	<p>Не касается никого, кроме Джейн. Не делаю ничего романтического. Слишком сентиментально.</p> <p>Не знаю. Как я уже говорил, не романтичный я. Черт... ну, я думаю, что это то, что она сделала с тем, что я сделал для нее, ничего особенного. Просто ожерелье из золотых звеньев, которые... ну, по какой-то причине ей нравится мое имя. Как оно произносится. Вот я и взял буквы Древнего Языка и выковал звенья. Я хотел сделать, чтобы цепочка вышла тонкой и не висела петлей на ее шее, но одновременно буквы оставались читаемыми... черт, ушла вечность на то, чтобы правильно подобрать вес и дизайн. В итоге я дважды подобрал свое имя, но у цепочки все равно не хватало длины. Поэтому я добавил ее имя посередине, так что бы она была окружена мной. В любом случае... она никогда ее не снимает. Все.</p>
Ее самый романтический поступок	
Что бы ты хотел в ней изменить?	Да, но это личное.
Лучший друг (исключая шеллан)	Бутч. Потом этот придурок Рейдж. Плюс я неплохо лажу с Рофом, когда мы не пытаемся прибить друг друга.
Когда в последний раз ты плакал?	Ага, разбежался отвечать
Когда ты в последний раз смеялся?	Только что. Накостылять Рейджу было забавно. Я даже улыбнулся.

Господи, с чего же начать.

Бесспорно, Вишес стал самым худшим писательским опытом за всю мою жизнь. Изложение его истории на бумаге было ужасной пыткой, когда я в первый и единственный раз подумала о том, что не хочу работать.

Все «почему» довольно сложные и запутанные, я поделюсь с вами тремя из них.

Прежде всего, каждый из братьев занимает отдельное место в моей голове, и они по-разному выражают себя и свои истории. Роф — очень властный и прямолинейный, мне приходится постоянно нестись сломя голову, чтобы угнаться за ним. Рейдж — вечный шутник, даже когда происходит что-нибудь серьезное, из него все равно где-то сбоку вылезает Гуффи¹⁶¹. Зейдист — скрытный, подозрительный и холодный, но мы всегда отлично ладили. Бутч — это целая вечеринка, плюс куча разговоров о сексе.

Ви? Вишес является и всегда был, уж извините за прямоту, таким самодовольным болваном. Замкнутым в себе, настороженным хреном, который меня терпеть не может.

Переносить его историю на бумагу было сущим кошмаром. Каждое слово давалось с боем, особенно когда дело доходило до первого черновика. Большую часть времени я ощущала себя так, как будто выбиваю предложения из горной породы детским молоточком или выцарапываю их оттуда вилкой для салата.

Знаете, для меня написание черновика романа всегда состоит из двух частей. Картины, которые в моей голове направляют историю, но мне также необходимо слышать и ощущать, что происходит, пока я пишу. Обычно это означает, что я ставлю себя на место братьев или их шеллан и переживаю все сцены так, будто это события из моей жизни, независимо от того, чье мнение я выражаю. Для этого я проигрываю сцены туда-сюда, перематываю их, как DVD, и записываю, записываю, записываю, пока мне не покажется, что я охватила все по максимуму.

Вишес не дал мне практически ничего, с чем можно было бы работать, потому что я никак не могла влезть к нему в голову. Сцены, которые касались других героев, были в полном порядке, а вот те, что с ним? Как бы ни так. Я могла наблюдать за ним лишь издалека, но так как большая часть книги описывается с его точки зрения, порой мне хотелось разбить голову о клавиатуру.

Послушайте... Да, это все вымысел. Да, это все происходит в моей голове. Только вот, верите вы или нет, если я не могу глубоко погрузиться в героя, я чувствую, будто начинаю сочинять, а это очень плохо. Честно говоря, я не до такой степени умна, я не могу что-то делать правильно, основываясь лишь на догадках. Я должна побывать в шкуре персонажа, чтобы все сделать правильно, и то, как Ви захлопнул дверь перед моим носом, стало причиной всех моих творческих страданий.

Ну, в конце концов, перелом наступил. Об этом чуть позже.

Вторая причина, по которой «Освобожденный любовник» стала трудной для написания книгой, заключается в том, что ее содержание заставляло меня нервничать. Я не была уверена, что литературный рынок примет подобное. В частности меня тревожили две вещи: Бисексуальность и БДСМ (связывание, доминирование, садомазохизм). Такие темы не каждый сможет спокойно воспринять, даже с точки зрения сюжетной линии произведения, и тем более, когда это касается главного героя книги. Но это еще не все. Более того, Ви частично кастрирован и совершил насильственные действия по отношению к мужчине после того, как выиграл свой первый бой в военном лагере.

Дело в том, что сложная сексуальная природа Ви имеет влияние на его повседневную жизнь, включая его отношения с Бутчем и Джейн. Я посчитала, что для того, чтобы правильно

показать его, я должна представить все его стороны.

В первом черновике «Освобожденного любовника» я настолько консервативно обыграла сюжет, что книга получилась какой-то плоской. Я очень поверхностно описала сцену связывания с Ви и Джейн, перед тем, как он отпустил ее, и я почти ничего не оставила между ним и Бутчем.

В процессе, я полностью нарушила свое правило номер два («Пиши Вслух»). И, вот сюрприз, результат получился таким же привлекательным, как кучка мертвых окуней, валяющихся на пирсе жарким летом — ничего не двигается и воняет. Я неделю или даже больше томилась, экала и мэкала, полностью посвятив себя сценам с участием Джона Мэтью и Фьюри. В глубине души я знала, что должна, в конце концов, прыгнуть с этого обрыва и обозначить некоторые границы, но была утомлена и лишена вдохновения от безуспешных усилий и попыток выяснить, что творится у Ви в голове.

Беседа с моим редактором стала крепким пинком под зад, и я снова вернулась в игру. Мы обсудили мучавшие меня моменты, и ее позиция была проста «Просто сделай это: пиши так, как тебе хочется, и посмотрим, что получится на бумаге».

Как всегда, она была права. На самом деле, идея, которую она подала мне в тот день, была той же, что и в эпоху Темного Любовника: «Пиши по максимуму, заходи так далеко, как можешь, а уже потом мы дадим этому оценку».

Вернувшись к рукописи, я была стопроцентно готова перелопатить весь текст, и как же сильно я удивилась, когда в конечном итоге изменения пришлись всего на три сцены. Две из них были с Бутчем и Ви, я обновила содержание на страницах 209 и 369 соответственно, а затем я добавила сцену с Ви в военном лагере, она описана на странице 287.

Остальные изменения и дополнения были незначительными, но полностью изменился тон взаимоотношений Бутч/Ви — это доказало, что даже маленькая коррекция приносит свои плоды. Возьмем, к примеру, первые страницы 13 главы (стр. 135). Бутч и Ви вместе в постели, и Ви лечит Бутча после его стычки с лессером. Если бы вы прочитали второй, третий, четвертый и пятый параграфы моего первого варианта, то заметили бы, что Ви признается себе, что ему требуется успокоение в форме другого теплого тела рядом с его. И это не обязательно тело Бутча, и нет никакого намека на секс. Здесь дело в элементарном комфорте:

«После визита матери и пулевого ранения, он жаждал близости другого человека, ему было необходимо чувствовать руки, которые обнимут в ответ. Биение сердца напротив его собственного».

Он так долго не протягивал руки другому человеку, так долго держался в стороне. Он снял щиты рядом с единственным человеком, которому доверял, и от этого защищало глаза».

Во втором варианте я добавила вот эти два параграфа:

«Бутч растянулся на постели, и Ви со стыдом, признался себе, что провел много дней, представляя: на что это будет похоже? Что он почувствует? Что он будет обонять? Теперь, когда это стало реальностью, он был рад, что ему пришлось сосредоточиться на исцелении Бутча. В противном случае, он бы чувствовал ненужное напряжение, и ему пришлось бы отстраниться».

«Бутч зашевелился, его ноги легко касались ног Ви через одеяло. Ви почувствовал укол вины, вспомнив, сколько раз он представлял себя с Бутчем — в объятиях, так, как сейчас, размышлял о...ну, лечение не было и половиной тех мыслей».

Так получилось гораздо честнее по отношению к происходящему. И намного лучше. Я могла бы пойти еще дальше, но было достаточно и этого... в продолжение я добавила несколько предложений, чтобы прояснить для читателя, что теперь объектом желаний Ви была Джейн.

Вот такие были проблемы с написанием. Книги для меня как корабли, курсирующие в океане. Незначительные, постепенные изменения могут возыметь серьезные последствия для траектории и конечного пункта назначения. И единственный способ сделать все правильно — это постоянно перечитывать, перепроверять, удостоверяться в том, что то, что написано на странице, приведет читателя туда, куда надо. Как только я внесла эти изменения (существует целый ряд других мест, где я немного подправила, в том числе, например, сцена с кинжалом в начале книги, где Бутч поднимает Ви подбородок лезвием, которое для него Ви сделал), понять Ви для меня стало намного проще.

Итог? Я смотрю на весь это бардак, как на еще один пример правила номер восемь в работе: Как только я начинаю писать максимально приближенно к тому, что вижу в голове, письменный блок снимается.

А что насчет сцены в военном лагере, где Ви теряет свою девственность, взяв другого мужчину? Боже, мне было сложно представить, как люди будут относиться к нему после этого. Дело в том, что у него не было выбора, подобное было обычной практикой лагеря: после рукопашной схватки, проигравшие всегда подвергались сексуальному насилию со стороны победителей. Я решила, что главным здесь было показать, как можно более полно изобразить, те внутренние волнения Ви после того, как все закончилось, и доказать, что он никогда не сделал бы этого снова.

После того, как мой редактор прочитала новый материал и сказала, что ей нравится, я почувствовала огромное облегчение, но по-прежнему была обеспокоена возможной реакцией читателя. Надо мной, как над автором, всегда тяготеет такая вещь, как читательское мнение, но в крайне любопытной манере. Этот пресс как бы у меня в голове, потому что пока люди покупают книги, которые я пишу, забот у меня нет. Но дело в том, что я не могу писать, чтобы угодить читателям, потому что на самом деле я не так уж сильно контролирую свои истории. Самое лучшее, что я могу сделать, как я уже сказала, это всегда внимательно, уважительно и вдумчиво относиться к вызывающему содержанию. Я как бы живу этим девизом: главное не то, что ты делаешь, а как ты это делаешь.

Хотя, все это забавно. Я не предполагала, что негативная реакция о книге Ви будет касаться совсем другого момента.

Что подводит нас к теме Джейн.

Третья причина, по которой написание книги было столь мучительным, это то, что мой подход к Джейн был ошибочным с самого начала. Признаюсь, я была настолько озабочена Ви, что, несмотря на то, что у меня было много сцен с Джейн в первоначальном варианте, динамики в их отношениях было ноль. Проблема заключалась в том, что я воспринимала Джейн как холодного ученого. И получалось, что между собой взаимодействовали два слишком холодных персонажа, а это было так же интересно, как писать/читать список ингредиентов на консервной банке.

Хотя мой редактор все поняла правильно. Джейн была целителем, а не просто белым лабораторным халатом. Она была теплой, заботливой, сострадательной женщиной, которая представляла из себя больше, чем просто хранилище медицинских знаний и ноу-хау. На втором заходе с рукописью, я постучалась во внутренний мир Джейн, и отношения между ней и Ви запели, отражая даже больше чем то, что было в моей голове.

Как примечание, одна из первых сцен, которую я видела для Ви и Джейн перенесла меня в прошлое, в 2005 год, когда я писала «Пробужденного Любовника». Я вспоминала то время, и

образ Ви, который стоял у плиты, помешивая горячий шоколад, вдруг возник у меня в голове. Я смотрела, как он перелил то, что было в кастрюльке, в кружку и передал женщине, которая знала, что он собирается оставить ее. Потом я увидела ее, стоящую у кухонного окна, она смотрела на Ви, который уже был на улице, в тени уличного фонаря.

Это, конечно же, и стало сценой прощания, которая начинается на стр. 322 их книги.

Когда у меня в голове возникают сцены с братьями, они не всегда приходят в хронологическом порядке. Например, видения о Торе и о том, как он исчез, возникли у меня еще до того, как умерла Велси. Поэтому, в моменте «горячий шоколад» в «Освобожденном любовнике», меня застопорило, как же, черт побери, окончится история отношений Джейн и Ви. Дело в том, что я осознавала, что она человек, а мне хотелось для этой пары того же, что и для других — а именно, совместного многовекового будущего. Но Джейн — не вампир, и я понятия не имела, как все должно было произойти. К тому же мне было известно, что ее застрелят, потому что я была в курсе видений Ви — знала, что они означали, даже если этого не знал он сам...

Когда я делала наброски к пятой книге, я все думала и переживала: каким будет счастливый конец у этой пары. А что если его не будет вообще? Но когда я добралась до конца книги... то увидела Джейн стоящую в дверях Ви, в качестве призрака.

Ко мне пришло такое облегчение, что я даже разволновалась. Я подумала: О, это же здорово! Они будут вместе очень долго!

К сожалению, некоторые читатели не увидели это в таком положительном свете, и частично, я виню за это себя.

Обычно, когда я добираюсь до конца книги, я чувствую, что, хоть мне и хочется улучшить строчку за строчкой (я всегда чем-то недовольна и стремлюсь к совершенству), я все же уверена, что сами сцены и поток сюжетных линий вполне качественны. Я также почти уверена, что дала читателю достаточный объем информации и все основания для того, чтобы он мог видеть, где все начинается, что происходит потом, и как все заканчивается.

Что касается меня самой, то я настолько успокоилась по поводу будущего Ви и Джейн (ведь вопрос с продолжительностью ее жизни разрешился), что была абсолютно уверена, что читатель будет чувствовать то же самое. Моя ошибка заключалась в том, что я недооценила тот факт, что Джейн-призрак может быть проблемой для романтических отношений, и я не предполагала, что это будет проблемой для читателя. Я снова и снова думала об этой нестыковке (между тенденциями литературного рынка и моим внутренним радаром) и решила, что частично так произошло из-за моего старинного увлечения ужасами и фэнтэзи — ведь подобная развязка вполне соответствует тому миру, что описывается в книге, и решает проблему героя и героини. Я просто предположила, что это решение вполне подходящее.

Но есть еще кое-что: даже если бы я поняла, что это будет проблемой для некоторых читателей, я бы все равно не изменила конец истории, потому что иное было бы пустой отговоркой и ложью. Я пишу не для рынка, никогда не писала. Истории в моей голове — вот что главное, и даже у меня не всегда получается увидеть то, что мне хотелось бы чтобы произошло. С другой стороны, если бы я писала эту книгу еще раз, я бы добавила в конце страниц десять или больше, для того, чтобы показать как Ви и Джейн взаимодействуют друг с другом, показать то счастье, что они оба испытывают — чтобы для читателей стало стопроцентно ясно, что в понимании этой пары все закончилось очень хорошо.

Как я на это смотрю? Эта серия ставит столько границ, серьезных границ, но я всегда осторожна со всеми «как» и «почему». Я на самом деле стараюсь уважительно относиться к жанру, который дал мне литературный старт, и давно уже стал моим выбором при написании книги — мелодрама всегда была и будет основой каждой книги о Братстве.

На этой ноте... о Ви и Джейн, как о паре. Боже, какие они горячие. С ними я, конечно, не краснела так много, как тогда, когда писала о Бутче, хотя не знаю, было ли это потому, что коп вывел меня на новый уровень, или потому, что ожидала подобного от Ви.

Сцена, где Ви в своей постели, а Джейн устраивает ему ваннные процедуры с губкой, действительно эротична, и я видела ее очень четко. Особенно эту часть, где она, ах, подходит к определенному моменту:

«...а потом он издал низкий горловой стон и откинул назад голову, иссиня-черные волосы разметались на черной подушке. Его бедра устремились вверх, мышцы живота напрягались и расслаблялись, отчего татуировка в паху то растягивалась, то возвращалась на место.

— Быстрее, Джейн. Сейчас давай быстрее».

Для Ви, до появления Джейн, секс и эмоции не были связаны между собой. Фактически, за исключением Бутча, и, в некоторой степени, самого Братства, эмоции просто не были частью его жизни, и это понятно. Отрочество в военном лагере оставило в его с грузом ужасного душевного беспорядка, который он перенес в зрелость, и который отразился на его отношениях. Вопрос в том, что такого особенного было в Джейн — а до ее появления в Бутче?

Я думаю, что у Джейн и Бутча много общего с одной стороны, они оба большие умники. Возьмем, например, эту короткую сценку между Ви и Джейн, которая является одним из моих самых любимых диалогов из всех книг:

«— Я не хочу, чтобы ты приближалась к этой руке. Даже если она в перчатке.

— Почему...

— Я не буду это обсуждать. И даже не спрашивай.

Хорошооооо.

— Она чуть не прикончила одну из моих медсестер.

— Не удивлен, — он взглянул на перчатку. — Я бы ее отрубил при первой возможности.

— Не советовала бы.

— Еще бы. Ты понятия не имеешь, каково жить с таким кошмаром, заключенным в руке...

— Нет, я имела в виду, что на твоём месте поручила бы кому-нибудь другому отрезать ее.

Больше шансов, что это сделают как надо.

Последовало молчание, затем пациент хохотнул.

— Умная какая».

Я также думаю, что Ви влюбился в Джейн, потому что она сильная женщина с крепкими нервами. Это доказывает сцена ее похищения из больницы, особенно в том моменте, когда Рейдж закидывает ее на плечо, а Фьюри пытается успокоить, используя приемы контроля над разумом:

«— Тебе придется вырубить ее, брат мой, — сказал Рейдж, а затем проворчал: — Я не хочу причинять ей боль, а Ви сказал, чтобы она поехала с нами.

— Предполагалось, что это не операция похищения.

— Поздно, мать твою. А сейчас выруби ее, окей? — Рейдж снова стиснул зубы и изменил хватку, его рука оставила ее рот, чтобы поймать дерущуюся руку.

Ее голос раздался громко и четко:

— Да поможет мне Бог, я сейчас...

Фьюри взял ее за подбородок и поднял голову.

— Расслабься, — сказал он мягко. — Просто успокойся.

Он приковал ее взглядом и начал вводить в состояние покоя... в состояние покоя... в...

— Да пошел ты! — выплюнула она. — Я не позволю вам убить моего пациента!»

В тот момент, Джейн напоминает мне Бутча в «Темном Любовнике», когда тот приносит Бэт в особняк Дариуса и сталкивается лицом к лицу с братьями. Даже в меньшинстве, он все равно боролся. Так же и Джейн.

Я также считаю, что оба, Джейн и Бутч, стремятся нести в мир добро. Она хирург, Бутч — полицейский, эти двое настоящие герои — и Ви уважает их за это.

И наконец, я подозреваю, это относится ко всем братьям, здесь завязаны феромоны. Братья, да и все мужчины, с кем я сталкивалась до сих пор, связываются с объектом своего поклонения мгновенно и окончательно, как только оказываются с этим объектом рядом. Поэтому я могу предположить, что здесь срабатывает некий инстинктивный компонент, компонент влечения.

Но вернемся к Ви и Джейн. С моей точки зрения, один из самых сильных эмоциональных моментов в книге, это когда Ви позволяет Джейн доминировать над ним в его пентхаусе, прежде чем отпустить ее. Для него, поставить себя в зависимость от кого-то сексуально, учитывая то, что с ним сделали в ночь его превращения, когда его связали и частично кастрировали, является самым большим показателем доверия и отдачи, на которые он может решиться с другим человеком. Сцена, которая начинается на стр. 315, показывает, что впервые в жизни он сознательно выбирает быть беззащитным. В прошлом, в военном лагере, в качестве претранса, он был уязвим по физическим причинам и по сложившимся обстоятельствам. Поэтому всю дальнейшую жизнь он стремился никогда не сдаваться на милость кого-либо. С Джейн, однако же, он добровольно отдает себя во власть кого-то. Это признание в любви, и значит гораздо больше чем слова.

И опять же, это мой личный взгляд на сексуальные сцены. Да, происходящее между ними было жарковато, но это имело огромное значение для дальнейшего развития персонажей.

А теперь несколько слов о Деве-Летописице и Ви.

Хех, поговорим о проблемах отцов и детей? Когда Ви впервые появился на сцене в «Темном Любовнике», я знала, что его рука много значила, но понятия не имела, насколько она была важна, и каковы будут последствия. На самом деле, во время написания первых двух книг, я даже не представляла, что Вишес — сын Девы-Летописицы. Это как с Бу или гробами: Когда я вижу что-то действительно четко, я сразу вношу это в содержание, несмотря на то, что могу не знать, к чему это может относиться.

Осенило меня уже в «Пробужденном Любовнике»: белое свечение = Дева-Летописица. Ви светился белым. Поэтому Ви = Дева-Летописица. Я подумала, что это будет крутой поворот событий, и была большой умницей, что не растрезвонила этот факт по всему форуму или на раздаче автографов, и не позволила ширме, за которой хранятся все мои секреты, упасть. Честно говоря, когда я переделала кое-что в родословной Ви, я была удивлена, что никто больше не уловил этой связи (думаю, возможно, у кого-то была пара гипотез, но я уклонилась от объяснений).

В «Освобожденном любовнике», у Ви с матерью были очень тяжелые отношения, что вполне понятно, учитывая то, что она скрывала от него, и что заставляла его делать. Но все разрешилось, и для многих читателей стала та сцена, где Вишес приходит к своей матери в конце истории, стала любимой:

«— Что вы принесли? — прошептала она.

— Маленький подарок. Ничего особенного. — Вишес подошел к белому дереву с белыми

цветами и раскрыл ладони. Попугайчик вылетел на свободу и забрался на ветку, будто знал, что теперь это его дом.

Ярко-желтая птица прошлась взад-вперед, его маленькие лапки сжимали и отпускали бледную ветвь. Он поклевал цветок, выпустил трель... поднял лапку и почесал шею.

Уперев руки в бедра, Ви оценил, как много было пространства между цветами на ветках. Ему придется принести целый вагон этих птиц.

Голос Избранной переполняли эмоции.

— Она отдала их ради тебя.

— Да. И я принесу ей других.

— Но жертва...

— Была принесена. Сейчас на дереве сидит подарок. — Он посмотрел через плечо. — Я собираюсь заполнить его, нравится ей это или нет. Пусть сама решает, что потом с ними делать.

Глаза Избранной излучали благодарность.

— Она оставит их. И они будут оберегать ее от одиночества.

Ви сделал глубокий вдох.

— Да. Хорошо. Потому что...

Он замер, и Избранная нежно сказала:

— Вы не обязаны объясняться.

Он прочистил горло.

— Так ты передашь ей, что они от меня?

— Мне не придется. Кто, если не сын, способен на такую доброту?

Вишес перевел взгляд на одинокую желтую птицу посреди белого дерева. Он представил, что однажды ветви наполнятся снова.

— Верно, — ответил он.»

Дева-Летописецца не является одной из самых популярных сил в серии. Лично я уважаю ее, и то, что она жертвует одной из своих самых больших привязанностей (птицами), чтобы окупить дар, который дает своему сыну (возвращение Джейн) произвело на меня впечатление. Мне задавали вопрос, почему она просто не могла все исправить, например, в отношении Велси и Тора (даже Джон Мэтью поднял это вопрос), но дело в том, что она не является полным властителем мира, который создала. Здесь все в руках Судьбы — и в компетенции ее Отца, я так предполагаю.

В конце пятой книги Ви и его мать в какой-то степени примирились. Но еще предстоит увидеть то, что произойдет, когда на сцене появится близнец Ви — Пэйн. Не думаю, что Ви спокойно воспримет то, как обошлись с его сестрой — или тот факт, что мать никогда ранее о ней не упоминала.

Вот такой он, «Освобожденный любовник».

Говорят, что у каждого автора в ходе его карьеры находится пара книг, которые он называл бы изнурительными, и в моем случае это определенно книга о Ви. Каждая из книг о Братстве была уникальна по своей сложности, и преуспеть в их написании — это был каторжный труд. Я каждый день сражаюсь за компьютером, и всегда получаю взамен какое-нибудь небольшое вознаграждение, будь то диалог героев, который действительно поет, большое описание чего-либо, или по-настоящему хорошее окончание главы. С Ви, награды запаздывали, это точно. Их не было до того момента, пока я не закончила книгу. Тогда я откинулась назад на спинку стула и почувствовала, что да, вот так хорошо. Теперь все в порядке.

Я горжусь «ОЛ», и думаю, что книга вышла хорошая... И я просто очень рада, что брат, чья

история будет следующей, по своей природе настоящий джентльмен.

Что было бы, если бы он был похож на Ви?

Я не знаю, смогла бы я еще раз пережить подобную борьбу.

notes

Village People — американская диско-группа, образованная в 1977 году. Коллектив группы запоминается своими сценическими костюмами, среди которых полицейский, индеец, ковбой, строительный рабочий, байкер и морской пехотинец. Первоначально создавалась как группа, ориентированная на гей-аудиторию.

Тартамн — орнамент, образованный саржевым переплетением нитей, заранее окрашенных в разные цвета, в результате чего образуется клетчатый узор, состоящий из горизонтальных и вертикальных полос, а также прямоугольных областей, заполненных диагональными полосками.

Dhestroyer — производное от Destroyer — Разрушитель (англ.)

Грейс Келли — американская актриса, с 1956 супруга князя Монако Ренье III.

Шон Мимс — американский репер

Фусбол — настольный футбол

И-эс-пи-эн (ESPN) — канал кабельного телевидения, по которому круглосуточно показывают только спортивные передачи

Тако Хелл — переименование Тако Белл — сеть ресторанов мексиканской кухни.

Эрби — сеть ресторанов быстрого питания.

«Спортс иллюстрейтед» — Еженедельный иллюстрированный спортивный журнал, крупнейшее и самое популярное спортивное издание страны.

Дерек Джетер — бейсболист, игрок «Нью-Йорк Янкиз»

Лагавумлин — марка одного из известных шотландских односолодовых виски.

Popsicle — фруктовое мороженое на палочке

Лидж (транскрипция lheage) — так уважительно называют Доминанта (Верхнего) подчиняющиеся (Нижние). Производное от liege — мастер, господин.

Стивен Хокинг — один из наиболее влиятельных и известных широкой общественности физиков-теоретиков нашего времени.

Подчиняющийся, Нижний, Саб — ведомый, подчиненный партнер в паре, предпочитающий выполнять распоряжения и отдающий право на принятие за себя решений Доминанту. Сферы жизни саба, в которых право принимать решения передается Доминанту, устанавливаются с обоюдного согласия партнеров.

Мериуэзер Льюис и Уильям Кларк — возглавили первую сухопутную экспедицию через территорию США от атлантического побережья к тихоокеанскому и обратно.

Стоп-слово — обозначение системы кодовых слов, с помощью которых партнер в подчиненной роли может изменять течение сцены, предупреждая Верхнего о возможной опасности.

Ви практикует Domination & Submission (доминирование и подчинение) — неигровое господство и подчинение; отношения, в которых в результате предварительной договоренности присутствует неравноправие партнеров.

Доминант (применительно к мужчинам) — верхний. Партнер, выполняющий ведущую роль в паре, предпочитающий отдавать распоряжения подчиняющемуся партнеру.

Мис — маскировка окружающей среды.

Претранс — мужчина-вампир, не прошедший превращение.

Zsadist — производное от «sadist» — садист (англ.).

Смешанные боевые искусства представляют собой сочетание множества техник, школ и направлений. Являются полноконтактным боем с применением ударной техники и борьбы как в стойке, так и на полу.

Танк Шермана — основной американский средний танк периода Второй мировой войны.

Ривендж — производное от revenge — месть (англ.)

Любимый коктейль Джеймса Бонда — водка с мартини: «Смешать, но не взбалтывать».

Безопасное место — открытый Мариссой приют для женщин и детей, страдающих от домашнего насилия.

Rhym — производное от Rhyme — рифма (англ.)

Шрапнель — вид взрывчатого артиллерийского снаряда, предназначенный для поражения живой силы противника.

Холлмарк — крупнейшая в мире фирма по производству поздравительных и приветственных открыток "на все случаи жизни"

Primale — производное от primal — главный, ведущий (англ.)

Сенсорная недостаточность (также Сенсорная депривация) — частичное или полное лишение одного или более органов чувств внешнего воздействия. Сенсорная депривация используется в нетрадиционной медицине, психологических экспериментах, а также для пыток и наказаний.

Лоуренс Аравийский — британский офицер и писатель, сыгравший большую роль в Великом арабском восстании 1916–1918 годов. Лоуренс считается военным героем как в Великобритании, так и в ряде арабских стран Ближнего Востока.

Корона — пивная марка

Онанизм (сленг)

Лузерлэнд — loser-land — страна лузеров

Скиллеры — разновидность компьютерных игр

Икс-бокс — игровая приставка

ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение, «оплодотворение в пробирке», «искусственное оплодотворение»). Суть метода ЭКО состоит в следующем: яйцеклетку извлекают из организма женщины и оплодотворяют искусственно в условиях «в пробирке», полученный эмбрион содержат в условиях инкубатора, где он развивается в течение 2–5 дней, после чего эмбрион переносят в полость матки для дальнейшего развития.

Тапперуэр — товарный знак разнообразных пластиковых контейнеров для хранения пищевых продуктов

Текс-Мекс — теха́сско-мексика́нская кухня

Дампстер — контейнер для мусора

«Лига Плюща» — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования.

Микрофиша — карточка с несколькими кадрами микрофильма

Фибрилляция желудочков означает остановку кровообращения и равносильна смерти, если не проводить кардиореанимационные мероприятия.

Напомню, в 29 главе «Пробужденного любовника» Бутч объясняет нашим вампирам, сколько радости приносит картофельная пушка. Тогда же они с Ви договорились целиться в окна Фьюри.

Отделение интенсивной терапии

UK — сокp. от University of Kentucky, Университет Кентукки

«Мартовское безумие» — турнир Североамериканской студенческой лиги (NCAA) по баскетболу.

Duke — сокр. от. Duke University, Университет Дьюка. Главный соперник команды УК на турнире.

Военно-морские силы

Говорящая кукла

Американская медицинская ассоциация

Баньши — фольклорный персонаж: привидение-плакальщица, чьи завывания под окнами дома предвещают обитателю этого дома смерть

Грязный Гарри — Инспектор по прозвищу «Грязный Гарри» из одноименного фильма, который известен своими эффективными методами работы.

Шлакоблоки — строительные блоки (стеновые камни)

Фарфор Имари (Imari) известен с 17-го века и является своеобразной визитной карточкой Японии. Фарфоровые изделия, выполненные в этом стиле, украшают известные музейные и частные коллекции.

Вольфганг Пак — знаменитый Шеф-повар, уже 16 лет отвечает за приготовление праздничного ужина для участников церемонии вручения премии "Оскар"

выделяя гормоны стресса, надпочечники вбрасывают в кровь человека повышенное количество гормонов стресса (адреналина, кортизола и др.).

Форт Нокс (англ. Fort Кнох) — военная база в штате Кентукки, место хранения золотого запаса США.

Бладлеттер (англ... Bloodletter) — лицо, производящее кровопускание

Уолгрин (Walgreen) — крупнейшая аптечная сеть в США.

Биг Фарма (Big Pharma) — крупнейшие международные фармацевтические и биофармацевтические компании мира

Стокгольмский синдром — термин популярной психологии, взаимная или односторонняя симпатия, возникающая между жертвой и агрессором в процессе захвата и применения (или угрозы применения) насилия.

Rahlman — Спаситель

Фея Драже — персонаж щелкунчика.

Патрисия Херст (англ. Patricia Campbell Hearst) — внучка знаменитого Уильяма Рэндольфа Херста, американского миллиардера и газетного магната, жертва политического киднэппинга, террористка, судимая за ограбление банка.

Брэм Стокер — ирландский писатель. Автор романа «Дракула».

Луисвилл Слаггер — фирма по изготовлению бит, ловушек и других аксессуаров для бейсбола.

Зиг-Зауэр — фирма по производству карманных пистолетов.

Г — сокp. героин

Хосе Кансеко — бейсболист, бывший игрок дальней части поля и десятый игрок Высшей лиги.

Грязный Гарри — инспектор по прозвищу «Грязный Гарри» из одноименного фильма, который известен своими эффективными, но балансирующими на грани закона, методами работы. Очень хороший стрелок. Роль Гарри исполнил Клинт Иствуд.

Джерри Брукхаймера — американский теле- и кинопродюсер. На его счету Скала, Воздушная тюрьма, Армагеддон, Враг государства, Угнать за 60 секунд, Бар «Гадкий койот», Перл-Харбор.

«Блэк уотч» — Королевский хайлендский полк черная стража; мундиры полка шьются из темной шотландки

Янки — легендарная бейсбольная команда

Allstate Insurance — иностранная страховая компания

Сюрикены — метательные звездочки

Рокки Бальбоа — из кинофильма "Рокки", главную роль сыграл Сильвестр Сталонне.

Аквафина — популярная питьевая вода производства американской компании PepsiCo Inc (бутылки Аквафины наполняются из городского водопровода, а не из горных источников)

Nada (исп.) — Ничего.

Пъже (фр. Piaget) — фирма часов

Клайв Баркер — британский писатель-фантаст. Режиссер и сценарист, автор многих бестселлеров. Создатель фильмов «Восставший из ада», «Кэндимен».

Пила II — триллер 2005 года. Является сиквелом вышедшего в 2004 году фильма «Пила: игра на выживание», а также серии фильмов про «Пилу»

Милк Дадс — марка карамельных леденцов, покрытых молочным шоколадом.

Swedish Fish — жевательные конфеты в форме красных рыбок

Бетти Буп — персонаж рисованных мультфильмов, созданный Максом Флейшером. В первые годы, отличалась неприкрытой сексуальностью персонажа, что привлекло зрителей, но в итоге привело к закрытию проекта

Урбан Аутфиттерз — «Urban Outfitters» является главным детищем бизнесмена Ричарда Хэйна. Он открыл ее в 1970 году в Филадельфии. На прилавках «Urban Outfitters» можно встретить огромный ассортимент винтажной, богемной и ретро одежды.

Вельветовый Элвис — культовый вельветовый портрет Элвиса Пресли.

Нунчаки — восточное холодное оружие ударно-раздробляющего и удушающего действия, представляющее собой две короткие палки, соединённые шнуром или цепью

Roske — производное от rock — скала, утес (англ.)

Рокки Роуд (англ. Rocky Road) — вид мороженого, состоит из шоколадного мороженого, орехов и зефира)

«Четыре времени года» — Один из лучших и самых дорогих ресторанов Нью-Йорка. Славится американской и континентальной кухнями, а также десертами.

«Иштар» — Не очень удачная)комедия 1987 года с Уорреном Битти и Дастином Хоффманом в главных ролях. Не очень удачная)

ААП — Американской ассоциации пенсионеров

«Молчании ягнят»

Кларис Старлинг

Гертруда Стейн — американская писательница, феминистка, возможно лесбиянка.

«Аберкромби энд Фитч» — Американский магазин одежды

Сканнеры — фильм 1980-го г. Дэвида Кроненберга. По фильму, сканеры — люди, умеющие читать мозг других и умеющие убивать своим мозгом.

Джеффри Дамер (21 мая 1960 — 28 ноября 1994) — известный американский серийный убийца и каннибал, убивший и изнасиловавший 17 мальчиков и юношей в период между 1978-м и 1991-м годами.

Колди — сокр. Колдвелл.

Quaker State — марка американских смазочных материалов, которая является поставщиком для армии США и НАТО.

Резидентура в США — последипломная больничная подготовка врачей, предусматривающая специализацию в течение одного года интерном и в течение 3–5 лет резидентом

Брюс Уэйн — скрывается за маской Бэтмена мыши, миллиардер-промышленник, плейбой и филантроп

Маминатор — исключительно урдовский прикол, мама+терминатор =)))

Норман Роквелл — американский художник и иллюстратор. Он иллюстрировал материалы, посвященные гражданскому праву, борьбе с нищетой и исследованиям космоса.

NEC — транснациональная японская корпорация, производит информационную технику, оказывает услуги по проведению сетей.

Серкит-сити — крупнейшая сеть магазинов, продающих различную электронику, компьютеры, развлекательный софт и тд.

МонБлан — производитель дорогих письменных принадлежностей.

Гербер — детское питание.

ПБВ — Пропала без вести

Хью Хефнер — американский издатель, основатель и шеф-редактор журнала Playboy.

Делл — фирма-производитель ноутбуков

Джоан Кроуфорд — американская актриса немого и звукового кино. Умерла от рака 10 мая 1977 года, а через полтора года ее приемная дочь Кристина опубликовала книгу воспоминаний «Дорогая мамочка», в которой нарисовала весьма нелестный портрет Кроуфорд.

Георгианская архитектура — широко распространённое в англоязычных странах обозначение архитектуры, характерной для Георгианской эпохи, которая охватывает практически весь XVIII век.

«House Beautiful» — журнал по дизайну интерьеров, который посвящен отделке и украшению внутренних помещений.

Мамзилла — мать, чьи материнские инстинкты, такие как забота о других и, я-знаю-все-лучше-чем-все носят массовый и гигантский характер, что сильно раздражает других людей, вызывая желание не общаться с данным человеком ни минуты. Пошло от сочетание "мама" + "Годзилла". Синоним — Momster.

Неоспирин — мазь, вроде зеленки и йода, но мощнее. Содержит антибиотик, не позволяет размножаться микробам, плюс к тому же немного обезболивает и не дает ране засыхать и покрываться коркой.

Сара Бернар— легендарная французская актриса, которую в начале 20 века называли «самой знаменитой актрисой за всю историю»

VH1 — музыкальный телеканал

Филипп Кальвин МакГроу — известен как Доктор Фил, популярная телевизионная личность, автор, психолог, имеет свое одноименное шоу.

Джун Кливер — образцовая американская мать семейства из комедийного сериала «Проделки Бивера», снимавшегося в 1957–1963 годах; по мотивам сериала в 1997 году вышел полнометражный фильм.

Spike TV — Американский канал

NBC (Эн-Би-Си) — одна из трех крупнейших телерадиовещательная компаний США

CBS (Си-би-эс) — одна из трех крупнейших телерадиовещательных компаний США

1,65 cm

Напомним, Фьюри 230 лет.

2,01 м.

Героиня комиксов художника У. Марстона, мультипликационных и игровых фильмов; амазонка с Бермудских островов, обладающая фантастическими способностями, неуязвимая для пуль и вооруженная волшебным лассо.

Черити (англ. Charity) — благотворительность, любовь к ближнему.

Кевлар — Товарный знак упругого синтетического волокна (прочность в 5 раз превышает прочность стали).

«Игры разума» — биографическая драма Рона Ховарда по одноименной книге С. Назар. Фильм получил четыре «Оскара». Фильм рассказывает о жизни Джона Нэша — математика, лауреата Нобелевской премии по экономике 1994 года.

«Звуков музыки» — музыкальный фильм, снятый в 1965 году Робертом Уайзом, главную роль в котором исполнила Джули Эндрюс.

Джули Эндрюс — английская актриса, певица и писательница. Обладательница премий «Эмми», «Грэмми», «Золотой глобус» и «Оскар».

Ледерхозен — короткие (до колен) кожаные штаны, национальная одежда баварцев и тирольцев.

п/п — шоколадные батончики

«Брайтлинг» («Breitling») — это один из ведущих производителей швейцарских часов, прилагающий максимум усилий для производства часов высокого качества

Мотрин — нестероидный противовоспалительный препарат. Оказывает противовоспалительное, анальгетическое и жаропонижающее действие

Q-tips — ватные палочки для ушей

Роки Рoad — протеиновый батончик.

«Точка зрения» — Американское телешоу с Вуппи Голдберг, где женщины делятся своими проблемами.

Барбара Уолтерс — американская телеведущая, журналистка и писательница

Туше (Touché, аранц.) — эффектная реплика; ответ не в бровь, а в глаз. В фехтовании — есть! было! (восклицание фехтовальщика, признающего, что удар соперника достиг цели).

«Сумеречная Зона» — американский телевизионный сериал, созданный Родом Серлингом. Каждый эпизод является смесью фэнтези, научной фантастики, драмы или ужаса, часто заканчивающейся жуткой или неожиданной развязкой.

«Клорокс» (Clorox) — крупнейший производитель бытовых отбеливателей в США.

Монополия — настольная игра в жанре экономической стратегии для двух и более человек.

Виски

Перевод — Dojdlivaja

Один поросенок пошел на базар.
Один поросенок остался дома...
Кто-то жаркое третьему дал
Ничего не досталось другому
Пятый с плачем куда-то бежал:
— не найду я дорогу к дому!

«Самолет! Самолет!» — фраза из сериала «остров Фантазий» 1998 года.

Vespa — культовый итальянский мотороллер.

Персонажи сериала «Звездный путь»

Без бельч

Персонажи (капитаны) вселенной «Звездного пути» («Стар Трека»).

Гуффи — мультяшный герой, добродушная собачка.